«МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»

Публикации Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова

ВЫПУСК 6

КАЗАХСТАН И РОССИЯ: ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Редактор - составитель Д.Е.Фурман

Москва
«Издательство ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»
2004

ББК 8.1
К 14

Ответственный редактор-составитель –
доктор исторических наук профессор *Д.Е. Фурман*

Книга написана и опубликована по заказу и на средства
Фонда Андрея Сахарова (США)
и его президента г-на Эдварда Кляйна

К 14 **Казахстан** и Россия: общество и государство. – М.: «Права человека», 2004. – 522 с.

Данная книга – сборник статей авторов из России, Казахстана и других стран. В ней рассматриваются вопросы постсоветского развития Казахстана, анализируются причины сходства и различий его эволюции с эволюцией постсоветской России. Книга предназначена как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

ББК 8.1

Ответственные за выпуск *И. Зайцев*
Корректор *М.Крючкова*

ИД № 02184 от 30.06.2000. Подписано в печать 15.12.2004.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура ньютон.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 1541

Издательство «Права человека»,
119992, Москва, Зубовский бульвар, 17
веб-сайт: www.hrpublishers.org

Фабрика офсетной печати, г. Обнинск, ул. Королева, 6

ISBN 5-7712-0316-5

© Фонд Андрея Сахарова (США), 2004
© Составление, Д.Е. Фурман, 2004

Дмитрий Фурман

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ КАЗАХСТАНА И РОССИИ

Введение

Эта книга – уже шестая в выпускаемой Музеем и Общественным Центром имени Андрея Сахарова серии, посвященной республикам бывшего СССР. Цели серии – и просветительские, и научные. Каждый раз мы пытаемся вычленить и объяснить общее и особенное в постсоветском развитии данной страны, прежде всего общее и особенное по отношению к России. Понять, куда мы идем, могли ли мы идти в каком-то другом направлении, почему мы все же пошли именно по такому пути, можно лишь сравнивая себя с другими, и прежде всего с теми другими, которые имеют схожие генезис и опыт, – нашими бывшими «братскими республиками».

Предыдущий выпуск был посвящен странам Балтии. Эти страны сразу же пошли в своем постсоветском развитии по пути, принципиально отличающемуся от российского. Сейчас сравнивать балтийские социально-политические системы с российской – почти то же самое, что сравнивать нас с США или Германией. Сравнение России со странами показывает, что, начиная с очень близких (а формально – просто тождественных) нашим стартовых условий, можно было развиваться совершенно иначе и, следовательно, наш путь – отнюдь не единственно возможный путь постсоветской страны, и то, что нам кажется естественными способами решения естественных постсоветских проблем, – на самом деле наши способы решения наших проблем. Другие могут решать их совсем иначе или даже вообще этих проблем не иметь[1].

Казахстан дает нам совершенно иной «урок». Если, глядя на страны Балтии, мы обнаруживаем, что наши проблемы и их решения – не «обязательные» и не «всеобщие», то, глядя на Казахстан, мы видим, что наши проблемы и наши решения – достаточно распространенные и типичные.

1

Казахстан – страна очень далекая от России по культурным основам и исторической памяти и психологии своего основного и титульного на-

рода. Русские – народ исторически земледельческий, казахи – кочевники. Россия – страна с древней государственной имперской традицией. Казахи до завоевания Россией так и не создали централизованного государства и были разделены на племена и жузы. Общенациональное самосознание казахов зарождается лишь в российский период казахстанской истории, под влиянием социальных процессов, вызванных к жизни колонизацией, под влиянием европейских идей, усваиваемых казахской элитой (см. статью Г. Косача).

Русские – народ тысячелетнего православия, казахи – народ поздней исламизации, в религиозном сознании которого сохраняется мощный пласт доисламских верований. Тесная связь Казахстана с Россией и ее мощное культурное влияние на казахов установились лишь в новое время, с включением казахских земель в Российскую империю, а затем в ее новую «ипостась» – СССР.

Положение русских и казахов в империи и в СССР, естественно, было очень разным. В СССР казахам пришлось пережить фактический геноцид, устроенный сталинской властью в период коллективизации (о механизме этого геноцида см. статью Н. Пьянчолы)[2]. В результате этого геноцида и громадных размеров колонизации Казахстана, как добровольной, так и принудительной (в Казахстан при Сталине ссылались целые народы), в 50-е гг. казахи превратились в меньшинство в Казахстане, причем меньшинство, подвергшееся значительной русификации.

Тем не менее значение советского периода этим отнюдь не исчерпывается. В СССР казахи в конце концов сформировались в современную нацию, обладающую полной социальной структурой. В конце советского периода массовые миграции в Казахстан прекращаются, удельный вес казахов в населении постепенно увеличивается, а в казахстанской номенклатуре казахи преобладают. В значительной мере этому способствовало то, что Москва сталкивалась в Казахстане с плотной и закрытой для нее средой общества, пронизанного сетью родовых связей. (См. статью Э. Шаца, в которой автор пытается объяснить устойчивость этих связей воздействием самой советской системы.) Попытка Москвы «навести порядок» в Казахстане и добиться реального подчинения центру привела к алмаатинским событиям 1986 г., когда казахстанские студенты выступили против присланного из Москвы «проконсула» и в защиту снятого М. Горбачевым первого секретаря ЦК Казахстана Д. Кунаева. (См. статью В. Ардаева.)

Но, несмотря на эти громадные культурные различия и различия исторической памяти, социально-политический строй постсоветского Казахстана и его эволюция очень близки к социально-политическому строю и его эволюции в России. Казахстан значительно более похож на Россию, чем, например, во много раз более близкая к России по глубоким основаниям своей культуры Украина.

Строй обладает своей собственной внутренней логикой, не зависящей от культуры. Особенности культуры и психологии народа на исторических развилках типа той, в которой пребывали все народы СССР на рубеже 80-х – 90-х гг., могут влиять на выбор строя. Но если выбор сделан, разворачивается собственная, внутренняя логика строя. Культура Кореи очень далека от культуры Туркмении, но статуи Туркменбаши очень похожи на статуи Ким Ир Сена, а в Южной Корее, наоборот, таких статуй вообще нет.

Русские и казахи – очень разные народы. Но к моменту распада СССР то, что было у них общим – неподготовленность к этому распаду, отсутствие демократического опыта, отсутствие какой-то ясной картины того строя, который они хотят создать, страх перед неожиданно свалившейся свободой, в которой мерещились всякие ужасы – анархия, гражданская война, национальные междоусобицы, определили их общий исторический выбор. И последствия этого выбора, логика его следствий, «зависимость от выбранного пути» на период существования этого строя важнее, чем культурные отличия русских и казахов.

2

Исторический выбор, сделанный россиянами и казахстанцами на рубеже 80-х – 90-х достаточно типичен для нашего времени. И российский, и казахстанский режимы принадлежат к типу, характерному для постсоветского пространства и распространенному и за пределами СНГ, во многих странах «третьего мира». Это – режимы власти «безальтернативных» президентов, передающих эту власть по наследству, или каким-то определенным ими лицам, или просто своим детям[3]. Я не знаю, какой термин годится для их определения. Термин «нелиберальная демократия» мне не кажется подходящим, ибо, во-первых, эти режимы – не демократии, во-вторых, некоторые из них могут быть и относительно либеральными. Их можно было бы назвать монархиями, и грань между ними и монархиями – очень неопределенна. Тем не менее монархами такие президенты себя не провозглашают, и хотя передача власти по наследству для них очень типична, она всегда легитимизируется имитацией общенародных выборов[4]. Их, может быть, можно назвать режимами «стыдливого авторитаризма» или «имитационной демократии», ибо во всех этих режимах фактически неограниченная и внеправовая власть сочетается с правовыми и демократическими формами и прикрывается ими, имитирует правовые и демократические институты.

Фактически президенты – просто «есть», они когда-то в первый раз были избраны на настоящих выборах, или захватили власть, или получили ее от своих предшественников, но сохранение ими этой власти не зависит от выборов. Однако формально президенты избираются или продлевают свои полномочия референдумами. Фактически президенты не зависят от конституций, которые сами «сочиняют» и меняют, если они

стали неудобными, но формально – конституции есть. Фактически в таких системах не может быть разделения властей. Но формально есть парламенты (и в них даже может быть какая-то оппозиция) и иногда даже конституционные суды.

Режимы такого типа, естественно, очень распространены в мире, где демократические нормы и принципы приобрели всеобщее значение, где практически исчезли идейные, сознательные альтернативы демократии (коммунизм, фашизм и т.д.)[5], но где большинство народов в результате как недостаточного уровня своего социального и культурного развития, так и особенностей своей культуры еще не способны жить в условиях демократии[6]. «Стыдливые авторитаризмы» или «имитационные демократии» появляются тогда, когда общество не может жить в условиях демократии, но и не может в этом признаться.

Если действия правителей обусловлены двумя императивами – необходимостью сохранять и укреплять свою личную власть и необходимостью при этом имитировать правовые демократические формы, естественно, перед ними возникают одинаковые проблемы, и это определяет общую логику функционирования и развития режимов. Наверняка сравнение, скажем, казахстанского или российского режимов с египетским или сирийским тоже выяило бы множество сходных черт.

Но если однотипные режимы возникают в особо схожих условиях и должны решать многие специфические, порожденные этими общими условиями и общим генезисом проблемы, – как российский и казахстанский, – то сходства еще больше[7].

3

В статьях А. Куртова, А. Либмана и П. Своика и в моей содержатся попытки последовательного сравнения политического, правового и экономического развития наших стран и выявляется громадное множество аналогий.

Аналогично общее направление развития – ко все большему сосредоточению власти в руках правителей, аналогичны ситуации, «сцены» российской и казахстанской постсоветской истории – конфликт президента и парламента, кончающийся разгоном парламента и принятием удобной для президента конституции, построение «властной вертикали», приватизация, в ходе которой обогащаются прежде всего люди, близкие к президентам и их семьям, поиски преемника, создание президентских партий, конфликт президента и олигархов и т.д. Соответственно аналогичны и персонажи наших «пьес», хотя функции, выполняемые в одной «пьесе» двумя персонажами, в другой могут совмещаться у одного.

Назарбаев – это Ельцин, но так как он дольше стоит у власти, ему частично приходится уже играть роль Путина. Казахстанский Ходорковский – это сидящий сейчас в тюрьме Жакиянов. Кажегельдин – это ка-

захстанский Гайдар и казахстанский Березовский в одном лице. Партия «Отан – Отечество» – это казахстанская «Единая Россия». Генерал Гари Касымов – это казахстанский генерал Лебедь (может быть, с легким налетом Жириновского) и т.д. Путина еще нет, ибо казахстанский президент крепче здоровьем, чем наш первый президент, но по сюжету пьесы он должен появиться.

В Казахстане и в России мы видим как бы разворачивание предстоящего в разных национальных формах, но одного и того же сюжета, как в мифах, эпосе или сказках одного народа мы легко видим сюжеты и персонажи-функции, общие многим народам. И как общность мифологических сюжетов нельзя объяснить влияниями и заимствованиями, хотя часто такие заимствования прослеживаются, так и сходство российского и казахстанского «социально-политических сюжетов» нельзя объяснить влияниями, хотя иногда президенты использовали опыт друг друга.

В силу такого сходства развитие Казахстана представляет, на наш взгляд, особый интерес для российского читателя. Многие российские процессы, которые могут представляться случайными и чисто индивидуальными, при таком сравнении предстают как закономерные и естественные. При этом иногда Россия опережала Казахстан, но иногда и Казахстан опережал Россию. Иногда какие-то общие процессы предстают в наиболее яркой форме в России, иногда – в Казахстане. Во всяком случае, изучая других, мы неизбежно начинаем лучше понимать самих себя.

4

Для нас важно не просто констатировать сходство установившихся в наших странах систем и взаимосвязь их элементов, но и попытаться «заглянуть в будущее». Авторитарные режимы совершают естественный жизненный цикл: они идут от зарождения через зрелость к концу.

Пока в постсоветском пространстве было лишь одно падение режима безальтернативного президентства – это падение относительно либерального режима Шеварднадзе в результате «революции роз» 2003 г.[8]. Но если выйти за пределы постсоветского пространства, мы видим, что есть демократии, развивавшиеся на протяжении уже не первой сотни лет и не показывающие признаков кризиса, но нет ни одного нетрадиционалистского авторитарного режима, где власть передавалась бы от главы государства к назначенному им преемнику и который сохранился бы до наших дней хотя бы с 1950 г. Режимы этого типа изначально «хрупкие» и по мере развития становятся еще более «хрупкими».

На наш взгляд, очень мало вероятно, что в наших странах линия передающих друг другу власть президентов продержится ряд десятилетий. И если российский режим пока представляется достаточно прочным, то в казахстанском уже видны черты надвигающегося кризиса. Этот кризис и даже падение режима еще не означает, однако, что общество переходит к демократии. Как это было много раз в истории разных стран третьего

мира, падение авторитарного режима может привести после периода неустойчивой демократии, переходящей в анархию, к установлению однотипного режима с несколько иной идеологической окраской.

Может ли казахстанское общество на этом этапе своего развития перейти к устойчивой демократии, достаточно ли оно «созрело» для этого – вопрос открытый. Ответа на него у нас нет. Но некоторые аспекты казахской культуры, как представляется, способствуют относительно быстрой эрозии теперешнего режима и дают основание говорить, что казахстанская демократия не может рассматриваться как нечто такое, что может наступить лишь в каком-то туманном и отдаленном будущем.

5

Национальная религия казахов – ислам, очевидно, не может рассматриваться как фактор, способствующий демократии. Совершенно не случайно, что исламская часть современного мира – зона, в которой преобладают авторитарные режимы[9]. Но, во-первых, если ислам не способствует усвоению демократических норм, то он явно и не является непреодолимым препятствием к этому, поскольку мусульманские демократии все-таки есть. Во-вторых, ислам – лишь один из аспектов казахской культуры. Исламизация казахов была относительно поздней и поверхностной, в казахской культуре в значительной мере сохранилась та специфическая архаичная терпимость к разным религиям, которая так поражает у монголов Чингис-хана и Батыя. Это специфическое отношение к религии, большая открытость казахов по отношению к «чужому» прослеживается в статье Б. Бектургановой. Вообще терпимость стала для казахов частью образа самих себя. В какой-то мере это, очевидно, влияет на характер казахстанской демократической оппозиции, в которой коммунисты могут сотрудничать с либералами западного толка и, более того, русские организации – с казахскими националистическими. Несомненно, это один из факторов, способствующих демократизации.

Значительно сложнее роль другого фактора – сохраняющихся жузовых и племенных связей. Роль этих связей очень плохо изучена, и в литературе можно встретить как полное отрицание их значения, так и, наоборот, явное его преувеличение, когда чуть ли не вся социальная и политическая жизнь рассматривается сквозь призму «борьбы жузов». Мне думается, что роль этих связей во всяком случае не однозначно негативная. Они могут играть роль «суррогата» гражданского общества, создавать опору индивидам в противодействии власти, делать индивида несколько менее одиноким. Они могут смягчать идеологическое противостояние, создавая перекрещивающиеся лояльности. Все это очень сложные вопросы, и для ответа на них необходимы большие и целенаправленные социологические и этнографические исследования, которых нет.

Схожую с сохранением жузовых и племенных связей роль, возможно, играет и громадный этнический и конфессиональный плюрализм ка-

захстанского общества. Авторитаризм, даже если он провозглашает идеологию прав меньшинств и «общего дома», своим естественным стремлением к унификации и подчинению всего общества не может не ущемлять права меньшинств. Поэтому объективные интересы меньшинств – и прежде всего самого большого русского меньшинства – диктуют, как показано в статье А. Докучаевой, их антиавторитарную ориентацию.

Плюралистическое и в целом терпимое казахстанское общество, в котором коммунисты сотрудничают с правыми, а русские – с казахами и в котором основная нация имеет сложную внутреннюю организацию и не представляет собой совокупности атомизированных индивидов, полностью беззащитных перед властью, – не самая идеальная среда для авторитаризма. Оппозиционное демократическое движение в Казахстане, во всяком случае, сейчас сильнее и организованнее российского, а казахстанская власть чувствует себя менее уверенной, чем российская.

Мы не можем прогнозировать будущее Казахстана. Но казахстанская демократия – совсем не такая уж невероятная в исторически обозримом времени. А в более отдаленной перспективе установление демократии в обеих наших странах, очевидно, неизбежно. Лучшее знание схожих проблем России и Казахстана может в какой-то мере облегчить и ускорить ее становление.

Заканчивая это короткое введение, я хочу выразить искреннюю и глубокую благодарность за помощь в работе над книгой московской журналистке Санобар Шерматовой, а также сотруднику Института Европы РАН Светлане Ждановой.

Примечания

[1] Например, нет в странах Балтии проблемы построения «властной президентской вертикали», ибо и республики там – не президентские, нет борьбы с олигархами, ибо нет олигархов, и т. д.

[2] В годы коллективизации погибло до 40% казахов. Таким образом, масштабы сталинского геноцида казахов вполне сопоставимы с масштабами гитлеровского геноцида евреев. Принципиальным отличием этих двух геноцидов было то, что Гитлер сознательно стремился истребить всех евреев, а Сталин никогда задачи истребления казахов не ставил. Наоборот, казахов стремились сделать «передовой социалистической нацией». Гитлеровский геноцид был геноцидом злой воли, сталинский – скорее геноцидом «государственного идиотизма», когда власть преследует скорее даже хорошие цели, но в силу ее полной бесконтрольности и проистекающего от бесконтрольности безумия ее «добрыми намерениями» буквально «вымощен путь в ад».

Есть еще одно принципиальное отличие. Гитлеровский геноцид стал мощным фактором немецкого сознания, породив немецкое чувство вины перед евре-

ями и стремление эту вину искупить. Сталинский геноцид казахов практически не присутствует в русском сознании.

[3] В СНГ пока только один случай передачи власти по наследству от отца к сыну – в Азербайджане, но практически несомненно, что это – первый, но не последний случай. Вне СНГ таких квазимонархий много (Сирия, Северная Корея, Никарагуа при Сомосах, Гаити при Дювалье и др.).

[4] Единственный случай – эксцентричный «император» Бокасса в Центрально-Африканской – при нем – империи, сейчас – республике.

[5] В современном мире может сохраняться относительно устойчивый не демократический традиционализм, как в Свазиленде или Саудовской Аравии. Но идейной альтернативой он не является, и эти государства – «реликты» прежних эпох. Исламский фундаментализм в какой-то мере являет собой такую альтернативу. Но единственная страна, в которой он победил, – Иран также в значительной мере воспроизводит и имитирует демократические формы.

[6] Ясно, что разные культуры могут или облегчать, или, наоборот, затруднять укоренение демократических институтов. Уровень развития общества и тип культуры взаимодействуют так, что при отсутствии в культуре достаточных предпосылок демократии для установления демократических институтов нужен значительно больший уровень развития, чем наличие в культуре черт, способствующих усвоению демократии. Например, в случае России тип культуры действует как антидемократический фактор. Русские практически никогда не жили в условиях демократии или хотя бы в условиях, приближающихся к ней. Поэтому для демократии в России нужен уровень развития значительно больший, чем для демократии в других странах, с иным типом культуры. В качестве противоположного примера, очевидно, можно привести Индию. Индия до сих пор – общество с неграмотной половиной населения. Тем не менее укорененность демократических институтов в этой стране поразительна. Очевидно, объяснение этого кроется в колоссальном плюрализме и идейной терпимости индуизма.

[7] Я думаю, однако, что если провести последовательное сравнение, скажем, российского или казахстанского режимов с однотипными режимами с совершенно иным генезисом, то признаков сходства мы все равно найдем очень много. Наверняка, скажем, Мубарак в Египте думает над теми же проблемами, что и Путин в России, – как найти баланс между реальной властью и формой, то есть как сделать так, чтобы в парламенте все-таки была какая-то оппозиция, как этого требует форма, но чтобы она не стала опасной для власти. Набор возможных решений очень ограничен.

[8] Смена власти очень вероятна в Украине, но в Украине вообще нельзя говорить об устоявшемся режиме этого типа, скорее здесь можно говорить о попытке создать такой режим.

[9] Организация «Фридом хауз» каждый год выставляет оценки уровня политической свободы всем странам мира. Оценка 1 означает максимальный уровень демократичности, оценка 7 – максимальный уровень авторитаризма. Из 41 страны мира с мусульманским большинством оценку 1 в 2003 г. не получила ни одна, оценку 2 – две страны (Мали и Сенегал), 3 – три (Албания, Индонезия и Турция), 4 – три, 5 – семь, 6 – восемнадцать и 7 – восемь. Наоборот, из 59 стран, получивших оценку 1, нет ни одной мусульманской. На постсоветском пространстве мы видим схожую картину. Все мусульманские страны и Белоруссия имеют оценки 6 и 7, христианские страны имеют «лучшие» оценки (оценка России – 5).

Оценки политической свободы на постсоветском пространстве за 2003 г.: 1 – Эстония, Латвия, Литва, 3 – Молдова, 4 – Украина, Грузия, Армения, 5 – Россия, 6 –Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь, 7 – Узбекистан и Туркмения. Оценки «гражданских свобод»: 2 – Эстония, Латвия, Литва, 4 – Молдова, Украина, Армения, Грузия, 5 – Россия, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, 6 – Беларусь, Узбекистан, 7 – Туркмения.

Григорий Косач

КАЗАХСКИЙ «ОБРАЗОВАННЫЙ КЛАСС» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Подписание ханом Абулхаиром в октябре 1731 г. акта о признании своего подданства Российской империи стало началом процесса распространения российской власти на казахские земли и казахское общество. Как и в других колониях (и других империях), российская власть способствовала постепенной модернизации казахского общества и тем самым неизбежно порождала силы, которые в дальнейшем должны были обратиться против нее.

Один из аспектов колониальной модернизации казахского общества – появление и развитие казахской интеллигенции, «образованного класса», который создавался как необходимый инструмент колониального управления, но в конечном счете стал выразителем антиколониальных идей казахского национализма. Цель статьи – проследить зарождение и становление этого «класса» и его сложную идейную эволюцию.

1

В момент своего включения в состав империи (а во многом и значительно позже) Степь оставалась пространством расселения кочевого народа, расчлененного на множество родоплеменных образований, объединенных единством культуры и генеалогической традицией, устанавливающей иерархические связи между ними[1]. Крупнейшие из этих образований – Старший, Средний и Младший *жузы* (обычно называвшиеся в имперской России *ордами*), территория расселения которых располагалась соответственно на юго-востоке, в центре и на северо-востоке и на западе современного Казахстана.

Казахское общество было сословным, основными единицами его структуры выступали две главные социально-статусные группы – *белая кость* и *черная кость*. «*Белая кость*», пишет И.В. Ерофеева, была «закрытой привилегированной корпорацией индивидов, непроницаемой извне в силу ее особого династического происхождения, сословной замкнутости, эндогамии, изолированности от генеалогической структуры трех жузов и большой значимости в системе общественных отношений». Эта группа включала «аристократические сословия» *торе* (*чингизидов*), обычно именовавшихся султанами, и *кожа* (*сеидов, потомков Пророка*), представители которых «приобретали высокий социальный статус ... по пра-

ву рождения независимо от своего экономического положения и личных интеллектуальных, физических и нравственных качеств»[2]. *«Черная кость»* – собственно казахские роды – не являлась эндогамной замкнутой структурой. Элита «черной кости» – *бии*, *батыры* и старшины-*аксакалы* была открытой и могла включать тех, кто выдвигался, опираясь на собственные силы, таланты и приобретенное богатство[3].

Из числа чингизидов-торе, «основы белой кости»[4], избирались казахские ханы[5]. Однако институт ханства был слабым. «Распределительные, контрольные и судебные функции системы номадов фактически рассеивались между разными субъектами властных отношений», включая и принадлежащих к «черной кости». Ханы не обладали тотальным контролем над территорией расселения казахских племен, их «власть ... над зависимыми от них родоплеменными группами номадов и занимаемыми ими землями» характеризовалась «сезонной изменчивостью». В кочевом казахском обществе отсутствовали «сколько-нибудь развитые институты политического управления и принуждения: налоговая система, регулярная армия, города внутри степей, чиновничество и ... принудительно-карательный аппарат»[6].

Исламизация казахов ко времени их включения в состав Российской империи была еще очень поверхностной (более значительной она была на юге современного Казахстана, испытывавшем воздействие среднеазиатских государственных образований). В их мировоззрении в значительной мере сохранялись представления эпохи язычества, а члены присутствовавшего в их социальной структуре сословия кожа лишь с большой долей условности могли рассматриваться в качестве мусульманских законоучителей.

Перед российской властью встала задача подчинить и включить в самодержавно-бюрократическое российское государство это основанное на совершенно иных принципах общество.

2

События 1731 г. кардинальным образом меняли политику империи в отношении Степи и населявших ее «киргизских Орд»[7] и открывали перед ней новые перспективы. Появилась возможность обеспечения безопасности российско-среднеазиатской торговли, пути которой проходили через территорию Степи. Контроль над Степью создавал также условия для стабилизации положения в башкирских землях примыкавшего к ней российского Южного Урала. Кроме того, Степь, если бы там укрепилось владычество России, могла стать плацдармом для экспансии в направлении государственных образований Центральной Азии и, отчасти, Монголии и Китая[8]. В имперской геополитической стратегии появлялась мысль о том, что господство над пространством расселения казахов создаст «Новую Россию, которая ... впредь почтена быть может не менее сысканных от европейских держав земель, прославленных металлами и

минералами»[9]. Но сначала Степь требовалось «усмирить», введя ее в систему имперского административного управления.

Эта задача решалась не только в Санкт-Петербурге, но и в обладавших значительной самостоятельностью в проведении политики в отношении Степи региональных центрах управления – Оренбурге[10] и Омске[11] (в дальнейшем, после завоевания Средней Азии, функции управления казахскими землями были частично возложены и на Ташкент).

Вступление хана Абулхаира в российское подданство стало основанием для того, чтобы инициировать процесс осуществления геополитических целей России и создания основ материального присутствия Российской империи в Степи. К концу XVIII в. «территория казахских кочевий была опоясана с трех сторон на северо-западе, севере и востоке ... почти сплошной линией российских укреплений»[12]. Взятие русскими войсками в 1853 г. кокандской крепости Ак-Мечеть привело к созданию идентичной линии укреплений и на юге Степи – в бассейне Сыр-Дарьи.

3

«Усмирение» Степи не ограничивалось использованием силового давления и колонизацией. По словам Ч. Валиханова, «вместе с русской цивилизацией проник в степь» и ислам[13]. Этот ислам был «татарским»[14], распространяемым подданными России, оседлым тюрко-мусульманским населением Поволжья и Урала.

Учреждение в 1788 г. в эпоху правления Екатерины II Оренбургского магометанского духовного собрания, руководство которым было закреплено за «татарскими» муфтиями[15], включало «татарский ислам» в российский государственный организм. «Просвещенная» веротерпимость российской императрицы способствовала переходу к новой политике в отношении татар. Империя отказалась от прежнего курса христианизации и, порой, насильственного крещения[16], и татары превращались в участников российской колониальной экспансии в направлении Степи и затем – Средней Азии. Комментируя создание Оренбургского духовного собрания, российский автор подчеркивал: «При своем самостоятельном развитии татары оказались способными быть не только податными единицами, но и политическою силою. Императрица Екатерина II не пренебрегла последним. Она учредила ... в России татарского муфтия ... и предоставила татарам закреплять свое духовное влияние и торговую эксплуатацию у ... киргизов».

В то время эта политика полностью отвечала российским интересам. Имперская власть стремилась исключить возможность влияния на Степь центральноазиатских государств, заменив потенциально опасный для России среднеазиатский ислам его лояльным к империи «татарским» аналогом: «В северной ... части киргизского кочевья татары не замедлили подорвать духовное влияние ходж и торговлю среднеазиатских сартов (узбеков. – *Г.К.*), не бывших в русском подданстве»[17]. Российские влас-

ти, таким образом, не только отказывались от каких-либо форм христианизации казахов, но проводили курс на исламизацию Степи, опираясь на преданных государству татарских улемов, в которых они видели орудие российской экспансии.

Благодаря близости языка – *тюрки*[18] и общности вероисповедания татары оказывались незаменимыми при проведении политики «усмирения» Степи (и даже позже, в период ее освоения), становясь и коммерческими представителями, посредниками в торговле с казахами и среднеазиатскими государствами, и политическими агентами, низшим звеном управления казахскими жузами. Вплоть до 1860-х гг. канцелярия оренбургского генерал-губернатора назначала в Степь «письмоводителей» татар, предварительно экзаменовавшихся на «удовлетворительное знание татарского языка»[19]. Уступая просьбам казахских правителей, канцелярия разрешала выходцам из татарской среды проживать в «киргизской степи» для «отправления богослужения и обучения детей татарскому, арабскому и персидскому языкам»[20]. Высшие оренбургские чиновники считали необходимым обучение казахских детей «татарскому алфавиту» (речь идет об арабо-персидской графике, использовавшейся тюрки), подчеркивая, что «иначе киргиз ... останется безграмотным в глазах своих соплеменников, между которыми татарская грамотность давно и широко развита»[21].

Успех имперских начинаний времени «усмирения» казахской территории во многом определялся тем, как выстраивались отношения между проводниками российского курса и их местными контрагентами. В первой половине XVIII в. российские региональные институты управления вновь присоединенными казахскими землями столкнулись с отсутствием в Степи «единой юрисдикции, ... рассеянностью власти и множественностью субъектов властных отношений»[22]. Первоначально российские власти даже укрепляли ханскую власть, официально подтверждая титул того или иного хана императорским указом, но ориентация на сохранение традиционной ханской власти не могла бы содействовать утверждению господства России в Степи[23].

Однако империя еще не располагала силами, достаточными для того, чтобы на деле стать «верховным сюзереном ... казахских жузов». Реальное, а не формальное обретение этого статуса требовало привлечения многочисленных казахских правителей на сторону российского государства. Одним из каналов этого привлечения становилась учеба их сыновей в России, чаще всего в Оренбурге.

Первоначально речь не шла о русских учебных заведениях. Казахи учились в школах, создававшихся татарами. Практика отправки сыновей казахских султанов на учебу в «магометанские училища» (чаще всего в Сеитовом посаде с его медресе и мектебами, основанном поволжскими татарами еще в 1744 г. вблизи Оренбурга[24]) выглядела как едва ли не

единственный способ приобщения молодого поколения казахской знати к основам российской жизни[25].

«Старшины Киргизской орды, выводимые на ханское достоинство, – отмечал в письме от 12 июня 1823 г. к оренбургскому губернатору П.К. Эссену российский министр иностранных дел К.В. Нессельроде, – должны быть приготовленными к успешному исполнению обязанностей сего звания хотя бы некоторым предварительным образованием». Этих «старшин» – «пять молодых султанов с отличнейшими умственными способностями», «ближайших потомков Абулхаировых» следовало, по словам главы российского внешнеполитического ведомства, пригласить «переехать из кочевий на линию (Оренбургскую пограничную линию. – *Г.К.*) и посвятить себя на несколько лет изучению необходимых для них сведений». В списке предлагавшихся им дисциплин были, в первую очередь, «языки татарский, арабский и алкоран (Коран. – *Г.К.*)». Но, подчеркивал К.В. Нессельроде, «они обязаны также выучиться языку Российскому с возможным успехом, а равно и другим полезным знаниям». Привлечь к этому «молодых султанов» оренбургскому губернатору следовало, используя «вес» муллы Сеитова посада, который должен был «склонить» их к продолжению «общего образования, отнюдь не чуждаясь и языку Российскому». Местом же их «воспитания» определялся Оренбург или «слобода Сеитовская, сообразно условиям»[26].

4

С середины XVIII в. российский политический курс в отношении Степи подвергался все более существенной ревизии. Этому способствовали и изменение международной ситуации, и действия казахских правителей. Традиционный противник казахов – все более слабевшее Джунгарское ханство в конце 1750-х гг. было окончательно разгромлено Цинской империей. Китай становился опасным соперником России в Степи. На него стали ориентироваться правители Среднего жуза. В ответ Россия усилила военно-силовое давление на Степь. В 1820–1840-х гг. в Степи разворачивается мощное антирусское движение с участием родов Среднего, Младшего и, частично, Старшего жузов под руководством султана (а затем хана) К. Касымова. Разгром этого движения окончательно превращал Степь в «усмиренную» и «внутреннюю» территорию Российской империи, предназначенную для освоения и колонизации.

Внутри «казахских кочевий» появлялись русские «стационарные укрепления», опираясь на которые власти империи могли проводить административно-территориальные и политические преобразования, содействуя военно-казачьей колонизации Степи. Сфера казахского кочевого скотоводства насильственно сужалась[27]. Империя медленно и последовательно разрушала прежнее «децентрализованное общество»[28], все более испытывавшее последствия российского экономического и политического влияния[29]. Но, теряя традиционные основы собственного существо-

вания, казахское общество обретало новые черты внутреннего единства. Итогом силового воздействия на Степь становились «преодоление центробежных тенденций» в жизни кочевников и внутренняя «интеграция номадного социума»[30].

Законодательная отмена института ханской власти[31] и проведенные в пределах населенного казахами пространства административные преобразования[32] меняли систему его управления. В составе Оренбургского ведомства, которому были подчинены казахи Младшего и отчасти Среднего жузов, были созданы три округа, названные в 1828 г. Восточной, Средней и Западной частями Орды (территории расселения Младшего и частично Среднего жузов)[33]. Трансформации подверглось и омское Западно-Сибирское генерал-губернаторство, которому была подчинена большая часть территории расселения казахов Среднего жуза. В 1854 г. в его составе были образованы Область сибирских киргизов и Семипалатинская область. В дальнейшем возникла и Семиреченская область в составе Туркестанского края. В пределах территории современного Казахстана существовали также три казачьих войска, введенные в систему российского государственного управления (Уральское казачье войско) или созданные правительством – Сибирское (истоки которого восходили к 1725 г.) и Семиреченское, начавшее формироваться в конце 1840-х гг.[34].

Новая система управления Степью предполагала введение назначаемых российской властью управителей округов – «старших султанов» и подчиненного им штата сотрудников. Границы полномочий «старших султанов», находившихся на верху создававшейся административно-управленческой пирамиды (ее низшими ступенями были «волостные султаны» и «аульные старшины»), определялись российской властью. Посты «старших султанов», как и посты глав более мелких управленческих звеньев, могли занимать только выходцы из «знатных и влиятельных среди кочевников фамильных ветвей», изъявлявшие «готовность верно служить российскому престолу»[35].

Создание этого аппарата было немыслимо без появления уже русских, а не татарско-мусульманских учебных заведений, задачей которых было подготовить казахов, вводившихся в систему российского управления Степью. Формирование казахского «образованного класса» вступало в начальную стадию. Казахская «интеллектуальная элита»[36] – национально ориентированный «образованный класс» – возникала в результате отвечавшей имперским интересам модернизации кочевого социума.

5

В состав нового «класса» включались представители традиционной казахской элиты, которые делом доказывали свою преданность российской власти. На протяжении всего времени существования империи в его составе значительное место занимали выходцы из сословий чингизидов-торе и законоучителей-кожа. «Одну из первых генераций професси-

онально подготовленной интеллектуальной элиты» казахов составили потомки хана Абулхаира[37], – К.В. Нессельроде особо требовал от оренбургских чиновников содействовать их обучению.

Со второй половины XIX в. торе были существенно ограничены в своих правах, а затем и приравнены в статусном отношении к «демократическим» группам кочевого общества. Однако в силу традиции, «более высокого уровня образованности, социальной мобильности, организационно-управленческих навыков» они сохранили «высокий общественный престиж и влияние в казахских жузах вплоть до установления советской власти»[38]. Утраченные власть и статус компенсировались ими устремленностью к получению нового, русского образования: «Именно из этой аристократической сословной группы ... в середине XIX – начале XX в. вышло наибольшее количество представителей ... национальной интеллигенции» и «идейных лидеров казахов». Современный казахстанский ученый Н.Э. Масанов называет их «бесспорными интеллектуальными лидерами казахского народа в дореволюционный период»[39].

Но российская политика постепенно вводила в страту по-русски образованных казахов и выходцев из неаристократических слоев общества, – укрепление господства над Степью требовало установления и поддержания контактов со всеми фракциями казахской элиты. Российский административный аппарат в Степи приступал к интеграции выходцев из «черной кости» – биев, батыров и старшин-аксакалов.

Казахский «образованный класс» пополнялся не только уроженцами раньше подчиненного империей Младшего жуза (включая и Внутреннюю – *Букеевскую* Орду[40]). Казахстанский исследователь отмечал, что значительную роль в становлении национальной интеллигенции играли «выходцы из Среднего жуза», на территории которого и в непосредственной близости от него возникали русские города, где располагались создававшиеся властями учебные заведения. Представители этого жуза «к началу XX века ... доминировали в составе казахской интеллектуальной и политической элиты»[41]. Однако выходцы из Старшего жуза в этой элите были крайне немногочисленны. Населяя территорию, исторически составлявшую север Туркестанского края, эта часть казахов испытала существенное влияние среднеазиатского ислама. Там значительно меньше, чем в пределах пространства расселения Младшего и Среднего жузов, ощущалось влияние татарской просветительской деятельности. Наконец, в Туркестане позже, да чаще всего и не специально для казахов создавались «русско-туземные» школы.

6

Первые по-русски образованные казахи заканчивали, в основном, учебные заведения Оренбурга[42]. Ведущим среди них было открытое в 1825 г. Неплюевское (по имени первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева) военное училище, с 1844 г. преобразованное в Неплю-

евский кадетский корпус. Из ста казенных вакансий созданного в нем Азиатского отделения (Азиатского эскадрона) пятьдесят предназначалось для обучения детей казахских султанов, биев и старшин[43]. За время существования этого отделения (1825–1866 гг.[44]) его закончили 37 казахов, из них 21 человек – сыновья султанов , 2 – дети биев, а остальные – сыновья старшин[45]. Это учебное заведение было уже русским, но и в нем предусматривалось преподавание казахским ученикам основ ислама, которым занимался специально приглашавшийся мусульманский законоучитель-татарин, и традиционных для российского мусульманского образования дисциплин (тюрки, арабский и персидский языки), сочетавшихся с естественными науками и «русской словесностью».

Это учебное заведение сыграло существенную роль в становлении группы «первых представителей казахской интеллигенции»[46]. Достаточно сослаться на то, что в стенах Неплюевского училища получили образование выходцы из Младшего и Среднего жузов М.-Г. Таукин и М.-С. Бабаджанов, С. Джантурин, двоюродные братья А. и Т. Сейдалины. Все они не только стали деятелями системы российского административного управления в Степи, но и заложили основы исследования истории, этнографии и быта казахов.

М.-Г. Таукин (1809–1894) – правнук хана Абулхаира и выпускник первой, состоявшей из пяти человек, группы казахских учащихся Неплюевского училища – был «одним из первых представителей султанского сословия в Казахской степи, кто получил систематическое светское образование в России»[47]. После окончания училища он был назначен «старшим султаном» Западной части Орды Оренбургского ведомства и, став полковником, в течение более тридцати лет исполнял возложенные на него обязанности. М.-Г. Таукин поддерживал «тесные связи с Казанским музеем древностей и этнографии», находился в переписке с Вольным экономическим обществом и сотрудничал с Русским географическим обществом.

Схожий путь прошел и М.-С. Бабаджанов (1832–1871) – сын кожа К. Бабаджанова, «одного из наиболее энергичных, предприимчивых и влиятельных представителей» своей «сословной группы» на территории Западной части Орды в первой половине XIX столетия. М.-С. Бабаджанов был «талантливым этнографом и по-русски образованным» деятелем своей эпохи, став «первым российским автором», рассматривавшим в одной из своих работ «историю распространения суфизма в Западном Казахстане» и деятельность в этом регионе «его казахских адептов»[48]. В 1861 г. он получил звание члена-сотрудника Русского географического общества и действительного члена его Оренбургского отделения[49].

С. Джантурин (1837–1891) был сыном А. Джантурина, «султана-правителя» Восточной части Орды Оренбургского ведомства, поборника введения русского образования, во многом содействовавшего отправке первых групп казахских детей в российские учебные заведения. Получив

после выпуска из училища звание сотника, С. Джантурин был отправлен на службу к себе на родину, а в дальнейшем стал «младшим чиновником особых поручений при Тургайском областном правлении». Как и другие выпускники Неплюевского училища, он сотрудничал с Русским географическим обществом и его Оренбургским отделением, публикуя в его изданиях «тексты казахских народных песен» и другие образцы народного фольклора[50].

Родственники А. Джантурина – братья А. и. Т. Сейдалины окончили училище в 1855 г. с чином прапорщиков и начали службу в Оренбургской пограничной комиссии. В процессе службы А. Сейдалин стал «ротмистром армейской кавалерии», получив пост «султана-правителя» Западной части Орды Оренбургского ведомства, впоследствии – «уездного судьи Тургайской области». Т. Сейдалин в начале 1890-х гг. стал «единственным казахом, получившим должность уездного начальника» в Актюбинском уезде Тургайской области. Немалое место в его жизни занимало сотрудничество с Оренбургским отделением Русского географического общества, в публикациях которого появлялись его работы, посвященные быту и этнографии казахов, а также собиравшиеся им образцы их устного творчества[51].

Наиболее выдающимся представителем первого поколения казахского «образованного класса» был, однако, Ч. Валиханов (1835–1865), получивший в 1847–1853 гг. образование не в Неплюевском училище, а в омском Сибирском кадетском корпусе[52].

Как и большинство казахских выпускников Неплюевского училища, он также был выходцем из торе – правнуком хана Среднего жуза Аблая и внуком последнего хана этого племенного объединения Вали[53]. Как и для них, основанием для поступления Ч. Валиханова в кадетский корпус стала верная служба его семьи империи[54]. Закончив корпус, Ч. Валиханов в 1853 г. был назначен офицером в кавалерийский полк Сибирского казачьего войска, а спустя год – адъютантом «управителя» Западной Сибири, включая и северо-восток Степи, Г.Х. Гасфорта.

В дальнейшем этот талантливый человек, мусульманин, образованный по-мусульмански и по-русски, обладавший неоспоримым литературным даром, стал первым российским исследователем киргизского народа и Синьцзяна, а его труды составили веху в отечественной и мировой ориенталистике. В 1860 г. Ч. Валиханов был переведен в столицу, где стал сотрудником Азиатского департамента Министерства иностранных дел империи. Для выходца из Степи это было беспрецедентное событие. Но он добился и безусловного научного признания, став членом Русского географического общества[55].

Непосредственное значение первой группы казахского «образованного класса» для казахского общества не следует преувеличивать. Число казахов, закончивших Азиатское отделение Неплюевского училища, было незначительно. Они получали воинские звания (обычно сотника) и

направления на занятие низших должностей в системе российского административного управления Степью (чаще всего в кочевьях своих отцов), но в своем большинстве не становились активными поборниками трансформации жизни своего общества и возвращались к традиционному образу жизни, забывая русский язык и приобретенные во время учебы знания. Это осознавалось и российской управленческой администрацией, и русским обществом[56].

Даже в 1896 г. Г.Н. Потанин, бывший соученик Ч. Валиханова по Сибирскому кадетскому корпусу, пессимистично (хотя реальность была не столь печальна) констатировал: «Число образованных киргизов, кончивших курс в высших учебных заведениях, с каждым годом увеличивается... К сожалению, по окончании курса молодые люди ... рассыпаются по обширной киргизской территории или, что еще более невыгодно для киргизского народа, остаются служить в Европейской России, на Кавказе, в Одессе. ... Нет пока у киргизов умственного центра, где могла бы завязываться духовная жизнь киргизской интеллигенции»[57].

Если исходить из подсчетов современного казахстанского исследователя Г.С. Султангалиева, то только десять из тридцати шести выпускников Неплюевского училища[58] действительно стали реальными участниками и управления Степью, и происходивших в ней социально-политических процессов. При этом они никак не были связаны друг с другом и в их деятельности отсутствовало какое-либо организационное начало.

Тем не менее именно в этом первом поколении казахского «образованного класса» начинается рефлексия казахов над своей исторической судьбой, возникает первый «эскиз» казахской национальной идеологии. Эта попытка осмыслить положение казахов и наметить контуры их развития, план «национального строительства», связана с именем Ч. Валиханова.

7

Как писал Н.М. Ядринцев, другой его бывший соученик по Сибирскому кадетскому корпусу, Ч. Валиханов «понимал окружающую его русскую среду и готов был сродниться с ней на почве европейской цивилизации. Это был новый коран его жизни»[59]. Г.Н. Потанин, откликаясь на его смерть, писал: «Он был слишком европеец, более европеец, чем многие русские»[60].

Но полная интеграция в русское общество была невозможна, – как и многие другие первые европейски образованные представители колониальных народов, Ч. Валиханов был «маргиналом»[61], «чужим среди своих, своим среди чужих»[62]. Его русские друзья очень глухо и скупо упоминали о размолвке в отношении методов действий в Средней Азии и управления «туземцами» между будущим генерал-губернатором Туркестана генерал-лейтенантом М.Г. Черняевым и Ч. Валихановым, ставшим его адъютантом и переводчиком к моменту похода на Коканд. Видимо, эта

размолвка и заставила Ч. Валиханова в 1861 г. отказаться от дальнейшей службы и вернуться в родные края. В октябре 1862 г. в одном из писем Ф.М. Достоевскому он говорил: «Ты представь себе положение наше (я говорю о киргизах, воспитавшихся в России). Земляки нас считают отступниками и неверными ..., а генералы (русские. – *Г.К.*) не любят потому, что [у меня] мало этой восточной подобострастности. Черт знает, что такое, хоть в пустыню удаляйся»[63].

Русское образование заставляло осмысливать свое положение, и это осмысление приводило Ч. Валиханова к выводам, делающим его самым ярким представителем раннего этапа казахской национальной мысли.

В 1864 г. в «Записках о судебной реформе» Ч. Валиханов писал о своем народе: «Народ наш ... не так дик и груб, как думает о нем русское общество». Он «имеет богатую и не лишенную поэтических достоинств ... литературу, более близкую к индогерманскому эпосу, чем к восточным произведениям этого рода... В историческом отношении поэтический дух народа замечателен: первое, потому, что через удивительную память импровизаторов (народных сказителей. – *Г.К.*) все древние поэмы сохранились до нас без искажения; второе, что импровизаторы ... обессмертили в памяти народа замечательные происшествия своей эпохи так, что они все в совокупности составили нечто целое; третье, все эти поэмы в совокупности с обычаями, пословицами, поговорками, с их кодексом прав народных составляя полную картину прошедшей исторической и духовной жизни, дают нам возможность к пополнению известных исторических данных»[64].

Но не только казахский эпос имеет общечеловеческое значение, стоит наравне с эпическим творчеством других народов. Такую же ценность имеют и традиционные институты казахского общества. «Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего культурного развития»[65]. Одной из этих форм был, по его мнению, суд биев, который, «несмотря на 40-летнее русское влияние, остался таким, каким он был за сотни, может быть, за тысячу лет до нас». Этот предстающий в известной работе Ч. Валиханова в качестве едва ли не идеала демократии институт казахской жизни «вполне удовлетворяет настоящему развитию киргизского народа». Искусственность введения в Степи российского суда для него очевидна, – если кто-то и обращается в этот суд, то это «заклейменные народным презрением люди, вполне безнравственные, которые надеялись незаконными путями через русских чиновников исправить проигранное на народном суде дело»[66].

Ч. Валиханов «переворачивал» русские представления о казахах, превращая их «недостатки» в «достоинства». «Дикость» казахов – это на самом деле та безыскусная, природная красота, то богатство духа, которым европейцы восхищаются в гомеровском и индийском эпосе. Их тра-

диционные институты воплощают «естественное право» и ту народную справедливость, которую славянофилы и народники видели в традиционных институтах русской деревни. Но это не просто утверждение Ч. Валихановым ценности традиции, прошлого. Это – заявка на будущее.

В европейской культуре этого времени национальный эпос служил легитимизацией движений национального пробуждения. Наличие своего героического эпоса как бы доказывало право народа на самостоятельную роль в современном мире (а в отдаленной перспективе – на «самоопределение»). Когда в культуре почему-либо такого эпоса не было, он создавался заново на основе обрывочных преданий, отдельных песен и творчества самих поэтов, как были созданы «Калевала», «Калевипоэг», «Лачплесис». Но по мысли Ч. Валиханова вытекало, что казахам-то не надо ничего изобретать – у них есть эпос. И, говоря о его величии и близости к индоевропейским аналогам, Ч. Валиханов ставил вопрос не о прошлом казахов, а об их будущем, о возможности для них стать субъектом современной истории и культуры. Воспитывавшийся в среде русской, европейской культуры, Ч. Валиханов применял и к казахам идейные схемы европейского романтизма и возникших на основе романтизма идеологий национализма.

Мысль Ч. Валиханова развивалась так: казахи многочисленны, «из всех инородческих племен, входящих в состав Российской империи, первое место по многочисленности ... принадлежит нам – киргизам. Мы занимаем одну сплошную территорию»[67]. Эта территория геополитически важна для российского государства. Через нее осуществляется «вся так называемая среднеазиатская торговля России», и казахи участвуют в ней. Это означало для Ч. Валиханова, что российско-среднеазиатская торговля «есть не более не менее, как торговля наша». В силу этого обстоятельства, по крайней мере потенциально, казахи в ряду иных нерусских народов империи первенствуют «по богатству», а это порождает в их среде «надежды на развитие в будущем». Эти «надежды» подкрепляются тем, что казахи пребывают «в русском подданстве», а также «историческим и даже кровным родством» казахов с русскими (до идеи независимого развития должен был пройти еще не один исторический этап). Народ, давший жизнь Ч. Валиханову, – это тесно связанные с русскими «потомки батыевских татар».

Ч. Валиханов глубоко и искренне был предан Российской империи и русской культуре. Но это не бездумная преданность и не преданность человека, желающего «оставить» свой народ. Преданность империи для него была неотделима от преданности этому народу, поскольку миссию империи он видел в модернизации Степи, распространении европейской культуры. Ее распространение должно совершаться при сохранении традиционных основ казахской жизни, не только не препятствующих усвоению этой культуры, но даже облегчающих его в силу того, что в своих высших достижениях эта культура лишь возвращается к тому, что

потеряли другие народы, но сохранили казахи, и ликвидации позднейших «наслоений», искажающих эти традиционные основы.

Конечно, Ч. Валиханов не думал в таких категориях, не говорил такими словами, но объективно в его мысли империя становится инструментом казахского национализма, построения казахской нации. Преданность империи при этом становится условной, зависящей от того, выполняет она или нет те функции, которые определяет для нее Ч. Валиханов.

От каких же позднейших наслоений должна очиститься с помощью русских казахская культура? В ряду этих наслоений для Ч. Валиханова ведущее место занимал «татарский» ислам. И здесь возникали противоречия между предлагавшимся им «национальным проектом» и политикой империи.

Ислам, как представлялось оставшемуся тем не менее мусульманином Ч. Валиханову, приводил к тому, что «грамотные дети, воспитанные фанатичными татарами, с презрением отвернулись от обычаев предков и стали преследовать и запрещать их везде, где только замечали»[68]. Это «грозит разъединением народа в будущем»[69]. Казахи, подчеркивал он в написанной в 1863 г. статье «О мусульманстве в Степи», принадлежащие к «народам монгольского типа», способны к «полному восприятию европейской культуры» и пока еще находятся на этапе «двоеверия, как это было на Руси во времена преподобного Нестора». Но им угрожает смертельная опасность.

Как раз российская политика содействовала появлению в Степи «татарских мулл», она недостаточно эффективна в противостоянии «среднеазиатским ишанам» и не противодействует их местным казахским «прозелитам»-«книжникам», которые «так же энергически, как книжники древней Руси, преследуют свою народную старину».

Ч. Валиханов был интегрирован в русское общество и во многом разделял предрассудки и предубеждения своих русских друзей в отношении ислама (не позволявшие ему даже заметить, что в татарской среде уже начиналось будущее *джадидское* движение). Но он, обрушиваясь с гневными филиппиками на ислам, никогда не переходил ту тонкую грань, которая отделяет националистическую критику реального состояния своего народа, «самокритику», от отвержения этого народа. Приняв христианство, он стал бы русским. Но он и не хотел, и не мог им стать. Да, собственно, ислам ли был причиной деградации Степи? Ответ Ч. Валиханова на этот вопрос вовсе не однозначен.

Российская политика привела к тому, писал он в «Записках о судебной реформе», что «вся степь наводнена полуграмотными муллами из татар и фанатичными выходцами из Средней Азии, выдающими себя за святых»[70]. Татарские муллы – сословие привилегированное, поскольку оно пользуется покровительством российской администрации, для Ч. Валиханова это не только «все без исключения плуты» и «жадные ли-

хоимцы», но и народ «невежественный в высшей степени, едва знающий свою грамоту, но зараженный мрачным изуверством и диким суеверием». Результатом «исламизации», считал Ч. Валиханов, становилось то, что «народность наша все более и более принимает общемусульманский вид», а «некоторые султаны и богатые киргизы запирают жен своих в отдельные юрты, как в гаремы».

Филиппики Ч. Валиханова переходили в откровенно антитатарские и антимусульманские, но косвенно направленные и против российской власти (ведь именно империя покровительствует татарским муллам) выпады: «На татарском языке нет ни одной книги, которая не имела бы характер мракобесия», «учение Магомета не может быть очищено, в нем невозможна никакая реформация. Какого можно ожидать возрождения от религии, которая имеет основанием своим дикие варварские предрассудки кочевых арабов шестого столетия?» И «что может ожидать свежая и восприимчивая киргизская народность от татарского просвещения, кроме мертвой схоластики, способной только тормозить развитие мыслей и чувств»?[71].

Задача российского правительства – содействовать казахам в том, чтобы они быстрее «обошли татарский период» своей эволюции. Это тем более важно, что, по словам Ч. Валиханова, «ислам не может помогать русскому и всякому другому христианскому правительству», а «на преданность татарского продажного духовенства рассчитывать нельзя», – «со времени присоединения Казани и Астрахани к царству русскому ... [татары] не дали своему отечеству хоть сколько-нибудь известного деятеля». Их «магометанский пуританизм» и был «причиною отчуждения татар от русских».

Однако ислам – реальность казахской жизни, и Ч. Валиханов не предполагает христианизации и полного отказа от ислама. Ислам должен остаться. Но этот ислам не должен быть «татарским». Напротив, он должен сохранить характер «традиционного», соответствующего «казахским» формам его бытования. В статье «О мусульманстве в Степи» Ч. Валиханов предлагал правительству программу действий в Степи, которая была объективно нацелена на сохранение независимости казахов от татарской культурной экспансии.

В первую очередь он считал необходимым «отделить» Степь «от ведомства Оренбургского муфтия». Казахи, сквозь поверхностный ислам которых просвечивал шаманизм, отличались «от татар по исповеданию веры». Для их «условного» исповедания ислама было бы достаточно назначения «особого областного ахуна (религиозного законоучителя. – *Г.К.*) ... при общем присутствии областного начальства». Муллами в Степи могли бы назначаться только «коренные киргизы или киргизские ходжи» в случае, «если будут настоящие просьбы о том со стороны народа». Наконец, Ч. Валиханов требовал «не дозволять ишанам и ходжам, приезжающим из Средней Азии, и татарским семинаристам (учащимся медре-

се. – *Г.К.*) жить в кочевьях киргизов без определенных занятий». А над уже живущими там следовало «иметь строгое наблюдение, дабы они не образовали между киргизами дервишских и мистических обществ. Для киргизов это так же обязательно, как для нас спасение утопающих. Для совершения этого человеколюбивого дела на первый раз следует только снять покровительство над муллами и над идеями ислама и учредить в округах вместо татарских школ русские, затем реакция обнаружится сама собой». (Позже российское правительство действительно приступило к выполнению, хотя только частичному, этой программы, но не на основе призывов Ч. Валиханова, а в силу совсем других обстоятельств.)

Особое место в системе взглядов Ч. Валиханова занимают его «антибуржуазность» и аристократизм, который, очевидно, играл для него важную психологическую роль, компенсируя маргинальное положение «инородца» в русском обществе. Проповедовавшийся в Степи уроженцами Поволжско-Уральского региона «татарский» ислам был не просто «пуританским», но и эгалитаристским учением. Создававшиеся его приверженцами «дервишские и мистические общества» выступали во многом как новые, ранее неизвестные казахам формы социальной организации, далекие от того (недаром Ч. Валиханов осуждал казахских «книжников»), чтобы с должным почтением относиться и к потомкам торе и кожа, и к русским чиновникам. Татарское «плутовство» и «лихоимство» доказывало, что Степь менялась, превращаясь в поле торгово-денежных отношений, внедрявшихся в первую очередь татарами. Даже осуждавшееся Ч. Валихановым женское затворничество на самом деле демонстрировало также и то, что в Степи появлялось новое понимание собственности. Ч. Валиханову претил этот дух, разлагавший традиционные устои казахской жизни. Для европейски образованного аристократа были ближе простые и бедные люди, чем разбогатевшие выскочки и «грамотные дети, воспитанные татарами»: «С местными султанами (назначаемыми российской властью и получившими «татарское» образование администраторами-казахами. – *Г.К.*) и богачами из черной кости я ... не лажу, потому что они дурно обращаются со своими бывшими рабами, которые теперь хотя и освобождены, но живут у них, не зная, как уйти, – писал Ч. Валиханов в 1862 г. А.Н. Майкову. – Я требовал не раз, чтобы они платили им жалованье и чтобы обращались как с человеком, в противном случае грозил законом»[72].

Воззрения Ч. Валиханова противоречивы, и при чтении его произведений (но существует ли гарантия того, что в них он мог свободно и искренне излагать свои мысли?) возникают вопросы, на которые нельзя найти однозначного ответа. Причина этого – в том, что в казахском обществе лишь начиналось становление «образованного класса» и в этом «классе» только начинали зарождаться еще нечеткие, ранние формы национальной идеи. И тем не менее в воззрениях Ч. Валиханова присутствует, пусть и в зародыше, концепция казахского национализма, имею-

щая множество аналогий с национализмами других народов. Применительно к казахам Ч. Валиханов утверждал общую схему националистических идеологий – прославление прошлого, национальной традиции, в которой усматривались близость к высшим достижениям современного развития, отрицание настоящего, в котором эта традиция под угрозой, и идея ее восстановления одновременно и в первозданной чистоте, и обогащенной достижениями цивилизации. Множество аналогий имеет и отношение Ч. Валиханова к Российской империи и российской культуре, которым он был предан и служил, но которые в его схеме сами служат (или должны служить) казахскому национальному возрождению. Даже то, что острие национализма Ч. Валиханова направлено против татар и он стремился использовать Россию как орудие в антитатарской борьбе, имеет аналогии в националистических идеологиях на совсем другом краю империи – у эстонцев и латышей, например, чей национализм был связан со стремлением к культурному освобождению от немцев. Ранние идеологи этого национализма, совершенно так же, как Ч. Валиханов, видели в российской власти своего союзника.

Знали ли Ч. Валиханова последующие представители казахского «образованного класса»? Читали ли они его произведения? Таких данных у нас нет, и в этом можно сомневаться. Становление казахского «образованного класса» только начало превращаться в необратимый социальный процесс, приобретать преемственность поколений, но этот класс еще был далек от идейной преемственности, преемственности мысли.

8

Система управления Степью подвергалась радикальному реформированию – «Временное Положение» 1868 г. ликвидировало султанскую власть, перестраивало административное устройство подвластных империи территорий и меняло традиционную судебную систему. Последующие имперские преобразования (в частности, Положение от 25 марта 1891 г.) завершали начатые реформы, окончательно вводя пространство расселения казахов в систему имперского административного управления. Одним из итогов обретения Степью своего нового качественного состояния стало усиление переселенческого движения[73], а также активизация процесса перехода кочевников-казахов к оседлости, рост городских поселений с их преимущественно русским населением и интенсификация товарно-денежных отношений. Степь коренным образом менялась.

Постепенная интеграция казахского общества и казахских земель в структуру империи, переход к прямому управлению казахами расширяли и усложняли задачи колониальной администрации, и уже к концу 1860-х гг. стала очевидной необходимость расширения круга по-русски образованных казахов – необходимых посредников между русской властью и массой коренного населения[74]. При этом региональные центры уп-

равления Степью осознали эту необходимость даже раньше, чем столичные власти.

В конце 1840-х гг. канцелярия оренбургского генерал-губернатора вступила в переписку с санкт-петербургскими ведомствами, считая необходимым указать на важность подготовки в российских учебных заведениях фельдшеров и ветеринаров из числа казахов. В Оренбурге считали, что это нужно сделать, поскольку «скотоводство – основное занятие киргизского населения», а продукты хозяйства скотоводов «преимущественно вывозились из Киргизской степи» в Россию. Если же в казахских кочевьях будут и далее распространяться эпизоотии, «заразительные болезни», то тем самым будет нанесен урон «государственным интересам», выразителями которых в этом случае выступали, в первую очередь, русские скототорговцы. Отсюда вытекала задача распространения ветеринарных знаний в казахской среде[75]. Более того, в 1850-х гг. в Оренбурге стали говорить и о возможности «технической учебы» казахских детей в Казанском университете, и вообще о «дозволении киргизам поступать для высшего образования в университеты»[76].

Свидетельством стремления российских властей создать слой имеющих русское образование казахов – посредников между ними и казахской массой была и созданная в Оренбурге в 1850 г. специально для казахских детей семилетняя общеобразовательная школа при Оренбургской Пограничной комиссии[77], просуществовавшая до 1869 г. Эта школа готовила знающих русский язык письмоводителей и гражданских чиновников для работы в низшем звене аппарата управления казахскими землями. Наряду с русским языком обучение в ней предполагало преподавание ислама и тюрки. В составе первых записанных в нее 30 детей 11 были сыновьями султанов, 5 – биев, а остальные – старшин[78]. Школа при Оренбургской Пограничной комиссии с точки зрения преподававшихся в ней дисциплин и состава учащихся мало чем отличалась от Азиатского отделения Неплюевского училища. Впрочем, и просуществовала она не много дольше этого Отделения, закрытого потому, что в 1866 г. Неплюевское училище было преобразовано в военную гимназию, куда более не могли приниматься не призывавшиеся в империи на военную службу казахи.

В дальнейшем казахские учащиеся постепенно появлялись и в российских гимназиях. Они учились в средних учебных заведениях Оренбурга, городов Оренбургской губернии (в частности, Орска и Троицка[79]), а также других городов, включая и те, которые располагаются на территории современного Казахстана[80].

Казахская интеллигенция, однако, была еще слишком немногочисленна, и число образованных по-русски уроженцев Степи еще не имело устойчивой тенденции к росту[81]. Как отмечал В.В. Радлов, выпускники этих учебных заведений «при возвращении в степь не получают общество, равное по воспитанию»[82]. Казахский «образованный класс» еще дале-

ко не стал самодостаточной социальной стратой, а российские усилия по его созданию, как показывает судьба Азиатского отделения Неплюевского училища и школы при Оренбургской Пограничной комиссии, были еще спорадичны и непоследовательны.

Возрастание этих усилий и ускорение процесса создания казахского «образованного класса» было связано с новым, порожденным эпохой националистических идеологий пониманием российской властью своих задач – как задач не только укрепления и расширения империи династии Романовых, но и расширения сферы господства русской нации. Казахский «образованный класс» создавался в процессе русификации Степи и как орудие этого процесса.

9

Идеи Ч. Валиханова о необходимости ограждения казахов от татарского влияния оказались созвучными (но не тождественными в своих глубинных основаниях) национально-русификаторским тенденциям, набиравшим силу в русском обществе и российской политике во второй половине XIX в. Если для старой российской политики, основывавшейся на династическом принципе, лояльный татарский ислам был союзником, то для политики, ориентирующейся на национально-русификаторские задачи, он не мог не стать противником, «захватывающим» народы, потенциально способные стать объектами русификации. Но это изменение отношения к татарскому исламу было связано не только с новыми национально-государственными задачами, порожденными процессом формирования современной русской нации, но и с изменениями в самом татарском исламе, вызванными становлением современной татарской нации.

Российская власть в Степи сталкивалась с новой реальностью. Ее собственные действия со времени распространения на Степь суверенитета империи содействовали возникновению в регионе Поволжья, Урала и Степи поля новой, основанной на тюрки и исламе культуры, возможность возникновения которого создавалась самим существованием Оренбургского магометанского духовного собрания. Это поле поддерживалось и расширялось культурной и экономической экспансией татар в Степь, их присутствием в каждом более или менее крупном городе пространства расселения казахов.

При этом татарский ислам переживал глубокую трансформацию – в мусульманской поволжско-уральской среде возникло *джадидское* обновленчество, стремившееся к модернизации религии и усвоению мусульманами достижений европейской культуры[83]. Постепенно джадидское обновленчество распространяло свое влияние и на казахскую Степь, вновь создавая там новые *мектебы* (начальные школы. – *Г.К.*) или трансформируя уже существовавшие при каждой мечети обычно двухклассные начальные школы для мальчиков, обучение в которых осуще-

ствлялось по татарским книгам[84]. В свою очередь, возникавшие в российских городах Урала и Поволжья средние учебные заведения – *медресе*, куда отправлялись учиться молодые казахи, формировали следующую ступень образования. Возникали контуры некоего нового «протонационального» регионального единства на основе тюрки и обновленного ислама[85], утверждение которого, несомненно, поставило бы жесткий предел возможностям русификации и теоретически могло угрожать будущему империи, которая все более осознавала себя как национально-русское политическое образование.

Усилению ощущения опасности, исходящей от татарского ислама, способствовали и события на другом конце государства – польское восстание 1863–1864 гг. В «татаризации» казахов российская власть стала видеть аналог полонизации западных окраин России, когда в рамках российского государства польская культурная экспансия постепенно распространялась на группы населения, которые (как и казахи) могли потенциально стать объектом русификации и войти в состав русской нации.

Идея татарской опасности наиболее активно пропагандировалась крупным русским востоковедом и православным миссионером Н.И. Ильминским[86], человеком, в личности и деятельности которого причудливо сочеталась глубокая преданность делу русификации (то есть делу уничтожения нерусских этносов как таковых) с несомненной заботой о благе составлявших эти этносы людей. В конце января 1869 г. он подготовил записку, поданную в канцелярию оренбургского губернатора и выразившую его ощущение ситуации, складывавшейся в пореформенной Степи. Он писал: «Фанатичные шакирды, ученики медресе, переселяются ежегодно в северную киргизскую степь и живут там под видом купцов; некоторые киргизы, особенно богачи, в аулах которых жили такие учители, отправляют обыкновенно более способного сына в одно из ближайших татарских медресе на обучение ...» (Параллели с Ч. Валихановым несомненны, хотя глубинные мотивы татарофобии русификатора Ильминского и казахского «протонационалиста» Валиханова, несомненно, различны.) Далее Н.И. Ильминский продолжал: «В интересе отечественном, в виду этой массы народа, который под видом особого племени киргизского занял огромную территорию между казанскими татарами и Среднею Азиею», следовало предпринять все усилия, чтобы казахи «не слились бы с магометанами в общую сплошную массу». Правительство, подчеркивал автор записки, должно содействовать сохранению казахами «особого направления своего» с тем, чтобы «своим монолитом» этот народ разорвал бы формировавшийся единый мусульманский массив на юго-востоке России[87].

Поразительна, по сути дела, военная лексика («разорвать массив»!) записки. Начиналась война за землю, но не за государственную принадлежность этой земли (давно находившейся под российским суверенитетом), а за ее национальную сущность. Н.И. Ильминский выражал не

только свое личное мнение – многие в русском обществе считали, что единству российского государства «в восточной половине России и в далекой Сибири» угрожают, как об этом говорил в начале 1890-х гг. К.П. Победоносцев, «мощные и коварные силы»[88]. На татарский ислам начиналось наступление.

Уже в октябре 1868 г. было принято «Временное положение об управлении Оренбургским губернаторством», изымавшее религиозные дела казахов из ведения Оренбургского магометанского духовного собрания и передававшее их Министерству внутренних дел (эта ситуация сохранялась до 1905 г.).

Имперские власти всячески стремились сократить количество мечетей в Степи. В итоге в Тургайской области на 50 ее волостей до начала XX столетия официально действовало только 15 мечетей[89]. Казахское население этой области направляло бесконечные петиции в Оренбург с просьбами об открытии новых религиозных учреждений. Тем не менее в 1883 г. российское Министерство внутренних дел, в которое переправлялись эти петиции, издало распоряжение о том, что «в целях ограничения дальнейшего развития исламизации построение новых мечетей для киргизов нежелательно». Вместе с тем российские власти содействовали назначению на должности мулл казахов[90].

Борьба с татарским влиянием была неотделима от утверждения русского влияния. С точки зрения Н.И. Ильминского (находившей полное понимание у министра народного просвещения графа Д.А. Толстого и управляющего канцелярией Священного Синода В.К. Саблера), предотвратить создание «мусульманского массива» можно было лишь через просвещение «инородцев» в школе, которую он называл «народной» (речь шла не только о казахах, поскольку сфера деятельности Н.И. Ильминского распространялась и на нерусские народы Поволжья, Урала и Сибири). Задачей этой «народной школы» и миссией ее преподавателей должно было быть образование «людей, из которых сложится народ». Суть получаемого в «народной школе» образования определялась как подготовка «хороших людей»: «Художником, ученым, даже ремесленником не всякий может быть и не всякий должен быть, а хорошим человеком, т.е. нравственным, честным, добрым и религиозным, всякий может быть и всякий обязан быть»[91]. При этом «обучение инородцев должно происходить на их же родном языке, и притом на языке *народном* [выделено в тексте. – *Г.К.*] (в противоположность книжному или искусственной попытке создать такой язык), ... учитель непременно должен быть соплеменником своих учеников, т.е. инородцем же»[92]. Наконец, для «народного» языка преподавания в «народной» же школе были нужны учебники на этом языке, напечатанные с применением основанных на русской графике алфавитов.

К этому времени российская наука уже сделала большие успехи в деле изучения (и кодификации) казахского языка. В 1831 г. издательство

Казанского университета выпустило первые книги на казахском языке с использованием арабо-персидской графики. Количество наименований этих книг к 1915 г. едва достигло ста[93]. В 1870 г. в Санкт-Петербурге были изданы «Образцы народной литературы тюркских племен» В.В. Радлова, в 1897 г. в Оренбурге вышла в свет «Грамматика киргизского языка» В.В. Катаринского, в дальнейшем за ними последовали работы Н.Ф. Катанова и А.Е. Алекторова. Наконец, в 1883, 1894 и 1900 гг. в Оренбурге и Ташкенте увидели свет первые «русско-киргизские» словари[94]. По сути дела эти издания становились первыми учебниками казахского языка.

Казахский язык начинал рассматриваться российскими властями как орудие в борьбе с татарским влиянием, его распространение – как переходный этап к последующей русификации и христианизации. После создания в 1867 г. в Казани миссионерского братства «первого святителя земли Казанской», названного в честь первого казанского архиепископа св. Гурия Казанского (Н.И. Ильминский стал, по выражению его биографа, «душою и главным тружеником»[95] этого братства[96]), появились переводы православной литературы на казахский язык. В государственном же масштабе вместо татарских школ казахам были предложены школы нового типа – «русско-киргизские».

Движению в этом направлении содействовал принятый в 1870 г. правительственный документ «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Это были правила, разработанные в связи с начинавшимся в стране процессом создания учительских школ для нерусских народов. Его претворением в жизнь применительно к казахским условиям занималась созданная при Тургайском областном правлении Чрезвычайная комиссия по выработке правил об устройстве учительских школ для «инородцев» Оренбургского края. Некоторые связанные с ее работой (патронировавшейся Министерством внутренних дел) документы заслуживают внимательного прочтения.

В начале мая 1871 г. оренбургскому губернатору Н.А. Крыжановскому была направлена записка, составленная в канцелярии Министерства внутренних дел. В ней отмечалась «полезность» распространения «между киргизами первоначального образования и русской грамотности путем школ», для которых требовалось подготовить «народных киргизских учителей». При этом подчеркивалось, что от них не требовалось знать «татарскую грамоту». Даже если «в настоящее время ... киргизы в деле образования своих детей ... более всего дорожат именно обучением татарской грамоте», поскольку «вся цивилизация приходит к ним от татар», когда муллы «отправляются в киргизскую степь под видом работников и торговцев, занимаясь делом обучения киргизских мальчиков», тем не менее процесс «отатаривания киргизов» следовало прервать. Отныне их следовало «учить ... русскому языку через народных киргизских учителей при помощи родного киргизского языка и учебников на этом языке, на-

печатанных русским, а отнюдь не арабским шрифтом». Одновременно в записке подчеркивалось, что образование в среде казахов не должно было более ограничиваться детьми мужского пола, но «необходимо склонять киргизов и к обучению девочек»[97].

К мнению столичной власти Н.А. Крыжановский должен был отнестись с почтительным вниманием. Это мнение он развивал, подчеркивая, что «обязательность татарского языка есть обязательность обучения исламу», а это ставит под вопрос саму возможность существования «действительно русской школы». «Нужно создать прочную и разумную основу, – писал он в Санкт-Петербург, – для народного образования киргиз и дать средства развить число русских школ для них настолько, чтобы они постепенно вытеснили множество мелких школ, содержимых невежественными муллами и подобными им азиатскими (уроженцами Средней Азии. – *Г.К.*) выходцами»[98].

Эти школы (обычно двухклассные), устроенные по образцу действовавших в казахских аулах татаро-мусульманских мектебов, по мнению Министерства внутренних дел, отличались от мектебов тем, что несли в казахскую среду знания, основанные на «государственных началах»[99] империи. Первая из них была создана в 1883 г. в Орске (спустя шесть лет переведена в Оренбург). В дальнейшем же такие школы создавались в самых различных населенных пунктах пространства расселения казахов. Порой они переживали свое время, становясь основой для возникновения уже в постреволюционную эпоху первых советских казахских учебных заведений[100].

Появление казахского просветительства, кодификация живого казахского языка и преподавание казахского и на казахском для российских властей имели целью оторвать казахов от татар, не допустить формирования единой культуры, основанной на тюрки и исламе, и создать почву для последующей русификации. Но объективно это вело к возникновению новой казахской нации. Как это было и в западных губерниях России, имперские власти, борясь с расширяющимся влиянием народов со «старой» культурой, в которых они усматривали главную опасность для «русского народного дела» (поляков, немцев, татар), объективно способствовали появлению новых наций (эстонцев, латышей, литовцев, казахов) и – новой опасности[101].

10

В развитии казахского просветительства роль Ибрая (Ибрагима) Алтынсарина, значительный отрезок жизни которого был связан с работой инспектором «русско-киргизских» школ Тургайской области[102], огромна. Для этапа освоения и колонизации Степи его фигура столь же символична, как и личность Ч. Валиханова для этапа ее «усмирения».

В отличие от своего аристократа-предшественника, И. Алтынсарин, родившийся в 1841 и скончавшийся в 1889 г., был «киргизином черной

кости»[103], но, как и Ч. Валиханов, выходцем из Среднего жуза. Рано потеряв отца, он в возрасте пяти лет, по инициативе своего деда, старшины на российской службе, был зачислен в школу при Приграничной комиссии в Оренбурге, чтобы впоследствии стать чиновником низшего ранга в системе российской администрации в Степи. Таким чиновником, одним из многих оставшихся неизвестными чиновников[104], И. Алтынсарин и остался бы, если бы не произошло событие, раз и навсегда изменившее его жизнь, – в 1859 г. в Оренбурге он встретил Н.И. Ильминского[105].

Для И. Алтынсарина эта встреча оказалась решающей – до конца своей жизни он сохранил к Н.И. Ильминскому чувство глубочайшей привязанности, уважения и преклонения ученика перед Учителем. Н.И. Ильминский же видел в нем «прекрасную благородную душу»[106]. Память о своем ученике он запечатлел в изданной им в 1891 г. в Казани книге «Воспоминания об И.А. Алтынсарине». Н.И. Ильминский являлся едва ли не единственной опорой для своего ученика, которому местные власти, руководствуясь соображениями финансовой экономии или рутинной целесообразности, не всегда и не во всем оказывали необходимое содействие.

В 1879 г. И. Алтынсарин опубликовал свою «Киргизскую хрестоматию». Это была первая работа, удовлетворявшая потребности практики, учебное пособие для «русско-киргизских» школ, а не итог академического изучения одного из «тюркских наречий». Однако значение книги не укладывалось в узкие практические рамки. «Хрестоматия» была составлена по-казахски, но ее автор впервые применил к этому языку русский алфавит.

Как писал в предисловии к своему труду автор, «полезным» было обучение учеников «русско-киргизских школ» не на «татарском языке», предполагавшем использование арабской графики, а на «своем родном наречии». «Татарский книжный язык, – писал И. Алтынсарин, – переполненный арабско-персидскими словами, непонятен для неграмотных киргизов, и книги, писанные на этом языке, исключительно религиозного характера представляют и с этой стороны неудобства для обращения их в ... школах на светские потребности». Отсюда вытекала необходимость обращения к «ближайшему русскому языку» то есть, как писал автор «Киргизской хрестоматии», «мы сочли за более удобное напечатать настоящую хрестоматию русскими буквами», чтобы она могла стать «непосредственным путеводителем к более ученым и общеполезным русским книгам, не противореча последним ни своим содержанием, ни своим алфавитом».

Целью школ, поборником создания которых выступал И. Алтынсарин, становилось «обучение воспитанников русскому языку», но не сразу, а только после того как они научатся «читать уже по-киргизски»[107]. В дальнейшем же выпускники этих школ, учившиеся рядом с родными кочевьями, знающие два языка и правила арифметики, «были

бы небесполезны не только в управлении над киргизами, ... но и в отношении духовного и экономического сближения киргизов с русским населением»[108].

Создававшаяся И. Алтынсарином «русско-киргизская школа» воплощала идеи Н.И. Ильминского, который в одном из подготовленных им для оренбургской администрации документов писал, что языком преподавания в такой школе должен был быть «чисто киргизский язык, без всякой татарской примеси». Этот язык, подчеркивал Н.И. Ильминский, надо использовать для создания «простых, популярных книг», которые соответствовали бы «народному вкусу, народной любознательности, народным понятиям о честном, добром, полезном». И сделать это «в Степи», где «киргизские грамотеи» дорожили татаро-мусульманским образованием «как чем-то особенно почтенным, а свой язык пренебрегая как не грамотный, не книжный», можно было, только если «приноровить» к языку казахов «русский алфавит»[109]. Н.И. Ильминский же содействовал выдвижению И. Алтынсарином мысли о подготовке в рукописи первого номера казахской «Киргизской газеты» на основе русской графики[110].

К тому времени, когда И. Алтынсарин начинал свою педагогическую деятельность, Степь уже была в значительной мере исламизирована, и действовавшие там «инородческие» школы не могли, разумеется, обходиться без преподавания основ мусульманского вероучения. Российские региональные власти занимали в этом вопросе прагматическую позицию: «Запрещение (преподавания ислама. – *Г.К.*) очень дурно отразилось бы в нравственном отношении на киргизах, возбуждая в них подозрение о желании правительства отстранить детей от изучения их религии, что не только не содействовало бы распространению просвещения среди киргизов, но скорее отвратило бы их от посылки детей своих в школы»[111]. Но педагогический персонал создававшихся И. Алтынсарином школ укомплектовывался, прежде всего, из выпускников миссионерской Казанской учительской семинарии Н.И. Ильминского. Это были русские и крещеные татары[112]. Преподавать «магометанский закон» они, конечно, не могли. Эта обязанность должна была ложиться на плечи мулл, привлекаемых к обучению школьников. Муллами же были преимущественно татары. Для И. Алтынсарина такого рода поворот событий казался абсолютно недопустимым: «Муллы, кроме естественного свойства набивать человеческие головы песками, портят и язык природный»[113]. Но, кроме того, введение в школах уроков религиозного вероучения заранее предполагало, что ученики будут изучать арабскую графику хотя бы потому, что она была необходима для чтения Корана. Толкование же коранических *аятов* неизбежно вынуждало обращаться к тюрки. Возникал порочный круг. Выйти из него можно было только при условии нахождения компромисса. Компромисс был предложен Н.И. Ильминским и осуществлен его учеником.

В 1884 г. И. Алтынсарин опубликовал «*Шариати ислам*» («Мусульманский закон») в качестве учебного пособия для «русско-киргизских школ». По мнению Н.И. Ильминского, в этой книге был «совмещен весь вероучительный обиход, необходимый для взрослого мусульманина, ... все это изложено тоном рассудительным и спокойным, без всяких легендарных прикрас и увеличений»[114]. Иными словами, ислам приземлялся под бдительным оком миссионера, стремящегося не допустить, чтобы «достоинство магометанского Пророка» было описано «сильными и живыми чертами». В учебнике использовался арабский алфавит, обучение которому, однако, предполагалось только после того как дети в достаточной степени усвоят русскую азбуку. При этом арабский алфавит предусматривалось «изучать ... как арабский алфавит, а не как киргизский или татарский». Необходимые для понимания арабских текстов объяснения должны были даваться по-казахски первоначально арабскими, а в дальнейшем русскими буквами. Преподавателями же основ мусульманского вероучения становились теперь выпускники «русско-киргизских школ».

Итак, возникала новая школа как инструмент «духовного и экономического сближения киргизов с русским населением». Это «сближение» должно было, по словам И. Алтынсарина, предопределить будущее Степи, которое рисовалось им радужными красками. В Степи возникнут «русские города». В «их интеллигентном, торговом и ремесленном населении ... киргиз увидит потребителя, снабжающего степняка всеми услугами современной цивилизации, искусства и научных знаний». Влияние этих городов и «удобных путей сообщения» будет «для жизни киргизского народа в высшей степени благодетельным, ... киргизы дойдут до оседлости сами и сами же сольются, рано или поздно, с русскими»[115]. Эти слова были написаны И. Алтынсарином в 1880 г. Ему казалось тогда, что тот «обетованный мир», о котором он грезил, переписываясь с Н.И. Ильминским – одним из подлинных «друзей человечества»[116], совсем не за горами.

В это верил И. Алтынсарин как последовательный сторонник (и орудие) русификации (и, как ее окончательного итога, потенциальной христианизации) казахского национального сообщества, объективные результаты деятельности которого шли вразрез с его установкой на «слияние с русскими», который, как и его учитель, сам не ведал, что творил?

Для положительного ответа на этот вопрос есть все основания. Но некоторые личностные штрихи, характеризующие казахского просветителя, говорят, что дело было сложнее. И. Алтынсарин не был психологически устойчив. По словам Н.И. Ильминского, он «слишком был восприимчив и часто подвергался сильной тоске. ... Участие к нему его трогало и привязывало; а малое недоразумение или одиночество могло повергнуть его в разочарование и почти отчаяние»[117]. Конечно, в личном плане обрусение и переход в православие И. Алтынсарин мог рассматривать как путь к обретению собственной внутренней гармонии. Ведь он

сам писал Н.И. Ильминскому, что его, «нехристианина», внутренне «тянуло к рождественской елке». В свою очередь, Н.И. Ильминский сообщал, что «русские чиновники в Степи называют его Иваном Даниловичем»[118]. Тем не менее И. Алтынсарин не совершил шага, который означал бы разрыв с его народом.

В основе деятельности И. Алтынсарина лежала любовь к «киргизам», которых он называл «бедными, беззащитными баранами»[119], обида за «Орду, всеми почти брошенную доселе и называемую в описаниях только ... дикарями»[120] и стремление «принести посильную лепту на пользу своей родины, еще невежественной, но ... восприимчивой ко всему полезному»[121].

Контуры национальной идеологии у Ч. Валиханова видны значительно отчетливее, чем у И. Алтынсарина. Но реальное значение деятельности И. Алтынсарина для казахского «национального строительства» колоссально. Еще при своей жизни он стал очевидцем первых итогов своих просветительских начинаний.

11

В начале 1884 г. в провинциальном «Оренбургском листке» была опубликована статья, под которой стояла подпись – «Киргизы Тургайской области». В подписанной так статье говорилось: «В 1731 г. Абульхаир-хан с согласия благомыслящих народных представителей ... предложил судьбу народа своего российскому престолу. ... Абульхаир начал особую эпоху, откуда открывается для киргизов новый мир, мир блага и добра, и постепенно начинается стремление к общечеловеческому сближению в смысле цивилизации. ... Мы видим плоды полуторавекового труда и забот России о нас, киргизах. Уже начинает развиваться литературное движение в киргизском народе, служащее рычагом для его будущего прогресса. Являются туземные деятели, глубоко понимающие потребности своего народа, стремящиеся пробудить спячку киргизов и показать им мир новой, лучшей жизни»[122]. И далее: «Русская школа дала нам Алтынсарина, он есть продукт русских порядков. В его лице мы впервые находим героя, прямо восставшего против фанатизма и невежества, ... мы видим народного поэта, воспитанного ... классиками русской литературы».

Это – своего рода манифест казахского «образованного класса», который приобретал элементы самосознания, превращался из отдельных изолированных индивидов в еще очень тонкий, если сравнивать казахов с другими народами, но уже значительный, если сравнивать с временем Ч. Валиханова, слой. К началу 1890-х гг. в результате «целенаправленной политики» имперской власти «в низовых звеньях управления» татары были заменены казахами, выпускниками создававшихся И. Алтынсарином «русско-киргизских» школ, и русскими[123]. Казахский «образованный класс» обретал место «службы» – он становился неотъемлемым эле-

ментом государственного аппарата. В рамках все более стабилизировавшейся сферы его занятости этот «класс» (отныне не распылявшийся по европейской России, а концентрировавшийся в Степи) все более обращался к казахскому (и русскому) языку.

Этот «класс» менялся. Разумеется, в нем продолжали присутствовать потомки сословий «белой кости». Однако в его составе уже превалировали те, кому российская власть открывала новые возможности, представители «черной кости», достигшие общественного уважения благодаря личным заслугам и (или) богатству, возникавшему в основном благодаря участию в торговле с русскими. Дети разбогатевших скотоводов, поступавшие в русские школы, получали в дальнейшем возможность служить в российском управленческом аппарате. Они делали ранее немыслимую карьеру, зависевшую от их собственных усилий и поддерживавшуюся теми, кто в самом российском обществе и государстве был заинтересован в их успехе[124].

Основной костяк этого слоя составляли выходцы из Среднего жуза. В значительной мере это связано с тем, что деятельность И. Алтынсарина осуществлялась в границах четко очерченного региона Степи, бывшего ареалом расселения Среднего жуза, – в Тургайской области и, в дальнейшем, в прилегавших к ней административных образованиях. К 1905 г. в пределах Тургайской области насчитывалось 94 «русско-киргизские» школы (1672 ученика)[125], Семипалатинской – 27 школ (количество учеников неизвестно), Акмолинской – 14 школ (301 ученик). Там же концентрировалось и большинство учителей «русско-киргизских» школ (колебавшееся от 267 человек в Акмолинском уезде до 97 – в Усть-Каменогорском). Тем не менее эти школы возникали и на территории расселения Младшего жуза, прежде всего в Актюбинске и Уральске. В то время в пространство расселения казахов Старшего жуза подобные школы практически не проникли.

Казахский «образованный класс» становился относительно многочисленным. Но процесс его становления определялся скорее потребностями российской администрации Степи (деятельность И. Алтынсарина была одним из путей реализации этих потребностей), чем потребностями самого общества. Более того, возникновение этого «класса» в целом опережало процесс модернизации казахского социума.

Результаты российской переписи 1897 г. показывали[126], что казахи составляли 3392,8 тыс. чел., или почти 82% населения Степи, в то время как численность проживавших здесь русских немного превышала 454 тыс. (11%)[127]. Однако в городском населении этой территории (265,4 тыс. чел.) доля казахов была минимальна – только 41 тыс., или 15,4%. В то же время русское городское население составляло 134,8 тыс. чел. (50,8%). В городах проживали также выходцы из среды других европейских народов России, включая и татар. Города в Степи и возникали как русские поселения и укрепления. Исключение составляли лишь го-

рода современного Южного Казахстана (где и проживали казахи Старшего жуза) – Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент (нынешний Шымкент. – *Г.К.*). Но это были «средневековые крепости, имевшие только местное значение». Даже значительно позже, в 1928 г., авторы работ, посвященных демографии Казахстана, отмечали, что казахское население в своем подавляющем большинстве проживает в «аульно-кишлачном секторе», что расшифровывалось ими как «пребывание» казахов «в полукочевом состоянии»[128].

Города Степи, увеличение численности населения которых и в дальнейшем происходило за счет мигрировавших на эту территорию русских (и других славян)[129], не испытывали потребности в казахской рабочей силе. Казахское национальное сообщество было лишено сколько-либо значимых социальных групп, связанных с промышленным производством или городскими профессиями[130]. В своем подавляющем большинстве оно оставалось неграмотным[131], патриархальным, внутренне разделенным родоплеменными и региональными различиями.

Новый «образованный класс» был в значительной мере оторван от общества, и авторы статьи в «Оренбургском листке» в полной мере осознавали, сколь тесно они связаны с российской политикой. В этой статье Россия выступала в качестве единственного фактора, вызвавшего к жизни и их учителя, и их самих – новую для казахского социума общественную страту, которую пестовали создававшиеся властями империи «русско-киргизские» школы.

Тем не менее эпоха безоговорочной психологической зависимости от России кончалась. По мере роста «образованного класса» в его сознании казахский национализм все более явственно выступал на первый план.

В «русско-киргизских» школах воспитывались будущие деятели «Алаш», такие как поэт и общественный деятель А. Байтурсунов[132] или ставшие в дальнейшем членами руководства автономии Алаш-Орда уроженцы Уральской (ныне Западно-Казахстанской) области Х. и Дж. Досмухамедовы[133]. Но при этом едва ли не каждый казах, поступавший в «русско-киргизскую» школу, в течение того или иного времени учился в мектебе или у аульного муллы. Порой же учеба в «русско-киргизской» школе (как доказывал жизненный опыт редактора журнала «Айкап» («Зеркало») М. Сералина[134]) могла предшествовать получению дальнейшего образования в медресе.

12

Начало 1900-х гг. стало временем все более усиливавшегося интереса молодых казахов к учебе в российских высших учебных заведениях. В социальном составе казахских студентов увеличивается доля сыновей служащих российских административных органов (интеллигентов во

втором поколении) и уроженцев аулов. Примером тому становился Казанский университет.

Из казахских студентов общим числом 31 человек, обучавшихся здесь в 1890–1900 гг., 26 человек были выходцами из семей служащих российских административных органов в Степи[135]. География российских университетов, в которых учились казахские студенты, неуклонно расширялась, включая Санкт-Петербург, Москву и Варшаву. Получение образования в российских учебных заведениях становилось устойчивой тенденцией. В Казанском университете учились дети отцов, окончивших в свое время оренбургское Неплюевское училище[136].

Менялся и круг профессий, выбиравшихся студентами. Среди них продолжала превалировать ветеринария, но все большее число молодых казахов выбирали медицину, агрономию, лесное дело и, наконец, юриспруденцию. Этого требовали происходившие в Степи изменения.

Значительный приток в пределы Степи русско-украинского населения (в 1896 г., когда было учреждено Переселенческое управление, процесс переселения за Урал, включая и Степь, был упорядочен), усилившийся в итоге столыпинских преобразований, трансформировал территорию расселения казахов. Степь во все большей мере становилась объектом внутренней крестьянской колонизации, одним из результатов которой было усиление процесса оседания казахов на земле. Менялась «этническая структура»[137] Степи, где «к 1917 г. славянские переселенцы и их потомки образовали крупный массив населения»[138]. В некоторых административных единицах региона (север и северо-запад нынешнего Казахстана) они составили большинство населения, в других же (Семиреченская область) достигали уровня значительного меньшинства. Русско-казахские трения из-за земли, суть которых вытекала из противоречий между обычным правом казахов и государственной политикой, когда земля рассматривалась как «казенное имущество»[139], стали реальностью взаимоотношений между обеими национальными группами. Будущий лидер движения «Алаш» А. Букейханов писал: «Все возрастающее переселение русских в Степь, борьба за землю между киргизом и переселенцем и грубые формы, в которых эта борьба протекает, немало углубляют ... национальный антагонизм»[140]. А это, конечно же, заставляло молодых казахов активно интересоваться юриспруденцией.

Возникало казахское национальное движение, а выпускники российских университетов формировали его костяк. Среди них были окончивший Санкт-Петербургский лесотехнический институт политик и публицист А. Букейханов (1866/70–1937)[141], выпускники столичного университета юристы Б. Каратаев (1860/63–1934)[142], Дж. Досмухамедов (1887–1938 гг.), В. Таначев и М. Чокаев (1890–1941), инженер М. Тан ышпаев (1879/80–1937), врач Х. Досмухамедов (1883–1939)[143], выпускник Казанского университета юрист А. Беремжанов (1870–?)[144], выпускники Казанского университета врач А. Алдияров и юристы А. Имамбаев,

Б. Маметов и И. Кашкинбаев (1891–1938)[145]. Начиналась эпоха конструирования казахской политической нации, инициировавшаяся возникавшей казахской интеллигенцией.

13

Казахские интеллигенты вступали в политику в эпоху первой русской революции, когда в Степи возникали ранее немыслимые возможности для общественно-политической жизни. Вспоминая восприятие жителями Степи царского манифеста от 17 октября 1905 г., А. Букейханов писал: «Особенное впечатление на киргизов произвело обещание неприкосновенности личности и свободы совести. Они были ... понятны для киргизов, личность которых подвергалась постоянным ударам грубых агентов обрусительной политики, – та же политика постоянно давила религиозную совесть киргизов, закрывая мечети, медресе, конфискуя библиотеки. Что же касается свободы слова и собраний, то благодаря бытовой особенности киргизской жизни, отсутствию надзора и незнанию агентами туземного языка киргизы ... беспрепятственно осуществляли свободу слова и собраний, ... ведя свою агитацию ... и проводя своих кандидатов наперекор желаниям начальства». И далее он продолжал: «Благодаря подвижности киргизов в короткое время Манифест сделался достоянием всей степи. Повсеместно киргизы съезжались на большие и малые съезды, обильно угощались, читали Манифест, комментировали его, обсуждали вопросы о будущих выборах в Государственную думу. Киргизы самых отдаленных волостей массами поехали в степные города, где принимали участие в городских митингах, устраиваемых гражданами. ... Было время хорошее, никогда не виданное!»[146]. Очевидно, народ, во многом сохранивший кочевой образ жизни (хотя и уходивший в прошлое) и присущие этому образу жизни институты «кочевой демократии», именно так и должен был воспринять провозглашенные правительством свободы.

События 1905–1907 гг. заставляли образованных казахов формулировать и выдвигать первые требования к власти (оформлявшиеся в виде петиций массовых съездов казахов на ярмарках[147]). А. Букейханов был автором одной из этих петиций, принятой в июне 1905 г. на ярмарке в Каркаралинске[148] и направленной главе российского правительства. В ней говорилось: «Не считаясь ни с интересами народа, ни с его историческими правами, преследуя лишь одну обрусительную политику, местная администрация стремилась к уничтожению всего того, что не согласовывалось с этой политикой. Правительство совсем упустило из виду, что киргизские степи не завоеваны, а добровольно присоединились к России, киргизы приняли русское подданство в видах внешней защиты, не предполагая какого-либо вмешательства во внутренние дела». Вопрос о земле был в этой петиции центральным: «Считая землю своей собственностью, приобретенной кровью отцов, киргизы, при вступлении в русское

подданство, не подумали, что государство позволит себе посягнуть на частную собственность. Между тем российское правительство создало законы, по которым без всякой мотивировки, просто по праву сильного, все киргизские степи признаются государственной собственностью, последствием чего создалось переселенческое движение в киргизской степи, а самые лучшие участки земли перешли к переселенцам, а худшие – остались за киргизами». Российские власти обвинялись и в том, что они осуществляют «насильственное ... вторжение ... в сферу религиозных дел» и «искусственно поддерживают невежество народной массы», лишенной возможности «культурного развития»[149].

Каркаралинская петиция, что было естественно, отталкивалась от вопроса о земле, волновавшего все казахское общество, – национальное движение могло формироваться только на основе борьбы с наиболее ярким и понятным каждому казаху проявлением политики метрополии. В дальнейшем земельный вопрос стал сопровождаться и требованиями издания казахских газет, введения казахского языка в волостное судопроизводство и, наконец, «представительства народа» в верховных органах власти империи[150].

Каркаралинская петиция демонстрировала также, что этап становления казахского «образованного класса» завершился. Да, этот «класс» оставался немногочисленным. Как писал в 1910 г. А. Букейханов, в Степи «ничтожно мало низших аульных школ», «ничтожно» число «киргиз, обучающихся в городах», а тех казахов, которые закончили университеты, можно «перечислить по пальцам»[151]. Но количественная незначительность не означала, что этот «класс» не был внутренне структурирован, – он уже обладал неоспоримыми лидерами. И этот новый слой казахского общества более не выглядел как послушный и ведомый элемент в отношениях с российскими властями. Разрыв между Каркаралинской петицией и статьей «киргизов Тургайской области» в «листке» был разителен: чего стоила хотя бы предлагавшаяся А. Букейхановым интерпретация событий октября 1731 г. Речь более не шла о «плодах ... труда и забот России» о казахах, напротив, то, что делали высшие институты власти метрополии (а не только ее представители в Степи), провозглашалось нарушением договора с суверенным народом.

Казахская интеллигенция начинала творить «биографию» нации. Она утверждала наличие «кровной связи между тюркскими племенами, вошедшими в состав ... большой, средней и малой Орды», – их общим предком был «мифический герой Алаш», имя которого стало общеказахским «боевым кличем»[152]. Эти «племена» претерпели значительную трансформацию, казахское сообщество более не выглядело как кочевое, «постоянно меняющее место стоянки и передвигающееся со своими стадами в поисках для них подножного корма и лучшего водопоя». Оно более не «примитивно». Напротив, «былое, чисто пастушеское хозяйство киргиза постепенно уступает место смешанному, *земледельчески*-пасту-

шескому типу». В цитируемой статье (несмотря на ее заглавие) А. Букейханов впервые по-русски употребил новый этноним восходящего к Алашу сообщества – *казахи*, правда, наряду со старым – «киргизы».

По словам будущего лидера движения «Алаш», существование нации определялось не только наличием общего предка. Она возникла «благодаря стараниям обрусительной политики правительства, с одной стороны, и пропаганде ислама, с другой». В итоге «старое родовое объединение киргизской народности получило религиозно-политический характер». Естественным пространством его расселения провозглашалась «обширная равнина, окаймленная с севера рекою Джайк (Урал или Яйк), с запада Аму-Дарьей, с востока – Иртысом (Иртыш) и с юга горными хребтами», а также «Астраханская губерния». Казахская топонимика Степи вовсе не была случайной. Она лишь дополнительно нюансировала осязаемый качественный скачок в развитии национальной идеи: предлагавшаяся Ч. Валихановым идея «киргизско-русского родства», как и постулат И. Алтынсарина о «плодотворном сожительстве» в Степи казахов и русских городов отбрасывались. Ислам же, также в отличие от мыслителей и практиков прошлого, рассматривался теперь как фактор, определявший существование казахской нации.

Казахское общество, как и общество всей России, вступало в этап структурной перестройки (ее темпы и глубина были в Степи, разумеется, иными, чем в более развитых районах страны). Российские события консолидировали национальную интеллигенцию. Отныне эта интеллигенция действовала в условиях, когда государство провозглашало лозунг всеобщего равенства подданных и веротерпимости[153]. Впрочем, это же государство очень ограниченно распространяло его на Степь, что доказывало, например, казахское представительство в Государственной думе[154]. Ее действия становились более активными и благодаря влиянию ускоренного хозяйственного преобразования Степи, в том числе и под влиянием крестьянской колонизации (при всей противоречивости ее итогов) и усиливавшегося оседания казахов на земле.

В свою очередь казахский социум обретал все большую способность к внутренней мобильности и, как ее следствие, к восприятию идей собственного «образованного класса»[155]. А. Букейханов безоговорочно относил себя к той группе казахской интеллигенции, которую он называл «западническим направлением», видящим «будущее киргизской степи в сознательном претворении западной культуры»[156]. Он был далек от того, чтобы поддержать авторов появившейся в Степи в годы русско-японской войны прокламации, призывавшей «детей Алаша подняться как один человек против посягательств русского правительства на религию – ислам и против попытки обратить киргиз в «крестьян» и православную веру»[157]. Единственным методом «претворения западной культуры» был для него (и его соратников) путь последовательных конституционных реформ, а их инструментом – российский парламент. Избрание в Госу-

дарственную думу давало казахским интеллигентам возможность участия в общероссийской политике[158]. Опыт общероссийской политики приобретался ими и благодаря участию в деятельности «русских оппозиционных партий». А. Букейханов входил в состав ЦК конституционно-демократической партии[159], а Б. Каратаев возглавлял ее «Уральскую киргизскую группу»[160].

14

Наряду с «западническим направлением», в казахском «образованном классе» в эпоху после первой русской революции присутствовало, как отмечал А. Букейханов, и «тюркофильское», «национально-религиозное» направление[161]. Его последователи, по его словам, видели свой «идеал» в «религиозном единении казахов с прочими мусульманами», считая «образцом мусульманские-татарские партии». «Тюркофильство» оформляется и на севере, в связи с деятельностью выходившего в Троицке журнала «Айкап», и на юге, в пределах расселения Старшего жуза.

Возникновение «тюркофильской» фракции в среде казахского «образованного класса» было естественным итогом развития джадидского образования. Проводившийся вплоть до 1905 г. курс российской администрации на искоренение видимых проявлений «татаризации» и «исламизации» казахов[162] не мог покончить и с «татарскими» мектебами – школами в Степи, и с практикой обучения молодых казахов в джадидских «новометодных» медресе Казани, Уфы, Оренбурга и Троицка (что расширяло состав казахского «образованного класса»). Медресе этих городов и по своим целям, и с точки зрения программ преподавания приближались к русским университетам[163]. При этом они создавались не государством, а на средства гражданского общества. Татарские школы успешно конкурировали в Степи с «русско-киргизскими» школами. Это доказывало беспрецедентное увеличение в Степи количества мечетей и легализовавшихся «татарских» школ (и одновременно объясняло кризис «русско-киргизского» образования) после принятия закона о веротерпимости[164]. Естественно, что вновь возникавшие и выходившие из подполья «татарские» школы продолжали пропаганду идеи единства тюрко-мусульманских народов империи. В них учились будущие казахские муллы, и естественно, что они становились приверженцами этой идеи. Но не стоило бы отнести к сторонникам этой идеи и одного из наиболее ярких казахских писателей того времени, племянника Абая – Шакарима Кудайбердыева (1858–1931), рассматриваемого в современном Казахстане в качестве «религиозного философа»[165]?

Время после первой русской революции подталкивало казахский «образованный класс» к созданию собственной национальной инфраструктуры. Появлялась казахская пресса, первые произведения казахской литературы. Однако и при создании этой инфраструктуры казахская интеллигенция опиралась на джадидское «общемусульманское» движение.

В 1911 г. в Троицке, одном из центров казахского образования и одновременно «татарского» купечества и предпринимательства, под руководством М. Сералина (1872–1929) стал выходить первый «киргизский» журнал «Айкап» (Зеркало»)[166]. Это издание политически ориентировалось на сближение тюрко-мусульманских народов Поволжско-Уральского региона и Степи.

Начиная с 1900 г. центром казахского книгопечатания, после создания там издательства, принадлежавшего крупнейшему региональному татарскому книгоиздателю Ф. Каримову, стал Оренбург. Ф. Каримов выпускал и два наиболее читаемые тюрко-мусульманскими гражданами России начала XX столетия издания – джадидские газету «Вакыт» и журнал «Шура»[167]. Только за первые пятнадцать лет своего существования это издательство, используя алфавит тюрки, выпустило в свет 115 наименований казахских книг – поэтических сборников и прозы[168]. Казахская письменная литература (включавшая благодаря изданию журнала «Айкап» и публицистику) становилась реальностью. Наряду с Оренбургом, казахские книги стали печататься в Троицке и Семипалатинске[169]. Это были как первые публикации А. Кунанбаева, так и произведения творцов казахского национального движения – А. Байтурсунова (1873–1937)[170] и поэта и романиста (автора первого, вышедшего в 1910 г. казахского романа «Несчастная Жамал») М.-Я. Дулатова (1885–1935)[171].

А. Букейханов и другие «западники» видели в исламе один из факторов, определяющих становление казахской нации. В свою очередь «тюркофилы» были готовы принять эту религию в качестве национальной и на этой основе добиваться единства действий с национальными движениями иных тюрко-мусульманских народов России. Позиции обеих фракций интеллигенции совпадали в главном – ислам проводил грань между казахами и русскими, фиксируя контуры национального сообщества. И «тюркофилы», и «западники» воспринимали ислам как один из важнейших элементов национальной самоидентификации.

Инициировавшаяся начинаниями Н.И. Ильминского и И. Алтынсарина прорусская и антитатарская «молодая Киргизия» (но стоило бы вспомнить в этой связи и предвосхищения Ч. Валиханова) трансформировалась в свою противоположность. Представляя в российской Государственной думе первого и второго созывов «инородческое население» степных областей, казахские депутаты (вне зависимости от их «западнических» или «тюркофильских» пристрастий) вступали в ряды ее мусульманской фракции[172]. Ее создание было инициировано возникшим в 1905 г. общероссийским политическим движением мусульман *Иттифак аль-муслимин* (Союз мусульман)[173]. Это движение, координировавшее свою деятельность с партией конституционных демократов, рассматривалось представителями Степи в российской Государственной думе в качестве дополнительного инструмента давления на российское правительство и реализации выдвигавшихся ими требований.

15

Однако российское «общемусульманское» движение не стало фактором, способным в течение длительного времени определять политическое развитие тюркоязычных народов России. Время после революционных событий 1905–1907 гг. все более демонстрировало тенденцию к последовательному внутреннему размежеванию в его рядах. В центре внимания его участников (татары вновь лидировали в этом процессе) оказывалась не проблема единства российских мусульман, а вопросы «кристаллизации» особых национальных «сообществ» внутри ранее провозглашавшегося единства[174]. «Вера» более не могла быть основой общероссийского мусульманского единства, напротив, принципом «кристаллизации» самостоятельных тюркоязычных «национальных сообществ» должен был стать «язык» – фактор «более сильный, чем вера»[175]. Татарские интеллигенты теперь ставили вопрос не о едином языке мусульман – тюрки, а о национальных языках различных тюркских народов. Влияние этой идеи на казахский «образованный класс» было огромным.

В 1909 г. вышел в свет ставший манифестом казахской интеллигенции поэтический сборник М.-Я. Дулатова «Проснись, казах»[176]. В феврале 1913 г. А. Байтурсунов начал издавать в Оренбурге газету «Казах» (редактором ее он оставался до 1917 г.), которая последовательно ориентировалась на выражение интересов казахского национального сообщества[177]. Ее инициатор, определяя задачи своего издания, писал: «Цель этой газеты – защитить интересы народных масс, способствовать распространению науки и культуры среди киргизов, знакомить с жизнью и достижениями других народов. Во имя выполнения этих задач – разъяснять народу суть издаваемых правительством и властями законов, указов и прочих директивных документов; давать сведения о работе Государственной думы и Государственного совета; знакомить с новостями ... у нас и за рубежом; освещать прошлое и настоящее киргизов; предлагать рекомендации по торговле, повседневной работе, быту, земледелию и животноводству; направлять работу школ и медресе и оказывать содействие развитию просветительского дела, искусства, языкознания и литературы, пропагандировать медицину и ветеринарное дело»[178].

Но не только об этом шла речь в заявлении А. Байтурсунова. Далее издатель «Казаха» писал: «Народ киргизский, с давних пор занимавший определенную территорию, жил обособленною жизнью; теперь мы видим наплыв переселенцев к киргизской степи. Какова будет наша судьба в будущем? Судя по историческому ходу вещей, нетрудно предугадать, что если пришлый элемент окажется в культурном отношении сильнее коренного населения, то со временем последнее должно быть поглощено первым. И наоборот: если оба окажутся в равной мере культурными, тогда только они могут развиваться самостоятельно, существуя на одинаковых правах, и сохранить национальный облик свой. Теперь перелом в экономической жизни киргиз неизбежен. На удобные для хлебопашест-

ва земли насаждаются земледельцы, скотоводческие участки отрезываются ..., а также отчуждаются и рыбные промыслы». Как отличны идеи А. Байтурсунова от грез И. Алтынсарина о будущем «слиянии» казахов «с русскими»!

Говоря о «пришлом элементе» в Степи, противопоставлявшемся ее «коренному населению», А. Байтурсунов использовал множественное число – «чужие народности». Он ставил вопрос о казахском национальном самоопределении: «Перед нами во всем своем величии вырастает вопрос о самостоятельном существовании киргизского народа. Для того чтобы сохранить свою самостоятельность, нам необходимо всеми силами и средствами стремиться к просвещению и общей культуре; для этого мы обязаны первым долгом заняться развитием литературы на родном языке. Никогда не нужно забывать, что на самостоятельную жизнь вправе претендовать только тот народ, который говорит на родном языке и имеет свою литературу».

А далее он продолжал: «В этом отношении у нас дело обстоит не так благополучно. Современная киргизская интеллигенция, получившая образование в русских школах и татарских медресах, уже начинает пренебрегать киргизским языком, разговаривать и переписываться между собой на русском и татарском языках. Это уже плохой признак. Если это будет продолжаться и в дальнейшем, и если наши отцы и матери, вопреки закону природы, не проживут сотни, тысячи лет, то нам придется навсегда проститься с киргизским языком, а вместе с тем и с киргизским народом, как с особой нацией. Если этого мы не хотим, то необходимо разрешить этот вопрос в корне и отныне приступить к усовершенствованию киргизского языка и литературы»[179]. Можно ли отныне говорить о «тюрко-мусульманском единстве», как и об утверждавшемся Ч. Валихановым «батыевском родстве» казахов и русских?

Казахи повторяли путь развития других национальных сообществ, подвергшихся европейской экспансии и трансформированных ею. Естественным результатом этой трансформации становилось стремление стать величиной, равновеликой завоевателям, усваивая их жизненные идеалы. Возникало национальное движение, участники которого четко определяли свои цели и задачи. Автономное самосознание, оформлявшееся в сфере развивавшейся национальной культуры, должно было воплотиться в практике автономной жизнедеятельности национального сообщества. Ответственность за его судьбу могла взять на себя обладавшая значительным и разнообразным опытом общегосударственной (в различных ее аспектах) политики и местной административной деятельности, сплоченная развивавшимися в России событиями группа единомышленников[180], ведущую роль среди которых играли А. Букейханов, А. Байтурсунов, М.-Я. Дулатов, Х. и Дж. Досмухамедовы.

Однако идея национальной независимости, создания казахского государства, предполагающая борьбу с Россией, еще не присутствовала в

казахском «образованном классе». Складывавшаяся казахская национальная элита была категорическим противником опоры на массовые антигосударственные движения. Ее видение пути преобразования собственного сообщества предполагало его последовательное реформирование в рамках конституционного поля российского государства. Будущие лидеры движения «Алаш» доказали это еще в годы Первой мировой войны, безоговорочно осудив антироссийские выступления 1916 г. в Туркестане и Степи.

В июне 1916 г. российское правительство издало указ о принудительной отправке на тыловые работы в прифронтовых районах значительного числа мужчин из этих двух регионов. Указ вызвал всеобщее возмущение местного населения, вылившееся на территории Степи в восстание в Тургайской области, одним из руководителей которого был будущий казахский большевистский лидер А. Джангильдин. 8 июля 1916 г. газета «Казах» в своей передовой статье писала, что «соотечественники» казахов – «русский народ» и «единоверцы мусульмане, татарский народ ... горят в пламени пожара». Далее она добавляла: «Нельзя нам оставаться в стороне». 11 августа того же года, осуждая повстанцев и требуя не верить призывам руководителей восстания, она призывала «подчиниться указу»[181].

Идея национальной независимости должна была оформиться как естественный итог всего процесса становления казахского «образованного класса» и казахской нации на следующем этапе эволюции. Но события в России ускорили этот процесс и привели к вынужденной (и преждевременной) попытке создания казахской государственности.

16

Февральская революция 1917 г. поставила вопрос о возможности создания в составе демократической России казахской национальной автономии. По словам А. Байтурсунова, эта революция «была правильно понята и с радостью встречена киргизами потому, что, во-первых, она освободила их от гнета и насилий царского правительства и, во-вторых, подкрепила у них надежду осуществить свою заветную мечту – управлять самостоятельно»[182]. 21–28 июля 1917 г. состоявшийся в Оренбурге «I Всекиргизский съезд» объявил о создании «областной автономии» на территории «киргизских областей»[183].

Но создание автономии и превращение казахского «образованного класса»[184] в господствующую в ней политическую элиту едва ли стало бы реальностью, если бы не революционные события в российской столице. Дальнейшие шаги в направлении создания автономии стали реакцией на Октябрьскую революцию 1917 г., которая «показалась киргизам непонятной»[185], и ответом на действия местных большевиков, квалифицировавшиеся впоследствии А. Байтурсуновым как «анархия, сопровождавшаяся грабежом, и насилием, и обидой киргизского населения»[186].

«II Всекиргизский съезд», который проходил также в Оренбурге с 5 по 13 декабря 1917 г., фиксировал границы автономии – «Букеевская орда (часть территории Астраханской губернии. – *Г.К.*), Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская области, киргизские уезды Ферганского, Самаркандского, Аму-Дарьинского отдела, Закаспийской области, смежных волостей Алтайской губернии». Это была «сплошная территория с господствующим населением ... киргизов единого происхождения, единой культуры, истории и единого языка»[187]. Возникала Алаш-Орда – «автономия» или «отдельное государство», часть преобразованной в «демократическую, федеративную республику» России, входящая «в Российскую Федерацию наравне с другими народами». Ее «богатства, находящиеся на поверхности земли, воды, их богатства, а также недра земли» провозглашались «собственностью Алаш» – казахского национального сообщества[188]. Съезд создал «национальное правительство» – Всекиргизский временный народный совет в составе 15 членов во главе с А. Букейхановым. Вплоть до созыва Учредительного собрания и «установления всероссийской общепризнанной власти» Совет должен был руководить автономией[189].

В промежутке между двумя всеказахскими съездами, к декабрю 1917 г. на основе объединения «киргизских национальных комитетов» Семипалатинска, Омска и Тургая был сформирован инструмент руководства автономией – «партия киргиз». В газете «Казах» ее учредители заявляли: «... партию нашу желаем именовать именем ... наших предков – "Алаш"»[190]. Партия приступила к формированию своих структур и в казахских уездах северного Туркестана[191]. Опираясь на некоторые подсчеты (разумеется, неточные) числа активистов партии «Алаш» – 5000[192], можно получить представление и о величине казахского «образованного класса». Появился и основной документ этой партии – «Программа партии Алаш», составленная при участии А. Букейханова, А. Байтурсунова и М.-Я. Дулатова.

Переход к самостоятельности под воздействием внешних по отношению к Степи событий был слишком быстрым. Процесс создания национального «образованного класса» лишь набирал обороты, а становление национальной инфраструктуры было далеко не завершено. Но революционные процессы общероссийского масштаба не позволяли и развитию казахской интеллигенции, и формированию национального сообщества плавно переходить от одного этапа процесса их становления к другому.

Обретение власти (демократическая легитимность которой подтверждалась итогами прошедших в конце 1917 г. выборов в российское Учредительное собрание[193]) в провозглашавшейся автономии предоставляло лидерам движения «Алаш» единственную в своем роде возможность

реализации идей национального «образованного класса», выработанных им в преддверии февральской революции.

Теоретические положения казахского «образованного класса» перешли в сферу своей практической реализации. Однако столкновение этих положений с реальностью казахской жизни раскрывало их внутреннюю противоречивость, как и противоречивость ситуации либерального и ориентированного на ценности конституционности и демократии «образованного класса», оказавшегося в роли политической элиты общества, еще в громадной мере остававшегося пленником традиции.

Для «Алаш», как писала исследователь становления и эволюции этого движения Д.А. Аманжолова, была характерна «ориентация на соединение традиционализма с началами западной демократии, достижениями общечеловеческой цивилизации»[194]. Однако действия лидеров «Алаш» диктовались не столько этой теоретической ориентацией, сколько неизбежной в их положении ориентацией на традиционные представления их сообщества, необходимостью идти за обществом, которое они вели. В те годы так действовали не только лидеры казахского национального движения.

Лидеры «Алаш» считали необходимым ввести «всеобщее народное образование», при этом его начальная ступень – обязательно «на родном языке»[195]. В дальнейшем же «киргизы, – как отмечала программа партии «Алаш», – должны иметь свои средние и высшие учебные заведения, включительно до университетов». Что ж, это было естественно и необходимо. Однако легко было и поскользнуться на неожиданно воскресшей мысли Ч. Валиханова о «непреходящем» значении традиционного казахского судопроизводства. Как далее подчеркивала программа «Алаш», «судимость и суд каждого народа должны быть сообразны обычаю: судьи должны знать местный язык», а «суд ... в Степи должен происходить по всем обычаям и нравам народа». В свою очередь, формирование «войска» автономии определялось традиционной родоплеменной структурой казахского общества: «Разделение войска на части должно производиться по родственному принципу».

Наконец – едва ли не самый болезненный для казахского сообщества в связи с крестьянской иммиграцией в Степь вопрос: «... наделение землею в первую очередь туземцев. Наделение переселенцев крестьян до окончательного полного надела туземцев не должно производиться. Все ранее отобранные у киргиз переселенцами земли должны быть возвращены обратно. Киргизы должны получать земли с более плодородной почвой через местные комитеты». Введенный в июне 1918 г. декрет алаш-ордынского руководства «О временном землепользовании на территории автономии Алаш» отменил частную собственность на землю[196]. Традиционные казахские представления о землепользовании обретали силу закона.

Автономия провозглашалась на основе «воли народа». Земля и недра на территории Алаш-Орды передавались в собственность нации. Программа «Алаш» выдвигала требование «взимания налогов ... по степени богатства и имущественного состояния вообще: богатый платит больше, бедный – меньше». Партия солидаризировалась с социал-демократической (меньшевистской) постановкой рабочего вопроса, требуя введения «рабочего законодательства ... в пользу рабочих»[197]. Она заявляла, что «бедных партия называет и считает товарищами; мироедов – врагами».

Создавая реальную казахскую политическую нацию в реальном территориальном пространстве ее жизнедеятельности и стремясь к ее включению в круг суверенных наций современного мира, партия «Алаш», выросшая из национального «образованного класса», была выразителем идеи демократии. В этой сфере лежало и стремление лидеров Алаш-Орды учитывать интересы «меньшинств» – неказахов на основе создаваемой этими меньшинствами «экстерриториальной и культурной автономии»[198]. Но «пришлый элемент», если вспомнить слова А. Байтурсунова, вытеснялся из процесса национального созидания. Речь шла не только о русских. В равной мере это относилось и к татарам.

Роль и место религиозных авторитетов, несмотря на декларировавшуюся светскость государства, не подвергались сомнению: «Религия должна быть отделена от государства. ... У киргиз отдельный муфтий. Записи браков, рождения, смертности и разводов остаются у киргизских мулл». «Алаш» «национализировала» и окончательно превращала в «казахский» тот ислам, который вырос из «татарского» джадидского обновленчества, но одновременно она реализовала программу Ч. Валиханова и продолжала ту «натурализацию» ислама, которую осуществляло российское правительство. Носителями исламской традиции в Алаш-Орде становились «киргизские имамы и муэдзины», избиравшиеся «голосованием всех (конечно, казахских. – *Г.К.*) прихожан»[199].

Стоило бы, однако, признать, что цели программы «Алаш» были в значительной степени защитной мерой. Казахи еще не были политической нацией. Представленный партией «Алаш» национальный «образованный класс» был количественно тонкой частью социальной структуры казахского общества. Осуществлявшаяся этим «классом» практика национального строительства была нужна, прежде всего, для того, чтобы в обстановке развала российской государственности придать законность существованию этого «класса» и его статусу элиты казахского общества.

Создаваемая политическая структура автономии была хрупкой, ибо хрупким, далеким от реальной консолидации было само казахское общество. Утверждение о единстве происхождения от «общего предка – Алаша» было недостаточным для того, чтобы внутри казахского социума немедленно исчезли линии родоплеменного разлома. Этот социум был далек от того, чтобы быть «нераздельным единством», сформированным «национальным самосознанием» и характеризующимся наличием «объ-

ективных отношений» между его членами[200]. Более того, он не был сплочен единством «высокой культуры», лишь начиная переходить от «досовременности» к состоянию «современного» общества[201].

Сразу же после создания Всекиргизского временного народного совета в его рядах возникли фракции «малоордынцев» (представлявших Уральскую область, Букеевскую орду, Актюбинский и Иргизский уезды Тургайской области), где ведущую роль играли Х. и Дж. Досмухамедовы, и сторонников А. Букейханова – уроженцев Среднего жуза. Возникали два «отделения» Алаш-Орды с двумя политическими центрами («столицами») автономии: Западное – селение Джамбейты (ныне Жимбиты[202]) и Восточное – Семипалатинск, фиксировавшие в пределах каждой из этих территорий господство выходцев соответственно из Младшего и Среднего жузов. Наконец, казахское Семиречье – территория расселения Старшего жуза – тяготело к Туркестану. В руководстве созданной в ноябре 1917 г. Кокандской автономии (представлявшей собой попытку самоопределения местного мусульманского населения[203]) присутствовали два казаха – председатель правительства этой автономии М. Тынышпаев[204] (и одновременно участник II оренбургского Всекиргизского съезда и член руководства Алаш-Орды) и управляющий отделом внешних сношений М. Чокаев[205] (в дальнейшем в январе 1918 г. М. Чокаев сменил М.Тынышпаева на посту главы кокандского правительства).

Преобразуя казахское сообщество в нацию, лидеры Алаш-Орды, поставив в центр конструировавшегося ими сообщества те фракции родоплеменных образований, к которым они принадлежали, должны были создать иерархию господства и подчинения, в которую бы были встроены другие подразделения национального социума. Демократические способы созидания нации объективно оказывались для них недоступными.

Оппозиция руководству Алаш-Орды порой оформляла себя партийно-политически (большевики и близкие к ним «национальные социал-демократы», представленные группой «Уш-Жуз»). Но формальная принадлежность тех или иных оппозиционных групп к общероссийским политическим организациям не меняла их родоплеменного характера. Прокламировавшиеся политическими противниками партии «Алаш» идеологические платформы не несли иной смысловой нагрузки, кроме стремления создать другую по сравнению с той, которая создавалась лидерами автономии, конструкцию нации. Эта конструкция всего лишь должна была превратить в свое центральное звено те родоплеменные фракции казахского социума, к которым принадлежали оппозиционеры.

За действиями ведущей фигуры в лагере казахских большевиков[206] – А. Джангильдина, успешно создававшего базу сопротивления Алаш-Орде в Актюбинске, угадывались устремления Младшего жуза.

«Киргизская социалистическая» партия «Уш-Жуз», действовавшая в Омске (где находился ее центр), Петропавловске, Кокчетаве, Акмолин-

ске и Семипалатинске, претендовала на то, чтобы быть основным соперником «Алаш»[207], считая себя (что вытекало из ее названия – «Три жуза») общеказахской политической организацией. Создателями и «руководящим ядром» партии (в начале 1918 г. число ее сторонников оценивалось в 1000 чел.) были «малоимущий интеллигент» М. Айтпенов, «журналист и адвокат» К. Тогусов и переводчик Ш. Альджанов (два последних в 1911–1915 гг. сотрудничали в журнале «Айкап»). Это были представители периферийных фракций в составе Среднего жуза, люди не знатные и не добившиеся известности в ходе предшествовавших этапов развития «национального дела». Но и они могли становиться соперниками «Алаш». Революционные события в России беспрецедентно усиливали процессы социальной мобильности в Степи, а союз с общероссийской партией (первоначально – социалистов-революционеров, а затем, через их левое крыло, – и с большевиками) создавал для этого необходимые материальные основания.

В начале декабря 1917 г. в Петропавловске «Уш-Жуз» приступила к изданию одноименной газеты (вышло десять номеров этого издания)[208]. Полемизируя с «Алаш», «Уш-Жуз» в декабре 1917 г. опубликовала свою программу, где она ставила вопросы о земле, будущем казахском самоуправлении и основах национальной самоидентификации[209].

Партия была радикальным противником сохранения за русскими переселенцами-крестьянами уже находившихся в их распоряжении участков земли, иначе казахов ожидали бы «самоубийство», «голод и нищета». Любая форма будущего казахского самоуправления для «Уш-Жуз» должна была быть основана не на формах, заимствованных у русских (например, земство), а на «совместном с аксакалами и биями» решении «вопросов, ... что больше отвечает интересам скотоводства». При этом «в закон казахского суда» должны быть включены «справедливые требования шариата». Казахи, согласно программе «Уш-Жуз», должны быть тесно связаны с «кровными братьями» казахов – «татарами и узбеками», – «кто же, как не они, направил на путь истины племя трех жузов, блуждавших в темноте неверия, кто им открыл глаза на праведного Бога-Создателя». Политическим выражением этого «кровного братства» должна была стать «федерация с народами Средней Азии и Туркестана». Наконец, программа «Уш-Жуз» требовала «оказывать всемерную помощь бедным, беззащитным, обездоленным, не давать впредь бедняков в обиду сильным и злым». «Уш-Жуз» призывала не устанавливать союзнические отношения с конституционными демократами, как «Алаш», а «держаться социал-революционеров». Действуя в советизированном Омске, «Уш-Жуз», по примеру левых социалистов-революционеров, приветствовала Октябрьскую революцию, войдя в созданные большевиками Омский и Петропавловский советы, и резко осудила «II оренбургский Всекиргизский съезд», квалифицировав его как «сборище»[210].

Но, противостоя «Алаш», ведущей казахской политической силе, «Уш-Жуз», активисты которой принадлежали к периферии «образованного класса»[211], пыталась апеллировать ко все той же национальной традиции, лишь несколько переставляя акценты. И если бы «Уш-Жуз» стала силой, способной обрести статус руководителя казахского сообщества[212], то ее последующие шаги лишь повторили бы (но в более карикатурной, а может быть, и трагической форме) то, что была вынуждена делать партия «Алаш».

Все политические силы казахского общества апеллировали к своим внешним союзникам, представленным участниками Гражданской войны в России. Для «Алаш» таким союзником было самарское правительство Комитета Учредительного собрания, для актюбинских большевиков – их московские соратники, а для «Уш-Жуз» – сибирские большевики и левые социалисты-революционеры. Нацию, конструировавшуюся по алаш-ордынским образцам, следовало защищать от возникавших в ней центробежных тенденций и раскола. Эта защита требовала использования силы и перехода к репрессиям[213].

Формой этих репрессий было едва ли не законодательное запрещение деятельности каких-либо противников движения «Алаш» на территории автономии. Одно из решений «II Всекиргизского съезда» гласило: «Обратиться к населению с особым воззванием, призывая народ к прекращению партийной борьбы и к единению»[214]. И дело было не в неприятии тех или иных идеологических воззрений. Речь шла лишь о том, что противостоящая идеология, опирающаяся на иной, чем в случае «Алаш», структурный элемент общества, может нарушить его хрупкое единство. Собственно, ради этого и создавалось само движение «Алаш», призванное стать единственным выразителем воплощавшегося в автономии национального начала, как и единственным инструментом мобилизации национального сообщества. Демократически настроенные люди вновь оказывались пленниками трагических обстоятельств.

17

Алаш-ордынская автономия не стала стабильным политическим образованием в силу не только раздиравших ее внутренних противоречий, но и деятельности внешних сил. Власть Алаш-Орды не признавалась Уральским, Сибирским и Семиреченским казачьими войсками. Земельный вопрос становился причиной бесконечных трений и кровавых эксцессов между казахами и русскими переселенцами. Ориентация лидеров Алаш-Орды на самарское правительство Комитета Учредительного собрания, связанная с их пониманием будущего России как «демократической, федеративной республики» (самарское правительство выступало как продолжение Учредительного собрания), не означала, что отношения с ним были безоблачны. Российские участники Гражданской войны переносили боевые действия и в пределы автономии[215], разоряя ее насе-

ление. Вспоминая это время, А. Байтурсунов говорил: «Красноармейцы к нам приходят и грабят, и казаки приходят, тоже грабят»[216].

Полученное автономией политическое признание со стороны самарского правительства и атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова могло в любой момент утратить значение в связи с изменением соотношения сил участников Гражданской войны во всероссийском масштабе и на региональном уровне. Развитие событий ставило под вопрос возможность выживания алаш-ордынской автономии, лишенной значительных и подготовленных воинских формирований. В то время они только начинали создаваться (инициатива их создания принадлежала руководителям Западного отделения, раньше, чем Восточное отделение Алаш-Орды, испытавшего давление и Красной армии, и формирований Уральского казачьего войска)[217]. Трудно думать, что эта инициатива, предполагавшая введение налога на создание армии на каждое казахское хозяйство, была с энтузиазмом встречена населением. Среди казахов (исключенных в имперское время из процесса призыва в российскую армию) отсутствовали военные инструкторы. Вооружение для созданной тем не менее кавалерийской дивизии и состоявшей из двух орудий артиллерийской команды (составивших Народную армию – *Халык Аскери*) покупалось у русских дезертиров или (хотя и в ограниченном количестве) поставлялось из Самары.

Стремясь добиться хотя бы временной стабилизации положения, лидеры Западного отделения (А. Букейханов, А. Байтурсунов и М.-Я. Дулатов) приняли предложение главы правительства «Малой Башкирии»[218] З. Валидова о формировании башкиро-казахской «Федерации юго-восточных мусульманских государств» России[219]. Тому была весомая причина – башкирская автономия опиралась на собственную армию, способную, как считали казахские национальные лидеры, стать орудием защиты Алаш-Орды[220].

В начале 1918 г. наступление Красной армии и переход Самары и Оренбурга в руки большевиков коренным образом изменили ситуацию на Восточном фронте Гражданской войны в России. Противостоявший большевикам лагерь политических сил отбросил «демократическую» риторику и провозгласил «верховным правителем России» адмирала А.В. Колчака. 21 ноября 1918 г. он издал приказ о ликвидации и Алаш-Орды, и башкирской автономии и о немедленном роспуске башкирских воинских формирований[221]. Наступление оренбургских казаков А.И. Дутова (подчинившегося А.В. Колчаку) на казахскую автономию и новая резня казахов на территории Семиреченского казачьего войска вынудили лидеров Алаш-Орды вступить в переговоры с большевиками. По этому пути уже пошел З. Валиди[222].

Впоследствии А. Байтурсунов говорил: «Я до марта месяца (1919 г. – *Г.К.*) ... был против Советской власти. ... Потом, когда появился Колчак, то я увидел, что дело идет опять к старому, и тогда я перешел на сторону

Советской власти»[223]. Путь А. Байтурсунова (и других лидеров Алаш-Орды – А. Букейханова, М.-Я. Дулатова, Х. и Дж. Досмухамедовых) был идентичен пути многих национальных лидеров постреволюционной России, выбиравших между «плохим» и «худшим», но надеявшихся, что «плохое» может измениться к «лучшему». Поначалу казалось, что эти изменения могут стать реальностью.

К лету 1919 г. территория Алаш-Орды была советизирована. 10 июля 1919 г. постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР был сформирован «Революционный комитет Киргизского края» (в состав которого вошел А. Байтурсунов) с местопребыванием в Оренбурге, а 20 августа того же года постановлением ВЦИК РСФСР была образована Автономная Киргизская Социалистическая Советская Республика»[224].

Союз новой власти с бывшими алаш-ордынцами, однако, длился недолго. Недавние казахские национальные лидеры (даже если они и становились коммунистами[225]) рассматривались этой властью в лучшем случае как «временные попутчики»[226]. В середине 1920-х гг. они были выведены из состава руководящих органов советской казахской автономии. А в начале 1930-х гг. литературное творчество А. Байтурсунова, М.-Я. Дулатова и публицистика А. Букейханова официально квалифицировались уже как выражение интересов «буржуазно-феодальных классов» досоветского казахского общества[227]. Через несколько лет эти лидеры и их соратники, объявленные «врагами народа», в своем подавляющем большинстве были уничтожены. Время казахского «образованного класса», созданного российской империей, закончилось.

Слишком ранняя, не подготовленная в достаточной мере модернизационной эволюцией казахского общества, спровоцированная российскими событиями попытка достижения независимости оказалась неудачной. Независимость пришла только через 74 года.

Примечания

[1] Здесь и далее автор опирается на: *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. М.; Алматы, 1995.

[2] *Ерофеева И.В.* Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (История, историография, источники). Алматы, 2003. С. 11.

[3] См.: Там же. С. 11.

[4] *Ерофеева И.В.* Казахское ханство и власть в традиционном обществе казахов //Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001. С. 118.

[5] Взаимоотношения между чингизидами-торе и казахскими племенами (но, конечно, только отчасти) похожи на взаимоотношения между населением русских княжеств и Рюриковичами. Русские города в эпоху средневековья могли призывать на княжение и, наоборот, прогонять, «показывать путь» разным кня-

зьям, но только Рюриковичам (и иногда Гедиминовичам). Как бы ни было своевольно и свободолюбиво население города, оно не могло сделать князем того, кто по своему происхождению князем не был.

[6] *Ерофеева И.В.* Казахское ханство и власть в традиционном обществе казахов. С. 124–125.

[7] *Киргизы* или *киргиз-кайсаки* – обычное российское название казахов времени империи.

Ошибочность применения названия *киргизы*, позволявшего путать казахов и кыргызов (в России кыргызы именовались «*черными*» или «*дикокаменными* киргизами»), отчетливо осознавалась первыми русскими исследователями Степи. По словам А.И. Левшина, «им (казахам. – *Г.К.*) дают в Европе чужое имя, которым ни они сами себя, ни их соседи, исключая Россиян, их не называют». Далее он продолжал: «Название *казак*, перешедшее в средних веках и ко многим отраслям Русского племени, принадлежит Киргиз-Кайсакским Ордам с начала их существования, и что оне себя до ныне иначе не называют, как *казаками*». Объясняя сложившееся положение, А.И. Левшин подчеркивал: «Набеги и грабежи древних или подлинных Киргизов на Сибирские города и селения сделали имя их столь страшным, что Россияне, вместо брани, дали оное и *Казачьим Ордам*, которые после Киргизов наиболее делали вреда южным областям Сибири. ... С другой стороны, – продолжал он, – к составлению названия *Киргиз-Кайсаков* побуждало конечно и то, что народ сей, именуясь Казаками, не мог быть в разговоре удобно отличаем от новых обладателей Сибири, ибо сам Ермак, сподвижники его и потомки их, были *Казаки*». – *Левшин А.И.* Описание Киргиз-Кайсацких или Киргиз-Казачьих Орд и Степей. Ч. II. Исторические известия. СПб., 1832. С. 1–2 и 21–22.

Тем не менее название *киргизы* применительно к казахам использовалось и в первые годы советской власти. Только в 1926 г. был официально введен этноним *казак*, в дальнейшем трансформированный в *казах*.

[8] Наложенная 1 мая 1734 г. «высочайшая резолюция» императрицы Анны Иоанновны на сенатский проект о строительстве Оренбурга подчеркивала будущее значение этого города «не только для одного содержания киргизцев», но, прежде всего, «для отворения свободного с товарами пути в Бухары, в Водокшан (Бадахшан. – *Г.К.*), в Балх и в Индию». Цитируемый документ подчеркивал, что «Водокшанская провинция нужна в российском владении для многого в ней имеющегося богатства, что золота, лалов и ляпис-лазури в ней довольно». Одновременно Оренбург осмыслялся как город, призванный закрыть «за собой башкирцев и все набеги воровских киргиз-кайсаков (казахов. – *Г.К.*)», в силу того, что «поныне киргиз-кайсаки были неприятелями и непрестанно российским ... граничным жителям воровскими малыми партиями нападения чинили и ежегодно как скот пленников гоняли и продавали в работу в Бухарию и Хиву, купецкие караваны разбивали и многие пакости делали», а также как подобие «славного города Батавии», построенного голландцами «для своего интереса в Ост-Индии». – Полное собрание законов Российской империи. Т. IX, № 6571.

[9] Поздравление, обращенное в 1735 г. сенатским обер-секретарем И.К. Кириловым к императрице Анне Иоанновне по случаю основания им Оренбурга на

месте первой закладки этого города (ныне там находится Орск). – См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. X. М., 1963. С. 589–591.

[10] О роли Оренбурга в российской экспансии в Среднюю Азию и стабилизации внутриполитического положения в регионах Урала и южного Поволжья см.: *Косач Г.Г.* Город на стыке двух континентов: оренбургское татарское меньшинство и государство. М., 1998.

[11] Функции Омска в проходившей через часть населенной казахами территории российской экспансии в направлении Алтая, Монголии и Китая рассматриваются в: *Мукомель В., Косач Г., Кузьмин А.* Российско-казахстанские приграничные связи: опыт трех российских областей // Вестник Евразии. М., № 2, 2001.

[12] *Ерофеева И.В.* Военно-казачья и крестьянская колонизация Казахстана (XVIII – первая четверть XIX в.) // Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культуры. С. 195.

Далее И.В. Ерофеева писала: «Возле русских крепостей, редутов и форпостов возникали слободы и форштадты» с их преимущественно русским населением. ... География локализации этих укрепленных пунктов фактически обозначила на карте региона общие контуры последующего миграционного рисунка казачьих и крестьянских поселений». – Там же.

[13] *Валиханов Ч.* Следы шаманства у киргизов // Собрание сочинений. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 49.

[14] Для описываемого периода понятие «татары», как и «татарский ислам» – российские термины, обозначавшие разрозненные и этнически разнородные группы тюрко-мусульманского населения Урала и Поволжья и позволявшие на основе вероисповедания определять их статус в рамках внутрироссийской политики.

[15] Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII, №№ 16710, 16711.

[16] См. об этом: *Газиз Г.* История татар. М., 1994. С. 153–158.

[17] *Балакшин Н.Н.* О киргизах и вообще, о подвластных России мусульманах. СПб., 1887. С. 15–16.

[18] Так называемый *старотатарский* литературный язык, близкий к *чагатайскому* (*староузбекскому*) литературному языку и испытавший влияние османского языка. Использовал арабо-персидскую графику и содержал значительную долю арабских и персидских заимствований. Сфера его употребления была ограничена узким слоем образованных людей.

Во второй половине XIX столетия были предприняты первые попытки реформирования *тюрки*, направленные на то, чтобы приблизить его к народно-разговорному языку поволжских татар. Инициаторами этих попыток были преподаватели создававшихся российскими властями русско-татарских учительских школ, а также оренбургского Неплюевского училища (см. о нем ниже. – *Г.К.*). Важную роль в этом сыграл один из первых татарских национальных просветителей К. Насыри (1824–1902). Тем не менее создание *нового* татарского литературного языка заняло относительно длительное время. Он стал реальностью только после революционных событий 1905–1907 гг., когда появилась развитая татарская литература и пресса, а методы *джадидской* педагогики окончательно

победили в татарской национальной школе. – См. об этом: *Закиев М.З.* Введение: койне, традиционные нормы, старотатарский и современный татарский литературные языки // Истоки татарского литературного языка. Казань, 1988. С. 3–9; а также: *Исхаков Д. М.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997. С. 23–28.

[19] Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6, оп. 10, ед. хр. 6490, л. 3–4, 7, 10, 14.

[20] ГАОО. Ф. 6, оп. 10, ед. хр. 6889, л. 26–28.

[21] ГАОО. Ф. 6, оп. 10, ед. хр. 8481, л. 51.

[22] Здесь и далее см.: *Ерофеева И.В.* Эволюция ханской власти и включение Казахстана в состав Российской империи (1731–1865 гг.) // Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культуры. С. 171–172.

[23] Там же. С. 172–173.

[24] Ныне деревня Татарская Каргала, территориально находящаяся в непосредственной близости от Оренбурга. О роли и значении Сеитова посада в российских сношениях со Степью и среднеазиатскими государствами см.: *Косач Г.Г.* Цит. произв. С. 31–35.

[25] В начале декабря 1820 г. Оренбургская Приграничная комиссия, одно из ведомств российского Министерства иностранных дел, отвечавшее за сношения с правителями Степи, получила «обращение хана Ширгазы об отправке его сына Султана Идигу с товарищами в Сеитову слободу к мулле Абдурахману Магомету Шарипову». – ГАОО. Ф. 6, оп. 10, ед. хр. 2357, л. 1. В дальнейшем же сообщения о просьбах и приеме на учебу к этому мулле становились едва ли не постоянными. – Там же. Л. 10–11, 38, 54. 16 мая 1822 г. оренбургский генерал-губернатор П.К. Эссен сообщал главе российского внешнеполитического ведомства графу К.В. Нессельроде, что за «похвальное усердие» муллу А.М. Шарипова необходимо «освободить от государственных податей» и возвести в «тарханное достоинство». – Там же. Л. 63–64.

[26] Там же. Л. 87–90.

[27] Так, уже законодательные положения империи XVIII в. (принятые в 1756, 1758 и 1771 гг.) запрещали казахам использование правобережья р. Урал. «Все эти меры правительства ... постепенно привели к оттеснению основной массы казахского населения за левый берег Урала». – *Абдрахманова Б.* История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998. С. 25.

[28] Выражение Б. Абдрахмановой. См.: *Абдрахманова Б.* Цит. произв. С. 128.

[29] Там же. С. 135. «Кочевое скотоводство – ветвь производящего хозяйства, которое в силу ограниченности производственного потенциала и специфики способа ведения хозяйства – экстенсивно и стагнатно. ... Внутри себя, в себе казахское кочевое скотоводческое общество не имело потенциальных возможностей прогрессивного и интенсивного развития разделения труда, а равно и расширенного социально-политического прогресса. Только по мере оседания номадов, перехода их к земледелию и иным видам хозяйственной деятельности, втягивания в рыночные, товарно-денежные капиталистические отношения в их социально-экономической структуре наступают принципиальные изменения. При-

чины, приводящие к таким последствиям, были заложены в комплексе воздействовавших на казахское общество факторов, которые привносила Россия». – Там же. С. 134–135.

[30] *Ерофеева И.В.* Эволюция ханской власти и включение Казахстана в состав Российской империи. С. 178–179.

[31] В 1822 г. был ликвидирован институт хана Среднего жуза, а затем (в 1824 и 1845 гг. соответственно) ханов Младшего жуза и Внутренней (Букеевской) Орды.

[32] Они стали следствием нескольких имперских законодательных актов – Устава о сибирских киргизах (1822 г.), Положения об отдельном управлении сибирскими киргизами (1838 г.), а также Мнения Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем (1824 г.) и Положения об управлении оренбургскими киргизами (1844 г.). В дальнейшем же, после завоевания и ликвидации Кокандского ханства в 1850–1860 гг., были приняты дополнительные правовые акты, создававшие институты управления казахами, ранее находившимися под юрисдикцией кокандских правителей.

[33] Здесь и далее см.: *Ерофеева И.В.* Эволюция ханской власти и включение Казахстана в состав Российской империи (1731–1865 гг.). С. 176–177.

[34] См. об этом: *Алексеенко В.Н.* Этапы и источники формирования славянского населения Казахстана в XVIII – начале XX века // Вестник Евразии. М., № 2, 2000. С. 8–12.

[35] *Ерофеева И.В.* Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. С. 43.

[36] Выражение И.В. Ерофеевой. – *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999. С. 296.

[37] *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир. С. 296.

[38] Здесь и далее см.: *Ерофеева И.В.* Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. С. 17–18.

[39] *Масанов Н.Э.* Казахская политическая элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // С.А. Панарин (сост. и отв. ред.). Евразия: люди и мифы. М., 2003. С. 369–370.

Стоило бы отметить, что казахский случай не был единичен. Так, компенсация утраты казахской доколониальной знатью своих привилегий европейским образованием и связанной с ним мобильностью отчасти напоминала похожие процессы в Индии, где брахманы также устремились к европейскому образованию и на этой основе возвращали себе, казалось бы, утраченные позиции в качестве элитной группы общества.

[40] Исторически и генеалогически Букеевская Орда была частью Младшего жуза, переселившейся после 1801 г. в междуречье Урала и Волги, в Астраханские степи. Ее основателем стал внук хана Абулхаира султан Букей Нуралиев. В 1812 г. Букей был утвержден императором Александром I в ханском звании, но еще раньше, указом Александра I от 19 мая 1806 г., были определены территориальные границы Внутренней Орды. – Полное собрание законов Российской империи. Т. XXX, № 23164.

Поддержка имперского правительства способствовала складыванию во Внутренней Орде ведущей свое происхождение от Букея собственной линии правителей. – См.: *Ерофеева И.В.* Казахские ханы и ханские династии в XVIII – сере-

дине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана. Проблемы и перспективы исследования. Алматы, 1997. С. 88–89, 92.

Правивший Внутренней Ордой с 1823 по 1845 г. правнук Абулхаира хан Джангир создал в своей ставке школу, в которой обучали «магометанскому закону, азиатским и русскому языкам, арифметике и общим сведениям об истории и географии». Ее выпускники получали в дальнейшем образование в российских учебных заведениях. – См. об этом: *Ташпеков Г.А.* Казахи Саратовской области: историко-этнографические очерки. Саратов, 2002. С. 23–24.

[41] *Масанов Н.Э.* Казахская политическая элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество. С. 370.

К выводам Н.Э. Масанова можно добавить и другое соображение. По словам И.В. Ерофеевой, «в исторический период с середины XVI до начала XVIII в. ... постепенно сложилась определенная традиция наследования верховной власти, согласно которой ханский титул стал преимущественно привилегией одной ветви потомков Джучи, происходивших по линии султана Жадика ... . В XVIII в. эту правящую ветвь династии казахских чингизидов ... представляли ханы и султаны Среднего жуза». Наиболее существенным отклонением от этой традиции стало избрание в 1710 г. на ханский престол правителя Младшего жуза Абулхаира. Но отменило ли это избрание уже сложившуюся традицию, если после его кончины верховными правителями Степи вновь становились султаны Среднего жуза? И не содействовала ли эта традиция тому, что потомки знати Среднего жуза на раннем этапе формирования казахского «образованного класса» занимали все более значимое место в его рядах? См.: *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. С. 90–91.

[42] Центром подготовки образованных казахов становился также Омск, где в 1847–1853 гг. учился Ч. Валиханов. См. об этом: *Валиханов Ч.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, Т. 1. С. 22, 29.

[43] Здесь и далее см.: *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX в.). Уфа, 2001. С. 119–124.

[44] В 1866 г. Неплюевское училище было преобразовано в военную гимназию, куда более не принимались казахи.

[45] Здесь и далее: *Султангалиева Г.С.* Цит. произв. С. 120 и 221–222.

[46] Выражение Г.С. Султангалиевой. – См.: Там же. С. 120.

[47] Здесь и далее см.: *Ерофеева И.В.* Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. С. 51.

[48] Там же. С. 20–21.

[49] *Султангалиева Г.С.* Цит. произв. С. 121.

[50] Там же. С. 121–122.

[51] Там же. С. 122–123.

[52] Биографические данные о Ч. Валиханове см.: Очерк жизни и деятельности Ч. Валиханова // Валиханов Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 9–65.

[53] Всю жизнь Ч. Валиханов гордился своим происхождением. «Я ведь дворянин самой белой кости, – писал он в декабре 1862 г. поэту А.Н. Майкову, – потомок хана Аблая». – Ч. Валиханов А.Н. Майкову, декабрь 6 [1862 г.] // Валиханов Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1985. Т. 5. С. 153.

[54] Отец Валиханова – Чингиз в 1827 г. окончил омское училище Сибирского линейного казачьего войска и стал «старшим султаном» одного из округов «Восточной Орды», а в иерархии российской военно-административной службы в Степи – майором, а затем полковником. Здесь и далее см.: *Валиханов Ч.* Там же. Т. 1. С. 9–65.

[55] Ч. Валиханов был высокоодаренной личностью. Естественно, что, кроме русского, он прекрасно знал и европейские языки. Круг его русских знакомых и корреспондентов был огромен, включая ученых (географы и путешественники П.П. Семенов-Тяньшанский и Г.Е. Грум-Гржимайло, востоковеды Н.И. Веселовский и Г.Н. Потанин), литераторов (Ф.М. Достоевский, познакомившийся с Ч. Валихановым во время своей омской ссылки, А.Н. Майков). Ч. Валиханов был известен и за пределами России. Его безвременная смерть в апреле 1865 г. вызвала множество некрологов, памятных статей и откликов на его научные труды.

Его соученик по Омску Г.Н. Потанин писал: «О выходцах из некультурных рас рассказывают, что они, получив европейское образование, впоследствии, попав в родные условия, часто возвращаются к первобытному образу жизни. От такого возврата к степному обычаю Валиханов был застрахован тем, что, вращаясь в русском обществе, он играл в нем далеко не заурядную роль, а в провинциальном обществе являлся даже первой скрипкой». – Воспоминания Г.Н. Потанина // Валиханов Ч. Там же. Т. 1. С. 93.

[56] Сетования на «бесполезные траты» денежных средств на обучение «султанских детей» были едва ли не лейтмотивом переписки канцелярии оренбургского губернатора и вышестоящих правительственных инстанций. См., в частности: ГАОО. Ф. 6, оп. 10, ед. хр. 2357, л. 17, 19, 22.

[57] *Потанин Г.Н.* В юрте главного киргизского царевича // Валиханов Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1985. Т. 5. С. 330.

[58] *Султангалиева Г.С.* Цит. произв. С. 221–222.

[59] Воспоминания Н.М. Ядринцева. // Валиханов Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1985. Т. 5. С. 96–97.

[60] *Потанин Г.Н.* Чокан Чингисович Валиханов. – Там же. Т. 1. С. 93–94.

[61] Раздвоенность личности Ч. Валиханова понимали его русские друзья. Он был интересен им не столько как поборник развития казахов, сколько как некий экзотический феномен, образованный «киргиз». Н.М. Ядринцев писал о нем: «Это был человек вполне образованный, без предрассудков, и в то же время не питавший высокомерного презрения к своим сородичам, стоявшим на ступени дикарей». – *Ядринцев Н.М.* Воспоминания о Чокане Валиханове // Там же. Т. 1. С. 96–97.

[62] Подспудно это, видимо, осознавали наиболее близкие русские друзья Ч. Валиханова. Описывая ситуацию после его возвращения из Санкт-Петербурга в Степь, Н.М. Ядринцев говорил: «В ... возвращении в юрту даровитого и образованного инородца есть что-то драматическое. Цивилизация и культурный блеск для Чокана Валиханова, человека чуткого и наблюдательного, имели свою острую и больную сторону. В минуту разочарований он идет ... в шалаш кочевников, где нравы проще и чище. ... Выйдя из детской колыбели в киргизской юрте, даровитый киргиз перед смертью возвращается к своему очагу, и его окружает та же торжественная тишина степи. Это первая судьба инородца, испившего чашу

цивилизации, ... под конец опять возвратившегося к своим пенатам и сородичам, как бы испугавшись этой цивилизации. В этом разочаровании ... сказывается недоверие, опасение инородца к чужой культуре и всплывшее чувство самосохранения. Мы еще не подготовили почвы, чтобы инородец вступил в нее смело». – *Ядринцев Н.М.* Воспоминания о Чокане Валиханове. // Там же. Т. 1. С. 98.

[63] Ч. Валиханов – Федору Михайловичу Достоевскому, 15 октября 1862, Кокчетав // Там же. С. 564–565.

[64] *Валиханов Ч.* [Заметки по истории южносибирских племен] // Там же. Т. 1. С. 304–305.

[65] *Валиханов Ч.* Записки о судебной реформе // Там же. Т. 4. С. 81.

[66] Там же. С. 89–90.

[67] Здесь и далее см.: Там же. С. 80–81.

[68] *Валиханов Ч.* Следы шаманства у киргизов // Там же. С. 49.

[69] Здесь и далее см.: *Валиханов Ч.* О мусульманстве в Степи // Там же. С. 71–75.

[70] Здесь и далее см.: *Валиханов Ч.* Записки о судебной реформе // Там же. Т. 4. С. 77–102.

[71] Здесь и далее см.: *Валиханов Ч.* О мусульманстве в Степи // Там же. Т. 4. С. 71–75.

[72] Ч. Валиханов – Аполлону Николаевичу Майкову, декабрь 6, Кокчетав в Киргизской степи [1862?] // Там же. Т. 4. С. 567–568.

[73] О развитии русского переселенческого движения в казахские земли см., в частности: *Ерофеева И.В.* Крестьянские переселения в XIX в. // Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культуры. С. 207–219.

[74] Отныне ставившиеся перед администрацией задачи концентрировались на решении «гражданско-правовых вопросов внутри самого казахского общества», а также регулирования отношений между казахами и все более увеличивавшимся в Степи русским населением. См. об этом: *Абдрахманова Б.* Цит. произв. С. 107–108.

[75] Переписка об обучении 10 воспитанников киргизского происхождения по фельдшерско-ветеринарному искусству. Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора. – ГАОО. Ф. 6, оп. 10, ед. хр. 6277, л. 1–7; а также: ГАОО. Ф. 6, оп. 10, ед. хр. 6067, л. 2.

[76] ГАОО. Ф. 6, оп. 10, ед. хр. 7557, л.1–2.

Г.С. Султангалиева, основываясь на публикациях в изданиях Казанского университета и «Известиях Оренбургского Императорского Российского Географического Общества», отмечала, что еще в 1826 г. хан казахской Внутренней Орды Джангир, посетивший Казань и Казанский университет, высказал пожелание направить туда на учебу своих «малолетних сыновей», поскольку необходимо, чтобы казахи «вышли из дикого состояния». Тем не менее в течение 1836–1866 гг. среди учащихся Первой Казанской гимназии при университете, а затем и студентов университета из числа выходцев из Оренбургской губернии было, как отмечала она, только два казаха. – *Султангалиева Г.С.* Цит. произв. С. 132.

[77] Ведомство российского Министерства иностранных дел, отвечавшее за сношения с правителями Степи.

[78] *Султангалиева Г.С.* Цит. произв. С. 124–125.

[79] Ныне – город в Челябинской области.

[80] Цит. работа Г.С. Султангалиевой содержит, в частности, список учащихся, во второй половине 1880-х гг. проходивших курс в Оренбургской мужской гимназии (их было всего 57 чел.), а также в Троицкой гимназии в течение 1878–1911 гг. (всего 20 чел.). – *Султангалиева Г.С.* Цит. произв. С. 223–225.

[81] Так, на протяжении 1870–1916 гг. число обучавшихся в Казанском ветеринарном институте казахских студентов составило всего 19 человек, из которых только считанные единицы окончили учебный курс, получив специальность ветеринарного врача. См. список казахов, учившихся в Казанском ветеринарном институте. – Там же. С. 218.

[82] Там же. С. 127.

[83] *Джадидизм* – первоначально религиозное реформаторство в среде поволжско-уральских мусульман, инициированное А. Утыз-Имяни (1754–1834) и А. Курсави (1776–1812). Отталкивалось от критики традиции (*таклид*) и требовало обращения к вынесению мусульманами самостоятельного суждения по вопросам повседневности (*иджтихад*). В течение второй половины XIX столетия религиозный аспект джадидского обновленчества все более сменяется призывом к реформе татарской общественной и экономической жизни, выразителями потребности в которой стали Ш. Марджани (1818–1889), Р. Фахретдин (1859–1936), М. Биги (1873–1949) и З. Камали (1873–1942). Наиболее ярким проявлением «модернистского» характера этой реформы стало введение «новометодного» (*усул-е джадид*) образования, включавшего в себя преподавание современных гуманитарных и технических дисциплин во вновь создававшихся с конца XIX в. и претендовавших на университетский характер получаемого в них образования медресе Казани, Уфы и Оренбурга. Джадидское возрожденческое движение второй половины XIX – начала XX столетия было тесно связано со становлением татарского предпринимательства в регионе Урала и Поволжья. Выросшая в начале XX в. из джадидского движения общероссийская политическая партия мусульман «Иттифак аль-муслимин» впервые в истории российского мусульманского сообщества поставила вопрос о внутреннем самоуправлении «мусульманских» регионов империи.

[84] *Султангалиева Г.С.* Цит. произв. С. 108.

[85] См. об этом: *Косач Г.Г.* Цит. произв. С. 52–56.

[86] Н.И. Ильминский (1822–1892) – выпускник Казанской духовной академии, ученый-востоковед и религиозно-политический деятель. В сфере его научных интересов находились, в первую очередь, тюркские народы России. Был членом-корреспондентом Российской императорской Академии наук, профессором «турецко-татарского» языка Казанского университета и одновременно профессором «противумусульманского отделения» Казанской Духовной академии. Делом своей жизни Н.И. Ильминский считал христианизацию народов Поволжья, Урала и Сибири. В 1864 г. им была создана казанская школа для крещеных татар, преобразованная в 1872 г. в учительскую семинарию, готовившую педагогов для «инородческих» школ России. – См.: Очерк просветительской деятельности Н.И. Ильминского. Издание училищного совета при Святейшем Синоде. СПб., 1904. С. 20–21.

[87] Записка Н. Ильминского от 30 января 1869 г. «Несколько слов об образовании киргизов». – ГААО. Ф. 6, оп. 10, ед. хр. 8481, л. 108–110.

[88] См.: *Победоносцев К.П.* Н.И. Ильминский. Оттиск из журнала «Русский вестник» (1892, февраль). СПб., 1892. С. 3.

[89] Здесь и далее см.: *Султангалиева Г.С.* «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи. С. 32–33.

[90] Принятое в 1892 г. Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской позволяло «инородцам кочевым ... иметь своих мулл по одному в волости». Муллы должны были избираться «инородцами из своей среды», но «утверждение избранного лица» и «устранение его от должности» провозглашалось исключительной прерогативой генерал-губернаторов соответствующих областей, как и получение «дозволения» на «возведение мечетей». Мусульманские общества не могли создавать вакуфы. – Цит. по: *Арапов Д.Ю.* (сост.). Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 184.

[91] *Ильминский Н.* Беседы о народной школе // Очерк просветительской деятельности Н.И. Ильминского. С. 50–51.

[92] Цит. по: *Зеленин Д.* Н.И. Ильминский и просвещение инородцев. СПб., 1902. С. 5, 8.

[93] *Султангалиева Г.С.* Цит. произв. С. 137.

[94] См. об этом: *Аманжолов С.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. С. 127–147.

[95] Очерк просветительской деятельности Н.И. Ильминского. С. 21.

[96] До 1917 г. братство Св. Гурия выпустило в свет 72 книги на казахском языке и 12 – на башкирском. Их общий тираж составил 13 400 экземпляров. – *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов. С. 115.

[97] Отношение министра внутренних дел относительно способа распространения между киргизами грамотности. – ГАОО. Ф. 6, оп. 10, ед. хр. 8330, л. 1–3.

Эта новая постановка вопроса вызвала возражения со стороны Тургайского областного правления: «Киргизы стремятся к татарской письменности как единственно вошедшей в народное между киргизами употребление, как полезной для их сношений со всеми окружающими соседними народностями, исповедующими одинаковую веру, говорящими наречиями, близко подходящими к их языку, и заслуживающей в понятиях народа лицу, которое обладает познанием такой грамоты, почетного названия муллы или ученого». И далее: «Зная татарскую грамоту, народные учителя всегда найдут в среде киргизов гораздо большее число учеников, чем без этих сведений». А уже это и позволит достичь «возможно больших результатов для сближения киргизов с русскими». Резонность этих возражений подкреплялась ссылками на то, что обучение в русской школе «французскому, немецкому или татарскому языку» не сделает русского ученика «ни французом, ни немцем, ни татарином». – Там же. Л. 5–10.

[98] Там же. Л. 17–23.

[99] Выражение Н.И. Ильминского. Цит. по: *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX в.). С. 127.

[100] См., например, сообщение казахского советского ученого-ирригатора

Ш. Чокина, ставшего президентом Академии наук Казахской ССР, о его учебе в 1920-х гг. в Каркаралинском казахском педагогическом техникуме, выросшем из прежней «русско-киргизской» школы. – *Чокин Ш.* Четыре времени жизни. Алма-Ата, 1992. С. 14–18.

[101] У некоторых русских деятелей программа борьбы с татарским влиянием и подъема казахского самосознания практически полностью сливается с программой казахского «возрождения» Ч. Валиханова. Так, оценивая результаты русского воздействия на казахское общество, Г.Н. Потанин, цитировавшийся выше соученик Ч. Валиханова по Сибирскому кадетскому корпусу и ко времени публикации его статьи российский чиновник, занимавшийся Степью, во второй половине 1890-х гг. писал: «Мусульманско-клерикальное направление с каждым годом усиливается в степи. Отдельные киргизские семейства или лица, вначале подчинившиеся русскому влиянию, наконец поддаются и поглощаются общим течением. ... Рядом с этим растущим в ширь и глубь киргизского народа клерикальным влиянием русское, т.е. светское, культурное влияние ограничивается одной внешностью – поярковыми шляпами, жилетами, галстуками, пиджаками и узкими панталонами, самоварами, керосиновыми лампами, тарантасами; в духовную жизнь народа оно почти не проникает. ... Русская наука, русская история, русская литература и, вообще, русское умственное движение мало трогают сердце киргиза». Далее он пишет: «Торжествующим средством в борьбе с мусульманским клерикализмом может быть только свое киргизское светское направление; чтобы оно появилось, нужно возбудить в верхних слоях киргизского народа интерес к своей народности, интерес к изучению своего родного, своей истории, своих обычаев, своих устных памятников старины. Пока интерес к киргизской народности пробуждается только у ориенталистов, этнографов, фольклористов, но они занимаются изучением киргизской народности только для пополнения европейского знания, а вовсе не в целях пробуждения самосознания киргизского народа». Нужно, пишет Г.Потанин, появление «молодой Киргизии» как «умственного центра, где могла бы завязаться духовная жизнь киргизской интеллигенции». – *Потанин Г.Н.* В юрте последнего киргизского царевича // Там же. Т. 5. С. 329–331.

Цитируемая статья была впервые напечатана в журнале «Русское богатство», № 8, 1896 г.

[102] Об И. Алтынсарине см: *Косач Г.* Ибрагим Алтынсарин: человек в потоке времени // Панарин С.А. (сост. и отв. ред.). Евразия: люди и мифы. М., 2003.

[103] *Ильминский Н.* Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань, 1891. С. 3.

[104] Закончив в 1857 г. учебу в школе, И. Алтынсарин в течение двух лет работал писарем у деда, а затем стал «младшим толмачом» Оренбургского областного правления. Спустя год он был назначен учителем «киргизской» школы в Оренбургском укреплении (впоследствии – город Тургай). Его дальнейшая карьера развивалась в пределах Тургайского уезда Оренбургской губернии. Административные реформы первой половины 1860-х гг. превратили этот уезд в Тургайскую область, управленческие учреждения которой располагались в Оренбурге. Сначала И. Алтынсарин – «письмоводитель», уездный судья, старший помощник начальника уезда, с сентября 1879 г. – исполняющий обязанности инспектора «киргизских школ» Тургайской области, а с октября 1888 г. – инспектор этих

школ. В чиновничьей иерархии И. Алтынсарин прошел путь от губернского секретаря до коллежского советника, незадолго до смерти став статским советником. Был награжден орденом Св. Святослава и двумя орденами Св. Анны второй и третьей степени. – *Ильминский Н.* Воспоминания об И.А. Алтынсарине. С. 3–7.

[105] «Николай Иванович оказал важную услугу делу образования киргизов и сближению их с русскими тем, что воспитал под своим личным влиянием очень даровитого молодого человека из киргизов – Алтынсарина». – Очерк просветительской деятельности Н.И. Ильминского. С. 10.

[106] *Ильминский Н.* Воспоминания... С. 7.

[107] *Алтынсарин И.* Записки о киргизских волостных школах // Алтынсарин И. Собрание сочинений. Т. 2. С. 280.

[108] Там же. С. 319.

[109] *Ильминский Н.* Мнение об учительской школе для инородцев Оренбургского края // Ильминский Н. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. С. 172–173.

[110] Первый номер этой газеты (не вышедшей в свет) хранится в Государственном архиве Оренбургской области. Воспроизведен в: *Алтынсарин И.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 302.

[111] Записка военного губернатора Тургайской области генерал-майора Константиновича. – *Алтынсарин И.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 292.

[112] Но не казахи. Переходы казахов в православие были не только тогда, но и значительно позже явлением исключительным, поскольку христианизация предполагала полный разрыв со своим национальным сообществом.

Г.С. Султангалиева сообщает о крещении в 1904 г. одного из казахских студентов Казанского университета, учившегося на медицинском факультете сына султана из Актюбинского уезда Тургайской области Г.-А. Арунгазиева, принявшего новое имя – Георгий Леонидов. Причиной перехода в православие стала его женитьба на дочери русского дворянина. – *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX в.). С. 215.

Наиболее известным казахом, перешедшим в православие во время учебы в Санкт-Петербурге, был ставший в дальнейшем большевиком А. Джангильдин (с марта 1918 г. глава Тургайского областного исполкома, а с мая того же года – чрезвычайный военный комиссар Совета Народных Комиссаров РСФСР и военком Степного края). По словам лидера башкирского национального движения А.-З. Валидова (Валиди), став православным, А. Джангильдин некоторое время был священником в России. – *Заки Валиди Тоган.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 174.

[113] Письмо И. Алтынсарина Н.И. Ильминскому от 1862 г. // Ильминский Н. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. С. 215.

[114] Здесь и далее см.: Письмо Н.И. Ильминского начальнику Тургайского уезда М.П. Яковлеву о книге И. Алтынсарина «Шариати ислам» от 15 июня 1890 г. // Алтынсарин И. Собрание сочинений. Т. 3. С. 313–314.

[115] *Алтынсарин И.* По поводу голода в киргизской степи. // Алтынсарин И. Собрание сочинений. Т. 2. С. 104–105.

[116] Письмо И. Алтынсарина Н.И. Ильминскому от 14 апреля 1864 г. // Ильминский Н. Воспоминания ... С. 225.

[117] Там же. С. 25.

Да и сам И. Алтынсарин, описывая свое казавшееся ему «невыносимым» пребывание в Тургае, писал своему учителю: «Вечером выходишь на свет Божий и смотришь и туда, и сюда – одна степь и степь бесконечная представляется глазам. Нигде ни тросточки, ни травы, кроме черной полыни». – Письмо И. Алтынсарина Н.И. Ильминскому от 14 апреля 1864 г. // Там же. С. 224.

[118] Там же. С. 47. Официальное мусульманское имя И.Алтынсарина – «Ибрагим», но в обиходе это имя искажалось, приближаясь к живой казахской речи, и начинало звучать как «Ибрай».

[119] В одном из писем Н.И. Ильминскому он писал: «По долгу службы я имею частое столкновение с киргизами. ... Знаю об них много, и очень многих из них ненавижу. В тайной немилости моей находятся зажиточные люди в Орде. Они бесчеловечно, бессовестно грабят и обирают киргиз – бедных, беззащитных баранов. ... Не мое дело, но горько и очень горько мне делается, когда я посмотрю на них». – Письмо И. Алтынсарина Н.И. Ильминскому от 14 апреля 1864 г. // Ильминский Н. Воспоминания... С. 225–226.

[120] Там же. С. 226; а также: Письмо И. Алтынсарина Н.И. Ильминскому от 1862 г. // Там же. С. 214.

[121] Здесь и далее: Предисловие к «Киргизской хрестоматии» // Алтынсарин И. Собрание сочинений. Т. 1. С. 79.

[122] Здесь и далее цит. по: *Алтынсарин И.* Собрание сочинений в трех томах. Алма-Ата, 1975. Т. 1. С. 307–308.

[123] См.: *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX в.). С. 61.

[124] Этот слой становился реальностью Степи, и это доказывало отношение к нему представителей традиционной элиты казахского общества. Так, Абай Кунанбаев пишет : «Наших множество детей Принимают в интернат. Ветви юные! На них Поглядишь – и будешь рад. И родители горды: Их сынок узнал закон. Да о жизни на беду Ничего не знает он. Русский выучить язык Хочет он. Но для чего? Составленье разных просьб Будет важно для него. Не поймет добра и зла Тот, чей разум не глубок. Ждет он: час народных бед Жирный даст ему кусок». – *Кунанбаев А.* Избранное. М., 1970. С. 62.

[125] Здесь и далее см.: *Букейханов А.* Киргизы // Кастелянский А.И. (ред.). Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. СПб., 1910. С. 594–595.

А. Букейханов, приводя эти, по его словам, «неполные» данные, ссылался на результаты обследования Степи, собранные направленной в 1904 г. в Степь Переселенческим управлением экспедицией под руководством Ф.А. Щербины.

Ф.А. Щербина – земский статистик, экономист и этнограф, член-корреспондент Российской Академии наук, депутат II Государственной думы от партии народных социалистов.

[126] Здесь и далее речь идет только о населении в пределах территории современного Казахстана.

[127] Здесь и далее данные переписи 1897 г. цит. по: *Асылбеков М.Х., Галиев А.Б.* Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980). Алма-Ата, 1991. С. 42, 55, 58.

Однако по подсчетам Н.В. Алексеенко в 1897 г. доля русских в составе населения территории современного Казахстана составила 12,9%. – *Алексеенко Н.В.* Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981. С. 84.

[128] *Донич А.Н.* Народонаселение Казакстана. Кзыл-Орда, 1928. С. 20.

Автор цит. работы был откровенен: «Городское население КССР, – писал он, – является однородно европейским, так как русские, украинцы, немцы, белорусы и татары составляют 71,8% этого населения. Казакстанские города в общей своей массе могут быть названы просто русскими». – Там же. С. 25.

«Казакстан» – принятое в первые годы советской власти русское название Казахстана.

[129] В 1913 г. численность городского населения на территории современного Казахстана достигла 541 тыс. чел., абсолютное большинство которых составляли русские и представители других европейских народов России. – *Асылбеков М.Х., Галиев А.Б.* Цит. произв. С. 55.

[130] Советское время, требовавшее доказательств присутствия в казахской среде «пролетариата», заставляло включать в его ряды «киргизских рабочих на соляных, рыбных, нефтяных промыслах, на железной дороге, в рудниках и шахтах». Понимая условность этой «классовой» градации, региональные партийные теоретики добавляли, что казахские «рабочие» были «не совсем еще приобретшими пролетарскую идеологию». – Резолюции и постановления I Областной Кирпартконференции (Киргизской партийной конференции. – *Г.К.*). Оренбург, 10–18 июня 1921 г. – Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 230, л. 73.

[131] Советский автор сообщал, что в 1926 г. число грамотных «на родном языке» среди казахов составляло только 10%. – *Донич А.Н.* Цит. произв. С. 15.

Стоило бы предположить, что ситуация в конце XIX – начале XX в. едва ли отличалась от той, которая была реальностью первых лет советской власти.

[132] *Терновой И.К., Исетова Р.К.* Жизнь, озаренная борьбой. Костанай, 1998. С. 8.

Ахмет Байтурсунов родился в январе 1873 г. в Тургайском уезде, выходец из рода Аргын Среднего жуза. Принадлежал к «черной кости», деды и прадеды – батыры, прославившие себя борьбой с джунгарами и калмыками. После окончания в 1886 г. Тургайского «русско-киргизского» училища и в 1895 г. – Оренбургской «киргизской» учительской школы преподавал в аульных и волостных школах Актюбинского и Кустанайского уездов. Преподавание осуществлялось по трудам И. Алтынсарина. Один из участников казахского «петиционного» движения 1905–1907 гг. – Там же. С. 6–16.

Публикации в оренбургской прессе первого десятилетия XX в. также сообщали, что А. Байтурсунов «окончил курс в здешней Оренбургской киргизской учительской школе». – *Бекметов М.* Киргизский поэт (О А. Байтурсунове) // Оренбургский листок, 6 декабря 1909. – Цит. по: *Бурабаев М.С.* Общественная мысль Казахстана в 1917–1940 гг. Алма-Ата, 1991. С. 232.

[133] Однофамильцы Халел Досмухамедов и Джаганша Досмухамедов.

Х. Досмухамедов – выпускник Санкт-Петербургской военно-медицинской академии. Дж. Досмухамедов – выпускник юридического факультета Московского университета, в дальнейшем работал в Омской судебной палате и в 1914 г.

стал товарищем прокурора Томского судебного округа. – См.: *Аманжолова Д.А., Рыскулов В.В.* Председатель западного отделения Алаш-Орды Д. Досмухамедов и судьбы казахской интеллигенции в период сталинских репрессий // Центральноазиатский исторический сервер. – http://www.kyrgyz.ru/?page=194/

[134] М. Сералин (1872–1929), автор нескольких художественных книг на казахском языке, а также переводов из Фирдоуси, учился в Кустанайском «русско-киргизском» училище, а затем в Троицком медресе. – История Республики Казахстан. Казахская литература. – http://kazakhstan.awd.kz/theme/t23_3.html/

[135] См.: *Султангалиева Г.С.* Цит. произв. С. 215–217.

[136] Там же. С. 138.

[137] Если в 1911 г. на территории современного Казахстана казахи составляли 60% в населении Степных областей и Семиречья, а русские – 19,6%, то в 1914 г. это соотношение выглядело как, соответственно, 58,5% и 29,6%. – *Асылбеков М.Х., Галиев А.Б.* Цит. произв. С. 43.

[138] Здесь и далее см.: *Алексеенко В.Н.* Цит. произв. С. 17–18.

[139] В марте 1909 г. глава Переселенческого управления Глинка, выступая в Государственной думе, заявил: «Прежде всего, у киргиз нет права собственности на землю, которую они занимают. Земля эта казенная и лишь оставлена в собственности у киргиз. ... В Государственную думу будет внесен проект о киргизском землевладении, и она решит, должна ли киргизская степь остаться во владении кочевого киргизского населения или быть заселена русским оседлым населением». – Речь, 12 марта 1909. – Цит. по: *Штернберг Л.* Инородцы. Общий обзор // *Кастелянский А.И.* (под ред.). С. 538–539.

[140] Далее он пишет: «Киргизы признают лишь естественные границы земли: хребты гор, луга, реки, озера, увалы, долины-водостоки. Крестьяне же, считая за предел владения вспаханную борозду, ... не понимают своих киргизских соседей. На этой почве обычно и возникают столкновения, начинающиеся с перехода киргизского скота через межу крестьянского надела и его потравы». «Киргизы считают всю степь своею; в ней нет ни пяди земли, на которой не пасся бы в то или иное время киргизский скот. ... По закону же вся земля, на которой живут киргизы, казенная. ... Удобные для земледелия и лучшие земли – на законном основании отчуждаются от киргизских владений». – *Букейханов А.* Киргизы. С. 586–587.

[141] Алихан Букейханов родился в 1866/70 г. в Каркаралинском уезде Семипалатинской области, потомок Букей-хана, одного из правителей Среднего жуза в 1816–1819 гг. – *Ерофеева И.В.* Родословные казахских ханов и кожа. С. 57.

Учился в Омском техническом училище, а затем на экономическом факультете Петербургского лесотехнического института, после окончания которого стал преподавателем Омского училища лесного хозяйства. В 1904 г. работал в Степи в составе государственной экспедиции Ф.А. Щербины, занимавшейся подготовкой материалов об этом регионе для Переселенческого управления. С 1905 г. – член конституционно-демократической партии. В годы первой русской революции был сотрудником издававшихся этой партией омских газет. Публиковался в либеральных российских изданиях. Депутат I Государственной думы, в июле 1906 г. подписал Выборгское воззвание и в итоге был арестован и отправлен в ссылку в Самару. В марте 1917 г. был назначен Временным прави-

тельством комиссаром Тургайской области. – См.: *Ямаева Л.А.* (сост.). Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов. Уфа, 1998. С. 284–286.

[142] См.: Там же. С. 290–291.

О М. Чокаеве и М. Танышпаеве см. также: *Buttino M.* La rivoluzione capovolta. L'Asia Centrale tra il crollo dell'Impero zarista e la formazione dell'URSS. Napoli, 2003. P. 128–138.

[143] См.: *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994. С. 22.

[144] *Султангалиева Г.С.* Цит. произв. С. 215.

[145] Там же. С. 215–217.

[146] Из воспоминаний депутата А.Н. Букейханова о ходе выборов в первую Государственную думу в Семипалатинской области. – К 10-летию I-й Государственной думы. 27 апреля 1906 г. – 27 апреля 1916 г. Пг., 1916. – Цит. по: *Ямаева Л.А.* Цит. произв. С. 37.

[147] Более подробно о петиционном движении см.: *Аманжолова Д.А.* Цит. произв. С. 22–23.

[148] Ныне – город в Карагандинской области Казахстана.

[149] Здесь и далее см.: *Букейханов А.* Киргизы. С. 597–598.

Описывая положение казахской культуры в канун событий 1905–1907 гг., А. Букейханов сообщал, что в Степи «нет ни одной газеты по-киргизски», «нет своей типографии», только в 1905 г. вышло в свет «несколько книжек из татарских типографий». – Там же. С. 595–596.

[150] *Аманжолова Д.А.* Цит. произв. С. 22–23.

[151] *Букейханов А.* Киргизы. С. 594.

[152] Здесь и далее см.: *Букейханов А.* Киргизы. С. 577, 579–580 и 591–592.

Обращение к имени Алаша определялось стремлением построить общее, не отягощенное родоплеменными наслоениями национальное сознание казахов. В одном из стихов сборника «Гражданин» («*Азамат*)» М.-Я. Дулатов писал: «В разных местах я незавидное дерево, Нет на нем роскошных плодов. Но целиком и от корня я здешний. Алаш! Земляк мой! Плоды мои – твои». – Цит. по: Мир-Якуб (Миржакип)Дулатов.–
http://www. heritagenet.unesco.kz/kz/content/history/portret/dulatov.htm/

[153] Закон о веротерпимости 17 апреля 1905 г. См. в: *Арапов Д.Ю. (сост.).* Цит. произв. С. 175–182.

[154] Возможности представительства казахского населения Степных областей (Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской), а также коренных жителей Семиреченской области Туркестанского края в ходе выборов в Государственную думу России первого созыва (март-апрель 1906 г.) были существенно ограничены. Изданные в дополнение к общероссийскому избирательному закону правила «О применении положения о выборах», касавшиеся в том числе и населенных казахами регионов, предполагали, что от коренного населения каждого из них в Думу может быть избран только один депутат. – Полное собрание законов Российской империи. Т. 26, № 27806.

Закон о выборах от 3 июня 1907 г., на основе которого происходили выборы в Государственную думу третьего созыва, лишал избирательных прав коренное

население Степных областей и Туркестана. В этой связи в тексте закона отмечалось, что в их среде отсутствовало «достаточное развитие гражданственности». – Там же. Т. 27. Отд. 1, № 29240.

Это означало, что в Государственной думе третьего и четвертого созывов не было ни одного представителя Степи.

[155] Проводя свою избирательную кампанию, А. Букейханов встречался с выборщиками из круга традиционно уважаемых членов казахского общества Семипалатинской области. Среди них «преобладали муллы, хаджи и старики». На этих встречах ему учиняли, пользуясь его словами, «форменный допрос с пристрастием», интересуясь тем, как он «смотрит на религию», будет ли «защищать религиозные интересы киргизов в Государственной думе», равно как и его «семейной жизнью». Несмотря на давление семипалатинского губернатора, имевшего собственную кандидатуру в Думу и специально встречавшегося с выборщиками, чтобы дать им «наставления, кого следует выбирать и кого не следует выбирать в депутаты», был тем не менее избран представитель «степной интеллигенции». – Из воспоминаний депутата А.Н. Букейханова ... С. 38–39.

[156] Там же.

[157] Там же. С. 593.

[158] Депутатами Государственной думы первого и второго созывов были А. Беремжанов – от Тургайской области, А. Букейханов – от Семипалатинской области, А. Кальменев и Б. Каратаев – от Уральской области, Ш. Кошегулов – от Акмолинской области, Б. Кулманов – от Астраханской области (представитель «Внутренней Киргизской Орды»), Х. Нороконев – от Семипалатинской области, М. Танышпаев – от Семиреченской области. – См.: *Ямаева Л.А.* (сост.). Мусульманские депутаты Государственной думы России. С. 276–313.

[159] *Аманжолова Д.А.*, Цит. произв. С. 25.

[160] *Ямаева Л.А.* Цит. произв. С. 290.

[161] Здесь и далее: *Букейханов А.* Киргизы. С. 599.

[162] Напротив, меры властей приводили к тому, что, как отмечал в конце 1870-х гг. военный губернатор Уральской области, «влияние татар» на казахов как на связанных «взаимным сочувствием единоверцев» усиливалось. В Степи продолжали действовать подпольные мечети и нелегальные «татарские» школы. В 1890-х гг. чиновники Тургайской области сообщали в Оренбург, что строительством «тайных» мечетей руководили «пропитанные фанатизмом татары, и чем дальше, тем труднее будет обнаружить эти тайные молитвенные дома». – Цит. по: *Султангалиева Г.С.* «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи. С. 32–33.

[163] Наиболее ярким примером движения в этом направлении становилось основанное в Оренбурге в 1889–1890 учебном году стараниями крупнейшего оренбургского (и регионального) татарского предпринимателя А. Хусаинова, сфера деятельности которого распространялась и на Степь, медресе «Хусаинийя». – См.: *Рахимкулова М.Ф.* Медресе «Хусаинийя» в Оренбурге. Оренбург, 1997.

По ее сообщению, среди студентов этого медресе было «много казахов». – Там же. С. 15.

Как отмечала Г.С. Султангалиева, казахские учащиеся медресе «Хусаинийя» создали Общество изучения казахского языка, целью которого было изучение

казахской народной литературы, а также подготовка и издание казахских учебников для «татарских» школ. – *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX в.). С. 173.

Во всяком случае выпускником «Хусаинийи» был Х. Жубанов, впоследствии известный казахских профессор-языковед и литературовед. – Там же. С. 104.

[164] Только в Тургайской области к 1910 г. их количество составило соответственно 111 и 247. Тот же закон содействовал легализации «татарских» школ в различных населенных пунктах области. Вместе с тем предшествовавшая политика имперских властей привела к новому явлению в жизни мусульман Степи. Если татары сохранили свои позиции в качестве мулл соборных мечетей, существовавших или вновь создававшихся в городах (Кустанай, Уральск, Актюбинск, Тургай), то казахи были чаще всего муллами в аулах. – *Султангалиева Г.С.* «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи. С. 33.

[165] Автор множества стихов, поэм и прозаических произведений. В 1911 г. Шакарим опубликовал в Оренбурге едва ли не первую книгу по истории казахов – «Родословная тюрок, киргизов, казахов и ханских династий». Одновременно Шакарим Хуцайбердыев был переводчиком повести «Дубровский» А.С. Пушкина, сообщая в предисловии к своему переводу, что его учителя – Байрон, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Хафиз, Навои, Физули и немецкие философы. – История Республики Казахстан. Казахская литература. – http://kazakhstan.awd.kz/theme/t23_3.html/

[166] См.: *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX в.). С. 174–175.

[167] См. о нем: *Косач Г.Г.* Город на стыке двух континентов: оренбургское татарское меньшинство и государство. С. 53.

[168] *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX в.). С. 175.

[169] *Дюсенбаев И.Т.* (ред.). Дореволюционная казахская литература. Алма-Ата, 1979. С. 205.

[170] *Бекметов М.* Киргизский поэт (О А. Байтурсунове).

[171] *Баталов М., Сильченко М.* Очерки по казахскому фольклору и казахской литературе. Алма-Ата; Москва, 1933. С. 50.

[172] Была создана в июне 1906 г. в I Государственной думе. Объединила депутатов, представлявших мусульманские регионы России – Закавказье, Северный Кавказ, Крым, Поволжье, Урал, казахскую Степь и Среднюю Азию. – См.: *Ямаева Л.А.* Цит. произв. С. 9.

[173] Движению «Иттифак аль-муслимин» посвящено немало работ как отечественных, так и зарубежных авторов. Сошлемся на наиболее позднюю среди них, а также специально посвященную региональной (включая и Степь) деятельности этой организации. – См.: *Ямаева Л.А.* Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. Уфа, 2002. С. 137.

Участником состоявшегося в 1906 г. в Нижнем Новгороде III съезда Иттифак аль-муслимин был казахский депутат Государственной думы Ш. Кошегулов, ставший членом ЦК этого движения. – *Ямаева Л.А.* (сост.). Мусульманские депутаты Государственной думы России. С. 292.

[174] См. об этом: *Косач Г.Г.* Цит. произв. С. 57–60.

[175] Слова татарского общественно-политического деятеля Джамалетдина Валиди (Валидова), работавшего в начале XX в. преподавателем оренбургской «Хусаинийи». Этими «национальными сообществами» или, пользуясь его словами, «национальными особями», станут «татары, османцы, азербайджанцы», когда «язык» будет дополнен факторами «отечества, кровного родства, обычаев и традиций». Процесс формирования этих «сообществ» будет стимулирован «наукой, цивилизацией, моралью, искусством», благодаря которым «национальное» будет «уравнено с общечеловеческим». – *Валиди Дж.* Миллет ве миллиэт (Нация и национализм). Оренбург, 1914. – Цит. по: *Самойлович А.* Татары о татарах // Восточный сборник. Издание русских националистов. Кн. II. Пг., 1916. С. 76.

[176] Сборник «Проснись, казах» открывали стихи: «Спит казах беспробудно. Сгорим ведь в огне, если не проявим прыти, Все народы двинулись вперед, Лишь наш народ катится назад, Стараясь не сделать хотя бы шаг вперед». – Подстрочный перевод. – Цит. по: Мир-Якуб (Миржакип) Дулатов. – http://www.heritagenet.unesco.kz/kz/content/history/portret/dulatov.htm/

М.-Я. Дулатов родился в ноябре 1885 г., происходил, по его словам, «из Средней Орды, рода Аргын». Учился в сельской «русско-киргизской» школе, а затем в «русско-киргизском» училище, получив звание сельского учителя. Автор поэтических сборников «Проснись, казах» и «Гражданин» (вышел в 1913 г. в Оренбурге). Активно сотрудничал в газете «Казах». Стал одним из авторов программных документов движения «Алаш». – Там же.

[177] Однако вплоть до февральской революции 1917 г. казахская пресса оставалась немногочисленной. В конце 1913 г. в Петропавловске недолго просуществовала двуязычная татарско-казахская газета, а в Ташкенте в 1916 г. стала выходить еженедельная – «Алаш». Конечно, революционные февральские события содействовали появлению в Степи и в непосредственной близости от нее новых периодических изданий – в Семипалатинске, Уральске, Акмолинске и Ташкенте (где М. Чокаев основал газету «Бирлик туы»). Тем не менее говорить о ее мощном развитии не приходится. – История Республики Казахстан. Периодическая печать. – http://kazakhstan.awd.kz/theme/t23_1.html/

[178] Цит. по: *Бурабаев М.С.* Цит. произв. С. 33–34.

[179] Цит. по: Ахмет Байтурсунович Байтурсунов.– http://www.hronos.km.ru/biograf/baitursunov.html/

[180] В работах российских/советских и западных авторов (ссылающихся на работы своих советских коллег) существует тенденция относить создание движения «Алаш» к 1905 г., когда, по сообщению С. Брайнина и Ш. Шафиро, в Уральске состоялся его учредительный съезд. – *Брайнин С., Шафиро Ш.* Очерки по истории Алаш-Орды. Алма-Ата, М., 1935. С. 18. См. также: *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М., 1995. С. 177; *Buttino M.* Op. cit. P. 128.

Эта дата кажется спорной потому, что казахское национальное движение, хотя и ускоренно развивалось, не могло достигнуть к тому времени столь высокого уровня развития. Тем не менее создание газеты «Казах», активными сотрудниками которой были наиболее яркие представители национального «образованного класса» – А. Букейханов, А. Байтурсунов и М.-Я. Дулатов, позволяет говорить о группе единомышленников, действия которых позже привели к возникновению движения «Алаш». Сошлемся, в частности, на точку зрения современ-

ных историков Казахстана, отмечающих лишь, что «период 1905–1914 гг. подготовил появление казахской политической партии». – История Республики Казахстан. Национально-освободительное движение казахского народа. – http://kazakhstan.awd.kz/theme/t21_2.html/

[181] Передовая статья «Казаха» от 8 июля 1916 г. «К гражданам Алаш» и статья от 11 августа 1916 г. «К казахскому народу» цит. по: *Брайнин С., Шафиро Ш.* Цит. произв. С. 101–104.

[182] *Байтурсунов А.* Цит. произв. С. 236.

[183] Постановления Всекиргизского съезда в Оренбурге, 21–28 июля 1917 г. – Цит. по: *Мартыненко Н.* (сост.). Алаш-Орда. Сборник документов. Алма-Ата, 1992. С. 47.

[184] Новое качественное состояние казахского «образованного класса» санкционировалось верховной властью России того времени. В мае 1917 г. А. Букейханов был назначен Временным правительством верховным комиссаром Тургайской области. – Букейханов Алихан Нурмухамедович. – http://www.hronos.km.ru/biograf/bukeihanov.html/

[185] Слова А. Байтурсунова. Далее он продолжал: «Объясняется просто: у киргизов нет ни капитализма, ни классовой дифференциации; даже собственность у них не так резко разграничена, как у других народов: многие предметы потребления считаются у них общественным достоянием». – *Байтурсунов А.* Революция и киргизы // Бурабаев М.С. Цит. произв. С. 236.

Цитируемая статья была напечатана в 1919 г. и предназначалась для одного из изданий Коминтерна – «Жизнь национальностей». А. Байтурсунов должен был использовать в ней знаковые элементы коммунистического жаргона. Но эти элементы не скрывали главного – А. Байтурсунов все так же продолжал оставаться сторонником эволюционного развития казахского общества. Октябрьская революция казалась ему бунтом.

[186] Выступление А. Байтурсунова на объединенном торжественном заседании представителей советских, партийных и профсоюзных организаций Оренбурга по случаю приезда Председателя ВЦИК М.И. Калинина 19 сентября 1919 г. – ЦДНИОО. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 18, л. 28–29.

[187] Здесь и далее: Протокол заседания Общекиргизского съезда в Оренбурге, 5–13 декабря 1917 г. // Мартыненко Н. (сост.). Цит. произв. С. 69.

[188] Программа партии Алаш. – Там же. С. 88.

[189] См.: *Аманжолова Д.А., Рыскулов В.В.* Цит. произв.

[190] Там же. С. 61.

[191] См. об этом: Октябрьский переворот и Казахстан. История Республики Казахстан. – http://Kazakhstan.awd.kz/theme/t24_1.html/

[192] *Григорьев В.К.* Противостояние (большевики и непролетарские партии в Казахстане. 1917–1920 гг.). Алма-Ата, 1989. С. 54.

[193] Конкурируя с социал-демократами и социалистами-революционерами, «Алаш» добилась убедительной победы в Тургайской и Уральской областях (до 75% голосов участников голосования) и в Семиреченской области – более 57%. – См.: Октябрьский переворот и Казахстан. История Республики Казахстан.

[194] *Аманжолова Д.А.* Цит. произв. С. 19.

[195] Здесь и далее: Программа партии Алаш // Мартыненко Н. *(сост.)*. Цит. произв. С. 88–91.

[196] Текст декрета см.: Там же. С. 111.

[197] Здесь и далее: Программа партии Алаш. – Там же. С. 88–91.

[198] Там же. С. 69.

В протоколах все того же съезда отмечалось, что в создаваемом им «временном народном совете "Алаш-Орда"» 10 из 25 мест предоставлялось «русским и другим». При этом «всем, кто живет среди ... киргиз, гарантируются права меньшинства». – Там же.

[199] Протокол тургайского областного съезда в городе Оренбурге 2–8 апреля 1917 г. – Там же. С. 27.

[200] См.: *Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge, 1885. P. 12.

[201] См. об этом: *Gellner E.* Nation and Nationalism. Oxford, 1983. P. 50–52.

[202] На территории Западно-Казахстанской области современного Казахстана.

[203] Просуществовала вплоть до февраля 1918 г. После захвата города ташкентскими большевиками его население подверглось жесточайшему насилию, а сам город был варварски разрушен. См.: *Buttino M.* Op. cit. P. 269–283.

[204] Родился в 1879 г. в Семиреченской области в семье скотовода. Учился в гимназии в г. Верный (ныне Алматы). В 1906 г. окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения. В годы учебы в российской столице вступил в партию социалистов-революционеров. Представлял Семиреченскую область во II Государственной думе. – См. о нем: Ibid. P. 128–133.

[205] Родился в 1890 г. в Перовском уезде Сыр-Дарьинской области (ныне Сыр-Дарьинский район Кзыл-Ордынской области) в семье скотовода. Учился в гимназии в Ташкенте (где был соучеником А.Ф. Керенского). Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Сотрудничал с мусульманской фракцией Государственной думы, содействуя ее ознакомлению с событиями в Туркестане. В 1916 г. создал и возглавил Национальный центр мусульман Туркестана (*Туркестан Милли Шураси*). После падения Кокандской автономии эмигрировал в Европу. – См. о нем: Ibid. P. 133–138.

[206] Формально «большевистские» или «пробольшевистские» лидеры и создававшиеся ими группы политического действия были более многочисленны. Среди них в том числе «младоказахи» («*жас казах*»)» С. Сейфуллина, выходца из Среднего жуза, в Акмолинске и «революционный союз киргизской молодежи» Т. Рыскулова в Аулие-Атинском уезде на юге современного Казахстана. – *Григорьев В.К.* Цит. произв. С. 67.

Случай Т. Рыскулова (выходца из Старшего жуза) в этой связи показателен. Созданная им казахская организация вовсе не предполагала действовать в направлении национальной консолидации. Напротив, она подчеркивала тяготение юга Степи к Туркестану. Отнюдь не случайно, что Т. Рыскулов стал в 1919 г. председателем Туркестанского ЦИК и членом президиума краевого комитета компартии Туркестана.

[207] В начале января 1918 г. «Уш-Жуз», опираясь на поддержку большевиков, ликвидировала омское отделение «Алаш». – Там же. С. 124.

[208] Там же. С. 114–116.

[209] Здесь и далее программа «Уш-Жуз» цит. по: *Фомин В.М* (сост.). Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). – Библиотека портала Auditorium. – http://www.auditorium.ru/books/1131/

Стоило бы отметить также, что все десять номеров газеты «Уш-Жуз» вышли под девизом «Да здравствует тюркско-татарское племя!». – *Григорьев В.К.* Цит. произв. С. 117.

[210] *Григорьев В.К.* Цит. произв. С. 121.

[211] В «ядро» партии входил также «учащийся» А. Досов. – Там же. С. 114.

Оценивая «Уш-Жуз», большевики говорили, что партия состояла из «городских жителей, мастеровых, ямщиков, пастухов, в основном, городской ... бедноты». – *Сейфуллин С.* Тернистый путь. Алма-Ата, 1964. С. 135 // Там же.

[212] В июне 1918 г., когда Омск был взят белыми, второй руководитель «Уш-Жуз» К. Тогусов погиб, а партия фактически распалась. – Там же. С. 126–127.

[213] См. документы, рассказывающие о репрессиях против большевиков и «Уш-Жуз», в: *Мартыненко Н.* (сост.). Цит. произв. С. 160–162.

[214] Протокол заседания Общекиргизского съезда в Оренбурге, 5–13 декабря 1917 г. // Там же. С. 65.

[215] В районе Актюбинска были сосредоточены советские части во главе с казахским большевиком А. Джангильдиным. В период от ноября 1917 до февраля 1918 г. шли ожесточенные боевые действия вокруг Оренбурга, участниками которых были большевики и оренбургские казаки во главе с атаманом А.И. Дутовым. Наконец, в ноябре 1918 г. возникла угроза захвата территории алаш-ордынской автономии войсками наступавшего из Сибири адмирала А.В. Колчака.

[216] Выступление А. Байтурсунова на объединенном торжественном заседании ... – ЦДНИОО. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 18, л. 28–29.

[217] Здесь и далее см.: *Аманжолова Д.А., Рыскулов В.В.* Цит. произв.

[218] Ее автономия была провозглашена III Башкирским съездом, состоявшимся 20 декабря 1917 – 4 января 1918 г. в Оренбурге. – *Заки Валиди Тоган.* Воспоминания. М., 1997. С. 146.

[219] В нее, по мнению З. Валидова, должна была войти и туркестанская автономия. – Там же. С. 178.

[220] Исторически (еще в конце XVIII в. было создано Башкиро-мещеряцкое войско) и в действительности башкиры были включены в имперскую систему военного строительства. Состоявшийся в июле 1917 г. в Оренбурге I Башкирский национальный съезд, провозгласивший создание национальной автономии – *Малой Башкирии* на части территории Оренбургской губернии, лишь воскресил старую традицию самостоятельного существования национальных воинских частей, приняв постановление об их создании из числа солдат-башкир российской армии. Уже в январе 1918 г. был сформирован первый полк башкирской национальной автономии, в состав которого включались и участники антисоветских башкирских повстанческих отрядов. В июне того же года на территории башкирской автономии была проведена мобилизация, сделавшая башкирскую армию реальностью. Башкирские полки принимали активное участие в борьбе с Красной армией на Южном Урале. – Там же. С. 131, 147 и 163.

[221] Там же. С. 184–185.

[222] В феврале 1919 г. в результате переговоров с башкирским лидером советское правительство признало автономный статус «Малой Башкирии», а башкирские войска стали действовать на стороне красноармейцев.

[223] Выступление А. Байтурсунова на объединенном торжественном заседании ... – ЦДНИОО. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 18, л. 28–29.

[224] См. об этом: *Косач Г.* «Государственный» город и национальные автономии: Оренбург в первые советские годы // Вестник Евразии. М., № 2, 2002. С. 103.

[225] Членом правящей партии стал А. Байтурсунов. 20 апреля 1920 г. оренбургский комитет РКП (б) рассматривал «заявление тов. Байтурсунова о принятии его в партию». Подчеркнув «большое политическое значение» его шага, губернский комитет «принял его в качестве кандидата с 6-месячным стажем». – ЦДНИОО. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 123, л. 27.

[226] Встречаясь в сентябре 1919 г. в Оренбурге с М.И. Калининым, большевики – члены «Революционного комитета Киргизского края» открыто называли А. Байтурсунова «жуликом», считая, что уже настало время его «устранить». – ЦДНИОО. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 4, л. 19.

[227] См., например: *Баталов М., Сильченко М.* Цит. произв. С. 48–52.

Никколо Пьянчола[1]

КАЗАХСКИЕ ПАСТУХИ МЕЖДУ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЕЙ И ГОЛОДОМ. 1928–1934 гг.

Судьба кочевников – одна из наименее известных страниц истории сталинской «революции сверху». В конце 20-х гг. наиболее крупными народами СССР, основным источником существования которых являлось кочевое и перегонное скотоводство, были казахи, туркмены, киргизы и буряты. Во время первой пятилетки все они прошли через коллективизацию и осуществлявшееся с разной степенью принуждения и разной скоростью так называемое «оседание», уничтожившие пастушескую экономику. При этом больше всего пострадали казахи, до 1,5 млн. которых (примерно 38% – самый высокий процент среди народов СССР)[2] погибло от голода в 1931–1933 гг. В данной статье я предлагаю анализ советской политики в отношении сельского казахского населения в этот период и попытаюсь объяснить, почему именно оно наиболее пострадало от «революции сверху».

1. От колонизации к НЭПу

Казахские земли в Российской империи, как и в СССР, были объектом наиболее интенсивной европейской колонизации. Первыми колонистами были казаки, затем, особенно после голода в России в 1891 г., стали прибывать крестьяне. Со столыпинскими реформами переселенческий ручей превратился в бурный поток. В 1916 г. в шести казахских областях (Тургайской, Акмолинской, Уральской, Семипалатинской, Сыр-Дарьинской и Семиреченской) было уже чуть меньше 1.4 млн. колонистов, т. е. почти четверть населения[3]. Колонизация привела к сокращению пространства кочевания, частым столкновениям казахов и колонистов из-за земли и к постепенному подчинению пастушеской экономики казахов земледельческой экономике переселенцев. Во время Первой мировой войны эти противоречия привели к взрыву. Указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации жителей Центральной Азии на тыловые работы спровоцировал антиколониальное восстание, в ходе которого были убиты тысячи русских. За ним последовала резня казахов и киргизов, сначала царскими войсками, а после февральской революции солдатами из

колонистов, дезертировавшими с фронтов и прихватившими с собой оружие.

Начался период распада экономической системы империи и анархической Гражданской войны, в результате которого в рассматриваемом нами регионе от голода погибли сотни тысяч людей, в основном азиатов. В 1917–1920 гг. казахские земли частично контролировались казахской националистической партией «Алаш-Орда», а частично вооруженными колонистами, вырезавшими и грабившими кочевников. В 1920–1922 гг. Красная Армия усмирила казахские степи. Советская власть в это время действовала против интересов русских колонистов, в том числе и тех, кто поддерживал ее в период Гражданской войны. Несколько тысяч их было подвергнуто экспроприации и выселению[4]. 26 августа 1920 г. была провозглашена Автономная Киргизская Социалистическая Советская Республика[5], включавшая северную и центральную части теперешнего Казахстана. В 1924 г., в ходе «национально-территориального размежевания», к ней (на следующий год она была переименована в Казахскую[6]) были присоединены области по южному течению Сыр-Дарьи и Джетысу (Семиречье). В сентябре 1925 г. в Казахстан в качестве партийного руководителя республики прибыл старый большевик Филипп Голощекин. Он будет руководить Казахстаном во время коллективизации.

С установлением мира и концом военного коммунизма[7] советская власть оказалась лицом к лицу с практически неподконтрольным ее институтам казахским населением. Во второй половине 20-х гг. в Казахстане было около 3,8 млн. казахов (800 000 семей)[8], 38,3% из них занимались скотоводством, 33,2% – и скотоводством, и земледелием, 24% – земледелием и 4,5% ремеслом[9]. Основной производственной ячейкой у кочевников была не семья, а «мобильная деревня» – *аул*. Более богатые члены аула – *баи* – были связаны с более бедными отношениями патроната – клиентелы, в основе которых было использование бедняками байского скота.

Согласно казахстанской статистике в конце 20-х гг. только 23% казахов были полностью оседлыми[10], остальные были «кочевниками и полукочевниками». Но примерно половина тех, кто классифицировался как «полукочевники», могут считаться «полуоседлыми». Уже в царское время распространяется начальная форма перехода к оседлости, характеризующаяся постоянными зимними пастбищами, использованием кормовых культур и частичным занятием земледелием.[11] «Классическим» кочевым скотоводством с перемещениями по все время меняющимся маршрутам на деле занималось лишь меньшинство казахов на полупустынных прикаспийских равнинах и на ограниченных территориях Центрального и Южного Казахстана. Большинство перегоняло стада по постоянным путям на расстояния от сотен километров в степях центральных и северных районов до нескольких километров – к высокогорным лугам Тянь-

Шаня и Алтая. Таким образом, номадизм постепенно трансформировался в перегонное скотоводство[12].

Значительная часть казахов занимались земледелием, хотя чаще как побочной деятельностью. Большей частью это были бедняки, не имевшие или почти не имевшие скота, которые весь год жили на зимних стоянках, в то время как остальные перемещались со стадами на весенние и летние пастбища. Если же число скота у них увеличивалось, они могли снова начать кочевать со своим аулом. Бедняки также часто нанимались как пастухи и батраки к русским крестьянам[13] или даже уходили работать на шахты.

Казахское скотоводство было связано с русским земледелием и через интенсивный товарообмен. На ярмарках и в городах крестьяне продавали казахам зерно, а те покупали его за деньги, вырученные от продажи скота и продуктов скотоводства, или же выменивали его.

Для нашей темы очень важно, что советские чиновники отлично знали, что кочевники потребляют зерно. На одной конференции в 1928 г. В. Соколовский, один из руководителей статистической службы Казахстана, говорил, что хотя казахи, в отличие от русских, не поставляют зерно, потребляют они его, даже в скотоводческих зонах, в больших количествах, чрезмерно, как он полагал, «щадя» свой скот[14].

Политика «деколонизации»

Спецификой Казахстана была значительно более острая, чем в других районах русской крестьянской колонизации, конкуренция за ресурсы (землю и воду) между земледельцами и скотоводами. Эта конкуренция переходила в этническую вражду, чему способствовала и советская политика «деколонизации» периода «расцвета» НЭПа (1923–1927 гг.), создававшая привилегии для ранее дискриминировавшегося коренного населения[15].

Иммиграция из России была запрещена[16], а землеустройство, согласно решениям партконференции в 1925 г., должно было осуществляться в порядке «очередности», основанной на национальной принадлежности. Прежде всего должны были удовлетворяться потребности казахов. За ними шли переселенцы, занимавшиеся сельским хозяйством до 1918 г., а уже за ними – более поздние переселенцы[17]. Проводилась также программа «коренизации», предполагавшая преимущества казахам при назначении на должности в государственном и партийном аппаратах.

Однако эта политика, проводившаяся относительно недолгий период, не могла ликвидировать последствия колониальной политики царизма и кризиса 1916–1922 гг. и зачастую приводила к результатам, прямо противоположным желаемым. Как единодушно свидетельствуют публикации 20-х гг., казахи оставались значительно беднее колонистов[18]. Хотя закон и благоприятствовал им при распределении земли, часто у них просто не было средств ее обрабатывать, и они сдавали ее русским в

аренду. Нередко они продавали русским и полученное в ссуду от государства семенное зерно[19]. «Коренизация» также не смогла изменить колониального характера администрации – партийный и государственный аппараты оставались в руках европейцев[20]. Но при этом политика «коренизации», естественно, вызывала недовольство европейских переселенцев[21].

Казахское население оставалось отчужденным от государства: большинство кочевников по своей бедности были освобождены от налогов [22], охват казахов школьным образованием был очень ограниченным, а уровень грамотности – одним из самых низких в СССР[23]. Казахи были также освобождены от службы в армии.

2. События 1928 г.

В 1928 г. казахов, еще не оправившихся от потрясений 1916–1922 гг., постигли новые испытания. Одновременно с общим для страны зерновым кризисом и кампанией реквизиций в Казахстане наступает перелом в процессе включения казахов в советское государство.

Мы можем выделить три этапа этого наступления на казахское общество: кампания по реквизиции скота и имущества, принадлежавшего «крупным баям» (но являвшегося ресурсом *всей* общины номадов), – с января и до конца 1928 г.; первый воинский призыв казахов осенью 1928 г.; новое открытие региона для переселенцев в апреле 1929 г. Все это преподносилось пропагандой как социальная революция, по выражению Ф. Голощекина, «малый Октябрь», которого Казахстан ждал с 1917 г. Как заявил в сентябре 1928 г. один из партийных руководителей, «целью кампании была борьба с крупными феодалами[24] – баями, Алаш-Ордой, антисоветскими элементами и националистической интеллигенцией»[25]. Удар был нанесен не только по сельской элите. Были изгнаны с работы и арестованы многие бывшие алашисты, еще занимавшие административные посты, а казахские коммунисты, возражавшие против новой политики, были «вычищены» из партии и сняты с постов.

1927/28 сельскохозяйственный год был в Казахстане годом засухи и джута[26]. Много скота погибло, и урожай зерновых был очень плохой[27]. Таким образом, культурное, политическое и экономическое наступление на казахов происходило в очень трудной для казахстанского общества ситуации.

«Дебаизация»

В центре этой кампании, которая послужила началом кампании «раскулачивания» во всем СССР, была экспроприация собственности около 700 «крупных баев» и племенных старейшин, «баев-полуфеодалов» [28]. Их депортировали в отдаленные внутренние районы Казахстана, а их имущество распределяли среди бедняков и передавали в создающи-

еся колхозы[29]. «Дебаизация» должна была покончить с традиционной иерархией номадного общества и с той племенной солидарностью, которая мешала государству контролировать его и преобразовывать в соответствии со своими планами.

Хотя официально кампания была направлена только против относительно немногих крупных скотовладельцев, в ходе нее возникают механизмы «перераспределения ущерба», в конечном счете приведшие к гибели более миллиона казахов. С самого начала (во всяком случае в ряде регионов) реквизиции были использованы как прикрытие для грабежа всего сельского казахского населения. Власти не только конфисковывали собственность баев[30], но и обложили всех казахов налогами, в 5–6 раз превышавшими уровень предыдущего года, и разными штрафами, для того чтобы передать как можно больше скота государству и оседлому населению.

Самые жестокие формы кампания приняла в Семипалатинской губернии, имевшей особое значение, поскольку она граничила с Китаем, ее пересекал строящийся Турксиб и она была в центре новых колонизационных проектов[31]. Неспособность руководства справиться с кризисом (реквизиции, бунты в городе и деревне, джут) и протесты казахских членов губкома привели к тому, что в августе 1928 г. семипалатинский секретарь, обвиненный в том, что его действия могут спровоцировать «новый 1916 год», был снят со своего поста и в губернию была направлена комиссия во главе с секретарем ВЦИК А. Киселевым[32].

Комиссия установила, что хотя реквизиции, являвшиеся частью кампании, начались уже в январе 1928 г., декрет об их проведении был опубликован только в августе. Хотя русские крестьяне-колонисты также пострадали от первых после Гражданской войны зимних реквизиций, казахи пострадали от них значительно больше[33]. Самый большой ущерб был нанесен районам кочевого скотоводства, например Каркаралинскому[34]. А.Киселев полагал, что всего пострадало 17 тыс. казахских семей.

Директивы губкома поощряли произвол на местах. Как докладывал А. Киселев, губком «дал основание для всеобщего убеждения, что можно безнаказанно накладывать какие угодно штрафы». Хотя в Семипалатинск устремился поток жалоб, они полностью игнорировались. Как объяснил потом А.Киселев, аппарат на местах был уверен, что его действия одобряются сверху, и поэтому события приобрели такой громадный размах[35].

А. Киселев говорил о «китайской» жестокости, с какой проводились реквизиции. Казахов привязывали к лошадям и так тащили несколько километров. Арестованных часто пытали, и некоторые умерли от пыток. Иногда власти забирали в аулах заложников, очевидно, чтобы помешать казахам убежать со своим скотом[36].

Казахи, уже пострадавшие от падежа скота, вызванного джутом, теперь были вынуждены продавать скот, чтобы заплатить налоги и купить

хлеб. Цены на скот на рынке резко упали – лошади продавались за одну десятую их цены в нормальные годы[37]. Для местных властей все это создавало прекрасные возможности обогащения. А. Киселев подчеркивал, что коммунисты, находившиеся на административной работе, старались первыми захватить себе как можно больше казахского скота. Когда его комиссия пыталась выяснить, где находится конфискованный скот, обнаруживалось, что поскольку правильной регистрации его не было, сколько скота было конфисковано и куда он «исчез», никому не известно. А. Киселев собрал один местный совет, который обвиняли в скупке казахского скота. Члены совета сказали ему, что конфискованный скот оказался просто никому не нужен и, купив его по бросовым ценам, они думали «помочь правительству»[38].

Налоги налагались произвольно и самыми разными органами. Жители аула едва успевали продать скот, чтобы заплатить в срок одни налоги, как в аул заявлялись новые уполномоченные и требовали каких-то других налогов. Произвольное налогообложение могла вводить даже не администрация, а чуть ли не любая группа, как-то связанная с властью. Например, местные учителя, видя, как все стараются что-то урвать, решили провести свой «добровольный» сбор средств «для строительства школ и покупки книг» и смогли собрать около 2000 голов скота[39].

Создавая возможности обогащения представителей власти, такая «система» налогов и штрафов привела к полному обнищанию скотоводов. Большинство казахов, чтобы как-то прожить в зимнее время, должны были покупать зерно на рынке. В Семиречье казахская семья из 5 человек в год покупала 40–55 пудов (656–902 кг) пшеницы. Исходя из минимальной цены за лошадь, которая приводится в материалах комиссии А. Киселева (15 рублей), и цены на пшеницу на алма-атинском рынке в январе 1928 г., мы приходим к выводу: чтобы продержаться зиму, такая семья должна была продать 16 лошадей или какое-то количество другого скота за такую же цену. Частичная перепись скота, произведенная в 1928 г. после кампании конфискации, установила, что у 86,6% скотоводов было меньше 15 голов на семью и только 2,9% имели более 35 голов[40] (а как показали исследования начала века, для того чтобы прожить, не залезая в долги, нужно было не менее 30 голов на семью). Таким образом, одним из парадоксальных следствий кампании было то, что зависимость бедных от богатых даже увеличилась, ибо подавляющее большинство пастухов теперь могло ожидать помощи только от этих 2,9% семей, у которых еще оставалось достаточное количество скота.

Одним из следствий кампании было бегство тысяч казахов вместе с десятками тысяч голов скота в Китай[41]. Часто бегство совершалось сразу же после того, как аул покидали уполномоченные, раздавшие квитанции для уплаты налогов. В Китай бежали отнюдь не только богачи. Бежали и председатели сельсоветов, и члены союза *Кошчи*[42], и даже члены партии и

комсомола[43], т.е. как раз те активисты, которые по идее должны были помогать в проведении «дебаизации».

Казахов призывают в Красную Армию

В январе 1928 г. правительство постановило включить казахов в осенний воинский призыв. До этого казахи призывались только один раз, в 1916 г., и только на работы в тылу, что привело к восстанию. В 1924 г. в Красной Армии был создан один казахский кавалерийский полк, состоявший из добровольцев . В июне 1927 г. в нем было 609 человек; еще 111 учились в подготовительной школе[44].

В тексте постановления прямо говорилось, что одной из целей призыва было уменьшить конфликты между переселенцами и коренными жителями[45], о которых казахстанскому руководству постоянно докладывали осуществлявшие призывы воинские команды. Каждый год во время призыва возрастала этническая напряженность[46]. Русские призывники говорили: «Мы идем защищать советскую власть, пусть и киргизы (т.е. казахи) идут» или же: «Республика – казахская, а в армию мы идем вместо них»[47].

С начала 1928 г. отмечалась агитация среди казахов против призыва[48]. Семьи прятали парней, и иногда казахи избивали и прогоняли команды, посылавшиеся в аулы для предварительной регистрации призывников[49]. Тем не менее первый призыв казахов прошел успешно, и Ф.Голощекин с гордостью говорил, что план по призыву выполнен на 100%[50].

Таким образом, когда началась вторая волна реквизиций, десятки тысяч молодых казахов были удалены из аулов и не могли оказать сопротивление.

Казахстан снова открывается для переселенцев

Народный комиссариат по делам национальностей поставил в повестку дня вопрос о переселении уже в середине 20-х гг. Создавались различные проекты. О проекте Всесоюзного Комитета по сельскохозяйственному переселению председатель казахского Совнаркома Нурмаков и бывший комиссар по сельскому хозяйству Султанбеков писали в 1927 г., что это было не что иное, как продолжение работы старой царской переселенческой администрации. По мнению этих казахских деятелей, ее проводили те же самые чиновники, но теперь ставшие советскими служащими, причем и руководствовались они данными старой администрации[51]. Этот проект предусматривал переселение в Казахстан 3,6 млн. колонистов и расчленение Казахстана. Проект принят не был, но Казахстан был открыт для переселений.

18 января 1928 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома, в котором говорилось, что перемещение и рациональное расселение населения является одним из средств развития экономики. Постановление

предусматривало серию экономических мер помощи переселенцам и создание различных органов, призванных организовывать переселения.

Казахстан вновь открывается для легальной сельскохозяйственной иммиграции. 13 февраля 1929 г. Крайком выносит постановление о создании Управления по иммиграции. Официально запрет на иммиграцию отменяется в апреле 1929 г. постановлением VII республиканского съезда советов[52]. По первому пятилетнему плану в Казахстан должны были переселиться 300 000 сельскохозяйственных переселенцев, в основном из Украины и России. Их предполагалось направить прежде всего в Павлодарскую, Семипалатинскую и Петропавловскую области Северного Казахстана, где были наилучшие условия для выращивания зерновых, а также в зону строящейся от Семипалатинска до Алма-Аты Туркестано-Сибирской железной дороги[53].

3. Коллективизация и «оседание»

В Казахстане в первый год кампании коллективизации основные усилия были направлены на создание колхозов из русских колонистов, живших в основном на севере и востоке республики, в Кустанайской, Акмолинской и Джетысуйской областях. Первая фаза коллективизации здесь разворачивалась в общесоюзном ритме: бунты, быстрое вступление крестьян в колхозы зимой и затем массовый выход из колхозов весной, после публикации в марте сталинской статьи «Головокружение от успеха». Но хотя казахи и не были главным объектом кампании коллективизации, они становятся главным объектом другой кампании.

Идея оседания кочевников была сутью утопии о модернизации «отсталой казахской нации», разделявшейся и казахскими интеллектуалами-националистами, которые учились в конце XIX – начале XX в. в русских университетах[54]. Теперь эта утопия стала претворяться в жизнь, но в совершенно ином контексте и форме. Уже в декабре 1929 г. ЦК ВКП(б) постановил, что «оседание» кочевников является одним из необходимых условий «социалистической реконструкции экономики»[55]. К концу пятилетки должны были перейти к оседлости 544 000 семей кочевников (из 566 000 по переписи). 8 января 1930 г. при Совнаркоме Казахской АССР был образован постоянный комитет по «оседанию».

Проект перевода кочевников к оседлости предусматривал затраты в 29,37 млн. рублей, из них 9,9 млн. – на строительство домов. При этом 12,34 млн. должны были выплатить сами переводимые к оседлости кочевники посредством увеличения налогов[56].

Перевод к оседлости преследовал разные экономические цели: освободить землю для производства зерна; сделать возможным включение номадов в колхозы; освободить рабочую силу для промышленности и земледелия; ликвидировать конфликты из-за земли между пастухами и земледельцами. Но при этом самым важным побудительным мотивом правительства было стремление разрешить «зерновую проблему» в рам-

ках «так называемой системы Витте, доведенной до абсурда и карикатуры»[57] и положенной в основу советского плана ускоренной индустриализации.

Для того чтобы забрать зерно у крестьян, нужна была коллективизация. Однако нужно было не только забирать зерно, но и увеличивать его производство. А поскольку у государства не было никаких средств для увеличения производительности сельскохозяйственного труда, единственным способом увеличения производства зерна было расширение площадей под зерновыми. А это было возможно, прежде всего, в Казахстане, где большие пространства пригодной для зерновых земли были «недоиспользованы» (т.е. использованы кочевниками). Как говорил на XVI съезде ВКП(б) (июнь-июль 1930 г.) нарком сельского хозяйства Я. Яковлев, в Казахстане было от 50 до 55 млн. га пригодной земли, из которых на деле под зерновые использовалось только 5%[58].

Однако в течение 1930 г. организация «оседания» практически никак не реализовалась. План строительства поселений для бывших кочевников был выполнен менее чем на 15% и то, что было построено, часто было непригодно для использования. Такие результаты были следствием трех причин – низкой приоритетности проекта, дезорганизации транспорта и хронической нехватки стройматериалов. В конце 1930 г. комиссия, присланная из Москвы, констатировала, что работы по переводу к оседлости находятся «на мертвой точке»[59].

Кочевники относились к переходу к оседлости с враждебностью. По данным обследования, проведенного в Балхашском районе (округ Алма-Аты) в ноябре 1930 г., скотоводы видели в нем «ловушку», устроенную им для того, чтобы было легче их переписывать, облагать налогами и грабить[60].

Прибытие «спецпереселенцев»

Между тем в регион стали прибывать «раскулаченные», депортированные из Европейской части СССР. Казахстан стал третьим по значению (после европейского Севера и Сибири) местом ссылки «раскулаченных».

Естественно, что когда 23 января 1930 г. Крайком принимал решение об «ориентировочном» определении земель для размещения депортированных, он выделил для них кочевнические районы, которые подлежали «деномадизации»[61], хотя на деле большинство депортированных были все же направлены в земледельческие районы, где было меньше проблем с их обустройством и где они могли сразу включиться в работу.

Первые депортированные становились «спецпереселенцами», что означало потерю гражданских прав и обязанность не покидать ограниченной территории, на землях худшего качества, вдали от железных дорог, шоссе и границ. В Казахстане для этой цели вначале были выделены побережье и острова Аральского моря. Согласно решению Крайкома,

принятому в феврале 1930 г., на берегах Арала следовало разместить 3000 семей (12 000–15 000 человек)[62].

Еще в мае 1930 г. депортированных было немного – всего около 7800 человек, все из других районов самой республики, кроме 281 русских, выселенных из Центральной Азии[63]. Возможно, ограниченное число депортированных на этой первой фазе объясняется бунтами, волна которых поднялась в Казахстане весной 1930 г. В марте в письме заместителю председателя ОГПУ Ягоде Крайком «решительно» возражал против переселения всего запланированного числа «кулаков», эвфемистически объясняя это «сложившейся политической обстановкой в Казахстане»[64]. Поэтому, несмотря на давление центра, за всю первую половину 1930 г. было расселено только около 17 000 депортированных, причем половина из них были из самой республики[65].

Затем процесс пошел быстрее, и в целом за 1930–1931 гг. в Казахстане было размещено уже 51 000 семей депортированных[66], т.е. до 250 000 человек, до 14% всех депортированных за это время в СССР (примерно 1,8 млн. человек). К концу 1931 г. на учете состояли, однако, уже только 192 000 депортированных, – некоторые бежали, а некоторые умерли. 58% депортированных были из Поволжья, 20% – из Центрально-Черноземного региона, 6% – из Московской области и Москвы, 2% – из Закавказья. Остальные 13% – семьи «баев» и «кулаков» из самого Казахстана. Затем в декабре 1932 г. в Казахстан прибыли еще около 10 000 высланных кубанских казаков[67].

После первых депортаций на берега Арала основными районами, куда направлялись депортированные, были зерновые районы юга и севера, рисопроизводящие районы на юге, а также район Караганды, где на основе концлагеря КарЛага, число заключенных в котором с конца 1932 до начала 1934 г. увеличилось с 10 000 до 25 000, вырос грандиозный сельскохозяйственный и добывающий комплекс[68]. Главной рабочей силой в нем были лагерные заключенные, но здесь работали и многие «спецпереселенцы».

«Перераспределение ущерба»

В последующих кампаниях действовали те же механизмы «перераспределения ущерба», которые впервые можно было проследить в кампании 1928 г. Квоты обязательных поставок внутри административных единиц перераспределялись так, что основная тяжесть падала на плечи кочевников и полукочевников.

После мартовского «отступления» казахские руководители попытались добиться ясной картины того, что происходит, прежде всего, в районах, охваченных бунтами. В апреле 1930 г. один из них, Е. Ерназаров, поехал в Балхашский район (к северу от озера Балхаш), где незадолго до этого был бунт. В этом районе жило около 25 000 человек, и комиссией, призванной определить тип сельского хозяйства районов для рациональ-

ного распределения между ними поставок хлеба и мяса, он был признан районом с «чисто кочевнической экономикой». Советы здесь были организованы только в 1928 г., во время кампании реквизиций. Исполком райсовета получил план поставки 410 т зерна, который был даже перевыполнен на 66 т. Но, как докладывал Е. Ерназаров Ф. Голощекину, успех этот был достигнут за счет гибели скотоводства[69]. По сообщению Е. Ерназарова, в районе зерно приобрело функции денег: каждый вид скота имел свою стоимость, выраженную в зерне. Скот обменивался на зерно, и казахские пастухи были вынуждены, чтобы выполнить нормы поставок, установленные для них местными властями, обменивать все «до последней коровы». В результате поголовье уменьшилось на 35%. Нормы распределялись между семьями без какого-либо учета их достатка. Вроде бы даже был освобожден от поставок как раз тот богатый бай, который встал затем во главе бунта, произошедшего в начале апреля. Бунт заключался в нападении на райцентр, который уже успели покинуть руководители района. Толпа разграбила покинутое село, захватила реквизированное зерно и разрушила сельскохозяйственные машины[70]. Мы уже упоминали Каркаралинский район, который был в числе наиболее пострадавших в 1928 г. За 1930 г. поголовье скота здесь уменьшилось на 27%.

По меньшей мере с весны 1930 г. руководство получало сигналы о том, что повторяется семипалатинская ситуация 1928 г. – от обязательных поставок зерна страдают прежде всего не производящие зерна казахи. 14 сентября 1930 г. была созвана сессия ЦИК СССР для того, чтобы распределить между регионами увеличение обязательных поставок зерна, о котором за день до этого объявил Сталин. На ней Рошаль, командированный в Москву член казахстанского Крайкома, говорил, что в Казахстане увеличение поставок ложится на плечи казахов, которые переходят к оседлости, и что обложение регионов, где живут кочевники, не должно быть таким же, как обложение регионов с европейским населением. Никакого результата от его выступления не было – на следующий год поставки Казахстана были увеличены еще на 3 млн. пудов[71].

На деле Крайком не предпринимал ничего, чтобы избежать того, что на словах он осуждал. При поставках 1930–1931 гг. продолжалась прежняя практика. В том же сентябре 1930 г. ОГПУ докладывал, что власти Кзыл-Ординского округа так распределили обязательные поставки зерна между районами, что половина всех поставок пришлась на Казалинский район, экономика которого определялась как «чисто кочевническая». Только после того как в районе поднялись волнения и начались «взрывы бандитизма» (выражение ОГПУ), квоты были уменьшены[72].

4. Ликвидация пастушеского хозяйства

Как мы уже видели, джут и реквизиции 1928 г. вынудили скотоводов продавать скот на рынке за низкие цены[73]. В период коллективизации этот же процесс происходил в значительно больших масштабах: от ско-

товодов требовались обязательные поставки зерна, и чтобы выполнить их, они были вынуждены продавать скот.

Председатель казахстанского Совнаркома У. Исаев в письме к Сталину в августе 1932 г. писал, что для казахов поставки зерна – тяжелее, чем поставки мяса и скота. «Государственные заготовки на мясо, – писал он, – не имели существенного значения на сокращение поголовья». Но чисто административным путем полупустынные скотоводческие районы включаются в разряд «земледельческих» для того, чтобы обложить кочевников поставками зерна[74]. Как мы видели на примере района Балхаша в начале 1930 г., власти сознательно требовали от скотоводов нереальных поставок зерна, чтобы запустить действующие в пользу государства механизмы обмена между скотоводами и крестьянами. Получалось нечто вроде системы сообщающихся сосудов. Зерно переходило в руки государства, скот – в руки крестьян, затем и крестьяне, и скот оказывались в колхозе, а что затем происходило с не имеющими ценности с точки зрения производственных планов государства скотоводами, было уже не так важно. В 1931 г. крестьяне в большинстве своем уже вошли в колхозы, благодаря колхозам кампания по изъятию зерна стала значительно более эффективной, а обмен между скотоводами и земледельцами прервался.

Зимой 1930/1931 г. наступает новая волна коллективизации, на этот раз уже не сопровождавшаяся весенним отступлением государства. На пленуме Крайкома в феврале 1931 г. Ф.Голощекин призвал местные власти «не бояться перегибов»[75]. К лету 1931 г. колхозниками стало около половины всего сельского населения, в том числе большинство оседлого сельского населения. 1931 год – год «первого большевистского сева», т.е первого сева, который происходил, когда большинство крестьян стало колхозниками.

С самого начала коллективизация подчинялась логике концентрации всех сельскохозяйственных ресурсов в относительно небольшом числе пунктов, в которых они могли бы легко контролироваться государством. Столкнувшись с возрастающими трудностями колхозной системы, прежде всего с нехваткой в колхозах тяглового скота, местные власти решили использовать скот, который еще оставался в руках кочевников.

В начале 1931 г. по кочевникам был нанесен последний удар. Пленум Крайкома принимает серию постановлений о «форсировании» обобществления стад. Потом эти решения будут именоваться «ошибками 1931 г.»[76]. 29 мая 1931 г. Крайком, в противоречии с решениями, принятыми летом 1930 г. XVI съездом ВКП(б), принял постановление о создании громадных животноводческих «артелей». Постановление предусматривало переход от маленьких колхозов типа ТОЗов[77], состоявших из 25–30 семей (были и состоявшие из 10 семей), к 516 громадным животноводческим колхозам-«артелям» по 500–600 семей в каждом[78]. Фактически речь шла о концентрации в них 1,5 млн. человек – четверти всего населения Казахстана. К августу 1931 г. в 60 кочевнических и полукочев-

нических районах из 2710 ТОЗов осталось только 312, прочие были реорганизованы в «артели»[79]. Эти колхозы-«артели», часто созданные на непригодных для скотоводства землях, далеко от источников воды, просто не были способны содержать громадное число переданного им скота. Например, в Каркаралинском районе к январю 1931 г. было сосредоточено 5000 голов крупного и 18 000 мелкого скота. Начались эпизоотии и падеж скота, а руководство района никаких мер не предпринимало[80].

17 августа 1931 г. Крайком и Совнарком постановили ускорить темпы коллективизации в скотоводческих регионах. От июня 1931 до весны 1932 г. удельный вес частного скота в общем поголовье упал с 50 до 12%, колхозного – вырос с 31 до 49%, а совхозного – с 29 до 39%[81].

Основной целью решений, принятых в Алма-Ате весной и летом 1931 г., была передача как можно большего числа скота от кочевников к оседлым, чтобы восполнить катастрофическую нехватку в колхозах тягловой силы и продуктов животноводства. В ходе этого создавались колхозы из бывших кочевников, но лишенных части их скота. Но эти новообразованные казахские колхозы распадались, выбрасывая новые группы лишенных всего беженцев[82].

По резолюциям Крайкома, полная коллективизация скота должна была сопровождаться ускоренным оседанием пастухов. 25 декабря 1931 г. в секретном постановлении Крайком и Совнарком выдвигают совершенно нереалистическую задачу – завершить оседание к концу 1932 г.[83]. Согласно постановлению, казахи должны быть расселены в поселениях европейского типа примерно по 500 семей в каждом, аналогичных животноводческим артелям, предусмотренным в резолюции, принятой предыдущей весной. Но теперь, с исчезновением скота, предназначением этих поселений стало земледелие. Казахи должны быть выселены из засушливой центральной части Казахстана с почти полностью пастушеской экономикой, расселены на севере и на юге республики и там должны перейти к земледелию[84].

Впоследствии эту политику концентрации бывших кочевников в немногих больших поселениях будут высмеивать. А.Киселев будет говорить, что в 1931 г. в Казахстане возникла идея создания «Нью-Йорков в горах и степях»[85]. Все эти планы остались на бумаге. Решения, принятые в Алма-Ате в течение 1931 г., не возымели никаких последствий, а идея «Нью-Йорков в горах и степях» приказала долго жить.

Между тем зимой 1931/32 г. число голов скота упало катастрофически. Начиная с октября 1931 г. множатся донесения о массах казахов, лишенных всего, бегущих во всех направлениях и погибающих в степях.

Гибель скота

Первый пятилетний план предполагал, что продукты казахского животноводства будут транспортироваться в Россию по новым (Турксиб) и улучшенным старым путям сообщения. Кроме того, предусматривалось,

что в самой Казахской Республике будет заложена база мясной промышленности, в Семипалатинске будет построен гигантский комбинат по производству мясных консервов, один из четырех, которые предполагалось создать в СССР[86]. Но экономическая целесообразность этого предприятия была в самом начале поставлена под сомнение в связи с почти полным исчезновением казахского скота. В августе 1932 г. У. Исаев писал Сталину, что казахское мясо может поступать на фабрику в лучшем случае с конца 1937 г. [87].

Почти полное исчезновение казахского скота было, с точки зрения Центра, самым неожиданным и тяжелым последствием коллективизации в регионе. С 1928 по 1934 г. удельный вес казахского скота в численности всего скота в СССР упал с 18 до 4,5%[88]. Согласно данным Госплана РСФСР количество голов скота в Казахстане изменялось следующим образом.

Таблица 1

Количество скота в Казахстане

Годы	Все лошади	Рабочие лошади	Крупный рогатый скот	Овцы и козы	Свиньи	Верблюды	Другой скот	Всего
1926	3 044 000	910 300	6 750 300	23 105.900	425 500	–	–	–
1927	3 575 800	947 400	7 720 600	26 102 300	520 700	–	–	–
1928	3 841 900	922 900	7 681 000	26 609 000	371 400	–	–	–
1929	4 133 100 *3 792 200*	1 037 900	7 268 000 *6 744 900*	24 864 200 *23 832 800*	318 900 *271 700*	*1 130 400*	*45 100*	*35 817 100*
1930	3 346 100 *2 615 372*	851 300	4 978 00 *4 125 085*	16 192 400 *12 776 316*	53 000 *21 348*	*788 429*	*38 158*	*20 364 708*
1931	2 265 000 *1 768 494*	843 800	3 230 500 *2 577 611*	7 048 600 *3 969 231*	89 000 *38 775*	*467 772*	*26 376*	*8 848 259*
1932	770 800 *685 048*	589 300	1 822 500 *1 588 770*	3 250 500 *2 718 341*	99 400 *89 342*	*165 825*	*15 045*	*5.262 378*
1933	511 100* *451 623*	385 400*	1 725 100* *1 612 465*	2 803 700* *2 703 569*	136 200 *134 793*	*88 874*	*13 746*	*5 005 070*
1934	*431 727*	–	*1 585 203*	*2 153 962*	*124 888*	*78 275*	*20 756*	*4 395 820*

Источники: ГАРФ, 6985/1/4/38 (на 1 января каждого года); данные курсивом из ГАРФ, 6985/1/19/105, относятся к июню каждого года.

* Не включена Кара-Калпакская автономная область, где в предыдущие годы было в среднем всего 5% казахстанского скота[89].

Таким образом, между 1928 и 1934 гг. поголовье скота уменьшилось на 90%, а в кочевнических и полукочевнических районах – на 97,5%. Оставшийся скот перешел к оседлым. В 1929 г. средняя казахстанская семья владела 22,6 голов скота, а в кочевнических и полукочевнических районах – 41,6 голов; в 1933 г. цифры упали соответственно до 3,7 и 2,2[90]. Как заключила комиссия А.Киселева, кочевнические и полукочевнические районы полностью потеряли свое значение районов животноводства и большинство казахских семей оказалось почти полностью лишенными средств к существованию[91].

5. Голод и эпидемии, бегство

В Казахстане голод начался на год раньше, чем в Европейской части СССР. Уже осенью 1931 г. голод стал всеобщим среди кочевников, а весной 1932 г. распространился и на европейское население Казахстана. В отличие от периода 1918–1924 гг., когда голод поражал отдельные районы и в разное время, в 1931–1933 гг. он распространился по всему Казахстану. Люди умирали от распространившихся от недоедания эпидемий (сыпного тифа, цинги, оспы). Широкое распространение получил каннибализм.

Между 1930 и 1934 гг. руководство Казахстане не имело ясного представления о размерах населения республики. По его неточным данным население в целом по сравнению с концом 20-х гг. уменьшилось на 2 млн.[92], а городское население возросло почти в три раза. Но никто не знал точного числа умерших от голода, бежавших за пределы республики и возвращавшихся в нее каждый год. Вот данные статистического управления Казахстана, вошедшие в материалы комиссии А. Киселева:

Таблица 2

Население Казахстана, 1929–1934 гг.
(из ГАРФ, 6985/1/16/75, за подписью заведующего сектором учета населения Казахского статистического управления)

Дата	Население в целом	Городское	%	Сельское	%
1.I.1929	6 456 200	549 500	8,5	5 906 700	91,5
1.I.1930	6 688 200	601 400	9,0	6 086 800	91,0
1.I.1931	6 706 500	732 700	10,9	5 973 800	89,1
1.I.1932	5 877 700	1 072 100	18,2	4 805 600	81,8
1.I.1933	4 906 100* [4 858 00]	1 171 000*	24,8	3 687 200*	75,2
1.I.1934	5 074 800	1 272 000	25,1	3 802 800	74,9

* Ошибка в оригинале: сумма цифр по областям не совпадает с указанной цифрой. В квадратных скобках – сумма цифр по областям.

Общие цифры неточны, но несомненно, что большие территории стали пустынными. В начале 1932 г. из десяти районов алма-атинского региона бежали 25 488 семей, т.е. около 100 000 человек, из которых, очевидно, половина перешли границу с Китаем. Бежали не только казахи, но и многие крестьяне-европейцы. Одно донесение от октября 1933 г. из алма-атинского региона сообщает, что многие европейские крестьяне бежали в Украину и на Северный Кавказ, откуда они вышли и где жили их родственники. Другие даже бежали в Китай[93].

Детей часто бросали. Многие оставляли их у дверей отделений милиции и других учреждений. В 1933 г. в Казахстане было 61 000 детей, покинутых родителями, которые не могли их прокормить или сами умерли от голода, из них 16 000 дошкольного и 45 000 – школьного возраста[94]. Они переполняли детские дома, где умирали от голода и из которых пытались бежать. От них стремились избавиться так же, как от беженцев. Как сообщал в своем письме Сталину, Молотову и Кагановичу Т. Рыскулов, в декабре 1932 – январе 1933 г. (т.е. в самое холодное время) 1 100 брошенных детей вместе с взрослыми беженцами были высланы из Караганды в районы, из которых они вышли, в ходе операции «очистки»[95].

Уже зимой 1931/32 г. в городах и вблизи шахт, где сосредоточивались беженцы, они умирали тысячами. Так, на стройке комплекса по добыче меди на озере Балхаш (Балхашстрой) в снегу было зарыто более 4 000 трупов казахов[96]. Не удивительно, что возросло число краж скота, особенно колхозного[97]. В ответ крестьяне совершали насилия над бывшими кочевниками и прогоняли их подальше. Враждебность русских к казахам была очень велика. Среди них распространялись слухи, что казахи едят русских детей[98].

Казахов изгоняли из совхозов и колхозов. Их руководители стремились избавиться от тех, кто потреблял, но не был способен хорошо работать. Часто избавлялись сразу от целых больших групп казахов[99]. В марте 1933 г. была принята резолюция бюро Крайкома, требующая прекратить массовые увольнения казахов из совхозов и каждое увольнение группы, превышающей 40 человек, согласовывать с обкомами[100].

Распад сельскохозяйственного производства, неспособность справиться с социальным кризисом, вызванным коллективизацией, и все более громкие протесты работников аппарата в Казахстане, прежде всего казахов[101], убедили Москву, что Ф. Голощекина пора снимать. Это произошло в момент, когда голод достиг высшей точки, – в январе 1933 г.

Бегство и возвращение беженцев

Как мы видели, население стало спасаться бегством уже в первую зиму реквизиций, 1927/28 г. В последующие годы бегство продолжалось. Люди бежали в города[102], на железнодорожные станции, за пределы Казахстана. По разным подсчетам, в Китай бежали около 200 000 казахов, а в другие советские республики – более миллиона людей[103].

В 1931–1932 гг. впервые беженцы отправлялись в путь без скота, и множество их погибло. В советском бюрократическом языке было изобретено новое слово для обозначения этих беженцев, кочевников без скота – *откочевники*[104]. В последующие годы в республику вернулись сами или были возвращены силой около 400 тыс. человек.

Уже в конце марта 1932 г. была создана комиссия во главе с председателем Совнаркома Казахстана У. Исаевым для организации возвращения беглецов и их обустройства на прежних местах. Крайком постановил также создать такие комиссии в каждой области[105]. Возвращение откочевников происходило каждый год летом, но руководство не имело никакого представления о том, сколько бежало и сколько должно вернуться: цифры прибывавших откочевников всегда оказывались на 30–45% выше ожидаемых[106].

В большинстве случаев положение этих беглецов, от которых регионы, куда они бежали, старались как можно скорее избавиться, было ужасным. В конце 1933 г. санитарная комиссия сообщала о положение 500–600 беженцев, вернувшихся в Чуский район. Их поместили в некоем подобии лагеря-лазарета – в шести бараках без печей, с земляными полами, прямо на которых и спали одетые в немногие тряпки казахи. Половина из них умерли от недостатка еды и от условий содержания[107].

Как докладывал один представитель правительства Казахстана, в Карагандинской области совхозы, предприятия и партийные организации были повинны в «негуманном» отношении к откочевникам. Проще говоря, их оставили умирать. На основании данных, полученных в ряде колхозов, 20–30% бывших кочевников не могли работать из-за истощения и болезней, но продовольственная помощь распределялась на основе производительности: кто не работал, тот не получал ничего[108].

Казахи, возвращавшиеся из Китая, практически все – без скота, распределялись по русским колхозам и совхозам, где крестьяне, естественно, обделяли их при распределении скудных ресурсов. В отчете Алма-Атинского областного комитета партии о положении откочевников сообщалось, что в октябре 1933 г. их было 17 099 зарегистрированных семей (около 80 000 человек). Из них 13 661 семей были направлены в колхозы, 1 658 – в совхозы, 118 – на стройки, а 352 – в другие предприятия. Новых колхозов (типа ТОЗов) из семей откочевников было создано только 12. Включение бывших кочевников в русские колхозы, без какого-либо учета возможностей этих колхозов, сразу же привело к конфликтам. В совхозах и несельскохозяйственных предприятиях было еще хуже, ибо их руководители были совершенно не заинтересованы в малопроизводительной рабочей силе откочевников[109].

В одном докладе областному партийному комитету описывается ситуация бывших кочевников, оказавшихся в одном алма-атинском рисоводческом совхозе в августе 1933 г. [110]. В социальной иерархии совхоза они были на самом низком месте, ниже спецпереселенцев. Для спецпе-

реселенцев были построены дома, а они спали «буквально под открытым небом». Зарплату им не платили. Их избивали начальники и вообще «кто угодно». Продовольственные рационы они получали меньше других, ибо производительность их труда была меньше. Казахи были вынуждены питаться травой. В результате 50% из них умерли, без какой-либо реакции на это со стороны руководства совхоза. Докладчик оценивал эти действия как яркий пример национальной политики руководства Ф. Голощекина[111].

В некоторых случаях (в Лепсинском, Курдайском и Чилинском районах Алма-Атинской области) по приказам самих секретарей райкомов бывших кочевников удаляли из колхозов, этапировали в пустынные местности и там провозглашали создание нового колхоза, оставив их без семян и орудий.

Враждебность оседлого населения к откочевникам, направляемым в колхозы и совхозы, объясняется прежде всего страхом эпидемий и того, что оставленного зерна не хватит, чтобы прокормить всех[112].

В результате многие откочевники снова бежали. Только осенью 1933 г. и только в Алма-Атинской области было зарегистрировано бегство 1 894 семей (более 10% от общего числа). Очень вероятно, что, как обычно, эти цифры занижены, ибо часто директора совхозов бегства не регистрировали[113]. Конечно, не все ситуации были трагичными, иногда бывшие кочевники устраивались в колхозах хорошо и быстро поднимались с уровня выживания, в том числе и благодаря «помощи» Центра.

Возвращений с каждым годом становилось все меньше, но они продолжались в течение всех 30-х годов. Даже в 1937 г. многие беженцы еще оставались там, куда бежали во время голода. В этом году в Саратовской и Воронежской областях жило более 450 казахских семей, в основном занятых сезонной работой. Присутствие бывших кочевников-казахов отмечено также в Московской, Сталинградской и Куйбышевской областях и Автономной Республике немцев Поволжья. Многие из них силой депортировались обратно в районы, откуда они бежали[114].

Политика «оседания» в новых условиях

С началом голода оседание превратилось в средство спасения уцелевших бывших кочевников.

Цифры семей, которые должны были осесть, каждый год пересматривались в сторону увеличения, пока в 1932 г., наконец, не было объявлено, что в следующем году должны осесть последние 278 тыс. семей кочевников[115]. Во время голода, когда никто толком не знал, сколько вообще населения осталось в регионе, казахстанские чиновники тщательно выписывали точные цифры плана оседания. Чаще всего просто планировалось перевести к оседлости столько-то тысяч семей, без указания аулов и даже районов[116]. Но сколько было реально осевших кочевников, занятых в промышленности или земледелии?

К 1 января 1933 г. было установлено 2278 пунктов оседания и планировалось определить еще 1176[117]. На бумаге в них были отправлены 290 тыс. семей (другой источник приводит цифру 242 тыс.)[118], но реальные числа были значительно ниже. Из этих семей только 182 600 официально считались перешедшими к оседлости. Из них только около 70 тыс. считались «полностью» перешедшими к оседлости, а из них лишь 40 тыс. были размещены в поселениях европейского типа, а 30 тыс. продолжали жить в своих юртах[119]. Во многих отстроенных деревнях дома были такого качества, что казахи размещали в них скот, а сами продолжали жить в юртах. В таких образованных из юрт пунктах оседания сосредоточивались до 500 семей (т.е. 2000–2500 человек), что приводило к быстрому распространению эпидемий и эпизоотий.

Комиссия А. Киселева[120], проехавшая по Казахстану в 1934 г., пришла к заключению, что оседание рассматривалось не как комплекс экономических, политических и культурных мероприятий, а просто как регистрация населения в определенных «точках оседания». Правда, дома строились, но очень медленными темпами, прежде всего из-за нехватки фондов и материалов и дезорганизации транспорта. Пункты выбирались без учета того, есть ли рядом с ними пастбища для скота и даже есть ли там питьевая вода для людей[121]. Возникает впечатление, что казахам сознательно выделяли худшую землю, чтобы более производительные русские колонисты могли использовать хорошие земли, которые раньше занимали «непроизводительные» кочевники, а сейчас эти земли передавались создающимся гигантским совхозам[122]. Е. Ерназаров сообщил, что в Петропавловском и Кустанайском округах «деньги, отпущенные на дело оседания казахского населения, были использованы европейскими районами, под тем соусом, что казахи их не смогут использовать, а поэтому их надо использовать там, где будет «больше эффекта»», имея в виду прежде всего производство зерна[123]. Иногда крестьянам передавалась и предназначенная кочевникам помощь в виде зерна и семян, опять-таки поскольку они могли лучше ее использовать и с урожаем вернуть ссуды.

Осевшим было запрещено перегонять скот на дальние пастбища. По всей республике летние пастбища оставались неиспользованными, в результате животные умирали от голода. С другой стороны, осевшие, не имевшие сельскохозяйственных орудий, семян и опыта, не могли заниматься и земледелием. В выводах комиссии указывалось, что в результате всего этого в Казахстане старая экономическая база была разрушена, а новая так и не была создана[124].

Отношение к проблеме оседания казахских работников аппарата очень отличалось от отношения к оседанию русских работников. Русские в основном относились к этому безразлично. Многие местные администрации вообще этим не занимались[125]. Считалось, что оседанием казахов должны заниматься казахи. А эти казахские работники администрации часто не столько занимались организацией пунктов оседания

(которые в сложившихся условиях были ловушками), сколько пытались убедить кочевников бежать из Казахстана. Некоторые казахские функционеры, особенно в районах на границе с Китаем, подстрекали казахов резать скот или забирать его с собой и сами становились организаторами бегства[126].

В 1933 г. политика, проводившаяся в регионах РСФСР с кочевым населением (прежде всего в Казахстане и Киргизии, где жило 80% всех кочевников страны), была подвергнута суровой критике. Согласно докладу национальной секции ВЦИК, политика казахского и киргизского руководства была сознательно направлена на уничтожение не кочевничества, а скотоводства. Бывших номадов систематически направляли на производство зерна и в промышленность. Средние размеры поля, которое должна была обработать перешедшая к оседлости семья, были увеличены с 0,8 га в 1929 г. до 5,6 га в 1932 г., т.е. до нормы зерноводческих районов. К 1933 г. 87% семей, вовлеченных в переход к оседлости, были размещены в земледельческих районах. Кроме того, по данным расследования Наркомзема РСФСР, не позволялось выращивать кормовые культуры, а культуры товарные и технические занимали 96,5% обрабатываемых площадей[127].

Институты, которые по идее должны были бы играть в процессе оседания главную роль (например, Наркомзем), не играли никакой или почти никакой роли. Секция, занимавшаяся оседанием, была создана в казахском Наркомземе только 17 ноября 1932 г., почти через три года после официального начала кампании[128]. Даже в июне 1934 г. число работников Наркомзема, занятых вопросами оседания, было неправдоподобно мало. Во всей Алма-Атинской области для организации перевода к оседлости десятков тысяч номадов были выделены только 13 человек, в том числе два агронома и один ветеринар. В других областях ситуация была такая же[129].

Реквизиции и «помощь» во время голода

Осенью 1932 г. Центр был вынужден признать, что в Казахстане произошла катастрофа. Чтобы как-то поправить положение, он стал направлять в Казахстан «продовольственную помощь», прежде всего зерном.

С 1 октября 1932 до 1 октября 1933 г. в Алма-Атинскую область пришло 9137 ц зерна в качестве «помощи». Большая часть его была распределена во время весеннего сева (в апреле – 53 050 семьям, а в октябре – только 3333) как семенные ссуды, которые должны быть возвращены с урожая. Но, как обычно, районы кочевников (Балхашский, Чубартауский и Коунрадский) были обделены при распределении. Так, в Балхашский район прибыла только половина назначенного для него зерна, а в Чубартауский – только сороковая часть. В конце 1933 г. в области оставалось около 33 000 семей колхозников, откочевников и сезонных рабочих, полностью лишенных зерна[130].

Месячная норма распределения, предусмотренная на декабрь 1933 – июнь 1934 г., составляла 40 кг зерна на семью. В целом, по данным Алма-Атинского обкома, потребление зерна 29 043 учтенными семьями, включая сюда и зерно, идущее на семена, составляло 81 600 ц[131], т.е. около 96 кг в год на человека. Это половина нормы потребления в российской деревне.

Общее количество зерна, распределенное в Казахстане с октября 1932 г. по январь 1934 г., составляло 118 640 т[132]. Значительную часть этой «помощи» бывшим кочевникам составляли семенные ссуды, которые они должны были вернуть с урожая с процентами. По решению казахстанского Совнаркома от 3 марта 1934 г. 50–55% стоимости продовольственной помощи должно было оплачиваться ее получателями[133].

Политика реквизиций и обязательных поставок не претерпела существенных изменений даже в самое голодное время. Но начиная с середины 1932 г. казахстанское руководство стало принимать меры, которые должны были частично исправить ошибки предыдущего года. На уровне Центра поворот наступает 17 сентября 1932 г., когда ЦК ВКП(б) издает директиву, позволяющую казахстанским скотоводам иметь в личном владении большее число голов скота. Однако в Казахстане она была опубликована только через месяц, а реально исполняться стала только в конце года[134]. Государство, с одной стороны, передавало скот в частное пользование, чтобы как-то возместить катастрофические последствия предыдущих лет, с другой – продолжало реквизиции. Среди казахов распространялось убеждение, что власти одной рукой раздают помощь, а другой ее отбирают[135].

8 ноября 1932 г. Ф. Голощекин получает телеграмму, подписанную Сталиным и Молотовым, в которой они угрожали репрессиями, аналогичными тем, которые были применены на Кубани и на Северном Кавказе, если не будут выполнены квоты обязательных поставок[136]. (На Кубани в это время свирепствовал террор. Тысячи казаков депортировались, а снабжение деревень блокировалось до тех пор, пока они не выполнят поставки зерна[137].) И через два месяца после директивы, направленной на исправление последствий гибели скота, ожесточение реквизиций снова вело к его гибели, ибо ее причиной были не столько обязательные поставки мяса, сколько поставки зерна, которые на разных уровнях аппарата вновь и вновь перекладывались на плечи казахов.

Поставки зерна продолжали основываться на произвольных цифрах, и еще в 1933 г. колхозники были вынуждены продавать скот, чтобы выполнить квоты по сдаче зерна, – явление, знакомое нам с 1928 г. Комиссия А. Киселева обвиняла казахстанские власти в систематических «ошибках» и при оценке производительности, и при оценке урожая, и при распределении норм сдачи зерна. В результате, например, в «зерновом балансе» колхозов Урджарского района Алма-Атинской области пассивы превышали урожай на 25%[138]. В частном секторе этого же райо-

на уполномоченный обкома определил размеры урожая в 17 839 ц (всех видов зерновых), а план сдачи был установлен в 23300 ц[139].

Это давление было вызвано и неудачей попыток расширить пахотные площади: по официальным данным за период 1930–1934 гг. они уменьшились в Казахстане на 4,2%[140].

Новое казахстанское партийное руководство, назначенное в январе 1933 г. после отстранения Ф.Голощекина, приняло ряд мер по смягчению давления. Основной формой колхоза снова стал ТОЗ. Громадные «артели», которые были созданы в 1931 г. (и которые еще не распались сами собой в результате бегства казахов), были расформированы[141], а политика концентрации кочевников в громадных поселениях «европейского типа», проводившаяся с декабря 1931 г., резолюцией бюро Крайкома от 31 марта 1933 г. была объявлена ошибочной[142]. Но только после урожая 1933 г. положение стало медленно улучшаться.

Демографические последствия голода

Сравнение данных переписи 1937 г. с данными переписи 1926 г. с очевидностью показывает демографическую катастрофу. Численность казахов Советского Союза сократилась с почти 4 млн. в 1926 г. до 2 862 458 в 1937 г. По данным статистики этого периода (которые часто не являются абсолютно достоверными)[143], в Казахской ССР ситуация выглядела следующим образом.

Таблица 3

Население Казахстана по национальным группам, 1926 и 1937 гг.[144]

Национальность	Перепись 1926 г.	Перепись 1937 г.	Разница, %
Казахи	3 627 612	2 181 520	– 39,9
Русские	1 275 055	1 917 673	+ 50,4
Украинцы	859 396	549 859	– 36,0
Узбеки	124 650	109 978	– 11,8
Другие	311 752	367 646	+17,9
Население КазССР	6 198 465	5 126 676	– 17,3

Годы приводятся по изданиям: Всесоюзная перепись населения 1926 года, том XXV: Казахская АССР, Кигризская АССР. Москва, изд. ЦСУ СССР, 1929, с. 3–13; *Поляков Ю.А.* (сост.). Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. Москва: Академия наук СССР, 1991, с. 96–97.

Высокий рост численности русского населения обусловлен не только депортацией сотен тысяч крестьян, но и добровольной иммиграцией работников на новые стройки и заводы, возникшие в этом регионе. Для объяснения сокращения численности украинцев необходимо упомянуть отсутствие депортаций из Украины в Казахстан[145]. Хотя часть украинцев

и умерла от голода, а часть, возможно, бежала из республики, важнейшую роль в статистическом сокращении их численности сыграли изменения национальной идентификации в паспорте: в 30-х гг. в связи с «русификацией РСФСР», описанной Т. Мартином[146], в РСФСР значительное количество людей, которые во время предыдущей переписи причисляли себя к украинской национальности, начали регистрироваться как русские. Сокращение численности других национальностей, включая каракалпаков, связано с выходом Автономной Каракалпакской области из состава Казахстана и вхождением ее в состав Узбекистана в период между переписями[147].

На основании данных о рождаемости и смертности «нормальных» лет, в самой недавней и убедительной работе, посвященной этой проблеме, С. Максудов делает заключение о том, что жертвы среди казахского населения составили около 1,45 млн. людей[148]. Средняя численность семей населения Казахстана сократилась за период с 1929 по 1934 г. с 4,52 до 3,77[149].

6. Проблема «вертикали власти»

Катастрофа казахских кочевников ставит перед нами три взаимосвязанных вопроса: Было ли лишение казахов средств к существованию запланировано, и если да, то на каком уровне властной иерархии? Какую роль во взаимоотношениях казахов и местных властей, в основном русских, играл расизм? Каковы были институциональные механизмы, приведшие к тому, что провозглашенный «переход к оседлости» превратился в тотальное ограбление кочевников и лишение их всех средств существования?

В системе власти, основанной на страхе подчиненных и нацеленной на максимальное изъятие ресурсов у населения, к ограблению казахов вела сама логика ситуации, вне зависимости от расовой и национальной неприязни, которые могли, конечно, быть сопутствующим фактором. Если мы посмотрим на логику отношений в советской властной вертикали и на то, как в ней выполнялись приказы, то можем вычленить такую типовую ситуацию. Руководство какого-либо района Казахстана получает из Алма-Аты (а та, в свою очередь, из Москвы) команду собрать какое-то немыслимое количество зерна. Русские крестьяне зерно производят, а казахские пастухи – только потребляют. Но зато у них есть скот, который можно использовать как тягловую силу для обработки новых участков земли и увеличения производства (тем более что за первую зиму коллективизации крестьяне зарезали большую часть собственного скота). Для местных властей выгодно оставить какую-то часть зерна у крестьян, иначе они не смогут засеять поля на следующий год, а районное руководство не сможет отчитаться в выполнении плана сдачи, и его могут снять. Если же обложить пастухов-казахов заданиями на поставку зерна и в значительно больших размерах, чем они реально могут его сдать, они будут

вынуждены продавать скот, который перейдет к земледельцам. Таким образом, будет достигнут тройной результат: будет больше тягловой силы у земледельцев, у казахов будет меньше скота, и поэтому уменьшатся их бесконечные конфликты с крестьянами из-за прав выпаса, порчи полей табунами и т.д.; наконец, обнищавшие казахи будут вынуждены отказаться от кочевого животноводства и перейти к оседлости и более нужным для государства видам деятельности – освоению свободных земель, работе на рудниках и шахтах, или же (что более вероятно) просто разбегутся, освободив районные власти от лишней обузы.

Это – естественно возникающая на среднем командном уровне стратегия. Но ее реализации могут помогать и снизу, и сверху. Крестьяне, сами находящиеся под угрозой голодной смерти, могут активно участвовать в грабеже своих казахских конкурентов. Алма-атинское руководство может принять логику районного звена и поощрять его действия. Этнический геноцид, таким образом, возникает на стыке государства и общества, там, где директивы Центра, главной задачей которого является построение военно-промышленного комплекса, исполняются низшими звеньями аппарата так, чтобы для них самих это было наиболее легко и выгодно, а ущерб выпал бы на долю самых слабых и наименее «ценных».

Но в какой мере такая стратегия была сознательной, насколько низшие звенья аппарата понимали последствия своих действий? Как они, когда на них обрушивалась лавина всяких указаний Центра, которые выполнить было просто невозможно, создавали какой-то порядок приоритетов и очередностей?[150] Все это имеет прямое отношение к вопросу о том, почему не была осуществлена программа «оседания».

Терри Мартин в работе о русификации в РСФСР показал, что Центр добивался осуществления политики, требующей от низших звеньев аппарата применения насилия по отношению к населению, посылая слабые, но различимые сигналы, исходившие от институтов «жесткой линии» советской бюрократии (прежде всего – ОГПУ-НКВД и отделов ЦК)[151]. Бюрократам местного уровня было необходимо выбирать, какие вопросы обладают первостепенной значимостью, и для этого им было необходимо интерпретировать указания, приходящие из Москвы, и понимать, какая политика поддерживается в данный момент «жесткой линией» и поэтому требует немедленного выполнения, а какая поддерживается только «мягкой линией» и может быть выполнена позднее[152]. Именно так разворачивалась кампания коллективизации и «раскулачивания». Были общие директивы ЦК и одновременно были ориентировочные цифры, исходившие от ОГПУ. Местные власти отлично поняли, что эти цифры и есть самое важное, и в страхе быть обвиненными в «правом уклоне» бросились раскулачивать и загонять людей в колхозы. Затем, за этими действиями, проводящими в жизнь «жесткую линию», последовали со стороны Центра ограниченные санкции против местных

«эксцессов» (иногда после расследований комиссий, посланных институтами «мягкой линии»).

Используя перспективу, показанную Т. Мартином, при чтении документации, собранной комиссией А. Киселева в 1934 г., мы пришли к заключению, что слово «оседание» имело одно значение в период от начала 1930 г. до конца 1931 г. и другое – в голодный период от осени 1931 г. до урожая 1933 г.

В 1930–1931 гг. «оседание», несомненно, не входило в число политических приоритетов. Никто им серьезно не занимался, и даже в пропаганде оно не играло большой роли[153]. В это время местное руководство прекрасно понимало, что его главной задачей является обеспечение поставок зерна и укрепление колхозов, и реально проводимой политикой в отношении кочевников была политика реквизиций и их вытеснения на земли худшего качества. «Оседание» существовало почти исключительно на бумагах и в речах руководства[154].

На втором этапе, с началом голода, понятие «оседание» приобрело иное значение. Нужно было что-то делать с казахскими беженцами, «откочевниками», направить их на работу в сельском хозяйстве и промышленности. В разных документах теперь постоянно говорится о «безразличии» в отношении к кочевникам, сначала – в отношении к их обустройству при оседании, затем – и в отношении их массовой голодной смерти[155]. Комиссия А. Киселева, посланная институтом «мягкой линии», ВЦИКом, была лишь последней в серии комиссий этого типа. (К ним, например, принадлежала комиссия Е. Ерназарова, посланная в 1930 г. расследовать ситуацию с пастухами Балхашского района.) Комиссия А. Киселева имела задачей сбор информации о положении в Казахстане в 1934 г. Но она не обладала никакой реальной политической властью. А.Киселев выполнил свою обязанность запоздалого осуждения «перегибов», совершенных региональным казахстанским и киргизским руководством, затем обвиненным или в саботаже «по заданию британского империализма» (киргизское руководство), или в «левачестве» (Ф. Голощекин и его сподвижники)[156]. Эти обвинения были предъявлены людям, уже отстраненным от власти, и не имели прямого политического значения. Впрочем, Ф. Голощекин был снят вообще не за «перегибы» в отношении кочевников. Эти «перегибы» продолжались пять лет, и почти каждый год в конце кампаний реквизиций (а затем коллективизации) за ними следовали их бесплодные осуждения разными комиссиями. Первую такую комиссию по фактам в Семипалатинске в 1928 г. возглавлял тот же самый Киселев[157]. Ф. Голощекин думал справиться с наступающим кризисом[158]. Но ему не удалось ни сохранить хоть какую-то часть ресурсов скотоводов, ни увеличить производство зерна. В результате Центр должен был направлять в Казахстан зерно. За это-то он и был снят со своего поста[159].

7. Коллективизация, «огосударствление» и «национальное строительство»

В период первой пятилетки, когда власть стала осуществлять политику введения казахов в структуры советского государства и «строительства казахской социалистической нации», входящей в «содружество народов СССР», значительная часть этой нации, пользовавшейся привилегиями, в пользу которой даже ограничивались права русских, погибла мучительной смертью. Это истребление не было запланированным и осознанным актом государства, полностью контролировавшего вертикаль власти и периферийные администрации, а скорее наоборот, – стало возможным в силу слабого контроля территорий со стороны руководства, занятого в то время хаотической индустриализацией. Истребление казахов не было целью Центра, но явилось той ценой, которую он готов был заплатить за то, чтобы достичь политического контроля и экономического преобразования региона.

Предпринятое государством массированное изъятие ресурсов у населения в разной степени затрагивало разные социальные и национальные группы в зависимости от их причастности к власти и их ценности для государства. Более сильные группы «перераспределяли ущерб», перекладывали груз на плечи более слабых. Так, в Казахстане изъятие зерна парадоксальным образом больше всего ударило по тем, кто зерна вообще не производил, – по казахским скотоводам, приведя к почти полному истреблению скота в регионе.

В начале 30-х гг. казахские скотоводы оказались на самой низшей ступени иерархии экономической ценности различных групп для государства. Лишившиеся своего главного средства существования – скота, оказавшиеся в полной зависимости от государства, для государства они были даже менее ценны, чем депортированные кулаки, «спецпереселенцы».

В то же время пропаганда объявляла о переходе кочевников к более цивилизованной оседлой жизни, распространении образования, «рождении казахского рабочего класса». И это была не только пропаганда: государство на деле стремилось вовлечь казахов в свои структуры и не связанные с животноводством секторы экономики. Почти на всем протяжении 20-х и 30-х гг. политика «коренизации» создавала преимущества для казахов в занятии рабочих мест в государственном и партийном аппаратах и в промышленности. Зарезервированные для них квоты никогда полностью не заполнялись, но все же имели значение. И хотя директора предприятий не были заинтересованы принимать на работу казахов, поскольку те не имели навыков промышленного труда и к тому же между русскими и казахскими рабочими постоянно возникали конфликты (в период первой пятилетки на заводах и в шахтах этническая сегрегация была общепринятой практикой), политическое руководство стремилось

дать какую-то работу массам бывших кочевников. В период коллективизации «коренизация» отнюдь не была прекращена, напротив, в первую пятилетку квоты для занятия мест в промышленности коренными жителями в Казахстане, как и в других республиках, возросли[160].

Процесс «огосударствления» казахского общества имел два противоречивых аспекта. Включение значительной части казахов в государственные институты (бюрократический аппарат, армия, образовательные учреждения) было обусловлено исключением их из управления своими экономическими ресурсами. Последствия этого были катастрофическими даже по меркам Центра.

Перевод с итальянского Дмитрия Фурмана

Примечания

[1] Я благодарю Марко Буттино, Ольгу Жилину и Эльмиру Габидуллину, без помощи которых я не мог бы завершить эту работу.

[2] В последней серьезной работе, посвященной этой проблеме, автор приходит к выводу, что непосредственно от голода в этот период погибло 1 450 000 казахов. – См.: *Максудов С.* Миграции в СССР в 1926–1939 годах // «Cahiers du monde russe», 40 (1999), № 4. Pp. 770–792.

[3] См.: *Kendirbai G.* Land and People: the Russian Colonization of the Kazak Steppe. Berlin: Schwarz, 2002. P. 18.

[4] См.: *Генис В.Л.* Депортация русских из Туркестана в 1921 году («Дело Сафарова») // Вопросы истории, №.1, 1998; *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. P. 60.

[5] В царское время и до середины 20-х гг. казахи официально именовались киргизами, а киргизы – кара-киргизами.

[6] Точнее – Казахскую. Написание «казахи» и «Казахстан» установилось только с 1936 г.

[7] Северо-Запад Казахстана был одним из регионов, наиболее пострадавших от голода 1921 г., и насильственные реквизиции, официально прекращенные с НЭПом, здесь продолжались до урожая 1933 г. Недавно опубликованные архивные документы свидетельствуют, что в 1923–1924 гг. громадная полоса, простирающаяся от Украины до Казахстана и Сибири, была поражена засухой и здесь голодали сотни тысяч людей. В феврале 1924 г. голод распространился в Актюбинской и Кустанайской губерниях. В июне в одной только Акмолинской губернии голодало 50–60 тыс. человек. – См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. Том 2. 1923–1929 / Под ред. А. Береловича и В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 96, 185, 229, 230, 236, 255.

[8] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), фонд А-374, опись16, дело 88, лист 37 (далее – А-374/16/88/37). В СССР в целом жило около 4 млн. казахов; вне Казахстана казахи жили в основном в Сибири. Кроме

того, в Синьцзяне, в Китае, было значительное казахское меньшинство, увеличившееся в результате наплыва беженцев из России в 1916–1922 гг.

[9] ГАРФ, А-374/16/88/44.

[10] Другие источники дают схожие цифры. Так, согласно П. И. Шебалину, в Джетысу 85% казахов были кочевниками и полукочевниками. – См.: *Шебалин П. И.* Джетысу (Семиречье). Экономический обзор. Смоленск: Джетысуйская губернская плановая комиссия, 1926. С. 174.

[11] К 1917 г. «до 40% казахов жило обработкой земли, коммерцией или работой в колониальном аппарате. Пастушеское скотоводство, все равно оставшееся важнейшей экономической деятельностью, было представлено разными типами, имевшими примерно одинаковый удельный вес: кочевым, полукочевым, полуоседлым и оседлым». – Цит. по: *Ohayon I.* Formes et usages du territoire a la periode coloniale: la premiere sedentarisation des kazakhs Contribution a l'histoire contemporaine du Kazakstan. Paris: Les Indes Savantes, forthcoming. Я благодарю И. Оайон за предоставленную мне возможность ознакомиться с ее работой до публикации.

[12] Даже те примерно 25% казахов, которые перед революцией оставались кочевниками, перешли к «номадизму на четко ограниченных территориях, т.е. подчиненному логике оседлости» (*Ohayon I.* Op. cit.). Однако, поскольку мои источники используют термин «кочевник» по отношению ко всем не городским казахам, я вынужден следовать за ними и тоже применять этот неточный термин в предельно широком значении.

[13] Многие русские крестьяне имели до десяти батраков-казахов. В 1924 г. только в трех районах Актюбинской губернии было 1240 батраков. – См.: *Берелович А., Данилов В.* (ред.). Указ. соч. С. 257.

[14] ГАРФ, А-374/16/88/45 (1928).

[15] См.: *Martin T.* The Affirmative Action Empire... В частности, о Казахстане см. pp. 59–67.

[16] В действительности, однако, она не прекращалась. За потоком беженцев, спасавшихся от голода 1920–1922 гг. в период НЭПа, последовал наплыв нелегальных переселенцев. В 1927 г. Ф. Голощекин в письме В. Молотову резко протестует против действий администрации Брянщины, Украины и Кавказа, выдающей разрешения на переселения в официально закрытый для переселенцев Казахстан. – См.: Российский государственный архив социальной и политической истории (далее – РГАСПИ), 17/33/486/55 (6.05.1927). Согласно оценкам Ю.Кулишера в 1924–1929 гг. в Казахстан прибыли 73 тыс. переселенцев (*Kulischer E.* Europe on the Move. War and Population Changes, 1917–1947. New York: Columbia UP, 1948, P. 83). Многие из них искали работу на строительстве Турксиба. В начале 1928 г. в Семипалатинске их было 13 тыс. См.: ГАРФ, 17/33/420/65-68 (25.06.1928) и *Payne M.* Stalin's Railroad: Turksib and the Building of Socialism. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001. Pp. 135–136.

[17] См.: *Шотбакова Л.К.* Национальный аспект переселенческой политики и коренизации в Казахстане в 1917—1941 году. Дисс. М.: Исторический факультет МГУ, С. 68.

[18] См.: *Шебалин П. И.* Указ. соч. С. 158.См. также материалы агрономических экспедиций 20-х гг., в частности: *Добржанский Ф.Г., Лус Я.Я., Медведев Н.Н.* Домашние животные юго-восточной части Казахстана (Семиречья). Л., Изд-во

Академии наук, 1927. Те же авторы. Домашние животные Семипалатинской губернии. Л.: Изд-во Академии наук, 1928.

[19] Об этом говорится в докладе ОГПУ о политическом положении в СССР за октябрь 1924 г. – См.: *Берелович А., Данилов В.* (ред.). Указ. соч. С. 255.

[20] В 1926 г. казахи, составляя 58,1% населения, занимали только четверть всех административных должностей. – См.: *Houle R.* Russes et non russes dans la direction des institutions politiques et economiques en URSS. Une etude des recensements, 1926–1979 // Cahiers du monde russe, vol. 38, № 3, 1997. P. 359 ; *Cherot R.A.* Nativization of Government and Party Structure in Kazakhstan, 1920–1930 // The American Slavic and East European Review. Vol. XIV, № 1, 1955.

[21] См.: *Martin T.* The Affirmative Action Empire... Pp. 125–181.

[22] В 1924–1927 гг. были полностью освобождены от налогов 62% кочевников и только 17% оседлых. – См.: *Погорельский Н.В.* Оседание кочевников и развитие животноводства. Алма-Ата: Академия наук КазССР, 1949. С. 89–90. – Цит. по: *Vladimirsky I.* Collectivization and the Reconstruction of Agriculture in Kazakstan during the 1920s–1930s. Ph. D. Thesis. Tel Aviv University, 1998. P. 138.

[23] В 1928 г. 92,8% казахов и 64% русских в Казахстане было неграмотным. – См.: *Рахимбаев А.Р.* Состояние задачи просветительной работы нацменьшинств РСФСР. М.: Госиздат, 1930. С. 76–78; *Cherot R. A.* Op. cit. P. 50.

[24] Согласно советским теоретикам, казахское общество достигло «феодальной стадии».

[25] РГАСПИ. 94/1/1/631.

[26] Джут – это весенние заморозки, покрывающие пастбища коркой льда, не позволяющей животным добраться до травы.

[27] В четырех губерниях (Семипалатинской, Джетысуйской, Сыр-Дарьинской и Уральской) погибло около 600 тыс. голов скота. – ГАРФ, А-406/9/705/33.

[28] См. глубокое исследование «дебаизации» в работе: *Ohayon I.* «Du nomadisme au socialisme». Sedentarisation, collectivisation et acculturation des Kazakhs en URSS (1928–1945). These de Doctorat, Institut National des Langues et Civilisations Orientales (INALCO). Paris, 2003. Pp. 33–99.

[29] См.: *Davies R. W.* The Industrialization of Soviet Russia. 1. The Socialist Offensive. The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930. Cambridge (Mass.): Harvard UP, 1980. P. 140.

[30] Весной 1929 г. были обнародованы официальные данные о результатах кампании: у 696 баев было конфисковано около 145 тыс. голов скота. – См.: *Алдажуманов К., Каиргалиев М., Осипов В., Романов Ю.* (ред.). Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931–1933 гг. Сборник документов и материалов. Алматы: Фонд «XXI век», 1998. С. 35.

Многие баи, однако, смогли избежать депортации, перебравшись со своими стадами в соседние районы. 8 сентября 1929 г. правительственный декрет требовал депортации таких баев в те отдаленные районы, куда их должны были отправить по декрету предыдущего года. – Систематическое собрание законов Казахской автономной советской социалистической республики, действующих на 1-е января 1930 г. (6 октября 1920 г. – 31 декабря 1929 г.). Алма-Ата: Изд. Управления делами СНК КАССР, 1930. С. 183.

[31] В середине 20-х гг. 57,4% ее жителей были казахи, 33,1% – русские и

7,1% – украинцы (примерно то же соотношение, что и в среднем по Казахстану).

[32] Далее я основываюсь на стенограмме заседания Президиума ВЦИК от 24.09.1928 г., на котором был заслушан отчет комиссии и присутствовали семипалатинские руководители. – РГАСПИ, 94/1/1/625-680.

[33] РГАСПИ, 94/1/1/629.

[34] В 1917 г. в Каркаралинском уезде 98,5% жителей были казахи и только 1,4% – русские и украинцы.

[35] РГАСПИ. 94/1/1/674.

[36] РГАСПИ. 94/1/1/676. Когда реквизиции проводили местные казахи, дела обстояли иначе. Иногда 50% конфискованного скота «временно оставлялось» владельцам, например потому, что секретарь сельской ячейки был женат на дочке бая и старался защитить своих родственников. – РГАСПИ, 94/1/1/668.

[37] РГАСПИ, 94/1/1/669.

[38] РГАСПИ, 94/1/1/668.

[39] РГАСПИ, 94/1/1/670.

[40] ГАРФ, А-374/16/88/51.

[41] РГАСПИ, 94/1/1/670. Официально было зарегистрировано 423 семьи и 20 тыс. голов скота, но это, несомненно, была только часть беженцев.

[42] Созданная государством организация кочевников и бедных крестьян.

[43] РГАСПИ, 94/1/1/666.

[44] Российский государственный военный архив (далее РГВА), 9/28/568/5.

[45] Систематическое собрание... С. 36.

[46] РГВА, 9/26/451/88.

[47] РГВА, 9/26/451/89.

[48] РГВА. 9/26/451/87 (febbraio 1928).

[49] *Данилов В.* (ред.) Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы, в 5 томах. 1927–1939. Том 1: Май 1927 – ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999. С. 131.

[50] См.: *Алдажуманов К.* и др. (ред.). Указ. соч. С. 39.

[51] РГАСПИ, 17/113/338/151-4, 93-94 (31/10/1927); *Martin T.* An Affirmative Action Empire: Ethnicity and the Soviet State, 1923–1938. Ph.D. dissertation. University of Chicago, 1996. P. 546.

[52] См.: *Шотбакова Л.К.* Указ. соч. С. 32–33.

[53] См.: Там же. С. 34.

[54] *Rottier P.* The Kazakness of Sedentarization: Promoting Progress as Tradition in Response to the Land Problem // Central Asian Survey, vol. 22, № 1, 2003.

[55] *Olcott M. B.* The Collectivization Drive in Kazakhstan // Russian Review, 40, № 2, 1981. P. 126.

[56] См.: *Vladimirsky I.* Op. cit. P. 146.

[57] *Graziosi A.* La grande guerra contadina in Urss. Bolscevichi e contadini (1918–1933). Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 1998. P. 84.

[58] См.: *Abylchozin Z.* B. Collettivizzazione, carestia... Op. cit. P. 148.

[59] ГАРФ, А-296/1/450/126 . См. также: *Vladimirsky I.* Op. cit. Pp. 142–143.

[60] ГАРФ, А-296/1/450/126.

[61] См.: *Алдажуманов К. и др.* (ред.). Указ. соч. С. 54.

[62] РГАСПИ, 17/25/47/29, (20/2/1930).

[63] CA FSB RF, 2/8/329/1-44. См. также: *Данилов В.* (ред.). Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы, в 5 томах. 1927 – 1939. Том 2: Ноябрь 1929 – Декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 423.

[64] РГАСПИ, 17/25/47/86, (17/3/1930).

[65] CA FSB RF, 2/8/329/198-212. См. также: *Данилов В.* (ред.). Указ. соч. С. 705.

[66] *Шотбакова Л.К.* Указ. соч. С. 43.

[67] *Данилов В., Зеленин И., Кондрашин В., Сидоров И.* (ред.). Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы, в 5 томах. 1927 – 1939. Том 3: Конец 1930–1933. М.: РОССПЭН, 2001. С. 584, 612–613.

[68] ГАРФ, 9414/2/108/1-15. Район для постройки Карлага был намечен несколькими агрономическими и геологическими экспедициями 1930 г. В 1931 г. прибыли первые осужденные, уже на следующий год под управлением местного отделения ГУЛАГа была территория размером в 17 000 км^2.

[69] См.: *Каражанов К., Такенов А.* (ред.). Указ. соч. С. 234.

[70] В Казахстане реакция на коллективизацию, как со стороны крестьян-европейцев, так и со стороны кочевников, была особенно бурной. За 1930 г. ОГПУ зарегистрировало 266 «массовых выступлений» и 332 актов «терроризма», таких, как убийства коммунистов, комсомольцев и уполномоченных по коллективизации. (См.: *Данилов В.* (ред.). Указ. соч. С. 801, 804). Хотя большинство волнений имело характер локальных бунтов, охватывающих какую-то одну деревню или аул, в некоторых участвовали тысячи человек. Самые крупные были Кзыл-Ординское (4500 восставших, самое массовое восстание в СССР), Иргизское (Кустанайский и Актюбинский округа, 2500 участвовавших) и восстание в Сузакском районе Сыр-Дарьинского округа (2000 человек). (См.: *Данилов В.* (ред.). Указ. соч. С. 703–705). Наиболее полное исследование сопротивления коллективизации в Казахстане см.: *Алдажуманов К.* Крестьянское движение сопротивления // Анес Г. (ред.). Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алмату: Арыс, 1998. С. 66–93; лучшее исследование одного из восстаний: *Алланиязов Т., Таукенов А.* Шотская трагедия. (Из истории антисоветских вооруженных выступлений в Центральном Казахстане в 1930–1931 гг.). Алматы: Фонд «XXI век», 2000.

[71] *Данилов В.* (ред.). Указ. соч. С. 633.

[72] Там же. С. 603.

[73] А. Сен в своем труде «Бедность и голод» (*Sen A.* Poverty and Famines. An Essay on Entitlement and Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1981. Pp. 86–130) изучал последствия голода в 70-е гг. в Эфиопии и Сахеле. Сен показал, что в обоих этих случаях номады также пострадали больше земледельцев, удельный вес погибших от голода среди них был выше. Он объясняет это тем, что в подобных ситуациях цена на хлеб всегда растет больше, чем цена на скот и продукты скотоводства.

[74] См.: *Абдирайымов С. и др.* (ред.). Голод в казахской степи. Алма-Ата: Qazaq universiteti, 1991. С. 141.

[75] См.: *Мухамедина Ш.* История кочевых и старожильческих хозяйств. (Опыт партийно-государственной централизации хозяйственной жизни Казахстана в 1920–1936 гг.). Акмола, 1994. С. 102.

[76] См.: *Омаров М.* Расстрелянная степь. История Адаевского восстания

1931 года по материалам ОГПУ. Алматы: Гылым, 1994. С. 23; *Абылхожин Ж. В., Козыбаев М.К., Татимов М. В.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории, №. 7. С. 61.

[77] ТОЗ – сокращенно товарищество по обработке земли. Это самый простой тип колхоза, при котором в его собственности были только земли и основные сельскохозяйственные орудия, а скот и большинство сельхозорудий оставались в частном владении.

[78] ГАРФ, 6985/1/7/101-99. Комиссия ВЦИК по вопросам оседания кочевого и полукочевого населения. – Этот фонд, важнейший источник настоящей работы, образован из материалов, собранных в Казахстане, и составленных специальной комиссией ВЦИК, работавшей с 20.04.1934 по 31.08.1934 г. под руководством заместителя председателя ВЦИК А. С. Киселева. Это вторая комиссия, возглавленная Киселевым, после разбиравшей семипалатинское дело в 1928 г.

[79] *Абылхожин Ж. В.* Традиционная структура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920—1930-е гг.). Алма-Ата: Гылым, 1991. С. 188.

[80] См.: *Алдажуманов К. и др.* (ред.). Указ. соч. С. 78.

[81] См.: Там же. С. 139.

[82] Переход скота от пастухов к земледельцам совершался не только по директивам сверху. Турар Рыскулов, в это время председатель комиссии Совнаркома РСФСР по обустройству бывших кочевников, в письме Сталину, Кагановичу и Молотову от 9 марта 1933 г. писал, что «во многих разных местах вернулась старая традиция – если в русских деревнях пропадает скот, пропажа непременно возмещается за счет казахов». – См.: *Абдирайымов С. и др.* (ред.). Указ. соч. С. 187. Это письмо содержит глубокий и обширный анализ положения казахов в период голода.

[83] ГАРФ, 6985/1/7/101-99.

[84] См.: *Абдирайымов С. и др.* (ред.). Указ. соч. С. 159.

[85] ГАРФ, 6985/1/4/94.

[86] *Davies R. W.* The Industrialization of Soviet Russia. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Houndmills: Macmillan, 1996. P. 488.

[87] См.: *Абдирайымов С. и др.* (изд.). Указ. соч. С. 141.

[88] См.: *Davies R. W., Harrison M., Wheatcroft S. G.* (eds.). The Economic Transformation of the Soviet Union, *1913–1945.* Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 289.

[89] ГАРФ, 6985/1/4/38.

[90] ГАРФ, 6985/1/6/223.

[91] ГАРФ, 6985/1/6/222.

[92] ГАРФ, 6985/1/4/93; 6985/1/16/55-57.

[93] ГАРФ, 6985/1/22/122.

[94] ГАРФ, 6985/1/6/34.

[95] См.: *Абдирайымов С. и др.* (изд.). Указ. соч. С. 172.

[96] См.: *Каражанов К., Такенов А.* (ред.). Указ. соч. С. 266.

[97] ГАРФ, 6985/1/7/164, ГАРФ, 6985/1/7/168.

[98] Об этом пишет в августе 1932 г. Сталину председатель Казахского Совнаркома У.Исаев. – См.: *Абдирайымов С. и др.* (изд.). Указ. соч. С. 148.

[99] См.: *Каражанов К., Такенов А.* (ред.). Указ. соч. С. 266. См. также письмо Т.Рыскулова в: *Абдирайымов С. и др.* (изд.). Указ. соч. С. 168-169.

[100] См.: *Каражанов К., Такенов А.* (ред.). Указ. соч. С. 264.

[101] Уже в августе 1931 г. заместитель наркома продовольствия Казахстана Зейнулла Торегожин открыто критиковал политику реквизиций, приводящую к обнищанию казахов, за что и был отстранен от должности (См.: *Нурбаев Н.* Жертва коллективизации // Партийная жизнь Казахстана, № 8, 1991. С. 89). В 1932 г. критика в адрес Голощекина усилилась. В августе 1932 г. сам У.Исаев в письме к Сталину прямо требовал его удаления. См.: *Абдирайымов С. и др.* (изд.). Указ. соч. С. 128–151.

[102] 27 декабря 1932 г. был введен внутренний паспорт, и в 1933 г. из городов бежавших стали изгонять. О введении паспортной системы см.: *Kessler G.* The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du Monde Russe, vol. 42, № 2–4, 2001.

[103] См:. ГАРФ. 6985/1/16/55-57.; *Andreev E., Darskij L., Kharkova T.* L'histoire de la population de l'URSS 1920–1959 // Annales de demographie. Paris, 1992. P. 84. А. Киселев приводил другие данные, в соответствии с которыми за пределы Казахстана в период 1930–1933 гг. убежало около 2 млн. людей.

[104] В некоторых документах они называются также *откочевщики* См.: *Алдажуманов К. и др.* (ред.). Указ. соч. С. 105.

[105] См.: Там же. С. 134.

[106] ГАРФ, 6985/1/3/177.

[107] ГАРФ, 6985/1/36/16-14 (4/12/1933).

[108] См.: *Алдажуманов К. и др.* (ред.). Указ. соч. С. 173, 176.

[109] ГАРФ, 6985/1/36/14-9.

[110] ГАРФ, 6985/1/22/146-143.

[111] ГАРФ, 6985/1/22/145.

[112] О таком же отношении к голодающим во время голода 1922 г. см.: *Берелович А., Данилов В.* Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. Том 1. 1918–1922. М.: РОССПЕЭН, 1998. С. 680.

[113] ГАРФ, 6985/1/36/14-9.

[114] *Vladimirsky I.* Op. cit. P. 133, 157.

[115] ГАРФ, 6985/1/6/228.

[116] ГАРФ, 6985/1/5/97.

[117] ГАРФ, 6985/1/8/75.

[118] *Vladimirsky I.* Op. cit. P. 152.

[119] ГАРФ, 6985/1/7/143 (1934). См.: *Vladimirsky I.* Op. cit. P. 152.

[120] Цитаты взяты из черновика заключения комиссии. – ГАРФ 6985/1/6/228-177.

[121] По данным Ш.Мухамединой (указ. соч. С. 117), только 13% «пунктов» имели достаточные земельные и водные ресурсы.

[122] См.: *Абдирайымов С. и др.* (ред.). Указ. соч. С. 188.

[123] *Ерназаров Е.* Оседание в Казакстане. М.; Алма-Ата, 1931. С. 6.

[124] ГАРФ, 6985/1/6/217.

[125] См.: *Турсунбаев А. Б.* (ред.). Указ. соч. Т. I. С. 526–527.

[126] ГАРФ, 6985/1/6/225.

[127] ГАРФ, 6985/1/5/101-96.

[128] ГАРФ, 6985/1/7/87.

[129] ГАРФ, 6985/1/4/7.

[130] ГАРФ, 6985/1/36/9.

[131] ГАРФ, 6985/1/36/9.

[132] ГАРФ, 6985/1/16/38. Основываясь на данных об отправке зерна (они приводятся в: *Davies R. W., Tauger M. B., Wheatcroft S. G.* Stalin, Grain Stocks and the Famine of 1932–1933 // Slavic Review, № 3, 1995), мы можем прийти к выводу, что за первое полугодие 1933 г. Казахстан получил около 3% всего отправленного зерна. Это более или менее равно ежегодной квоте Казахстана во всесоюзных поставках зерна (в 1930–1931 гг. республика поставляла 4%). – См.: *Данилов В.* (ред.). Указ. соч. С. 666–667.

[133] ГАРФ, 6985/1/16/45. Постановление Совнаркома Казахской АССР, 25.03.1934.

[134] ГАРФ, 6985/1/9/2. Казахстанская Правда, 26 октября 1932. 19 октября 1932 г. Крайком установил список кочевнических и полукочевнических районов, которые, на основании директивы от 17 сентября, освобождались на два года от всех обязательных поставок мяса. Однако на деле это решение в жизнь не претворялось и планы по мясу в эти районы продолжали спускаться. – ГАРФ, 6985/1/7/80).

[135] ГАРФ, 6985/1/7/79.

[136] См.: *Каражанов К., Такенов А.* (ред.). Указ. соч. С. 261.

[137] См.: *Martin T.* The Affirmative Action Empire... Op. cit. Pp. 325–327.

[138] ГАРФ, 6985/1/7/77.

[139] ГАРФ, 6985/1/7/77.

[140] ГАРФ, 6985/1/4/3.

[141] ГАРФ, 6985/1/7/146.

[142] См.: *Каражанов К., Такенов А.* (ред.). Указ. соч. С. 263.

[143] В течение большей части обсуждаемого периода в Казахстане не было регистрации рождения и смерти (*Andreev E., Darskij L., Kharkova T.* Op. cit. P. 83). По оценке казахского демографа М.Б. Татимова (*Татимов М.Б.* Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата, 1989), результаты переписи 1926 г. занижают реальные показатели численности населения республики на 6,7%. Разницу, скорее всего, составили дети младше одного года, девушки, достигшие брачного возраста (семьи скрывали девушек на выданье из-за закона, запрещавшего *калым* – плату за невесту) и юноши призывного возраста. При этом считается, что данным переписи 1937 г. можно доверять (*Andreev E., Darskij L., Kharkova T.* Op. cit. P. 72).

[144] С целью сравнения данных переписей данные 1926 г. приведены без сведений по Кара-Калпакской автономной области, которая в 1936 г. вошла в состав Узбекской ССР.

[145] *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Магистр, 1996. С. 192.

[146] *Martin T.* The Russification of the RSFSR // Cahiers du Monde Russe, vol. 39, № 1–2, 1998.

[147] В 1926 г. было 146 317 каракалпаков, их численность увеличилась до

179 282 в 1937 г. – *Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н.* Полвека молчания. Всесоюзная перепись населения 1937 года // Социологические исследования, №6, 1990. С. 59.

[148] Оценки Ж. В. Абылхожина, М.К. Козыбаева, М. В. Татимова (Указ. соч. С. 67), которые предложили цифру 1,75 млн. умерших, представляются менее точными. Эльман (Soviet Studies, vol. XLIV, 1992. P. 914) предложил самый низкий вариант (1,3 млн. Умерших).

[149] GARF. 6985/1/16/71.

[150] См.: *Martin T.* Interpreting the New Archival Signals. Nationalities Policy and the Nature of the Soviet Bureaucracy // Cahiers du Monde Russe, vol. 40 (1999), № 1–2. P. 117.

[151] О разделении институтов сталинской бюрократии на институты «жесткой линии» и «мягкой линии» (*hard-line* и *soft-line institutions*) см.: *Martin T.* Interpreting... Op. cit. P. 114.

Самым важным институтом «мягкой линии» был ВЦИК во главе с М.И. Калининым.

[152] *Martin T.* Interpreting... Op. cit. Pp. 117–118.

[153] На заседании 5 июля 1930 г. комитета по оседанию Павлодарского округа были слышны жалобы, что не проводится никакой предварительной пропагандистской работы. – ГАРФ, 6985/1/5/28.

[154] Так же полагает Ш. Мухамедина (указ. соч. С. 118).

[155] См., например, уже цитировавшееся письмо Т. Рыскулова к Сталину, Молотову и Кагановичу. – *Абдирайымов С. и др.* (ред.). Указ. соч. С. 170.

[156] ГАРФ, 6985/1/4/93.

[157] В своем выступлении на XIV Всесоюзном съезде советов в мае 1929 г. А. Киселев с точностью повторил лозунг Ф. Голощекина, сказав, что в национальных республиках «Октябрь наступил только в прошлом году». См.: *Мухамедина Ш.* Указ. соч. С. 77.

[158] Частично он его предвидел, ибо уже в 1927 г. говорил о неизбежном уменьшении поголовья скота «при переходе от натуральной экономики к социалистической».

[159] В январе 1933 г. Ф. Голощекин был отозван в Москву и немедленно направлен на работу в коллегию Комиссариата Рабоче-Крестьянской инспекции. На XVII съезде партии (февраль 1934 г.) он не был переизбран в ЦК. В отличие от большинства своих соратников по руководящей партийной работе в Казахстане (в том числе и своего преемника Л. Мирзояна) он смог как-то пережить «ежовщину». Однако 15 октября 1939 г. Голощекин все же был арестован. В октябре 1941 г., во время немецкого наступления на Москву, он был расстрелян вместе с другими бывшими руководителями.

[160] См.: *Liber* G. Korenizatsiia: restructuring Soviet nationality policy in the 1920s // Ethnic and Racial Studies, vol. 14, № 1, 1991. P. 17.

Эдвард Шац

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И УСТОЙЧИВОСТЬ РОДОВЫХ СВЯЗЕЙ В КАЗАХСТАНЕ[1]

Почему сохраняются групповые идентичности? Почему одни группы исчезают, а другие, наоборот, выживают и продолжают оказывать влияние на политическую жизнь? Исходя из общепринятых представлений о том, что под воздействием общих институтов или совместно испытываемых процессов население становится все более гомогенным, исследователи национализма утверждают, что субэтнические различия постепенно утрачивают свое значение. Любое несоответствие фактов этому утверждению, т.е. когда субэтнические идентичности все же явно сохраняют свое значение, – объясняется обычно недостаточностью гомогенизирующего давления. Считается, что институты и процессы, которые, *как правило*, размывают эти различия, в определенных случаях по каким-то специфическим причинам могут оказаться неспособными это сделать[2]. Когда же молчаливо принимаемая за аксиому телеология постепенной гомогенизации была подвергнута критике[3], идея, что субэтнические идентичности в целом постепенно исчезают, обрела новую жизнь – с дискуссией о культурной гомогенизации, которая, как предполагается, сопровождает глобализацию[4].

За последние десятилетия в исследованиях по этничности произошли большие изменения. Этническая принадлежность, которая, как раньше считалось, обречена на исчезновение в «плавильном котле», как это называется в США, теперь признана как неотъемлемый аспект политической борьбы на пространстве от Балкан до Центральной Африки и Юго-Восточной Азии. Теперь в ходу новая метафора, применяющаяся к мультикультурным обществам – не «плавильного котла», а «лоскутного одеяла». И она кажется действительно удачной, ибо этнические группы очень редко выказывают готовность отказаться от принадлежащей им частички сшитой из разных культур политической и социальной ткани.

Однако социальные науки практически не занимаются проблемами устойчивости других идентичностей. Ряд субэтнических связей – клановые, родовые, деревенские, земляческие – не подвергаются теоретическому анализу и как бы предназначены для концептуальной «корзины для мусора», куда сбрасываются остатки исчезающих традиционных социальных структур, не имеющие значения для анализа современности[5]. Они игнорируются, несмотря на огромный объем свидетельствующих

об их роли эмпирических данных, собранных исследователями в Восточной и Северной Африке и на Ближнем Востоке [6]. Таково же значение этих связей, которое отмечают и исследователи южных постсоветских республик – Чечни, Узбекистана, Киргистана, Туркменистана и Таджикистана[7].

Данная статья, основанная на тексте книги, которая вскоре будет опубликована,[8] посвящена субэтническим делениям в Казахстане. С позиций модернизационных теорий, которые предрекают постепенную гомогенизацию народов в культурно-унифицированном мире, устойчивость субэтнических идентичностей в Казахстане представляет собой загадку. Почему постсоветская республика, чье общество было подвергнуто советским государством самой радикальной трансформации, которая вроде бы должна была разрушить родовые связи, тем не менее является сейчас страной, где политика в громадной мере основывается именно на этих связях? В противовес большинству подходов к этой проблеме, я считаю, что родоплеменные идентичности в Казахстане сохранились *не вопреки* давлению со стороны советского государства, а *благодаря* тем формам, в которых осуществлялась в республике государственная власть.

В первом параграфе этой статьи я рассматриваю проблему в контексте теоретической литературы, посвященной политике на основе идентичности. Во втором – описываю усилия советской власти, направленные на уничтожение родоплеменных идентичностей. В третьем параграфе выявляю причины, по которым эти усилия на деле имели обратный эффект – укрепляющий, а не уничтожающий эти идентичности. Поскольку государственная политика многогранна и сложна, я ограничился рассмотрением одного вопроса, а именно связями между советской политической экономикой и кровнородственными делениями. Я считаю, что государственная командная экономика воссоздавала и укрепляла субэтнические кровно-родственные связи в качестве сетей, при помощи которых осуществлялся доступ к дефицитным благам. В заключение я привожу ряд концептуальных соображений о той роли, которую играют государства, создавая благоприятные условия для сохранения делений, основанных на идентичности, и их политическом значении.

1. Определение проблемы

Политическое и социальное значение родовых идентичностей в Казахстане уже описано в других работах. *Результаты распределения,* патронажная политика и доступ к собственности в добывающей промышленности – все это во многом зависит от этих субэтнических связей[9].

Здесь я ограничусь лишь небольшим примером, показывающим, что родовые связи в этой республике остаются достаточно устойчивыми, чтобы оказывать влияние на мобильность в политической сфере.

Таблица 1

Принадлежность к жузам (ордам) казахов, выходцев из сельской местности, являющихся чиновниками президентского аппарата

Жузы (Орды)	Удельный вес в населении, %[10]	Удельный вес среди служащих, %
		n=102
Младший	33,96	18,14
Средний	41,24	46,57
Старший	24,63	35,29

Из таблицы 1 видна роль субэтнической принадлежности к жузу (орде)[11] в политическом патронаже. В ней приведены данные о казахах, выходцах из сельской местности, которые занимают должности в президентском аппарате, – группа, о которой мы имеем достоверные сведения[12]. Мы видим, что представители Старшего жуза, к которому принадлежит президент, в значительной степени перепредставлены в аппарате по сравнению с долей этого жуза в населении в целом. Средний жуз (который на большей части советского периода пользовался преимуществами) также перепредставлен, хотя и в меньшей степени. А Младший жуз, напротив, в значительной степени недопредставлен. Несомненно, что это отклонение далеко не случайно (хи-квадрат = 0,001156). Проведенный в Казахстане опрос показывает, что большинство казахстанцев (58,4%) считают, что семейные и родовые связи оказывают «первостепенное» влияние на назначения в исполнительной ветви власти[13].

Но с позиций современной науки политическое значение субэтнических связей в современном Казахстане – головоломка. Доминирующие направления в литературе, посвященной политике на основе идентичности, особенно в исследованиях по национализму, игнорируют кровно-родственные и локальные связи, поскольку все внимание концентрируется на движении *от* них. Все внимание сосредоточивается в них на причинах и механизмах возникновения национальных самоидентификаций и лояльностей, будь то совпадение во времени появления технологии печати и капиталистического предприятия (по Б. Андерсону), увеличивающаяся плотность социальной коммуникации (по К. Дойчу) или распространение государством «высокой культуры» (по Э. Гелльнеру)[14]. Э. Гелльнер прямо утверждает, что в ходе модернизации общества государства размывают идентичности низших уровней. Рассуждая со структурно-функциональных позиций, он описывает, как «высокая культура», связанная с государственным аппаратом, начинает доминировать над «разнообразными локальными и бесписменными малыми культурами и традициями»[15]. По его мнению, бюрократический рационализм веберовского типа требует, чтобы образование гомогенизировало существовавшее прежде разнообразие культур: «Было

время, когда образование было домашним, когда люди формировались деревней или кланом. Это время ушло, и ушло безвозвратно... Внешняя социализация, производство и воспроизводство человеческих личностей за пределами локальных узких мирков... неизбежны. Это и есть то, что называется национализмом, и поэтому мы живем в эпоху национализма»[16].

Сохранение родоплеменных связей кажется особенно парадоксальным, когда речь идет о бывшей советской Центральной Азии. Советский режим имел и достоточно сил, и несомненное желание уничтожить субэтнические деления, но его усилия по гомогенизации и национализации населения успеха так и не достигли. И из всех республик Центральной Азии и Кавказа, где сильные родоплеменные связи предшествовали советскому правлению, Казахстан больше других испытал на себе давление советской модернизации[17].

Когда мы пытаемся осмыслить живучесть делений и связей, основанных на кровном родстве, возникает искушение принять примордиалистский подход, исходящий из первичности этих связей и фокусирующий внимание на их эмоциональном значении. В отличие от национальной идентичности, кровно-родственная связь вроде бы не требует той общей абстрактной идеи, которая связывает членов национальной группы; она основывается скорее на постоянном, каждодневном социальном взаимодействии и на глубоких чувствах доверия и преданности к членам своей группы[18]. Исходя из такого подхода, объяснение устойчивости связей, основанных на родстве, может быть очень простым: глубокая эмоциональная привязанность не позволяет членам кровно-родственной группы усомниться в ее очевидном значении. Кровно-родственные деления сохраняются, поскольку они являются первичной эмоциональной основой, на которой строится идентичность[19].

Однако примордиалистский подход не способен объяснить различия в конечных результатах развития. Например, с XIV по XVII в. Шотландия имела сильную клановую социальную организацию. Кланы выдвигали своих лидеров, которые считались как бы представителями родового предка, и постоянно соперничали друг с другом, так что шотландские «войны кланов» вошли в легенды. Но как только горные районы Шотландии оказались под контролем государственных институтов, клановая система пришла в упадок, и кланы потеряли свое политическое значение. Почему же итог развития в Шотландии отличается от того, что мы видим в Казахстане? Примордиализм это различие результатов развития объяснить не может.

Я намерен осветить роль государства. Я постараюсь показать, что сохраняются или исчезают деления, основанные на кровном родстве, больше зависит от стимулов, создаваемых государственной политикой, чем от общего процесса перехода от традиционализма к современности или от силы эмоциональных привязанностей. В то время как приверженцы

примордиалистской точки зрения рассматривают общество вне его связей с государством, я считаю, что основную роль в динамике развития идентичностей играет деятельность государства. И в то время как исследования национализма постулируют однонаправленную связь между переменными, я полагаю, что усилия советского государства модернизировать население и уничтожить родовые связи в действительности имели обратный эффект и усилили их роль.

Этот подход может быть назван подходом с позиции *государственного конструктивизма*. Он – *конструктивистский*, поскольку исходит из того, что деления на основе идентичности – скорее продукт деятельности, нежели первичная данность. Конечно, деления на основе идентичности сами могут рассматриваться как причины других явлений[20], но есть вопросы, которые логически должны предшествовать рассмотрению их как причин. Откуда берутся сами групповые солидарности? В чем заключаются механизмы, при помощи которых деления на основе идентичности воспроизводятся во времени (если, конечно, они воспроизводятся)? И это – подход, исходящий из роли *государства*, поскольку я пытаюсь определить, как его действия влияют на групповые солидарности, и в частности как это влияние может идти вразрез с субъективными намерениями правящей элиты.

Этот подход имеет свои преимущества. Во-первых, он позволяет пойти дальше первоначального дихотомического вопроса – сохраняются или нет данные идентичности. Мы можем поставить вопросы о том, в каких именно нишах эти идентичности сохраняются и благодаря чему они остаются – или становятся – политически и социально значимыми. Кроме того, этот подход фокусирует внимание на процессах конституирования идентичности – то, что всегда остается темным в описаниях, исходящих из примордиализма. Но важен именно процесс, поскольку лишь анализ процесса позволяет создать представление о причинной связи между переменными, которое можно критически оценить.

2. Идентичности в казахских степях и советские кампании против родоплеменных связей

Архивные данные и вторичные источники позволяют нам реконструировать отношения на основе идентичности в казахской степи досоветского времени и проследить усилия советской власти по искоренению родоплеменных делений в политической и социальной жизни. Исходя из этих данных, я выдвигаю три положения. Во-первых, традиционные идентичности в степи не были жесткими. Во-вторых, они считались основывающимися на отношениях кровного родства. В-третьих, советский режим повел кампанию по уничтожению этих делений не только в реальной жизни, но и в дискурсе.

Подвижность идентичностей и царское правление

Накануне прихода советской власти у кочевников казахских степей существовали идентичности по крайней мере трех уровней: ру (клан или племя), жуз (орда) и этническая общность[21]. Этническая общность казахов[22] состояла из орд-жузов, которые в свою очередь состояли из племен – ру, а те – из более мелких единиц. Деления на племена и жузы могут рассматриваться как кровно-родственные, поскольку для обоих этих уровней идентичности использовался язык кровно-родственных связей. Но эти деления не были неизменными. Границы групп менялись в зависимости от внешних угроз и изменявшихся экологических условий. Контуры групп были подвижны, но устанавливались не произвольно – кровно-родственные связи определяли границы новых объединений.

При встрече с незнакомцем значение имели не столько видимые маркеры его идентичности – одежда, обычай или язык, сколько демонстрируемое знание кровно-родственных отношений. Предполагалось, что каждый кочевник знает свою родословную по крайней мере до седьмого поколения, за пределами которого не действует запрет на эндогамный брак. До проведения в советский период кампаний по оседлости и ликвидации неграмотности кочевники передавали эту информацию только устно[23]. Если кочевники встречались в степи, то первым делом они спрашивали друг друга о скоте, а затем: «К какому клану ты принадлежишь?» («Кай рудан келдингиз?») или более общо: «Из каких ты людей?» («Кай элденсиз?»). Правильным ответом будет перечисление своих предков. Изложение генеалогии, таким образом, повторялось при каждом контакте с неизвестными людьми, и этот постоянный обмен генеалогическими сведениями создавал общепризнанные контуры кровно-родственных делений. Все казахи, таким образом, считались родственниками друг другу, причем степень родственной близости зависит от положения на генеалогическом древе – в существующей в казахском сознании схеме родства, которая имеет форму пирамиды с мифическим прародителем всех казахов на вершине.

Кровно-родственные деления, таким образом, существовали (и продолжают существовать) одновременно на нескольких уровнях. Низшая кровно-родственная группа, которая насчитывает, скажем, 1000 членов, состоящих в родстве друг с другом благодаря общему предку по мужской линии, может быть подгруппой более крупного кровно-родственного объединения, насчитывающего 10 000 членов, связанных благодаря другому, более далекому общему предку. В основе групповой принадлежности была принадлежность к племенам – ру, напоминающим аналогичные основные деления в других кочевнических обществах[24]. На низшем, локальном уровне власть была закреплена за старейшинами и судьями – биями и кодировалась терминами родства. Старейшины – мужчины, возглавляющие кочевья (аулы), избирали биев, чтобы разрешать споры между аулами. Родство, таким образом, является источником легитим-

ности[25]. Эти местные власти опирались на обычное право (адат), систему санкций и поощрений, охранявшую социальную стабильность. Такое самоуправление напоминает аналогичные институты, обеспечивающие, при отсутствии верховной государственной власти, порядок у других кочевых народов.

Орды-жузы были более крупными объединениями, которые также считались основанными на кровно-родственных связях, хотя реально их происхождение не было связано с кровными узами. В XVI в. Казахское ханство распалось на три объединения племен – ру, каждое из которых занимало определенную природно-климатическую зону, на которой постепенно возникали постоянные маршруты кочеваний с определенными местами стоянок[26]. Для жузов была характерна относительная политическая стабильность. Регулярно происходили съезды судей и старейшин. На таких съездах избирались ханы из султанов-чингизидов. Для ханского правления было необходимо наличие харизматического авторитета, и недолгие союзы между жузами возникали при ханах, которые пользовались благодаря своим личным качествам всеобщим уважением[27].

Относительная стабильность жузов создавала общие идентичности у племен, живших на больших территориях. Младший жуз владел землями между Аральским и Каспийским морями и рекой Урал. Средний занимал северные и центральные регионы. Старший доминировал на восточной и юго-восточной частях казахской территории. Из-за своего различного географического положения эти регионы были подвержены различным политическим и культурным влияниям.

Этническая идентичность казахов вплоть до XX в. оставалась слабой, хотя казахские националистически настроенные историки и пытаются обнаружить ее корни чуть ли не в первом тысячелетии до нашей эры. Термин *«казах»* впервые в источниках появился в XV в., обозначая «свободного кочевника» (который противопоставлялся земледельцу)[28]. Таким образом, первоначальное значение термина «казах» – не этническое, хотя со временем кочевничество и станет главной составляющей этнической идентичности казахов.

Российская колониальная экспансия и политика царизма способствовали некоторой кристаллизации этнического самосознания. Однако апелляции к этническим чувствам имели ограниченный успех. Во время самого крупного антиколониального восстания Кенесары Касымов так и не смог преодолеть соперничества между жузами[29]. Низкий уровень грамотности[30] и огромные пространства препятствовали возникновению сознания этнического единства. Вряд ли можно, как это делают некоторые современные казахские историки, называть «национально-освободительным» и восстание 1916 г.[31] .

Одновременно царская политика способствовала и усилению межплеменной борьбы. Славянские поселения, по мере того как российская

колониальная граница продвигалась все дальше на юг, теснили местное население, а колониальный административный аппарат был не заинтересован в поддержании традиционных форм экономики. Пастбищ становилось все меньше, с их уменьшением росло соперничество за них племен, и барымта (рейды на соседние кочевья) становилась все более распространенным явлением[32].

При отсутствии достаточного количества корма для скота многие кочевники вынуждены были становиться земледельцами[33]. Кроме того, власти поощряли переход к оседлости административными мерами, отдавая предпочтение при рассмотрении претензий на землю оседлым жителям, создававшим на этой земле постоянные строения. Хотя большинство казахов оставались кочевниками, переход к оседлости становился неизбежен[34].

В первые годы советской власти межплеменное соперничество сопровождало выборы в местные советы (в 1926, 1927 и 1929 гг.), хотя власть и контролировала их результаты, проводя своих кандидатов.

К 1929 г. выборы окончательно превратились в фактические назначения сверху. Для объяснения этих перемен власти использовали язык классовой борьбы. Так же как на «кулаков» в славянских регионах, на относительно зажиточных кочевников в Казахстане был навешен ярлык капиталистических эксплуататоров, и была объявлена цель их ликвидации «как класса». С ростом торговли в XIX в., действительно, в казахском обществе появились зародыши классовой стратификации, но сегментарные деления продолжали играть неизмеримо большую роль[35]. И хотя творческое воображение большевиков позволило им увидеть пролетарскую революцию в аграрной России, пролетарская революция у кочевников превосходила даже их воображение[36].

Попытки настроить малоимущих кочевников против относительно зажиточных членов их родовых групп наталкивались на глубокую укорененность традиционной модели общества. Конкуренция кланов становилась особенно сильной во время кампаний по смене кадров, когда элита использовала разные неформальные способы для того, чтобы добиться поддержки своих кандидатов в местные советы. Мобилизуя разветвленную сеть родовых связей, элита оказывала советским чиновникам специфическое «гостеприимство», а те, в благодарность, инструктировали местных жителей, за кого нужно голосовать[37]. В некоторых случаях представители клановой элиты выбирали «победителя» из своей среды. Если выборы происходили при участии разных кланов, их элиты находили компромисс, деля должности перед «выборами»[38].

Уничтожение родовых связей становится целью советской власти

Так как мы знаем о том, что происходило позже, первоначальные усилия большевиков по трансформации местной структуры власти и «советизации» кочевников кажутся очень мягкими и осторожными.

В 1921 г. Москва создает союз «Кошчи» для пропаганды и образования сельского казахского населения. Целью союза было «вести решительную борьбу против всех форм кабально-крепостнической зависимости малоимущих от имущих элементов – как против тех форм зависимости, которые связаны с властью патриархально-феодальных слоев, так и против капиталистической эксплуатации, осуществляемой в аулах, кишлаках и деревнях...»[39].

Союз «Кошчи», однако, не имел достаточных финансовых и человеческих ресурсов, и родовая власть проникла во многие его местные ячейки. В одном из докладов говорилось: «Мы имеем примеры, когда бедняки заявляют, что не войдут в союз, если в него не вступит бай, поскольку они связаны с ним кровными узами»[40]. Один старейшина в Кустанайской области предупреждал: «Если вступите в Кошчи, летом на мой кумыс не рассчитывайте»[41]. Периодические чистки союза имели ограниченный успех[42], а иногда даже ухудшали ситуацию. В Актюбинской губернии, например, реорганизация союза «Кошчи» вызвала «обострение родовой вражды»[43]. Целью государственного строительства было создание институционного порядка, который бы свел на нет субэтнические деления, но в действительности оно лишь усилило их политическое значение.

Постепенно Москва стала проявлять все большее рвение. Считая проявление родовых связей недопустимым в новом социалистическом обществе, она объявила преступным соблюдение ряда обычаев, таких, как плата за невесту, кровная месть, полигамия, принудительный брак и др. за период, о котором есть архивные данные, с каждым годом росло число случаев привлечения к ответственности за эти «бытовые» преступления, и среди них рос удельный вес таких дел, которые кончались осуждением[44].

Изменение установленного порядка использования земли, столь важного для кочевнической экономики, также стало целью усилий советской власти. Эти усилия также начинались со скромных попыток уменьшить влияние баев. И эти усилия то же временами лишь ухудшали ситуацию, приводя к вспышкам родовой вражды. Например, Народный комиссариат земледелия Киргизской (Казахской) АССР в 1920 г. задокументировал спор в Торгайском регионе между членами рода Айдапсал и неким А. Джанбусовым «и его родственниками» по поводу «захвата и незаконного использования» земли[45]. В *Туркестанской* автономной республике подобный спор возник между аулами в Кеш-Мулла и Сари-Ахач в 1924 г.[46].

Первоначально земельная реформа привела лишь к политизации субэтнических делений, но Сталин предпринял более решительные усилия. Для него переход к полной оседлости был одним из императивов социалистического строительства. Требовались радикальные перемены, для осуществления которых по традиционной социальной структуре нужно было нанести смертельный удар[47].

Один из официальных докладов 1931 г. дает ясное изложение этого подхода: «Одним из самых важных факторов реконструкции сельского хозяйства является переход к оседлости, который уничтожает кочевой быт, кладет конец экстенсивному, хищническому использованию земли, отсталости и застою социальной и экономической жизни кочевнического аула в отсталой национальной республике... Только оседание гарантирует разворачивание совхозного строительства и широкое развитие тяжелой индустрии»[48].

Сталинская политика, которая привела к трагическим последствиям для казахов[49], смогла радикально изменить (и ухудшить) материальные условия их существования. К 1933 г. 95% казахских кочевников стали оседлыми и вошли в колхозы (в 1929 г. их было только 7,4%)[50]. Исходя как из марксистских постулатов, так и из постулатов теоретиков модернизации, следовало бы ожидать, что с исчезновением кочевнической экономики должны исчезнуть и родовые связи.

Советская кампания против «родовых пережитков» разворачивалась и на идеологическом фронте. Советская национальная политика исходила из того, что народы развиваются по четко определенному пути исторической эволюции, на котором силы социальной интеграции консолидируют идентичности все более и более высоких таксономических уровней[51]. Из разных субэтнических подгрупп должны консолидироваться этно-национальные общности, а из них возникать большая советская общность. В этой перспективе деления низшего уровня рассматривались как всего-навсего «пережитки» досоветских феодальных порядков. При этом очень скоро «досоветское» стало означать «антисоветское».

Таким образом, кампания дискредитации и осуждения субэтнических идентичностей была важной составляющей всей политики. Субэтнические деления должны были не просто исчезнуть физически, но и исчезнуть из дискурса. Каждый ученый или деятель искусства, который поднимал эти темы в своих работах, рисковал навлечь на себя гнев властей. Так, исторические романы И. Есенберлина, начиная с романа о хане Кене, появившегося в 1970 г., наталкивались на задержки в публикации и суровую цензуру, а их выход в свет сопровождался шквалом критических статей в республиканской прессе. Показывая роль разных племен в исторических событиях, автор, как опасались власти, объективно утверждал превосходство одних племен над другими. Он обвинялся в том, что «способствует протекционизму, семейственности, землячеству и возрождению межплеменной розни»[52]. И так было не с одним И. Есенберлином. Например, работа одного крупного этнографа, в которой была дана классификация субэтнических делений Среднего жуза, была объявлена примером «национального уклона»[53].

3. Механизмы воспроизводства родоплеменных связей

Но, несмотря на все эти усилия государства, родоплеменные деления не исчезли из политической жизни и не превратились в исторический «курьез», как, например, в современной Шотландии. Почему же советское государство, обладавшее колоссальными возможностями принуждения и способностью трансформировать культурные идентичности и их политические проявления, потерпело здесь поражение? Эта неудача объясняется двумя причинами: во-первых, природой советской политической экономии, во-вторых, особенностями самих родоплеменных идентичностей.

Систематические нехватки и сети неформальных связей

Целью социалистической «командной» системы было преодоление неэффективности и несправедливостей рыночного способа распределения благ и оптимальное использование человеческих и материальных ресурсов. Реальность, однако, постепенно стала все менее соответствовать планам, порождая экономическую дисфункциональность и непредвиденные политические следствия.

Поскольку государственная монополия распределения порождала перманентную нехватку товаров и услуг, население должно было или до бесконечности ждать получения благ по официальным каналам, или создавать разного рода неформальные стратегии доступа к ним. Например, можно целые десятилетия ожидать, пока тебе государство даст квартиру, но ты можешь получить ее значительно скорее, если у тебя есть связи.

Русское понятие «блат» (как и его китайский эквивалент *guanxi*) означает сети, обеспечивающие альтернативные каналы доступа к дефицитным благам. Это – не «черный», а скорее «серый» рынок, поскольку на нем действуют государственные предприятия и институты, но действуют не по официальным, формальным каналам. Даже в условиях частичной монетаризации 1990-х гг. институты и механизмы рынка действуют еще очень слабо, и эти сети личных связей, обеспечивающие доступ к благам, продолжают иметь критическое значение и всеобщее распространение.

Эти сети имели и непосредственно политическое значение. В советское время Москва часто говорила о коррупции среди центрально-азиатских элит, связанной с ролью родственных связей. В статье, опубликованной в «Известиях» в 1987 г., говорится: «Эти клановые и семейные связи наносили ущерб экономике Южного Казахстана и создавали богатую почву для коррупции... протекция оказывалась открыто и нагло. Все больше и больше людей с семейными или, по крайней мере, земляческими связями в верхах собирались в столицу. И кукловоды не жалели для своих ничего. Они получали звания, должности, работу»[54]. Московский представитель, посланный для расследования злоупотреблений властью в Казахстане, жаловался: «Если бы мы пошли по пути предъявления об-

винений в уголовном преступлении всем, кто замешан во взяточничестве, мы полностью парализовали бы работу множества предприятий и организаций»[55].

Отношения такого рода господствовали и на самой верхушке республиканской власти. Как пишет теперешний президент Н.Назарбаев, «узкий круг приближенных (к бывшему первому секретарю ЦК Компартии Казахстана Д.Кунаеву. – *Э.Ш.*) вершил практически всем... Люди, входившие в семью Д. А. Кунаева, решали человеческие судьбы: могли дать человеку повышение или награду, могли уволить с работы, могли предоставить квартиру»[56].

Эта модель была полностью воспроизведена позже, в 90-е гг., при самом Назарбаеве. Когда президент сменял местных глав администраций (акимов), – а он делал это очень часто, – всегда происходила массовая замена кадров администраций: родичи отставленного акима, как рассказывали автору работники акиматов, тут же уступали место родичам нового. «Транспэренси Интернэшнл» – организация, которая оценивает уровень коррупции и взяточничества в разных странах мира, часто помещала Казахстан вверху списка государств с наиболее развитой коррупцией. Сети связей и коррупция – не совсем одно и то же, но широкомасштабная коррупция не может существовать без развитой системы связей.

Простые казахи, воспитанные в советское время, не видят в использовании родственных связей для доступа к экономическим, социальным и политическим благам ничего экстраординарного. Получение квартир, медицинское обслуживание и возможность достать дефицитные товары всегда были целями задействования таких связей, но в моих полевых заметках – множество интервью и записей разговоров, говорящих, что их используют и для влияния на принятие политических решений, во всяком случае на местном уровне.

Конечно, многие родовые связи за годы советской власти оказались оборванными – террор, коллективизация, перемещение населения и другие социальные катаклизмы ломали систему связей, но многие сохранились, помогали людям выжить в условиях государственного социализма и помогают им и по сию пору.

Особые характеристики родовых связей

То, что советский социализм производил и укреплял сети доступа к благам, – только часть объяснения. Посмотрим теперь на другую сторону дела – на специфические черты таких связей и на то, как эти черты становились преимуществами в условиях экономики дефицита.

Родство было удобной основой для создания сетей доступа к благам, во-первых, потому, что связи на его основе – нежесткие и, во-вторых, потому, что их можно скрыть от государства.

Родовые связи могут быть разных уровней. Как мы уже говорили, родовая группа, в которую входит индивид, сама входит в большие группы:

родовая группа, в которой 1000 человек, входит составной частью в группу из 5000 человек и так далее, вплоть до жузов, в которые могут входить миллионы. Напротив, в других делениях по идентичности, например этнических, границы значительно более жесткие: ты или принадлежишь, или не принадлежишь к данной группе, или «свой», или «не свой». В ситуации, когда умножаются альтернативные сети доступа к дефицитным благам, эта многоуровневость родовых связей означает гибкость. В зависимости от ситуации можно апеллировать к солидарности разных уровней.

Другая особенность родовых делений – то, что в современных условиях их относительно легко скрыть. В то время как другие деления по идентичности связаны с какими-то внешними, видимыми признаками, родовые связи обнаруживаются лишь в обмене информации. Как я уже говорил, когда встречаются незнакомые казахи, они прежде всего интересуются родовой принадлежностью друг друга. Они должны знать своих предков, чтобы избежать запретных эндогамных браков, и обмениваясь информацией, они определяют позиции друг друга на генеалогическом древе. Но такой обмен информацией может совершаться и в сугубо частном порядке.

Советская система внутренних паспортов и других официальных документов давала видимое выражение этническим маркерам. Одновременно стало возможно установить, является ли человек членом партии и какое у него образование. Из-за публичного характера таких делений, при возникновении на основе их сети, отрицать наличие и природу такой сети очень трудно. Субэтнические связи не имеют тут же выдающих их наличие видимых маркеров, и отрицать их наличие значительно легче. Те, кто пользовался нелегальными в советском государстве каналами доступа к благам, отлично понимал, что безопаснее пользоваться теми каналами, о которых публично не говорят и которые трудно обнаружить.

Этнографическая иллюстрация

Как эти преимущества родовых связей проявляются в ежедневной жизни простых людей? Я сначала покажу это на примере одной семьи и затем постараюсь рассмотреть эти факты в широкой этнографической перспективе[57].

Как большинство казахов, Оралбаи (естественно, я использую здесь вымышленное имя) гордятся своими широкими семейными связями, которые помогали им в разных ситуациях. Глава семьи был проректором в известном местном университете – место, которое он получил во многом благодаря родовым связям. Лояльность к сородичам для него влечет за собой постоянные обязательства. Например, он хотел уволить свою бестолковую секретаршу, но удержался, ибо она принадлежит к его племени, а обижать своих родичей он не хочет. Члены его рода всегда рассчитывают на его помощь. Часто он помогал молодым сородичам поступать в местные вузы, используя как родственные, так и иные связи, и

иногда помогал им, если они не городские, устроиться у каких-то родственников на время учебы. Такое поведение настолько нормально, что многие молодые люди именно на основании таких связей выбирают себе карьеру. Не удивительно, что в квартире Оралбаев всегда полно родичей: некоторые останавливаются на несколько дней, а некоторые – чуть ли не на годы.

На высшем, жузовом уровне агрегации картина менее ясная. Как говорят Оралбаи, они не имеют таких прочных связей с не принадлежащими к их более узким родовым группам членами своего жуза. Другие информанты также говорят, что просить кого-либо об одолжении на основании таких дальних родственных отношений бессмысленно. Тем не менее в университете, где работает Оралбай, доминируют представители одного – его жуза.

Роль родственных связей не афишируется. Первые месяцы, когда я жил с Оралбаями, они упорно отрицали, что родовые связи играют роль в их жизни. Они говорили, что это может еще что-то значить только для политиков, но не для простых людей и что я, как это делали в советские времена, пытаюсь выставить казахов отсталыми дикарями. Но в конце концов глава семьи сказал: «Мы не говорим о таких вещах, но все понимают, что род имеет большое значение»[58].

Когда один из детей среди родственников Оралбаев был выбран для учебы за границей по обмену, это тоже произошло на основании родственных связей, хотя он и старался это скрыть. Вначале, однако, он опростоволосился. Когда юноша подал заявление в американское посольство на получение визы, ему там задали рутинный вопрос о том, почему он хочет учиться именно в США, и он со всем простодушием ответил: «Потому что мои родственники сказали, что я поеду». В визе ему тогда отказали, потом отказали и в другой раз – за то, что он дал о себе неверную информацию. На третий раз он попросил знакомого американского исследователя сопровождать его. Он попросил также этого американца использовать свои родственные связи в правительстве США, чтобы добыть ему визу. А когда тот стал возражать, говоря, что такая попытка ни к чему хорошему не приведет, парень ответил просто: «Но ведь никто же не узнает». В конце концов визу он получил, но был очень удивлен, что это произошло просто так, без использования родственных связей.

Оралбаи – не исключение. Родовые связи используют все. Среди тех, кто занимается мелким бизнесом, группы родственников создают своего рода кассы взаимопомощи. В образовании эти связи могут с успехом заменять нужные для поступления в вузы взятки. В сфере занятости они могут обеспечить получение рабочих мест, особенно в разросшейся государственной бюрократии. В жилищной сфере они доставляют мигрантам официальные разрешения на проживание в желаемых местах. Хотя примитивная медицинская помощь и защита полиции – более общедоступные общественные блага, но если вы хотите, например, что-

бы полиция действительно расследовала преступление, жертвой которого вы стали, у вас есть два пути – задействовать родственные связи или дать взятку.

Политическая элита в этом отношении ничем не отличается. Более того, если простые люди широко используют родственные связи, чтобы получить необходимое (работу, жилище, кредит), то у элиты использование родственных связей даже еще более распространено. Есть громадное количество свидетельств того, что родовой клан президента Назарбаева и Старший жуз, к которому принадлежит этот клан, пользуются привилегированным положением в постсоветской политической и экономической жизни[59]. Даже если некоторые авторы преувеличивают степень преобладания Старшего жуза, общая картина от этого не меняется[60].

Выводы

Я пытался объяснить устойчивость субэтнических родоплеменных делений в постсоветском Казахстане ролью государства. Советское государство создало такую экономическую систему, при которой родовые связи играли для людей полезную роль, и это способствовало их консервации. Оно не просто способствовало сохранению субэтнических делений, но и определило те специфические ниши, в которых они значимы. В советском и постсоветском Казахстане родственные группы не играют уже ведущей роли во всех аспектах социальной жизни. Они не являются, как в досоветские времена, основой любой идентичности. Их функции более ограниченны и связаны с распределением благ по неформальным и незаконным каналам. Они играют большую роль в политической жизни, часто определяя, «у кого что схвачено». Таким образом, они продолжают действовать как неформальные сети – каналы доступа к благам.

Рассмотрение сохранения родовых делений как непредвиденного результата процессов, вызванных действиями государства, важно по трем причинам.

Во-первых, это напоминает нам, что стабильность идентичностей требует объяснений. Там, где действия государства трансформируют социальные отношения и разрывают прежние социальные связи, мы должны искать механизмы «выживания» идентичностей. Я старался дистанцироваться от примордиализма, преобладающего в мышлении ученых, анализирующих субэтнические родовые группы, который не обращает никакого внимания на социальные и политические процессы. Примордиалисты привлекают наше внимание, и в этом их заслуга, к «сырому материалу», с которым работают политические авторы и с которого начинаются политические процессы. Но сам по себе этот «сырой материал» не может создать зданий идентичностей. Эти здания создаются действиями государства – и их непредвиденными последствиями.

Во-вторых, мой подход ставит под сомнение общепринятые представления о роли государства. В описании процесса, представленном в данной статье, заключена очевидная ирония: советское государство стремилось уничтожить субэтнические различия, но его действия привели к прямо противоположному результату. Непредвиденные результаты не должны рассматриваться как что-то случайное и «побочное» – они должны входить во все наши теоретические построения о политике.

В-третьих, я показываю, что действия государства, этого самого мощного механизма конструирования, перестройки и поддержания идентичностей, в мультикультурной среде начинаются раньше, чем обычно начинается наш анализ этих действий. Они начинаются не тогда, когда государство пытается как-то примирить разные группы, преследующие различные политические и культурные цели, – оно начинается с процессов конституирования самих этих групп.

Перевод с английского Элеоноры Пастон

Примечания

[1] Более ранний вариант этой статьи был подготовлен для семинара по постКоммунистической политике в Гарвардском университете 9 февраля 2001 г. Автор пользуется случаем выразить свою благодарность за полезные комментарии Джону Шеберлайнуа, Йошико Херрере, Лучане Вею и Джессике Алина-Писано.

[2] См., например, объяснение неспособности Испании ассимилировать каталонцев в статье: *Harty Siobhan.* The Institutional Foundations of Substate National Movements // Comparative Politics, 33(2), January 2001. P. 191–210.

[3] См., например, работы, вошедшие в книгу: *Hall John A.* (ed.). The State of the Nation. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

[4] См. дебаты вокруг книги: *Fukuyama Francis.* The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992.

[5] Так, практически не используются работы, посвященные роли родства в системах патронажа – клиентелы. См.: *Lemarchand Rene.* Political Clientelism in Tropical Africa // American Political Science Review, 66(1), March 1972. Pp. 68–90.

[6] О субэтнических различиях в Марокко см.: *Waterbury John.* The Commander of the Faithful: The Morroccan Political Elite // A Study in Segmented Politics. London: Weidenfeld and Nicolson, 1970; о Ближнем Востоке в целом см.: *Eickelman Dale F.* The Middle East and Central Asia: An Anthropological Approach. Third edition. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1998; о Восточной Африке см.: *Lewis I.M.* Blood and Bone: The Call of Kinship in Somali Society. Lawrenceville, NJ: Red Sea Press, 1994.

[7] О Чечне см.: *Lieven Anatol.* Chechnya: Tombstone of Russian Power. New Haven: Yale University Press, 1998. P. 335–45. Об Узбекистане см.: *Roi. Olivier.* The New Central Asia: the Creation of Nations. New York: NYU Press, 2000. О Киргизстане см.: *Collins Kathleen A.* Clans, Pacts, and Politics: Understanding Regime Transition

in Central Asia. Ph.D. Dissertation. Stanford University, 1999. О Туркменистане см.: *Geiss Paul Georg.* Turkman Tribalism // Central Asian Survey 18(3), 1999. P. 347–357. О Таджикистане см.: *Akbarzadeh Shahram.* Why did Nationalism Fail in Tajikistan? // Europe – Asia Studies, 48(7), 1996. P. 1105–1129.

[8] *Schatz Edward.* Modern Clan Politics: The Power of «Blood» in Kazakhstan and Beyond. Seattle and London: University of Washington Press, 2004.

[9] Я пишу об этом более подробно в работе «Modern Clan Politics». См. также: *Масанов Нурбулат.* Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии, 1, № 2 (1996). С. 46–61; *Werner Cynthia.* The Significance of Tribal Identities in the Daily Life of Rural Kazaks in South Kazakhstan. Доклад на ежегодном собрании Ассоциации по изучению национальностей в Нью Йорке. 24–26 апреля 1997 г.; *Collins.* Op. cit.

[10] Официальной статистики принадлежности к жузам не существует. Эти данные взяты из работы: *Werner.* Op. cit. P. 11.

[11] Орда (по-казахски – жуз) – самое крупное субэтническое деление у казахов. Подробнее об этом расскажем ниже.

[12] Принадлежность к жузу выводится на основе указаний на место рождения, данных в книге А. З. Асилбекова «Кто есть кто в Республике Казахстан» (Алмата: Республика Казахстан, 1997). Кроме того, я привлек местных анонимных экспертов для того, чтобы исправить или дополнить эти сведения. Коренные горожане, конечно, тоже имеют свою жузовую принадлежность, однако точно определить ее значительно труднее.

[13] *Дунаев В.* Конфликтные структуры казахстанской модели межэтнической интеграции // Центральная Азия и Кавказ, 1999, №5(6). С. 15.

[14] См.: *Anderson Benedict.* Imagined Communities. London: Verso, 1991; *Deutsch Karl.* Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. New York: Wiley, 1953; *Gellner Ernest.* Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983.

[15] *Gellner.* Op. cit.. Pp. 37–38.

[16] Там же. P. 38.

[17] В некоторых районах Центральной Азии государства так и не смогли вытеснить местные властные структуры. В особенности это касается районов на самой перефирии бывшего СССР. См.: *Roi.* Oliver. Op. cit.

[18] См.: *Landa Janet Tai.* Trust, Ethnicity, and Identity: Beyond the New Institutional Economics of Ethnic Trading Networks // Contract Law, and Gift Exchange. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.

[19] Примордиалистская теория лежит в основе следующих работ: *Isaacs Harold.* Idols of the Tribe: Group Identity and Political Change. New York: Harper and Row, 1977; *Connor Walker.* Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton: Princeton University Press 1990; *Motyl Alex.* Revolutions, Nations, and Empires: Conceptual Limits and Theoretical Possibilities. New York: Columbia University Press, 1999.

Исследователи, изучающие этничность и национализм, отвергают примордиалистский подход, однако примордиализм продолжает вдохновлять исследователей, которые занимаются субэтническими клановыми делениями.

[20] В подготовленной книге, которую представляет данная статья, я рассматриваю связь между родоплеменными делениями и государством по двум направлениям. Во-первых, я рассматриваю кланы как зависимые переменные, ставя вопрос, который наиболее полно рассмотрен в данной статье: чем можно объяснить устойчивость родовых связей? Во-вторых, я рассматриваю кланы как независимые переменные, ставя вопрос: какие политические следствия может иметь устойчивость кланов? – См.: *Schatz.* Modern Clan Politics, 2004.

[21] Я выделяю сейчас наиболее яркие деления, оставляя в стороне имевшую ограниченные масштабы классовую стратификацию.

[22] Я использую термин «казахи» ради удобства. На практике большинство кочевников в этом регионе редко использовало это этническое определение.

[23] *Масанов Нурбулат.* Кочевая цивилизация казахов. Алматы: Социнвест, 1995.

[24] См. классическое описание сегментарных линиджей нуэров в англо-египетском Судане, данное в: *Evans-Pritchard.* The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Niolitic People. Oxford: Oxford University Press, 1940.

[25] См.: *Bacon Elizabeth E.* Central Asians Under Russian Rule: A Study in Culture Change. Ithaca: Cornell University Press, 1966. P. 38.

[26] Есть и другая точка зрения – что жузы возникают из древних устойчивых делений армий кочевнических государств. См. : *Olkott.* Op. cit.. P. 11.

[27] *Bacon.* Op. cit. Pp. 37–38.

[28] Краткое изложение историографии см.: *Вяткин М.* Очерки по истории Казахской ССР. Л.: Госполитиздат, 1941.

[29] *Бекмаханов Й.Б.* Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата: Казахский университет, 1992. С. 279–286.

[30] См.: *Bennigsen Alexandre and Lemercier-Quelquejay Chantal.* – The History of the Kazakh Press, 1900–1920 // Central Asian Review, 2, 1966. P. 151–163.

[31] *Казибаев М. К.* (ред.). Национально-освободительное движение в казахстане и Средней Азии в 1916 году. Алматы: 21-й век, 1996.

[32] См.: *Martin Virginia.* Barimta: Nomadic Custom, Imperial Crime // *Brower Daniel R.* and *Lazzerini Edward J.* (eds.). Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 249–270.

[33] О нехватке земли см. источники, опубликованные в книге Киреева и Колодина (ред.) «Рабочее и аграрное движение», в особенности документы №№ 44, 48, 96, 109, 116, 135, 175 и 222.

[34] *Толибеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Алма-Ата, 1971.

[35] О том, как советская власть стремилась внедрить пролетарское сознание среди казахов, работающих на Транс-Сибирской железной дороге, см.: *Payne Matthew J.* Turksib: The Building of the Turkestano-Siberian Railroad and the Politics of Production During the Cultural Revolution. 1926–1931. Ph.D. dissertation. University of Chicago, 1995.

[36] О трудностях применения марксистских категорий к кочевническому обществу см.: *Gellner Ernest.* Forward // Khazanov Anatoly. Nomads and the Outside World. Second edition. Madison: University of Wisconsin Press, 1994. Pp. ix–xxv.

[37] См. *Кушкин А.П.* Советизация казахского аула: 1926–1929 гг. Москва: Академия наук СССР, 1962. С. 128, 242.

[38] *Кушкин А.П.* Указ. соч. С. 133.

[39] Центральный Государственный архив Республики Казахстан. Ф. 769, оп. 1, д. 11, l.

[40] Цит. по: *Кушкин А.П.* Указ. соч. С. 149.

[41] Ф. 769, оп. 1, д. 3, l. 3.

[42] Ф 769, оп. 1, д. 66, l. 17.

[43] Ф 769, оп. 1, д. 3, l. 10.

[44] Ф. 1380, оп. 2, д. 242, l. 58.

[45] Ф. 74, оп. 4, д. 6, l. 1. 5.

[46] Ф. 74, оп. 4, д. 133, l. 9.

[47] Ф. 74, оп. 1, д. 129, l. 57.

[48] Ф. 74, оп. 11, д. 26, l. 4.

[49] См.: *Conquest Robert.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. New York: Oxford University, 1986; *Olcott Martha Brill.* The Collectivization Drive in Kazakhstan // Russian Review, 40 (1981). P. 122–142.

[50] См.: *Olcott.* Op. cit. P. 137.

[51] См.: *Bromlei Y. V.* A General Description of Ethnic Proceses // Soviet Ethnographic Studies, 3 (1983). P. 8–30. О процессах интеграции, которые пропагандировались советским государством, см.: Этнические процессы в современном мире / Под ред. Ю.В.Бромлея. М.: Наука, 1987. Гл. 6.

[52] *Tilegenov Bekezhan.* Tuiyq omirding qupiiasy. (Секрет жизни в эпоху застоя.) Алматы: Деуир, 1992. С.77.

[53] Интервью автора с Маратом Сабитовичем Мукановым, 16 марта 1998 г. – См.: *Муканов М.С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Наука, 1974.

[54] Известия. 11.02. 1987. См.: Foreign Broadcast Information Service (FBIS-SOV-87-028).

[55] Аргументы и факты, 3–9. 09. 1988.

[56] См.: Независимая Газета, 17 .12.1992.

[57] Я использую наблюдения этнографического характера для иллюстрации, но отнюдь не считаю, что этнография годится только для таких целей. Наоборот, она может иметь центральное значение при изучении «непрозрачных» отношений в обществе. См.: *Lorraine Bayard de Volo and Schatz Edward.* From the Inside-Out: Ethnographic Methods in Political Research // PS: Political Science and Politics, 37(2), April 2004. P. 267–271.

[58] Ol turaly soleimeimiz, biraq ru maselesi ote kurdeli masele belgili.

[59] См.: *Масанов Н.* Казахская политическая и интеллектуальная элита...

[60] См.: *Schatz.* Op. Cit.

Владимир Ардаев

КАМЕНЬ НА РАСПУТЬЕ (Декабрьские события 1986 г. в Алма-Ате)

В биографии каждого человека различимы поворотные моменты – некие узнаваемые вехи, вглядываясь в которые, видишь: случись иначе – и все могло бы пойти по-другому. Случайная мимолетная встреча способна круто изменить судьбу, тогда как долгий мучительный выбор может привести лишь к переменам, в общем-то, ничтожным.

История – тоже биография: страны, народа, человечества. И как часто видны – даже не вооруженным специальным знанием глазом – роковые «камни» на ее развилках!

Первая кровь обреченного к распаду Союза пролилась в студеные декабрьские дни 1986 г. на площади имени Л.И. Брежнева в Алма-Ате. Эти два дня – 17 и 18 декабря – не только стали предвестниками будущего краха советской империи и многих других тревожных и кровавых дней в большинстве бывших «братских» республик. Они во многом показали, *как* могли бы развиваться события на всем пространстве СССР, если бы с неизбежностью его развала не согласились – внутренне, для себя – власть имущие той эпохи. И кто знает, может, именно тот самый алма-атинский декабрь убедил их в этом.

Автор не был очевидцем декабрьских событий в Алма-Ате, а приехал работать корреспондентом «Известий» в Казахстан полгода спустя – в мае 1987 г. Но все, что пришлось застать в республике, так или иначе, было продолжением и последствием произошедшего на площади Брежнева в те два роковых дня. И потому автор может описывать случившееся, с одной стороны, отстраненно – не как участник или очевидец, но, с другой – именно как очевидец. Очевидец последствий.

1

«Сообщение из Алма-Аты. Вчера вечером и сегодня днем толпы учащейся молодежи, подстрекаемые националистически настроенными элементами, вышли на улицы города, выражая протест против Постановления пленума, принятого Центральным Комитетом Компартии Казахстана. Этим событием воспользовались разные хулиганствующие элементы, тунеядцы, совершая противозаконные действия и оказывая сопротивление представителям правоохранительных органов. В частности, они занимались ограбле-

нием продовольственного магазина и поджогами личных автомобилей у граждан, совершали также и другие противозаконные действия».

Эта короткая заметка ТАСС была распространена 18 декабря 1986 г. Как всегда в те времена, когда никто не знал толком, как и что можно рассказывать о чем-то экстраординарном, информация такого рода являла собой коктейль весьма мутной консистенции, состоящий отчасти из правды, отчасти из лжи, разбавленных недосказанностью и умолчанием[1]. Понять из него, что же произошло на самом деле, было невозможно.

Все это выглядело совершенно неправдоподобно – решение пленума ЦК компартии Казахстана, вдруг всколыхнувшее инертную и аполитичную массу *советских казахстанских студентов.*

К началу 80-х гг. политическая апатия в советском обществе достигла апогея. Подавляющее большинство граждан абсолютно не интересовали никакие решения власти, если они не касались напрямую их материального положения, например изменений цен на товары и услуги, размеров заработной платы, стипендий и пособий, порядка предоставления социальных льгот. Причем молодежь отличалась особой индифферентностью, несмотря на то, что постановления партийных пленумов и съездов вдалбливались в головы школьников и студентов особенно яростно и составляли весомую часть их образования.

Правда, к середине 80-х гг. интерес к решениям партийных властей начал возрастать. Первым толчком к этому послужила кончина Л. Брежнева, потом – последовательные уходы из жизни одного за другим правителей страны, все ближе подходившей к краю пропасти. Интерес к политике подхлестывали и жесткие меры, предпринятые преемником Брежнева бывшим шефом КГБ Юрием Андроповым. Для среднеазиатского региона они были тем более актуальны, в связи со знаменитым «хлопковым делом». Но этот рост интереса все же был, казалось, не настолько значительным, чтобы за считанные часы вывести на площадь тысячи людей. Тем более студентов алма-атинских вузов.

Коррупция процветала в это время во всех вузах СССР. Но в системе высшей школы «республик Средней Азии и Казахстана» она не просто процветала. Она сложилась и организационно оформилась в систему, всерьез бороться с которой никто и не пытался. И способ поступления в вузы не мог не определять «ценностные ориентации» поступивших.

Конечно, среди алма-атинских студентов были и дети представителей казахской интеллектуальной элиты, если и отличавшиеся от своих аналогов, скажем, в России, то лишь в лучшую сторону. Среди выходцев из «глубинки» – отпрысков местных советских «баев» и посланцев аулов, для которых деньги на взятки, необходимые для поступления, собирали всем селом или родом-племенем, встречались свои «ломоносовы», чье стремление «вырваться к свету» могло творить чудеса. Но это – меньшинство. Большинство же представлялось серой массой, озабоченной только тем, чтобы как-то устроиться в жизни, путем послушания и «иг-

ры по правилам» обеспечить себе и получение образования, и дальнейшую карьеру.

Но есть факт – 17 декабря алма-атинские студенты вышли на площадь, рискуя своими карьерами и даже жизнями. Первое массовое протестное выступление в СССР произошло не в Москве или Ленинграде, а в Алма-Ате. Что же могло подвигнуть к этому обычных советских студентов, вдруг ставших казахскими «декабристами»?

2

К середине 80-х гг. «семья братских народов» СССР (объединяющая народы в диапазоне от первобытного Севера до европейски развитой Прибалтики) становилась все менее жизнеспособной. Каждый из членов этой семьи (или, скорее, коммунального общежития) влачил тяжкий крест собственных комплексов и обид. Для латышей, литовцев, эстонцев и западных украинцев это была память о том, что «в семье» они оказались против воли – в результате оккупации. Для таджиков и узбеков, армян и азербайджанцев – вечная обида на произвольный раздел их территорий. Травмы казахского сознания были, может быть, даже больше, чем у других народов. В XX в. на долю казахов выпали страшные испытания.

Массовый наплыв русских колонистов в период столыпинской реформы, занимавших земли казахов-кочевников, восстание 1916 г., за которым последовала резня восставших царскими войсками и отрядами колонистов, неудачная попытка казахской националистической интеллигенции создать во время Гражданской войны в России автономию «Алаш-Орда» (позже, во время сталинского террора, практически все «алаш-ординцы» были репрессированы либо уничтожены) – все это было лишь прелюдией к самому страшному – коллективизации.

Коллективизация была тяжким испытанием для всех народов. Но для казахов она совпала с насильственным переводом их к оседлости. Запрет кочевания и обобществление стад привели к тому, что в степи вскоре начался массовый падеж скота. Следом наступил голодомор. По данным 1926 г. в Казахстане было 3 627 600 казахов, в 1939 г. их осталось 2 317 600, т.е. 64%[2]. Потери казахов пропорционально их численности были большими, чем других народов СССР. Субъективно это не был геноцид – советская власть совершенно не стремилась уничтожать казахов как народ, но объективные результаты ее «цивилизаторских» усилий вполне сопоставимы с результатами геноцида, устроенного гитлеровцами. «Успехи» коллективизации казахское общество неразрывно связывает с именем тогдашнего главы Совнаркома республики Филиппа (Исая) Голощекина[3].

Следующие десятилетия были ознаменованы заселением обширных казахстанских территорий «некоренными», преимущественно славянскими народами. Русские, украинцы, белорусы переселялись сюда и по своей, и не по своей воле. Кто-то ехал в поисках лучшей доли – на бес-

крайние свободные земли. Кто-то, осуществляя сталинский план индустриализации, спешил сюда строить заводы. Кого-то выселяли в ходе раскулачивания. Кто-то пополнял лагеря ГУЛАГа, во множестве выросшие в степи.

Казахстан становится своеобразной «свалкой народов». В 1937 г. в Казахстан, Узбекистан и Сибирь были переселены сотни тысяч корейцев с Дальнего Востока[4]. Это было первое массовое переселение людей по национальному признаку в СССР. Следующее состоялось в 1941 г., во время войны – в Казахстан с Поволжья и из других регионов выслали советских немцев. В 1944 г. товарные составы повезли на восток кавказские народы – чеченцев, ингушей, балкарцев, турок-месхети и других. И до конца войны, и после нее сюда ссылали татар и греков из Крыма, курдов, поляков, западных украинцев, молдаван, латышей, литовцев, эстонцев... В 1954 г. началось освоение целины, и в Казахстан пошли эшелоны с новыми переселенцами.

Уже к 1939 г. казахи стали меньшинством в населении республики, а в 1959 г. их доля в общей численности населения Казахстана не составляла и трети. То, чего так страшились для своих стран эстонцы и латыши, произошло в Казахстане. Казалось, он окончательно и бесповоротно перестал быть казахским.

Попробуем представить себе психологическое состояние народа, чуть ли не половина которого погибла в результате политики «Центра», ставшего меньшинством на своей родине, утратившего какой бы то ни было контроль над своей территорией. Ясно, что казахи ощущали себя наиболее ущемленными из всех титульных народов союзных республик.

В глазах казахского общественного мнения первым руководителем республики, который реально способствовал укреплению национальных приоритетов, кто начал «возвращать Казахстан казахам», стал Динмухамед Кунаев.

3

Кунаеву многое удавалось благодаря высокому личному авторитету в руководстве Союза. Авторитет этот в известной степени базировался на многолетней личной дружбе с Брежневым. Согласно официальной версии (изложенной в книгах и кинофильмах), она зародилась в период, когда Леонид Брежнев работал в Казахстане, руководя целинной кампанией[5]. С небольшим перерывом Кунаев 26 лет стоял во главе Казахстана, в том числе все 16 лет брежневского правления, когда Казахстан практически находился вне прямого контроля Москвы.

Как любой советский руководитель, включая Брежнева[6], Кунаев старался окружить себя «своими людьми». Но в Казахстане эта нормальная бюрократическая кадровая политика имела иное значение, чем аналогичная политика, которую проводил какой-либо первый секретарь российского обкома. В казахском обществе с его развитыми родовыми

связями «свои» – это прежде всего родственники и сородичи, т.е. казахи (и прежде всего казахи из кунаевского Старшего жуза). Укрепление кунаевской власти в Казахстане было неотделимо от укрепления казахских позиций во власти и от переноса в сферу внутриноменклатурных отношений традиционных родовых отношений казахского общества.

За долгие годы кунаевского правления сформировался мощный казахский номенклатурный слой. Естественно, что этот слой, даже в большей степени, чем номенклатурный слой в России, был коррумпирован. И даже не просто «коррумпирован», а сформировался и функционировал на основе коррупции – протекционизма, «семейственности», услуг и взяток.

Однако коррупция здесь выступает не только как средство обогащения, обеспечения карьерного роста и социального самоутверждения. Одновременно она – и средство защиты казахского общества от московской бюрократии и политики Центра. Причем средство наиболее эффективное в конкретно-исторических условиях «загнивающего социализма», ибо игра, по большому счету, велась по тем же самым правилам, по которым жил и сам Центр.

Кунаев, будучи опытным аппаратчиком, конечно, старался сохранять внешние приличия и формировал верхушку аппарата по принципам, принятым в СССР для национальных республик. Например, один из двух главных руководителей (первый – второй секретари, министр – первый заместитель, директор – главный инженер) непременно был казахом, а другой – представителем «нетитульной» нации. Но не имеющие поддержки в виде родственных кланов русские аппаратчики фактически оказывались на вторых ролях. Плотная казахская номенклатурная среда если еще не выталкивала русских, то или изолировала, или заставляла играть по ее правилам. Казахская номенклатура, т.е. национальная элита, начинает сама контролировать свою страну.

При Кунаеве начинается и другой процесс: после окончания целинной эпопеи поток переселенцев в Казахстан иссякает, и удельный вес казахов в республике, благодаря тому что рождаемость у них выше, чем у европейских народов, начинает расти. К 1989 г. их уже 38%. Почти потерянный Казахстан медленно, но верно начинает возвращаться казахам.

Авторитет Кунаева на его родине был безмерен. Первый и единственный казах – член Политбюро ЦК КПСС, первый трижды Герой Социалистического Труда... Отношение к руководителю республики, прежде всего в кругах национальной интеллигенции, смело можно было бы назвать культом личности. В нем видели отца нации и надежду на будущее. Любовь к Кунаеву усиливалась и тем обстоятельством, что в глазах казахов он выглядел «героем, пострадавшим за интересы своего народа», когда будто бы воспрепятствовал масштабному уничтожению казахстанских степей в годы целинной эпопеи, за что был снят Н.С. Хрущевым в 1962 г. с должности первого секретаря ЦК компартии республики

и «понижен» в председатели Совета министров. Сама республика в это время лишилась части своих территорий, которые были ей возвращены Брежневым вместе с Кунаевым в 1964 г.[7].

Кунаев – типичный руководитель брежневской эпохи, друг Брежнева и «казахский Брежнев». Но брежневская (в Казахстане – кунаевская) эпоха, которая в России ощущалась как время «застоя», в Казахстане была временем, когда казахское общество «вздохнуло» и начало оправляться от страшных потрясений, которые оно пережило тогда, когда во главе него стояли не местные коррупционеры, а присланные из Москвы «пламенные большевики». Поэтому отношение казахов к Кунаеву не имело ничего общего с отношением в России к Брежневу.

4

Звезда Кунаева двинулась к закату еще при жизни Брежнева. Генсек постарел, и ушли в прошлое хлебосольные встречи друзей на казахской земле, знаменитые выезды на охоту, когда за дружеским застольем на специально оборудованных VIP-заимках решались большие государственные вопросы...

Еще при жизни Брежнева главным в Политбюро фактически становится Юрий Андропов. КГБ расправляет плечи, поигрывает мускулами: из ЦК изгоняется А. Кириленко, разыгрывается «кубанское дело», жертвой которого за пять месяцев до смерти Брежнева становится глава Краснодарского края С. Медунов.

Вскоре Ю.В. Андропов встал во главе страны. Иногда у нового генсека проскальзывают какие-то непонятные «либеральные» интонации, предвозвещающие будущую политику его протеже Горбачева. Но центральное направление его политики – естественное для бывшего шефа КГБ – наведение «порядка» и дисциплины. Рейды по баням и кинотеатрам в поисках прогульщиков, «сочинское дело», «икорное дело». «Торговое дело» в Москве, в результате которого расстрелян директор Елисеевского гастронома Юрий Соколов. «Милицейское дело» – отправлен «на зону» зять Брежнева Юрий Чурбанов, застрелился министр внутренних дел Н. Щелоков. Еще раньше в своем кабинете на Лубянке найден с пулей в голове высокопоставленный генерал КГБ Семен Цвигун – личный друг Брежнева, он пытался воспрепятствовать сбору компромата на Чурбанова. В своем походе за централизацию, дисциплину, порядок Андропов не мог не «прийти» в Среднюю Азию, где порядки были прямой противоположностью его идеалу и где местные общества спасались коррупцией от Москвы.

Возникает знаменитое «хлопковое дело». В Ташкенте высаживается «следственный десант». Следуют аресты узбекских чиновников – все выше, все важнее чины. Вот-вот доберутся и до Шарафа Рашидова, первого секретаря ЦК компартии Узбекистана, старинного приятеля и сопер-

ника Кунаева[8]. Сообщение о скоропостижной кончине Рашидова сопровождается слухами о его самоубийстве, якобы последовавшем за состоявшимся в ЦК КПСС «серьезным разговором».

Тем временем уже не только «закрытые» источники, но и самые что ни на есть «открытые» центральные газеты говорят о том, что «нити» от «хлопкового дела» ведут за пределы Узбекистана – и в высокие московские кабинеты, и не только. И вот уже в Чимкентскую – единственную хлопкосеющую область Казахстана прибывает бригада во главе со следователем Генпрокуратуры СССР В. Калиниченко. Предан анафеме и посажен на девять лет первый секретарь Чимкентского обкома А. Аскаров. «Стальная метла» Андропова метет все ближе к Алма-Ате, и ее шарканье все слышнее на площади Брежнева...

Смерть Андропова, спустя всего два года после прихода к власти, приостанавливает неумолимый процесс. Но это лишь временное облегчение, – то, что уже произошло, обрело необратимый характер.

«У руля» становится Константин Черненко. Тоже с неясным казахстанским прошлым – когда-то служил пулеметчиком в погранотряде на китайской границе[9]. Однако это когда было, а теперь Черненко – дряхлый старик, страдающий жестокой одышкой, так что ни одну речь до конца произнести не может. Всего через год и его увозят на лафете.

Недолгое правление Черненко – лишь «интермедия». На смену ему приходит Михаил Горбачев, которого выдвигал и поддерживал Андропов. Что несет с собой новый генсек – пока не ясно. Его демократизм в общении, открытость, некоторые первые либеральные слова и шаги говорят о том, что это – не совсем новый Андропов. Но первое время все же явно видна преемственность с андроповским курсом – «больше социализма», борьба с коррупцией и «расхлябанностью» посредством усиления контроля, дисциплины, централизации, гротескная антиалкогольная кампания. Перед тем как пойти по пути либеральной «перестройки», демократизации и рынка, власть в последний раз попытается вернуть силы системе, припав к ее ленинским «истокам» и очистив ее от коррупционных наслоений.

Потом горбачевский курс приведет к усилению самостоятельности республик – вплоть до разрушения Союза. Но в начале своего правления Горбачев стремится продолжить дело Андропова и уничтожить «заповедники» коррупции в азиатских республиках, ликвидируя самостоятельность местных властей и элит. Коррупция в Средней Азии для него неотделима от традиционности и «азиатщины», которые претят его прогрессистским установкам, и он возрождает старые советские усилия по уничтожению древних традиций и обычаев. Когда в европейской части Союза уже вовсю задуют либеральные ветры, в азиатских республиках по инерции еще будет продолжаться борьба с народным исламом. Кунаев – одна из фигур, воплощающих для Горбачева эти закрытые, застойные, насквозь пронизанные коррупцией мирки, где под советской формой та-

илось традиционалистское содержание, это – «кунаевщина», как «рашидовщина» и «алиевщина». В Казахстане, как (уже после отставки Кунаева) писала газета «Правда», «...процветали парадность и славословие... моральное разложение кадров... по существу, оказалась свернутой борьба с феодально-байскими нравами, патриархально-родовыми обычаями...»[10]. Дни Кунаева как руководителя Казахстана сочтены.

Осенью 1986 г., как обычно, после завершения уборки урожая Кунаев уезжает вместе с женой на отдых в Кисловодск. В это время в Москве Политбюро рассматривает план развития народного хозяйства страны на 1987 г. – без Кунаева, в нарушение всех норм и правил, ибо столь масштабные вопросы в Политбюро всегда обсуждались с участием всех его членов. За первым сигналом следует второй. На торжественном заседании в Москве секретарь ЦК Егор Лигачев «обносит» Кунаева похвалой: в докладе он *«ни словом не обмолвился об успехах республики в производстве и заготовке зерна. Будто и не было казахстанского миллиарда»*[11]. И центральная пресса ведет себя соответственно – о Казахстане «или плохо, или ничего».

Разумеется, то, что тучи над головой Кунаева сгущаются не на шутку, замечает не только он сам. А наиболее энергичные и коварные из его окружения спешат использовать ситуацию в своих интересах.

Главная подковерная борьба развернулась между двумя высшими казахстанскими чиновниками, считавшими себя наиболее реальными кандидатами на пост «первого», – председателем Совета министров Нурсултаном Назарбаевым и третьим («идеологическим») секретарем ЦК компартии Казахстана Закашем Камалиденовым. Вот как вспоминает об этих людях бывший коллега Камалиденова – первый заместитель председателя, начальник пятого («идеологического») управления КГБ СССР генерал Филипп Бобков:

«Закаша я знал хорошо, ибо до того, как прийти в ЦК, он несколько лет был Председателем КГБ Казахстана, куда его направил Кунаев. Возвращение его вновь в ЦК, где он возглавил идеологическую работу, многие расценили как намерение Кунаева передать по наследству Камалитденову[12] *пост первого секретаря ЦК.*

И надо сказать, Камалитденов очень усердствовал, верно служил Кунаеву и старательно набирал очки в Москве. Главный его недостаток был в том, что, добиваясь поддержки в ЦК КПСС, Закаш допускал грубые ошибки. Он хотел показать себя русским больше, чем сами русские. Некоторые его высказывания не могли не задеть национальных чувств казахов. На этой почве он поссорился с интеллигенцией и даже с таким достойным человеком, как поэт Олжас Сулейменов.

Мне не раз приходилось говорить об этом с Камалитденовым еще во время его работы в КГБ. Хотелось поправить Закаша и уберечь от ошибок, которые могли скомпрометировать его в глазах собственного народа. Однако он слушал лишь тех, чей слух ласкали его интернационалистические речи.

Назарбаев был человек совсем иного склада. В отличие от Камалитденова, это грамотный экономист, опытный организатор производства. Он уверенно стоял на земле, чувствуя под ногами твердую почву. Назарбаев, конечно, вполне созрел для того, чтобы сменить Кунаева на посту первого секретаря ЦК компартии республики, и, думаю, эту кандидатуру поддержала бы и Москва. Я познакомился с ним в декабре злополучного 1986 года. Этот человек давно вызывал у меня симпатию и, по-моему, платил мне тем же»[13].

Назарбаеву, как и Камалиденову, «путевку наверх» дал Кунаев, – иначе не сделал бы он столь блестящую карьеру, не стал бы секретарем ЦК, а затем одним из самых молодых в СССР глав правительств союзных республик[14]. В 1982 г., отмечая 70-летие, Кунаев за юбилейным столом назвал Назарбаева своим сыном. Но лишь чуть сверкнули зарницы – предвестники грозы, готовой вот-вот разразиться над головой покровителя, «сын» не замедлил первым нанести «отцу» удар.

В январе 1986 г. проходил XVI съезд компартии Казахстана. Неожиданно для всех Назарбаев выступил с разгромной речью – нет, не прямо в адрес первого секретаря. Он обрушился на президента Академии наук Казахстана Аскара Кунаева – брата главы республики.

Академик Кунаев был в Казахстане личностью известной – и не только как ученый-физик. О его забавах судачила вся республика, в лучших уголках которой главный ученый республики устроил свои персональные «базы отдыха»[15]. Оратор упрекнул главу Академии в инертности, безынициативности, результатом чего стало значительное «снижение эффективности научных разработок». (В свете последующей истории и Академии, и Казахстана, и всего СССР упрек звучит комически.) Еще он заявил, что Академия оказалась организацией «вне критики», где создана обстановка угодничества и подхалимства. И, обратившись к Д. Кунаеву, потребовал его призвать брата к порядку. Дерзость, прежде в Казахстане неслыханная, – и по содержанию, и по тону речь была явным вызовом непререкаемому авторитету первого секретаря.

Кунаев все понимает. И пытается предпринять ответные шаги. Он пробует убедить Горбачева в необходимости направить Назарбаева послом в любую страну, лишь бы подальше от Казахстана. Практика обычная в те времена. И аргументация традиционная – от «мы с ним не сработаемся» до «пусть растет, пока молодой». Но Горбачев не внемлет – для него Кунаев уже политический труп.

Во второй половине ноября Кунаев прибыл в Москву на сессию Верховного Совета, где состоялась его решающая встреча с генсеком. Выслушав в очередной раз просьбу об отстранении строптивого премьера, Горбачев оставил ее без внимания, но зато сообщил Кунаеву, что к нему заходили члены бюро ЦК компартии Казахстана во главе со вторым секретарем О. Мирошхиным. Они полагают, что Кунаев как глава республики исчерпал себя, и пора подумать о его замене.

Кунаев прекращает борьбу. Он подает Горбачеву заявление об отставке. Тот заявление принимает и обещает вынести вопрос на рассмотрение Политбюро. Что говорилось дальше – неизвестно, и разные мемуаристы передают прямо противоположные, но одинаково выгодные им версии.

По версии Назарбаева, Горбачев рассказывал ему о таком диалоге[16]. «Кого, по-вашему, следовало бы рекомендовать бюро ЦК Казахстана?» – спрашивает Горбачев. «Лучше человека со стороны, можно из России. В республике достойных кадров сейчас нет», – отвечает Кунаев. По словам Назарбаева, получается так, что, видя в нем единственного кандидата, которого готов поддержать Центр, Кунаев решает любой ценой этого не допустить. *«Не могу понять – неужели личная обида или даже злость могла оказаться выше интересов собственного народа?»*[17] – возмущается Назарбаев.

Сам Кунаев излагал эту часть беседы иначе. По его словам, в конце разговора он поинтересовался: кто же преемник? «Позвольте это решить нам самим», – неожиданно грубо оборвал его Горбачев[18].

Как было на самом деле, мы вряд ли узнаем. Но назначение в Казахстан человека со стороны, во всяком случае, полностью соответствовало политике этого времени. В Казахстане о планах Горбачева и об этом разговоре пока никто не знает.

Назарбаев и Кунаев встречаются в Алма-Атинском аэропорту, причем не председатель Совмина встречает «первого», а наоборот – Назарбаев в тот момент как раз возвращается в столицу республики вместе с главой союзного правительства Николаем Рыжковым, с которым они посещали казахстанские нефтяные и газовые месторождения.

«Встретил нас Кунаев, который перед этим побывал в Москве, и сообщил, что он подал заявление об уходе на пенсию. Было не совсем понятно, почему это известие он преподнес нам чуть ли не с удовольствием, с каким-то торжествующим видом», – вспоминал Назарбаев[19].

«Кто же сменит вас?» – спросил Рыжков. «А вон его пусть выбирают!» – Кунаев мотнул головой в сторону Назарбаева, не удостоив главу правительства даже взглядом. Так рассказывал мне сам Назарбаев.

11 декабря 1986 г. Политбюро ЦК КПСС постановило удовлетворить просьбу Д. Кунаева и освободить его от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию. Кунаева на заседание не пригласили.

Организационный пленум казахстанского ЦК был назначен на 16 декабря. 15 декабря с трапа самолета в Алма-Ате сошел человек, которому предстояло возглавить республику. До этого момента никто в Казахстане не знал, на ком Центр остановил свой выбор. Знали, что прилетает секретарь ЦК КПСС Г. Разумовский с предложением кандидатуры от Политбюро. Кто же именно – Назарбаев? Камалиденов? Но Разумовский прилетел не один, следом за ним из самолета вышел еще один гость, и все сразу стало ясно...

Кандидата от Политбюро Разумовский на следующий день представил сразу участникам пленума, отказавшись, вопреки существовавшей практике, от предварительного обсуждения кандидатуры на заседании бюро. *«Собственно говоря, и обсуждать было нечего – никто из нас его толком не знал. В такой же завороженной обстановке прошел и пленум ЦК Компартии, вся процедура которого заняла 18 минут. Все подняли руки...»*[20] – напишет в воспоминаниях Назарбаев.

Главой Казахстана по воле Москвы стал Геннадий Колбин.

5

Горбачев решил послать в Казахстан «варяга», который будет неуклонно проводить в жизнь политику партии и защищать интересы не местных кланов, а общегосударственные. Линия Андропова и раннего Горбачева на централизацию и возвращение к ленинским истокам естественно привела к тому, что и для Казахстана история как бы вернулась к той эпохе, когда Москва назначала в Казахстан одного за другим представителей самых разных национальностей, но не казахов. И если в кампании Андропова против прогульщиков и несунов, в горбачевской антиалкогольной кампании, в их борьбе с коррупцией было нечто вроде слабого повторения кампаний 30-х гг., то в Казахстан был направлен человек, в личности которого в предельно ослабленной форме можно было усмотреть сходство со страшными московскими «наместниками» 20-х – начала 30-х гг. Призрак Голощекина вдруг явился в образе Колбина.

«Избрание Г.В. Колбина первым секретарем ЦК Компартии Казахстана было воспринято как грубый диктат Центра при решении вопросов, затрагивающих жизненные интересы населения республики, – сказал в своей лекции, прочитанной в университетах Европы (Швеция, Великобритания) в 1990–1991 гг. народный депутат Верховного Совета СССР, глава парламентской комиссии по расследованию декабрьских событий 1986 г. в Алма-Ате поэт Мухтар Шаханов. – *Нужно учесть при этом, что из двадцати первых секретарей Компартии Казахстана за все годы ее существования только трое были казахами. Пост первого секретаря Компартии республики, как правило, использовался в качестве трамплина для прыжка на следующую ступень карьеры. Аналогичное положение с руководящими кадрами было и в других организациях и ведомствах. Так, руководителями КГБ республики за годы Советской власти были лишь два казаха. Назначенные Центром руководители, не имеющие корней в республике, не связанные с ее народом, культурой, бытом, традициями и языком, подбирали себе кадровую команду по своему вкусу. Ни один из присланных Центром руководителей, после их освобождения или ухода на пенсию, не пожелал остаться в Казахстане. Пренебрежительное отношение Центра к окраинам иногда доходило до курьезов. Так, в свое время Хрущев Н.С., прибыв в Казахстан, воскликнул с трапа самолета: «Пламенный привет узбекскому народу!»*[21].

Неизвестно, доводилось ли Колбину хотя бы раз бывать в Казахстане за предыдущие 59 лет жизни. Если и доводилось, то или в ходе какой-нибудь рабочей поездки на целину, или в качестве гостя в составе какой-либо партийно-советской делегации.

Вся жизнь этого человека была подчинена простому большевистскому «надо!». Он принадлежал к поколению, которое в годы войны с Германией вынуждено было еще в детстве встать за станок или выйти в поле. В 15 лет в Нижнем Тагиле Колбин пошел работать на оборонный завод, выпускавший продукцию для фронта. В 27 лет стал коммунистом, в 28 – инженером, в 32 – секретарем парткома завода, в 33 – первым секретарем райкома. Еще 10 лет понадобились для восхождения на пост второго секретаря Свердловского обкома КПСС. Потом его посылают на самый «горячий» участок партийного фронта – национальный: в 1975 г. Колбин становится вторым секретарем ЦК КП Грузии.

В то время «русский второй» при «местном первом» был обычным явлением. И выполнял обычно роль московского соглядатая. Геннадий Колбин вынес из восьмилетней работы в Грузии уважение и даже любовь к тогдашнему грузинскому «первому» – Эдуарду Шеварднадзе. И репутацию человека, имеющего опыт работы в «национальной республике», с предоставлением почетной должности первого секретаря Ульяновского обкома – на родине вождя.

«*Г.В. Колбин, работавший первым секретарем Ульяновского обкома КПСС, зарекомендовал себя как энергичный, опытный руководитель, особенно отличившийся в кампании по борьбе с алкоголизмом: за один год он добился полной ликвидации пьянства, простите, – употребления спиртного на родине Ильича. Его заметили «наверху»...*» – вспоминает генерал Бобков[22]. В Казахстане он продолжит бороться с пьянством. Еще он будет бороться с национальными перекосами, феодально-байскими пережитками, партийно-советскими привилегиями и за выполнение «продовольственной программы».

Сам себя Колбин называл «солдатом партии». В Казахстане уточнят: «свирепый солдат партии».

И вот на следующий день после «избрания» Колбина, рано утром 17 декабря 1986 г. толпа молодежи собралась на площади имени Брежнева перед зданием казахстанского ЦК.

6

Очень сложно восстановить реальную картину событий тех дней. Официальные источники того времени сообщали очень мало. В воспоминаниях очевидцев происходившее выглядит слишком по-разному – в зависимости от того, какое участие в событиях принимал автор и как ему хотелось бы их преподнести. Раскрытые позже некоторые служебные документы внесли в картину не только новые штрихи, но и новые противоречия...

Поскольку я не был непосредственным очевидцем самих событий, постараюсь восстановить их, сопоставляя разные источники. И прошу извинить за обилие цитат.

В сентябре 1990 г. выводы комиссии Верховного Совета Казахской ССР, которой руководил М. Шаханов, были приняты и одобрены парламентом республики, потому их можно считать официальным изложением событий. Вот как представляет хронологию событий этот документ.

«Первые группы молодежи собрались на площади перед зданием ЦК Компартии к 7–8 часам утра 17 декабря в количестве 200–300 человек с лозунгами, протестующими против решения Пленума ЦК. По согласованию с ЦК Компартии Казахстана было принято решение оцепить площадь силами милиции и внутренних войск.

К 10.30 была объявлена боеготовность № 1 по Алма-Атинскому гарнизону, перекрыты железнодорожные вокзалы и аэропорт. Было решено выйти к демонстрантам, провести разъяснительную работу. Люди несли портреты Ленина, пели народные песни, были безоружны. Выпадов против других народов, призывов к свержению государственного строя, хулиганских проявлений не было»[23].

То, что начиналась демонстрация мирно, почти празднично, подтверждают многие. *«В колонне слышался смех, ребята и девушки пели песни. Колонна шла в сторону площади. Все напоминало марш мира... В руках у демонстрантов были лозунги «Каждому народу – своего вождя», «Да здравствует ленинская национальная политика», портреты Ленина»*, – приводила слова очевидцев «Комсомольская правда»[24].

Казахстанская газета «Бирлесу» пишет о том же: *«17 числа около 11 часов местного времени на пересечении улицы Гоголя и проспекта Коммунистического появились первые демонстранты. В руках плакаты: «Ленин и партия вместе», «Мы – за Казахстан». В первый момент подумалось, что это очередной митинг в поддержку перестройки. Тогда такие мероприятия были в особенной моде. Но догадку перечеркивал один из плакатов: «Где Кунаев?» – вопрошалось с него»*[25].

Еще свидетельства. Вот что вспоминала бывший преподаватель Алма-Атинского педагогического института иностранных языков Бахыт Садыкова: *«Мои студентки рассказывали, что утром 17 декабря к ним в девичье общежитие пришли парни из мужского общежития: «Идемте с нами на демонстрацию Кунаева защищать!» А мимо окон группами шли ребята-казахи из разных вузов. Шагали как на праздник – пели песни, несли флаги СССР и Казахской ССР, какие-то щиты, транспаранты...»* [26] .

Шли – «на демонстрацию Кунаева защищать». И поскольку слово «демонстрация» ассоциировалось не с протестом, а с праздником, то и шли как на праздник – с песнями, флагами, транспарантами, как ходили 1 мая и 7 ноября. Рано утром их было 200–300 человек, к половине второго – уже больше тысячи. И толпа продолжала прибывать[27].

Из доклада комиссии М. Шаханова: *«В 11.30 демонстранты покинули*

площадь и направились на городские улицы. Среди них находились члены Бюро ЦК Мукашев М.С., Назарбаев Н.А., Камалиденов З.К., Мендыбаев М.С.[28]*, секретари обкома и горкома партии, секретари ЦК комсомола, председатель КГБ республики В.Г. Мирошник, министр МВД Н.Г. Князев. Они вели разъяснительную работу, уговаривали разойтись.*

В 13.30 колонны демонстрантов возвратились на площадь, преодолев по дороге заграждения из автомобилей. Их численность составляла от 1400 до 5000 человек. На площади к этому времени собрались молодые люди, не принимавшие участия в марше по городу, и любопытствующие прохожие. Был отдан приказ блокировать площадь, никого не впускать и не выпускать».

Член комиссии, сопредседатель Казахстанского общественного комитета по правам человека, старший преподаватель Алма-Атинского архитектурно-строительного института Нинель Фокина вспоминает: *«Около 600 человек вошло на площадь со стороны КазГУграда*[29]*, они скандировали: «Ауельбеков*[30]*, Назарбаев!»*[31].

Вернемся к основному документу комиссии.

«Подходящие к площади новые группы демонстрантов прорывали оцепление, возникали стычки. Люди внутри оцепления помогали вновь прибывшим прорвать его, создалось напряжение. Министр внутренних дел СССР Власов по согласованию с Политбюро ЦК КПСС отдал приказ о переброске в Алма-Ату спецчастей внутренних войск из восьми городов страны. На площадь прибыли воинские части. Экипировка – бронежилеты, каски, щиты, дубинки. В двух спецмашинах находились спецсредства – дымовые шашки, сигнальные ракеты, слезоточивый газ «Черемуха», боевые патроны. Воинской части было придано отделение служебно-розыскных собак.

С 15 до 17 часов на трибуну вышли члены Бюро ЦК КПК Казахстана Мукашев С.М., Камалиденов З.К., Назарбаев Н.А., Мендыбаев М.С. Их призывы разойтись были встречены шумом, свистом, в трибуну полетели снежки, куски льда. Демонстранты оскорбляли солдат и курсантов, охраняющих трибуну, срывали с них шапки. Милиция выхватывала из толпы активистов, толпа пыталась их отбить, началась свалка. Солдаты по приказу отгоняли толпу на площадь, она забросала их камнями, кусками штукатурки, облицовки, появились раненые».

Вот что напишет позже в комиссию М. Шаханова тогдашний первый секретарь Алма-Атинского обкома Марат Мендыбаев: *«Они хотели быть услышанными, понятыми и, вернувшись вновь на площадь, у здания ЦК (в то время площадь имени Брежнева), требовали диалога. Мы же боялись этого, и вместо него были предприняты все меры для того, чтобы уговорить их разойтись»*[32].

Демонстранты требовали диалога с властью, но власть хотела только говорить и не хотела слушать. Как только на трибуну поднимался оратор из толпы, над площадью, заглушая его слова, из динамиков начинала греметь музыка казахских композиторов. Как только выходил предста-

витель властей – музыка смолкала[33]. Это не успокаивало, а лишь все больше раздражало толпу.

«В течение последующих двух часов на площадь прорвалось еще порядка двух тысяч человек, вооруженных палками, металлическими прутьями и трубами.

К вечеру участники волнений стали продвигаться в юго-восточном направлении, пытаясь прорвать оцепление и ворваться в здание ЦК Компартии Казахстана. Резервы сводных отрядов (войсковые части 7552, 6654), отдельный специальный моторизованный батальон милиции (войсковая часть 5449) совместно с сотрудниками органов внутренних дел и курсантами Алма-Атинского пожарного училища остановили толпу, изъяли из нее около 700 человек, вывезли их через оцепление и изолировали. Ряд военнослужащих и сотрудников внутренних дел получили ранения»[34].

Приближалась развязка.

«В 17.00 на площадь прибыл личный состав АВКПУ[35] *КГБ СССР в количестве 600 человек, экипированный малыми саперными лопатками. Приказ на выдвижение курсантов-пограничников отдан председателем КГБ СССР Чебриковым по просьбе председателя КГБ КазССР Мирошника.*

В 18.00 по приказу министра внутренних дел КазССР Князева солдаты в касках со щитами и дубинками начали разгон демонстрантов. Люди разбегались, возникла сильная давка, толпа, обороняясь, ломала деревья, выворачивала куски облицовки зданий. В военных летели палки, камни, машины «скорой помощи» увозили пострадавших с обеих сторон. С трибуны, сменяя друг друга, выступали Камалиденов, Елемисов, Басаров[36]*, призывали собравшихся разойтись, предупреждали о применении силы. Стычки митингующих с правоохранительными органами переходили в ожесточенные схватки.*

21.00–22.00. Доставленные на площадь военные машины со спецсредствами были забросаны камнями, охрана разбежалась, спецсредства попали в руки людей, находившихся на площади. Начальник УПО[37] *УВД города получил приказ применять для разгона людей пожарные машины. 20 машин двинулись на людей, поливая их из лафетных стволов. Толпа забросала машины камнями, 30 пожарных получили ранения.*

В 23.30–24.00 проведена операция по разгону демонстрантов с применением малых саперных лопаток, дубинок и служебных собак. Оставшиеся лежать на асфальте после проведения операции люди подобраны и увезены. Площадь очищена. Преследование убегающих с площади продолжалось на прилегающих улицах, в подъездах жилых домов, у общежития с применением служебных собак».

«После разгона на снегу осталось более 150 человек в гражданской одежде»[38].

Начальник политотдела УВД г. Алма-Аты полковник милиции Н.Х. Берешев: *«Остались лежать на земле десятки, а может, сотни молодых людей, среди которых было немало девушек. Все они были в крови, с различными ранами. Были применены при разгоне саперные лопатки... Через*

10–15 минут многие из них вставали и пытались покинуть площадь, но были задержаны сотрудниками милиции, посажены в спецмашины и доставлены в районные отделы внутренних дел для разбирательства»[39].

И был день второй, когда демонстранты вновь пытались собраться на площади, но она была наглухо блокирована войсками, милицией и дружинниками. В этот день был введен в действие типовой план МВД «Метель». «Зачистки» (тогда это слово еще не было столь популярно, как сейчас) проводились не только на площади и прилегающей территории, но и на улицах, во дворах, в подъездах, студенческих общежитиях.

Мои знакомые, которые жили в многоэтажном доме на площади Брежнева, рассказывали, что к ним в подъезд забегали парни и девушки, надеясь укрыться от преследования, но их настигали. На все 12 этажей было слышно, как заходились в лае собаки...

«К исходу 18 декабря 1986 г. штаб руководства принял решение о круглосуточном несении патрульно-постовой службы во всех районах города и создании оперативно-подвижных отрядов. Для решения этой задачи привлекался личный состав отдельных специальных моторизованных батальонов милиции. Патрулирование осуществлялось нарядами по 5–6 человек с задачей задержания нарушителей и передачи их в РОВД. В состав каждого наряда, кроме военнослужащих, включались сотрудники милиции и дружинники. Наряды обеспечивались радиостанциями и поддерживали радиосвязь с взаимодействующими районными отделами внутренних дел (РОВД).

Для предупреждения сбора групп у общежитий на центральных улицах города и незамедлительного рассеивания скоплений народа из состава военнослужащих внутренних войск было создано 6 оперативных подвижных отрядов (из 50 человек каждый), полностью экипированных специальными средствами (бронежилетами, касками с забралом, резиновыми палками) во главе с опытным работником органа внутренних дел МВД Казахской ССР.

С 22 декабря на патрульно-постовую службу выделялось 7 отдельных специальных частей милиции и 1 мотострелковый батальон – всего 1400 военнослужащих, несущих службу в 2 смены. Первая – с 7.00 до 16.00, вторая – с 16.00 до 1.00»[40].

В самом начале власти совершили ошибку. Против людей с камнями, палками, обрезками труб они послали таких же – с палками, металлическими прутьями, арматурой...

На промышленных предприятиях, в учреждениях и организациях срочно создавались «добровольные народные дружины», которые тут же направлялись на площадь «усмирять» демонстрантов. Замышляли таким образом предотвратить перерастание событий в межнациональный конфликт – ведь привлекли армию, части внутренних войск из других регионов, а там солдаты, прапорщики и офицеры в основном русские. А вышло все наоборот: не учли, что на заводах главным образом тоже русские работают. К тому же многие казахи под разными предлогами избегали идти «в дружинники» – не хотели столкновений со своими. Среди ми-

тингующих на площади русских практически не было, только казахи. И русские рабочие парни, вооружившись арматуринами и кусками кабеля, шли на площадь – бить казахов.

«Колбину принадлежит идея вывести на улицы города рабочих. Это решение было принято по его предложению на ночном совещании 18 декабря, где раздавались призывы: «расправиться с врагом, навести порядок». Е. Разумов, заместитель заведующего Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС, обращаясь к организаторам и руководителям будущих рабочих дружин, говорил: «Совершайте подвиги, уймите, помогите!.. Это явление враждебно народу и партии»[41], – вспоминала Нинель Фокина.

«Характер событий мог привести к межнациональному конфликту: здание ЦК защищали в основном русские солдаты, милиция и пограничники, а нападающие в подавляющем большинстве были казахами. Это могло усугубить противостояние и вылиться в межнациональные распри. Поэтому мы продолжали настаивать на том, чтобы на улицы были выведены местные дружины, а не военные, чтобы дружинники – и казахи, и русские – выступили единым строем против бесчинствующих хулиганов. Это необходимо было сделать немедленно, так как наутро можно было ожидать новую волну беспорядков.

Так и случилось, ибо народной дружины никто, конечно, не собрал, а молодежь вновь вышла на площадь с теми же требованиями...

...К концу дня – это было 17 или даже 18 декабря – удалось вывести на улицы дружины, которые состояли, в основном, из русских, а это еще больше обострило ситуацию: русские выступали против казахов»[42], – вспоминает генерал КГБ Ф. Бобков.

Из заключения комиссии:

«Перед дружинниками не ставилась задача охранять ювелирные магазины, банки, почту, телеграф – их вывезли на охрану партийных зданий и в оцепление на площади и улицах. Вооружение – обрезки арматуры, кабеля, труб, цепи, палки и т.д. – изготавливалось на заводах города и раздавалось в горкоме и райкомах партии. Это подтверждают многочисленные свидетели из числа дружинников и руководителей предприятий. Каждому райкому города было дано указание формировать дружины по 2000 человек.

Впоследствии, чтобы оправдать массовые избиения демонстрантов, случайных прохожих и зрителей, руководство пошло на прямую фальсификацию. Изъятые у рабочих отрядов и брошенные ими металлические штыри, куски кабеля, труб, арматуры и прочее фотографировали и предъявляли общественности, высшему руководству в ходе следствия и судебных разбирательств как орудия демонстрантов.

В свою очередь часть демонстрантов с утра 18 декабря тоже вооружалась, вначале в основном палками, камнями, а затем и другими подобранными на улицах предметами. Хотя Г.В. Колбин и рекомендовал формировать дружины из лиц коренной национальности, сделать это было практически невозможно из-за национального состава рабочих и служащих города.

Впоследствии столкновения между демонстрантами и дружинниками приобрели уже выраженную межнациональную окраску. В течение 18 декабря и далее, по выражению В. М. Мирошника, «пошла охота на людей» фактически по национальному признаку».

И в первый, и во второй день силами правопорядка предпринималась еще одна чрезвычайная мера – молодых людей с площади грузили в автозаки и автобусы, вывозили за город, подальше от жилья, и там высаживали в снег, предоставляя им самостоятельно возвращаться назад. *«Многих задержанных вывезли ночью за город и оставили там, предварительно разрезав у всех пояса брюк»*[43].

7

До сих пор нет единства в оценке численности тех, кто принял участие в «демонстрации» и беспорядках, в которые она переросла. Первоначальная официальная цифра – 3–5 тысяч человек – выглядит заниженной. Генерал Ф. Бобков называет цифру 10 тысяч[44]. Комиссия М. Шаханова доказывает, что протестовало не менее 15 тысяч. Эта цифра, наоборот, вполне может быть завышенной.

В то же время известно, что на подавление беспорядков было брошено около 9 тысяч военнослужащих, кроме того, мобилизовано 10–15 тысяч дружинников. В любом случае получается, что разгоняли демонстрацию не меньше людей, чем в ней участвовали, а возможно, и больше – раза в полтора.

Неясно и число жертв событий.

Ф. Бобков пишет: *«Я должен свидетельствовать официально: во время описываемых событий погибло три человека. Это ... дружинник Савицкий и шестнадцатилетний русский мальчик, заколотый ножом в автобусе довольно далеко от площади: он что-то дерзкое сказал кондуктору, и стоявший рядом вонзил ему нож в сердце. Третий погибший – казах, раненный в драке на площади и скончавшийся через три дня»*[45].

Инженер телецентра С. Савицкий был призван в «добровольную народную дружину» и стоял в оцеплении. Толпа растерзала его. Подробности о гибели подростка в автобусе и даже его имя мне узнать не удалось. Студент энергетического института Е. Спатаев был доставлен в больницу с площади с открытой черепно-мозговой травмой в девятом часу вечера 17 декабря. Скончался 23 декабря[46].

Комиссия М. Шаханова установила также, что вследствие происходившего на площади Брежнева погибла студентка Алма-Атинского музыкального училища Л. Асанова. В Усть-Каменогорске (следом за Алма-Атой волна протестов прокатилась и по областным центрам республики) погибла студентка местного педагогического училища С. Мухамеджанова.

Несколько слов необходимо сказать о достоверности фактов и данных, собранных комиссией М. Шаханова. Не стоит забывать: сам

М. Шаханов неоднократно подчеркивал, что поставил перед собой и перед комиссией задачу «снять обвинение в национализме, выдвинутое против целого народа»[47]. Таким «обвинением» он считал формулировку специального постановления ЦК КПСС, посвященного событиям декабря 1986 г., в котором указывалось, что первопричиной беспорядков стал «казахский национализм». Шаханов всеми силами стремился доказать, что декабрьские события были массовым народным перестроечным движением, которое жестоко подавили, и если официальные сообщения старались преуменьшить массовость и ничего не говорили о жестокости подавления, то шахановская комиссия, наоборот, старалась преувеличить и массовость, и жестокость.

В ходе работы комиссии Шаханов всеми силами пытался доказать, что жертв было гораздо больше, что их число намного перевалило за сотню. Так, в материалах комиссии содержится предположение, что в ходе декабрьских волнений было убито 168 человек, в том числе 155 из числа демонстрантов, остальные – милиционеры, военнослужащие и дружинники. Никаких подтверждений этому комиссии обнаружить не удалось, хотя в поиске доказательств Шаханов был просто неистов[48].

Вот еще цифры. По данным Минздрава Казахстана, во всей республике в результате столкновений пострадали 1233 человека. По данным же комиссии Шаханова, только в Алма-Ате телесные повреждения получили 1722 человека.

Совершенно разные данные и о количестве задержанных участников беспорядков. Согласно сведениям, предоставленным комиссии Алма-Атинским горисполкомом, их было 763, по данным УВД города – 1001, КГБ и прокуратура республики назвали цифру 1137 человек (по республике). Комиссия же пришла к выводу, что задержаны были в общей сложности 8500 человек.

8

В разгар событий в Алма-Ату прибыла комиссия ЦК КПСС. В нее входили высшие чины МВД, КГБ, Генеральной прокуратуры. Возглавлял комиссию член Политбюро, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М. Соломенцев. Как только она прибыла, все руководители республики, за исключением Г. Колбина, были фактически отстранены не только от принятия решений, но и от обсуждения ситуации. Вот что написал по этому поводу в комиссию М. Шаханова Нурсултан Назарбаев:

«Основной причиной, побудившей представителей Москвы полностью отстранить нас от контроля за происходящим на площади, стало подозрение, что мы, пользуясь настроением масс, попытаемся использовать его в своих интересах. Особую обеспокоенность у них вызвал поток записок от демонстрантов, предлагавших в качестве кандидатур на пост первого секретаря ЦК Е.Н. Ауельбекова, В.П. Демиденко, О.С. Мирошхина, Н.Е. Моро-

зова, С.М. Мукашева, Н.А. Назарбаева и других[49]. *Кстати говоря, даже перечень приведенных фамилий однозначно свидетельствует, что молодежь отнюдь не выступала против того, чтобы к руководству республикой пришел человек русской национальности. Тем не менее карта пресловутого «казахского национализма» была разыграна. Со мной лично в те дни московские руководители разговаривали в исключительно безапелляционном, оскорбляющем человеческое достоинство приказном тоне».*

Первый заместитель председателя КГБ СССР Ф. Бобков, входивший в комиссию ЦК КПСС, вспоминал:

«Едва вошли в здание ЦК партии, почувствовали, как напряжена обстановка здесь. Колбин, Назарбаев и другие руководители явно нервничали. По отдельным замечаниям Колбина стало ясно, что основную вину за все, что произошло, они возлагают на Председателя КГБ Мирошника, не обратившего должного внимания на козни кунаевских ставленников, якобы организовавших эти провокационные выступления. Возникло даже подозрение, будто бы Мирошник сознательно утаил от Колбина информацию о готовящихся выступлениях студентов.

Все осуждали Кунаева, который отказался выступить на митинге и призвать собравшихся на площади поддержать избрание Колбина. Однако мы сразу заметили: и в оценках событий, и в отношении к избранию Колбина среди членов бюро ЦК Компартии Казахстана не было единства. Больше других нервничали Назарбаев и Камалитденов. Они были явно недовольны поведением приехавших из Москвы работников аппарата ЦК КПСС, особенно тех, кто прежде обещал им поддержку.

Единственное, в чем все сошлись, это то, что выступление студентов организовано Кунаевым и его сторонниками. Соломенцев потребовал выявить организаторов массовых беспорядков, он был уверен, что они возникли отнюдь не стихийно. Это заговор, считал он, а раз так – должен существовать штаб, планировавший такого рода выступления и руководивший ими. Вспомнили даже слухи, что якобы супруга Кунаева, вылетевшая накануне из Москвы, заявила в самолете о готовящейся акции протеста по поводу освобождения Кунаева от должности»[50].

«Теория заговора», таким образом, возникла сразу, но подтверждения так и не нашла. Ф. Бобков полагал, что заговора как такового не было.

«...события развивались по довольно примитивной схеме. Брожение среди студентов нескольких вузов Алма-Аты началось вскоре после сообщения об освобождении Кунаева. В народе он пользовался популярностью и в самом деле сделал для республики немало. И хотя ему пытались навязать обвинения в коррупции, ничего из этого не вышло: Кунаев не был аскетом, но его бескорыстию могли бы позавидовать многие. Правда, в его ближайшем окружении оказалось немало людей, замешанных в подозрительных делах. Они-то и выступили подстрекателями беспорядков, воспользовавшись экспансивностью молодежи. Свою лепту внесли и некоторые преподаватели вузов, отличавшиеся националистическими настроениями»[51].

Примерно то же говорили мне Г. Колбин и В. Мирошник: мол, заговора не было, но были подстрекатели, защищавшие, прежде всего, свои коррупционные интересы. Причем имен не называл никто. «Работаем, – говорил Мирошник. – Скоро узнаете».

Тогда, в 86-м, в подозрениях и домыслах не было недостатка. Колбин, судя по всему, был больше других заинтересован в том, чтобы преподнести случившееся именно как заговор, – иначе надо было признать, что он не имел права занимать кресло руководителя республики.

Колбин не только членам комиссии заявил, что Кунаев отказался выступить перед демонстрантами, когда его об этом попросили. Он говорил об этом неоднократно, в том числе – мне. При этом никаких выводов не делал: мол, судите сами – имел Кунаев отношение к событиям или нет. То же говорили и другие – В. Мирошник, Н. Назарбаев.

Кунаев до поры до времени молчал. Но позже рассказал, что произошло с ним в тот день. Вот что написал он в заявлении, переданном в комиссию М. Шаханова:

«17 декабря около 11 часов утра мне позвонил второй секретарь ЦК КП Казахстана Мирошхин О. С. и просил приехать в ЦК. На мой вопрос: «Чем это вызвано? Ведь я же на пенсии!» – он ответил: «На площади собралась группа молодежи. Они требуют разъяснить решение прошедшего вчера пленума ЦК. Было бы хорошо вам выступить перед собравшимися и разъяснить суть дела». Выразив согласие, я спросил: «Согласен ли Колбин?» Мирошхин ответил утвердительно. После этого я немедленно приехал в ЦК и зашел в кабинет первого секретаря ЦК, где были в сборе все члены Бюро. Они совещались, как поступить с собравшимися на площади. Колбин предложил Назарбаеву и Камалиденову выступить перед молодежью. Мне никаких поручений дано не было. О моем выступлении речь не шла, несмотря на то, что я просидел в кабинете Колбина свыше двух часов. Затем Колбин начал переговоры с Москвой, и чтобы ему не мешать, я и другие, кроме Мирошхина, вышли из кабинета.

Через небольшой промежуток времени Колбин собрал всех членов Бюро и пригласил меня. Обращаясь ко мне, он сказал: «Вы свободны, отдыхайте. Мы сами примем меры и наведем порядок». Перед уходом я спросил у Мирошхина, почему меня вызывали и не дали возможности выступить. Он ответил: «Посоветовались и решили вас на площадь не выпускать, и вам выступать не надо». В июне 1987 года в Москве во время работы Пленума ЦК КПСС Мирошхин еще раз подтвердил, что мне не разрешили выступать на площади.

Однако через полтора года во многих своих выступлениях Колбин обвинил меня в том, что я категорически отказался выступать перед собравшимися на площади, не помог ЦК успокоить молодежь. Сказав явную ложь, он оклеветал меня, обманул и ввел в заблуждение всех членов ЦК Компартии Казахстана, всех коммунистов и трудящихся республики»[52].

И все же Ф. Бобкова, который существование заговора в принципе отрицал, не оставляло ощущение, что действиями демонстрантов кто-то

управлял. 18 декабря, согласно его воспоминаниям, в штабе по подавлению беспорядков было принято решение все-таки привлечь Кунаева для увещевания участников беспорядков. На сей раз, вероятно, речь шла о том, чтобы он по радио и телевидению обратился к жителям Алма-Аты и призвал их к спокойствию. Для пущей убедительности решили выйти на Горбачева и его попросить поговорить с Кунаевым. К этому времени уже была назначена военная операция, призванная окончательно усмирить взбунтовавшийся город. Планировалось начать с показных учений, чтобы продемонстрировать силу войск. А потом... К счастью, до «потом» не дошло.

«Мы назначили наши армейские операции на 18 часов. Затем, посоветовавшись, решили отложить их еще на час. Именно тогда и состоялся разговор Горбачева с Кунаевым. Прошел час. Мы решили подождать еще полчаса.

К нашему удивлению, за эти полчаса ни на одной из прилегающих к площади улиц, не говоря уже о самой центральной площади, демонстрантов не оказалось. Кто дал команду уйти и прекратить беспорядки? Ответить на этот вопрос так никто и не смог, да и теперь вряд ли кто-нибудь сможет.

Во всяком случае стало очевидно, что направлялись все выступления откуда-то из другого места и кое-кто из руководителей республики имел к ним причастность. Не хочется бросать тень на кого бы то ни было, ибо явных доказательств нет, но предположения существуют, и они небезосновательны. Хорошо, что все кончилось без крови, толпа мирно разошлась, и в городе установилось спокойствие»[53].

Вопросы о том, было ли выступление алма-атинских студентов организовано, и если было, то в какой степени и кем – так и остались вопросами. Я бы не стал списывать настойчивые поиски заговора просто на специфический стиль мышления и полную неспособность понять, что значило для казахов назначение Колбина и почему обвинения Кунаева в коррупции не вызывали у них поддержки. Представить себе такое большое выступление чисто стихийным, вообще не имевшим никакой организации и центра, действительно, очень трудно. Но кто мог играть роль такого центра – Кунаев?

Стало ли внезапное прекращение беспорядков результатом разговора Горбачева с Кунаевым, в результате которого Кунаев получил от Горбачева какие-то гарантии безопасности?[54] Тогда получается, что у Кунаева были какие-то каналы, чтобы влиять на участников беспорядков. Но если он смог дать команду разойтись, то, значит, он же мог дать и команду идти на площадь? Но для чего это ему могло быть нужно? Ведь не мог же он думать, что Москва испугается выступления студентов и вернет все на свои места. Гадать можно сколько угодно.

Казахстанский писатель К. Асан говорил, что к организации декабрьских событий имели отношение и Камалиденов, и Назарбаев: *«О подготовке молодежи Н. Назарбаевым и З. Камалиденовым к выступлению рассказал мне за день до событий Е.Н. Ауельбеков в гостинице «До-*

стык» в Алматы (16.12.1986 г.) после Пленума ЦК, где был избран первым секретарем ЦК Казахстана Г.В. Колбин»[55]. Естественно, если исходить из того, кому декабрьское выступление было выгодным, первыми приходят на ум Камалиденов и особенно Назарбаев. Но cui prodest[56] – не доказательство, а иных свидетельств на этот счет нет, да и это выглядит достаточно сомнительным.

И Колбин, и Назарбаев, и особенно Камалиденов намекали на возможное участие в «заговоре» еще одного человека, известного далеко за пределами Казахстана. Вспоминал об этом и Ф. Бобков:

«Мне запомнилась одна деталь: кто-то настойчиво говорил о том, что едва ли не главным зачинщиком беспорядков был знаменитый казахский поэт Олжас Сулейменов. Действительно, толпа требовала, чтобы он выступил на митинге. Но когда я спросил у казахских товарищей, где Сулейменов, Камалитденов ответил, что он уехал из города и его не нашли. Позже я узнал, что Олжас Сулейменов был в те дни в городе, хотел выступить перед согражданами, но ему не дали этого сделать. У меня закралось сомнение: так ли уж хотели некоторые руководители республики установить там порядок... Недаром они обвиняли во всем сторонников Кунаева»[57].

Поэт-шестидесятник Олжас Сулейменов возглавлял в то время Союз кинематографистов Казахстана. Те, кто видели себя преемниками Кунаева, не могли простить ему преданности первому секретарю, и в частности того, что он написал сценарий полнометражного двухсерийного документального кинофильма, посвященного руководителю Казахстана. Потом, в период «охоты за ведьмами», начавшийся после декабря 1986 г., когда ничего не могло быть страшнее обвинения в националистических настроениях, ему припомнили и его знаменитую книгу «Аз и Я», которая содержала лингвистический анализ «Слова о полку Игореве» на предмет обилия тюркизмов.

Олжас Сулейменов не раз демонстрировал действительно блестящие качества неформального лидера – настоящего вожака казахской молодежи, трибуна, способного подчинить себе толпу на площади и всегда умеющего сыграть на ее чувствах[58]. Но именно поэтому он никак не годится на роль тайного организатора, так и оставшегося в тени. Что же касается утверждений, будто тогда, в декабре, его «не смогли найти», так ведь и Кунаев, по словам Колбина, «отказался» выступить перед толпой, а это, как выясняется, неправда. Так искали, наверное...

Но властям официальные «виновные» были необходимы, и их все-таки нашли. В 1987 г., выступая на пленуме Алма-Атинской городской организации Союза журналистов Казахстана, Геннадий Колбин назвал как подстрекателей декабрьских волнений Динмухамеда Кунаева, управляющего делами ЦК компартии Казахстана Андрея Статенина и командира дивизиона охраны КГБ Казахстана (местной «девятки») Мырзатая Акуева. Потом эти имена были оглашены и на Пленуме ЦК Компартии

Казахстана. Раз виновные уже определены, посадить их остается просто делом техники.

А. Статенина приговорили к восьми годам в колонии строгого режима – за хищение государственной собственности в особо крупных размерах. Список обвинений, предъявленных прокуратурой, был намного больше, но в суде нашло подтверждение только это. «Особо крупное хищение» выразилось в том, что с его ведома были распроданы экспочаты выставки югославской мебели, причем пару каких-то шкафов и стульев Статенин приобрел лично себе. Именно приобрел, а не присвоил, но – по заниженным ценам. Вывозить мебель назад в Югославию вышло бы намного дороже, но это никто в расчет не принял. Эпизод с мебелью стал центральным эпизодом процесса, и хотя сумма ущерба, причиненного государству, вырисовывалась просто смехотворная, обвинению как-то удалось «накрутить» ее до «особо крупных», т.е. до статьи 76-5 Уголовного кодекса Казахской ССР, которая в качестве максимальной санкции предусматривала расстрел. Так что суд еще гуманно выглядел, посадив пожилого управделами «всего» на восемь лет, а не поставив его «к стенке». Однако то, какое отношение имели югославские пуфики к высказанным Колбиным обвинениям в подстрекательстве к беспорядкам и к разжиганию межнациональной розни и как русский чиновник мог организовать массовое выступление казахских студентов, так и осталось без ответа и объяснений [59].

М. Акуева посадили на четыре года. В вину ему вменили служебный проступок, совершенный еще в 1981 г.: нарушение транспортного порядка при сопровождении Д. Кунаева. Тогда он был наказан за это по партийной и по служебной линии. Но «подняли» старую историю вновь и осудили – за халатность.

Позже пытались найти и других организаторов. За годы, прошедшие после декабрьских событий 1986 г., каких только версий не выдвигалось... Естественно, не обошлось без теорий о роли спецслужб – своих и чужих.

Некоторые средства массовой информации, например, предположили, что демонстрацию спровоцировали союзные спецслужбы: *«Чтобы окончательно добить Кунаева, КГБ Казахстана по указке Москвы в декабре 1986 года инспирировал знаменитый алма-атинский молодежный бунт»*[60]. (Для чего надо было добивать и без того добитого Кунаева и таким сложным путем, как организация бунта, автор не объясняет.) Наоборот, аналитики из Центра Кургиняна выдвинули версию о турецких спецслужбах и глубоко законспирированном националистическом подполье[61]. Но все это – уже курьезы.

В общем, вопрос о «заговоре» и о «подстрекателях» так и остался открытым. Я лично вполне допускаю, что в декабрьских событиях есть и какие-то так и оставшиеся неизвестными (и вполне возможно, навсегда) аспекты. Но даже если они и есть, роль их – далеко не определяющая.

Алма-атинские студенты не были марионетками ни номенклатурных заговорщиков (даже если они и были), ни таинственных спецслужб. Они знали, за что и против чего они выступают. Они решились пожертвовать многим и действительно пожертвовали. Но если не бояться впасть в «высокий штиль», можно сказать, что жертвы их были не напрасны.

9

Первое естественное следствие всякого подавленного выступления – волна репрессий.

Генерал Ф. Бобков опровергает информацию о множестве арестов и прочих репрессий по подозрению в активном участии в декабрьских событиях.

«...поползли слухи, будто за событиями в Казахстане последовали массовые репрессии. Все это чушь. Было арестовано несколько человек. Из всех организаторов и идейных вдохновителей массовых выступлений органы КГБ арестовали одного человека, преподавателя вуза, известного и раньше своими подстрекательскими речами. Собственно, по линии Комитета государственной безопасности это был единственный арест. Конечно, задержали хулиганов, которые были осуждены за убийство мальчика и дружинника Савицкого. Убийц приговорили к смертной казни, но затем ее заменили иной мерой наказания»[62].

Студент К. Рыскулбеков был приговорен к расстрелу за убийство дружинника С. Савицкого. Якобы агрессивно настроенный националист, одурманенный водкой и наркотиками, к тому же – самбист-разрядник, в приступе звериной злобы нанес инженеру травмы, несовместимые с жизнью. Потом его помиловали, заменили «вышку» 20 годами строгого режима. Но правозащитные организации, независимые комиссии требовали пересмотра дела, указывая на обилие противоречий и нарушений в материалах. Тогда на этапе в пересыльной тюрьме Рыскулбекова поместили в одну камеру с уголовником-рецидивистом. А наутро нашли повесившимся на майке, но почему-то не своей, а сокамерника...

«По линии Комитета», как выражается генерал Бобков, был осужден преподаватель алма-атинского вуза, казахский композитор Хасен Кожахметов[63]. Он и раньше привлекался к уголовной ответственности «за разжигание межнациональной розни», т.е. давно был «на крючке» у КГБ. Преступная деятельность Кожахметова состояла в том, что он не таясь высказывался о том, что казахи должны получить право самостоятельно решать судьбу своей республики. И распространял собственные письменные сочинения на ту же тему. В заключении композитор пробыл недолго, а выйдя на свободу, возглавил национальное движение «Желтоксан» («Декабрь»)», костяк которого составили участники декабрьских событий [64].

Утверждению Ф. Бобкова полностью противоречат данные комиссии Шаханова: «В целом к уголовной ответственности были привлечены

99 человек <...> Административному аресту подвергнуты 707 человек, предупреждены 1400». Я лично думаю, что Ф. Бобков преуменьшает масштабы репрессий (хотя, возможно, и непреднамеренно, – вполне допускаю, что он просто не знал об арестах по линии МВД или знал, но не все). Да и как посмотреть на то, что считать репрессиями. Кто помнит те времена, знает: исключение из партии или комсомола, увольнение с должности были тяжелой личной трагедией. Человек мгновенно терял общественный статус, абсолютно все возможности для успешной карьеры. Так вот, опять-таки по данным комиссии Шаханова, только за участие в декабрьских событиях или за то, что кто-то развитие этих событий допустил, были *«исключены из партии 53 человека, наказаны в партийном порядке 210, исключены из комсомола 758 человек, из вузов и техникумов – 266 студентов, 1164 человека получили комсомольские взыскания»*[65].

Сколько человек было уволено, сокращено, поражено в правах исключением из партии и комсомола в ходе дальнейшей кампании против «национальных перекосов» – такой статистики нет. Убежден, что намного больше указанного.

Репрессии, пусть не тотальные, не массовые, но вполне масштабные все же были. Мне довелось застать ту атмосферу всеобщего страха, которая еще царила в алма-атинских учреждениях в 1987 г., в том числе и в редакциях средств массовой информации. Фотохроника официального агентства КазТАГ (казахстанский ТАСС) распространила снимки с суда над группой «декабристов». Несколько газет опубликовали их, проиллюстрировав ими вполне «идеологически выдержанные» материалы. Но Колбину или еще кому-то в ЦК показалось возмутительным то, что на одном из снимков подсудимые во время оглашения приговора стоят прямо (стало быть, гордо), а судья – склонив голову (приговор читает). В общем, слегка похоже на кадр из фильма «Мы из Кронштадта». Ни за что ни про что заместитель главного редактора областной русскоязычной газеты «Огни Алатау» Сергей Скороходов и ответственный секретарь Вадим Борейко были уволены. Взыскания получили директор агентства, руководители областной газеты на казахском языке «Жетысу» и республиканской газеты на уйгурском языке «Коммунизм туги» – их тоже угораздило опубликовать злосчастный снимок[66].

10

Хотя выступление казахских «декабристов» было подавлено, а его участники подверглись репрессиям, объективно оно добилось очень многого.

Прежде всего, непосредственным результатом декабрьских событий стало то, что Колбин вместо того, чтобы железной рукой наводить порядок в казахстанской элите, подчиняя ее Москве и выкорчевывая коррупцию, был вынужден заниматься залечиванием нанесенных событиями ран. Изолированный, не имевший опоры в местной номенклатуре «ва-

ряг» не решился, да и не был в состоянии инициировать борьбу с коррупцией, которая неизбежно стала бы борьбой со всей казахской элитой. Полномасштабная борьба с коррупцией превратилась в серию пустых и показушных мероприятий.

Вообще правление Колбина в Казахстане очень быстро приобрело какие-то карикатурные, «щедринские» черты, например борьба с привилегиями. Было объявлено, что все «спецфонды» и «спецрезервы», направлявшиеся раньше в спецбуфеты и «столы заказов» для партийно-советских чиновников, отныне поступят на прилавки магазинов, что позволит удовлетворить потребности населения в деликатесах. Естественно, что это – неправда, поскольку фонды эти были ничтожно малы по сравнению с потребностями населения республики.

Но Колбин нашел еще один «резерв» – активизация кооперативного сектора. На деле все выглядело так. Те же товары из государственной системы теперь поступали в торговую сеть уже по «кооперативным» ценам, т.е. в несколько раз дороже. Разумеется, покупать стали меньше: например, если раньше удавалось достать колбасу или ветчину по «госцене», то и брали батонами и килограммами, а тут стали брать по 100–200 граммов. Зато на прилавках – изобилие!

Еще одно «know-how» – расширение ассортимента продовольственных товаров без увеличения объемов сырья. Как это? Элементарно. Если раньше просто продавались разные там говяжьи отходы, например коровья голова, то теперь ее выкладывали на витрину по частям: отдельно коровьи уши, коровьи щеки, коровьи губы... Зато ассортимент мясопродуктов увеличился, согласно отчетам, аж в 20 с лишним раз! Верится с трудом, но это чистая правда. В ту пору в Казахстане даже анекдот ходил: «Какое самое крупное животное на свете? Корова. Почему? Да потому что голова и хвост в магазине, а ноги – в ЦК!» Это к тому, что «расширение ассортимента» шло за счет разного рода субпродуктов, первосортное же мясо по-прежнему на прилавках не появлялось.

Еще Колбин предлагал продавать мясные полуфабрикаты – баранину, свинину – в шкуре, чтобы увеличить их общий вес.

И так во всем. Жилищная программа «Жилье-91» выполнялась, в том числе, и за счет строительства дополнительных этажей – к старым «хрущевским» пятиэтажкам достраивались шестые этажи.

Особо рьяно (видимо, используя свой прошлый ульяновский опыт) Колбин боролся с пьянством и алкоголизмом. Вот как сам он обозначил пути этой борьбы, выступая на семинаре-совещании в ЦК компартии Казахстана 3 января 1987 г.:

«Прежде всего мы должны добиться постоянного сокращения винопотребления. Эта тенденция должна быть устойчивой. Для этого использовать такие направления, как расширение периода трезвости, т. е. постепенного сокращения количества дней продажи винно-водочных изделий в течение недели, особенно в сельской местности... Следует подумать... мо-

гут ли в опьяненном состоянии находиться люди в ресторанах? Есть ли необходимость продавать в них алкогольные напитки? Ведь ресторан – тоже общественное место. Понятно, что опьяневший в ресторане человек не может находиться в нем до полного протрезвления и вынужден будет рано или поздно его покинуть, выйти на улицу. Как с ним в данном случае поступить?»[67].

Да так и поступали. По вечерам у ресторанов дежурили милицейские наряды, которые хватали подряд всех выходивших из дверей. Конвейер «ресторан – медвытрезвитель» работал безотказно.

Естественно, Колбин должен был бороться с «казахским национализмом», главным виновником декабрьских событий. Но и здесь его действия приобрели гротескный и показушный характер. Более того, как это ни парадоксально, именно при Колбине процесс «казахизации» резко продвигается вперед.

Если Кунаев, да и любой руководитель-казах должны были тщательно следить за тем, чтобы не показаться в глазах Москвы казахскими националистами, то Колбину, наоборот, нужно было доказывать казахам, что если он от имени Москвы и борется с национализмом, то не как русский шовинист, а как советский интернационалист.

Первым делом он заявил, что все государственные и партийные служащие в республике должны овладеть казахским языком, и сам обязался в кратчайший срок выучить казахский – как когда-то выучил грузинский. Курсы по изучению языка открылись везде – в ЦК, обкомах, райкомах, в учреждениях, редакциях газет. Не ходить на занятия было опасно – могли расценить как проявление неуважения к «титульной нации» (а точнее, к «линии партии») и «вычистить» с работы. К слову, сам Колбин язык так и не выучил – хватило лишь на то, чтобы один раз, выступая на каком-то активе, неуклюже поздороваться с трибуны по-казахски. Правда, там, где как раз и следовало прежде всего изучать казахский язык, – в детских садах, школах, институтах, мало что изменилось. На подготовку более квалифицированных педагогов, издание лучших пособий, учебников «пороху» не хватило.

Зато в ходе этой борьбы проводилась «чистка» в госучреждениях. Состав сотрудников должен был в точности соответствовать национальному составу населения в данной области или районе. Уволить неугодного «по национальному признаку» стало легче легкого...

Именно при Колбине и с его ведома возникло первое отчетливо националистическое формирование – общество казахского языка «Казах тили» («Казахская речь»). Оно декларировалось как сугубо гуманитарное, цель которого – пропаганда распространения казахского языка во всех сферах общественной жизни. Но реально общество сыграло роль окологосударственной структуры, с помощью которой из государственного аппарата выдавливались те, кто не принадлежал к «титульной нации».

Колбин в разговоре со мной как-то признался: «Заходил ко мне Кунаев, поговорили. Тебе, сказал, легче, чем мне. Ты вон и казахские школы открываешь, и язык заставляешь изучать. Попробовал бы я такое – сразу бы такие ярлыки понавешали!»

Колбин занимается шумными кампаниями и представительствует от Казахстана на общесоюзном уровне. Но реальную повседневную работу ведет и держит нити управления в своих руках председатель Совета министров Н. Назарбаев.

В июне 1989 г. Назарбаев сменил Колбина на посту первого секретаря ЦК компартии Казахстана. То, что у него не получилось в 1986 г., получилось теперь. Колбин покинул Казахстан. Этому способствовали как полный провал его деятельности в республике, так и изменение политического курса Горбачева, который все дальше отходит от первоначального централизаторского курса и вступает на путь «гласности» и «перестройки». Еще добавилась и тяжелая личная трагедия, пережитая семьей Колбина. Спустя несколько месяцев он был назначен председателем Комитета народного контроля СССР, но и Союзу, и всем его органам оставалось жить совсем недолго.

11

Сыграли ли декабрьские события какую-то роль в трансформации горбачевского политического курса и переходе к полномасштабной либерализации и демократизации – сказать очень трудно. Но я все же думаю, что сыграли.

Когда произошли декабрьские события, и у Горбачева, и у всей советской элиты было четкое ощущение, что «так дальше нельзя» и что «надо что-то менять». Такое же чувство было раньше у Андропова. Но что менять, как менять – никто толком не знал. Само слово «перестройка» отражает это неопределенное чувство. Это – не «демократизация», не «либерализация», не «усиление дисциплины», не «возвращение ленинских норм партийной жизни», не «больше социализма». Это – просто «перестройка», слово, в которое разные люди могли вкладывать разное, даже полярное по сути содержание.

Это разное содержание сводилось в основном к двум моделям перемен. Первая – «возвращение» к советскому прошлому. К Ленину и «железному Феликсу», к честности и преданности старых большевиков, к «революционной дисциплине». Вторая – либерализация, демократизация, внедрение рыночных механизмов и вообще движение скорее к западной модели общества. Эти две модели противоречили друг другу, но присутствовали вместе, в сознании одних и тех же людей. У Андропова (все-таки – КГБ) превалировала первая модель, хотя в какой-то мере присутствовала и вторая. Горбачев по психологии и генезису был другим человеком, чем Андропов, более склонным ко второй модели. Но Горбачев все-таки был «младшим другом» Андропова, и первое время эта, ус-

ловно скажем, «андроповская» модель присутствовала в его сознании и политике очень четко.

Назначение Колбина, которое произошло в начале горбачевского правления, когда курс еще не определился, – акт, вполне укладывающийся в эту модель. И он сразу же вызвал неожиданное, безусловно, непонятное для Горбачева и сильное сопротивление. И привел к совершенно нежелаемым результатам. «Андроповская модель» с самого начала оказалась скомпрометированной.

Кто знает, как повернулись бы события, если бы Горбачеву не пришла в голову идея послать в Казахстан Колбина и он бы, например, остановил свой выбор тоже на «солдате партии», но казахском – Камалиденове или даже на Назарбаеве? Или послал бы Колбина, но алма-атинские студенты не вышли бы на улицу?

В начале горбачевского периода и сам Горбачев, и вся страна стояли как витязь на распутье. Витязь пошел по пути, результаты которого мы знаем. Они – не самые блестящие, но и не самые катастрофические. Но ясно, что алма-атинские события подталкивали именно к тому выбору, который был сделан. Куда могли бы завести другие пути, мы не знаем, можем только предполагать, точнее – гадать. А сослагательного наклонения история, как известно, не терпит.

12

На том пути, который был избран, Казахстан ждала независимость.

За два с половиной года правления Колбина в Казахстане в СССР произошли необратимые перемены. В мае-июне 1989 г. страна, замерев у телевизоров, смотрела трансляции с заседаний Первого съезда народных депутатов. Ни одна даже самая смелая газета не позволяла себе накануне написать и десятой доли того, что говорилось с его трибуны.

С той же трибуны съезда начал рушиться Советский Союз. Прибалтийские депутаты первыми произнесли слово «оккупация» и заявили, что их республики отныне считают себя независимыми. По-новому заговорили с Москвой и казахстанские депутаты. Олжас Сулейменов потребовал окончательного закрытия Семипалатинского испытательного ядерного полигона, а Мухтар Шаханов рассказал о выводах своей комиссии по расследованию декабрьских событий, – собственно, вскоре после этого Колбину и пришлось покинуть Казахстан.

Осенью 1989 г., когда шла очередная обычная сессия Верховного Совета Казахской ССР, вдруг объявили, что начинающееся заседание будет закрытым. Обычно заседания транслировались на монитор, установленный в зале пресс-центра. Когда его устанавливали, то у инженеров что-то не заладилось со звуком, и в конце концов видеосигнал подали с камеры, размещенной напротив трибуны, а звук на отдельную колонку – из системы общей трансляции, той же, которую слышали в своих наушни-

ках депутаты. Именно эти чисто технические детали сыграли в дальнейшем свою роковую роль, по крайне мере для меня.

Когда заседание объявили закрытым, вход посторонних в зал был прекращен и видеотрансляция в пресс-центр отключена. Но – только видео. О том, что звук идет совсем по другому каналу, видимо, забыли.

В общем, когда я вошел в пресс-центр, то застал странную картину: человек 15 местных парламентских журналистов вместе с несколькими сотрудниками парламентской пресс-службы напряженно сидели у потухшего монитора. Все они превратились в слух, ибо звук из зала шел в самом прекрасном качестве.

Председатель Верховного Совета Нурсултан Назарбаев держал совет с депутатами. Он сообщил им, что имел серьезный разговор с Михаилом Горбачевым, который предложил ему занять пост – на выбор: главы правительства или вице-президента СССР. Теперь он уповает на их, депутатов, решение: «Как скажете – так и будет!»

Сказали то, что должны были сказать. Что он нужен своей республике и без него не мыслят ее будущего. Что он ни в коем случае не должен покидать свой народ. И тому подобное. «Что ж, – подытожил Назарбаев. – Раз так, давайте работать вместе».

В тот же день я передал короткое – 11 строк – сообщение в редакцию об увиденном... точнее, об услышанном. Наутро оно стояло на первой полосе. Ни один из 15 журналистов, сидевших тогда в пресс-центре, ничего о закрытом заседании не сообщил.

А наутро следующего дня республиканская «Казахстанская правда» напечатала заявление Назарбаева о моем выдворении из республики.

Спустя почти год Назарбаев сменил гнев на милость, и руководство «Известий» не нашло ничего лучше, как вернуть меня в Казахстан. Вскоре состоялась наша встреча с Назарбаевым. Он примирительно сказал:

« Ладно, ты ничем мне не навредил. Помог даже. Мне ведь лишь повод нужен был для отказа. Вот только Горбачев обиделся...»

В этом эпизоде, невольным участником и «жертвой» которого я стал, можно было увидеть и настоящее, и будущее Союза[68].

Назарбаев не хочет идти в руководство СССР, потому что понимает (если не до конца понимает, то чувствует), что реальная власть уплывает из рук союзного руководства, что Союз обречен.

В феврале 1990 г. Назарбаев становится Председателем Верховного Совета Казахской ССР, а через два месяца – Президентом Казахской ССР. Но он осторожен и не ускоряет процесс. Когда 25 октября 1990 г. Верховный Совет Казахстана принимал «Декларацию о государственном суверенитете Республики Казахстан», Назарбаев, смеясь, говорил журналистам: «А нам эту декларацию можно и не принимать. Мы и так уже независимы – все, кроме нас, объявили суверенитет».

Зная, что дни Союза в любом случае сочтены, Назарбаев даже после Беловежской пущи предпримет усилия, чтобы удержать вместе распада-

ющееся единство. То, что государства Центральной Азии затем вошли в СНГ, – абсолютная заслуга Назарбаева. Собирая в декабре 1991 г. глав пяти государств в Ашхабаде, он почти не надеется на успех. Ислам Каримов брызжет раздражением и о том, чтобы присоединиться к Содружеству, о создании которого объявили Ельцин, Кравчук и Шушкевич, даже слышать не хочет. Назарбаеву удается убедить его. СНГ, о создании которого будет объявлено в апреле 1992 г. в Алма-Ате, без всякого преувеличения, станет выстраданным детищем Назарбаева. А сам он обретет имидж «главного интегратора» постсоветского пространства.

Распад СССР означает не только становление независимого Казахстана, но и продолжение, значительно более быстрыми темпами, того процесса казахизации, который исподволь начался при Кунаеве. Русские и представители других европейских народов стали уезжать. Сейчас казахов уже более 50% населения. В государственном аппарате казахи господствуют полностью.

13

Говоря о многообразных последствиях алма-атинских событий, надо сказать и об их влиянии на казахское самосознание.

К моменту создания СССР и возникновения Казахской ССР казахи исторически не успели не только построить основы государственности, но и ощутить себя единой нацией, преодолеть приоритет родоплеменных интересов над общенациональными.

В казахской истории не так уж много моментов, которые однозначно можно было бы охарактеризовать как события общенационального масштаба, символизировавшие формирование единой нации. Защита от общего врага (например, от джунгарских вторжений в XVIII в.) велась жузами и племенами разобщенно (что напоминает ситуацию с отражением русскими княжествами татаро-монгольских полчищ)[69].

Одна из самых заметных в казахской истории фигур – Аблай-хан, стремившийся, согласно официальной историографии, к объединению жузов и племен и созданию общенациональной казахской государственности. Однако не стоит забывать, что, во-первых, действовал он все-таки от имени и в интересах своего, Старшего жуза, а во-вторых, добиться своего так и не сумел, оказавшись не в силах преодолеть родоплеменной и жузовой разобщенности казахов [70].

Национально-освободительное движение в период колонизации Казахстана Россией также не было единым для всего этноса. Восстание под предводительством Срыма Датова в конце XVIII в. происходило на территории Младшего жуза и не было поддержано в землях других жузов. По сути такая же судьба ожидала и восстание под руководством хана Кенессары Касымова, начавшееся в 1837 г. в землях Среднего жуза[71].

В декабрьских событиях 1986 г. принимали участие, главным образом, представители южного, Старшего жуза, что легко объясняется гео-

графическим положением главного места действия – Алма-Аты. Но эхо декабря прокатилось и по северным, и по восточным областям Казахстана. Кроме того, сама Алма-Ата была столицей республики. Таким образом, декабрьские волнения стали едва ли не самым ярким событием, обозначившим выражение единой воли всего казахского народа, а не конкретного жуза, рода или клана.

Впрочем, истинный характер событий и значение, которое они сыграли в современной казахской истории, – явления весьма разные. Потому что в дальнейшем значение имели не столько сами события в том виде, в котором они произошли на самом деле, сколько то, какими они предстали как для их современников, так и для следующего поколения. Не факты, но миф.

14

Уже в сообщении о декабрьских событиях советская пропаганда стала творить свой миф, говоря об «уголовных элементах», присоединившихся к «националистически настроенной молодежи»[72]. Главной ее задачей было, во-первых, дать однозначно отрицательную характеристику участникам беспорядков, во-вторых, преуменьшить масштабы самого события, продемонстрировать его малозначительность и нетипичность.

Потом уже другая, официальная казахская пропаганда, творила новый миф. Мифотворчество было не просто санкционировано новой властью, оно ею же и создавалось.

«Когда собравшийся на площади народ устремился в город, я понял, что стою перед таким выбором: или я должен решиться на поступок, или спокойно вернуться в здание ЦК. Второе представилось мне непростительной изменой людям – они были правы! Я пошел с ними. В голове колонны»[73], – писал годы спустя глава казахского государства Нурсултан Назарбаев.

Возможно, в какой-то момент глава правительства Казахской ССР и оказался «в голове колонны», но никак не вместе с демонстрантами. Возможно, он шел среди них – с другими членами ЦК, и, как следует из заключения комиссии Шаханова, *«вел разъяснительную работу, уговаривал их* (демонстрантов, разумеется. – *В.А.*) *разойтись»*[74]. Если бы Назарбаев возглавлял колонну протестующих, его, члена бюро ЦК и председателя Совмина, потом бы вместе с ними «разгоняли», били саперными лопатками, травили собаками и поливали водой из пожарных брандспойтов на декабрьском морозе. Но с ним ничего такого не произошло. Да и для того, чтобы представить непосредственное участие партийно-советского руководителя в беспорядках на площади, надо обладать чрезвычайно богатой фантазией.

Сам Назарбаев в другое время давал совсем другие оценки происшедшему. *«Не случайно же экстремистски настроенные молодчики смогли в декабре прошлого года увлечь за собой социально нездоровую часть студенческой молодежи, не знающей жизни, не имеющей ни иммунитета к провокационным слухам и лозунгам, ни трудовой закалки»*[75].

Но главным мифотворцем декабря стал, конечно, не Назарбаев, а поэт Мухтар Шаханов, в конце 80-х гг. возглавивший комиссию по расследованию причин и обстоятельств событий. Выше я уже указывал на то, что деятельность комиссии М. Шаханова была отнюдь не беспристрастной. Однако если в ходе расследования и непосредственно после его завершения еще удавалось сохранить подобие объективности, то спустя несколько лет Шаханов уже не скупится на краски, описывая непомерную жестокость тех, кто подавлял патриотов и борцов с тоталитарным режимом.

«16 декабря 1986 года в Алма-Ате на площадь имени Брежнева вышла казахская молодежь. Это был всплеск невиданного масштаба против тоталитарной системы Страны Советов. Опасаясь возможной эпидемии демократического гриппа, КГБ совместно с МВД секретно разработало операцию по подавлению демонстраций «Метель» <...> Впервые в стране на мирную демонстрацию, половину участников которой составляли девушки, подняли саперные лопатки, пустили служебных собак. В тот день никого не жалели, даже раненных девчонок, их таскали по снегу и, как поленья, швыряли в кузова грузовиков. Без санкции прокурора, без суда и следствия задержанных демонстрантов бросили в тюрьмы, а тех, кому не досталось места, вывезли на пятьдесят километров за город и в двадцатиградусный мороз, сняв с них одежду и обувь, избив и наиздевавшись, измученных оставили на снегу. Против демонстрантов действовал отряд специального назначения, парни с садистскими наклонностями, когда-то тщательно отобранные из числа озлобленных сирот, выросшие в детских домах страны и прошедшие подготовку по секретной программе. Они были как взбесившиеся волки, превзошедшие в своей жестокости даже фашистов»[76].

После того как выводы комиссии М. Шаханова были подтверждены сперва казахстанским парламентом, затем и союзными органами власти (было даже отменено то самое постановление ЦК КПСС с выводами «о казахском национализме», против которых, собственно, и боролся Шаханов), мифотворчество встало уже на индустриальную основу. Декабрьские события легли в идеологический фундамент построения современной казахской государственности.

«Каждый год 16–17 декабря люди выходят на площадь Республики в Алма-Ате, чтобы также почтить память жертв декабрьских событий 1986 года. На эту площадь 16 лет назад вышли тысячи студентов, не согласных с политикой тоталитарного режима. Именно эти события дали толчок к возникновению волны недовольства, прокатившейся по Союзу: в Тбилиси, Баку, Риге, Кишиневе. Декабрьские события 1986 года были предзнаменова-

нием перемен в республике, итогом чего через пять лет стало принятие закона о независимости Казахстана»[77].

В память об этих событиях на площади Республики (бывшей площади Брежнева) установлен внушительный монумент, к которому высокие иностранные гости возлагают цветы, а в дни государственных праздников возле него устраиваются торжественные мероприятия. Алма-атинские события отмечают и в новой столице Казахстана – Астане. Вот как, к примеру, описывают официальные казахстанские СМИ одно из таких торжеств, имевшее место в декабре 2001 г. – накануне празднования первого юбилея независимости:

«Сегодня, 14 декабря, в рамках празднования 10-летия независимости Казахстана, Астана отмечает День патриота. Об этом KZ-today сообщили в пресс-центре по освещению итоговых мероприятий, посвященных празднованию 10-летия независимости РК. <...>

В Евразийском университете им. Л. Гумилева состоялось открытие выставки «Декабрьские события 1986 года в Алматы», 15-летие которых отмечается в эти дни. На выставке представлены свыше 250 экспонатов – подлинные документальные материалы, фотографии и произведения искусства, воспроизводящие реальные события тех трагических дней.

В развлекательном комплексе «Синема-Сити» прошла презентация документально-публицистического фильма «Аллажар», в котором рассказывается о событиях, произошедших в Алма-Ате 16 декабря 1986 года»[78].

Мухтар Шаханов после 1986 г. почти все свое последующее поэтическое и публицистическое творчество посвятил декабрьским событиям. И далеко не он один. Известный казахский писатель Дукебай Досжан написал роман-хронику «Площадь», а режиссер документального кино Калила Умаров снял посвященный ему (Д. Досжану) фильм «Путь Дукебая», который критика оценила как *«благодарность потомков за культурный дар, который Дукебай Досжан пронес через запреты Советской власти, когда запросто могли обвинить в национализме <...> Благодарность за то, что писательский талант и гражданский долг донесли до простых людей правду о декабрьских событиях 1986 года в Алма-Ате и о трагической гибели в милицейских застенках сына казахского народа Кайрата Рыскулбекова»*[79].

Стихи, поэмы, романы, фильмы, произведения живописцев и скульпторов, посвященные декабрю 1986 г., продолжают создаваться в Казахстане каждый год, – похоже, тема этих событий стала поистине неиссякаемым источником для национальных мастеров культуры. Несмотря на обилие жанров, авторов и названий, угол зрения художников остается выверенным, как по транспортиру: всегда преувеличенное описание жестокости, с которой подавлялись волнения, образы участников беспорядков подняты до эпических. Национальными героями стали и погибший в тюремной камере Кайрат Рыскулбеков, и безымянные девушки, которых (этот образ повторяется во многих произведениях – и

живописных, и кинематографических) злодеи-милиционеры за косы волокли по снегу.

Об инженере Савицком, которого толпа растерзала на площади, и о безымянном же русском мальчишке, зарезанном в каком-то автобусе, давно никто не вспоминает.

Когда мы видим очевидное мифотворчество, есть опасность пойти в другую крайность. Но как ни примазываются сейчас к декабрю, как ни спекулируют им, это было действительно громадное событие и в истории Казахстана, и в истории СССР. Я постарался рассказать о нем, как его узнал и как я его понимаю.

А в заключение хочу сказать об одном неожиданном и странном следствии декабрьских событий.

15

После распада Союза Казахстан разделил с Россией когда-то совместно нажитое имущество. Казахстану отошли возделанные в советское время целинные гектары, построенные в период всеобщей индустриализации заводы и отрезок Транссиба, проходящий по его территории. Достояние человечества – космодром Байконур – передан в аренду России на несколько десятилетий. Россия даже вернула Казахстану угнанные с военных аэродромов, оставшихся на его территории, в смутном и непонятном 1992 г. десятка два штурмовиков-истребителей. И лишь одна исконно казахстанская принадлежность, да что там – реликвия! – в Казахстан так и не вернулась. Это – ни больше, ни меньше – голова последнего казахского хана Кенессары Касымова. В прямом, а не в переносном смысле.

Журналист газеты «Экспресс-К», расследовавший эту историю[80], ссылается на докладную записку председателя КГБ СССР Виктора Чебрикова, хранящуюся в Архиве президента России. Документ зарегистрирован под номером 119-к с грифом «Совершенно секретно». Его, как утверждает газета, цитировали журналист Леонид Млечин и историк Дмитрий Волкогонов.

«...Ввиду проявления националистических настроений, спровоцированных реакционерами в студенческой среде, представляется необходимой разработка комплекса мер, ведущих к централизации и упорядочению взаимодействия руководства ЦК КПСС и республиканских руководителей <...> В противовес применению силовых методов рекомендуем Политбюро и Центральному Комитету партии рассмотреть проект программы, популяризующей в агрессивно настроенной молодежной среде истинно советские ценности и идеалы...»

Один из пунктов «программы» якобы гласит: *«Запретить запланированную передачу республиканским министерствам и ведомствам исторических и культурных ценностей досоветской эпохи; ряд экспонатов <...>, теоретически способных подтолкнуть рост «национального самосознания»,*

засекретить и передать из хранилищ общедоступных музейных фондов в ведение Научно-исследовательского института происхождения человека при РАМН СССР».

Автор статьи приводит исчерпывающие доказательства того, что среди экспонатов, «теоретически способных подтолкнуть рост «национального самосознания», была и голова хана Кенессары, захваченная российскими войсками в качестве военного трофея еще в XIX в., заспиртованная и помещенная в Кунсткамеру.

Совершенно непостижимым образом декабрьские события помешали голове мятежного хана вернуться в родную землю. В КГБ СССР и ЦК КПСС опасались, что любое напоминание народу о страницах его собственной истории, особенно связанных с борьбой за независимость, может стать катализатором, ускорителем тех процессов, что выплеснулись в декабре 1986 г. на заснеженную площади имени Брежнева в Алма-Ате. Но и тут просчитались: с того самого декабря процесс уже пошел, страна вступила в новый этап своей истории, который неизбежно вел и к «росту национального самосознания», и к развалу СССР, и к крушению самой мощной в мире тоталитарной системы.

А голова легендарного хана, судя по всему, так и осталась в России. Но это теперь мало что меняет – ведь Казахстан уже второй десяток лет строит и пишет свою новую историю. С новыми легендами и новыми героями.

Примечания

[1] Вспомнить хотя бы знаменитое сообщение о подбитом советскими перехватчиками южнокорейском «Боинге», который никак «не отвечал на сигналы» и почему-то вдруг «ушел в сторону моря». Или долгое глухое молчание об аварии на Чернобыльской АЭС, завершившееся выплеском малой толики правды о страшнейшей техногенной катастрофе во всей истории человечества.

[2] См.: История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001. С. 380.

[3] «Пламенный революционер» (партийная кличка «Филипп»), один из организаторов убийства царской семьи.

[4] В секретной директиве Лаврентия Берии необходимость такой акции объяснялась тем, что японские шпионы легко скрывались среди физически похожих на них советских корейцев.

[5] По другой, альтернативной версии, до которой докопался чимкентский историк Владимир Водолазский, дружеская связь двух будущих партийных вождей возникла в годы войны, когда семья Брежнева была эвакуирована в Казахстан и получила кров в доме кунаевских родственников.

[6] В чем-то Кунаев копировал своего покровителя, причем иной раз до смешного точно. Скажем, Брежнев назначил министром гражданской авиации своего бывшего личного пилота Бориса Бугаева. И не только назначил, но и награждал

подобно себе: генсек был четырежды Героем Социалистического Труда, Бугаев – трижды. А главой Казахского управления гражданской авиации стал Николай Кузнецов, бывший личный пилот Кунаева. И – дважды Герой (сам Кунаев имел три золотые звездочки).

[7] Вот как вспоминал об этом инциденте один из ярких представителей казахской интеллигенции – журналист и писатель Шерхан Муртаза: «Весной 1961 года в казарме военного лагеря на территории Акмолинского края состоялось большое республиканское собрание. Участие в нем принял Никита Хрущев. Также приехали Динмухаммед Кунаев и тогдашний глава Правительства Жумабек Ташенов. ... Я лично присутствовал на этом собрании в качестве корреспондента газеты «Социалистік Казакстан» ... Кунаев в те годы занимал пост первого секретаря ЦК Компартии Казахстана. На собрании он выступал с докладом. Хрущев грубо и бесцеремонно прервал выступление, не дав возможности завершить его. Объем посевных работ того года был ниже, чем в предыдущие. И Кунаев говорил о том, что план на данный год выполнить не удалось. Хрущев, ударив кулаком по столу, не дал ему договорить. Не давая никому сказать ни слова, Хрущев обрушился на Кунаева. Чего он только не высказал! Как раз в тот момент Шевченко, помощник Хрущева, без разрешения сел в самолет Ташенова, находившийся в аэропорту, и вылетел в Павлодар. Узнав об этом, Ташенов по рации связался с самолетом и вернул его обратно. А на другой день он был смещен с поста председателя Совета министров республики. Через некоторое время со своей должности был снят также Кунаев. Вместо него на пост вступил Исмаил Юсупов. ... Так именно в те годы три района на юге Казахстана были переданы Узбекистану. Такая же участь затем постигла Бостандыкский район. Впоследствии Кунаев вернулся к руководству республикой, и три района были возвращены Казахстану. Однако в распоряжении соседней республики остались большие территории, весьма пригодные для пастбищного скотоводства. Бостандыкский район вернуть не удалось. Таким образом, из-за произвола советских вождей Казахстан был приведен чуть ли не к стадии расчленения...» – Интервью Шерхана Муртазы. Информационное агентство «Казинформ», 27 января 2004 г.

[8] Соперничали во всем, и всегда Рашидов одерживал верх. И в том, как умел принимать гостей из Москвы. И в том, какие подарки ухитрялся возить в Москву. И в том, какие деньги «выбивал» на строительство особо важных гособъектов в своей столице. В Алма-Ате тоже строили – и новое здание ЦК (старое, первая половина которого была возведена еще пленными японцами, Кунаев отдал Верховному Совету и правительству), и ультрасовременную спецбольницу, и гостиницу ЦК «Достык» («Дружба»), и правительственные резиденции одну за другой, но угнаться за Ташкентом все равно не получалось. Следом за Узбекистаном начали строить и огромное здание музея Ленина, хотя было ясно, что вряд ли будет там хотя бы один оригинальный экспонат – как и в Ташкенте. Достроить не успели. Назарбаев достроит, уже в 90-е гг., под свою президентскую резиденцию.

[9] Автор побывал на том месте, где прежде располагался погранотряд, в котором служил Черненко. Мемориальной доски не обнаружил. Может, потому, что в ветхом деревянном двухэтажном здании бывшей казармы давно разместилась психиатрическая больница?

[10] «Правда», 16 июля 1987.

[11] *Кунаев Д.А.* О моем времени. – Цит. по: http://b-m.narod.ru/11_77/5.htm

[12] Так у автора. Правильно будет «Камалиденов».

[13] *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. М.: Изд. «Ветеран МП», 1995. – Источник: http://www.nomad.su/?a=15-200212110022

[14] «Настоящий карьерный взлет Назарбаев пережил, когда в середине 70-х годов Караганду посетил тогдашний первый секретарь Компартии Казахстана Динмухамед Ахмедович Кунаев. Ему запомнился молодой, активный партийный казах, выступивший с яркой, убедительной речью... Нарушив все неписаные законы партийной иерархии, Назарбаев перепрыгнул сразу через несколько ступеней... Но он понравился Кунаеву, и этим все сказано». – *Бричкина Лиза.* Откровенное ханство // Профиль, 6 дек. 1999.

[15] Например, на одном из заповедных коль-сайских озер, каскадом спускавшихся с вершин Ала-Тау, у Аскара Кунаева был оборудован искусственный остров, куда он наведывался «отдохнуть» – гульнуть с приятелями, половить рыбки... Правда, рыбка в этих сказочно красивых местах никогда не водилась – ледниковая вода в озерах слишком холодна. Специально для главы Академии в Коль-Сае, затратив немало средств, развели радужную чешскую форель.

[16] Горбачев в своих мемуарах сообщает ту же версию. Мемуары вышли уже после книги Назарбаева. Надо сказать, что и Горбачеву, и Назарбаеву было совершенно одинаково выгодно вспомнить именно такую версию, а человеческая память устроена так, что люди часто вспоминают то, что хотят.

[17] *Назарбаев Н.А.* (лит. запись А. Житнухина). Без правых и левых. М.: Молодая гвардия, 1991. Цит. по: http://b-m.narod.ru/11_77/5.htm

[18] См.: *Кунаев Д.А.* О моем времени. – Источник: http://b-m.narod.ru/11_77/5.htm.

[19] Назарбаев Н.А. Без правых и левых. – Источник: http://b-m.narod.ru/11_77/5.htm

[20] Там же.

[21] Источник: Интернет-сайт Книга-хроника «Алма-Ата 1986 декабрь». – www.jeltoksan.narod.ru.

[22] *Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. – Источник: http://www.nomad.su/?a=15-200212110022.

[23] Здесь и далее материалы из заключения комиссии цитируются по тексту, опубликованному на интернет-сайте Книга-хроника «Алма-Ата. 1986. Декабрь» – www.jeltoksan.narod.ru.

[24] *Мурсалиев А.* В декабре на площади Брежнева // Комсомольская правда, 2 сент. 1990.

[25] *Савицкая Н.* ...Разбавьте грязью // Бирлесу, 27 сент., 5, 18 окт. 1990.

[26] В другом институте – КазгосженПИ (был в Алма-Ате вуз с таким смешным названием – Казахский государственный женский педагогический институт, он создавался как вуз, нацеленный на вовлечение девушек-казашек, в основном из сельской местности, в общественную жизнь) рассказывали, что приходили парни-казахи и вынуждали девушек идти на площадь.

[27] См.: *Журавель В.П.* Так все начиналось (К 15-летию декабрьских событий в г. Алма-Ата) // Право и безопасность, № 1, 2001.

[28] В 1986 г. М.С. Мукашев –Председатель Президиума Верховного Совета

Казахской ССР, М.С. Мендыбаев – первый секретарь Алма-Атинского обкома компартии Казахстана.

[29] Городок Казахского государственного университета в северной части города *(прим. авт.)*.

[30] Е.Н. Ауельбеков – в 1986 г. первый секретарь Кзыл-Ординского обкома компартии Казахстана. Наряду с Н.А. Назарбаевым и З.К. Камалиденовым рассматривался в Казахстане как один из вероятных претендентов на пост первого секретаря ЦК компартии республики.

[31] *Шапорев Ю.* Метель на площади // Огни Алатау, 4 окт. 1990.

[32] См.: Там же.

[33] См.: *Мурсалиев А.* В декабре на площади Брежнева // Комсомольская правда, 2 сент. 1990.

[34] *Журавель В.П.* Так все начиналось (К 15-летию декабрьских событий в г. Алма-Ата) // Право и безопасность, № 1, 2001.

[35] Алма-Атинское высшее командное пограничное училище.

[36] В 1986 г. Г.М. Елемисов – прокурор Казахской ССР, Э.О. Басаров – первый заместитель министра внутренних дел Казахской ССР.

[37] Управление пожарной охраны .

[38] *Мурсалиев А.* В декабре на площади Брежнева // Комсомольская правда, 2 сент. 1990.

[39] *Шапорев Ю.* Метель на площади // Огни Алатау, 4 окт. 1990.

[40] *Журавель В.П.* Так все начиналось (К 15-летию декабрьских событий в г. Алма-Ата) // Право и безопасность, № 1, 2001.

[41] *Шапорев Ю.* Метель на площади // Огни Алатау, 4 окт. 1990.

[42] *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. – Источник: http://www.nomad.su/?a=15-200212110022

[43] *Мурсалиев А.* В декабре на площади Брежнева // Комсомольская правда, 2 сент. 1990.

[44] *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. – Источник: http://www.nomad.su/?a=15-200212110022

[45] Там же.

[46] См.: *Мурсалиев А.* В декабре на площади Брежнева // Комсомольская правда, 2 сент. 1990.

[47] В советском словоупотреблении термин «национализм» был безоговорочно ругательным. В общепринятом, не советском словоупотреблении само словосочетание «обвинение в национализме, выдвинутое против целого народа» звучит абсурдом: в чем обвинять?

[48] Однажды он собрал журналистов на пресс-конференцию и объявил, что нашел тайное захоронение жертв событий. На отдаленном участке городского кладбища отыскали странный участок: вместо памятников таблички с непонятными номерами, в могилах (уж не знаю, как им удалось их вскрыть) – человеческие останки без гробов, в черепах одинаковые отверстия, похожие на пулевые. Всего 58 таких захоронений.

Жуткая находка. Хотя с самого начала все не очень-то вязалось: судя по «возрасту» трупов, захоронено большинство из них было намного раньше 1986 года, да и при чем тут дырки в черепах?

– Вы не понимаете – их просто добивали! – горячился Шаханов, когда мы с коллегами высказывали ему эти сомнения. – Привозили в отделение, избивали, а потом, чтобы не оставлять следов, пристреливали!

– Но родные, близкие – неужели так никто и не попытался отыскать пропавших?

– Да родных просто запугали! – жестикулировал Мухтар.

В общем, история вышла шумная. И местная пресса написала, и запросы пошли – в Верховный Совет, в правительство, в прокуратуру... Прокуратура и вынуждена была, в конце концов, раскрыть государственную тайну: на обнаруженном Шахановым участке городского кладбища с давних времен хоронили тех, кто был расстрелян по приговору суда. Как известно, советские законы не позволяли не только выдать родственникам тело казненного, но и само место его погребения им не сообщали – оно держалось в строжайшей тайне.

[49] В.П. Демиденко – в разные годы первый секретарь Северо-Казахстанского и Кустанайского обкомов компартии Казахстана; Н.Е. Морозов – в разные годы первый секретарь Семипалатинского и Целиноградского обкомов компартии Казахстана.

[50] *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. – Источник: http://www.nomad.su/?a=15-200212110022

[51] Там же.

[52] *Шапорев Ю.* Метель на площади // Огни Алатау, 4 окт. 1990.

[53] Бобков Ф.Д. КГБ и власть. Источник: http://www.nomad.su/?a=15-200212110022

[54] К слову, Динмухамед Кунаев спокойно дожил свой век в Алма-Ате. Он создал свой фонд, занимался благотворительностью. И никто даже не попытался подступиться к нему с какими-либо вопросами о коррупции и злоупотреблениях.

[55] «Правда бессмертна». Хаджимурат Кожаназаров и Айгуль Матаева. Интервью с К. Асаном // «СолDAT», №10 (93) 27 марта 2003.

[56] «Кому выгодно» *(лат.)*.

[57] *Шапорев Ю.* Метель на площади // Огни Алатау, 4 окт. 1990.

[58] Пару лет спустя проходили выборы в народные депутаты СССР, и он баллотировался по одному Алма-Атинскому округу. Его соперником был бригадир строителей Кайырлы Шопанаев. Видимо, неспроста получилось так, что у Шопанаева оказалась мощная поддержка со стороны прессы, – в том числе, как тогда говорили, центральной. Корреспондент Казахского государственного телевидения Яков Дворкин, работавший одновременно и на телеканал «Останкино», в своих репортажах откровенно лоббировал бригадира строителей.

Сулейменов боролся. Он даже сумел добиться, что на какое-то время Дворкина отлучили от канала «Останкино», однако время было упущено, и предварительные опросы показывали, что симпатии избирателей в округе склоняются в пользу Шопанаева. И тогда Олжас придумал гениальный ход: он решил снять свою кандидатуру в Алма-Ате и – буквально в последний день – выдвинуться в Семипалатинской области, в округе, куда входил Абайский район, где размещался известный полигон для испытаний ядерного оружия. Накануне он поделился своим планом со мной.

– Вот если я созову на площадь молодежь и призову ее объединиться в антиядерное движение – ну, скажем, под названием «Невада – Семипалатинск», или что-то в этом духе. Объявлю общественный поход за прекращение взрывов и в Семипалатинске, и в Неваде, вообще – за закрытие полигона! Как ты думаешь, сработает?

– Не знаю, попробуй. Цель-то благая. Вот только удастся ли чего-то добиться? Полигон-то очень важен для военно-промышленного комплекса, так просто его не закроют, – высказал я осторожное сомнение.

– Получится – не получится... Главное начать! – «рубанул» Олжас.

И начал. Буквально через три дня у здания Союза писателей Казахстана шумел большой митинг. Олжас выступал с высокого крыльца и гремел своим громоподобным гласом о том, что «ВПК ведет необъявленную ядерную войну против собственного народа, проводя испытания атомных бомб в казахской степи, рядом с родиной знаменитого Абая, уничтожая и уродуя генофонд казахской нации». Толпа отвечала дружным ревом, заводясь все больше.

Это, как я позже понял, была генеральная репетиция. Следующие митинги гремели уже в Семипалатинской области, куда Олжас всегда привозил из Алма-Аты «группу поддержки» из нескольких десятков шумных молодых людей. В результате он не только был избран народным депутатом СССР, но и спустя некоторое время движению «Невада – Семипалатинск» удалось добиться сначала прекращения взрывов, а потом и полного закрытия полигона.

[59] Сам Статенин утверждал, что впал в немилость после того, как сообщил «наверх» данные о расходах из партийной кассы, которые Колбин потратил на собственное обустройство в Алма-Ате.

«В середине января 1987 года я сказал (Колбину Г.В. – В.А.), что за ремонт и переделки в его новой квартире по улице Тулебаева израсходовано на выполнение его указаний более 33 тысяч рублей, а за перевоз домашних вещей из Ульяновска в Алма-Ату, его и дочери, всего 319 мест на отдельном самолете ИЛ-76Т, предъявлено 29 700 рублей, да за перевозку его супруги из Ульяновска в Алма-Ату также отдельным самолетом вне рейса без пассажиров, только ее с двумя собачками полагается заплатить государству еще 7 700 рублей. Он тогда мне заявил, что ему все это разрешил секретарь ЦК КПСС Лигачев Е.К. Между тем с меня требовали платежи за оказанные Колбину услуги, а денег на эти цели по смете не было. Я вынужден был обратиться в финорганы ЦК КПСС с просьбой профинансировать указанные разрешения т. Лигачева Е.К. Узнав об этих моих звонках, Колбин пришел в ярость и решил разделаться со мной, использовав подвернувшееся донесение о югославской мебели», – пишет бывший управляющий делами ЦК КП Казахстана А.Г. Статенин. Бывший председатель КГБ Казахской ССР В.М. Мирошник сказал, что материалы по югославской мебели «были 1982 года. Их подняли в 1987 году из конъюнктурно-политических соображений»». См.: Шапорев Ю. Колбин. Штрихи к политическому портрету // Огни Алатау, 28 нояб. 1990.

Со Статениным Колбин разделался «от души». Из неволи он вышел досрочно, но когда еще был под следствием, супруга Августа Хрисанфовна, врач-рентгенолог, женщина строгая, совестливая, из семьи староверов, – не вынесла позора и повесилась в кухне на пояске от домашнего халата, наброшенном на двер-

ную ручку... Сам Андрей Григорьевич пережил два тяжелых сердечных приступа – один в следственном изоляторе, когда узнал о самоубийстве жены, второй – в зоне.

[60] *Бричкина Лиза.* Откровенное ханство // Профиль, 6 дек. 1999.

[61] Эксперты «Международного творческого центра» («Центр Кургиняна») пишут: «...в стране происходили террористические акции, которые, в силу их высокой конструированности и нацеленности на решение задач передела государственной власти, вполне правомочно назвать политическим терроризмом. Первым таким событием на территории СССР, видимо, являлась Алма-Ата декабря 1986 года, когда разогретая националистическими лозунгами, преимущественно студенческая, казахская молодежь была соединена с криминалитетом в массовых погромных «акциях протеста» против назначения русского – Г. Колбина – на пост первого секретаря ЦК компартии Казахстана. По экспертным данным, в подготовке этой акции, наряду с некоторыми казахстанскими государственными чиновниками и местными национал-радикалами (партия «Алаш» и др.), участвовали спецслужбы Турции». – *Кургинян С., Бялый Ю., Подкопаева М.* Терроризм как глобальная угроза и как инструмент мировой политики. Стенограмма заседания клуба «Содержательное единство». – Центр Кургиняна, 25 апреля 1996 года. – http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=41&id=115

Полемизировать с такими утверждениями вряд ли стоит. Отмечу лишь, что небольшая националистическая группа, присвоившая себе название партии «Алаш», возникла значительно позже декабрьских событий и, по данным самих руководителей этой группы, численность ее составляла 50–70 человек в городе Алма-Ате, причем эту цифру лидеры других родственных партий считают изрядно завышенной. Спецслужбы Турции – полностью на совести экспертов.

[62] *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. – Источник:
http://www.nomad.su/?a=15-200212110022

[63] С начала 90-х гг. он стал именовать себя Хасен Кожа-Ахмет.

[64] В конце 80-х – начале 90-х гг. оно было одним из наиболее активных и популярных в Казахстане политических движений. Однажды на Новой площади (так после 1991 г. именовали площадь имени Брежнева) прошел большой митинг, посвященный, кажется, пятилетию декабрьских событий. Всех удивило, что на трибуну вышел президент. Шел снег, и телохранитель держал над Назарбаевым большой синий зонт с логотипом «British Gas» (западные компании тогда откровенно боролись за сферы влияния на казахстанском нефтегазовом рынке), что вызвало мгновенное оживление среди иностранных корреспондентов, стоявших в сторонке. Назарбаев говорил о святой для Казахстана идее независимости и о тех, кто не пожалел себя, отстаивая эту идею. Закончил бодрым заявлением: «Я всегда был с вами!» Хасен, подошедший после митинга к нам, журналистам, с кривой улыбкой обронил: «Кажется, плодами нашей борьбы уже успели воспользоваться другие...»

[65] Среди подвергшихся гонениям была и преподаватель института иностранных языков Бахыт Садыкова. Незадолго до декабря ее угораздило выступить с резкой критикой руководителей своего вуза, погрязших в коррупции. С нею «рассчитались», обвинив в причастности к декабрьским событиям. Разобрались и восстановили на работе почти год спустя – после публикации статьи в «Известиях».

[66] Колбин вообще не церемонился с журналистами. Редактор студенческого еженедельника «Горизонт» Вячеслав Столяров, которого незадолго до этого специально пригласили из Москвы для создания этой газеты, был уволен за публикацию интервью с опальным тогда Борисом Ельциным.

[67] Источник: *Шапорев Ю.* Колбин. Штрихи к политическому портрету // Огни Алатау, 28 нояб. 1990.

[68] Вот как вспоминал о предложении Горбачева сам Назарбаев – 12 лет спустя: *«...Я сказал Михаилу Сергеевичу, что должен посоветоваться у себя дома. И должен объехать все республики... И вы мне развяжете руки в вопросах экономики. Горбачев спросил: «А я чем буду заниматься?» – «Вы будете заниматься политикой, внешней политикой. Мы будем все вам докладывать, договариваться». Я думаю, что он сильно задумался после этого...»* – «Назарбаев: власть во благо народа или во благо себе – в этом вся разница». Интервью журналу «Эхо планеты», №4, 18–24 января 2002 г. – Источник: http://www.president.kz/articles/state/state_container.asp?lng=ru&art=echo1801

[69] Ряд казахских историков сегодня, к примеру, склонны рассматривать дипломатический марш-бросок Абулхаир-хана под защиту Российской империи как предательство интересов Старшего жуза, чья территория в конце первой четверти XVIII в. была оккупирована джунгарами. См., к примеру: *Ташмухамедова Г.К.* Идея борьбы за независимость в Республике Казахстан: ее исторические аспекты, генезис, трансформация, проблемы и перспективы развития. Источник: http://www.history.kz/public/gulshat2003.htm. Автор пишет: *«Еще во время военных кампаний 1725–1726 гг. можно было покончить с джунгарской угрозой, если бы Абулхаир не покинул поле битвы и не ушел на северо-запад, где и принял русское подданство»*. А также: *«После смерти Абулхаир был обожествлен казахами Младшего жуза, а его могила стала объектом паломничества и мистического поклонения кочевников»*. В другом источнике, использующем официальные учебники казахской истории (сайт «История Республики Казахстан»: http://kazakhstan.awd.kz/glava/g12.html), прямо указывается: *«Очевидно, Абулхаир стремился к установлению неограниченной монархии у казахов, и поскольку он не нашел (и не мог найти) поддержки у большинства казахских родов, решил использовать внешнюю силу – Российскую империю»*.

[70] *Ташмухамедова Г.К.* Идея борьбы за независимость в Республике Казахстан: ее исторические аспекты, генезис, трансформация, проблемы и перспективы развития. – Источник: http://www.history.kz/public/gulshat2003.htm

[71] Там же. А также сайт «История Республики Казахстан»: http://kazakhstan.awd.kz/glava/g12.html.

[72] См.: Сообщение из Алма-Аты // ТАСС, 18 дек. 1987.

[73] *Назарбаев Н.А.* Без правых и левых. – Цит. по: *Свиридов А.* Украденный декабрь // «СолDAT», 17 дек. 2002.

[74] См. заключение комиссии по расследованию обстоятельств и причин событий 17–18 декабря 1986 г. – Источник: Интернет-сайт Книга-хроника «Алма-Ата. 1986, декабрь». – www.jeltoksan.narod.ru.

[75] Журнал «Дружба народов», № 9, 1987. – Источник: http://eurasia.org.ru/archive/forum/messages1/008744.html

[76] *Шаханов М.* Заблуждение цивилизации. – Цит. по: Кровавое воскресенье:

агония власти. Доклад Бермет Букашевой на Народном курултае 17 апреля 2002 года // Эркин Туркменистан («Объединенный Туркменистан»). – Источник: официальный интернет-сайт Объединенной оппозиции Туркменистана: http://www.erkin.net/chronicle/bloodsunday.html.

[77] Это фрагмент сообщения «Новостей Содружества» телеканала «Мир» от 16 декабря 2002 г. о праздновании 11-й годовщины казахстанской независимости. – Источник: http://www.mirtv.ru/news/5/851_1.htm.

[78] В Астане проходят праздничные мероприятия, посвященные Дню патриота // Kazakhstan today, 14 дек. 2001. – Источник: http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=10992.

[79] *Тушкина Галия,* кинокритик. Правдивый путь Дукебая // Новое поколение, № 29 (269), 25 июля 2003. – Источник: http://www.np.kz/2003/29/cultura1.html.

[80] *Доронин Андрей.* Вернуть голову будет непросто, даже зная, где она находится // Экспресс-К, № 2 (15409), 8 янв. 2003.

Дмитрий Фурман

ПОСТСОВЕТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ КАЗАХСТАНА

1

Цель настоящей статьи – показать логику развития и функционирования политического режима постсоветского Казахстана. При этом я буду стараться сравнивать казахстанский режим с российским.

Стартовые условия постсоветского развития во всех республиках бывшего СССР были очень схожи, а формальная институциональная структура и идеология были просто едиными на всем пространстве СССР. Схожи или просто тождественны были и формально заявленные лидерами образовавшихся в результате распада СССР новых независимых государств цели – построение демократических обществ с рыночной экономикой. Соответственно схожи были и проблемы, стоявшие перед новыми государствами. Тем не менее различия путей их политического развития и возникших в них политических систем – очень велики.

Тождество или почти тождество формальных стартовых условий и различие результатов облегчают и предполагают сравнение политической эволюции наших стран. Такое сравнение позволяет выявить общие закономерности постсоветского развития, «нащупать» факторы, модифицирующие эти закономерности (начиная от наиболее глубоких и прочных, связанных с глубокими культурными различиями, которые стали проявляться при исчезновении принудительной советской унификации, и с географическим положением, и кончая чисто случайными обстоятельствами), и те переломные моменты, в которые под влиянием этих факторов развитие разных стран пошло по разному пути. При этом в ряде стран, несмотря на изначальное формальное тождество институтов, дивергенция началась так рано и зашла так далеко, что их политическое развитие и современные политические системы почти несопоставимы. Например, сравнение политической эволюции и сложившихся политических систем Эстонии и Туркмении, можно сказать, «не интересно», ибо уж слишком много между ними различий. Сравнивать их – почти то же самое, что сравнивать политические системы США и Саудовской Аравии. Значительно интереснее сравнение таких стран, как Казахстан и Россия, чьи политические эволюции и сложившиеся системы схожи.

Мы можем классифицировать все постсоветские государства по важнейшему политическому признаку, основному признаку демократичес-

кой системы – возможна ли в них ротация власти, может ли в них оппозиция мирно и законно, в рамках конституции победить на выборах и возглавить правительство. Исходя из этого критерия, мы можем выделить три группы постсоветских стран.

Во-первых, это группа стран, которые с самого начала пошли по пути демократии, в которых установленные конституциями «правила игры» неизменны, а победители и побежденные в этой «игре», напротив, могут быть разными. В этих странах на протяжении постсоветского периода власть уже несколько раз переходила из рук в руки путем выборов. Это три балтийские страны – Эстония, Латвия и Литва и Молдова.

Во-вторых, это ряд стран, которые можно отнести к переходной группе. В некоторых из них смена власти происходила, но не демократическим путем, а путем вооруженных переворотов, и лишь затем результаты этих переворотов легитимировались выборами. Это – Азербайджан, Грузия, Таджикистан. В значительной мере к этой же группе можно отнести и Армению, где переход власти от Л. Тер-Петросяна к Р. Кочаряну произошел фактически в результате военного переворота. В других странах, принадлежащих к этой группе, смена власти произошла демократическим путем, но только один раз (Украина и Белоруссия). Во всех этих странах правители пытаются выстроить систему, исключающую дальнейшую ротацию власти. Но успех этих попыток – очень разный. Так в Белоруссии Лукашенко смог создать жесткую систему, эффективно блокирующую дальнейшие ротации. Украина и Грузия, напротив, в обозримом будущем могут перейти в группу стран, где ротация власти – норма.

Наконец, третья группа стран – страны, которые с самого начала пошли по пути строительства политических систем с «безальтернативными президентами». Это – страны, в которых на протяжении всего постсоветского периода ротации власти вообще не было и у власти и сейчас – тот же человек, который руководил страной в момент провозглашения независимости (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркмения) или назначенный им преемник (Россия). При этом конституции в этих странах менялись, и в Казахстане, например, президент Назарбаев остается главой государства при трех разных конституциях. В этих странах меняются не победители и побежденные при неизменных правилах игры, но правила игры при неизменном победителе (что на деле означает, что эти правила – лишь формальны, что фактически игра идет по другим правилам). Отличия России, в которой правит назначенный Ельциным наследник, от других стран этой группы, где смены власти вообще не было, нельзя рассматривать как принципиальные, системные, ибо они обусловлены скорее случайными факторами, связанными со здоровьем и возрастом первого российского президента.

Возможность или невозможность демократической ротации власти – важнейший, но не единственный критерий классификации, и принадлежащие к одной группе постсоветские государства могут отличаться

друг от друга по другим важным признакам. В группу государств, не прошедших через ротацию, входят страны, в которых есть легальная оппозиция (Россия, Казахстан, Кыргызстан), хотя система организована так, что ее мирный приход к власти путем выборов невозможен, Узбекистан, в котором – псевдомногопартийность, близкая к псевдомногопартийности «стран народной демократии», и Туркменистан, режим которого представляет собой ту крайнюю степень авторитаризма, которую уже можно назвать тоталитаризмом.

По оценкам степени политических и гражданских свобод, «выставленным» организацией «Freedom House» бывшим советским республикам за 2003 г. (1 – максимальная и 7 – минимальная степень свободы) все три республики Балтии получили оценку 1,5, Молдова – 3,5, Армения, Грузия и Украина – 4, Россия – 5, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан – 5,5, Белоруссия – 6, Узбекистан – 6,5 и Туркменистан –7.

Таким образом, Казахстан по своему политическому устройству не только принадлежит к одной группе стран с Россией, но и внутри нее очень близок к России.

2

Коммунистические режимы, а особенно режим СССР, создали систему тотального (и формального) контроля над обществом, которая позволила им достаточно долго просуществовать уже после того, как идеология, на которой они основывались, утратила свою силу и способность вызывать преданность. Это обусловило и специфическую форму падения коммунистической системы. В СССР (как и практически во всем «соцлагере», кроме Польши) ко времени падения коммунизма не было сколько-нибудь серьезного антикоммунистического революционного движения – любые зародыши таких движений моментально уничтожались, но к концу советской истории режим настолько «прогнил», что достаточно было появления в общем-то очень слабых и аморфных движений, вызванных к жизни горбачевской либерализацией, чтобы режим рухнул. Силы, вступившие в борьбу с режимом, были очень слабы. Но сил, им противостоящих, практически просто не было.

Коммунистическая элита, те, кто вроде бы должен был возглавить сопротивление революционным силам, стать аналогами организаторов белого движения в первом революционном цикле, в массовом порядке отказалась от коммунистической идеологии. Даже тогда, когда сопротивление все-таки оказывалось, его мотивацией было скорее стремление сохранить государство, «империю», чем коммунистическая идеология. Если Сахаров или Ельцин – очень слабые аналоги революционеров первого цикла, то Язов или Варенников – еще более слабые аналоги Корнилова и Деникина.

Эта предельная слабость сопротивления имела два основных следствия. Во-первых, она спасла СССР от гражданской войны[1]. Во-вторых,

она дала отказавшейся от коммунистической идеологии коммунистической элите возможность сохранить свои позиции и стать элитой новых, возникших в результате падения коммунизма и распада СССР обществ.

Во всем постсоветском (и в меньшей степени – во всем посткоммунистическом) пространстве колоссальные социально-экономические и идеологические перемены, связанные с падением коммунистического строя, сочетались с совершенно несоизмеримой с этими переменами степенью преемственности правящей элиты. В истории трудно найти примеры, когда люди, стоявшие у власти при одном социальном и политическом строе и господстве одной идеологии, продолжали бы находиться у власти при переходе к совсем иным строю и идеологии. Между тем для постсоветского пространства эта ситуация – типичная.

Слабость антикоммунистических движений и еще большая слабость сопротивления им со стороны коммунистической элиты характерны и для Казахстана, и для России. В обеих странах переход к новой, несоветской государственности и капиталистической экономике осуществлялся под руководством представителей верхних эшелонов коммунистической номенклатуры, в рекордно короткий срок ставших из ортодоксальных «марксистов-ленинцев» «демократами», «рыночниками», сторонниками уничтожения СССР и даже «верующими»[2]. Но все же в генезисе новой государственности, как и в личностях создателей новых России и Казахстана, есть большие различия.

В России с определенными оговорками мы можем говорить о революционном движении и победе революции, возглавлявшейся Б. Ельциным. Ельцин – хотя и представитель номенклатурных верхов, но «мятежный», вступивший в какой-то идеологически «невнятный» конфликт с горбачевским руководством, изгнанный из власти и после этого начавший стремительное возвращение во власть в новом облике лидера набирающего силу антикоммунистического, демократического движения, массовую базу которого составляла низовая интеллигенция больших городов, прежде всего Москвы и Ленинграда. Это движение смогло сначала провести его в председатели Верховного Совета России, а затем обеспечить ему победу на общенародных выборах российского президента. Оно поддержало его во время «августовского путча» ГКЧП, и он мог рассчитывать на его поддержку во время беловежских соглашений и позже, при перевороте октября 1993 г.

Хотя в Казахстане произошло первое в горбачевскую эпоху выступление против политики Центра (события декабря 1986 г. в Алма-Ате), антикоммунистическое движение здесь было значительно слабее российского[3], и степень преемственности руководства при переходе к новому строю значительно больше. Здесь первым и пока единственным президентом нового независимого государства стал просто-напросто последний первый секретарь ЦК КП Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев[4].

Профессиональный партийный работник, выдвиженец бессменного (с 1960 по 1986 г. с перерывом в 1992–1994 гг.) и пользовавшегося колоссальным влиянием в Москве и популярностью в Казахстане первого секретаря ЦК КП Казахстана Д. Кунаева (1912–1993), Н. Назарбаев в 1984 г. становится Председателем Совета министров и рассматривается Д. Кунаевым как возможный преемник. Но в 1986 г. на 16-м съезде КП Казахстана, уловив ветер перемен, дующий из Москвы, он неожиданно выступает с резкой «перестроечной» критикой своего покровителя и старшего друга (формально критика была направлена против брата Д. Кунаева, президента Академии наук А. Кунаева).

При внешнем сходстве (в обоих случаях – неожиданное критическое выступление против начальства) поступок Назарбаева в 1986 г. очень отличался от ельцинского выступления с критикой Горбачева на пленуме ЦК в 1987 г. Ельцинское выступление было импульсивным, непродуманным и очень рискованным. Вряд ли Ельцин мог в то время предполагать, что оно явится отправной точкой в его восхождении к верховной власти. Выступление Назарбаева было, может быть, относительно смелым, но довольно обычным карьерным ходом. Несомненно, он понимал, что время Кунаева кончается. В этой ситуации роль человека, выпестованного Кунаевым и предназначенного им в преемники, могла помешать Назарбаеву действительно стать таким преемником. Наоборот, выступление с критикой Кунаева должно было привлечь к Назарбаеву симпатии Горбачева, ищущего молодых, энергичных и смелых руководителей «нового типа», и ускорить его возвышение[5]. Но получилось не совсем так, как он предполагал. Горбачев решает поставить во главе Казахстана «варяга», человека, не связанного с местными кланами[6], и отправляет в Казахстан никогда не работавшего в нем Г. Колбина, что провоцирует «декабрьские события»[7]. Первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Назарбаеву удалось стать только в июне 1989 г., когда Колбин был переведен в Москву на должность Председателя Комитета государственного контроля СССР.

Недолгое правление Колбина сопровождалось репрессиями против участников декабрьского выступления и вообще «казахских националистов». В Казахстане говорили даже о «1937 годе в миниатюре». Приход к власти Назарбаева был воспринят с облегчением, и это дало новому руководителю определенный «стартовый капитал» народных (прежде всего казахских) симпатий. Тем не менее положение Назарбаева было очень трудным. Кризис советской системы в 1989 г. стал очевиден. Назарбаев, так сказать, сел в кресло, которое уже начало разваливаться. Фактически с самого момента достижения высшего поста в Казахстане он столкнулся с ситуацией, когда для того, чтобы сохранить, укрепить и расширить свою власть, ему нужно было искать для нее новые идеологические основания и новую легитимизацию, срочно готовить «новое кресло».

Как и Ельцин, на протяжении рекордно короткого срока, но, в отличие от Ельцина, ни на минуту не прерывая карьеры и не упуская власти, Назарбаев совершает идеологическую эволюцию (может быть, здесь уместнее слово «революция») – из ортодоксального коммуниста становится сторонником капиталистического и демократического строя [8]. Но если смена мировоззрения в соответствии с новой ситуацией особой трудности не представляла, то удержание и укрепление собственной власти и создание для нее новой институциональной формы и новой легитимизации было делом достаточно трудным и требовавшим значительной ловкости.

3

Для всех республиканских властей перспектива распада СССР и ликвидации КПСС, все более отчетливо обозначавшаяся под влиянием горбачевской реформы и давления революционных антисоюзных массовых движений, была перспективой рискованной, но сулящей большие выгоды. Рискованной – потому что процесс всегда мог выйти из-под контроля и привести к утрате властных позиций. Сулящей большие выгоды – потому что если при этом власть не теряется, она многократно усиливается. Республиканские власти освобождались от контроля со стороны Москвы и партийных структур, их статус резко поднимался. Они становились руководителями независимых государств, «не хуже» каких-нибудь европейских президентов и премьеров. Но в зависимости от генезиса власти лидеров, положения республики в СССР и положения в республике это общее стремление диктовало разную тактику.

Положение Ельцина и Назарбаева в отношении союзного Центра было объективно очень разным.

Во-первых, Ельцин пришел к власти в России (власти, ограниченной союзным Центром) на революционной волне, как лидер антикоммунистического движения. Поэтому для него задача удержания и расширения своей власти была неотделима от задачи дальнейшего «развития революции» и свержения «старого режима». Назарбаев, напротив, пришел к власти нормальным советским путем, в рамках «старого режима», и дальнейшее развитие революции для него было опасным, чреватым выдвижением новых, харизматически-революционных лидеров, казахских Гамсахурдиа и Эльчибеев (или даже Ельциных).

Во-вторых, в силу положения России как «ядра» СССР конфликт российской, ельцинской, и союзной властей, именно потому, что в нем не присутствовал национальный аспект, был, как это ни парадоксально, особенно острым. По сути дела здесь речь шла о двух российских, русских властях, двух формах существования русского государства, о разных способах контроля над тем же пространством. Российская и союзная власти объективно исключали друг друга, их сосуществование было невозможным. Наоборот, компромисс союзной власти с Казахстаном, как

и с другими республиками, был возможен. Все республики, кроме России, теоретически могли какое-то время существовать (и даже фактически уже существовали) как «вассальные» или автономные государственные образования. Для существования союзной власти были необходимы полный ее контроль над Россией, но лишь частичный контроль над другими республиками.

В-третьих, Россия без республик была полностью жизнеспособным государством. Она была естественным преемником СССР, и вся союзная государственная машина почти автоматически при ликвидации СССР превращалась в российскую. Проблемы «выживания» России без СССР не было. Более того, российская ельцинская власть в самом конце советского периода, когда она уже перестала видеть в союзном Центре угрозу, стремилась «перехватить» у Горбачева союзную власть, в иной форме вернуть России положение «ядра» империи и обеспечить себе контроль над всем пространством СССР. Наоборот, для Казахстана речь шла буквально о «выживании», и, взвешивая все риски и выгоды от немедленного распада СССР, казахстанские власти вполне могли считать, что рисков больше, чем выгод, что с полной независимостью можно подождать, что для создания жизнеспособного независимого казахского государства нужно время, которое может дать сохранение ослабленной союзной власти.

Дело в том, что распад СССР выталкивал к независимости казахстанское государство, национальный состав которого делал его существование почти невозможным. Титульная нация не была большинством населения (39,6%, по данным переписи 1989 г.) и лишь немного превосходила по численности более развитое и урбанизированное русское «меньшинство» (37,8%). Если же учитывать представителей других народов СССР, русифицированных и отождествляющих себя скорее с русскими, то русские и «русскоязычные» составляли просто большинство, а в столице и ряде областей, примыкающих к России, – подавляющее большинство. Такой этнической и геополитической ситуации не было ни в одной советской республике, и ей очень трудно найти аналогии в какой-либо стране мира.

Общедемократическое движение, вызванное к жизни горбачевской перестройкой, в Казахстане, как и в других республиках, приобретает национальную, антисоюзную и в какой-то мере антирусскую окраску[9]. Казахский национализм в целом не имел агрессивно антирусского характера, но все равно любые требования, связанные с подъемом титульной нации, ее языка и культуры, автоматически предполагали некоторое снижение статуса русских и русской культуры. Поэтому они не могли не вызвать реакции русских, особенно казацкого населения Казахстана, исторически бывшего авангардом русской колонизации и защитником рубежей империи. В северных областях с русским большинством населения это ведет к появлению автономизма и сепаратизма – ирредентизма[10].

Естественно, это движение получало поддержку в России. Наиболее громко прозвучал призыв А. Солженицына в его «Как нам обустроить Россию» к пересмотру границ с Казахстаном и включению в состав России его северных, заселенных в основном русскими областей. Аналогичные призывы периодически раздавались и со стороны политиков «коммуно-патриотического» лагеря, и из среды российского «демократического» движения, в аморфной и эклектичной идеологии которого присутствовали и националистически-имперские компоненты[11].

Особенно обострилась ситуация в период между августовским путчем и беловежскими соглашениями, когда российские власти, предполагавшие в это время «подменить» горбачевский Центр, стали угрожать республикам пересмотром границ в случае их выхода из Союза. Эскалация «имперских» претензий российской власти совпадала с эскалацией русского, прежде всего казачьего движения в Казахстане. В сентябре 1991 г. в Уральске дело почти доходит до открытых столкновений сепаратистски настроенных казаков с прибывшими сюда с разных концов Казахстана организованными партией «Азат» казахскими националистами, в октябре–ноябре таких же столкновений едва удалось избежать в Целинограде (теперешней Астане)[12].

Постфактум всегда начинает казаться, что происшедшее – естественно и закономерно, что то, что произошло, и должно было произойти, а нереализовавшаяся возможность – вроде бы и не была возможностью. Но реализоваться может и не самый вероятный вариант развития событий, и наоборот, нечто вполне вероятное может так и не случиться. Нереализовавшаяся возможность кровавой национальной борьбы и русского сепаратизма в Казахстане была, во всяком случае, ничуть не меньше, чем реализовавшаяся возможность этого в Молдове. И последствия такой вспышки сепаратизма были бы значительно страшнее, чем в не граничащей с Россией Молдове.

И Ельцин, и Назарбаев стремились к власти в ситуации глубокого социального кризиса. Но ситуации, в которых они боролись за власть, были очень разными. И эти различия приводили к большим различиям в их политике и идеологической риторике.

4

То, что Казахстан смог избегнуть судьбы Молдовы и закавказских республик, – в громадной мере заслуга Назарбаева. И поскольку кровавая борьба в Казахстане практически неминуемо означала бы разворачивание «югославского сценария» с Россией в роли Сербии – это его заслуга не только перед Казахстаном. Личные интересы Назарбаева, его стремление к сохранению и укреплению своей власти полностью совпадали с задачей избежания этого сценария, но справиться с ней ему помогли проявленные им незаурядные политические дарования. Идеоло-

гическая и политическая игра, которую он ведет в это время, может быть по праву названа блестящей.

Назарбаев смог найти труднодостижимый баланс между противоположными идеологическими позициями. Он противопоставляет свои динамизм, открытость новому, «реформаторство» – закоснелости и реакционности большинства казахстанской партийной элиты[13]. Относительно слабые казахстанские демократы видят в нем не врага, а скорее союзника и даже – покровителя. И уж во всяком случае – «меньшее зло». В то же время он – плоть от плоти партийной номенклатуры и все время подчеркивает свои эволюционизм и стремление к стабильности, порядку. Для номенклатуры он – свой, человек, который никогда не даст ее на растерзание толпе, то же «меньшее зло»[14].

Еще труднее было найти баланс между националистической казахской риторикой и курсом на «суверенизацию», которые позволяли бы казахским националистам видеть в нем политика, может быть, чрезмерно осторожного, но в конечном счете тоже стремящегося к независимому казахскому государству, с одной стороны, и разоружающими русских «интернационализмом» и ролью приверженца и защитника реформирующегося Союза – с другой. Здесь Назарбаев демонстрирует поразительное мастерство, никогда не переступая ту тонкую грань, за которой он мог бы полностью потерять поддержку той или другой стороны. Он смог пройти буквально «по волоску над пропастью».

В 1990–1991 г. он – самый популярный политик в масштабах всего СССР[15], олицетворяющий «золотую середину» между разрушающими Союз демократами и сепаратистами и «твердолобыми» реакционерами, относительно приемлемый для тех и других, удивительно ловко балансирующий между Горбачевым, его «реакционными» критиками и Ельциным. В нем видят надежду на сохранение одновременно и союзного государства, и курса на либеральные реформы, и самостоятельности республик. Но он проявляет достаточно предусмотрительности, чтобы не пытаться занять какие-то очень почетные, но в условиях постепенного развала СССР неустойчивые и представляющие все меньше реальной власти должности общесоюзного масштаба, потеряв при этом, может быть, менее престижную, но реальную власть в Казахстане[16]. Синицу в руках он не меняет на журавля в небе.

Фактически Назарбаеву удалось пожинать плоды развала СССР и в какой-то мере, возможно, даже осторожно способствовать его развалу[17], сохраняя при этом позицию его защитника и представляя все свои действия, направленные на независимость Казахстана, как вынужденные. Потенциально смертельно опасное для Казахстана русское движение против казахстанской независимости или за отделение русских областей в ситуации, когда Союз разрушает сама Россия, а защищает его руководитель Казахстана, оказывается растерянным и обезоруженным. А казахский национализм перед лицом русской угрозы не может выступать

против «своего» руководителя, осторожно, но все-таки ведущего страну к независимости.

Эту позицию «интегратора» постсоветского пространства, выступающего с различными инициативами объединения, но наталкивающегося на стену непонимания и нежелания со стороны России, Назарбаев сохранял и весь последующий период[18]. Внутри Казахстана ей соответствовала позиция защитника национальных меньшинств и равноправия наций. Реальное укрепление независимости Казахстана, жесткое подавление всех русских сепаратистских поползновений, усиление национально-казахского характера государства и изменение национального состава его населения за счет эмиграции русских и «русскоязычных» и репатриации казахов из других стран – все это осуществлялось под «дымовую завесу» призывов к дружбе народов и реинтеграции постсоветского пространства во главе с Россией[19]. И совершенно невозможно сказать, насколько эта завеса создавалась им сознательно и насколько здесь действовал бессознательный, но безошибочный политический инстинкт[20].

5

Процесс «пересадки в новое кресло» начинается в марте 1990 г., когда Назарбаев, естественно, сохраняя за собой пост первого секретаря ЦК, становится председателем только что избранного на альтернативной основе Верховного Совета. 24 апреля, следуя за общей волной «суверенизации» и демократизации, Верховный Совет Казахской ССР, при некотором сопротивлении русских депутатов, которые «инстинктивно считали... что институт президентства... отдалит... республику от Москвы»[21], одновременно с ликвидацией конституционных положений о «руководящей и направляющей» роли КПСС и принятием принципа многопартийности, вводит должность президента. По новому закону президентом мог быть только человек, владеющий и русским, и казахским (т.е. фактически казах), он избирается на 5 лет, и один человек мог быть избран только на два срока. Президент должен избираться всенародно, но «в порядке исключения» первый раз выборы осуществляются Верховным Советом, который, естественно, тут же избирает Назарбаева. (Была выдвинута и альтернативная кандидатура – поэта и общественного деятеля О. Сулейменова, но тот свою кандидатуру снял.) 25 октября 1990 г. Верховный Совет Казахстана принимает Декларацию о суверенитете.

Августовский путч ГКЧП ускоряет развал Союза. Практически несомненно, что в тревожные августовские дни Назарбаев выжидал, кто победит. Занятая им в предшествующий период «центристская» позиция и выжидательная позиция в дни путча позволяли ему, в зависимости от исхода ситуации, предстать затем или твердым защитником Союза и единомышленником «гэкачепистов», предупреждавшим Горбачева, что его либерализм до добра не доведет, или чуть ли не сподвижником Ельцина. Во время путча с осуждением ГКЧП, как это сделал А. Акаев в Киргизии,

он не выступил[22]. Победили Ельцин и российские «демократы», и в докладе на заседании Верховного Совета Казахстана 26 августа 1991 г. Назарбаев говорит, что это именно он предотвратил штурм Белого дома, несколько раз позвонив Янаеву и Язову и сказав им, что этот штурм был бы преступлением. «Видимо, подействовало»[23].

Провал путча резко усилил власть Назарбаева, как и всех руководителей республик. Назарбаеву теперь уже можно было практически не считаться с сохраняющим лишь номинальную и призрачную власть союзным руководством. Он мог избавиться от мешавших ему «партийных фундаменталистов»[24] и одновременно выступить в роли их же спасителя от «жаждущих крови» демократов[25].

Было ясно, что Союз обречен и процесс пересаживания в «новое кресло» (и конструирования этого «нового кресла») надо ускорить. При этом «сжигаются» остатки «старого кресла». В сентябре 1991 г. происходит 18-й внеочередной съезд КП Казахстана, на котором принимается решение о самоликвидации компартии и создании новой партии, «парламентского типа» – Социалистической партии Казахстана. Назарбаев, однако, в новую партию не вступает. Ему, как и Ельцину в России, не желавшему создать и возглавить партию на основе «Демократической России» и заявившему о себе как о «президенте всех россиян», не хочется связывать себя с партией, которая могла бы как-то ограничить свободу рук, и тоже более импонирует роль «президента всех казахстанцев»[26]. Время создания президентами партий, но уже полностью «своих», «карманных», создаваемых на основе «властных вертикалей», и в Казахстане, и в России придет позже.

Процесс пересадки почти завершен. Но новое кресло нужно срочно укрепить всенародным избранием: избрание Верховным Советом в новых условиях уже недостаточно, и Назарбаев не мог допустить, чтобы его власть была менее легитимной, чем власть избранного всенародным голосованием Ельцина.

Первые всенародные выборы президента Казахстана состоялись 1 декабря 1991 г. И в ходе подготовки к выборам уже выявились основные черты нового режима, создающегося, как и ельцинский режим в России, как режим личной власти, в котором правовые институты и нормы являются отчасти инструментами, отчасти прикрытием, и специфического назарбаевского «стиля», очень отличного от стиля импульсивного Ельцина. Назарбаев – значительно хитрее и осторожнее Ельцина и всегда предпочитает действовать «чужими руками», оставаясь как бы в стороне.

Решивший выдвинуть свою кандидатуру – не столько в надежде на победу, сколько для придания выборам альтернативного характера (и приобретения известности) – казахский диссидент и лидер партии «Желтоксан» Х. Кожахметов (впоследствии – Кожа-Ахмет) не был допущен к выборам Центральной избирательной комиссии. Он не смог собрать положенных 100 000 подписей в поддержку своей кандидатуры (громадная

цифра необходимых для выдвижения подписей была установлена, несомненно, чтобы помешать выдвижению альтернативных Назарбаеву кандидатов). При этом ЦИК обнаружила в его кампании по сбору подписей нарушения и угрожала ему судебным преследованием, а во время милицейского рейда из его штаб-квартиры были похищены листы с 40 000 подписей. Назарбаев через пресс-службу сделал специальное заявление о том, что он к действиям милиции не имеет никакого отношения[27].

В выборах 1 декабря 1991 г. участвует 88,23% избирателей, за Назарбаева голосует 98,78%, против – 1,22%[28]. И хотя на этих выборах отсутствовала даже формальная альтернатива, в целом эти вполне «советские» цифры, очевидно, все же отражали реальность. Назарбаев в это время, несомненно, олицетворял «равнодействующую» самых противоположных по своим стремлениям сил казахстанского общества, для всех он был если не «добром», то «наименьшим злом».

Выборы президента Казахстана произошли за неделю до соглашений о ликвидации СССР, заключенных в Беловежской пуще (Вискулях). Действуя в своем стиле, Назарбаев в Вискули к ожидавшим его Ельцину, Кравчуку и Шушкевичу не поехал. Как вспоминал С.Шушкевич, «он изъявил желание сразу же приехать. Но потом сослался на долгую заправку самолета, потом, что поздно...».[29] Это позволило ему избежать роли «могильщика СССР» и впоследствии объяснять экономические беды Казахстана «разделом когда-то единого государства», в котором он невиновен. («Это свершилось помимо Казахстана, и нашей вины здесь нет»[30]). Зато затем Назарбаев сыграл решающую роль в превращении СНГ из организации трех славянских в организацию одиннадцати республик бывшего СССР, что произошло на совещании в Алма-Ате 21 декабря 1991 г.

16 декабря 1991 г., последней из всех советских республик, Казахстан объявляет о своей независимости. В новогоднем послании к народу ставший президентом нового независимого государства Назарбаев говорит: «Вы знаете, сколько усилий мне пришлось приложить, на какие компромиссы идти, чтобы не допустить развала страны»[31].

С декабря 1991 г. мы можем говорить как о появлении независимой Республики Казахстан (новое название было принято 10 декабря), так и о возникновении в Казахстане нового режима, режима личной власти президента, не скованного ни подчинением Москве, ни принадлежностью к какой-либо официальной идеологии и партии, ни (фактически) конституцией и законами, которые устанавливаются и меняются по мере надобности им самим[32].

6

Ельцин и Назарбаев пришли к власти разными путями и в очень разных обществах. Тем не менее режимы, созданные ими, – однотипны.

И эта однотипность связана, несомненно, с определенным сходством и обществ Казахстана и России, и их самих.

И Ельцин, и Назарбаев – порождения позднесоветской номенклатуры, уже давно не относившейся серьезно к окостеневшим догмам марксистско-ленинской идеологии, в глубине души стремившейся освободиться от сковывающей ее партийной дисциплины, завидовавшей западной элите и обладавшей громадной идеологической приспособляемостью. Эта готовность советской элиты сменить идеологические «одежды» облегчила распад советского строя и СССР и сделала революцию 1991 г. относительно бескровной. Формальное принятие советской элитой демократической и «рыночной» идеологии произошло с удивительной легкостью. Но именно в этой легкости таилась «ловушка».

Та демократическая идеология, которую приняла советская элита, в том числе Ельцин и Назарбаев, была не реальной демократической идеологией, а «карикатурой». Представления их о функционировании западного типа обществ были в значительной мере сформированы советской пропагандой, разоблачавшей «буржуазную» и «лицемерную» сущность западных демократий. Назарбаев, например, мог сказать: «Теми же «чисто» демократическими странами Запада, смею вас заверить, управляют олигархии... Я недавно прочел, что в США до 1928 г. фермеры не имели права голоса»[33]. В выступлении на учредительной конференции Союза промышленников и предпринимателей он говорит: «В будущем ...власть должна перейти к собственникам»[34]. При таком понимании демократической идеологии ее принятие большой проблемы не представляло – с самого начала она понималась как принятая в современном мире, в «высшем обществе» западных правителей форма, которая позволяет прийти к власти или сохранить власть, придав ей необходимую легитимность и респектабельность. А идея рынка и частной собственности, вызывающая образы «красивой жизни» западных миллионеров, вызывает у них даже самый искренний энтузиазм.

Легкости идеологической трансформации из коммунистов в демократы соответствовала та «легкость», с которой и Ельцин, и Назарбаев относились к правовым демократическим ценностям и институтам. Люди, без особых душевных мук радикально сменившие идеологию (и даже государство), не могли с особым пиететом относиться к конституциям и законам, которые, в конце концов, они же сами и создавали, и которые, как они были убеждены, и на Западе являются лишь формой. И Ельцин, и Назарбаев пришли к власти не для того, чтобы ради соблюдения каких-либо «абстрактных» принципов и норм эту власть отдавать. И оба они встают на путь превращения своей власти в «безальтернативную» и авторитарную, используя демократическую форму как «камуфляж». Путь, который, по мере того как накапливаются неизбежные на нем разного рода преступления, становится для них единственно возможным, аль-

тернатива которому – уже не просто потеря власти, а вполне вероятные судебные преследования, разорение и просто гибель[35].

И оба они имеют дело с обществами, которые предоставляли им возможность создать такие «безальтернативные» системы.

При всех очевидных и глубоких различиях, в ряде аспектов российское и казахстанское общества были очень схожи. Эрозия коммунистической идеологии не означала, что ей на смену пришла какая-то иная система базовых правовых и демократических ценностей, способная объединить общества. Такой консенсус вокруг базовых демократических принципов в СССР существовал только среди титульных наций стран Балтии. То, что при распаде коммунистической системы в наших обществах были провозглашены демократические и рыночные принципы, было связано с господством этих принципов в мире, отсутствием им какой-либо серьезной идейной альтернативы и с тем, что они служили камуфляжем стремлениям правящих кругов к собственности и свободе от ограничений, накладываемых коммунистическими идеологией и системой, а не с действительным принятием их (или хотя бы пониманием того, в чем они заключаются) большинством россиян и казахстанцев.

Даже в либеральном элитарном меньшинстве, действительно стремившемся к воспроизведению западных ценностей и форм жизни, существовали самые причудливые представления об их природе и путях, к ним ведущим. Так, колоссальную роль и среди российских, и среди казахстанских демократов играла идея, что рынок и частная собственность являются «базисом» общества, а демократия и право – «надстройкой», из чего вытекает, что вполне можно авторитарными методами (как Пиночет и Столыпин) внедрить рынок, создавая «базис», к которому потом сама собой приложится демократическая надстройка (перевернутая с ног на голову марксистская схема)[36].

Про большинство же и русского, и казахского народов вообще нельзя сказать, чтобы оно стремилось к демократии, рынку и ликвидации СССР. Все наиболее важные решения, определившие судьбу наших народов и имевшие крайне болезненные для них следствия, были приняты без участия этих народов и даже прямо против их воли, «свалились им на головы».

Ни Россия, ни Казахстан не имели практически никакого опыта демократического самоуправления (если Россия и имела такой опыт с февраля по октябрь 1917 г., то это – травматический опыт, возможность повторения которого в начале 90-х гг. была кошмаром, преследовавшим российское общество)[37]. А Казахстан еще и не имел никакого опыта жизни в качестве независимого государства современного типа. Если народы стран Центральной Европы, к которым коммунизм пришел в годы Второй мировой войны вместе с Советской Армией, могли воспринимать его падение как возвращение к «норме», к искусственно прерванному развитию, то народы Казахстана и России оказались в ситуации но-

вой и беспрецедентной. Такая ситуация не могла бы не пугать людей, даже если бы она сложилась в результате их сознательного решения. Тем более она была пугающей для людей, которые оказались в ней не по своей воле, а даже непонятно по чьей.

То, что распад СССР и провозглашение независимости не были ни в России, ни в Казахстане результатом общенационального консенсуса, видно уже из референдума о судьбе СССР 1991 г. Но никакого консенсуса не сложилось и позже. То, что для российского сознания распад СССР стал национальной травмой, не нуждается в доказательствах. Но и в Казахстане не было никакой всеобщей радости по поводу независимости. В 1994 г. только 14,4% казахов считали, что распад СССР был полезен (казахстанских русских – 5, 2%), 21,3% считали, что он был скорее полезен, чем вреден (русских – 8,9%) , 27% (русских –24,4%) – что скорее вреден и 18,8% – что вреден (русских – 50,6%)[38] . Таким образом, даже для большинства казахов, не говоря уже о казахстанских русских, само существование независимого Казахстана отнюдь не было непреложной и самоочевидной ценностью. В 1998 г. позитивно оценивали независимость только 58% казахов и 21% русских, негативно – 22% и 52%. 23% всех опрошенных были за объединение с Россией, 29% – за объединение в рамках СНГ, 16% – за возвращение СССР, 14% – за независимое государство вне рамок союзов и 10% – за союз стран Центральной Азии. На вопрос «Какой режим будет в начале третьего тысячелетия?» 28% опрошенных в 1998 г. казахстанцев ответили – «хаос», 26% – «демократия», 16% – «режим сильной руки» и 5% – «советская власть»[39].

Это полное отсутствие консенсуса при высоком накале страстей, колоссальном раздражении населения сочетается с крайней атомизированностью общества и эклектичностью и лабильностью политических взглядов. Различные политические позиции легко переходят в противоположные и сочетаются с противоположными. Такие предельно разобщенные, атомизированные и напуганные свалившимися на них неожиданными и радикальными переменами общества боятся сами себя, своих анархических потенций и психологически нуждаются в «твердой руке». Самое главное их стремление – это стремление не важно к какому, но «порядку».

Мы уже видели, что наиболее вероятным в будущем казахстанским режимом казахстанцы называли «хаос», то, чего они больше всего боялись. А на вопрос, какая система способна решить проблемы казахстанского общества, 4,4% ответили – «коммунизм», 7,3% – «социализм», 5,9% – «капитализм», 2,3% – «ислам», 8,8% – «демократия западного типа» и 56,9% – «любая, лишь бы был порядок»[40]. Российские опросы также демонстрируют доминирующую ценность «порядка». Российский опрос 1991 г. показал, что при выборе между различными «главными задачами» страны «сохранение порядка в стране» выбрали как самую первостепенную задачу 57% опрошенных, как задачу вторую по значению –

22%, «предоставление народу возможности больше влиять на важные решения правительства» как первостепенную задачу выбрали 24%, как вторую по значению – 23%, «борьбу с ростом цен» – 14 и 36% и «защиту свободы слова» 2 и 11%. Проведенный через 11 лет опрос 2002 г. показал, что ничего принципиально не изменилось. «Сохранение порядка в стране» выбрали как первостепенную задачу 59%, как вторую по значению – 24%, «предоставление народу возможности больше влиять на важные решения правительства» – 14 и 22%, «борьбу с ростом цен» – 23 и 42% и «защиту свободы слова» – 2 и 7%[41].

Система ценностей, в которой ценность «порядка» доминирует над всеми другими, – идеальная для построения обеспечивающего этот желанный «порядок» авторитарного режима.

И Ельцин, и Назарбаев имели, таким образом, дело с «человеческим материалом», «вылепить» из которого режимы, обеспечивающие их несменяемость, было задачей, разумеется, трудной, но вполне реализуемой.

7

Став президентами и стремясь укрепить свою власть и сделать ее «безальтернативной», и Ельцин, и Назарбаев сталкиваются со схожими проблемами.

Прежде всего, им надо преодолеть сопротивление парламентов. И российский и казахстанский парламенты – это парламенты, которым Ельцин и Назарбаев были обязаны своим возвышением. Российский парламент избрал Ельцина своим председателем, а казахстанский Назарбаева – сначала председателем, а затем президентом. Тем не менее конфликт президентов и парламентов был неизбежен.

Прежде всего, выборы народных депутатов РСФСР и депутатов Верховного Совета Казахстана в марте 1990 г. проходили в условиях демократического подъема и были самыми свободными (несмотря на то, что в Казахстане было воспроизведено принятое на союзном уровне представительство «общественных организаций») и честными выборами в истории этих двух государств. (Если не говорить о выборах в Учредительное собрание в 1917 г.) Это влияло на психологию депутатов, большинство которых победили в острой борьбе с конкурентами и действительно ощущали себя «народными избранниками». Не сдерживаемые партийными дисциплинами, имеющие такое же эклектичное, неструктурированное и раздраженное сознание и такое же низкое правосознание, как и избравшие их народы, депутаты представляли собой неконтролируемую и эмоциональную массу.

Положение усугублялось тем, что и в России, и в Казахстане действовали старые советские конституции, непригодные для новых условий и постепенно дополняемые различными противоречивыми поправками. Существовала всеобщая убежденность, что принятие новых конституций необходимо, и еще до распада СССР в обеих странах началась рабо-

та по подготовке новых конституций. В Казахстане комиссия по подготовке новой конституции, которую после своего избрания президентом возглавил сам Назарбаев, была создана Верховным Советом в декабре 1990 г. Естественно, что подготовка конституции усугубляла противоречия между ветвями власти.

Борьба президентов и парламентов ожесточается вследствие полного отсутствия в обществе привычек к конституционализму и разделению властей (и даже отсутствия понимания, что это такое) и тотальных претензий как исполнительной, так и законодательной власти. Президенты при этом могли опираться на старые привычки обществ к единовластию, на исторические традиции самодержавия и власти советских вождей, а в Казахстане (в меньшей мере) – на авторитарные аспекты власти ханов[42]. Они могли опираться на народные страхи хаоса и анархии, к которым может привести демократия, особенно в условиях острого социального и экономического кризиса[43], на стремление к «порядку», который в сознании российского и казахстанского народов практически не отделяется от единоначалия[44], на идеи демократов о необходимости сначала заложить «базис» в виде рыночной экономики и «среднего класса», а уже потом думать о демократии[45].

Но и Верховные Советы в своих претензиях опирались на относительно мощную идейную базу. И горбачевские реформы, и борьба радикалов-демократов с союзной властью шли под лозунгом демократизации, возвращения власти от партийного аппарата народу. И не просто народу, а именно Советам, полномочия которых в перестроечную эпоху неуклонно расширялись. Идея возвращения власти Советам позволяла либеральным и демократическим силам устанавливать символическую связь с революцией 1917 г. и с сакральной советской символикой («Вся власть Советам!»)[46]. Поэтому и в российском, и в казахстанском парламентах господствовали очень высокие представления о своей власти и своей миссии.

Конфликт президентов и Советов обострялся и социально-экономическим кризисом. Он происходит на фоне забастовок и стихийных волнений, которые в Казахстане легко принимают межэтнический характер и захватывают даже армию[47].

Существовал еще один аспект данного кризиса. На кризис взаимоотношений «ветвей власти» накладывался и кризис взаимоотношений в правящей верхушке. И Ельцин, и Назарбаев быстро поднялись над своими бывшими соратниками и сослуживцами, которым, как это обычно бывает в подобных ситуациях, было очень трудно перейти от отношения к ним как к более или менее равным себе к отношению к ним как к «боссам».

В России этот аспект кризиса проявился во взаимоотношениях Ельцина и его ближайшего сподвижника, ставшего после него председателем Верховного Совета Р. Хасбулатова. К этому добавились взаимоотношения Ельцина и его вице-президента А. Руцкого.

В Казахстане ситуация развивается строго параллельно российской. Когда Назарбаев становится всенародно избранным президентом, он «забирает с собой» в вице-президенты председателя Верховного Совета Е. Асанбаева. Нужно было избрать нового председателя. 11 декабря 1991 г., несмотря на прямое противодействие Назарбаева, им становится номенклатурный партийный работник, до этого – представитель Казахстана в Москве С. Абдильдин. Избрание Абдильдина, очевидно, было переломным моментом во взаимоотношениях президента и парламента.

Назарбаев понимал, что полностью контролировать парламент ему не удастся. А С. Абдильдин, естественно, был горд одержанной им победой. В своей «тронной» речи он сказал: «Думаю, что Верховный Совет впервые в своей истории выбрал своего лидера без согласования с Центром, без рекомендации партийных и других органов»[48]. О понимании своей роли С. Абдильдиным, впоследствии возглавившим КП Казахстана и ставшим постоянным и упорным противником Назарбаева, говорит текст, помещенный под фотографией, на которой изображены Абдильдин и Назарбаев, в газете «Советы Казахстана» от 9 декабря 1992 г.: «Прошел год, как приступили к исполнению своих обязанностей Президент... Нурсултан Назарбаев и Председатель Верховного Совета... Серикболсын Абдильдин, олицетворяющие *две вершины одной горы*...»[49]. Ясно, что конфликт «двух вершин» был так же неизбежен, как конфликт двух медведей в одной берлоге.

Проект новой конституции был представлен Верховному Совету 1 июня 1992 г. В своем докладе Назарбаев говорит: «... Мы готовим конституцию на длительный срок»[50]. Основное содержание его выступления – доказательства превосходства президентской формы правления над парламентской.

Обсуждение конституции в громадной мере свелось к проблеме – объявлять ли государственным только казахский язык или и казахский, и русский (в конце концов государственным объявили только казахский, но русский был объявлен языком межнационального общения и запрещена дискриминация на основе незнания государственного языка). 28 января 1993 г. Верховный Совет Казахстана принимает конституцию, которая хотя и рассматривалась в то время как предоставляющая президенту исключительные полномочия[51], в значительной мере была компромиссной и Назарбаева удовлетворить не могла.

При принятии конституции было решено, что принявший ее Верховный Совет будет работать до конца своего срока. Но на протяжении 1992 и 1993 гг. в казахстанских демократических и пропрезидентских СМИ идет атака на парламент и областные советы. В этой атаке, совершенно аналогичной кампании против российского парламента, параллельно разворачивавшейся в российских демократических СМИ (и которую Назарбаев публично осуждает[52]), так или иначе приняли участие многие впоследствии ушедшие в оппозицию казахстанские демократы[53].

Верховный Совет изображается главным препятствием на пути к «новой жизни»[54], органом, постоянно мешающим работе исполнительной власти. Президиум ВС обвиняется в «неутолимой жажде полновластия»[55], а С. Абдильдин – в «президентских амбициях»[56] (уже складывается та характерная для Казахстана ситуация, когда «президентские амбиции» воспринимаются как самое страшное обвинение, вроде обвинения в государственной измене[57]). Общество подготавливается к будущему «радикальному решению».

Летом 1993 г. Назарбаев обращается к Верховному Совету с просьбой наделить его дополнительными полномочиями, по образцу Ельцина, но ВС не рассматривает этот вопрос.

Развивавшиеся строго параллельно российский и казахстанский конфликты имели и схожий исход. Но в их форме очень ярко проявилось различие психологий и стилей поведения российского и казахстанского руководителей.

Ельцин – проще, примитивней и импульсивней Назарбаева и идет напролом. Назарбаев же склонен выжидать, предоставляя Ельцину действовать и прокладывать ему дорогу. Так было с разрушением СССР, когда Ельцин взял на себя основную работу, а Назарбаев даже чуть ли не противодействовал ему, но затем также стал главой независимого государства. Так было и на этот раз. Ельцин пошел на резкое обострение конфликта и в конце концов силой разогнал депутатов, устроив в Москве «кровавую баню». Все получилось удачно, народ на защиту парламента не поднялся, а западные страны, больше всего боящиеся возвращения в России к власти коммунистов или наступления здесь полного политического хаоса, фактически государственный переворот санкционировали. В значительной мере это открыло дорогу для Назарбаева[58]. Было ясно, что если переворот легко удался в России, то тем легче будет осуществить его в Казахстане. И если Запад санкционировал кровавый разгон парламента в европейской стране, то разгон бескровный и в азиатской стране встретит еще большее понимание. Однако и в этой ситуации Назарбаев действует, как всегда, осторожно, выставляя вперед других. Разыгрывается спектакль, цель которого – показать, что инициатива роспуска парламента исходит не от президента, а чуть ли не от самих депутатов.

16 ноября 1993 г. Алатауский райсовет г. Алма-Ата принял решение о самороспуске и обратился ко всем депутатам советов всех уровней с призывом последовать его примеру: «Советы... остаются синонимом прежнего режима и старой идеологии. Тесные рамки безнадежно устаревающих законов, регулирующих работу представительной системы, ... усилили оторванность Советов от реальной жизни...»[59] Время было выбрано очень удачно. 2 ноября 1993 г. Казахстан заявил о выходе из рублевой зоны. В стране царит экономический хаос. Ясно, что в такой ситуации «не до парламента».

Далее инициируется волна подобных самороспусков местных советов. А 10 декабря 1993 г. полностью деморализованный Верховный Совет (часть депутатов к этому времени успели стать служащими исполнительной власти и главами местных администраций, назначенными президентом[60], а других поодиночке обрабатывали и заставляли писать заявления о сложении полномочий[61]) принимает противоречащие только что принятой конституции решения о самороспуске и о делегировании президенту полномочий издавать указы, имеющие силу законов.

Большинство казахстанских демократов, как и большинство российских, роспуск парламентов «ради ускорения реформ» поддержали. Позже оказавшийся в тюрьме казахстанский демократический журналист и политик Сергей Дуванов даже опубликовал 25 ноября 1993 г. в «Казахстанской Правде» статью под названием «Я думаю, что историческая целесообразность не повредит демократии», где с восторгом пишет о ельцинском перевороте и говорит, что если парламент стоит на пути реформ, то его нужно заменить. «Причем сделать это срочно»[62].

На март 1994 г. назначаются новые выборы в парламент – по конституции, принятой Верховным Советом 21 января 1993 г., которые, при отсутствии парламента, могли быть проконтролированы президентом и назначенными им главами местных администраций.

Назарбаев, таким образом, добился победы бескровно и вроде бы легче, чем Ельцин. Но это имело оборотную сторону – победа Ельцина была полнее. Она открыла ему дорогу для составления и принятия на референдуме декабря 1993 г. именно той конституции, – с практически неограниченными правами президента и ничтожными правами парламента, – какая ему была нужна. В Казахстане ситуация была иной. Конституция уже была принята, и не совсем такая, какая была нужна президенту. Поэтому если Ельцин произвел переворот кровавый, но один, Назарбаеву пришлось произвести бескровные, но два подряд.

8

7 марта 1994 г. проходят выборы в новый Верховный Совет по конституции 1993 г. Назарбаев, выступая перед выборами по телевидению, призвал голосовать «за тех, кто видит необходимость сильной исполнительной власти при президентском правлении»[63].

Выборы проходят в соответствии с правилами, определенными указом президента. Из 177 депутатов 135 избирались по обычным одномандатным округам (это могли быть и кандидаты, выдвинутые партиями и общественными организациями, и самовыдвиженцы), а 42 – из кандидатур, внесенных президентом в «Государственный список», по 2 человека от области. Список состоял из 64 кандидатур, так что у избирателей была возможность выбрать двоих из трех (а в одной области – даже из четырех) кандидатов[64]. Включенным в него кандидатам не нужно было собирать необходимые для выдвижения подписи. Одной из особенностей

принятого порядка подсчета голосов было то, что голосами «за» считались все не зачеркнутые избирателями фамилии кандидатов, в результате чего количество поданных голосов превышало число избирателей.

Избирательная кампания шла в обстановке произвола избирательных комиссий, назначенных акимами областей, в свою очередь назначенными президентом. Эти комиссии под любыми предлогами отказывались регистрировать неугодных властям кандидатов[65]. Один из сотрудников аппарата президента, пожелавший остаться анонимным, сказал журналисту: «Наша задача – чтобы в новый парламент не попали радикалы всех мастей»[66]. Делегация СБСЕ сделала очень резкое заявление по поводу недемократичности выборов[67].

Тем не менее состав парламента получился не таким, какой был нужен Назарбаеву. Это стало ясно уже при выборах спикера. В отличие от своего предшественника, просто избравшего спикером неугодного Назарбаеву С. Абдильдина, новый Верховный Совет все же избрал поддержанного президентом А. Кекилбаева. Но за его противника, социалиста Г. Алдамжарова, проголосовало около 40% депутатов[68]. Назарбаев использует эту самостоятельность парламента как доказательство того, что претензии СБСЕ к выборам были надуманными и в Казахстане торжествует демократия[69].

Внешне состав парламента выглядел значительно более приемлемым для Назарбаева, чем состав его российского аналога – Думы, избранной в России после октябрьского переворота, в декабре 1993 г., в которой большинство составляли коммунисты и «жириновцы», – для Ельцина. Но более умеренная казахстанская оппозиция была, может быть, даже опаснее для Назарбаева, чем кричавшая на своих митингах «Банду Ельцина – под суд!» и называвшая ельцинский режим «оккупационным» «красно-коричневая» оппозиция в России для Ельцина.

Во-первых, как мы уже говорили, ельцинская конституция была принята уже после разгона старого парламента и предельно ограничивала функции нового. В Казахстане же конституция была принята старым парламентом и сохраняла значительные права законодательной власти. В этой ситуации даже непримиримая и обладающая большинством оппозиция в российском парламенте была менее опасна для президентской власти, чем не составлявшая большинства и более умеренная казахстанская.

Вторая причина – более сложная и, на наш взгляд, более важная. Как это ни парадоксально, «экстремизм» российской и «умеренность» казахстанской оппозиции делали первую слабее и менее опасной для власти, чем вторая.

«Красно-коричневая» оппозиция в России в какой-то мере была на руку Ельцину, ибо альтернатива, которую она являла, была заведомо неприемлемой. Для Запада она была абсолютно неприемлема, и он готов был с пониманием отнестись к любым действиям Ельцина, направленным на ее подавление и укрепление его власти. Для российской элиты

перспектива прихода к власти коммунистов и «патриотов» была настолько страшной, что, несмотря на любые шокирующие ее выходки президента, он все равно оставался для нее «меньшим злом». Возможность объединения основной «коммуно-патриотической» оппозиции и интеллигентской либеральной оппозиции (партия «Яблоко») была исключена. Но «коммуно-патриотическая» оппозиция была пугающей и для большинства россиян. Хотя Ельцин быстро утратил свою популярность и большинство избирателей голосовали на выборах в Думу за оппозиционные партии, они знали, что это – выражение протеста, но не голосование за реальную власть, которая Думе не принадлежит. Перспектива же победы коммунистов на выборах президента избирателей скорее пугала, ибо они понимали, что такая победа могла привести к хаосу и гражданской войне, перспективой которой власть запугивала и без того страшащееся ее население. Поэтому хотя большинство в 1993 г. на думских выборах отвергло политику Ельцина, в 1996 г. (как и на референдуме весной 1993 г.) оно все же голосовало за Ельцина, как за «меньшее зло» по сравнению или с коммунистами, или с дестабилизацией, которую принесла бы победа коммунистов.

В Казахстане ситуация была иной. Здесь не было такого пугала в лице «коммуно-патриотов»[70]. Вообще соединение коммунизма и национализма – явление специфически русское и российское. Соединения казахского национализма и коммунизма не могло быть принципиально – СССР не был потерянной «казахской империей», как он был потерянной «российской империей», и ностальгия по советскому прошлому не окрашивалась в Казахстане в специфически националистические тона. В 1994 г. коммунистическая партия в Казахстане вообще в выборах не участвует – ее зарегистрировали только через неделю после выборов (естественно, что регистрацию затягивали специально). Но и когда компартия восстановится и с приходом к руководству в 1996 г. спикера 1991–1993 гг. С. Абдильдина превратится в крупную политическую силу, это будет партия значительно более умеренная и более готовая к сотрудничеству с другими, в том числе и правыми оппозиционными силами, чем КПРФ.

На выборах 1994 г., кроме пропрезидентского Союза народного единства Казахстана, своих кандидатов выставили Социалистическая партия (СПК), провозгласившая своим идеалом «шведскую модель» и перешедшая в оппозицию[71], партия Народный конгресс Казахстана (НКК) во главе с популярным поэтом и общественным деятелем Олжасом Сулейменовым, стоящая на «рыночных» и одновременно «евразийских» позициях (О. Сулейменов даже призывал к конфедерации с Россией), а также ряд более мелких партий. Из 75 избранных депутатов, выдвинутых партиями и общественными организациями, 33 были от СНЕК, 8, несмотря на противодействие власти, смогла провести СПК и 9 – НКК . Но члены партий были и среди самовыдвиженцев, и в целом

членами СНЕК были 47, НКК – 22, а СПК – 19 депутатов. Несколькими депутатами были представлены и другие оппозиционные силы – русское движение «Лад», профсоюзники и аграрии[72]. Оппозиционно настроенные депутаты были и среди беспартийных самовыдвиженцев, и даже среди прошедших по Государственному списку.

Ни СПК, ни НКК не были партиями «реставрации», как КПРФ, они не были ни националистическими (наоборот, они обвиняли власти в ущемлении прав русского населения), ни антидемократическими, ни антирыночными. Это была достаточно умеренная и «ответственная» оппозиция. Но именно здесь таилась опасность для власти. Такая оппозиция не могла выполнить роль «ужасной альтернативы», для избежания которой все средства хороши. Внутри нее не было тех громадных идейных противоречий, которые разделяли в России основную, «левую» и «не основную», «правую» оппозиции, она легко могла объединить самые разнородные элементы, противодействующие президентскому авторитаризму.

Сразу же после выборов создается оппозиционная коалиция «Республика», Координационный совет которой возглавляет С. Абдильдин. В нее входит самый широкий круг партий и организаций – СПК, КПК, НКК, социал-демократы, русский «Лад» и казахский «Азат». Провозглашенной при создании коалиции целью является подготовка к президентским выборам, которые должны были состояться в 1996 г.[73].

В парламенте создается оппозиционная фракция «Прогресс», в которой более 90 депутатов. Оппозиция организует «теневой кабинет» во главе с карагандинским предпринимателем В. Розе[74] и выдвигает требования, как говорит Розе, «непосредственно затрагивающие интересы правящей олигархии»[75]: парламентского контроля над расходованием иностранных кредитов и условиями их предоставления, прокурорской проверки результатов приватизации, ограничения прав исполнительной власти распоряжаться государственной собственностью, рассмотрения парламентом указов, принятых в его отсутствие. К оппозиции примыкает все больше депутатов, и 27 мая 1994 г. парламент выносит постановление, в котором выражается недоверие курсу правительства С. Терещенко и содержится призыв «добиться компромисса и согласия между разными политическими силами»[76]. На вопрос журналиста, не боится ли он, что новый парламент может повторить судьбу своего предшественника и российского парламента, В. Розе отвечает: «Я думаю, президенты наших государств извлекли уроки из прошлого. По крайней мере глава нашей республики, полагаю, не раз пожалел (и еще не раз пожалеет) о прошлом, куда более покладистом парламенте. Досрочно избранный следующий Верховный Совет наверняка окажется еще более агрессивным и «неудобным». А диктатура – в любой форме – в Казахстане невозможна»[77].

1994 год – самый тяжелый для казахстанской экономики, когда после трех лет неуклонного падения производства ВВП снова сократился

по сравнению с прошлым годом на 25,4%. Никакого конца этому падению, «света в конце тоннеля» видно не было. В стране начинаются забастовки, усиливается русское ирредентистско-автономистское движение[78]. Опросы показывают, что ходом реформ довольны только 6,5% населения[79].

В октябре Назарбаев меняет правительство, ряд министров которого уже были отстранены в результате громких коррупционных дел[80]. Вместо Сергея Терещенко главой кабинета назначается Акежан Кажегельдин. Но это не может радикально разрядить обстановку[81] и даже может быть воспринято как проявление слабости президента и силы оппозиции.

В этой ситуации перспектива приближающихся выборов президента в 1996 г. становится для Назарбаева все более пугающей. Тем более что в 1994 г. на выборах потеряли власть два коллеги Назарбаева – В. Кебич в Белоруссии и Е. Кравчук в Украине. С октября 1994 г. в СМИ начинают открыто обсуждаться президентские кандидатуры на будущих выборах 1996 г. На роль основного оппозиционного кандидата выдвигается Олжас Сулейменов. Популярный поэт, автор книги «Аз и Я», воспринятой в Москве в 70-е гг. как манифест казахского национализма, и чуть не объявленный М.Сусловым диссидентом, но выведенный из-под удара Д.Кунаевым и сделанный им членом ЦК КП Казахстана, человек, боровшийся с Москвой за закрытие семипалатинского полигона, и одновременно сторонник конфедерации с Россией и объявления русского вторым государственным языком[82], он обладал таким «многогранным» имиджем, который мог привлечь самые разные социальные, национальные и идеологические группы. Сулейменов говорит, что 5 лет – нормальный срок для любого правителя, после 5 лет правления он становится тормозом, и именно несменяемость лидеров погубила КПСС и СССР[83]. Как предполагалось, Сулейменов будет идти на выборы в связке с другим депутатом, председателем Контрольной палаты парламента и сопредседателем СПК Г. Алдамжаровым. Такой тандем мог быть очень опасен для президента.

Назарбаев не стал пассивно ждать 1996 г. и наблюдать, как в сознании казахстанского общества исчезает сознание его «безальтернативности», а парламент превращается в штаб-квартиру его будущих соперников. Скорее всего, какие-то планы разгона парламента были в президентском окружении чуть ли не с самого начала его работы[84]. Но когда Назарбаев принял решение, он действует в характерном для него стиле неожиданных опережающих ударов и простых, но эффективных хитростей. Инициатива разгона нового парламента снова внешне исходит не от него.

Мы уже говорили, что выборы в парламент проходили с бесчисленными нарушениями и по утвержденному самим президентом избирательному закону, некоторые пункты которого противоречили и конституции, и даже здравому смыслу. Возникло много судебных исков проигравших кандидатов. Иски эти, естественно, лежали без движения. И

вдруг 6 марта 1995 г. по одному из них, журналистки Т. Квятковской, Конституционный суд принимает решение, по которому выборы в округе, в котором она проиграла, были признаны недействительными. И так как недействительными они были признаны не из-за нарушений правил, установленных ЦИК для выборов, а из-за противоречия конституции самих этих правил, это решение означало признание всего нового парламента нелегитимным.

Назарбаев, как и в 1993 г. – в стороне, говорит, что «принятое судом решение... стало для нас полной неожиданностью», и даже «возражает» против решения суда (официальное возражение президента было подано на следующий же день после решения суда, но аргументация в нем была очевидно слабая)[85]. Суд, однако, не принимает возражений, и президент «вынужден склонить голову перед силой закона»[86]. На последнем заседании парламента 11 марта 1995 г. он говорит: «Вчера Конституционный суд преодолел мое Возражение и Возражение Председателя Верховного Совета. Я скажу вам прямо и открыто, что решение шестого числа было для меня совершенной неожиданностью. Вы можете по-разному говорить и строить домыслы, это ваше дело....»[87]

Парламент распускается, а Конституционный суд в ответ на запрос Назарбаева, действует ли в новой ситуации закон «О временном делегировании депутатских полномочий» от 10 декабря 1993 г., отвечает, что закон действует, президент может принимать указы, имеющие силу закона, а новый парламент должен быть созван, когда решит президент и на основании кодекса о выборах, который издаст президент[88].

Депутаты, естественно, «говорили по разному», «домыслы строили» и приняли обращение к народу Казахстана. Часть депутатов даже объявили голодовку и отказывались покинуть здание Верховного Совета. Тогда в нем отключили телефоны и стали срочно проводить ремонт[89]. Но сопротивление депутатов было не слишком сильным. Их моральные позиции были слабы – ведь выборы действительно проходили с многочисленными и разнообразными нарушениями, и были протесты СБСЕ, которые они игнорировали. И даже непонятно, против кого им протестовать, – ведь президент вроде бы сам на их стороне. Администрация президента стала срочно трудоустраивать оставшихся без работы депутатов[90], одновременно запугивая строптивых обвинениями в разного рода экономических преступлениях[91]. А один из них, наиболее резкий и неподкупный противник президента, прошедший через сталинские лагеря В. Чернышев был сильно избит «неизвестными».

Олжас Сулейменов, которого тут же стали обвинять в неправильном расходовании средств движения «Невада – Семипалатинск», довольно быстро успокаивается и отправляется послом в Италию[92]. Далее он выходит из политической игры, а его НКК погружается в «анабиоз». СПК раскалывается на резко антипрезидентскую группу С. Абдильдина (затем С. Абдильдин переходит в КПК) и перешедшую на пропрезидентские

позиции группу Е. Ертысбаева и через некоторое время самораспускается. Большинство оппозиции «сдается», и фактически остается единственная оппозиционная сила – КПК.

9

1 марта 1995 г. президент издает Указ «Об образовании Ассамблеи народов Казахстана», органа с неопределенными функциями, состав которого утверждается самим президентом. Очевидно, Ассамблея была созвана именно перед «неожиданным» решением Конституционного суда от 6 марта специально для того, чтобы после роспуска Верховного Совета иметь возможность опираться на орган, который очень условно может рассматриваться как «представительный». На первой же своей сессии 24 марта Ассамблея выступает с инициативой проведения референдума по вопросу: «Согласны ли Вы продлить до 1 декабря 2000 года полномочия Президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева, всенародно избранного 1 декабря 1991 года?» (Если в 1993 г. Назарбаев следовал за Россией, то теперь его моделью становится Узбекистан. К этому времени решение об аналогичном референдуме уже было принято в Узбекистане, а сам референдум был проведен 26 марта[93].) Самое смешное, что и про эту инициативу Назарбаев сказал, что она была для него неожиданной и он даже был ею поражен[94].

Буквально на следующий день президент издает указ о референдуме (закона о референдуме не было, но в отсутствие законодательной власти Назарбаев мог издавать указы, имеющие силу закона) и другой указ, назначающий референдум уже на 29 апреля 1995 г. «Референдум, – говорит он, – легитимная, самая действенная прямая форма народного волеизъявления»[95]. Назарбаев спешит, чтобы не дать оппозиции опомниться. Запад протестует, но довольно слабо[96].

Вот образец официальной агитации перед референдумом: « ... «Да» – политической и экономической стабильности в Казахстане. «Да» – будущему наших детей и внуков. «Да» – политике мира и согласия, политике без войн, без жертв и крови, без сотен тысяч беженцев. «Да» – спокойствию в наших домах и квартирах. «Да» – будущему процветанию Казахстана... «Да» – этим пяти годам, которые просит Президент у нас для того, чтобы заложить основы будущего республики, четко определить пути выхода из экономического кризиса». «Да» – Евразийскому союзу...»[97] В референдуме, по официальным данным, участвует 91,3% избирателей и «да» отвечает 95,4%. Сколько избирателей действительно пришли на участки и как они голосовали – неизвестно.

Вслед за этим наступает очередь конституции. Конституция 1993 г. подготавливалась комиссией во главе с Назарбаевым, и в свое время Назарбаев говорил, что при ее составлении был учтен опыт чуть ли не всех стран мира и что «мы готовим конституцию на длительный срок»[98]. Но принятая в результате компромисса с парламентом конституция его не

устраивала, и хотя он, естественно, говорил о своей верности ей, он периодически ее слегка критиковал («''Демократический угар'', начавшийся в 1985 г., занес нас слишком далеко»[99]), а его вице-президент Е. Асанбаев критиковал значительно резче[100]. Теперь она была объявлена «не соответствующей духу времени» и застрявшей «на полпути между социалистическим прошлым и рыночным будущим». В июне 1995 г. все та же Ассамблея народов Казахстана одобряет инициативу руководства республики по созданию новой конституции[101]. Текст подготавливается быстро и без лишнего шума (очевидно, черновик уже был подготовлен).

Наконец это та конституция, какая нужна Назарбаеву, и даже «лучше» российской. Президент в ней именуется «символом и гарантом единства народа и государственной власти, незыблемости Конституции, прав и свобод человека и гражданина»[102]. Полномочия президента описаны в 22 пунктах, «его честь и достоинство неприкосновенны», а «обеспечение, обслуживание и охрана президента ... и его семьи осуществляются за счет государства»[103]. Он может быть отрешен от должности только по болезни или по обвинению в государственной измене (в российской конституции – «и за иное тяжкое преступление»). Упраздняется, как и в российской конституции 1993 г., должность вице-президента. Рядом с постсоветскими «безальтернативными» президентами не может быть вторых «всенародно избранных», и они хотят иметь полную свободу рук при назначении своих преемников (бывший вице-президент Е. Асанбаев отправляется послом в Германию[104]).

Парламент по новой конституции состоит из двух палат – мажилиса, избираемого по одномандатным округам, и сената, избираемого по два человека от области на собраниях депутатов представительных органов областей, причем 7 сенаторов просто назначаются президентом[105]. Если в парламенте 1990 г. было 360 депутатов, в парламенте 1994 г. – 144, то по конституции 1995 г. – 114 , из них 47 в сенате и 67 в нижней палате, мажилисе (чем меньше депутатов, тем легче ими управлять, тем более если они разбиты на две палаты). Для вотума недоверия правительству отныне нужно набрать две трети голосов в каждой из палат.

Конституционного суда вообще нет (хотя переворот Назарбаев произвел, опираясь на Конституционный суд, он, очевидно, сам испугался его власти), но есть Конституционный совет с ограниченными по сравнению с Конституционным судом полномочиями, состоящий из 7 членов, из которых трех, в том числе председателя с правом решающего голоса, назначает президент, а по два – председатели сената и мажилиса.

Конституция принимается на новом референдуме 30 августа 1995 г. Участвовали – 90% (по утверждениям оппозиции – 34%), против проголосовали только 9,9%.

Наконец в декабре проводятся выборы в новый двухпалатный парламент, который на этот раз вроде бы получается таким, какой нужен. Оппозиция в выборах фактически не участвовала[106].

10

Если в 1993 г. Назарбаев следовал в построении своего режима за Ельциным, то теперь он с гордостью говорит: «Мы обогнали Россию в темпах реформирования вертикали исполнительной власти»[107].

Оппозиционные партии (СПК, НКК), лишенные возможности бороться за власть и даже – за иллюзию власти в форме парламентского представительства в условиях ультра-президентской системы, сходят на нет. Какое-то время в Казахстане оппозиции, кроме коммунистов, практически вообще нет.

Правда, в апреле 1996 г. возникает новое оппозиционное движение (затем партия) «Азамат» («Гражданин)», интеллигентское по социальному составу и имеющее основную базу в Алматы[108]. «Азамат» выдвигает требования демократических реформ (выборности акимов, голосования в парламент по партийным спискам, свободы СМИ)[109] и стремится объединить все разношерстные оппозиционные группы в «Народный фронт». Но реальной угрозой для президента оно не является[110].

Контроль власти над обществом усиливается. Прокуратура требует отказа от практики проведения закрытых заседаний общественных организаций, на которых могут обсуждаться антиправительственные планы[111]. Митинги запрещаются под любыми предлогами, вплоть до угрозы эпидемий. Ужесточается контроль над СМИ, и прежде всего над телевидением, где тендер на право вещания устраняет независимые кампании, причем каналы и частоты получает компания «Хабар», контролируемая дочерью Назарбаева Дариго́й[112]. Ряд ранее оппозиционных изданий переходят в руки верных людей, прежде всего той же Дариги и ее мужа. (В России аналогичные меры по установлению контроля над СМИ принимаются значительно позже, уже при преемнике Ельцина.)

Власть Назарбаева практически не ограничена ничем и никем. Она неизмеримо больше, чем власть первых секретарей, подчиненных Москве и скованных партийной идеологией, и чем власть казахских ханов далекого прошлого. Она больше, и чем власть его российского «коллеги», которому все-таки приходится в какой-то мере считаться с парламентом, идти на мучительную для него выборную кампанию 1996 г., после которой он слег в больницу (планы пойти «по казахстанскому пути», заменив выборы на референдум о продлении полномочий, в окружении Ельцина были, но реализовать их он не решился) и который не может назначать губернаторов, как Назарбаев акимов.

Проведенный в конце 1997 г. опрос показал, что 77,6% опрошенных считали власть президента неограниченной[113]. И так ее воспринимает не только массовое сознание. В казахстанской юридической науке активно пропагандируется мысль (несомненно, соответствующая как стихийно возникшей идеологии казахстанского президента и его приближенных, так и реальному положению вещей), что власть президента – вне системы разделения властей и над ней. «Думается, что всенародно избранный

Президент олицетворяет единство казахстанского народа как источника государственной власти, сочетая в себе всю полноту власти, независимо от ее последующего разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви»[114].

Естественно, что складывается «культ личности» президента. Ему поют дифирамбы. «Ключевой фигурой, генератором идеи становления Казахстана, как светской и демократической державы, является Президент республики Нурсултан Абишевич Назарбаев... Его интеллект, компетентность, помноженные на рационализм, позволяют ему быть настоящим лидером»[115]. «Феномен Н. Назарбаева до конца не изучен... Он гармонично сочетает качества лидера и восточного, и западного стиля»[116]. «Верю в сегодня, люблю Нурсултана, он оправдал веру народа, связывающего с ним свои надежды»[117]. «Радикальная экономическая реформа в Казахстане – это прежде всего воля Назарбаева»[118]. «Мы должны быть благодарны Всевышнему за то, что у нашего народа есть такой сын»[119]. Глава казахстанских мусульман говорит: «Высокий духовный сан муфтия обязывает меня оказывать всемерное содействие реализации стратегического курса президента...»[120]. Глава Русской православной церкви в Казахстане архиепископ Астанийский и Алмаатинский Алексий идет еще дальше. Он говорит буквально следующее: «Бог благословил казахстанцев особой милостью, когда из недр народа воздвиг такого сына, как Нурсултан Назарбаев»[121].

Как же используется президентом его неограниченная власть?

11

Одним из главных аргументов в пользу установления своего всевластия Назарбаев всегда выдвигал необходимость энергичного движения по пути рыночных реформ. На 3-й сессии Ассамблеи народов Казахстана он говорит: как хорошо, что нет никаких выборов, иначе «нас ожидали бы два года предвыборных баталий. Нам бы всем было не до экономических реформ»[122].

И действительно, как Казахстан значительно дальше, чем Россия, продвигается в этот период по пути создания авторитарной системы, так он дальше нее продвигается и по пути рыночных реформ. На вопрос российского интервьюера, что он думает о причинах задержки реформ в России, Назарбаев отвечает: «Мне представляется, что не последнюю роль здесь сыграли ... политическая борьба, раскол российской политической элиты... а также перманентные избирательные кампании, которые, как известно, отнимают очень много сил и средств»[123]. И, очевидно, Назарбаев в значительной мере прав. Он чувствует себя увереннее, чем Ельцин. После разгона второго парламента и продления полномочий он вообще не испытывает какого-либо «институционального» противодействия и может практически не считаться с общественным мнением. В этот период президент подписывает массу подготовленных его адми-

нистрацией указов, имеющих силу закона и создающих правовую базу рыночной экономики. 29 января 1996 г., в день перед первой сессией нового парламента, «Казахстанская Правда» публикует сразу девять новых указов[124].

Казахстан активнее России открывает свои богатства иностранным инвесторам, которые прочно обосновываются в топливно-энергетическом комплексе. Происходит приватизация электростанций, с 1995 г. начинается жилищно-коммунальная, а с 1997 г. пенсионная реформы. Как пишет уже в 1997 г. российский журналист, вполне вероятно, искренне восхищенный успехами Казахстана, «...в Казахстане (не без оснований) полагают, что на некоторых направлениях уже не Казахстану придется догонять Россию, а России Казахстан»[125]. Постепенно Казахстан превращается для России в пример столь близкой российскому сознанию авторитарной модернизации, едва ли не оттесняя популярное в начале 90-х гг. пиночетовское Чили.

Естественно, что приватизация, проводимая фактически никому не подотчетной властью, не могла не вести к обогащению прежде всего самой этой власти, то есть президента и наиболее близких к нему лиц. Такое обогащение даже не предполагает какого-то особого корыстолюбия – оно происходит естественным путем, «само собой»[126] и, вполне вероятно, даже не воспринимается президентами как нечто незаконное и аморальное[127].

В Казахстане, как и в России (и как практически во всех республиках СНГ), возникает понятие «Семьи» и семейного капитала. Впоследствии у казахстанской «Семьи» возникнут неприятности в связи с расследованиями «отмывания денег» на Западе («Казахгейт») [128]. Но в середине 90-х гг. до этого еще далеко. О состоянии самого Н. Назарбаева и его жены (как и о состоянии Ельцина и его семьи), естественно, ничего точно неизвестно[129]. Но все три дочери президента – замужем за вполне «официальными» миллионерами и одновременно крупными «чиновниками-политиками». Дарига – сама глава Совета директоров крупнейшего казахстанского медиа-холдинга «Хабар». Ее муж Рахат Алиев – генерал, в то время глава налоговой полиции и заместитель председателя Комитета национальной безопасности, также бизнесмен-миллионер. Муж Динары – один из самых крупных нефтяных «олигархов» Тимур Кулибаев. (Нефтяным «олигархом» является и племянник Назарбаева Кайрат Сатыбалды.) Первый муж Алии – сын киргизского президента Аскара Акаева Айдар, работавший в Алматы в Казкоммерцбанке, а второй муж – тоже крупный предприниматель Данияр Сакенов[130].

Роль семейных и родственных связей в Казахстане больше, чем в России[131], и, очевидно, публичная роль родственников правителя воспринимается казахским сознанием более «спокойно», чем в России, как нечто естественное. Дочки и зятья Ельцина держались в тени и не занимали особо важных постов (период публичной роли Татьяны Дьяченко –

очень недолгий). В Казахстане Дарига и все зятья Назарбаева – крупные властные и публичные фигуры.

Кроме семейных связей в прямом и узком смысле этого слова, большую роль в казахском обществе играют связи земляческие, племенные и жузовые. В элиту власти и собственности входят все даже самые дальние родственники и свойственники президента[132] и просто его односельчане – выходцы из его родной деревни Чемолгана (в Казахстане даже возник шуточный термин «чемолганизация»), через которых президент и его семья контролируют буквально все сферы экономики и общественной жизни[133]. Естественно, что в элите преобладают представители назарбаевского Старшего жуза, доминирование которого в казахстанской элите восходит еще к 60-м гг., когда во главе Казахстана встал выходец из Старшего жуза Д. Кунаев.

Вместе с тем в круге друзей и приближенных, в «Семье» в широком смысле слова, значительную роль играют вообще не казахи, например старый назарбаевский друг и «клиент» С. Терещенко или один из влиятельнейших людей Казахстана «алюминиевый король» еврей А.Машкевич[134]. Как полагает казахстанский исследователь, эти люди стали близки к президенту, потому что «в силу своей этнической нелегитимности будут верно служить патрону»[135], и их приближение и обогащение – явление того же порядка, как и передача наиболее стратегически важных и доходных сырьевых отраслей в руки иностранного, а не казахского капитала. Власть стремится, чтобы самые доходные и самые важные для страны работающие на экспорт отрасли были или под прямым контролем «Семьи», или под ее «косвенным» контролем посредством «этнически нелигитимных» клиентов, полностью зависящих от президента и его семьи, или под контролем иностранных компаний, собственникам которых нет дела до внутренней политики Казахстана. Напротив, доступ не «семейного» национального капитала к приватизации наиболее «лакомых» кусков ограничивается[136].

Тем не менее богатства «Семьи», даже в широком смысле слова, включающем сюда всех дальних родственников и близких друзей-клиентов, конечно, лишь часть приватизированных богатств[137]. Позднее М. Ауэзов скажет об этом времени: «...Было такое беспечное... время, когда во власти правил хватательный инстинкт. И все набирали, набивали карманы. Весело и безмятежно»[138]. Обогащаются все крупные государственные чиновники, приближенные к президенту. Миллионерами становятся премьеры Сергей Терещенко (1991–1994)[139], Акежан Кажегельдин (1994–1997), проходящий по «Казахгейту» Нурлан Балгимбаев (1997–1999). Про премьера И.Тасмагамбетова (2001–2003) известно, что он коллекционер ювелирных изделий из серебра и старинных автомашин[140]. Вообще, создается впечатление, что степень слияния власти и богатства в Казахстане выше, чем в России. Приход из частного бизнеса на государственную службу и возвращение из службы в бизнес, как и фак-

тическое сочетание службы и бизнеса, здесь явление совершенно нормальное, и про многие казахстанские публичные фигуры трудно сказать, кто они – скорее бизнесмены или скорее чиновники.

Вокруг каждого назначенного Назарбаевым министра или акима – свои «семьи», своя система клиентов, и назначение нового акима очень часто влечет за собой передел собственности[141]. Коррупционные скандалы, как правило, связанные с борьбой кланов за приватизируемую собственность, сотрясают Казахстан, но Назарбаев в этот период относится к коррупции достаточно спокойно[142]. Позже борьба с коррупцией объявляется одним из основных приоритетов государства, но специфически казахстанским и гротескным аспектом этой борьбы является то, что руководят антикоррупционными кампаниями ближайшие родственники Назарбаева Рахат Алиев и Кайрат Сатыбалды, в результате чего эти кампании служат прежде всего устранению конкурентов семейного бизнеса и укреплению контроля «Семьи» над экономикой.

Приватизация в Казахстане, как и в России, преследует не только общие социально-экономические цели, а также цели личного обогащения приватизаторов и их ближних, но и цели политические. Еще в 1991 г. Назарбаев говорил на пленуме ЦК КП Казахстана: «сами коммунисты должны показать пример и смелее возглавлять приватизируемые объекты...»[143] . И этот призыв был услышан[144]. Номенклатурная элита (и в лице ее непосредственных представителей – и особенно в лице их детей и близких родственников – в Казахстане возник полушуточный термин «экономика племянников») быстро превратилась в элиту собственников[145]. И поскольку приватизация в громадной мере идет «из рук власти» и при минимальном участии законов, это порождает заинтересованность элиты во власти, ее консолидацию вокруг президента. Вся элита начинает представлять собой громадную и сложную систему, в которой есть группы клиентов разных наиболее влиятельных лиц, которые в свою очередь образуют группу клиентов «клана Назарбаева», и в которой все связаны своего рода круговой порукой. При этом соперничество и борьба за собственность отдельных групп принимает форму борьбы за внимание и милость президента, и сами расколы в элите, таким образом, в какой-то мере служат его власти, укрепляют ее.

Как и в России, рыночные реформы, принесшие обогащение верхушке, одновременно принесли обнищание основной массе населения, в результате чего по сравнению с советской эпохой значительно выросло социальное расслоение, и сопровождались резким падением ВВП. Но это падение рано или поздно должно было прекратиться и начаться посттрансформационный рост. В Казахстане он начинается в 1996 г. (+0,5%) и продолжается в 1997 г. (+1,7%). В 1998 г. Казахстан испытывает последствия азиатского и российского кризисов – ВВП вновь падает на 1,9%, но затем он вступает на путь быстрого роста и с 1999 по 2004 г. ВВП увеличивается на 45%[146].

Общая динамика падения и роста ВВП в России и Казахстане схожи, но Казахстан резко обгоняет Россию по темпам роста и сейчас является «самой динамично развивающейся страной с рыночной экономикой на всем постсоветском пространстве»[147]. Более того, казахстанская экономика – одна из наиболее быстро растущих экономик мира. Очевидно, могут быть самые разные мнения о причинах относительных успехов Казахстана, в значительной мере, несомненно, связанных с благоприятной в высшей степени конъюнктурой цен на нефть (и тем более об их прочности). Но вполне вероятно, что одной из них на самом деле является последовательность реформ, которую обеспечивало жестко авторитарное правление человека, действительно воспринявшего «рыночную идеологию», тем более что она, в ее позднесоветской-постсоветской интерпретации, полностью соответствовала его личным интересам.

12

Наверное, 1998 год начался как самый счастливый год Назарбаева. В этом году он осуществляет свою великую мечту.

В июле происходит пышная презентация новой столицы – Астаны, которая призвана укрепить новое государство (она расположена не на южной окраине, как Алма-Ата, а в центре, перенесение столицы должно способствовать как «казахизации» северных регионов, так и освобождению Назарбаева от давления политически активного и склонного к оппозиционности алмаатинского населения[148]). О том, что значит для него Астана, он позже говорит в одном интервью западным журналистам: «На востоке народ относится к своим руководителям с большим уважением, и ко мне подходили люди и говорили, что им хотелось бы поставить мне памятник, как это сделали в Туркменистане в честь Туркменбаши. Я сказал: зачем? Астана – это и есть памятник... Я лично участвовал в проектировании каждого дома... Я – архитектор.... Мне пришлось строить страну»[149]. На торжествах презентации подвыпившие Назарбаев, Акаев и Кучма танцуют вместе с Ф. Киркоровым на открытой дискотеке, что было заснято и передано российским телевидением.

И в этом же году Назарбаев выдает свою дочку Алию, учившуюся в частной школе в Швейцарии, затем ставшую студенткой-искусствоведом в одном из американских университетов, за студента-экономиста университета штата Мериленд в США Айдара Акаева, сына президента Киргизии Аскара Акаева. Этот первый и пока единственный брак между представителями правящих в СНГ династий оказался неудачным[150], но тогда, естественно, он был большой радостью для президента.

Свадьба президентских детей описана в статье присутствовавшей на ней московской журналистки С. Шерматовой[151], хорошо передавшей ее атмосферу, в которой есть и нечто от традиционного среднеазиатского пира по случаю брака двух ханских детей, и еще больше от празднества

советской номенклатуры, ставшей теперь «новыми казахами». В торжестве участвуют Ф. Киркоров, Э. Григорович и Эдита Пьеха, а сам счастливый отец невесты исполнял песни из кинофильма «Весна на Заречной улице». Это – атмосфера веселья, довольства и радости. И кажется, до 2000 г. можно вообще ни о чем особенно не беспокоиться.

Однако в октябре 1998 г., выступая на заседании обеих палат парламента, Назарбаев неожиданно выдвигает «программу демократизации». Он говорит: «Скажу честно: персонально для меня... нет никаких внешних причин идти на такую демократизацию, ограничивая собственную власть», но «мой народ выстрадал свободу». Демократизация включает введение 10 дополнительных мест в мажилисе для депутатов, избираемых по партийным спискам, предоставление парламенту права изменять конституцию, если за изменения – 80% депутатов в каждой из палат, и т.д. Все это не такие уж большие изменения, но главное – не в них. Главное значение этих «демократических» нововведений – быть в едином «пакете» с действительно важным, но не слишком демократическим.

Назарбаев решает нарушить постановление не так давно проведенного референдума и пойти на досрочные президентские выборы, одновременно удлинив срок президентских полномочий с 5 до 7 лет. (Отмена решением парламента решения референдума, который во время его проведения объявлялся высшей инстанцией, прямым выражением народной воли, выше которой ничего быть не может[152], несомненно, неконституционна. Но для личной власти тесны любые законы, в том числе и те, которые фактически приняла она сама.)

Слухи о таких планах президента ходили еще летом 1998 г. Но тогда Назарбаев категорически их отрицал: «Нет. Если моего короткого нет недостаточно, еще раз повторю – нет. Выборы будут проходить согласно конституции: в 1999 году избирается парламент, в 2000-м – президент»[153]. Теперь выяснилось, что слухи все же были верны.

Все делается в уже знакомом нам специфически назарбаевском стиле несколько наивных и «шитых белыми нитками» хитростей. Опять разыгрывается целый спектакль. Предложение о досрочных выборах и продлении срока исходит, естественно, не от Назарбаева, а от депутатов. Назарбаев же говорит: «...Давайте не развивать эту тему, это моя настоятельная просьба»[154]. Но депутаты «бросают вызов» президенту и почти единогласно 7 октября проваливают президентские предложения по демократизации. Президент говорит: « Я не скрываю, что вы меня поставили в очень тяжелое положение. Я этого не ожидал». Только после того как президент уступил им и с их требованием досрочных выборов согласился, депутаты приняли пакет поправок к конституции в целом[155].

Для чего оказались нужны досрочные выборы?

Дело в том, что на самом пике своего могущества Назарбаев ощутил новую серьезную угрозу своей власти.

13

Эта новая угроза, на наш взгляд, принципиально отличается от всех предшествовавших. Она возникает не из социально-экономического кризиса, а скорее наоборот, в связи с выходом из него, и не из сопротивления «исходного материала», тех социальных сил, которые были в казахстанском обществе в момент становления режима, а от новых социальных сил, порожденных самим режимом, самой постсоветской трансформацией общества.

Развитие Казахстана и развитие России идут относительно параллельно. Но некоторые процессы и явления, имманентные и казахстанской, и российской системам, проявляются в одной из этих стран с большей яркостью и раньше, чем в другой. И хотя для казахстанцев, как и для жителей других постсоветских республик, свойственно унаследованное с «имперских» времен представление о том, что Россия всегда впереди – и в хорошем, и в плохом[156], на самом деле это далеко не всегда так.

Конфликт президентской власти и новой буржуазии, в России проявившийся лишь после прихода к власти второго президента – Путина и особенно ярко – в 2003 г. с арестом М. Ходорковского, в Казахстане проявился значительно раньше. Конфликт этот, очевидно, является закономерным для режимов нашего типа. Пока шла приватизация, новые богачи, получавшие состояние в громадной мере «из рук» президентской власти, консолидируются вокруг нее. Но когда состояния уже созданы, формируются новые интересы. Новая буржуазия начинает понимать, что в условиях авторитарной системы ее собственность защищена очень слабо. Слишком легко приобретенные при помощи власти незаконным и «квазизаконным» путем богатства могут быть так же легко этой же властью отобраны[157]. Возникают противоречия между экономическим значением новой буржуазии, ее богатством и ее бесправием – и стремлением буржуазии к ограничению президентского всевластия. Меняется и мотивация богачей. При определенном уровне достигнутого богатства возникает желание конвертировать его в общественное признание и уважение. С другой стороны, сама власть все больше начинает испытывать опасения перед концентрацией материальных ресурсов в руках людей, все-таки отчасти независимых от нее[158].

И когда вроде бы общество уже приняло удобные для нового режима формы – практически сходит на нет старая «интеллигентская» либеральная оппозиция, фактически перешедшая в новые системы из позднесоветских времен, и несколько успокаивается, в результате выхода из трансформационного кризиса и привыкания к новым условиям, социальный протест народных масс, – неожиданно появляется новая, обладающая громадными материальными ресурсами оппозиция сформировавшейся за эти годы буржуазии.

Объяснить, почему в появлении и развитии новой оппозиции Казахстан оказался впереди России, довольно трудно, и здесь можно высказать лишь некоторые гипотезы и соображения.

Прежде всего, надо указать на отсутствие в Казахстане мощной коммуно-патриотической оппозиции (отсутствие, как мы уже говорили, не случайное, а порожденное отличиями российской и казахской истории и культуры), исходящая от которой угроза заставляла в России новых собственников теснее сплачиваться вокруг президента, как это наиболее ярко и в почти гротескных формах проявилось во время российских президентских выборов 1996 г. Казахстанская буржуазная элита не чувствовала себя под такими постоянными давлением и угрозой, как российская.

Определенную роль в более быстром развитии казахстанской буржуазной оппозиционности могут играть и племенной и жузовый факторы. Люди, которые ощущают племенную и жузовую лояльность и могут рассчитывать на инстинктивную солидарность сокровников, не так одиноки. Казахское общество, сохраняющее племенные и жузовые связи, не столь «атомизировано» и беззащитно перед властью, как русское.

Президент старается опереться на солидарность и лояльность к нему «своих» – родственников, земляков, соплеменников, людей из его Старшего жуза. Он старается заполнить ими все наиболее важные посты в государственной иерархии и через них установить контроль над ключевыми, прежде всего сырьевыми, экспортно-ориентированными отраслями экономики и над СМИ[159]. Но это имеет и оборотную сторону. Поскольку представители других племен и жузов ощущают себя «отлученными» от власти и от наиболее лакомых кусков собственности, это делает их потенциальными оппозиционерами. И они тоже могут рассчитывать на «своих». Авторитаризм наталкивается на сопротивление жузовых и племенных лояльностей[160]. В России перешедшие в оппозицию олигархи – одиночки и «этнические маргиналы», которым крайне трудно найти сочувствие и опору в русском обществе. В Казахстане – это казахи, которые могут рассчитывать хотя бы на сочувствие соплеменников.

В какой-то степени, очевидно, оппозиционность буржуазии подогревает и общенациональный патриотический фактор – недовольство тем, что экономика в значительной мере в руках иностранных компаний.

14

Зарождение новой оппозиции в Казахстане связано с личностью премьера 1994–1997 гг. мультимиллионера Акежана Кажегельдина.

Прямого аналога Кажегельдину в российской истории нет. Это, несомненно, яркий и умный человек, выдвиженец бурной эпохи начала 90-х гг., сочетающий в себе черты и наших пребывавших во власти реформаторов-приватизаторов типа Гайдара и Чубайса (сам он с гордостью называл себя «казахстанским Гайдаром»[161]), и наших олигархов типа Березовского и Гусинского.

Генезис Кажегельдина и его богатств достаточно темен[162]. В его прошлом есть и служба в КГБ, и участие в российском демократическом движении в 1989–1990 гг. Во власть он пришел из бизнеса, с поста председателя Союза промышленников и предпринимателей Казахстана (на этом посту он сменил перебравшегося в Россию Олега Сосковца)[163], но, очевидно, основное состояние сколотил уже во власти. Назарбаев, безусловно, знал, что, управляя экономикой, его премьер не забывает о себе, но до поры до времени его это не волновало. Когда журналисты как-то спросили Назарбаева, уверен ли он, что все вкладывающие в Казахстан на очень выгодных условиях деньги иностранные компании – действительно иностранные, а не подставные, за которыми прячутся казахские деньги, он ответил: «Фунт стерлингов в руках Кажегельдина и Ротшильда имеет одно достоинство»[164].

Как премьер Кажегельдин был радикальным и «безжалостным» приватизатором и монетаристом, внесшим значительный вклад в привлечение иностранного (и легализацию псевдоиностранного) капитала. Оппозиция обвиняла прежде всего непосредственно его в сознательном недопущении национальных компаний в наиболее доходные сырьевые отрасли[165]. Никаких демократических поползновений за годы премьерства, на которые приходятся второй разгон парламента и референдумы о продлении полномочий и по новой конституции, за ним не наблюдалось (кроме, может быть, большей, чем у других высших казахстанских деятелей, открытости для прессы). У казахстанских либералов он вызывал жгучую ненависть[166].

Отставка Кажегельдина (10 октября 1997 г.) была связана с рядом причин. Прежде всего, периодические смены президентом премьеров вообще являются одним из нормальных механизмов президентского управления как в России, так и в Казахстане. Они дают президентам возможность «списать» на них часть трудностей и бед, постигших общество, и «разрядить атмосферу», возбудив надежды на новую, более соответствующую общественным стремлениям политику. Кажегельдин стал премьером в 1994 г., когда Назарбаев почувствовал, что накал недовольства достиг такого градуса, что надо пожертвовать своим старым и верным соратником С. Терещенко. В 1997 г. настала очередь Кажегельдина. При его смещении и назначении нового премьера Н. Балгимбаева Назарбаев, выступая в парламенте, упрекнул правительство Кажегельдина в том, что, увлекшись реформами и макроэкономическими показателями, оно забыло о простом человеке. «Вы не забыты! – обращается он к этим простым людям. – Я вам искренне сочувствую, понимаю ваше тяжелое положение»[167]. Но были, очевидно, и другие причины.

Энергичный и компетентный Кажегельдин забрал в свои руки слишком большую власть[168] и стремился взять под свой контроль и самую прибыльную (и самую «семейную») отрасль экономики – нефтяную. Как пишет российский журналист, «объективным (хотя и весьма условным)

противовесом неограниченной президентской власти в последние годы служил не парламент (третий по счету и потому достаточно лояльный), а, как ни странно, бывший премьер-министр, чья экономическая политика была достаточно независимой»[169]. В начале 1997 г. президент предпринимает шаги по ослаблению позиций премьера – производит сокращение кабинета министров, выведя заодно из подчинения Кажегельдину управление нефтяной отраслью.

Естественно, что отставка Кажегельдина, как и любой важный политический шаг в режимах, подобных казахстанскому, сопровождалась «борьбой бульдогов под ковром». Против Кажегельдина ополчились Рахат Алиев и Дарига. Рахат, как глава налоговой службы и главный «борец с коррупцией», стал «раскручивать» разные пятнающие премьера обвинения в экономических преступлениях, а Дарига, контролирующая СМИ, стала их тиражировать[170].

Но главным обвинением против премьера было обвинение не в коррупции, а в президентских амбициях. И оно имело под собой основания. Кажегельдин не был сервильно преданным Назарбаеву, как его русский предшественник С. Терешенко (последний мог сказать буквально: «Я служу одному человеку..., потому что он – величайшее благо для страны и для народа»[171]). Он явно стремился создать себе благоприятный «имидж» в СМИ, приобрести влиятельных друзей в России и на Западе. Вот как писала о Кажегельдине (до его отставки) российская газета «Сегодня»: «Прошедший западную школу бизнеса и весьма далекий от кланового менталитета, он вполне мог бы стать тем человеком, на которого Россия сможет опереться в будущем. Тем более что, хотя вслух, как и положено на Востоке, Кажегельдин всячески отрицает возможность соперничать с Назарбаевым ... в 2000 году, многие аналитики считают, что он является единственной кандидатурой, которая может быть противопоставлена Назарбаеву. Тем более, что в ставке на эту фигуру может быть заинтересована не только Россия, но и западные партнеры Казахстана» [172]. В конце августа на пресс-конференции Кажегельдина в Алма-Ате журналисты спрашивают его об этих слухах, распространяемых российскими СМИ. Кажегельдин отвечает, что для него выставить свою кандидатуру в 2000 г. означало бы проявить нелояльность к президенту, которому он многим обязан[173]. Такие статьи и такие ответы делали падение премьера абсолютно неизбежным.

В сентябре 1997 г. Кажегельдин заболевает, уезжает лечиться в Швейцарию и затем подает в отставку. После ухода с поста он награждается орденом и становится экономическим советником Назарбаева. Вначале он заявляет о своей полной лояльности и говорит: «Дорога в оппозицию для меня отрезана... У нас есть динамично, активно работающий глава государства, давайте ему помогать»[174]. Но постепенно его ответы журналистам о планах на 2000 г. становятся все более уклончивыми[175].

Вскоре Кажегельдин переходит в открытую конфронтацию с президентом. Он призывает к выборности акимов[176] и вообще широкой демократизации, формируя у населения, как он говорил, «привычку сопротивляться власти»[177] и высмеивая официальные утверждения, что казахстанское общество к демократии не готово. «Это попытка «рака за камень завести», когда говорят, что институты демократии прекрасны, но мы не готовы к ним... А не начнем – никогда не будем готовы. Если вы не сядете в кабину машины, вы никогда не поймете, как ею управлять»[178]. Комментируя высказывание Назарбаева во время его визита в США, что Казахстану для построения демократии нужно время, ведь США шли к ней 200 лет (странное представление об американской демократии, очень распространенное среди постсоветских президентов; то же утверждал и Г. Алиев), Кажегельдин говорит: «Если бы американские президенты позволяли себе фальсифицировать итоги выборов и произвольно продлевать сроки своих полномочий, то США не хватило бы и 500 лет на создание демократического общества»[179]. При этом Кажегельдин старается привлечь к себе русское население, говоря об его угнетении[180], и казахов Младшего и Среднего жузов, говоря о засилье назарбаевского Старшего жуза[181].

Обращение Кажегельдина в «демократическую веру» именно после отставки может вызвать такое же ироническое отношение, как и «обращения» номенклатуры (того же Назарбаева), произошедшие в 1991 г. Тем не менее высказывания Кажегельдина настолько продуманны, что трудно представить себе, что им не предшествовала реальная интеллектуальная работа[182]. И несомненно, что схожие процессы происходили не только в его сознании. Выступление Кажегельдина отражало «брожение» в казахстанской элите, которой постепенно становятся тесны рамки авторитарного правления Назарбаева.

Кажегельдин – казах из Среднего жуза, женатый на русской, богач и бывший премьер, человек, приемлемый для всех – и Запада («крепкий рыночник» и «демократ»), и России, комплименты которой он расточает, и обладающий и на Западе[183], и в России прекрасными связями. Это – не российский Зюганов и даже не «поэт и трибун» О. Сулейменов в 1994 г., это реально опасный конкурент. «Старая» оппозиция – и левая, и правая, преодолев неприязнь к тому, кто еще недавно был воплощением режима, сплачивается вокруг него. Несомненно, что его поддерживали многие новые богачи, и среди акимов и в назарбаевском окружении были люди, готовые «предать» своего шефа и переметнуться к Кажегельдину[184].

Ермухамет Ертысбаев, бывший демократ-оппозиционер, ставший директором Института стратегических исследований и советником президента и обладающий способностью и, очевидно, позволением говорить «циничную правду»[185], очень четко обрисовал создавшееся положение: «В Казахстане могла возникнуть ситуация, когда два реформатора

право-либерального толка начали бы борьбу за власть, и это... могло привести к непредсказуемым последствиям»[186].

И, очевидно, именно появление Кажегельдина в качестве потенциального соперника президента резко меняет политическую ситуацию и заставляет Назарбаева, как это характерно для него, «сыграть на опережение» и пойти на досрочные выборы, пока Кажегельдин еще не успел «раскрутиться» и оппозиция еще не кристаллизовалась вокруг него.

Дополнительными факторами могли быть воздействие российского и азиатского финансового кризиса (в 1998 г. начавшийся рост ВВП в Казахстане временно приостанавливается) и страх перед неопределенной ситуацией в России, где близится конец эры Ельцина, на поддержку которого Назарбаев всегда мог положиться[187], и где в это время нет никакой ясности в вопросе об его преемнике.

15

Пресс-секретаря Кажегельдина избивают неизвестные, его советника, прилетевшего в Астану передать в парламент брошюру с предложениями по демократической реформе конституции, арестовывают в аэропорту за «нецензурные выражения в адрес охранников и сопротивление им». Издание книги Кажегельдина запрещается, на поддерживающую его газету накладывается штраф в 370 000 долларов, происходит даже какое-то непонятное «полупокушение» на него (стреляли, но не попали) и т. д.[188]. Но все это мелочи. Настоящий удар был нанесен в уже знакомом нам неповторимом назарбаевском стиле.

Согласно указу президента, кандидат, который в течение года перед выборами подвергался административному наказанию, с выборов снимается. Цель такого указа совершенно прозрачна, и, очевидно, Кажегельдин тщательно следил, чтобы не совершить ненароком какое-либо правонарушение. Но ему просто не приходило в голову, что он подвергает себя опасности, участвуя в учредительном собрании организации под названием «За честные выборы». Однако, поскольку собрание было учредительным, организация, естественно, была незарегистрированной. Но участие в работе незарегистрированной организации – правонарушение. 15 октября 1998 г. Кажегельдин оштрафован Медеуским районным судом г. Алматы и в связи с этим не зарегистрирован ЦИК как кандидат. Снова разыгрывается фарс, аналогичный тем, которые мы уже несколько раз видели. Пресс-служба президента выступает с заявлением, где говорится, что «данная ситуация носит сугубо процедурный характер», Верховный суд может отменить решение райсуда, а тогда и ЦИК изменит свое решение[189]. Затем сам Назарбаев обращается в Верховный суд с просьбой пересмотреть решение райсуда[190]. Но Верховный суд нажиму президента не поддается[191].

Со снятием Кажегельдина Назарбаев остался без реальных соперников[192]. Кроме него в выборах, на которые, по официальным данным, при-

шло 87,05% избирателей, участвовали: старый противник Назарбаева, лидер коммунистов С. Абдильдин, получивший 11,7%, генерал Г. Касымов, которого называли «казахстанским Жириновским», что связано со специфическим стилем его выступлений[193] и его безудержным популизмом[194], получивший 4,61%, и писатель-эколог Энгельс Габбасов, набравший 0,76%. Назарбаев, агитация за которого заполнила не только все казахстанские, но и все российские СМИ[195] и в поддержку которого по русским областям был пущен агитпоезд Барри Алибасова и группы «На-на», получил 79,78%[196].

На 10 октября 1999 г. объявлены парламентские выборы. В числе партий, претендующих на 10 мест, распределяемых теперь по партийным спискам, есть и республиканская Народная партия Казахстана (РНПК), созданная Кажегельдиным, первым номером в списке которой идет, естественно, он. РНПК должна была блокироваться на выборах с КПК. Но после отстранения Кажегельдина от президентских выборов допустить его в парламент Назарбаев уже никак не может.

Если от президентских выборов Кажегельдин был отстранен за административное правонарушение, то теперь власть применяет орудие, которое затем она будет применять много раз – и в Казахстане, и в России. Приватизация и вообще вся экономическая жизнь проходили при игнорировании законов и при таких законах, которые противоречили друг другу и могли быть истолкованы по-разному. Но это предоставило власти возможность затем поднять любое приватизационное дело или наслать на любого нелояльного бизнесмена налоговую или какую-либо иную инспекцию[197]. Против Кажегельдина возбуждаются уголовные дела о неуплате налогов и об «отмывании денег»[198].

Соучредитель РНПК адвокат Кажегельдина В. Воронов пишет письмо в ЦИК, в котором говорит о своем полном разрыве в Кажегельдиным и партией. Из самой стилистики письма ясно, кем оно составлено: «Абсолютно уверен, что им (Кажегельдиным) в настоящее время руководят неведомые пока силы, крайне заинтересованные в дестабилизации в стране»[199]. Одновременно в ЦИК направляет свое письмо Генеральная прокуратура. А 10 сентября Кажегельдина задерживают в Москве в Шереметьево по прилету из Лондона. Москва все же не выдала его в Казахстан, и его отпустили после допроса. Но из списка РНПК Кажегельдина ЦИК вычеркивает, и его партия в знак протеста отказывается принимать участие в выборах.

Кроме РНПК, ЦИК зарегистрировала еще 8 партий, 7-процентный барьер прошли четыре.

Как и в России, власть, вначале не желавшая как-то сковывать себя партиями, затем начинает экспериментировать с созданием своих «карманных» партий. В Казахстане партий, заявляющих о безоговорочной поддержке курса президента, не способных объяснить, в чем заключается их отличие друг от друга, и не знающих, чем заняться, в 90-е гг. было

создано явно больше, чем нужно (Партия народного единства, Демократическая, Либеральное движение, За Казахстан-2030, «Адилет»). В преддверии выборов было решено навести порядок в партийном хозяйстве. Из этих партий создается единая партия «Отан» («Отечество») во главе со старым соратником – клиентом Назарбаева С. Терещенко[200]. М. Оспанов, спикер мажилиса и заместитель Терещенко, говорит об «Отан» как о «партии единства народа и власти»[201].

Вне «Отан» остаются две пропрезидентские партии – Аграрная и созданная другим назарбаевским «клиентом» А. Машкевичем Гражданская. В системе создаваемой «псевдомногопартийности», напоминающей аналогичные системы в коммунистических Восточной Германии или Польше, «Отан» мыслится как партия «бюджетников», Гражданская – бизнесменов и рабочих приватизированных предприятий, а Аграрная – соответственно аграриев[202].

На выборах «Отан» получила 30,9% и 4 мандата по многомандатному округу, Гражданская – 11,6% и 2 мандата и Аграрная – 12,6% и тоже 2 мандата. Единственная преодолевшая барьер оппозиционная партия – это коммунисты, получившие 17,6% и 2 мандата[203]. Вместе с одномандатниками, как выдвигавшимися партиями, так и позже примкнувшими к партийным фракциям, пропрезидентские фракции стали полностью контролировать 60 парламентских мест из 77. Назарбаев сказал: «Эти выборы стали днем рождения многопартийной демократии»[204].

Определить место событий конца 1998 – начала 1999 г. в эволюции назарбаевского режима очень трудно. Всегда легко находить признаки кризиса, начала конца постфактум, когда цикл жизни режима уже завершен. Тем не менее создается впечатление, что эти события – водораздел, разделяющий два периода: период, когда режим развивался «по восходящей», и период упадка.

Максимум власти у Назарбаева был в период после референдума о продлении полномочий и до новых президентских выборов. Выборы 1999 г. – все-таки первые, хотя бы и формально альтернативные выборы, в которых участвовал Назарбаев, – некоторое «самоограничение», вынужденный шаг, сделанный под давлением. Бои, которые ведет режим, становятся уже не наступательными, а оборонительными. Режим побеждает, но инициатива уже не у него.

Не успел Назарбаев освободиться от угрозы со стороны Кажегельдина, как возник новый, еще более опасный кризис. Это связано с какими-то очень темными событиями в недрах назарбаевской семьи.

16

Борьба кланов и «придворных» группировок всегда шла в Казахстане, как она всегда идет в подобных политических режимах. Но постепенно в ней возникают новые черты. Кланы «пускают корни», обрастают клиентурой, сосредоточивают в своих руках громадные ресурсы. (Как

позже сказал П. Своик, «режим ... вошел в стадию расколов внутри себя самого на конкурирующие и враждующие клановые группировки»[205]. Борьба кланов ожесточается и ведется уже не только закулисно и «за доступ к телу» президента, но в определенной мере и открыто и «помимо» президента, выплескивается наружу. Борьба с Кажегельдиным велась не только закулисно, но и путем расследований и выброса компромата, ставивших президента перед фактами и подталкивавших к определенным решениям. Это ожесточение борьбы группировок, очевидно, в какой-то мере связано и с тем, что она начинает вестись с учетом того, что Назарбаев – не вечен, и уже с более дальним прицелом – за назарбаевское «наследство» и места в постназарбаевском Казахстане.

Чисто случайной особенностью и российского, и казахстанского режимов является то, что ни у Ельцина, ни у Путина, ни у Назарбаева нет детей мужского пола и, соответственно, нет и таких очевидных наследников, каким стал сын Ильхам у азербайджанского Гейдара Алиева. Но один из назарбаевских зятьев, муж его дочери Дариги, глава налоговой полиции и заместитель председателя Комитета национальной безопасности, генерал Рахат Алиев, оказался человеком очень энергичным и честолюбивым. Неизвестно, видел ли Назарбаев в нем преемника, но Рахат несомненно видел себя преемником тестя. При этом он не хотел спокойно сидеть и ждать своего часа и начал какую-то не до конца понятную «свою игру». Как глава налоговой полиции он обладал компроматом на всю казахстанскую элиту. И он, и Дарига – медиа-магнаты, поэтому он имел прекрасную возможность пускать этот компромат в ход, когда ему нужно. Рахат и Дарига сыграли большую роль в падении Кажегельдина, и, освободившись от него, Рахат начинает, шантажируя и запугивая бизнесменов, подчинять себе одну за другой крупнейшие фирмы[206]. И все бы ничего, но по каким-то неясным причинам на контролируемых им сайтах в Интернете начинает выливаться компромат на все ближайшее окружение Назарбаева и чуть ли не на самого президента.

В это время в США и Швейцарии арестовываются назарбаевские счета и медленно разворачивается «Казахгейт», что даже вынуждает парламент в июле 2000 г. принять закон «О первом президенте Республики Казахстан», где говорится, что первый президент, «лидер народа Казахстана, обеспечивающий его единство, защиту Конституции, прав и свобод человека и гражданина... не может нести ответственность за действия, связанные с осуществлением своего статуса»[207]. (Опять-таки схожие ситуации порождают схожие решения. Закон 2000 г. практически тождествен первому указу Путина.) В такой ситуации разоблачения Рахата выглядят очень похоже на критику Назарбаевым Кунаева, на удар в спину стареющего босса.

Бурная деятельность Рахата объединяет против него всех, в том числе, очевидно, и других членов «Семьи». Непосредственный начальник Рахата, глава КНБ М. Тажин запрещает Рахату выступить в парламенте с

подготовленным им докладом о коррупции в высших эшелонах власти[208]. Назарбаеву раскрывают глаза на опасность со стороны зарвавшегося зятя. Но это все-таки зять, и Назарбаеву трудно просто его выгнать. Рахат уходит с поста заместителя председателя КНБ, но тесть делает его заместителем начальника своей охраны, и он продолжает выступать с угрозами разоблачений. Через некоторое время его «ссылают» послом в Австрию, а отношения его с Даригой становятся одним из главных объектов домыслов и гипотез казахстанских политических и околополитических кругов.

Борьба Рахата и его противников – это уже начало борьбы за власть в постназарбаевском Казахстане. Но если часть объединившихся против Рахата вельмож имела чисто клановую и личную мотивацию, стремилась просто устранить опасную для них фигуру, то у некоторых участников этой борьбы возникают идеи и планы, связанные с установлением новых, более правовых отношений, гарантирующих от произвола властителя и его окружения[209].

Для части объединившихся против Рахата «магнатов» и «сановников» борьба с ним перерастает в борьбу против «самодержавия» президента.

17

Наибольшую активность в борьбе с Рахатом проявляют молодые и образованные чиновники – политики – бизнесмены, которых в Казахстане прозвали «младотурками». Во главе них – павлодарский[210] аким Галымжан Жакиянов и бывший министр энергетики, индустрии и торговли, а в это время директор крупного «Темирбанка» Мухтар Аблязов, выдвинувшие идеи, очень близкие к кажегельдиновским[211]. Возникает движение под названием Демократический выбор Казахстана.

Жакиянов и Аблязов – даже не Кажегельдин, который родился в 1952 г., успел побывать на советской работе, был сотрудником КГБ и даже как-то участвовал в российском демократическом движении. Кажегельдин все-таки частично принадлежит позднесоветской эпохе, и его переход к демократической оппозиции происходит уже после его отставки и в связи с ней. А Аблязов и Жакиянов – молодые люди без советского прошлого (оба они – 1963 г. рождения), «плоть от плоти нынешней власти» [212], воплощение нового Казахстана, о которых Назарбаев говорил: «Вы – моя гордость, надежда и опора»[213]. Это силы, которые выросли внутри назарбаевского режима, но которым стали тесны его рамки[214]. В любой политической мотивации всегда есть и своекорыстные, и идеалистические элементы. Но, насколько вообще можно судить о человеческих мотивах, у Аблязова и Жакиянова идеалистическая мотивация играла значительную роль. М. Ауэзов говорит о них: «Впервые на арену вышли люди, которые определились как личности, полные чувства собственного достоинства, гордости, ответственности за все, что происхо-

дит»[215]. М. Ауэзов – либерал, сочувствующий Аблязову и Жакиянову. Но схожим образом говорит и их противник, советник и идеолог Назарбаева Е. Ертысбаев: «Аблязов... – идеалист. А идеалист в политике – это социальная катастрофа»[216].

И масштабы созданного ими движения – больше, чем масштабы движения Кажегельдина, оно быстро приобретает характер бунта новой элиты. Как говорит уже неоднократно цитировавшийся нами Е.Ертысбаев, «в Казахстане появилось много богатых и зажиточных людей, и многие из них отныне хотят честной и свободной конкуренции, прозрачных правил игры»[217].

В ДВК вступает ряд крупных чиновников, включая членов кабинета министров[218], тут же увольняемых с работы премьером К. Токаевым, которого и самого затем Назарбаев отправляет в отставку (несомненно, как не сумевшего ликвидировать бунт в зародыше). Затем они создают свою партию «Ак жол» («Светлый путь»), входящую в ДВК, но более умеренную, чем его лидеры, и ставшую как бы «мостиком» между радикалами и властной элитой. В одной казахстанской газете была помещена фотография, сделанная в начале 90-х гг. На ней – Назарбаев с большой группой молодых политиков и бизнесменов, все радостные. Газета отметила кружочками лица тех, кто ушел в оппозицию. Их – больше половины[219].

Если «бунт» Кажегельдина и его последующую эмигрантскую судьбу в какой-то мере можно сравнить с бунтом и судьбой Березовского и Гусинского в России, то «бунт» Жакиянова и Аблязова может быть сопоставлен с движением, которое попытался организовать Ходорковский. Аналогии с Россией совершенно очевидны. Но в Казахстане аналогичные российским процессы разворачиваются раньше и их масштабы – больше[220]. Опять-таки, как и в России, но раньше и в значительно больших масштабах новые «олигархические» оппозиции становятся центром притяжения всей оппозиции – и находящегося в эмиграции и «плетущего в ней свои интриги» Кажегельдина (несмотря на то, что во время премьерства Кажегельдина Жакиянов был его врагом)[221], и пребывавшей до этого в состоянии «анабиоза» интеллигентской либеральной оппозиции, и коммунистов, лидер которых С. Абдильдин вошел в Политсовет ДВК. Г. Жакиянов гордо заявляет: «Всего несколько месяцев назад ДВК воспринимался обществом как кучка «обиженных» чиновников и бизнесменов. Сегодня под наши знамена встали представители многих известных партий и движений» [222].

Наиболее четкую оценку угрозы для власти нового оппозиционного союза дал, как всегда, Е. Ертысбаев: «Вы не забывайте, что в Казахстане... возник беспрецедентный факт – союз богатых людей и радикальной оппозиции, включая коммунистов. Это несет серьезную угрозу дестабилизации всей ситуации в стране»[223]. В другом интервью он говорит: «Союз радикального крыла ДВК и всей оппозиции, которая до этого не име-

ла финансовой подпитки, представляет собой гремучую смесь и таит угрозу потенциальной дестабилизации всей ситуации»[224].

В январе 2002 г. происходит собрание демократической общественности в алма-атинском цирке, и один из алма-атинских телеканалов, принадлежащий М. Аблязову «Тан», ведет его прямую трансляцию. Воздействие ее на общество казахстанские журналисты сравнивали даже с воздействием трансляции Первого съезда народных депутатов СССР[225]. На собрании – около 900 человек из разных регионов Казахстана, представители всех оппозиционных движений[226]. Председательствует «старейшина», лидер коммунистов С.Абдильдин. Г. Жакиянов говорит на собрании: «... страна живет в атмосфере страха, тотальной лжи и неверия в будущее..., стоит у опасной черты, переступив которую мы рискуем столкнуться с системным кризисом и поставить под угрозу нашу государственность. Реальной альтернативой этому могут быть только решительные демократические реформы...»[227]. Собравшиеся требуют расширения прав парламента, даже перехода к парламентской республике, выборности акимов и судей. Главное непосредственное требование – проведение референдума о выборности глав местной власти, для чего создается инициативная группа. (Как и следовало ожидать, ЦИК позже нашла изъяны в списках ее участников и в регистрации ей отказала[228].)

18

Власть приходит в ужас (надо учитывать, что все это происходит на фоне медленного раскручивания в США «Казахгейта») и действует судорожно и сразу по всем направлениям. Создается ощущение, что с этого времени какая-то единая стратегическая линия власти начинает исчезать, политика становится «реактивной» и в значительной мере непредсказуемой.

Иногда страхи власти раскрывает срочное принятие какого-нибудь закона, которое можно объяснить только паническими настроениями и жуткими образами, возникающими в сознании правителей. Таким, безусловно, является принятый в 2000 г. закон о первом президенте Казахстана, ставший ответом Назарбаева на «Казахгейт» и на страхи возможных в будущем преследований (и подражанием путинскому указу). Ответом на новое наступление оппозиции является принятый в 2002 г. закон о чрезвычайном положении. Если раньше ЧП можно было вводить по всей стране на 3 суток, а в области – на 6, то теперь – на 30 и 60. Вводить его можно, если под угрозой безопасность граждан и «политическая стабильность», в том числе в таких случаях, как сель, эпидемия и т.д. При этом вводится предварительная цензура, запрещаются митинги и даже массовые зрелища[229].

Естественно, разворачивается кампания против поспешной демократизации, которая может привести к хаосу, распаду Казахстана и т.д. Организуется множество всяких писем в прессу, выступлений[230] и даже

митингов[231] против парламентской республики и выборности акимов[232]. Позже появляются «серьезные» статьи, в которых радикалы из ДВК сравниваются с народовольцами, которые в своей необузданной спешке сорвали медленный, но успешно шедший процесс модернизации царской России[233].

Вместе с тем Назарбаев стремится показать, что демократизация – и его цель и что его разногласия с оппозицией – не принципиальные, они связаны скорее со сроками, последовательностью действий, а не с общим направлением. «Не создав... нормальных условий жизни, нет смысла говорить о демократии типа американской или французской»[234]. «Демократия – наш осознанный выбранный путь развития, который я вам предложил и который вы приняли», но «чужие рецепты могут нам навредить»[235]. «Для проведения реформ нет ничего важнее, чем стабильное государство»[236]. «...До парламентской формы правления мы пока не доросли... Мы категорически не принимаем советы, направленные на искусственное ускорение демократических процессов»[237], и т.д. При этом Назарбаев не отметает с ходу даже выборность акимов и в порядке эксперимента готов ввести ее в нескольких сельских округах (первый избранный сельский аким появился еще в мае 1999 г. в родном селе Назарбаева Чемолгане). Создается также постоянно действующее совещание при президенте с представителями политических партий по проблемам демократизации.

Назарбаев стремится расколоть оппозицию. Обращаясь к бизнесменам, он призывает их не лезть в политику («Хочу порекомендовать всем нашим банкирам, бизнесменам... не влезать в политику, делать то, что умеют»), а журналистам он говорит, что государство должно защитить их от олигархов, использующих прессу в своих грязных играх: «... Государство должно защитить журналиста от олигарха[238]», «...журналистика попала под пресс денежных мешков»[239]. (Все это поразительно напоминает Путина. Схожие процессы порождают схожие мысли и приемы.)

Одновременно власть пытается отделить «ответственную» оппозицию, «стремящуюся к тому же, к чему стремится президент, но слишком спешащую», от «безответственной», связавшейся с Кажегельдиным и коммунистами («...вызывает удивление, как реформаторы и демократы оказались вместе с большевиками и явными консерваторами»[240]).

«Ответственную» оппозицию власть стремится привлечь. Два лидера «Ак жола» – У. Джандозов и К. Келимбетов возвращаются на государственную службу, заняв важные посты (Джандозов – советником президента, а затем членом кабинета министров, отвечающим за естественные монополии и подчиняющимся непосредственно президенту, К. Келимбетов – вице-министром финансов) и оставшись в «Ак жол». Позднее министром печати (он уже занимал в начале 90-х гг. этот пост) становится А. Сарсенбаев.

Более того, происходит перерегистрация партий по новому закону, ужесточившему требования к партиям и призванному уничтожить малые оппозиционные партии (что он и сделал). Все были убеждены, что «Ак жол» регистрацию не пройдет[241]. Но он прошел[242]. (Позже регистрируется и возникшая из движения ДВК партия ДВК.)

А на «безответственную оппозицию» обрушивается волна террора.

Против Жакиянова и Аблязова выдвигаются обвинения в экономических преступлениях – как до этого против Кажегельдина и как в России против Гусинского, Березовского и Ходорковского. 27 марта 2002 г. Аблязова арестовывают. 29 марта арестовывают водителя Жакиянова, а сам он скрывается во французском посольстве. Когда 2 апреля к посольству, вокруг которого – пикеты сторонников ДВК, подъехала жена Жакиянова – Карлыгаш, арестовывают ее автомобиль, как якобы находящийся в розыске. Затем 4 апреля Жакиянов выходит из посольства, когда власти обязались не сажать его во время следствия в тюрьму, а держать под домашним арестом[243]. Но и Жакиянова, и французов обманули. «Домашним» арестом становится его помещение под охраной в бараке одной частной павлодарской фирмы (поскольку этот барак – не тюрьма, содержание там рассматривается как «домашний арест», ведь никто не обязывался содержать его именно в его доме). Вскоре Жакиянов оказывается в «нормальной» тюрьме.

Все это очень похоже на российские методы, но для назарбаевского Казахстана особенно характерны эпизоды, когда против оппозиции действуют какие-то лица, остающиеся неизвестными[244]. Мы уже упоминали какие-то таинственные выстрелы по Кажегельдину. Сейчас поднимается целая волна таких актов. Так, 29 марта неизвестные прицельными выстрелами перебили кабель телевизионного передатчика аблязовской компании «ТАН», прекратив ее вещание. Когда кабель был восстановлен, 15 мая его снова повредили. Таинственные неизвестные действуют строго параллельно с властью. Вскоре ТАН лишается права на вещание. 19 мая на окно оппозиционной газеты «Деловое обозрение – Республика» была повешена обезглавленная собака, к которой была прикреплена записка: «Следующего раза не будет». Голова же этой собаки с такой же запиской была подброшена во двор дома, где жила редактор газеты И. Патрушева. До этого она получила по почте похоронный венок. 22 мая в офис редакции была брошена бутылка с зажигательной смесью. Офис выгорел. Было организовано нападение, тоже неизвестных, на газету «СолДАТ», публиковавшую материалы о «Казахгейте». Журналистов избили, технику унесли. Полиция, естественно, ничего не находит, и все это проходит у нее по графе «хулиганство»[245], а представители власти говорят о действиях некоей загадочной «третьей силы»[246].

После того как против журналиста С. Дуванова было возбуждено уголовное дело по обвинению в оскорблении чести и достоинства президента, он был избит неизвестными. Назарбаев сказал по этому поводу,

что это – «специально спланированная и оплаченная недругами нашей страны провокационная акция»[247]. Но через некоторое время С.Дуванов был арестован и приговорен к тюремному заключению по обвинению в изнасиловании несовершеннолетней, практически, несомненно, ложному[248].

Аресты Аблязова и Жакиянова и осуждение Дуванова поднимают бурю во всем мире. В их поддержку выступают и сенат США, и ОБСЕ, и Европарламент, и даже Кофи Аннан. Но ничего не помогает – 18 июля 2002 г. Аблязова приговаривают к 6, а 2 августа 2002 г. Жакиянова – к 7 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. Как всегда, нарочито «циничный» комментарий к этому событию дал Е. Ертысбаев: «Мухтар Аблязов уже после суда заявил, цитирую дословно: «Если вдруг правосудие в Казахстане действительно свершилось бы, то рядом с нами на скамье подсудимых оказались бы все без исключения члены правительства и все акимы за все время существования национального государства». Таким образом, Мухтар, к сожалению, ... признал свою вину»[249]. Генпрокурор О. Жумабеков выпускает пресс-релиз, где говорит об осуждении Аблязова и Жакиянова как о громадном успехе в борьбе с коррупцией и заодно заявляет, что защищавшие их депутаты – тоже коррупционеры, связанные с ними своими тайными делишками[250].

Аблязов и Жакиянов (как, несомненно, и Ходорковский в России) понимали, на что идут, и тюрьма была их сознательным выбором. Но Аблязов, хотя и сказал в последнем слове, что готов идти в тюрьму, если это продвинет Казахстан к демократии[251], переоценил свои силы. В апреле 2003 г. он подает прошение о помиловании, которое удовлетворяется. Выйдя из тюрьмы, он заявляет, что отказывается от политической деятельности. Жакиянов продолжает сидеть, а Назарбаев демонстрирует на нем, что ожидает не сломившихся. Политсовет ДВК уговорил Жакиянова тоже подать прошение о помиловании, что он и сделал. Но, в отличие от прошения Аблязова, в прошении Жакиянова не было ни слова о раскаянии и признании вины. Прошение было отклонено, и против уже сидящего в тюрьме Жакиянова было возбуждено сразу несколько новых уголовных дел[252].

Жена Г. Жакиянова Карлыгаш выставила свою кандидатуру на довыборах в мажилис в Павлодаре. По данным опроса она получила 50,57%, по официальным – 33,34%[253].

Волну ДВК постигла судьба волны кажегельдиновской оппозиции. Она разбилась о «твердыню» назарбаевского режима. «Твердыня» устояла. Но серия все более сильных ударов и внутренние процессы делают режим все менее прочным. Трещины в построенном Назарбаевым здании своей «безальтернативной» власти становятся видны невооруженным глазом.

19

Одна за другой возникают оппозиционные «волны». От казахстанской элиты откалываются группы, стремящиеся к смене режима. Последняя волна – движение ДВК – самая сильная, и хотя режим выстоял, но полностью справиться с ней он уже не смог. Картина политической жизни Казахстана радикально изменилась.

Движение ДВК не было зарегистрировано, но породило Народную партию ДВК и Демократическую партию «Ак жол». Обе партии быстро набрали необходимое для регистрации число членов (50 тыс.) и даже значительно превысили его (в «Ак жол» – около 120, а в ДВК – около 90 тысяч). «Ак жол», а затем и ДВК, в противоречии с прогнозами либеральных СМИ, были зарегистрированы. Сидящий в тюрьме Жакиянов избран председателем партии ДВК и превращается для казахстанского общества (или значительной части казахстанского общества) в символ сопротивления, своего рода Нельсона Манделу. На митинге в поддержку Г. Жакиянова Булат Абилов говорит: «Он –свободен, а мы все несвободны. Он смог победить страх. Он смог выдавить из себя раба... Мы не можем выдавить раба... Он настоящий герой нашего времени»[254]. По сообщениям прессы, под организованной ДВК петицией об освобождении Жакиянова поставлено около миллиона подписей[255]. Достаточно вообразить себе российского олигарха, выступающего, как Б. Абилов, на митинге с требованием освободить Ходорковского или миллион российских подписей под петицией об его освобождении (а если учитывать разницу в населении, то это должны быть десять миллионов, как в российских отдаленных аналогах «Ак жол» и ДВК – СПС и «Яблоке» должно быть по миллиону членов), чтобы понять, до какой степени сейчас казахстанское общество живее, свободнее российского.

Если ДВК – просто оппозиционная партия, то «Ак жол» – оппозиционная, но сотрудничающая с властями, представители которой даже входят в правительство[256]. Но похоже, что это сотрудничество связано больше со стремлением способствовать демократизации «изнутри», чем с обычными карьерными мотивами. Во всяком случае А. Сарсенбаев, неожиданно назначенный министром информации, не только радикально изменил политику министерства, но и говорит о Жакиянове: «Я теперь вдвойне чувствую ответственность за его судьбу»[257]. (Опять-таки вообразить российского министра, который мог бы сказать что-то подобное о Ходорковском или даже вошел в правительство при условии проведения определенной политической линии, невозможно.)

ДВК и «Ак жол» очень тесно сотрудничают с коммунистами[258], которые под руководством Абдильдина стали одной из сил демократической оппозиции и даже готовы были в случае отказа партии ДВК в регистрации предоставить ее лидерам места в своем списке. Один из лидеров движения ДВК, депутат и богатый предприниматель Т. Тохтасынов даже вступил в КПК и тут же стал одним из ее секретарей. На сентябрьские

выборы в парламент КПК и ДВК пойдут единым блоком. (Снова – и похоже, и не похоже на Россию. Силы, толкающие левых и правых к сближению, и в России, и в Казахстане – общие. По существующим «правилам игры» ни те ни другие выиграть не способны, а это значит, что все их разногласия отходят в область теории. Главной задачей становится – изменить сами «правила игры»[259]. Но в России левые и правые пока только посылают друг другу невразумительные «сигналы», предвыборный блок коммунистов и правых в России – даже не утопия, а шутка.)

Продолжается и постепенный переход в оппозицию представителей правящей верхушки. Так, с резко антиназарбаевским заявлением и прямым призывом к его отставке выступил его старый товарищ и соратник, бывший «всесильный» мэр Алма-Аты, а последнее время – глава Агентства по чрезвычайным ситуациям З. Нуркадилов: «Если этот человек (Назарбаев) заставит вернуть народное добро всех тех, кто его украл, да и сам вернет в том числе, то я думаю, можно простить его как первого президента... Если в заданных мной вопросах хоть один ответ найдет подтверждение о злоупотреблениях, вы заслуживаете кары не меньше, чем экс-президент Кореи Ро Де У... Чего вы ждете? Почему добровольно не уходите в отставку?»[260] Естественно, он тут же был уволен премьер-министром за то, что «самоустранился от занимаемой должности, проявив инертность и низкую квалификацию»[261]. После разразившегося скандала Назарбаев встречался с Нуркадиловым с глазу на глаз. Нуркадилов попросил сделать его председателем ЦИК, чтобы в стране, наконец, произошли честные выборы. На это Назарбаев не пошел, но пообещал демократизацию, а Нуркадилов обещал пока помолчать. Так как желаемой демократизации не наступило, через некоторое время он снова пустился во все тяжкие и стал поименно призывать своих и президента старых соратников, которые, с его точки зрения, не потеряли совесть, вступать в борьбу за демократию и выставлять свои кандидатуры на президентских выборах 2006 г.[262].

Понять реакцию президента на действия оппозиции совершенно невозможно. Действия власти полностью противоречат друг другу. С одной стороны, происходит регистрация ДВК и «Ак жол», президент не подписывает ограничивающий свободу СМИ Закон о печати, А.Сарсенбаев становится министром информации, что означает резкое увеличение свободы печати, на съезде «Отан» Назарбаев снова говорит о демократизации и даже о переходе к выборности акимов (еще недавно это допускалось только как очень отдаленная перспектива). Более того, С. Дуванов освобождается «условно-досрочно», а Жакиянов переводится на поселение. С другой стороны, под разными предлогами представители оппозиционных партий не допускаются в избиркомы, и практически несомненно, что предстоящие в сентябре 2004 г. выборы в парламент первыми честными выборами не будут. Б. Абилова осуждают («условно») за клевету, происходит в классически постсоветском стиле «наезд» на Казкоммерц-

банк, глава которого Н.Субханбердин симпатизирует и, вероятно, финансирует «Ак жол», закрывается по суду «за клевету» крупнейшая оппозиционная газета Assandi-Times. Все это производит впечатление не сложной и хитроумной политики, а каких-то бестолковых метаний. Более того, некоторые действия власти приобретают просто патологический характер. Таким удивительным событием, говорящим о болезненных процессах, происходящих в сознании правящей верхушки, был выпуск подложного «экстренного» номера газеты Assandi-Times с открытым письмом Г. Жакиянова «Хочу перестать быть символом непонятной борьбы», где он отрекается от своего политического прошлого и говорит, что не хочет быть пешкой в игре рвущихся к власти оппозиционеров. Естественно, что на следующий же день подделка была разоблачена.

Очевидно, эти метания говорят о том, что президент находится под страшным психологическим прессом. Страна изменилась, он столкнулся с действительно мощным сопротивлением, и его обычные «хитрости» на этот раз сработать не могут. Перейти к решительным репрессиям – страшно и, наверное, не хочется, ибо Назарбаев, несомненно, хочет превращения Казахстана в развитую современную страну и в какой-то мере, вероятно, верит в свои речи о демократии, в то, что он ведет к ней Казахстан. Кроме того, страшное психологическое давление не может не оказывать на него совершенно иррациональный для него «Казахгейт». Возраст тоже дает о себе знать, а никакой ясности с преемником пока нет. Сейчас для него – далеко не лучшее время.

Но противоречивость политики, явно видные в ней метания связаны, очевидно, не только с психологической ситуацией президента, но и с тем, что выработка политики все меньше становится делом его одного. Когда у властителя нет ясного политического курса, он мечется, а время его подходит к концу, политика становится децентрализованной. Разные силы на казахстанском «верху» ведут свои разные политики. В «сжимающейся» лояльной президенту части элиты, в правящей верхушке, происходит то, что можно назвать «разрыхлением» или «размягчением» (подобрать подходящее слово очень трудно). Она все более утрачивает монолитность, и президент все более утрачивает контроль над ней.

20

Этот процесс идет и в самой назарбаевской «Семье», контролировать которую президенту особенно трудно. Премьера можно отправить в отставку, оппозиционного олигарха можно посадить, но что делать со своими дочерьми и зятьями, ставшими обладателями колоссальных состояний и влияния, обросшими клиентелой и начинающими соперничать друг с другом с прицелом на наследие стареющего главы семейства? А так как в результате естественного биологического процесса «час Х» становится все ближе, проблема наследия и борьба за него обостряются. О ней все больше заставляют думать и события в других странах СНГ, дающие

как хорошие (более чем успешная передача власти в России Ельциным доверенному человеку, но не родственнику, успешная, хотя и с «малой кровью», передача власти Гейдаром Алиевым сыну в Азербайджане), так и грозные примеры (напугавшие всех постсоветских президентов события в Грузии).

Как любая семья, казахстанская «Семья» – сложный организм, ее внутренние отношения могут быть непонятны не только для посторонних, но, очевидно, иногда и для тех, кто к ней принадлежит. Казахстанские оппозиционные газеты и интернетовские сайты полны слухов и сплетен о ее внутренней жизни, интимных отношениях ее членов. И в этом проявляется не только обычная любовь к «подглядыванию в замочную скважину». Как в средневековой монархии, в Казахстане внутренняя жизнь «монаршей» семьи, самые интимные отношения внутри нее имеют непосредственное политическое значение. И иногда – самое важное. Например, от того, какие отношения у Дариги с Рахатом (раньше сообщалось, что они фактически разошлись или даже тайно развелись, потом это опровергалось, и стали говорить, что Дарига добивается от отца «помилования» Рахата и возвращения на родину из «венской ссылки»), может зависеть буквально политическое будущее Казахстана.

После венской ссылки Рахата Алиева главные потенциальные претенденты на роль преемника Назарбаева – дочь Дарига (при этом ее отношения с пребывающим в Вене Рахатом не ясны) и второй зять Назарбаева, муж Динары – менее «конфликтный», чем Рахат Алиев, нефтяной магнат Тимур Кулибаев. Последнее время было много свидетельств того, что вроде бы «официальной» преемницей отца становится энергичная Дарига.

В 2003 г. она создала свою собственную партию «Асар» («Всем миром, сообща»), естественно, полностью поддерживающую курс президента, основные «идеи» которой (опять-таки, естественно) – «центризм, реализм, прагматизм, толерантность и политическая умеренность», но с несколько либеральным идеологическим оттенком. Дарига смогла быстро переманить ряд депутатов и сенаторов и создать фракцию «Асар» в парламенте и заявила о намерении объединить все пропрезидентские партии[263]. Но вскоре возникли подозрения, что все это или делается ею вообще «без отцовского благословения», по собственной инициативе, или же благословение было получено, но другие члены семьи возмутились, и Назарбаев его «полуотозвал». Во всяком случае Назарбаева на учредительном съезде «Асар» не было, а чиновники на местах, поспешившие организовывать кампании по массовому вступлению в новую партию, неожиданно и к полному своему недоумению получили указание из Астаны не вмешиваться[264]. Более того, не посетивший съезд «Асар» Назарбаев был затем на съезде «Отан» и призвал «Отан» в своей речи избавляться от «перебежчиков». Как пишет казахстанский журналист, присутствовавшая как гость съезда Дарига «тщательно следила за своим ли-

цом»[265]. Похоже, что «Асар» становится не объединяющей силой, а просто четвертой крупной (наряду с «Оган», Гражданской и Аграрной партиями) пропрезидентской партией, что будет означать, что система партий, номинально представляющих интересы социальных слоев, превратится в систему партий, реально представляющих кланы. Кулибаев, обладающий колоссальными состоянием и влиянием, как пишут казахстанские газеты, пытается сейчас внедриться на телевидение. Соперничество этих двух фигур начинает приобретать публичный характер, и, таким образом, сама «Семья» становится источником некоторого «плюрализма»[266].

Кроме собственно семейных, возглавляемых ближайшими родственниками Назарбаева группировок, в правящей верхушке есть и другие группировки, возглавляемые «вельможами», не принадлежащими к семье в узком смысле слова. Это – «кланы» ближайшего советника президента и главы его администрации Н. Абыкаева, недавно ставшего председателем сената (он – родственник президента, но дальний), главы Совета безопасности и «олигарха» С. Утемуратова, алюминиевого и хромового короля А. Машкевича, с его хорошо организованной Гражданской партией, и др. Эти люди, являющиеся видными «соратниками» или «клиентами» не кого-либо из членов «Семьи», а непосредственно ее главы, могут сыграть решающую роль в борьбе за «наследство», примкнув к одному из семейных кандидатов или даже выдвинув кого-то не из членов семьи[267]. Их роль может быть аналогична роли русских вельмож XVIII в., когда порядок престолонаследия не был определен и от них зависело, пригласить ли, например, Анну Иоанновну или вспомнить о Елизавете Петровне. И, наконец, есть сплоченная и влиятельная группировка акжоловцев, которые одновременно – и оппозиционная группа, стремящаяся к более демократическому режиму, и часть правящей элиты. В критической ситуации борьбы за престол какие-то из этих группировок вполне могут предпочесть трансформацию режима победе своих противников[268].

Это разделение правящего слоя на кланы и «партии», как и усиление и относительные успехи оппозиции, создают обстановку, в которой постепенно укореняются некоторые «плюралистические» или даже демократические «привычки». Люди привыкают к тому, что есть разные «центры силы», которым нужна их поддержка и между которыми они могут выбирать. Они видят, что хотя прямая атака на президента может привести в тюрьму, но просто критика и отстаивание своих позиций, как у акжоловцев, – это не так уж страшно и даже не так уж безнадежно. Более того, даже и прямая атака на Назарбаева перестает быть такой уж страшной. Как говорит Е. Ертысбаев, «сегодня особым мужеством не надо обладать, чтобы подвергать критике персону президента...»[269].

21

В этой ситуации институты, которые, казалось бы, имеют чисто декоративное значение – пропрезидентские партии и парламент, начинают, как оловянные солдатики у Щедрина, «наливаться кровью». Форма в какой-то мере начинает приобретать содержание.

Так, еще в 1999 г. в парламенте началась атака по бюджетным вопросам на преемника Кажегельдина премьера Н. Балгимбаева, которую вели не какие-то либеральные оппозиционеры, которых в этом парламенте практически и не было, а лоялисты из президентской партии «Отан» во главе со спикером мажилиса М. Оспановым. Поддерживали же премьера тоже лоялисты, но из Гражданской партии. Был поставлен вопрос о доверии, и для вынесения вотума недоверия не хватило только одного голоса[270].

Этот эпизод мог считаться каким-то особым исключением или просто инсценировкой (все-таки вотума недоверия не вынесли, а с другой стороны, Назарбаев и так явно собирался сменять Балгимбаева и вскоре это сделал). Но ту же картину мы видим и в следующем парламенте, который вначале также воспринимался как совершенно «беспроблемный»[271]. Уже в 2002 г. пресса отмечает его резкую активизацию. В нем стали раздаваться голоса, требующие расширения полномочий, включения в бюджет внебюджетных фондов, и из него стали регулярно возвращаться на доработку подготовленные правительством законопроекты. При этом опять-таки активизируются и проявляют строптивость и депутаты от пропрезидентских партий[272]. А в 2003 г. в Казахстане происходит небывалое событие, показавшее, как изменилось общество. Правительство И.Тасмагамбетова передало в мажилис проект Земельного кодекса. Некоторые депутаты оказывали ему сопротивление, считая, что он приведет к возникновению латифундий и обезземеливанию крестьянства. Были внесены относительно значимые поправки (мораторий на покупку земли негосударственными юридическими лицами, ограничение покупок земли этими лицами и иностранцами и др.). Правительство было против этих поправок и неожиданно поставило вопрос о доверии. Это был совершенно очевидный шантаж. Для недоверия нужно две трети голосов обеих палат, что собрать практически невозможно, и при вотуме недоверия президент имеет право распустить парламент и назначить новые выборы. В России за недоверие правительству не голосовали даже оппозиционные первая и вторая Думы. Состав мажилиса и сравнивать нельзя с составом этих первых российских Дум, скорее к нему близок состав теперешней Думы. Однако за недоверие высказались 55 из 77 депутатов мажилиса и 3 из 37 депутатов сената. Тасмагамбетов был явно совершенно не готов к такому повороту и даже заявил, что результаты голосования в парламенте были сфальсифицированы. Тем не менее правительство подало в отставку. И она была принята[273]. Такого в истории Казахстана (и в истории России) еще не было.

Либеральная пресса этого развития событий не прогнозировала и, когда Тасмагамбетов все же ушел в отставку, растерялась и стала писать, что президент сознательно не дал команды, как голосовать, ибо уже сам решил, что Тасмагамбетову пора уходить, и одновременно – хотел продемонстрировать миру казахстанскую демократию. Но даже если это так[274], все равно сам факт, что Назарбаев мог предоставить парламенту решить вопрос о судьбе правительства, а депутаты голосовали, как хотели, не боясь возможного по казахстанской конституции роспуска парламента, говорит о новых отношениях в казахстанской правящей верхушке. И нам нужно только попытаться представить себе, что прошлая или новая, теперешняя российская Дума отправляет в отставку правительство, чтобы понять, что постепенно эти отношения стали так же не похожими на российские, как не похожа на российскую казахстанская оппозиция.

2 декабря 2003 г. председатель мажилиса Ж.Туякбай публикует в «Казахстанской правде» статью «Опыт возмужания»[275]. Туякбай – совсем не либеральный оппозиционер, он человек близкий к Назарбаеву и родственник бывшего премьера Балгимбаева, которому чуть не выразил недоверия предшествующий парламент. Но в этой статье он требует расширения полномочий парламента, говорит о необходимости настоящего разделения властей и принятия закона о выборах, который сделал бы невозможным использование «административного ресурса».

Когда Назарбаев говорит о постепенном переходе к демократии, это выглядит как чисто «инструментальные» (чтобы не сказать – демагогические) заявления человека, который не хочет уступать власть и делиться ею. И несомненно, в значительной мере так и есть. Но иногда бывает, что человек говорит правду, и сам не подозревая, до какой степени это правда. За 12 лет независимости в Казахстане, действительно, произошли изменения, приближающие казахстанское общество к демократии. И назарбаевский режим, который в первую половину 90-х гг. развивался в направлении ко все большему авторитарному контролю над обществом, все более и более теряет этот контроль.

22

Наш очерк «обрывается на этапе августа 2004 г. «на полуслове», поскольку «цикл жизни» казахстанского, как и российского режимов не завершен. Тем не менее мы можем подвести некоторые итоги. И прежде всего – сравнить казахстанское и российское развитие.

То, что режимы Казахстана и России однотипные и в их развитии прослеживаются общие закономерности, – очевидно. Но есть и большие различия.

Казахстанский режим, преемственность которого с советской системой больше, чем у российского, с самого начала был авторитарнее российского. Этот режим значительно больше склонен использовать в борь-

бе с противниками грубые террористические методы, вроде всяких избиений и поджогов, совершаемых «неизвестными». Он быстрее достиг после референдума о продлении президентских полномочий Назарбаева стадии максимальной авторитарности. И казахстанцы, очевидно, вправе были оценивать российский режим как «более демократический», чем их собственный[276]. (Сейчас такие оценки уже невозможны, и Назарбаев во время недавнего визита Путина в Казахстан мог, ободряя Путина, заявить: «По реформам как экономики, так и политики мы примерно на одном уровне... Я не боюсь сказать, что в Казахстане управляемое развитие демократии»[277].)

Вполне возможно, что с большей авторитарностью казахстанского режима был связан и более быстрый процесс экономического, рыночного реформирования Казахстана. У Назарбаева были более развязаны руки, чем у Ельцина, он мог меньше, чем его российский собрат, считаться с общественным мнением. И это более последовательное реформирование, похоже, дает плоды – Казахстан сейчас опережает Россию по темпам экономического развития.

Но другой стороной этого относительно успешного развития является то, что и признаки упадка и кризиса казахстанского режима появились раньше, чем признаки кризиса российского. Российский режим переживает при Путине свой расцвет. Никому не известный ельцинский наследник смог в 2000 г. получить больше голосов, чем Ельцин в 1996 г., и выиграть в первом туре. В 2004 г. он фактически выступал без конкурентов, и его показатели были еще лучше. Дума, избранная в 1999 г., неизмеримо более подконтрольна власти, чем ее предшественницы, а Дума 2003 г., в которой партия власти «Единая Россия» имеет конституционное большинство, а правая либеральная оппозиция вообще не представлена, – близка к «идеальной». Российское политическое развитие идет не к усилению элементов демократии, не к ротации власти, а к дальнейшему усилению контроля власти над обществом, исключающего ротации. В Казахстане же направление развития – иное. Расцвет казахстанского режима «безальтернативной» президентской власти приходится на 1995–1998 гг., и теперешнее почти тождество политических систем Казахстана и России, о котором говорил Назарбаев, это результат «пересечения» разных траекторий движения – ко все большей авторитарности и управляемости в России и ко все меньшей – в Казахстане.

Более того, похоже, что эта «точка пересечения» уже позади и теперешнее казахстанское общество более плюралистическое и «открытое», чем российское. Мы уже неоднократно цитировали назарбаевского советника Е. Ертысбаева. Процитируем еще раз. Он говорит о будущих президентских выборах: «Нам не нужно 98%, как это было в 1991 году. Нам не нужно и 80%, как в 1999 году. Но нам нужен контрольный пакет электората, скажем, 51%»[278]. Россия идет к 80 и 90%, Казахстан «скатывается» к 51%.

Оба режима сталкиваются с новыми вызовами. Вначале они преодолевают «сопротивление материала», сил, которые уже были в обществе к моменту зарождения режима, которые были порождены советским развитием и советской социальной структурой. Это – сопротивление рабочих, крестьян, старой номенклатуры, либеральной интеллигенции, национальных движений. Становление режима и есть преодоление этого сопротивления. Но затем все заметнее становится сопротивление социальных слоев, порожденных самими режимами, прежде всего новой буржуазии, которой все более тесны рамки авторитарных президентских систем. Появление этих новых сил дает новую жизнь старой оппозиции и изменяет общую структуру оппозиции. Это происходит и в России, и в Казахстане. Но в Казахстане это происходит раньше и в более ярких и решительных формах. Ходорковский очутился в тюрьме, едва начав свою политическую деятельность. Аблязов и Жакиянов успели объединить всю разношерстную оппозицию и выдвинуть свою программу. Масштабы их поддержки несравнимы с более чем скромными масштабами поддержки Ходорковского. Сейчас демократическая оппозиция в Казахстане значительно сильнее, чем в России, а правительственный лагерь значительно менее дисциплинирован «властной вертикалью», более плюралистичен.

Более быстрое, чем в России, движение Казахстана к рынку, более быстрое и в больших масштабах, чем в России, возникновение буржуазной оппозиции и разные векторы теперешнего развития наших двух стран – факты. Но есть ли связь между ними, действительно ли в Казахстане из-за более быстрого рыночного развития быстрее формируются буржуазия и ее сознание, мы сказать не можем. Можно, однако, указать на некоторые культурные и ситуативные факторы, способствовавшие, очевидно, развитию оппозиции в казахстанском обществе и «либерализации» казахстанского режима.

Мы говорили раньше, что и в России, и в Казахстане массовое сознание стремилось к порядку любой ценой и это стремление и было основной «социальной базой» сложившихся режимов. Но есть и очень большие отличия российского и казахстанского менталитета.

В Казахстане нет российской традиции великого самодержавного и затем советского тоталитарного, имперского государства. Эта традиция придает в России протесту народных масс против буржуазных реформ специфически антидемократический оттенок, порождает характерный именно для постсоветской России «красно-коричневый» синтез коммунизма и «фашистоидного» национализма, который препятствует объединению постсоветских коммунистов с либералами и демократами и превращает сам российский либерализм в нечто очень странное – в либерализм, на знамени которого был Пиночет. В Казахстане нет этого «красно-коричневого» синтеза. Коммунисты здесь – слабее, чем в России. Но главное, они – иные. Они значительно больше, чем российские, воспри-

няли демократические ценности, и между ними и либеральной оппозицией установились прочные отношения сотрудничества[279]. Соответственно и в «правых» кругах нет того «зоологического антикоммунизма», который приводил к тому, что российские «демократы» приветствовали любые антизаконные действия власти, если они были направлены против «коммунистической угрозы».

Российская самодержавная государственная традиция вначале в какой-то мере работала на коммунистическую оппозицию, но постепенно она все больше начинает работать на президентский авторитарный режим. Российское сознание с облегчением «узнает» в президентской власти «нормальную», традиционную для России самодержавную власть. Уже Ельцин активно использует самодержавные символы, а Путин пользуется и самодержавной, и советской символикой, подчеркивая традиционность и преемственность своей власти. Назарбаев в Казахстане не имеет такой исторической опоры. Можно не принимать всерьез идею «кочевой демократии» или того, что «принцип толерантности заложен в степной цивилизации как фундаментальный принцип»[280], но ясно, что казахское прошлое, казахские традиция и культура не «работают» в такой мере на авторитарную систему, как российские[281].

Какую-то роль могут играть и племенные и жузовые пережитки, которые в процессе демократического развития могут сыграть не только «лежащую на поверхности» негативную роль. Российское общество полностью атомизировано, и при отсутствии «гражданского общества», системы добровольных организаций оно оказывается совершенно беззащитно перед властью. Разобщенные, атомизированные индивиды не могут противопоставить ей какую-то солидарность. В Казахстане гражданское общество развито не больше российского. Но сохраняющиеся «догосударственные» солидарности и лояльности в какой-то мере могут, очевидно, восполнять его слабость и делать индивида чуть менее одиноким и беззащитным перед властью. Создается ощущение, что в Казахстане, в отличие от России, всякие властные вертикали и президентские партийные структуры, достигая определенного уровня управляемости, далее начинают «рассыпаться» – борьба чиновничьи-олигархических кланов начинает выходить за безопасные пределы, прошедшие строгий отбор депутаты вдруг начинают голосовать неожиданно для власти. Племенные и жузовые связи могут и смягчать идеологические и социальные антагонизмы. Играют ли они какую-то роль в несомненно большей, чем в России, способности казахстанской оппозиции к объединению в борьбе с авторитарной властью?

Вряд ли случайно, что большинство лидеров оппозиции (и С. Абдильдин, и О. Сулейменов, и Г. Жакиянов, и А. Кажегельдин, и А. Кожахметов) – из Среднего жуза. Доминирование назарбаевского Старшего жуза, естественно, ведет к недовольству казахов из Среднего и Младшего жузов, и это недовольство принимает форму политической оппозицион-

ности, в основном либеральной окраски. И вряд ли будет правильно сказать, что здесь за либеральной фразеологией «прячутся» архаические племенные интересы. Скорее эти интересы, ущемленность представителей других жузов в условиях назарбаевского режима способствуют принятию либеральной идеологии и смягчают идеологические противоречия.

Все это – вопросы, на которые нет готовых ответов, они требуют больших и трудоемких исследований. Тем не менее гипотеза о «разлагающей» авторитарную дисциплину и в какой-то мере «работающей» на демократизацию роли сохраняющихся племенных и жузовых лояльностей мне представляется правдоподобной.

Очень сложную роль играет и этнический плюрализм Казахстана, прежде всего наличие в нем колоссального русского меньшинства. С одной стороны, его потенциальные сепаратистски-ирредентистские тенденции всегда были одним из аргументов (публично не произносимых, но всем понятных) в пользу «сильной власти» и прежде всего – назначения областных акимов. Таким образом, «русский фактор» скорее работал на авторитаризм. Но есть и другая сторона его влияния. Необходимость «успокаивать» русских породила постоянное подчеркивание Назарбаевым и его идеологами ценностей этнической, культурной и религиозной толерантности. Но совершенно такую же позицию занимает и оппозиция, постоянно, от О. Сулейменова до А. Кажегельдина, С. Абдильдина и ДВК, обвиняющая Назарбаева в дискриминации русских. «Борьба за русских» между властью и оппозициями способствует тому, что идеи толерантности, ценности плюрализма становятся общими для всех реальных политических сил, что благоприятствует укоренению демократических ценностей.

Наконец, важную роль в развитии демократической оппозиции и более демократической «атмосферы» в Казахстане играют и чисто случайные факторы. В истории режимов, подобных казахстанскому и российскому, громадную роль играют факторы «биологические» – возраст и здоровье президентов и разное соотношение циклов их жизни с циклами развития режимов. Старение и болезнь президента для такого рода режимов – всегда кризис. Это кризис во всех авторитарных режимах, даже в таких, как монархии с четким порядком престолонаследия. Тем более это кризис в режимах, где престолонаследие – неопределенно, где стареющие властители могут назначить наследником человека из различных групп и нет стопроцентной гарантии, что власть действительно перейдет к тому, кто назначен. Естественно, что близость передачи власти – это ситуация резкого обострения борьбы придворных партий, когда разные группировки «подсовывают» разные кандидатуры, когда никто из вельмож не может быть уверен в своем будущем. В такой ситуации всегда происходит некоторая «олигархизация» и даже «демократизация» режима, ибо борющиеся группировки апеллируют к более широким слоям элиты и даже к народу. В СССР так было и в период болезни и затем после смерти Ленина, и после смерти Сталина и при всех последующих переходах

власти. В постсоветской истории России схожая ситуация возникла в 1999 г., пока Ельцин не определился с преемником, – внутриэлитарная борьба резко обострилась и часть элиты даже пыталась «самоорганизоваться» и самостоятельно выдвинуть своего кандидата (Примакова).

Для судьбы режима очень важно, очевидно, на какой этап его развития падает неизбежный кризис преемственности, наступление которого никак не связано с циклами, имманентными режиму. Если режим близится к упадку, слабеет, если в нем уже вызрели силы, стремящиеся выйти за его пределы, то биологический упадок и смерть воплощающего его властителя могут оказаться для него роковыми. Если же режим далек от упадка, смена властителей идет ему лишь на пользу – новый правитель вызывает радужные ожидания, он может избавиться от наиболее одиозных черт правления и персонажей, связанных с его предшественником.

В России кризис передачи власти был разрешен в целом почти идеально для режима, вступившего при ельцинском преемнике в период расцвета. В значительной мере это произошло потому, что передача власти совершилась на относительно раннем этапе развития режима – до возникновения серьезного конфликта авторитарной президентской власти и новой буржуазной элиты, когда силы, которые могли бы попытаться в этой кризисной ситуации изменить режим, еще не сложились. Кроме того, Ельцин проявил удивительную мудрость, сам уйдя в отставку и назначив преемником мало известного человека, не слишком связанного с его правлением.

В Казахстане ситуация иная. Назарбаев не настолько устал и болен, как Ельцин в конце своего правления, хотя годы, естественно, начинают брать свое. Совсем недавно было заявлено, что он намеревается идти на президентские выборы в 2006 г.[282]. Кризис передачи власти в Казахстане – впереди. Между тем в казахстанском обществе быстрее, чем в российском, созревают силы, стремящиеся к переходу от режима личной власти к правовому режиму. И есть шансы, что эти силы смогут воспользоваться еще предстоящим в Казахстане кризисом – или вообще не допустив наследственной передачи власти, или допустив, но на определенных «кондициях» (используя термин русских вельмож, пытавшихся ограничить самодержавие при воцарении Анны Иоанновны), так что правление преемника (или преемницы) будет менее персоналистским и авторитарным, с большей ролью права, парламента, самоуправления, подготавливающим окончательный переход к нормальной системе демократической ротации власти.

23

Мы старались по возможности беспристрастно описать казахстанский режим. Очень многое в этом режиме, как и в родственном ему российском, настолько очевидно непривлекательно, что как ни старайся быть объективным, картина все равно получается малоприятная.

Но наша задача – не выносить моральное суждение этим режимам, а определить их место в эволюции наших обществ. А для этого мы должны задать вопрос: какие могли быть альтернативы? Альтернативы, разумеется, были, особенно в период зарождения этих режимов, в 1991 г. Среди них, очевидно, были и более хорошие, и более плохие, с большими и меньшими элементами авторитаризма и большими и меньшими элементами демократии. Но, на наш взгляд, настоящая демократия, правовое общество, в котором оппозиция может стать властью, в число более или менее реальных альтернатив ни в России, ни в Казахстане этого времени не входила. Страны с такой историей и таким сознанием, как Россия и Казахстан, в 1991 г. прийти к демократии, к системе борьбы за власть и ротации власти на выборах, к которой пришли посткоммунистические страны Центральной Европы и Балтии, были не способны. Следовательно, наши режимы для наших стран – «нормальные».

И фигуры наших президентов «нормальные». Ни Ельцин, ни Назарбаев ни в коей мере не мелодраматические злодеи. Это обычные люди, типичные представители своего социального слоя и своих обществ, разделяющие все предрассудки массового сознания[283]. На их месте могли быть другие, чуть лучше и умнее или, наоборот, чуть хуже и глупее. Конечно, это внесло бы какие-то коррективы в постсоветскую историю наших стран. Но практически несомненно, что все равно было бы строительство неправовой системы личной власти, прикрываемой правовыми формами, все равно была бы «семейная экономика» и коррупция. Чтобы в постсоветской ситуации «безальтернативный» президент не обогатился сам в ходе практически бесконтрольно осуществлявшейся им приватизации и не пытался бы правдами и неправдами закрепиться у власти, он должен быть святым. Но святой не мог стать постсоветским президентом. Совершенно разные люди – и не слишком культурный и импульсивный Ельцин, и «прожженный» коммунистический бюрократ и хитрец Назарбаев, и утонченный интеллигент и «почти диссидент» Тер-Петросян, и академик Акаев шли по одной и той же дороге и создавали очень похожие режимы. Назарбаев ничуть не хуже, например, Ельцина, и какие бы грехи ни были на его совести, они значительно меньше, чем «грехи» кровавого переворота 1993 г. и чеченских войн[284]. Назарбаев может предъявить даже больше объективных успехов и достижений, чем другие постсоветские президенты. Почти «немыслимое» казахстанское государство состоялось, кровавых конфликтов не было, а рост ВВП, что ни говори – все же более быстрый, чем в любой постсоветской стране, и один из самых высоких в мире.

Постсоветские «безальтернативные» президенты бесконечно и на все лады повторяют одну мысль – наши народы до демократии не доросли, демократия приведет к анархии, с демократией мы зальемся кровью. Поэтому пусть европейцы и американцы не лезут к нам со своими рецептами и советами. Что им – хорошо, то для нас – гибель. Когда-ни-

будь к демократии мы придем, но это – когда-нибудь. Назарбаев повторял это множество раз. «Нельзя из дня вчерашнего внезапно перепрыгнуть в демократию французскую или американскую. Так не бывает»[285]. «... К ним (к Западу) демократия приходила 150–200 лет. Почему же они хотят от нас демократии сразу?»[286] «Если бы здесь (в Центральной Азии) не было пять авторитарных режимов, здесь было бы десять бен Ладенов»[287]. Своекорыстие этих рассуждений, их продиктованность желанием «навластвоваться всласть» и обезоружить западную критику, очевидны. Но своекорыстный мотив этих высказываний еще не значит, что они неверны и являются, как пишет американская исследовательница М.Олкотт, лишь «голословным оправданием консолидации власти в руках правящей элиты»[288]. «Оправданием» они, безусловно, являются, но «голословным» – нет.

Признание правоты таких рассуждений постсоветских президентов наталкивается на наш моральный протест. Но оно не означает ни отрицания абсолютного морального значения демократии, ни расистского признания вечной иерархии народов. Демократия – достижение человечества, которым раньше или позже должны овладеть все. Но это также не значит, что все народы могут усвоить демократию сразу и что те, кто не может усвоить ее сразу, не усвоит никогда и усвоить не может, как признание нормальности и обязательности грамотности или владения арифметикой не означает, что ребенок может научиться считать и читать за один день или одну неделю. Чтобы прийти к демократии, надо «помучиться». Н. Назарбаеву принадлежит одна загадочная фраза: «Демократию нельзя ввести декретом. Демократию можно только выстрадать. Мы сейчас как раз и находимся в фазе ''страдания''[289]. Совершенно непонятно, какую роль в этих страданиях Назарбаев приписывал себе, – вряд ли все же он подразумевал под ними страдания тех, кто вступил в борьбу с его режимом и оказался в тюрьме. Но вне зависимости от этого, высказывание это, на мой взгляд, не только правильное, но и глубокое.

Более развитые, более подготовленные своей историей и культурой народы СССР, прежде всего балтийские, могли прямо из коммунистического строя шагнуть к демократии. Для народов России и Казахстана, не имевших практически никакого опыта демократии, казахи – и опыта самостоятельного государства, такой прыжок был не по силам. Для них были естественны переходные формы, сочетающие авторитаризм с какими-то элементами демократии.

И казахстанский, и российский режимы – переходные. Это режимы, в течение жизни которых общества усваивают некоторые элементарные демократические и рыночные нормы и привычки, уходят из жизни поколения, сформировавшиеся при тоталитаризме и несущие его отпечатки на своем сознании, и приходят новые, сформировавшиеся если не в демократических, то все же в значительно более свободных условиях. Это режимы, в рамках которых должны вызреть силы, которым они стано-

вятся тесны, и которые в конце концов должны их сломать. Даже из нашего краткого очерка эволюции казахстанского режима видно, как продвинулось вперед за назарбаевские годы казахстанское общество, как укореняются в нем базовые демократические ценности и как растет недовольство Назарбаевым и созданной им системой.

Определение казахстанского и российского режимов как переходных, в рамках которых общества подготавливаются к демократии, не означает, однако, что переход к демократии может произойти просто путем неуклонного и постепенного усиления элементов демократии внутри этих режимов. Развитие обществ и развитие режимов не совпадают. Режим развивается не в соответствии с логикой развития общества, а в соответствии со своей внутренней логикой. Стремящийся к «безальтернативности» президент должен охранять и укреплять эту безальтернативность, распространяя свой контроль и «принцип безальтернативности» на все уровни и сферы общества. Возможно, после движения «по восходящей», ко все большему контролю, может начаться движение в противоположном направлении, контроль начнет ослабевать, режим может идти на какие-то уступки обществу, вводя элементы демократии. Но это всегда уступки, сделанные под давлением и до тех пределов, пока они не затрагивают основного принципа – безальтернативности его власти. Но вполне возможна, очевидно, и обратная зависимость – общество может становиться все более готовым к демократии, а режим, именно поэтому, более репрессивным.

В любом случае между режимами казахстанского и российского типа и демократией – не гладкий, постепенный переход, а разрыв. Переход к демократии, в иное качественное состояние общества, может произойти лишь с падением этих режимов[290]. Он неотделим от ситуации, когда общество впервые выберет не того, кто уже у власти или кто определен в преемники стоящим у власти. Это – еще не победа демократии, но абсолютно необходимый первый шаг к ней. Но ясно, что сопротивление этому шагу со стороны президентских режимов будет ожесточенным, и простое голосование, результаты которого всегда можно подтасовать, к нему привести не может (мы видим это на примерах Азербайджана, Грузии, Украины). Представить себе эту рубежную ситуацию, совершающуюся совершенно плавно, без участия улицы, без опоры оппозиции на массовое движение, парализующее сопротивление власти, очень трудно.

Президенты, говорящие, что их общества не созрели для демократии и нуждаются во времени для перехода к ней, вполне возможно, правы. Но очень маловероятно, что они когда-нибудь скажут: вот сейчас это время настало и теперь я могу выпустить бразды правления и дать народу свободно избрать того, кого он хочет. О наступлении этого времени они узнают, как узнал Шеварднадзе, по толпам на улицах, требующим их отставки и честных выборов.

Примечания

[1] Те локальные, не общесоюзные гражданские войны, которые все же возникли в ряде республик (Таджикистан, Молдова, Грузия), были борьбой не антикоммунистов с коммунистами, а между этносами и субэтносами.

[2] При всей типичности таких быстрых и радикальных перемен мировоззрения представителями советской элиты, в них есть нечто «загадочное». Для описания этого явления нет адекватных терминов.

Разумеется, нелепо представлять себе, что в 1990–1991 гг. у чуть ли не всей советской элиты действительно «открылись глаза» на коммунистическую идеологию и советскую систему и она радикально сменила мировоззрение, став «из Савлов Павлами». (Так, Назарбаев позже объяснял свою идейную «революцию» влиянием, которое оказала на него книга Ф. Хайека «Дорога к рабству». – См.: *Ертысбаев Е.* Казахстан и Назарбаев: логика перемен. Астана: «Елорда», 2001. С. 191.) Ясно, что фактически к этому времени вера в отжившую коммунистическую идеологию в советской элите уже была утрачена. Но не менее смешно представлять позднесоветскую элиту состоящей сплошь из тайных антикоммунистов, изображающих из себя коммунистов, как Штирлиц – фашиста. (Из руководителей СНГ такую модель объяснения своего поведения использовал, насколько нам известно, только Г. Алиев, всерьез утверждавший, что, будучи первым секретарем ЦК КП Азербайджана, он предвидел распад СССР и потихоньку готовил Азербайджан к независимости.)

Очевидно, слова и мысли этих людей вообще не могут адекватно описываться в терминах «правда» и «ложь». Эти термины применимы лишь к узкому кругу очень конкретных ситуаций, в которых они действительно могли лгать или говорить правду, а не к их идеологическому мышлению. Когда, до 1990–1991 гг., для карьеры надо было говорить коммунистические слова, они не только их говорили, но в какой-то степени так и думали, ибо для успешной карьеры нужна определенная степень согласованности слов и мыслей. А когда это перестало быть выгодно, они без особого труда стали и говорить, и думать иначе. Это не столько сознательное приспособление слов и поведения к потребностям карьеры, сколько «инстинктивное» приспособление к ним самого мышления.

[3] В какой-то мере относительная сила антисоветских движений в различных республиках видна из результатов голосования на референдуме о судьбе СССР в марте 1991 г.

В Казахстане в референдуме участвовало 88,2% избирателей, что больше, чем в России (75,4%) , но меньше, чем в других центрально-азиатских республиках, в каждой из которых участвовавших было более 90%. За сохранение СССР проголосовало 94,1% (в России – только 71,3%), против – 5% (в России – 26,4%). Во всех центрально-азиатских странах, кроме Узбекистана, в котором против проголосовало 5,2%, – меньше 5% (Правда, 27.03.1991. С.1). Казахстан, таким образом, по числу голосовавших против сохранения СССР и не участвовавших в голосовании – позади России, но несколько впереди других центрально-азиатских стран.

При этом социальная поддержка антисоветского движения в этот период в России и Казахстане – схожая. По числу голосовавших против СССР в России

впереди – Москва и Ленинград, в Казахстане – Алма-Ата, где против сохранения Союза проголосовало 8,4%.

[4] Известная автобиография президента Казахстана: *Назарбаев Н.* Без правых и левых. М.: Молодая гвардия, 1991. Естественно, апологетическую, но значительно более объективную, чем можно бы было ожидать, и насыщенную фактами биографию Н.Назарбаева написал его помощник Ермухамет Ертысбаев (*Ертысбаев Е.* Казахстан и Назарбаев: логика перемен. Астана: «Елорда», 2001) .

[5] Отправленный на пенсию Д. Кунаев никогда не мог простить Назарбаеву этого «удара в спину». Тем не менее Назарбаев затем использовал имя популярного Кунаева для своей «легитимизации». Когда Д. Кунаев в 1993 г. умер, он издал указ об увековечении его памяти, был создан даже дом-музей Кунаева. В 2002 г. было организовано грандиозное собрание по случаю 90-летия Кунаева. – См.: *Шбинтаев Р.* Наш Димаш // Ленинская смена – Экспресс К, 12.01.2002. С.3.

В официальных статьях подчеркивалась близость Назарбаева к Кунаеву и даже утверждалось, что Кунаев не любил людей, ставших затем противниками Назарбаева, например С.Абдильдина, и предупреждал Назарбаева, чтобы он был с ними поосторожней. – См.: *Морозов Н.* Д. Кунаев – 90 лет. Казахстанская Правда, 15.01.2002. С.1–4; *Терещенко С.* Не могу молчать // Ленинская смена – Экспресс К, 24.10.2002.

[6] Удивительная степень незнания руководством СССР обществ входящих в него республик видна в том, что М.С. Горбачев в своих мемуарах говорит о доминировании при Кунаеве «клана жузов» («... раздражение и недовольство в связи с преобладанием одной из местнических общин, «клана жузов», имели место»). Как вспоминает Горбачев, решение назначить в Казахстан именно русского было одобрено (если не подсказано) Кунаевым, стремившимся прежде всего не допустить к власти Назарбаева. *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 497–498). Д. Кунаев, естественно, вспоминал совершенно иное – что с ним никто не посоветовался.

[7] Механизм возникновения декабрьского выступления казахской молодежи, направленного против назначения в республику «варяга» Колбина, плохо известен и мало понятен. Впоследствии казахские националисты и официальная пропаганда станут всячески преувеличивать его значение («Казахские декабристы разбудили от сна народы Прибалтики, Кавказа, Средней Азии... Весь мир узнал благодаря декабрьскому выступлению... что настал час расплаты за все злодеяния империи», –это слова видного казахского историка М. Козыбаева. – Казахстанская Правда, 2.02.2002. С.1–2).

Д. Кунаев позже обвинял Назарбаева в тайной организации выступления с целью напугать Москву и вынудить ее назначить его, а не Колбина. С другой стороны, казахстанская оппозиция впоследствии обвиняла Назарбаева в организации подавления выступления и репрессий против его участников (см.: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 139–140). Стоит отметить, что эти внешне противоположные обвинения на деле совершенно не исключают друг друга.

[8] Вот образец его «переходной» лексики середины 1991 г.: «...Считаю, что переход к рыночным отношениям находится в полном соответствии с теорией марксизма...» (*Назарбаев Н.* Доклад на пленуме ЦК КП Казахстана // Казахстан-

ская Правда, 23.07.1991. С.1–2). Затем ссылки на теорию марксизма исчезли, и уже в 1992 г. он говорит об ужасах тоталитаризма, утопичности марксизма и полной несостоятельности плановой экономики.

[9] Уже в 1987 г. репрессированные участники декабрьских событий создают комитет, а затем, в 1990 г., на его основе – партию «Желтоксан» («Декабрь»). В 1990 г. создаются национал-демократические партии «Азат» («Свобода») и «Алаш», в идеологии которого были сильные исламистские и пантюркистские элементы. Наряду с этими национал-демократическими и националистическими движениями были и другие, «общедемократического», «перестроечного» толка, тем не менее объективно также направленные против союзного Центра и являющиеся частью общей национально-демократической волны. Так, в феврале 1989 г. известным казахским поэтом и публицистом О. Сулейменовым создается движение «Невада–Семипалатинск», направленное против подземных ядерных испытаний на территории Казахстана. (О партиях Казахстана в первой половине 90-х гг. см.: *Куртов А.* Партии Казахстана и особенности политического процесса в республике. Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М., 1995.)

[10] Опрос, проведенный в 1994 г., показал, что в Восточно-Казахстанской области 42% опрошенных русских , а в Северо-Казахстанской – 37% были за присоединение к России, а соответственно 11 и 16% – за автономию русских областей. – См.: *Олкотт М.* Казахстан. Непройденный путь. М.; Вашингтон, 2003. С. 97.

[11] Например, их озвучивал такой «западник» и «демократ», как А. Собчак. Н. Назарбаев говорит по поводу высказываний Собчака в одном из своих интервью: «...Давно зная Собчака и глубоко уважая его, я никогда не ожидал от него заявлений по поводу бывших российских губерний...Это может привести к кровопролитию... Кому это выгодно – Собчаку или кому-то другому?» – Любые пограничные претензии сегодня – это неминуемое кровопролитие. (Интервью Н. Назарбаева) // Независимая газета, 6.05.1992. С.5.

[12] См.: Казахстанская Правда, 4.10.1991; 15.11.1991 и 16.11.1991. Хотя после страшного 1991 г. угроза русского сепаратизма, естественно, ослабела, она отнюдь не исчезла и в какой-то мере она сохраняется до сих пор. В ноябре 1994 г., например, семиреченские казаки организовали митинг в Алма-Ате с лозунгами, требующими присоединения к России «на основе свободного волеизлияния граждан» (см.: *Козлов В.* Неудавшийся марш к столице Казахстана // Независимая газета, 22.11.1994). В 1999 г. казахстанские спецслужбы арестовали в Усть-Каменогорске участников заговора во главе с неким Владимиром Казимирчуком по прозвищу «Пугачев» с целью провозглашения «Русской республики». См.: *Козлов С.* Русская республика в Восточном Казахстане // Независимая газета, 24.11.1999. С.1; *Козлов С.* Террористам предъявлено обвинение // Независимая газета, 26.11.1999. С. 5; *Петров А.* Пугачев XX века // Московские новости, 30.11.1999. Общеизвестны планы Э.Лимонова и его «национал-большевиков».

[13] Роль «реакционного пугала» в это время выполняет второй секретарь ЦК КП Казахстана В. Ануфриев, который на февральском пленуме ЦК КПСС 1990 г. говорил: «Кто-то должен, товарищи, отвечать за развал единства партии, за идеологические провалы, кто-то должен отвечать, товарищи, за события в

Восточной Европе, о чем никто не хочет говорить». – Цит. по: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 293.

[14] Из выступления Назарбаева на одном из совещаний в 1993 г.: «Мне говорят – я вас сохранил, бывших аппаратчиков, но я отвечаю, что это не так». – Независимая газета, 4.03.1993. С.1.

[15] Так, по данным всесоюзного опроса, проведенного в 1991 г. журналом «Диалог», 40% всех респондентов назвали «политиком года» Назарбаева, 36% – Ельцина, 26% – Жириновского, 19% – Алксниса, 18% – Горбачева, 13% – Кравчука, 12 % – Собчака, 11% – Силаева и 9% – Хазбулатова. Далее, «в хвосте», шли Акаев, Бакатин, Травкин, Шеварднадзе и Яковлев. (См.: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 162). По данным опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в апреле-мае 1991 г. в 15 городах России, Киеве и Алма-Ате, и среди 100 «умов» (в политическом диапазоне от Боннер до Проханова), на вопрос: «Отметьте республику, руководство которой ведет наиболее продуманную, отвечающую интересам народа политику», более половины «умов» и треть всех опрошенных назвали Казахстан. Россия была на втором месте. – См.: Казахстанская Правда, 17.08.1991. С.1.

[16] Когда осенью 1990 г. Горбачев предлагал Н.Назарбаеву пост председателя Совета министров СССР, тот выдвинул заведомо неприемлемое условие своего утверждения парламентами всех союзных республик. В декабре 1990 г. в интервью «Правде» он следующим образом отвечает на вопрос, как он отнесся бы к предложению стать вице-президентом СССР: «Если ему (вице-президенту) отводится та роль, которая в проекте изменения Конституции, то это – очередной помощник. Я себя в этой роли не вижу». – *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 159–160.

Вот как пишет о роли Назарбаева в этот период помощник Горбачева Г. Шахназаров: «Мне кажется, серьезным упущением Горбачева было то, что он не оценил в должной мере способностей Назарбаева и не привлек его в качестве одного из своих ближайших соратников. Правда, Михаил Сергеевич всегда относился к казахскому лидеру с дружеской симпатией, а перед августовскими событиями вроде бы решил предложить ему пост премьера. Увы, как и многое другое, этот шаг безнадежно запоздал... К Нурсултану Абишевичу прислушивались и Ельцин, и Кравчук, и «автономисты». – *Шахназаров Г.* Цена свободы. М., 1993. С. 233.

[17] Так, именно Назарбаев инициировал осенью 1990 г. установление связей между республиками, минуя союзный Центр. Изменение в Казахстане формулировки вопроса на референдуме о судьбе СССР с горбачевской на более «конфедеративную» («союз суверенных государств») также было шагом, направленным на усиление своих позиций по отношению к Центру и объективно – на ослабление Центра и подрыв значения референдума. – См.: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С.164–165.

[18] В этом отношении игра, которую ведет Назарбаев с Россией, очень похожа на игру Лукашенко, и они в какой-то мере даже конкурируют друг с другом. Оба выдвигают разные проекты «тесной интеграции», предполагающие, однако, ту степень равноправия, которую Россия в отношениях с бывшими республиками СССР допустить не может. Проекты отвергаются или кладутся под сукно, а Назарбаев и Лукашенко разводят руками. Но у более «простого» и даже наивного

Лукашенко элемент самообмана в этой игре, несомненно, присутствует больше, чем у Назарбаева.

[19] Вот яркий пример блестящей назарбаевской игры на российских великодержавных чувствах, обезоруживающей российских политиков: «По логике всей предыдущей жизни ... центром, стержнем СНГ могла и должна была стать Россия. Но – говорю об этом с большим сожалением – в силу ряда объективных и субъективных причин не стала... Россия имеет самую большую территорию и самые богатые недра в мире, в ней живет талантливый, трудолюбивый народ... Надо сделать так, чтобы она стала центром притяжения всей Евразии в XXI веке». – Россия могла бы стать стержнем содружества, но не стала. (Интервью Н.Назарбаева) // Независимая газета, 16.01. 1997. С. 1–3.

[20] Вряд ли Назарбаева можно упрекать в специальном «выдавливании» русских. Но он не мог не радоваться постепенному превращению казахов в большинство, ибо это способствовало приобретению Казахстаном большей устойчивости. И, очевидно, скрыть эту радость не всегда получалось.

Мурат Ауэзов, либеральный оппозиционер Назарбаеву, говорит в интервью: «До последнего времени русские составляли до 40% нашего населения, сейчас Назарбаев в своих выступлениях *не без ноток победных реляций* называет... цифры... – 39%, 33 и в последнем выступлении 29%». – Независимая газета, 8.08.1997. С.3. По данным переписей 1989 и 1999 гг. удельный вес казахов увеличился с 40, 15 до 53,1%, а удельный вес русских уменьшился с 37,4 до 30%. – См.: *Куртов А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. М., 2001. С. 309.

[21] *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 335. Ертысбаев приводит и такую аргументацию русского рабочего депутата Б.Барченко: « Я считаю... что, узаконивая и давая в руки одному человеку, каким бы хорошим он ни был, неограниченную власть, не имея достаточно развитой в нашей республике политической культуры и сильных демократических традиций, мы имеем реальную возможность в ближайшее время или чуть в более отдаленной перспективе получить нового диктатора» (Указ. соч. С. 336). Рабочий депутат явно был прозорливее большинства политиков-интеллигентов.

[22] Даже в заявлении Назарбаева от 20.08. 1991 г., когда судьба ГКЧП была уже решена, содержится двусмысленность, позволявшая совершенно по-разному его истолковать. Назарбаев говорит, что страна подошла к черте, «за которой наступал полный и окончательный развал общества», и что он критиковал за это Горбачева, но тот не сделал никаких выводов. (Здесь он – почти «гэкачепист».) Тут же, однако, он говорит, что чрезвычайное положение можно было объявить, «только опираясь на конституционный, правовой фундамент». (Эта часть заявления дает возможность затем осудить ГКЧП.) – См.: Казахстанская Правда, 21. 08. 1991. С. 1.

[23] Казахстанская Правда, 27.08. 1991. С.1.

[24] Это – выражение Назарбаева, которое он использует в докладе на пленуме ЦК КП Казахстана в июле 1991 г. – См.: Казахстанская Правда, 23.07.1991. С. 1–2.

[25] Очень характерно, что главный «фундаменталист» и сторонник ГКЧП В. Ануфриев был сделан советником президента.

[26] « Я в нее (Соцпартию. – *Д.Ф*) не вступил: считаю, Президент должен быть свободен от всяких политических пристрастий, хотя может иметь поддержку того или иного движения». – *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 221.

[27] См.: *Куртов А.* Партии Казахстана и особенности политического процесса в республике. Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М., 1995. С. 179.

[28] Казахстанская Правда, 7. 12.1991 . С.1.

[29] См.: Союз можно было сохранить. Белая книга. Горбачев-Фонд. М.,1995. С. 307.

[30] *Козлов С.* Назарбаев призвал поддержать его кандидатов // Независимая газета, 4.03.1994. С.3.

[31] Казахстанская Правда, 1.01.1992. С.1.

[32] Впоследствии помощник Н.Назарбаева даст такое откровенное определение назарбаевского режима: «Характерные политические черты назарбаевской модели – это полное доминирование исполнительной власти над представительными органами, наличие косвенного контроля над СМИ, нейтрализация реальных или потенциальных центров оппозиции в регионах, а также патронаж над общественными объединениями в обмен на публичную поддержку ими власти». – Лучше иметь беспокойный парламент, чем беспокойные улицы и площади. (Интервью. Е. Ертысбаева) // Казахстанская Правда, 15.10.1998. С. 4. В целом определение верное, но может быть использовано для характеристики большинства постсоветских режимов.

[33] Вырисовывается новый треугольник: Россия, Белоруссия, Казахстан. (Интервью Н. Назарбаева) // Независимая газета, 15.11.1995. С. 3.

[34] См.: *Козлов С.* Назарбаев создает свою партию // Независимая газета, 26.09.1992. С. 1.

[35] О внутренней логике развития российского постсоветского режима см.: *Фурман Д.* Политический режим постсоветской России // Свободная мысль, 2003, №11.

[36] См.: *Фурман Д.* «Перевернутый истмат»? (От идеологии перестройки к идеологии «строительства капитализма» в России) // Свободная мысль, 1995, №3.

[37] В Казахстане хотя бы не было той жесткой связи национального самосознания с деспотическими режимами, создававшими великую Российскую империю, какая была и есть в России. Здесь – «намек» на демократический опыт в виде «кочевой демократии» казахских племен, имеющей внешнее и отдаленное сходство с демократией современного типа, и в эфемерном образовании «Алаш-Орды», возникшем в период Гражданской войны в России.

[38] См.: *Губогло М.Н.* Этнополитическая ситуация в Казахстане в представлениях его граждан. Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М.,1995. С.268.

[39] См.: *Попов Н., Рубцов А.* Скажи мне, кто твой сосед, и я скажу тебе, кто ты... // Независимая газета – Содружество, №5 27.05.1998. С.3.

[40] См.: *Дунаев В.* Конфликтующие структуры казахстанской модели межэтнической интеграции // Центральная Азия и Кавказ, 1999, №5(6). С. 14–15.

[41] Это – данные опросов, проводившихся в 1991–2002 гг. по исследовательскому проекту Академии наук Финляндии и Российской академии наук «Рели-

гия и ценности после падения коммунизма». Результаты опросов обобщены в большом количестве публикаций. Наиболее полная на русском языке: Старые церкви, новые верующие / Под ред. К. Каариайнена и Д.Е. Фурмана. М.: «Летний сад», 2000.

[42] При обсуждении казахстанской конституции раздавались предложения именовать Назарбаева ханом, глав областей – султанами, а глав районов – беками. – См.: *Козлов С.* Назарбаев создает свою партию // Независимая газета, 26.09.1992. С. 1.

[43] В отличие от Ельцина, над которым тяготело обвинение в разрушении Союза и инициировании реформ, повлекших за собой обнищание народа, и которому в силу этого приходилось рисовать радужные перспективы и обещать быстрый подъем благосостояния, Назарбаев мог более правдиво описывать положение, в котором Казахстан оказался не по его воле. Он даже драматизирует ситуацию, рисуя картину, вызывающую у читателя и слушателя мысль, что без «твердой руки» обойтись невозможно. Летом 1991 г. он говорит: «Нас ждут и имущественное расслоение, и безработица, и снижение жизненного уровня...» (*Назарбаев Н.* Доклад на пленуме ЦК КП Казахстана // Казахстанская Правда, 23.07. 1991. С. 1–2). В новогоднем послании 1992 г. Назарбаева к народу есть такие слова: «...Не скрою, что будущий год будет чрезвычайно трудным для людей в материальном плане» (Казахстанская Правда, 1.01. 1992. С.1). В 1993 г. он говорит: «Наши надежды, что мы поднимем массы и осуществим приватизацию и реформы снизу, не оправдались, – теперь нужно проводить этот процесс сверху» (*Козлов С.* Оппозиция должна иметь позицию // Независимая газета, 20.02. 1993. С. 1). «Первый этап рыночных реформ... – мы его прекрасно провалили. ...Да, материальное расслоение..., безработица, банкротства – мы ко всему этому готовы» (*Козлов С.* Нурсултан Назарбаев: Хватит критиковать, критикам не место в нашей команде // Независимая газета, 4.03. 1993. С. 1).

[44] В одном интервью 1993 г. Назарбаев говорит, что сейчас «каждый делает то, что хочет», и «пока не укрепится исполнительная власть, дела у нас не пойдут». – Миссия, возложенная на нас временем. (Интервью Н.А. Назарбева) // Казахстанская Правда, 28.07.1993. С. 2.

[45] А. Кажегельдин позже вспоминал: «Мне, молодому тогда политику, по сути технократу, казалось, что все приложится само собой... Я и мои коллеги-реформаторы думали, что если будет рынок, то будет и демократия». – *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва, 2002. С. 247.

[46] Н. Назарбаев говорит в упомянутом выше интервью в июле 1993 г. : «Я не собираюсь выступать против Советов. Это понятие в нашей душе сидит глубоко». – Миссия, возложенная на нас временем. (Интервью Н.А. Назарбева) // Казахстанская Правда, 28.07.1993. С. 2.

[47] В феврале взбунтовались голодные солдаты стройбатов на Байконуре, разгромившие склады с продовольствием и поджегшие казармы. Бунт имел национальный аспект – это был бунт солдат-казахов против офицеров-русских. (См.: Независимая газета, 27.02.1992). На следующий год бунт повторился. – *Ли В.* Не пошел впрок прошлогодний урок? // Казахстанская Правда, 15.06.1993. С. 1–4.

[48] *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 352.

[49] Там же. С. 353–354.

[50] Казахстанская Правда, 2.06.1992. С. 1–2.

[51] «Я перечитал конституции многих стран ... и пришел к убеждению, что ни королева Великобритании..., ни президенты США и Франции не обладают такой полнотой власти, как президент Республики Казахстан в представленном проекте конституции». (*Ирмуханов Б.* Последнее слово принадлежит народу // Казахстанская Правда, 4.07.1992. С. 3). В критике конституции за предоставление чрезмерной власти президенту были едины представители и русских, и казахских спонтанно возникших политических движений. Так, Ю. Старцев, руководитель организации «Единство», говорил: «Мы имеем сегодня ту же самую диктатуру, которая была. Президент является, по сути, первым секретарем ЦК, и это положение хотят узаконить, приняв данный вариант Конституции». Ему вторит председатель «Азата» К. Ормантаев: «Проект... может превратить Казахстан в посмешище». (*Козлов С.* Спешка с Конституцией к добру не приведет // Независимая Газета, 23.01. 1993. С. 3).

[52] «...Нашли все-таки «проблему в отношениях президента и Верховного Совета. Чувствуются потуги перенести дух московских баталий в Алматы». – Миссия, возложенная на нас временем (Интервью Н.А. Назарбаева) // Казахстанская Правда, 28.07. 1993. С. 2.

[53] Так, П. Своик пишет в это время: «Аппарат нынешних Советов – самый мощный тормоз реформ... Парламент... остался во вчерашнем дне». (*Своик П.* Если власть не сможет самореформироваться, за это возьмется разрушительная стихия улицы // Казахстанская Правда, 17. 01. 1992. С. 3). А. Кажегельдин говорит: «Я не верю в так называемых народных избранников. Избраны люди от конкретных групп населения и ... их интересы и защищают». (Сможет ли съезд промышленников предотвратить взрыв бомбы? (Беседа с А.Кажегельдиным) // Казахстанская Правда, 12.09. 1992. С.1). О С. Дуванове, зашедшем в своем «демократическом антипарламентаризме» наиболее далеко, см. далее.

[54] Серик Абдрахманов, в то время руководитель пропрезидентского Союза народного единства Казахстана, говорит: «Думаю, что с этим составом ВС ... мало что можно изменить... Больше... теперь возлагается надежд на представителей исполнительной власти». – Независимая газета, 9.06.1993. С.3.

[55] *Квятковская Т.* Схватка за власть: казахстанский вариант // Казахстанская Правда, 21.01.1993. С. 2.

[56] См.: *Козлов С.* Парламент принимает новую конституцию // Независимая газета, 27.01. 1993. С. 3.

[57] Журналистка К. Есенова пишет: «Сейчас самым тяжким обвинением для любого члена правительства, парламента, словом, человека, обладающего хотя бы намеком на власть, является обвинение в тайном (как правило) или явном желании стать президентом». – *Есенова К.* Стремящиеся к ней безумны, а достигшие ее поражены тоскою // Панорама, №47, дек. 1994.

[58] Е. Ертысбаев пишет, что «ходили упорные слухи», что после разгона парламента в России Ельцин просил Назарбаева разогнать свой парламент, чтобы Ельцину не выглядеть слишком «одиноким». – *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 355.

[59] Казахстанская Правда, 18.11.1993. С. 1.

[60] Совмещение полномочий депутатов с работой в исполнительной власти противоречило конституции, но Верховный Совет не протестовал, согласившись

с выгодным депутатскому корпусу нарушением только что принятой конституции. – См.: *Чеботарев А.* Руководству Казахстана основной закон не писан. – http://www.eurasia.org.ru/20011/free/08_30_Konstitution.htm

[61] Главным организатором этой обработки был аким (мэр) Алма-Аты З. Нуркадилов. Депутатов приглашали в мэрию и вынуждали писать заявления (см.: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 368). Сейчас З. Нуркадилов перешел в жесткую демократическую оппозицию Назарбаеву и говорит: «... раз я демократию убил в 93-м году, значит, мне ее и надо восстанавливать» (*Дашков Д.* Почему уссурийский тигр рычит два раза в год? // Assandi-Times, 16.07.2004. С. 1).

[62] *Дуванов С.* Я думаю, что историческая целесообразность не повредит демократии // Казахстанская Правда, 25.11.1993. С.2. О России автор пишет: «...Россия получила одного хозяина, России тяжело, но она перестала топтаться на месте. Россия пошла вперед». С. Дуванову отвечает Е. Ертысбаев: «Если сейчас без тени смущения утверждают, что «демократия мешает реформам», то через полгода будут говорить, что ''народ мешает реформам''» (*Ертысбаев Е.* Еще раз о демократии, «исторической целесообразности» и выборах // Казахстанская Правда, 1.12.1993. С. 2). С. Дуванов затем стал резким критиком назарбаевского режима и оказался в тюрьме, а Е. Ертысбаев, наоборот, стал советником президента.

[63] *Козлов С.* Назарбаев призвал поддержать его кандидатов // Независимая газета, 4.03.1994. С. 3.

[64] Казахстанская Правда, 21.01.1994. С. 1.

[65] Из 900 кандидатов более 200, естественно, прежде всего оппозиционных, не были допущены к регистрации (см.: *Куртов А.* Партии Казахстана и особенности политического процесса в республике // Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М., 1995. С. 169). В их число попали и С.Дуванов и Е. Ертысбаев.

[66] *Козлов С.* ЦИК обвиняют в предвзятости // Независимая газета, 11.02. 1994. С. 3.

[67] См.: *Козлов С.* Что же состоялось в республике? // Независимая газета, 10.03.1994. С. 1, 3; Наблюдатели СБСЕ были субъективны // Независимая газета, 15.03. 1994. С. 3.

[68] См.: *Козлов С.* Новый Верховный Совет собрался на первую сессию // Независимая газета, 21.04. 1994. С. 3.

[69] «Когда наш парламент самораспустился, наши избиратели (так!) сказали: Назарбаев карманный парламент себе сделал. Как выяснилось – не карманный все же. Это уже хорошо... Демократически избранный парламент, в котором сегодня фактически представлены ... все политические силы». – Не надо искать того, чего нет. (Интервью Н. Назарбаева) // Независимая газета,11.06. 1994. С. 1, 3.

[70] Тем не менее Назарбаев, в значительной мере, очевидно, подражая Ельцину, пытался его использовать. «Страшно... что сегодня старые коммунистические лидеры вновь поднимают голову... И ни наша печать, ни демократические силы не замечают этого». (Выступление Н.А. Назарбаева на семинаре-совещании глав городских и районных администраций // Казахстанская Правда, 11.04.1992. С. 2). Ни печать, ни «демократические силы», ни сам Назарбаев не замечали комизма этой фразы в устах бывшего профессионального партработника и первого секретаря ЦК.

[71] Как полагает Е. Ертысбаев, Назарбаев вначале хотел сделать из СПК партию – преемницу КП Казахстана и свою прочную опору по типу Народной демократической партии Узбекистана. Но то, что получилось в Узбекистане, с его традицией средневековой деспотической государственности, не получилось в Казахстане. СПК с самого начала показала себя неуправляемой, отказавшись на своем первом съезде принять предлагаемое Назарбаевым название «Демократической партии народного единства» и избрав название Социалистической (см.: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 220–221). На второй съезд СПК в 1992 г. Назарбаев уже не пришел, сказав: «Что, я должен теперь на съезды всех партий приходить?» (*Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 222). После переворота декабря 1993 г. партия быстро превращается в оппозиционную, и на выборах 1994 г. ее кандидатов под разными предлогами не регистрируют. После второго переворота, весной 1995 г., СПК раскалывается. Часть активных социалистов во главе с Абдильдиным входит в КПК, часть, во главе с Е. Ертысбаевым, переходит на пропрезидентские позиции, другие, как П.Своик, затем входят в разные организации либеральной оппозиции.

Назарбаев все же создает в 1993 г. свою партию Союз народного единства Казахстана, которую оппозиция называла «Союзом номенклатурного единства» (см.: *Сулейменов Олжас* . Монопартизм приводит к бонапартизму // Независимая газета, 12.02.1993. С.1–3). Но строительство президентской партии в Казахстане, как и в России, идет медленно и вяло. Главной причиной этого является, очевидно, нежелание президентов как-то связывать себя партийной программой и партийным аппаратом, с которыми пришлось бы считаться.

[72] О составе нового парламента см.: Казахстанская Правда, 17.03.1993. С.1. См. также: *Куртов А.* Указ. соч. С. 86.

[73] *Черепанов И.* Оппозиция объединяется // Казахстанская Правда, 7.04.1994. С. 1; *Козлов С.* Оппозиция объединилась в «Республику» // Независимая газета, 2.04. 1994. С. 3.

[74] *Козлов С.* Сформирован теневой кабинет // Независимая газета, 27.05.1994. С. 3.

[75] *Козлов С.* Парламент приступил к работе // Независимая газета, 2.09. 1994. С. 3.

[76] *Жданов Л.* Что ответит президент? // Казахстанская Правда, 1.06.1994. С.1.

[77] Мы предлагаем конструктивный диалог с исполнительной властью (Интервью В.Розе) // Независимая газета, 29.06. 1994. С. 3.

[78] В марте Усть-Каменогорский городской маслихат выступает с требованием выборности акимов, признания русского языка вторым государственным и разрешения двойного гражданства (на чем настаивала в это время Россия) (*Козлов С.* Регионы требуют самостоятельности // Независимая газета, 31.03.1994. С. 3). В сентябре в Павлодаре происходит собрание представителей 16 городов, выступающее с аналогичными требованиями (*Козлов С.* Российские казаки могут двинуться в поход // Независимая газета, 3.1.1994. С. 3). В октябре происходит таинственное похищение казацкого атамана Ф. Черепанова (*Козлов С.* Походному атаману удалось бежать // Независимая газета, 4.11.1994. С. 3). В ноябре полиция разгоняет марш казаков в Алма-Ате (*Козлов С.* Неудавшийся казацкий марш к столице Казахстана // Независимая газета, 29.11. 1994. С. 1).

[79] *Козлов С.* Президент одобрил новую концепцию поведения граждан // Независимая газета, 1.11.1994. С. 3.

[80] См.: *Козлов С.* Министр экономики отстранен от должности // Независимая газета, 20.07.1994. С. 3; Сын министра внутренних дел причастен к финансовым махинациям? // Независимая газета, 3.09.1994. С. 3; *Кияница В.* Министры – без портфелей // Московские новости, 28.09.1994.

[81] В. Розе говорит: «Произошла просто формальная перестановка... «людей президента», не более того». – *Козлов С.* Любое правительство, продолжающее нынешний курс, обречено // Независимая газета, 18.10.1994. С. 3.

[82] В интервью агентству «Токио симбун» в 1994 г. он даже сказал, что «...принятая в 1993 году Конституция, текст которой был подготовлен его (Назарбаева. – *Д.Ф.*) аппаратом, нарушает права 58% населения (не казахов. – *Д.Ф.*)». – См.: *Ертысбаев.* Указ. соч. С. 225.

[83] *Сулейменов О.* Все мы дети одних родителей (Интервью) // Казахстанская Правда, 18.06.1994. С.2.

[84] Во всяком случае в самом начале работы парламента в администрации президента дружественным президенту депутатам советовали не торопиться уходить с работы (см.: *Козлов С.* Оппозиция объединилась в «Республику» // Независимая газета, 2.04.2994. С. 3). С.Терещенко, уходя с поста, бросил зловещую фразу: «К сожалению, нынешнее разграничение функций между властями может привести к параличу исполнительной ветви» (*Козлов С.* Мы должны развязать президенту руки // Независимая газета, 14.10.1994. С. 3).

[85] Президент внес возражение на решение Конституционного суда // Казахстанская Правда, 10.03.1995. С. 1; *Козлов С.* Власть в Казахстане захромала на обе ноги // Независимая газета, 14.03.1995. С. 3.

[86] «Президент ... продемонстрировал своему народу... глубокое уважение к закону». –*Панина Ф.* Вокруг парламента, которого нет // Казахстанская Правда, 8.03.1995. С. 1, 3.

[87] См.: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 373. В книге, обращенной к западному читателю, – "My life, my times and the future", Назарбаев пишет: «Некоторые .. комментаторы расценили парламентский кризис как следствие моих попыток усилить личную власть. Но это было не так – я всего лишь подчинился решению Конституционного суда. Неужели следовало поступить наоборот – оказать давление на судей...? Но вот это, действительно, и было бы попранием демократии в лучших традициях тоталитаризма». – См.: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 375–376.

[88] Почему парламент признан нелигитимным? // Казахстанская Правда, 14.03.1995. С. 1.

[89] См.: *Козлов С.* Парламент не хочет уходить // Независимая газета, 16.03.1995. С. 2.

[90] Посол Казахстана в Москве Т. Мансуров на пресс-конференции выразил уверенность, что президент найдет общий язык с парламентской оппозицией, поскольку уже «работает комиссия по трудоустройству ...парламентариев». – *Минасян Л.* Президент следует Конституции // Независимая газета, 15.03. 1995. С. 2.

[91] *И.Л.* Сны Фемиды в покинутом доме // Казахстанская Правда, 8.03.1995. С. 3.

[92] Объяснения самого О. Сулейменова, что побудило его радикально изменить позиции, выглядят комически. Он говорит, что понял, что в 1996 г. власть менять нельзя, ибо в этом году произойдут выборы в США и России, и если еще и в Казахстане сменится власть, возникнет опасность полной дестабилизации и даже гражданской войны, как в Таджикистане. – См.: *Сулейменов О.* Смел тот, кто думает о последствиях. (Открытое письмо членам партии Народный Конгресс Казахстана. И не только) // Казахстанская Правда, 26.04. 1995. С. 1–2.

[93] «Известно, что пример референдума ... подал нам братский Узбекистан. Подхватит ли теперь эстафету Кыргызская республика?» (*Шугабаева Д.* На перекрестке мнений зарубежных дипломатов не обходится без регулировщика? // Казахстанская Правда, 27.04.1995. С.1). Братская Кыргызская республика эстафету подхватила.

[94] «О референдуме, если честно сказать, я не думал, пока сессия АНК об этом не заговорила. 29 выступающих подняли этот вопрос. Я просто поразился...» – Пришло время посоветоваться с народом. Как скажет народ, так и будет (Интервью Н. Назарбаева) // Казахстанская Правда, 14.04.1995. С. 1–2.

[95] *Козлов С.* Назарбаев начал подготовку к референдуму // Независимая газета, 4.04.1995. С. 2.

[96] О протестах руководства США см.: *Кияница В.* Диктат демократии // Московские новости, 12. 04.1995.

[97] Там же.

[98] Доклад Н.А. Назарбаева на сессии Верховного Совета РК о проекте Конституции РК // Казахстанская Правда, 2.06. 1992. С.1–2.

[99] Миссия, возложенная на нас временем. (Интервью Н.А. Назарбева) // Казахстанская Правда, 28.07.1993. С. 2.

[100] См.: Первый шаг к независимости. (Интервью Е. Асанбаева) // Казахстанская Правда, 7.10.1993. С. 2. Е.Асанбаев в этом интервью говорит о том, какую конституцию хорошо было бы иметь. Он мечтает о двухпалатном парламенте с сенатом, избираемым по два депутата от области коллегиями выборщиков, состоящими из депутатов местных советов, причем 10 человек должны назначаться президентом, и говорит о необходимости предоставления «каких-либо возможностей для главы государства по оказанию корректного... влияния на судебную власть». Эта желаемая конституция очень близка к той, которая была принята в 1995 г. Ясно, что основные идеи новой конституции проговаривались в ближайшем кругу Назарбаева задолго до событий конца 1994–1995 г.

[101] Мы считаем излишним в данном контексте останавливаться на таких вопросах, как неправый и антиконституционный характер всех этих действий, и говорить о множестве беззаконий, сопровождавших референдумы. Об этом см.: *Чеботарев А.* Руководству Казахстана основной закон не писан; *Куртов А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. М., 2001

[102] Конституции стран СНГ и Балтии. М.: Юрист, 1999. С. 212.

[103] Указ. соч. С. 216.

[104] Обиженный Асанбаев затем начинает выступать с либеральной критикой режима и в одном интервью очень верно объясняет причины ликвидации вице-президентства: «Институт... задуман для облегчения... перехода власти и как од-

но из препятствий на пути рождения режима личной власти». Этот институт – не для стран СНГ. – *Еженова К.* Свидетели. Алматы, 2001. С. 17.

[105] В СНГ, где, кроме Молдовы, господствуют однотипные режимы «безальтернативных» президентов, между главами государств все время происходит некое «взаимное обучение». Разгон парламента Ельциным явно повлиял на разгон парламента Назарбаевым. В продлении полномочий на референдуме Назарбаев идет за Исламом Каримовым. Вполне возможно, что, в свою очередь, создание затем Назарбаевым верхней палаты, частично им самим назначаемой, послужило примером для Лукашенко.

[106] См.: *Козлов С.* Предвыборная кампания началась // Независимая газета, 18.10.1995. С. 3; Назарбаев удовлетворен результатами выборов // Независимая газета, 8.12.1995. С. 3.

[107] Вырисовывается новый треугольник: Россия, Белоруссия, Казахстан. (Интервью Н. Назарбаева) // Независимая газета, 15.11.1995. С. 3.

[108] Инициативная группа возникает в марте 1996 г. 20 апреля состоялась учредительная конференция, где было избрано трое сопредседателей: Петр Своик, бывший председатель Антимонопольного комитета, изгнанный из правительства А.Кажегельдиным за постоянное оппонирование, и один из лидеров умершей СПК, бывший посол в Китае М. Ауэзов и известный ученый медик Т. Ширманов. – См.: Россия и мусульманский мир, 1997, №2. С. 86–87.

[109] Е. Ертысбаев, ставший теперь помощником президента, говорит о программе «Азамата»: «...Демократизировать можно и нужно на базе эффективного экономического развития... В противном случае демократизация превратится в хаос». (Тем, кто сидит наверху, некогда раскачивать лодку. (Интервью Е. Ертысбаева) // Казахстанская Правда, 17.12.1996. С. 4). В 1993 г., будучи еше оппозиционером, Е. Ертысбаев полемизировал именно с этой точкой зрения (см. сноску 93).

[110] Это не мешает властям ее потихоньку преследовать. – См.: *Козлов С.* Власти преследуют оппозицию // Независимая газета, 21.08.1996. С. 3; *Аубакиров Б.* Оппозиционное движение Азамат не пришлось ко двору // Сегодня, 12.09.1996. С.3.

[111] Генпрокурор С. Шустов говорит: «Нередкими стали случаи проведения закрытых заседаний отдельных общественных организаций, где обсуждаются вопросы явно конституционного характера». – *Козлов С.* Государство устанавливает правовой произвол // Независимая газета, 17.04.1997. С. 3.

[112] См.: *Козлов С.* Оппозицию вытесняют с эфира // Независимая газета, 26.1997. С. 3.

[113] См.: *Куртов А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. М., 2001. С. 175.

[114] *Баишев Ж.* Над властью и с народом // Казахстанская Правда, 29.08.1998. – В речах самого Назарбаева проявляется чисто монархическое понимание им своей власти: «Если у оппозиции есть позиция – это может только радовать президента. Моя цель – чтобы у нас были сильные оппозиционные партии и чтобы, споря между собой, они служили своему народу» (Независимая газета, 20.02.1993. С.1). Ясно, что Назарбаев видит в оппозиции не оппозицию се-

бе, а придворные партии, которые спорят не с ним, а друг с другом, и дают ему разные советы.

[115] *Аяганов Б.* Посттоталитаризм в Казахстане: возрождение демократических ценностей // Казахстан и мировое сообщество. Алматы, 1994. С.94.

[116] Казахстан не хотел бы входить в чьи-либо сферы влияния. (Интервью К.Токаева) // Независимая газета. 18.09. 1997. С. 3.

[117] Это – стихи поэта А. Тажибаева. Цит. по: *Оспанова А.* Нурсултан Назарбаев – выпуклое зеркало казахской демократии // Сегодня, 31.08. 1998. С. 2.

[118] *Ертысбаев Е.* Некоторые аспекты президентской избирательной кампании в Казахстане (октябрь–декабрь 1998 г.) // Центральная Азия и Кавказ, 1999, №1. С. 45.

[119] *Турысов К.* Некоторые «мысли вслух» по поводу оппозиции // Казахстанская Правда, 15.06.2002.

[120] Казахстанская Правда, 5.11.2002. С. 3.

[121] Казахстанская Правда, 17.10.2002. С. 1.

[122] *Козлов С.* Сенсационное заявление Нурсултана Назарбаева // Независимая газета, 7.05.1996. С. 3.

[123] Россия могла бы стать стержнем содружества, но не стала. (Интервью Н. Назарбаева) // Независимая газета, 16.01.1997. С. 1–3.

[124] См.: *Аубакиров Б.* Новый парламент начал работу // Сегодня, 1.02. 1996. С. 7.

[125] *Константинов Ю.* Казахстан первый преодолел пик реформ // Независимая газета, 6.05.1997. С. 5.

[126] Впоследствии правительство Казахстана признало наличие тайного миллиардного фонда, возникшего за счет средств, полученных от продажи нефтяных месторождений (все сделки такого рода были окружены тайной), о существовании которого не знали ни парламент, ни общественность, которым распоряжался президент и который расходовался лишь на чрезвычайные нужды. Вполне возможно, что цель такого фонда была именно такая и не связанная с личным обогащением. Но очевидно, что никакой ясной грани между государственными и личными президентскими деньгами в системе, в которой возможны такие фонды, быть не могло.

[127] Одно из обвинений, которые предъявляются Назарбаеву в ходе теперешних расследований «отмывания денег» на Западе, – то, что за обучение его дочерей в престижных западных учебных заведениях платили нефтяные компании. Но Назарбаев – представитель советской элиты, для которой нормальны бесплатное обучение детей и прием в престижные заведения по блату, когда даже никаких звонков не требовалось, все делалось само собой. То, что о его детях позаботились, могло восприниматься им не как взятка и подкуп, а как что-то естественное, само собой разумеющееся. Не из своей же зарплаты платить за обучение детей!

[128] «Казахгейт» возник в 1999 г. и, возможно, его случайно спровоцировали сами казахстанские спецслужбы. Ища заграничные счета бывшего премьера А. Кажегельдина, они обратились к помощи швейцарских властей. Выполняя поручение, швейцарцы натолкнулись на счета самого Назарбаева и его дочерей.

Счета были «заморожены». (См.: *Гуляев А.* Новый скандал со «швейцарскими счетами» // Известия, 26.10. 1999. С. 4). Далее маховик начал раскручиваться.

В апреле 2003 г. по обвинению в подкупе высших должностных лиц Казахстана в США при попытке вылететь в Казахстан был арестован ближайший советник Назарбаева американец Джеймс Гиффен, обвиняемый в посредничестве при получении руководителями Казахстана взяток от американских компаний (Assandi-Times, 4.04. 2003. С. 1). Текст показаний в суде спецагента ФБР, на основании которых был получен ордер на арест Гиффена, был опубликован на сайте Eurasia.org.ru и перепечатан в кыргызских газетах (Соучастники Гиффена – Нурсултан Назарбаев и Нурлан Балгимбаев // Моя столица, 15.04.2003. С. 6; Общественный рейтинг, 10.04.2003. С. 20–21). Арестованный Гиффен позже требовал своего освобождения от ответственности за дачу взяток, поскольку в Казахстане это – не преступление, а «манера, в которой привыкли действовать Н. Назарбаев, Н.Балгимбаев и другие высокопоставленные казахстанские чиновники» (Assandi-Times, 9.07. 2004. С. 3).

Появились и другие, «параллельные» разоблачения. В 2001 г. южнокорейский магнат Чой Сун Ян показал, что передал Назарбаеву 10 млн. долларов для облегчения условий своего бизнеса в Казахстане. – Московские новости, 13.11. 2001.

Когда разные слухи о тайных счетах Назарбаева, несмотря на все попытки властей пресечь их, достигли громадного распространения, премьер-министр И. Тасмагамбетов сделал в парламенте заявление, что ни собственности, ни счетов Назарбаев за границей не имеет. Но кто-то специально, чтобы опорочить его, сделал такие счета на его имя (см.: Деловая неделя, 5.04.2002. С. 1). По другим сообщениям, был найден и этот «кто-то» – тогдашний премьер Н.Балгимбаев, который должен будет показать, что взятки через Гиффена брал только он, а Гиффену говорил, что передает их далее Назарбаеву, и что это он открыл счета на имя Назарбаева и его дочерей без их ведома (см.: *Абилов М.* Дело Гиффена – внутреннее дело США // Assandi-Times, 6.06.2003. С. 1–3). Процесс по делу Гиффена должен начаться в октябре 2004 г.

[129] Противники Назарбаева утверждают, что он входит в десятку самых богатых людей мира, но это вполне может быть преувеличением. – См.: *Олкотт М.* Казахстан. Непройденный путь. Москва; Вашингтон, 2003. С. 110.

[130] О семье Назарбаева см.: Казахи с киргизами развелись // Эхо (Азербайджан), 2.07.2002. С. 5.

[131] Как ответ на вопрос «Какую роль играют кровно-родственные связи в формировании структур исполнительной власти?» определение – «первостепенную» выбрали 58,4% опрошенных казахстанцев, «незначительную» – 12,6%, «никакой роли» – 7,3%. –*Дунаев В.* Конфликтующие структуры казахстанской модели межэтнической интеграции // ЦАИК, 1999, №5(6). С. 16.

В позднесоветскую эпоху занятие высоких постов близкими родственниками руководителей страны было характерно и для России. Но все же в России вряд ли было возможно, чтобы брат генсека был президентом Академии наук. В Казахстане президентом АН был брат Д. Кунаева А. Кунаев.

[132] Важнейшие посты в кабинетах министров и администрации президента занимали его родственники и тоже выходцы из Чемолгана – А. Есимов (его

функцией было, очевидно, «приглядывание» за премьерами) и Н. Абыкаев, одно время председатель Комитета национальной безопасности, затем – глава президентской администрации, а сейчас – председатель сената, и тоже родственник президента С. Турсунов. Родственник жены президента Сары Назарбаевой С. Абишев был первым министром экономических связей Казахстана. – См.: *Олкотт Марта Брилл.* Казахстан. Непройденный путь. Москва; Вашингтон, 2003. С. 217.

[133] О роли жузов см.: *Масанов Н.* Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество; *Амрекулов Н.* Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ, 2000, №3. С. 141.

Вопрос о роли племенных и жузовых связей и лояльностей – очень сложный. Приближение начальником «своих» – нормальная черта любой властной бюрократической структуры. В России сейчас, например, Путин окружил себя выходцами из Петербурга. Возникает вопрос: чем это принципиально отличается от «чемолганизации»? Наверное, отличия все же есть. В карьерах «питерских» главную роль, очевидно, играет знакомство с президентом, выходцем из Петербурга, и зависимость от него в карьере, но не факт принадлежности к «племени», который сам по себе создавал бы солидарность и лояльность. Но все это требует дальнейшего изучения.

[134] А. Машкевич играет для Назарбаева очень большую роль в создании благоприятного имиджа на Западе. Он – видный еврейский деятель, глава Евро-Азиатского еврейского конгресса. А. Машкевич и Назарбаев организовывали встречи раввинов и мусульманского духовенства Казахстана, о чем американская газета «Форвертс» писала: «Благополучная жизнь евреев Казахстана вызвала широкий резонанс среди их соплеменников за рубежом... Далеко не в каждой стране исламского мира верховный муфтий встречается с главным раввином Израиля...». – Ислам – иудаизм: прорыв на главном направлении // Ленинская смена – Экспресс К, 5.11.2002. С. 3.

[135] *Амрекулов Н.* Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ, 2000, №3. С. 141.

Идея Амрекулова об «этнической нелигитимности» как факторе, способствующем приближению Назарбаевым неказахских бизнесменов, очень интересна. Возможно, схожие причины объясняют и покровительство Ельцина еврейским олигархам. Черномырдин мог внушать Ельцину тревогу, вроде той, которую внушал Назарбаеву Кажегельдин.

[136] Так, под разными предлогами власть не позволила известной казахстанской компании «Бутя» (название – от детского прозвища ее владельца Булата Абилова) завладеть Карагандинским металлургическим комбинатом, переданным западной компании. – См.: *Кияница В.* Битва гигантов на поле чудес. МН-бизнес // Московские новости, 5.07.1995; *Козлов С.* Правительство просчиталось // Независимая газета, 21.10.1995. С. 3.

[137] Петр Своик, известный казахстанский оппозиционер, следующим образом характеризует социальную пирамиду Казахстана. Наверху – 50 семей, которые владеют Казахстаном. Под ними – 5000 клиентов (депутаты, министры и т. д.). Под ними – 25000 клиентов этих клиентов. Еще 500000 человек с прилич-

ной зарплатой, остальные – бедняки. (*Своик П.* Мы – конструктивная оппозиция // Время, 31.01. 2002. С.11). Если в конце советской эпохи доходы 10% самых богатых превышали доходы 10% самых бедных казахстанцев в 4 раза, то в 1998 г. 10% самых богатых получали 27% национального дохода, а 10% самых бедных – 2,3%, то есть разрыв был более чем в 11 раз (см.: *Олкотт Марта Брилл.* Казахстан. Непройденный путь. Москва; Вашингтон, 2003. С. 257).

[138] *Ауэзов Мурат.* За все придется отвечать (интервью) // Время, 11.07.2002. С. 12–13.

[139] С. Терещенко так объясняет происхождение своих богатств: «...за счет связей, за счет друзей. Был у президента такой советник – Александр Александрович Москович. Он дал кредит – миллион долларов.. и мы начали раскручиваться по продаже зерна. Да, да, то самое – купи-продай...». – Время, 22.08.2002. С. 10–11.

[140] См.: *Варфоломеев М.* «Хороший, плохой, злой» (нужное подчеркнуть) // Караван,13.06.2003. С. 3.

[141] См.: *Козлов С.* Перепривatизация в Караганде // Независимая газета, 18.11.1997.

[142] Вот замечательное место из выступления Назарбаева на объединенном заседании обеих палат парламента в сентябре 1996 г.: «Ну, вы понимаете. Такие вот хаосные периоды... проходили все. Все понимают, что семья Кеннеди первичные деньги заработала на спекуляции винно-водочными изделиями, когда в США был сухой закон». Конечно, бороться с экономическими преступлениями надо. «Вот, например, на Западе есть право спецслужбам задерживать и не выпускать любого во имя высших интересов нации». – *Козлов С.* Назарбаев предостерегает депутатов // Независимая газета, 3.09.1996.

[143] Казахстанская Правда, 23.07.1991. С. 1–2.

[144] Опрос в феврале 1996 г. 1000 респондентов в городах Казахстана дал следующие результаты. На вопрос «Кем, по вашему мнению, был раньше наиболее типичный представитель крупного казахстанского бизнеса?» 47,6% ответили – высокопоставленным чиновником или партработником, 15,3% – директором предприятия, 12,5 % – представителем теневой экономики, 7,3% – вором в законе, 2,9% – комсомольским работником, 2 – ученым... На вопрос «Какие средства легли в основу стартового капитала постсоветских «крезов»?» 42,4% ответили – банковские кредиты, 18,6% – деньги родителей, 5,2% – личные сбережения. – Караван, 23.02.1996. С. 2.

[145] В этом отношении очень интересна судьба В. Ануфриева, бывшего второго секретаря ЦК КП Казахстана, коммунистического «реакционера», поддержавшего ГКЧП. Теоретически этот человек должен был бы стать противником нового режима. Но вместо этого он становится одним из директоров крупнейшего КРАМДС-банка. – См.: *Ардаев В.* Осколки лопнувшего банка долетели из Алма-Аты до Москвы и других столиц // Известия, 17.10.1996. С. 5.

[146] См.: *Жуков Станислав.* Центральная Азия – развитие, детерминированное глобализацией // Центральная Азия и Кавказ. Насущные проблемы / Под ред. Бориса Румера. Алматы, 2002. С. 128.

[147] *Есентугелов А.* Дуализм в развитии экономики Казахстана: структурно-

инвестиционные аспекты ее модернизации // Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы / Под ред. Бориса Румера. Алматы, 2003. С. 168.

[148] «...Старая столица «зажата» не только горами. Она зажата старыми мировоззренческими путами». – С новой столицей – в новое тысячелетие. (Интервью Н.Назарбаева) // Независимая газета, 9.06.1998. С. 1–5.

[149] См.: *Кенжеев Н.* С такими друзьями и врагов не надо // Assandi-Times, 16.01.2004. С. 1.

[150] Впоследствии возникли слухи, что Алия во время своей учебы в США пристрастилась к наркотикам – трагедия многих подобных семей новых «аристократов» (см.: Эхо (Азербайджан), 2. 07. 2002. С. 5). Казахи с киргизами развелись.

[151] *Шерматова С.* Центральная Азия допустила брак // Московские новости, 21.07.1998. Хотя в этой статье нет ничего, кроме описания события, и нет даже намека на какие-то негативные чувства или мысли, за ее перепечатку была по решению суда закрыта на два месяца актюбинская газета «Диапазон». Очевидно, власть испугало само описание «ханского счастья», способного вызвать зависть у простых людей. – См.: *Успенский С.* Запрет на два месяца // Независимая газета, 9.06. 1999. С. 5.

[152] Пришло время вновь посоветоваться с народом. Как скажет народ, так и будет. (Интервью Н. Назарбаева) // Казахстанская Правда, 6, 14.04.1995. С. 1.

[153] *Назарбаев Н.* Казахстан неизбежно станет процветающей страной // Известия, 4. 06.1998. С. 1.

[154] *Коваленко О.* К новой экономической политике на основе демократизации политической реформы // Казахстанская Правда, 1. 10.1998. С. 1, 3; *Козлов С.* Мой народ выстрадал свободу // Независимая газета, 2.10.1998. С. 1–5. Некоторые наиболее «ретивые» депутаты требовали даже введения прямого президентского правления. Но президент сказал: «Авторитаризм – это путь в никуда».

[155] *Коваленко О.* Н.Назарбаев: «Парламент посадил «дерево» либеральной реформы» // Казахстанская Правда, 13.10.1998. С. 2.

[156] Так, известный казахстанский журналист С. Матаев говорит в интервью: «У нас все повторяется после России с опозданием в 1–2 года» (*Есенова К.* Свидетели. Алматы, 2001. С. 224). Реально, наоборот, казахстанские конфликты второй половины 90-х гг. повторялись в России через несколько лет.

[157] Механизм отбора у «олигархов» богатств с помощью законов, о которых власть ранее «забывала» и нарушения которых «не замечала», а затем, при проявлении олигархами оппозиционности, «вспомнила» и «заметила», потом будет многократно применяться и в Казахстане, и в России. Сергей Терещенко, человек, очевидно, простодушный, так описывает эту ситуацию: «...Меня тысячу раз проверяли... Ничего нет, но если б хотели найти, нашли бы». – См.: *Сулейменов Н., Ашимбаев Д., Андреев В.* Казахстан 90-х. Правительство Кажегельдина: приватизация, коррупция, коррупция и борьба за власть. Алматы, 2003. С. 96.

[158] Известный казахстанский оппозиционный историк и социолог Н. Масанов писал в 1998 г.: «Власти откровенно переменили свое отношение к нарождающейся национальной буржуазии, увидев в ней серьезную силу и амбициозные претензии... В итоге национальная буржуазия ... умерла, не успев народиться» (*Масанов Н.* Политическая и экономическая элита Казахстана // Центральная

Азия и Кавказ, 1998, №1. С. 88). Последнее утверждение Н. Масанова, как показали дальнейшие события, все же было преувеличением.

[159] Совершенно невозможно сказать, насколько такая политика сознательна и насколько бессознательна. Человек может совершенно искренне думать, что покровительствует своим родственникам не потому, что они родственники, а потому, что «так уж получилось», что родственники у него – очень умные и толковые.

[160] Н. Масанов рассказывает об очень показательном эпизоде – как в 1994 г. академики, в основном представители Среднего жуза, не дали Назарбаеву сделать президентом Академии наук его выдвиженца из Старшего жуза (*Масанов Н.* Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество. С. 55). Вот другой пример. В казахстанские газеты попал список кандидатов в Казахскую академию образования, сделанный ее президентом для своего пользования. В этом списке – графа о жузе. Из 19 кандидатов представителей Среднего жуза – 9, Младшего – 7, Старшего – 3. Журналист, сообщающий об этом списке, пишет: «Догадайтесь, из какого жуза президент» (*Козлов С.* Казахстан – клановое государство // Независимая газета, 1. 07.1999. С. 5).

[161] См.: *Козлов С.* Алма-Ата получила валюты гораздо меньше, чем ей было обещано // Независимая газета, 8.02.1994. С. 3.

[162] Деятельности А. Кажегельдина посвящена книга: *Сулейменов Н., Ашимбаев Д., Андреев В.* Казахстан 90-х. Правительство Кажегельдина: приватизация, коррупция, коррупция и борьба за власть. Алматы, 2003. Книга очень информативная, хотя, несомненно, написана по заказу президентской администрации с целью разоблачить Кажегельдина как коррупционера.

[163] Представляя его парламенту, Назарбаев сказал, что Кажегельдин «показал себя человеком рыночным». – *Сулейменов Н., Ашимбаев Д., Андреев В.* Казахстан 90-х. Правительство Кажегельдина: приватизация, коррупция, коррупция и борьба за власть. Алматы, 2003. С. 48.

[164] *Выжутович В.* Салям, инвесторы // Известия, 3.07.1997. С. 4.

[165] «Он свернул ваучерную приватизацию, которая должна была стать «трамплином в космос» для национальной буржуазии, и перевел стрелки приватизации в сферу привлечения иностранных инвестиций». – *Масанов Н.* Политическая и экономическая элита Казахстана // Центральная Азия и Кавказ, 1998, №1. С. 86.

[166] За несколько дней до отставки премьера, когда было очевидно, что дни его правительства сочтены, сопредседатели оппозиционного движения «Азамат» П. Своик, М. Ауэзов и Г. Абильсиитов обратились к Назарбаеву с открытым письмом, в котором Кажегельдина ругали на чем свет стоит («На высоком посту руководителя правительства у господина Кажегельдина в полной мере проявились присущие ему качества мелкого вороватого лавочника» и т.д.). Письмо заканчивалось словами: «Мы обращаемся к Вам... с общественным ходатайством об освобождении господина Кажегельдина от обязанностей премьер-министра ... и проведении объективного расследования его деятельности, включая возможные злоупотребления, личную корысть и превышение власти». (*Сулейменов Н., Ашимбаев Д., Андреев В.* Казахстан 90-х. Правительство Кажегельдина: привати-

зация, коррупция, коррупция и борьба за власть. Алматы, 2003. С. 197–198). Очень скоро подписавшие письмо окажутся в одном политическом блоке с Кажегельдиным.

[167] *Ардаев В.* Казахстан может стать «центральноазиатским барсом» // Известия, 16.10.1997. С. 3.

[168] Г. Жакиянов, позже ставший лидером и символом демократической оппозиции, а тогда – любимец Н.Назарбаева, говорит в интервью про правительство Кажегельдина (после его отставки) : «Оно сосредоточило в своих руках всю власть, подавляло инициативу на местах, подбирало кадры по принципу личной преданности». – *Жакиянов Г.* Для меня дороги понятия «долг, честь, совесть». (Интервью) // Казахстанская Правда, 28.07.1998. С. 5.

[169] *Ардаев В.* Нурсултан Назарбаев одним решением достиг двух целей // Известия, 11. 10.1997.

Назарбаев извлек из опыта с Кажегельдиным урок. После отставки Кажегельдина он стал быстро менять премьеров, не допуская, чтобы они слишком окрепли и «пустили корни». Если с 1991 по 1997 г. в Казахстане сменилось только два премьера – Терещенко и Кажегельдин, то с 1997 по 2003 – четыре (Балгимбаев, Токаев, Тасмагамбетов и Ахметов).

[170] См.: *Ардаев В.* Казахстанский премьер «пропал» // Известия, 1.10.1997. С.1–2.

[171] *Терещенко С.* Не могу молчать // Ленинская смена – Экспресс К, 24.10.2002. С. 1–3.

[172] *Шпак В.* Остров стабильности // Сегодня, 23.07. 1997. С. 3. Статья явно провокационная. Может быть, она инспирирована пустившимся «во все тяжкие» Кажегельдиным, а может быть, даже и его врагами.

[173] *Рамазанова Б.* А. Кажегельдин: «Я не лягу на дно, как подводная лодка» // Казахстанская Правда, 2.07.1997. С. 2.

[174] *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва, 2001. С. 457–458.

[175] «Только если возникнет угроза либеральной модернизации общества – вот тогда я обязательно буду участвовать... Но вообще-то я профессиональный экономист, и большая политика меня мало влечет». – *Сулейменов Н., Ашимбаев Д., Андреев В.* Казахстан 90-х. Правительство Кажегельдина: приватизация, коррупция, коррупция и борьба за власть. Алматы, 2003. С. 191.

[176] «Если мэра выбирают, то он будет смотреть на предпринимателя как на любимую свеклу в любимом огороде» (*Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва; 2001. С. 103). Как пример прекрасных результатов, к которым приводит выборность мэров, Кажегельдин постоянно приводит Лужкова.

[177] См.: *Ертысбаев Е.* Некоторые аспекты президентской избирательной кампании в Казахстане (октябрь – декабрь 1998 г.) // Центральная Азия и Кавказ, 1999, №1(2). С. 48.

[178] *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва, 2001. С. 104–105.

[179] Там же. С. 251.

[180] «Предавая русских, мы предаем своих предков, их выбор и их память. Мы

предаем свое прошлое и вредим будущему наших детей». – *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва, 2001. С. 137.

[181] Кажегельдин говорит полушутя-полусерьезно, что когда расправятся с русскими, примутся за Средний и Младший жузы, и вспоминает анекдот о старом армянине, который, умирая, завещал: «Берегите евреев». – *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва, 2001. С. 138–140.

[182] Петр Своик говорит: «... вся та демократическая риторика, которой он сейчас в совершенстве владеет, я думаю, не только от его ума и прагматизма, но еще немножко от души» (*Есенова К.* Свидетели. Алматы, 2001. С. 99). Моральные проблемы, возникшие у «интеллигентского» оппозиционера Своика, вдобавок выгнанного Кажегельдиным с министерского поста, при переходе Кажегельдина в демократическую оппозицию совершенно аналогичны проблемам, возникшим у российских оппозиционеров-демократов в связи с переходом в оппозицию Березовского и Ходорковского. Далее Своик говорит, что Кажегельдин – «...один из тех, кто показал, что надо воровать, можно воровать, чем быстрее и наглее, тем лучше.... Но то, что он сейчас делает, это, безусловно, положительно для Казахстана» (Указ. соч. С. 101).

[183] Между прочим, дочь Кажегельдина Диана замужем за итальянским графом, которого зовут Карло Баталья.

[184] А. Кажегельдин говорит в своем интервью российской газете «Сегодня»: «По понятным причинам я прямо не назову тех, кто поддерживает меня финансово. Могу сказать, что часть тех, кто помогает действующему президенту, на всякий случай готова помочь и мне. Кроме того, есть и другие, кто стоит за ними. У одних политический интерес. У других – чисто экономический». – *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва, 2001. С. 431.

[185] Если стараться найти российские аналоги разным казахстанским фигурам, то Е. Ертысбаева можно сопоставить с Г. Павловским. Но Ертысбаев интеллектуально значительно интереснее своего российского аналога, и за ним не тянется шлейф скандалов, связанных с изготовлением всяких фальшивок.

[186] *Ертысбаев Е.* Некоторые аспекты президентской избирательной кампании в Казахстане (октябрь – декабрь 1998 г.) // Центральная Азия и Кавказ, 1999, №1(2). С. 49.

[187] Президенты стран СНГ, сталкивающиеся со схожими вызовами со стороны оппозиций и боящиеся воздействия на их страны «дурных примеров», естественно, стремятся поддерживать друг друга. Отношения Ельцина, «разрушителя» СССР, и Назарбаева никогда не были идеальными. Тем не менее Назарбаев перед российскими выборами 1996 г. специально выразил пожелание победы Ельцину. – *Константинова Н.* Восточные визиты президента // Независимая газета, 30.04. 1996. С. 1, 2.

[188] *Козлов С.* Исчезают политические противники президента // Независимая газета, 23.09.1998; *Рубцов А.* Оглушительная победа с потерей лица // Московские новости, 24.11.1998.

[189] Заявление пресс-секретаря Президента Республики Казахстан // Казахстанская Правда, 7.11. 1998. С. 1.

[190] Там же.

[191] См.: Верховный суд Казахстана не прислушался к президенту // Известия,

26.11.1998. С. 3; *Пригода В.* Нурсултан Назарбаев может не волноваться // Известия, 1.12.1998. С. 2.

[192] Другой потенциальный кандидат либеральной оппозиции, посол в Турции Б. Турсамбаев был срочно назначен Назарбаевым вице-премьером и на время об оппозиционности забыл. – См.: *Сулейменов Н., Ашимбаев Д., Андреев В.* Казахстан 90-х. Правительство Кажегельдина: приватизация, коррупция, коррупция и борьба за власть. Алматы, 2003. С. 253.

[193] Во время одного телевыступления он кинул вазой в оскорбившего его журналиста В другой раз, также в передаче по телевидению, демонстрируя свои силу и мужество, он раздавил рукой стеклянный стакан, так что осколки впились в руку.

[194] Г. Касымов выдвинул программу на 7 лет: в 1999 г. – покончить с нищетой, болезнями, преступностью, в 2000 – поднять сельское хозяйство, 2001 – достичь экономической стабилизации, 2002 – дать социальные гарантии, 2003 – обеспечить радикальный подъем экономики, 2004 – покончить с безработицей, 2005 – выйти на мировой уровень и 2006 – войти в число развитых стран. – См.: *Касымов Г.* Власть необходимо подчинить народу // Независимая газета, 26.12.1998.

Как полагают казахстанские политологи, Г. Касымов, действительно, был «раскручен» организовывавшими выборы помощниками Назарбаева для того, чтобы он выполнил роль Жириновского – оттянул на себя какую-то часть протестного электората, которая в противном случае могла бы перейти к более опасным соперникам. «Накануне ... выборов политическая элита республики предприняла попытку перенести на местную почву институт шута, использовав предвыборный образ Г. Касымова, который и критикует, и поддерживает правящую элиту» (*Майлыбаев Б.* Право народа на сопротивление угнетению и оппозиционную деятельность в свете традиций русских и казахов // Центральная Азия и Кавказ, 2001, №4(16). С. 46). Но, в отличие от Жириновского, Касымова использовали «без его ведома», он быстро вышел из-под контроля и в дальнейшем примкнул к общедемократической оппозиции.

[195] См. образец такой агитации: *Третьяков Виталий.* Какой президент нужен Казахстану и какой президент Казахстана нужен России // Независимая газета, 18.12.1998. Статья кончается словами: «... Именно с назарбаевским Казахстаном у нас есть реальные перспективы на создание прочного, прочнейшего, по сути безграничного Союза».

[196] См.: *Григорян М.* Альтернативные, но не демократические выборы // Центральная Азия и Кавказ, 1999, №2(3); *Абазов Р.* Президентские выборы в Казахстане: до и после // Полис, 1999, №3.

[197] Один из публицистов, служащих режиму Назарбаева, позже так обобщит общий и для Казахстана, и для России опыт борьбы власти с олигархами : «История приватизации тем и примечательна, что у каждого есть... «скелет в шкафу» – и неотъемлемое право государства ... по мере необходимости эти «скелеты» оттуда извлекать». – *Ашимбаев Данияр.* Олигархия и демократия // Казахстанская Правда, 14.11. 2003. С. 3.

[198] «Окно в Европу» А. Кажегельдина обошлось родному государству в миллионы кровных. – См.: Казахстанская Правда, 23.04.1999. С. 1.

[199] *Нурпеисова Г.* Очередной скандал в РНПК // Казахстанская Правда 9.09.1999. С. 1, 2.

[200] На первом съезде «Отан» партбилет №1 был вручен Назарбаеву, который был единогласно избран председателем партии. Но поскольку по конституции президент не может состоять в партии, он тут же написал заявление о приостановке своего членства и передаче полномочий С. Терещенко. – Партия Отан будет поддерживать проводимые в стране реформы // Казахстанская Правда, 2.03.1999. С. 1–2.

[201] *Махин В.* «Отан»: экзамен на зрелость // Казахстанская Правда, 19.08.1999. С. 2.

[202] В России примерно в это же время также идет работа над созданием пропрезидентской партии. Но здесь все проще и грубее. Если в Казахстане создается пропрезидентская псевдомногопартийность, в которой есть и некоторые элементы многопартийности реальной – за тремя казахстанскими пропрезидентскими партиями стоят разные «кланы» элиты, они все-таки имеют какое-то социальное лицо и между ними затем возникали разногласия, то в России создаются чисто чиновнические и абсолютно лишенные лица «Единство» и затем «Единая Россия».

[203] См.: *Воркунова О.* Парламентские выборы в Казахстане // Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья. М.: ИМЭМО, ноябрь 1999.

[204] Казахстанская Правда, 12.10.1999. С. 1.

[205] *Кузьменко Б.* На краю политической арены // Время МН, 21.09.2002. С. 4.

[206] См.: Описание встречи с Рахатом, требовавшим для себя доли в «Туран Алем» банке в мемуарах: *Аблязов М.* Холодная весна 2000 года // Assandi-Times, 29.11.2002. С. 5.

[207] См.: *Адилов М.* Что не учитывает американское правосудие // Экономика.Финансы. Рынки. Деловое обозрение республики, 27.09. 2002. С. 1.

[208] Вряд ли имеет смысл пытаться на основании слухов распутывать сложнейший клубок казахстанских придворных интриг, «тайны алмаатинско-астанийского двора». Но для характеристики стиля казахстанской политики стоит указать, что Марат Тажин считается близким другом другого зятя Назарбаева – Тимура Кулибаева. – См.: *Олкотт Марта Брилл.* Казахстан. Непройденный путь. Москва; Вашингтон, 2003. С. 261.

[209] Е.Ертысбаев говорит: «Они подумали, что, свалив Рахата Алиева, надо еще поднажать, профинансировать левую оппозицию, связаться с американскими конгрессменами, Кажегельдиным и компанией, осуществить прямые эфиры «съездов демократической общественности» и т.д. и т.п. – и если не устранить президента, то, изменив Конституцию, превратить его в английскую королеву». – Прямой путь – не всегда самый короткий. (Интервью Е. Ертысбаева) // Время, 8.08.2002. С. 12–13.

[210] Павлодарским акимом он стал в конце 1997 г. До этого недолгое время он был председателем Агентства по контролю за стратегическими ресурсами, а до этого – семипалатинским акимом. Назарбаев часто перемещал акимов из области в область, чтобы они не слишком «укоренялись».

[211] См.: *Козлов С.* Младотурки рвутся к власти // Независимая газета, 21.11.2001. С. 5. Различные материалы СМИ, посвященные ДВК и возникшему с

его созданием политическому кризису, собраны в книге: Казахстан 2001–2002. Политический кризис. Факты и документы / Сост. С. Маркелов и О. Петровский. Новосибирск, 2002.

[212] «... Это толковые, совестливые ребята, но они же в целом ... – плоть от плоти нынешней власти и тех же самых олигархов». – Беседа с Б. Турсунбаевым // Деловая неделя, 25.01.2002. С. 1–2.

[213] Е. Ертысбаев вспоминает: «Я помню сцену на одном из банкетов ... в середине 90-х годов. Президент подошел к столу, где сидели бизнесмены (Булат Абилов, Еркин Калиев, Мухтар Аблязов и др.). Все встали. Глава государства проникновенно и доверительно сказал им: «Вы – моя гордость, надежда и опора». – Прямой путь – не всегда самый короткий. (Интервью Е. Ертысбаева) // Время, 8.08.2002. С. 12–13.

Назарбаев гордился тем, что дает дорогу молодым, часто говорил об этом и упоминал Жакиянова: «Самый молодой глава администрации у нас – в Семипалатинской области, ему 31». (Назарбаев – человек, решивший снять с Евразии пояс невинности. (Интервью Н.Назарбаева) // Россия, 18–24.10.1995). Жена Назарбаева Сара гордилась тем, что увлекла жену Жакиянова – Карлыгаш в учение Порфирия Иванова, и в интервью восхищалась ее фигурой. – Дышите спокойствием и любовью. (Интервью С.Назарбаевой) // Жума (Пятница). 20.10.1995. С. 2.

В какой-то мере отношение Назарбаева к Жакиянову можно даже сравнить с отношением Ельцина к Б. Немцову, а затем к С. Кириенко.

[214] Г. Касымов так характеризует этих людей: «... Они тешили себя мыслью, что дипломы престижных европейских университетов, «английский в совершенстве» и свободное цитирование столпов западной теории рынка позволят им добиться успеха во власти, как еще недавно – в бизнесе... Очень скоро они осознали: все это бесполезно, если не владеешь в совершенстве приемами аппаратной борьбы под ковром». – Даже у правой руки бывают левые дела. (Интервью Г.Касымова) // Время, 25.04. 2002. С. 12–13.

[215] Ход перемен уже не остановить (Интервью М. Ауэзова) // Экономика. Финансы. Рынки. Деловое обозрение республики, 19.07.2002. С.1 и 5. А. Кожахметов так характеризует Кажегельдина, Жакиянова и Аблязова: «Думаю, что по уровню образования, по уровню компетенции ...Кажегельдин посильнее. Но по уровню нравственности, по силе духа сильнее Мухтар и Галымжан. (Мухтар Аблязов и Галымжан Жакиянов. – *Д.Ф.*)». – Стыдно быть богатым. (Интервью с А. Кожахметовым) // Assandi-Times, 4.04. 2003. С. 5.

[216] Пора менять всю систему. (Интервью Е. Ертысбаева) // Время, 18.04.2002. С. 12–13.

[217] Там же.

[218] Заявление о создании ДВК подписали, наряду с М. Аблязовым и Г. Жакияновым, У. Джандозов, заместитель премьер-министра, Н. Субхарбердин, председатель правления крупнейшего Казкоммерцбанка, артист А. Ашимов, Т. Тохтасынов, председатель совета директоров горнорудной компании АЛЕЛ и депутат, Б. Абилов, молодой мультимиллионер и депутат мажилиса от президентской партии «Отан» (после вступления в ДВК он был лишен своей фракцией мандата), Ж. Ертлесова, заместитель министра обороны, А. Байменов, министр труда и социальной защиты населения, Г. Амрин, заместитель секретаря Совета безопас-

ности, К. Келимбетов, первый заместитель министра финансов, Т. Альжанов, председатель комитета по инвестициям МИД, З. Батталова, сенатор, Н. Смагулов, президент Казпродкорпорации, Е. Татишев, председатель правления ОАО «Банк Туран Алем».

Среди поддержавших ДВК – министр государственных доходов и руководитель таможенной службы З. Какимжанов (о нем см.: *Степанова К.* Астана продолжает «священную борьбу с коррупцией» // Независимая газета, 16.04.2003. С. 6), бывший главой антимонопольного ведомства Б. Имашев, посол Казахстана в Москве, бывший министр печати А. Сарсенбаев, который заявляет: «Я поддерживаю «Ак жол» и не скрываю, что ее создали мои коллеги, друзья и единомышленники... Более того, от вступления в эту партию меня удерживает лишь дипломатическая миссия. Но ребята знают, что я с ними» (*Сарсенбаев А.* Астана – Москва. (Интервью) // Время, 7.02.2002. С. 13). Позже он ушел со своего поста и стал активным деятелем партии «Ак жол».

[219] Как молоды мы были, как верили в себя... // Экономика. Финансы. Рынки. Деловое обозрение республики, 5.07.2002. С. 1.

[220] Дарига Назарбаева в своем интервью «Московским новостям» говорит об аналогиях: «Ситуация повторяет ту, что была в России 3–4 года назад. Олигархи, группы по интересам – они группируются вокруг банков – Казкоммерцбанк, Народный банк, Туран Алем-банк... В этой политической возне разменной картой стала наша оппозиция, которую используют для шантажа власти» (Восток и Запад глазами женщины. (Интервью с Д. Назарбаевой) // Московские новости, 26.02.2002). Но Д. Назарбаева забывает о Кажегельдине и не могла в это время предвидеть «бунт» Ходорковского.

[221] Оживившийся с созданием ДВК Кажегельдин в это время излучает оптимизм совершенно в духе Березовского: «Свой пятидесятый день рождения мне еще придется встречать за границей. Но уже следующий день рождения встречу на родине». – Он вернется? // Время, 27.03. 2002. С. 2).

[222] Защита Жакиянова. (Интервью) // Время, 14.03. 2002. С. 12.

[223] *Ертысбаев Е.* Прямой путь – не всегда самый короткий // Время, 8.08.2002. С. 12–13.

[224] Пора менять всю систему. (Интервью Е.Ертысбаева) // Время, 18.04.2002. С. 12–13.

[225] *Ергалиева Гульжан.* Сказать – и умереть // Assandi-Times, 17.01.2003. С. 7.

[226] *Ким М.* Демократический взрыв // Деловая неделя, 25.01.2002. С. 1–2; *Карнаухов А.* Демократия рождается под куполом цирка? // Московские новости, 29.01.2002.

[227] Там же.

[228] См.: *Ержанова Л.* Движение в сторону // Ленинская смена – Экспресс К, 14.02.2002. С. 1.

[229] Вредители напали на поля, враги народа голову подняли // Караван, 24.04.2002. С. 4–5.

[230] Ученые Казахстанского гуманитарно-юридического университета выступили даже с целым научным заключением, в котором говорилось, что идея выборности акимов посягает на конституционные прерогативы президента и что «демократия – не самоцель, а постоянный всеобъемлющий социальный про-

цесс, который имеет свои законы и правила». – Не стоит верить псевдодемократам // Казахстанская Правда, 5.02.2002. С. 1–4.

[231] Так, пропрезидентские партии организуют митинг в Алматы под лозунгами «Не дадим шельмовать президента!» и «Казахстан – един и неделим на отдельные княжества акимов». – Кто раскачивает лодку? // Казахстанская Правда, 5.02. 2002. С. 1–4.

[232] Некоторые аргументы по своей «курьезности» заслуживают упоминания. Так, лидеры казаков проводят пресс-конференцию против ДВК, где говорят, что в России именно выборность акимов привела к войне в Чечне (Панорама, 25.01.2002. С.4). Депутат М. Трошинин говорит: «Именно идея всеобщей выборности, а значит – коллективной безответственности и стала, пожалуй, одной из главных причин развала некогда могучего и незыблемого СССР» (*Трошинин М.* Обойдемся без митинговщины // Казахстанская Правда, 29.01. 2002. С. 1–3).

[233] Характерны сами названия этих статей: «Эволюционный держите шаг» и «Торопись, не спеша». – См.: *Адилов М.* Гниет с головы, а чистят с хвоста // Assandi-Times,14.02. 2003. С. 1–5.

[234] *Назарбаев Н.* Демократия – не набор данных Богом заповедей // Независимая газета, 28.12. 2001.

[235] *Назарбаев Н.* Об основных направлениях внутренней и внешней политики на 2003 год // Казахстанская Правда, 30.04. 2002. С.1–2.

[236] *Назарбаев Н.* Наша Конституция – это осознанный выбор народа Казахстана // Казахстанская Правда, 30.08.2002. С. 1–2.

[237] *Назарбаев Н.* Власть больше не одинокая // Время МН, 19.12. 2002. С. 6.

[238] Моя цель – построить нормальное демократическое общество. (Беседа Н.А. Назарбаева с руководителями СМИ) // Казахстанская Правда, 7. 02. 2002. С. 1–3.

[239] *Назарбаев Н.* Прислушиваться к пульсу перемен, нести людям правду // Казахстанская Правда, 13.03. 2002. С.1–2.

[240] *Назарбаев Н.* Никто не вправе отменить демократию // Казахстанская Правда, 26.01. 2002. С. 1.

[241] См.: *Абилов Б.* Чем хуже варит голова – тем лучше в ней каша // Время, 27.06.2002. С. 12–13.

[242] Перерегистрацию прошли 7 партий: «Ак жол», Гражданская партия, «Отан», Аграрная, Коммунистическая, партия патриотов (Г. Касымова) и Социал-демократическая партия «Ауыл». – См.: Деловая неделя, 18.04 2003. С. 2.

[243] Хроника пикирующей демократии // Караван, 5.04.2002. С. 2–3.

[244] Так, резко выступавший против президента депутат разогнанного в 1994 г. парламента В. Чернышев в 1995 г. очень жестоко избивался неизвестными дважды. Избивалась неизвестными и лидер русской организации «Лад» А. Докучаева. – См.: *Козлов С., Константинова Н.* Продолжаются репрессии против активистов оппозиции // Независимая газета, 3.11.1995. С. 3.

[245] Все, кроме политики // Ленинская смена – Экспресс К, 24.05.2002. С. 5.

[246] См.: *Байсеитова Л.* Кто есть «третья сила»? // Assandi-Times, 12.12. 2002. С. 4.

[247] Панорама, 30.08.2002. С.5.

[248] Assandi-Times, 8.11. 2002. С. 1.

[249] Прямой путь – не всегда самый короткий. (Интервью Е. Ертысбаева) // Время, 8.08.2002. С.12–13.

[250] Закон о борьбе с коррупцией действует // Ленинская смена – Экспресс К, 23.08.2002. С. 3–4.

[251] Жакиянов в последнем слове сказал: «Сегодня меня хотят лишить свободы. Но я родился, живу и, когда придет время, буду умирать свободным человеком». – *Танаев К.* Теорема Жакиянова // Assandi-Times, 16.04. 2004. С.1, 6–7.

[252] *Фоменко Ю.* Ходатайство о помиловании отложено // Казахстанская Правда, 27.09. 2003. С.1.

[253] См.: Довыборы – разведка боем... А. Жанабаев. Победил административный ресурс // Assandi-Times, 10.01.2003.

[254] См.: *Павлов К.* Жакиянов сидит за нашу и вашу свободу! // Assandi-Times, 16.04.2004. С. 4.

[255] *Салимов С.* Предвыборные подарки для казахстанской оппозиции // Независимая газета, 18.08.2004. С. 5.

[256] Это почему-то страшно возмущает Е.Ертысбаева, который постоянно выражает свое возмущение в печати. – См.: *Ертысбаев Е.* Еще раз о демократии // Казахстанская правда, 20.11.2003. С.2; Ак жол – это единственная партия, которая сидит на двух стульях // Assandi-Times, 4.06.2004. С. 3.

[257] *Сарсенбайулы А.* Отказаться от предложения было бы глупо // Assandi-Times, 16.07.2004. С. 4.

[258] Сейчас в КПК возник раскол, несомненно, имеющий внутренние причины, – союз с буржуазной оппозицией не мог не вызвать протеста, но, также несомненно, спровоцированный властями. О расколе в КПК см.: *Адилов М.* Бойся НАНайцев, дары приносящих // Assandi-Times, 16.01.2004. С. 2; Серикболсын Абдильдин выдвинут в президенты. (Интервью первого секретаря ЦК КПК Василия Шамина) // Assandi-Times, 16.04.2004. С. 1; *Кашкеева Ж.* Обновленцы или ... раскольники? // Assandi-Times, 30.04.2004. С. 4.

[259] Отнюдь не отождествляя ельцинско-путинский и назарбаевский режимы с фашистскими, мы можем сказать, что логика таких союзов – та же, что и разных антифашистских фронтов в Европе, куда могли входить все в диапазоне от монархистов до коммунистов, ибо все разногласия девальвировались перед лицом системы, в которой никому, кроме одной политической силы, места нет.

[260] *Альжанов М.* Политическая «бомба» Заманбека Нуркадилова // Assandi-Times, 12.03.2004. С. 1; Я просто хочу, чтобы Назарбаев извинился перед народом. (Интервью З. Нуркадилова) // Assandi-Times, 14.03.2004. С. 1, 3.

[261] *Танаев С.* В Казахстане ждут диктатуры // Независимая газета, 22.03.2004. С. 11.

[262] Я прерываю обет молчания. (Заявление З. Нуркадилова) // Assandi-Times, 16.07.2004. С. 3.

[263] Асар – значит вместе // Казахстанская Правда, 29.10.2003. С. 2. Некоторый либеральный оттенок в позиции Дариги можно усмотреть в том, что на вопрос об отношении к оппозиции она ответила, что относится к ней очень хорошо, ибо оппозиция – это «санитары леса». Дарига вовлекла в «Асар» Мурата Ауэзова, занимавшего до последнего времени либерально-оппозиционную пози-

цию. – См.: *Ауэзов М.* Одолеть семь хребтов. (Интервью) // Казахстанская Правда, 25.10.2003. С. 1–4.

[264] См.: *Адилов М.* В семье не без «Асара»? // Assandi-Times, 31.10.2003. С. 1.

[265] *Смаргулов К.* Многопартийность по-казахстански // Assandi-Times, 19.03.2003. С. 2.

[266] О том, что происходит в недрах «Семьи», дает представление такая достаточно грязная история. На сайте «compromat. ru» появились две статьи. В первой сообщается, что Назарбаев имеет вторую тайную семью. При этом рассказываются подробности, говорящие, что автор или заказчик статьи очень хорошо осведомлен и что, скорее всего, статья имеет «внутрисемейное» происхождение. В другой статье это подтверждалось, но одновременно говорилось, что источником первой являются жена Назарбаева Сара и Дарига. Номер газеты Assandi-Times, в котором сообщалось об этой информации, скупался «людьми в штатском» и затем уничтожался. – См.: *Адилов М.* Все могут короли!.. А президенты? // Assandi-Times, 12.12.2003. С. 1.

[267] См. обсуждающие разные варианты преемственности статьи: *Адилов М.* Куда уходят президенты // Assandi-Times, 17.01.2003. С. 3; *Мусатаев Д.* Акела еще не промахнулся // Assandi-Times, 7.02.2003. С. 1.

[268] Казахстанский журналист говорит, что для некоторых властных фигур «Рахат Алиев более опасен, чем вся оппозиция, вместе взятая». – *Кенжеев Н.* На Отан пойдут всем миром // Assandi-Times, 20.02.2004. С. 1.

[269] Президентская гвардия умирает, но не сдается. (Выдержки из интервью Е. Ертысбаева на сайте «Навигатор») // Assandi-Times, 30.04.2004. С. 1.

[270] См.: *Козлов С.* Премьер-министр стал мишенью // Независимая газета, 11.06.1999. С. 5; *Он же.* Правительство удержалось у власти // Независимая газета, 25.06.1999. С. 5.

[271] Так охарактеризовал этот избранный в 1999 г. парламент журналист «Известий» : «Власти... хотели получить «беспроблемный» парламент – и они его получили. Правительству не надо будет ломать голову, как убедить народных избранников проголосовать за тот или иной законопроект, за бюджет, за поправки к Конституции». – *Гуляев А.* Свои люди в мажилисе // Известия, 9.11. 1299. С. 4.

[272] См.: Власть и оппозиция: анализ и прогнозы. (Доклад службы политического анализа Центрально-Азиатского агентства политических исследований APR) // Экономика. Финансы. Рынки. Деловое обозрение республики, 26.07.2002. С. 4.

[273] Новым премьером стал Д. Ахметов. Мы не можем удержаться и не процитировать его ответ на вопрос кого-то из депутатов мажилиса, как он будет относиться к инакомыслящим: «Мы строим правовое государство, и каждый человек имеет свободу слова, свободу мысли и свободу своих прав. Поэтому я просто остаюсь убежденным сторонником того, что мы должны работать в рамках и в поле своего правового государства. У нас не должно быть инакомыслящих, мы должны строить конструктивный диалог, и только в атмосфере взаимопонимания, конструктивных решений, в духе того, что мы строим единое государство, в духе того, что государство Казахстан должно быть богатым, и для этого есть программа президента, и мы должны заниматься ее реализацией, находя и понимая друг друга». – Новая метла: первые испытания // Караван, 20.06.2003. С. 5.

[274] О том, что И. Тасмагамбетов отнюдь не потерял доверия президента, говорит его последующее назначение главой президентской администрации.

[275] *Туякбай Ж.* Опыт возмужания // Казахстанская Правда, 2.12.2003. С.2–3.

[276] Опрос 1998 г. показал, что 28% казахстанцев считают, что Россия – более демократическая страна, чем Казахстан, и только 6% – что менее демократическая. – *Попов Н., Рубцов А.* Скажи мне, кто твой сосед, и я скажу тебе, кто ты... // НГ Содружество, №5. С. 3 (Независимая газета, 27.05.1998).

[277] *Гликин М.* Президентский марафон снова начался в степи // Независимая газета, 12.01.2004. С. 1.

[278] *Ертысбаев Е.* Пора менять всю систему // Время, 18.04.2002. С.12–13.

[279] В последнее время в России также стала проявляться подобная тенденция, но в значительно более слабой форме и явно связанная с тем, что обе – и правая, и левая – оппозиции находятся «при последнем издыхании».

[280] *Ауэзов М.* Одолевая семь хребтов // Казахстанская правда, 25.10.2003. С. 1–4.

[281] Важна не столько реальная политическая система средневековья, сколько ее образ, то, как она воспринимается современным сознанием. В Казахстане Кажегельдин может сказать, что казахи – демократический народ: «У нас ханов всегда выбирали». (*Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва, 2001. С. 165). В России такая фраза невозможна.

[282] См.: *Танаев К.* Нурсултан Назарбаев на царстве // Независимая газета, 3.02.2004. С. 5.

[283] И сторонники, и противники Ельцина и Назарбаева естественным образом склонны романтизировать их фигуры, приписывая им какие-то особые качества, что как-то поднимает и их самих в их собственных и чужих глазах. На наш взгляд, ничего «особенного» в них нет. Не может быть никаких сомнений, что Ельцин – человек предельной «интеллектуальной простоты», говоривший, что ему приходило в голову, и веривший в то, что говорит. Назарбаев – значительно тоньше, хитрее, «коварнее» и выше интеллектуально. Но все его хитрости, многочисленные примеры которых мы видели, – не слишком сложны и иногда даже «наивны». Они могли обмануть только тех, кому ничего иного не оставалось, как обманываться.

[284] В казахстанской официальной мифологии фигурирует некая русская старушка, которая на встрече президента с народом сказала ему: «На тебе крови нет, сынок» (*Жатканбаев Е.* Мы за президента, создающего будущее // Казахстанская Правда, 8.01. 199. С. 3). Старушка, даже если она – «мифологическая», в целом права. Посадить в тюрьмы нескольких противников, разгонять, но без убийств, парламенты, нарушать все конституции, которые он клялся соблюдать, и пользоваться услугами Гиффена, – это все же не бойня 1993 г. и не чеченские войны.

[285] См.: *Козлов С.* Новый Верховный Совет собрался на первую сессию // Независимая газета, 21.04.1994. С. 3.

[286] Вырисовывается новый треугольник: Россия, Белоруссия, Казахстан. (Интервью Н.Назарбаева) // Независимая газета, 15.11. 1995. С. 3.

[287] См.: *Кара-Мурза В.* Казахская оппозиция пожаловалась британскому парламенту // Коммерсант, 12.05.2003. С. 11.

[288] *Олкотт Марта Брилл.* Казахстан. Непройденный путь. Москва; Вашинг-

тон, 2003. С.23. Книга М. Олкотт начинается словами нигерийского писателя Ч. Ачебе, который пишет, что его родина – прекрасная страна, в которой есть все, и «в характере нигерийцев нет никакого изъяна», а «беда Нигерии заключается только в несостоятельности ее руководства». М. Олкотт считает, что это высказывание полностью применимо к Казахстану. Вряд ли стоит полемизировать с этой точкой зрения, естественной для нигерийского писателя, но выглядящей удивительной наивностью в книге американского автора. Для России подобная логика («Почему у нас, такого талантливого и великого народа, все так плохо?») также очень характерна. Я полностью согласен с критикой этой точки зрения, представленной в статье: *Румер Борис.* Введение. Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы / Под ред. Бориса Румера. Алматы, 2003.

[289] *Назарбаев Н.* Вырисовывается новый треугольник: Россия, Белоруссия, Казахстан. (Интервью) // Независимая газета, 15.11.1995. С. 3.

[290] Постсоветские режимы, несомненно, близки к подобным режимам во многих странах «третьего мира», где авторитарная власть президентов также в какой-то мере камуфлируется демократическим фасадом и где власть также передается фактически по наследству (часто просто от отца к сыну, как в Сирии, в Гаити при Дювалье, в Никарагуа при Сомосе). Для того чтобы лучше понять судьбу постсоветских режимов и возможности мирного и «плавного» перехода от них к демократии, нужны сложные сравнительные исследования.

Куртов Аждар

РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В КАЗАХСТАНЕ

1

Термин «конституционализм» является производным от термина «конституция». Но под конституционализмом правоведы понимают не просто сам факт наличия конституции (писанной или неписанной)[1], которая может иметь и чисто формальное и «декоративное» значение, но реальные верховенство и определяющую роль конституции в системе действующего законодательства и властных отношений в обществе, регламентацию конституцией политической жизни[2]. Такая роль конституции невозможна, если власть безраздельно и «безальтернативно» находится в руках какого-то одного лица (монарха или диктатора). Поэтому конституционализм неотделим от разделения властей, системы сдержек и противовесов.

Зачатки и отдельные элементы конституционализма можно встретить еще в древности. Однако целостное содержание конституционализм получил только с началом Нового времени, в ходе борьбы против произвола европейских монархов, за правовое ограничение их власти или за установление республик. Конституционализм возникает как итог оказанного обществом сопротивления произволу автократического правителя.

В настоящее время нет недостатка в работах, раскрывающих процессы формирования конституционализма в государствах Запада. Однако исследований, посвященных развитию конституционализма в государствах, возникших после распада СССР, явно не хватает. Настоящая работа представляет собой попытку восполнить этот пробел в отношении одного из них — Казахстана.

Основным в настоящем исследовании будет формально-правовой подход, а объектом исследования — тексты нормативных актов. Но существование таких текстов еще не означает, что мы имеем дело с конституционализмом. Для анализа развития конституционализма необходимо освещать не только формальную конституцию и иные акты конституционного права, но и реальный порядок осуществления государственной власти. Для Казахстана это особенно важно, так как на большинстве этапов становления конституционализма в этой стране реальный порядок осуществления государственной власти расходился с предписаниями норм конституции и законов.

2

В собственно казахской истории обнаружить истоки конституционализма, на наш взгляд, невозможно. Ограниченность ханской власти в традиционном казахском обществе («кочевая демократия») имела принципиально иную природу, чем правовые ограничения, которые накладывались на монархов сословиями в европейских странах и из которых в конечном счете сформировался современный конституционализм. Конституционализм – итог развития государства, а «кочевая демократия» — скорее свидетельство неразвитости государственных структур, сохранения догосударственных общественных отношений. Предпосылки зарождения казахского конституционализма появляются лишь в процессе колониальной модернизации казахского общества и в связи с зарождением конституционализма в российской имперской метрополии (в силу особенностей российского развития – очень позднем и возникающем под влиянием западноевропейского конституционализма).

Автократическая природа российского государства проявлялась в Степи, где в руках царской администрации объединялись административная и военная власть, даже более ярко, чем в центральных областях России. Но в эту автократическую систему постепенно вносились элементы, в которых можно увидеть первые ростки конституционализма.

Реформы Александра II не обошли стороной и казахскую Степь. В 1867—1868 гг. в регионе была учреждена система местного управления, предполагающая выборность биев (судей), волостных управителей и аульных старшин. И хотя зачастую распространение выборных институтов на традиционное общество, организованное на основе родовых и племенных связей, лишь усиливало вражду кланов, которые старались продвинуть на выборные должности свои креатуры при помощи взяток российским чиновникам, в какой-то мере эта система выборов, очевидно, все же подготавливала почву для конституционализма.

Нормы конституционализма стали воплощаться в законодательстве империи лишь с 1905 г.[3]. Царские манифесты 1905 г. включали в себя обещания предоставить неприкосновенность личности, свободу слова, совести, собраний, объединений, привлечь народных представителей к контролю за деятельностью правительства. С.Ю. Витте писал: «Россия переросла формулу существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы»[4]. Идеи конституционализма охватывают в этот период значительную часть российской интеллигенции, прежде всего университетские круги. Начало XX в. было отмечено интенсивной разработкой российской наукой самых разных аспектов конституционного права[5]. Революция 1905 г. и введение элементов конституционного строя привели и к колоссальному росту общественной активности. По подсчетам историков, до марта 1917 г. в России действовало до 45 общероссийских и около 160 национальных партий и движений[6].

Из России (или через Россию) идеи конституционализма проникают и в Казахстан. Серьезным фактором ознакомления с идеями конституционализма и усвоения его практики в национальных регионах империи были выборы в Государственную думу. Процессы политической мобилизации в национальных регионах были столь значительны, что на выборах в первую Думу общероссийские партии нередко блокировались с национальными партиями и организациями[7]. Наряду с этим многие политически активные представители народов Российской империи входили в состав общероссийских партий, отстаивая внутри них и через них свои идеи и интересы[8].

Однако конституционализм прививался в России с большими трудностями. Хотя Дума и являлась представительным и законодательным учреждением, ее права были очень ограничены. Она не могла ставить вопросы об изменении основных законов. Из ее ведения была изъята значительная часть государственного бюджета. Правительство было ответственно только перед государем и формировалось без участия Думы. Император перетянул на себя и прерогативы в законодательной сфере[9]. Стоит отметить, что так как выборы в первую Государственную думу на территории Казахстана проходили значительно позднее, чем в других местах Российской империи, избранные депутаты-казахи не смогли полноценно принять участие в ее работе (депутаты А. Биримжан и А. Калменулы прибыли в Петербург спустя полтора месяца после начала работы Думы, депутат А. Букейханов — лишь за несколько дней до закрытия Думы, а в Семиреченской области к моменту роспуска Думы избирательная кампания лишь началась).

Во вторую Думу были избраны депутаты от казахстанских областей: Т. Аллабергенулы, А. Биримжан, Б. Каратай, Ш. Косшыгулов, Б. Кулман, Т. Нурекен, М. Тынышбаев. За исключением последнего, вошедшего в кадетскую фракцию, все они примкнули к мусульманской фракции[10], но политические различия между этими объединениями были незначительны[11]. Что касается А. Букейханова, то его избранию воспрепятствовали царские администраторы, так как он был привлечен к судебной ответственности за подписание «Выборгского манифеста».

После роспуска второй Думы избирательный закон был изменен таким образом, что народы Центральной Азии лишались права голоса[12], и в III и IV Думах они не были представлены. Восстановить это право не раз предлагали наиболее последовательные сторонники конституционализма в России — кадеты. Характерно, что депутаты мусульмане, образовавшие особую фракцию, в своей парламентской деятельности примыкали именно к кадетской фракции.

При всей ограниченности своих прав и представительства в них интересов населения Российской империи, Думы оставили огромный след в развитии конституционализма. Выборы в Думу были первым опытом

участия многонационального населения в проведении избирательных кампаний на многопартийной основе[13].

3

Следующий этап развития конституционализма в России и Казахстане был связан с Февральской революцией, ликвидировавшей все нормативные ограничения в правах граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию или национальности[14].

В этот период на первый план выходит идея созыва Учредительного собрания на началах всеобщего, равного и прямого избирательного права. Обсуждение избирательной системы и механизма выборов в это собрание, которые обеспечили бы представительство всех существующих в России политических, национальных и иных группировок и были бы технически несложны и позволяли приступить к выборам в максимально сжатые сроки, было своеобразной школой конституционализма[15].

Согласно разделу VIII Положения о выборах в Учредительное собрание[16], утвержденному 2 августа 1917 г., были образованы Степной, Уральский и Тургайский избирательные округа[17]. Стоит отметить, что российские сторонники конституционализма специально заложили в нормы Положения правила, которые позволяли населению казахской Степи максимально полно выразить свою волю. В частности, статьями 128—132 предусматривалась в порядке исключения возможность баллотировки шарами или иными заменяющими их знаками, а также более длительный период проведения процесса голосования, что было весьма важно, учитывая кочевой образ жизни казахов.

Выборы, как известно, проходили с 12 ноября по 2 декабря 1917 г., и по России в целом в них приняли участие 4 8514 763 избирателей. Большинство голосов получили эсеры — 39,76%, большевики получили 22,65%, кадеты – 4,50%. Но в округах, расположенных на территории современного Казахстана, результаты выборов отличались от общероссийских. Первые места здесь занимают местные национальные партии и организационные структуры: «Алаш» — 24,94% (211 274 голосов), Киргизский комитет — 32,82% (278.014 голосов). Эсеры смогли добиться относительно скромного результата – 9,88% (83 656 голосов). Большевики вообще провалились, набрав всего 2,23% (18 901 голос). Основные сторонники конституционализма — кадеты получили 0,93% (7886 голосов).[18] Однако на основании этих данных вряд ли можно говорить об отвержении казахским населением конституционализма. Дело в том, что получившие наибольшее число голосов национальные партии, прежде всего партия «Алаш», сами в значительной мере находились под воздействием кадетских идей.

На самом деле «Алаш» лишь с известной степенью условности может быть названа партией. Вначале это была скорее группировка единомышленников, сложившаяся под влиянием событий 1905 г. (казахские исто-

рики иногда именуют ее «движением»[19]), а затем, с 1917 по 1920 г., — автономное квази-государственное образование.

До 1917 г. «Алаш» функционирует фактически как «региональное отделение» партии кадетов[20]. Один из самых ярких лидеров «Алаш» Алихан Букейханов был членом кадетской партии с 1905 г. Оформление «Алаш» в самостоятельную политическую структуру произошло на первом съезде в Оренбурге 21—26 июля 1917 г. Это был не чисто партийный, а общеказахский съезд, то есть этнотерриториальный представительный форум.

В период проведения выборов в Учредительное собрание пути «Алаш» и кадетской партии уже во многом разошлись. Алашевцы второй половины 1917 г. скорее были близки к социалистам. А. Букейханов с 1914 г. сблизился с эсерами, был знаком с А.Ф. Керенским, а в марте 1917 г. был назначен комиссаром Временного правительства по Тургайской области[21].

В современном Казахстане распространены вполне объяснимые, но, на мой взгляд, преувеличенные представления о роли «Алаш» в развитии казахского конституционализма[22]. Фактически в нашем распоряжении есть только документ под названием «Проект программы партии Алаш». Текст этого проекта был опубликован на казахском языке в газете «Казах» 21 ноября 1917 г. В нем, безусловно, содержатся конституционалистские идеи, но это даже не программа, которая еще подлежит реализации (весь исторический опыт говорит, что расстояние от выдвижения конституционалистских идей до их воплощения в жизнь может быть очень большим), а лишь «проект программы».

Существует несколько различающихся между собой переводов этого документа на русский язык[23]. Анализ проекта показывает, что он представляет собой компиляцию и переработку программных текстов действовавших тогда общероссийских политических партий и общероссийских документов.

Проект состоит из 10 разделов (параграфов). Первый и самый важный раздел проекта посвящен будущему конституционному устройству России (демократическому и федеративному)[24]. Во II разделе говорится, что Киргизская (Казахская) автономия мыслится авторами как часть Российской Федерации, сохраняющая при этом земские учреждения управления[25]. В этом же разделе присутствуют формулировки о классовых интересах[26], говорящие о том, что в 1917 г. «Алаш» симпатизировала социалистам. Идеи социалистов присутствуют и в требованиях милиционной системы войсковой службы (раздел VI проекта программы) и взимания налогов в зависимости от состояния налогоплательщика (раздел VII), а в разделе VIII о рабочем законодательстве прямо зафиксировано, что «Алаш» поддерживает в этом вопросе программу меньшевиков.

Как русские либералы-конституционалисты заимствовали и перерабатывали применительно к русским условиям идеи западноевропейских

мыслителей, так деятели «Алаш» заимствовали и перерабатывали идеи, разрабатывавшиеся в Петрограде и Москве. А. Букейханов подчеркивал: «Мы – западники. В своем стремлении приобщить народ к культуре мы не смотрим на Восток... Получить культуру мы можем... через Россию, при посредстве русских»[27].

Проекту программы «Алаш» не суждено было воплотиться в жизнь в форме конституционного акта. Полноценная автономия в условиях Гражданской войны также не была создана. Алашская автономия (Алаш-Орда) была образована в декабре 1917 г. В течение нескольких лет она пыталась наладить контакты поочередно то с лидерами белого движения (Колчаком, Дутовым), то с большевиками[28]. В марте 1920 г. большевики расформировали структуры Алаш-Орды.

Придя к власти, большевики нанесли страшный удар по перспективе развития общества в направлении строительства правового государства и претворения в жизнь идей конституционализма и в России, и в Казахстане.

4

В современном Казахстане, уделяя много внимания деятельности Алаш-Орды, зачастую обходят умолчанием реальный исторический процесс становления институтов государственности под руководством большевиков. Между тем современная государственность Казахстана является прежде всего итогом советского развития. Именно в советский период Казахстан обрел конституционные черты государства, которые были развиты позднее, в период независимости. Советской власти Казахстан обязан и обретением устойчивых границ, и возникновением собственных учреждений публичной власти, и сплочением ранее разрозненных по родовому признаку групп населения в современную казахскую нацию, и даже самим названием государства – Казахстан.

Первой формой казахской советской государственности была Киргизская автономия в рамках РСФСР[29]. Важным шагом на пути к ее созданию был декрет СНК от 10 июля 1919 г. «О Революционном Комитете по управлению Киргизским краем»[30]. Актами конституционного характера, оформлявшими казахскую советскую государственность, были декрет ВЦИК и СНК от 26 августа 1920 г. «Об образовании Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики»[31] и «Декларация прав трудящихся Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики», принятая Учредительным съездом Советов КАССР 6 октября 1920 г.[32]. В первом документе указывались административные границы автономии, перечислялись ее органы власти и управления, обозначались пределы полномочий народных комиссаров. Во втором документе фиксировалось, что «территория Киргизского края объявляется республикой Советов рабочих, трудового киргизского народа, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов» (пункт 1 раздела V Декла-

рации). Декларация была одновременно и правовым, и политическим актом: она и закрепляла принципы избирательного права (в частности перечисляла, ограничения принципа всеобщности) и государственного устройства, и содержала развернутый перечень направлений «классовой» политики КАССР и РСФСР. В декларации подчеркивалось, что Первый съезд Советов КАССР считает нецелесообразным хозяйственное и военное «обособление Кирреспублики от остальных частей РСФСР». Последний раздел декларации содержал поручение Президиуму ЦИК КАССР разработать проект основного закона.

В конце октября 1924 г. происходит национально-территориальное размежевание республик Средней Азии. КАССР передается 40% территории бывших Туркестанской, Хорезмской и Хивинской республик, заселенной в основном казахами. 19 апреля 1925 г. изменяется название республики с «Киргизской АССР» на «Казахскую АССР». Таким образом, оформляются и закрепляются название и территория будущего независимого государства. В 1930 г. Каракалпакская автономная область будет выведена из состава Казахской АССР и войдет в состав Узбекской ССР.

18 февраля 1926 г. постановлением ЦИК КАССР была принята в окончательной редакции Конституция Казахской АССР, в которую был целиком инкорпорирован текст «Декларации прав трудящихся Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики» 1920 г.[33]. Казахстанская Конституция 1926 г. базировалась на тексте Конституции РСФСР, принятой 11 мая 1925 г. Это был первый документ в истории Казахстана, который прописывал (в марксистско-советском варианте) обычные для основного закона государства положения о правах граждан, территориальном делении, организации органов власти в центре и на местах, избирательном праве, бюджетных отношениях, флаге и гербе. (Однако следует упомянуть одно важное обстоятельство: данный текст с формально-юридической точки зрения оставался лишь проектом конституции, так как Конституция 1926 г. не была утверждена, как это было положено для автономных республик в составе РСФСР, ВЦИКом РСФСР. Почему этого не произошло, до сих пор не совсем ясно[34].)

После решения партийного руководства о том, что основы социализма в стране уже построены, и принятия в соответствии с этим новой Конституции СССР 1936 г. Всеказахский съезд Советов 26 марта 1937 г. также принял новую «Конституцию (Основной Закон) Казахской Советской Социалистической Республики»[35]. Никаких существенных отличий от норм Конституции СССР и конституций других союзных республик, разумеется, данный текст не содержал. Но статус республики повышался с автономной до союзной. Как и в Конституции СССР, в Конституции Казахстана появились нормы, внешне вполне «прилично» прописывающие права и свободы граждан. Профессиональное мастерство составителей конституций повышалось.

Появление новой конституции на внеочередной VII сессии Верховного Совета Казахской ССР девятого созыва 20 апреля 1978 г. было обязано решению руководства КПСС о завершении в СССР строительства социалистического общества. Как обычно, сначала этот идеологический постулат отразили в общесоюзной конституции, а затем в конституциях союзных и автономных республик. Соответственно основные изменения в тексте произошли в формулировках о политической и экономической основе общественного строя и о «руководящей и направляющей» роли коммунистической партии, впервые зафиксированной конституционно (известная 6 статья)[36]. В отношении статуса Казахстана Конституция 1978 г. ничего нового не принесла[37]. Затем Конституция Казахской ССР оставалась стабильной, лишь дважды в нее были внесены малозначимые изменения: в марте 1980 г. и в начале декабря 1986 г.[38].

Вопрос о роли советских конституций в развитии конституционализма очень сложен. Разумеется, в советский период ни в Казахстане, ни в какой-либо другой союзной республике СССР конституционализма не было. Был тоталитарный режим всевластия одной политической партии. Тем не менее советский период можно рассматривать не только как важнейший этап в развитии казахской государственности, но и как своеобразный этап в развитии конституционализма. Именно в этот период появляются сами конституции, как особая разновидность документов, призванных своими нормами определять систему политико-правовых отношений. И хотя их нормы носили во многом фиктивный характер и реальные властные рычаги были сосредоточены не в государственных, а в партийных структурах, тем не менее конституции в определенной мере фиксировали распределение власти и, что очень важно, сама идея конституции как основного закона становится одним из непререкаемых постулатов. Как внутри советского квази-федерализма формировалась государственность Казахстана и других ставших затем независимыми республик, так внутри советского квази-конституционализма, через него, укоренялись идеи и элементы реального конституционализма, приобретшие новое значение с падением советской власти.

5

Новым этапом в конституционном развитии Казахстана стал период «перестройки» и заката СССР.

Практически во всех советских республиках конституционные реформы в это время ограничивались внесением поправок в тексты старых конституций. Но в ряде случаев эти поправки имели принципиальное значение и были направлены на отказ от тоталитарного прошлого. Конституционализм на просторах СССР вступал в новый этап своей истории.

Руководство Казахстана вначале шло в фарватере политики московского руководства. Это хорошо видно, если обратиться к республикан-

ской версии горбачевского реформирования властных конституционных структур во второй половине 1988 г.

На союзном уровне эта реформа была осуществлена после проведения достаточно стандартного (на большей части территории СССР) «общенародного обсуждения» и закреплена в Законе СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР», принятом на внеочередной XII сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва 1 декабря 1988 г. Реформа предусматривала главным образом изменение порядка избрания и самой структуры высшего представительного и законодательного органа власти. Вместо Верховного Совета был создан двухуровневый парламент (Съезд народных депутатов и Верховный Совет). Появился дополнительный третий вариант выборов народных депутатов СССР – выборы от общественных организаций. Руководствуясь этим ориентиром, 22 сентября 1989 г. Казахстан принимает собственный закон «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Казахской ССР»[39].

Новеллы затрагивали в основном три главы Конституции Казахской ССР: девятую – о системе и принципах деятельности Советов народных депутатов, десятую – об избирательной системе и двенадцатую – о Верховном Совете. При этом в деталях конституционные механизмы РСФСР и Казахской ССР стали различаться.

Как известно, законом от 1 декабря 1988 г. в СССР был введен институт Съезда народных депутатов. В соответствии со статьей 109 Конституции СССР[40] Съезд народных депутатов СССР состоял из 2250 депутатов — по 750 от территориальных избирательных округов, от национально-территориальных округов и от общесоюзных общественных организаций. Среди организаций наибольшая квота депутатских мест принадлежала КПСС – 100 мандатов. В соответствии со статьей 111 Конституции СССР съезд избирал Верховный Совет СССР – постоянно действующий законодательный и контрольный орган государственной власти, состоявший из равноправных палат – Совета Союза и Совета Национальностей, в каждой из которых было по 261 депутату. Ежегодно подлежало обновлению до одной пятой состава каждой палаты.

Предполагалось, что в союзных республиках также будут учреждены съезды народных депутатов по типу общесоюзного. Но этот сценарий был реализован только в России, где был создан громоздкий механизм Съезда народных депутатов РСФСР, состоящего из 1068 депутатов, из которых 900 избирались от территориальных, а 168 — от национально-территориальных избирательных округов. На съезде формировался Верховный Совет РСФСР, состоящий, как и общесоюзный, из двух палат — Совета Республики и Совета Национальностей, по 126 депутатов в каждой.

Союзный и российский съезды сыграли неоценимую роль в демократических преобразованиях. Их работа вызвала у миллионов людей

интерес к политике, какого не было в течение многих десятилетий. На них выдвинулось и шагнуло в публичную политику много талантливых личностей. Но для собственно парламентской работы столь многочисленные собрания были мало приспособлены. Съезды как форумы, на которых различные группы населения могли высказать свои идеи и стремления и узнать об идеях и стремлениях других групп, сыграли большую роль и обладали значительным демократическим потенциалом, но съезды как органы власти были ненужными надстройками над постоянным парламентом.

В Казахстане от идеи съезда отказались, и в качестве высшего представительного органа по-прежнему фигурировал Верховный Совет. Этот орган теперь был правомочен принять к рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению республики. Перечень прерогатив исключительного ведения Верховного Совета был весьма внушительным – он включал в себя 22 пункта (ст. 97 Конституции Казахской ССР). В этом отношении Казахстан во многом повторял практику СССР и России, где подобными правомочиями были наделены съезды.

Отказ от съезда народных депутатов, скорее всего, был связан с тем, что такой громадный орган было бы трудно контролировать и дискуссии на нем могли бы еще более взбудоражить общество, в котором был очень высокий потенциал национальных и социальных конфликтов. Казахстанские власти не только не стали создавать институт съезда, но и уменьшили число депутатов, избираемых в Верховный Совет. Теперь он стал состоять не из 510, а из 360 депутатов (ст. 98 Конституции Казахской ССР). Последовательное («от конституции к конституции») уменьшение числа депутатов в парламенте станет затем одним из направлений преобразования органов государственной власти в Казахстане.

Раньше Верховный Совет обычно в течение двух-трех дней принимал проекты актов, разработанные в недрах партийно-государственного аппарата. Теперь же в части 1 статьи 100 Конституции была зафиксирована продолжительность сессий Верховного Совета — до двух месяцев, а статья 110 обязывала, хотя и не в императивной форме, любое решение Верховного Совета предварительно обсуждать в постоянных комиссиях и комитетах. Как и в России, Президиум Верховного Совета и его председатель держали в своих руках основные рычаги управления Советом (ст.ст. 104—108). Субъекты, которым было предоставлено право законодательной инициативы (ст. 101), также были в основном идентичны союзным и российским. Как и в России, изменения Конституции более развернуто зафиксировали права народных депутатов (ст.ст. 92, 93, 96, 111). Декларировалось и учреждение нового органа — Комитета конституционного надзора (ст. 112).

Уже в этих произведенных в 1989 г. изменениях Конституции, прежде всего в новой редакции статьи 71, стала заметна линия на суверенизацию. Отныне предприятия, учреждения и организации союзного подчи-

нения могли создаваться на территории республики только с согласия республиканского Совета министров. Республиканские органы получали право контролировать деятельность структур союзного подчинения по вопросам, относящимся к республиканскому ведению. Еще более явно тенденция к суверенизации проявилась в следующей новой норме: «Казахская ССР имеет право вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций».

Новыми стали и нормы, посвященные языку (ст. 70). В Конституции Киргизской АССР 1926 г. было установлено государственное двуязычие (ст. 13). В Конституциях Казахской ССР 1937 и 1978 гг. этот вопрос специально не был регламентирован, языки упоминались лишь в связи с ведением судопроизводства (ст. 89 и ст. 159 соответственно). На практике большая часть официальных документов была на русском языке. Отныне же государственным языком объявлялся только казахский, а русский получал маловразумительный статус «языка межнационального общения». Одновременно нормы данной статьи фиксировали обязательства республики обеспечивать свободное функционирование русского языка наравне с государственным и запрет каких-либо ограничений в употреблении тех или иных языков.

Значительные изменения были связаны и с избирательной системой[41], причем и в этом отношении законодательство Казахской ССР стало отличаться от законодательства России, как и большинства других союзных республик (и отнюдь не в демократическом направлении). Так как эти изменения фиксировались не только в тексте Конституции, но и в законах «О выборах народных депутатов Казахской ССР»[42] и «О выборах депутатов местных Советов народных депутатов Казахской ССР»[43], принятых в том же 1989 г., эти документы следует рассмотреть в совокупности.

Союзный закон о выборах, принятый в декабре 1988 г., вводил институт корпоративного представительства в форме выборов от общественных организаций[44]. Этот институт, несколько напоминавший корпоративное представительство в западноевропейских фашистских диктатурах, был вскоре отменен даже на союзном уровне, когда упоминание о нем убрали из статьи 95 Конституции СССР. В РСФСР институт выборов от общественных организаций вообще не был введен — не столько по причине большей демократичности ее законодателей, сколько в связи с тем, что в РСФСР отсутствовали республиканские структуры коммунистической партии, и ее руководители здесь не могли получить депутатские мандаты, используя этот институт.

Но и большинство других союзных республик, где структуры республиканских компартий существовали, не пожелали вводить прямое представительство общественных организаций. И только две республики ин-

корпорировали этот институт в свои конституционные системы — Казахстан и Белоруссия.

В Казахстане в соответствии с новой редакцией статьи 84 Конституции представительство от общественных организаций было установлено в размере четверти от общего числа мест в Верховном Совете. Эта квота была меньше общесоюзной, где от организаций избиралась треть депутатов, но существенно больше установленной в Белоруссии, где при той же численности Верховного Совета, что и в Казахстане (360 депутатов), общественным организациям выделялось 50 мандатов.

Казахстанская норма отличалась от белорусской не только размером квоты. В Белоруссии 29 мандатов получили представители организаций ветеранов войны и труда, а 21 мандат — представители организаций инвалидов и общества слепых и глухих[45]. В Казахстане же фактически без предвыборной борьбы мандаты обретут десять функционеров коммунистической партии, и значительная часть мест в Верховном Совете достанется разным общественным объединениям, не имевшим прямого отношения к политике, — Академии наук, отделению ВАСХНИЛ, Совету колхозов, Союзу потребительских обществ, Обществу изобретателей и рационализаторов и т.д.[46].

Выборы в Верховный Совет Казахской ССР по этим измененным нормам прошли 25 марта 1990 г. В мажоритарных округах на 270 депутатских мест баллотировались 1031 кандидат. Существенно меньшей была конкуренция за мандаты от общественных организаций: здесь за 90 мест боролись 165 кандидатов. 25 марта удалось избрать всего 148 депутатов из 360. Явка избирателей составила 84 %[47]. Так как законодательство не устанавливало жесткого требования альтернативности выборов, в ряде мажоритарных округов выборы были безальтернативными — во всех таких округах баллотировались представители высшей партийной номенклатуры.

Оппозиционные движения, только формировавшиеся в то время, фактически не могли полноценно бороться за депутатские мандаты. Почти 90% кандидатов в народные депутаты являлись членами коммунистической партии. Примечательно, что высшая партийная и советская номенклатура получила мандаты преимущественно в мажоритарных территориальных округах, что свидетельствовало о большой степени контроля с ее стороны за ходом избирательного процесса. Лишь в единичных случаях представители номенклатуры потерпели поражение (в Алма-Ате, Чимкенте, Гурьеве, Павлодаре). Поэтому говорить, что эти выборы внесли свой вклад в разрушение однопартийной системы, как это делают некоторые казахстанские политологи[48], можно только с известной осторожностью.

В результате Верховный Совет Казахской ССР двенадцатого созыва оказался сформированным главным образом из руководителей разных уровней. Однако прошедшие выборы четко обозначили сдвиг по сравне-

нию с прошлыми временами в другом отношении. Резко изменились этнические пропорции депутатского корпуса высшего представительного органа власти. Если в Верховном Совете прошлого, одиннадцатого созыва казахи составляли 46,7 %, а русские – 41,8 %, то во вновь избранном парламенте соотношение уже было 54,2 к 28,8 %. Причем такой дисбаланс произошел прежде всего за счет выборов от общественных организаций. Казахи составили 69,3 % депутатов от общественных организаций, русские — только 15,9 %. По мажоритарным избирательным округам пропорция была 49,3 % к 33 %.

Таким образом, конституционная реформа 1989 г. в Казахской ССР была более половинчатой, чем в других союзных республиках. Если многие республики шагнули вперед по сравнению с общесоюзным законодательством, то Казахстан такого шага не сделал.

6

На рубеже 80-90-х гг. XX века конституционные преобразования в СССР и в большинстве союзных республик принимались без сколько-нибудь серьезной концептуальной и стратегической проработки. Горбачевская либерализация вызвала к жизни неуправляемые революционные процессы, и, пытаясь обуздать их, власть шарахалась из стороны в сторону. Сначала был взят курс на парламентаризацию, проводившийся под лозунгом возвращения власти советам. В новой интерпретации истории получалось, что после Октябрьской революции была попытка демократического развития страны и только затем власть советов постепенно была подменена господством партаппарата. Все это сопровождалось призывами очистить подлинное ленинское наследие от последующих искажений. Довольно быстро, однако, такая попытка придать процессу либерализации советскую легитимность сменилась иным курсом. Власти стали реализовать идею президентуры.

В СССР учреждение поста президента произошло 14 марта 1990 г.[49]. В этом же году посты президентов были введены в Узбекистане, России, Туркменистане, Кыргызстане, Молдове. В 1991 г. они появились в Грузии и Украине. В Казахстане введение президентуры произошло в то же время, что и в России[50], — принятием 24 апреля 1990 г. (в день открытия сессии Верховного Совета!) закона «Об учреждении поста Президента Казахской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР»[51]. Данный акт объединил в себе два важнейших направления изменений конституционной ткани — ликвидацию тотального господства компартии и появление института президентской власти. Как нам представляется, в этом тандеме был заложен глубокий смысл. Произошла своего рода «мягкая трансформация» старой системы власти коммунистической номенклатуры в более «цивильную», внешне отвечающую мировой практике систему власти президента.

Упоминание о компартии в знаменитой статье 6 Конституции было сохранено. Но теперь она перестала быть «руководящей и направляющей силой общества и ядром его политической системы»[52]. В разделе, посвященном правам граждан, была зафиксирована многопартийность (ст. 49)[53]. Одновременно были зафиксированы и ограничения на создание и деятельность новых политических организаций и движений (ст. 7[54]).

В Конституции появилась новая глава 12 «Президент Казахской ССР», в которой определялись его статус, порядок избрания и основные полномочия. Президент объявлялся главой Казахской ССР (ст. 114). Он не мог быть одновременно депутатом какого-либо совета и мог получать зарплату только по этой должности. Президентом мог быть избранный на всеобщих выборах гражданин Казахской ССР не моложе 35 и не старше 65 лет, постоянно проживающий на территории Казахской ССР не менее 10 лет, владеющий казахским и русским языками (при том что среди русского населения лишь очень немногие знали казахский язык, это практически означало, что президентом может быть лишь казах). В Конституции появилась формулировка, что число претендентов на президентский пост не ограничивается. При ее принятии, очевидно, подразумевалось, что не должно быть административных препятствий для выдвижения разных кандидатур. Но на практике данная формулировка сработала в обратном направлении: она позволяла провести выборы даже при наличии лишь одной кандидатуры.

Стоит отметить еще несколько вновь учрежденных в Конституции формул, которые в дальнейшем будут изменены. Так, было зафиксировано, что одно и то же лицо не может быть президентом более двух сроков подряд. Выборы президента признавались действительными, если в них принимало участие не менее 50% избирателей, а избранным считался кандидат, получивший более половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании (ст. 114). При этом конституционная норма устанавливала, что порядок выборов президента должен определяться в законе «О выборах Президента Казахской ССР».

Модель власти, реализованную данной конституционной реформой, многие казахстанские авторы склонны считать парламентской республикой[55]. Эта точка зрения воспроизводится и некоторыми российскими учеными. Но вряд ли можно с ней согласиться. Обычно в качестве аргумента в пользу отнесения казахстанского строя образца апреля 1990 г. к парламентской республике выдвигают то, что правительство могло быть отправлено в отставку парламентом (ч. 4 ст. 117). Это действительно один из важнейших критериев парламентской республики. Но есть и другие критерии.

В парламентской республике президент осуществляет в основном представительские функции, реальная исполнительная власть принадлежит правительству, президент не обладает правом издания норматив-

ных актов, равнозначных законам, акты президента, как правило, контрасигнуются министрами. В Казахстане уже в тот период президент обладал большим перечнем отнюдь не номинальных полномочий (п.п. 1 – 17 ст. 114): он представлял в парламент кандидатуры на посты всех важнейших руководителей государственных институтов власти[56], мог председательствовать на заседаниях правительства, получал право приостанавливать в определенных ситуациях действие его актов, мог ставить перед Верховным Советом вопрос об его отставке, обладал правом отлагающего вето в законодательном процессе и правом законодательной инициативы, имел право издавать указы нормативного характера[57]. При президенте учреждался Президентский совет, члены которого назначались лично главой государства. Президентский совет был призван заниматься выработкой мер по реализации основных направлений внутренней и внешней политики республики, а также вопросами обеспечения ее безопасности.

В то же время президент не получал характерной для парламентских республик прерогативы роспуска парламента в кризисных ситуациях.

Но, очевидно, самое главное – это то, что парламентские республики являются государствами, где в результате функционирования механизма многопартийности на парламентских выборах происходит конкуренция политических платформ разных партий и победившая партия формирует правительство. Но Верховный Совет, принявший рассматриваемые изменения в Конституцию, под этот критерий никак не подходил. На наш взгляд, в Казахстане в тот период была сконструирована смешанная форма правления, в значительной мере эклектически сочетавшая в себе элементы и признаки разных форм, в том числе и никогда реально не существовавшей формы правления, базировавшейся на лозунге «Вся власть Советам». Но если говорить о направленности конституционных реформ, то и на этом этапе развития Казахстана уже можно отметить стремление к концентрации власти в руках президента.

Процедура отрешения президента от власти в данной редакции Конституции формально выглядела гораздо проще, чем та, что появится позднее. В случае нарушения им Конституции президент мог быть отрешен от должности Верховным Советом с учетом заключения Комитета конституционного надзора. При голосовании необходимо было набрать две трети голосов от общего числа депутатов, после чего вопрос об отрешении выносился на референдум. Но применение этой процедуры было невозможно до создания Комитета конституционного надзора. А комитет этот так и не будет создан. Другой, несомненно, намеренной «оплошностью» законодателя является отсутствие в тексте указаний на какие-либо сроки, регламентирующие проведение процедуры отрешения президента.

Таким образом, уже на ранних стадиях конституционного развития суверенного Казахстана в нем проявляется одна характерная черта: фор-

мально декларированные демократические нормы при внимательном рассмотрении оказывались по большей части фикцией, так как на практике не могли быть применены.

В тексте акта об установлении поста президента видна и другая характерная для Казахстана черта – после провозглашения демократических норм оговариваются исключения из них, которые объективно сводят на нет их действие. Мы уже говорили, что новые нормы Конституции провозглашали избрание президента путем всеобщих выборов населения на пятилетний срок (ч. 2 ст. 114). Но в самом конце текста закона говорилось, что первый Президент Казахской ССР должен был избираться иным путем и на другой срок – Верховным Советом и на шесть лет (раздел IV). При этом избранный Верховным Советом президент мог быть отрешен от власти не референдумом, а опять-таки только Верховным Советом.

Ясно, что данные нормы были рассчитаны на то, чтобы облегчить уже обладавшему высшей властью в республике первому секретарю ЦК Нурсултану Назарбаеву перевоплощение его прежнего поста в новый – президентский. Это и было проделано посредством быстрого (в день принятия закона) безальтернативного избрания его Верховным Советом президентом.

7

Уже в 1990 г. союзные республики шаг за шагом двигались к суверенитету. Знаковыми этапами на этом пути стали новые юридические документы. 12 июня 1990 г. Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР[58]. Вслед за этим 25 октября 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете Казахской ССР[59].

Казахская ССР объявлялась суверенным государством, которое свои взаимоотношения с другими союзными республиками строит на договорной основе[60]. Примечательно, что в тексте декларации в данном случае (ст. 1) был упомянут не СССР, а Союз Суверенных Республик – государство, которого реально не существовало. Данный факт, как и другие положения декларации, свидетельствует о том, что Казахстан отнюдь не стоял в стороне от процессов, приведших к распаду СССР, как об этом говорят власти современного Казахстана.

В декларации фиксировались нормы о национальной государственности, неприкосновенности территории республики, собственном гражданстве, исключительной компетенции республики в решении всех вопросов государственной жизни, за исключением добровольно делегированных ей Союзу, о праве приостановления действия союзного законодательства на территории республики, праве иметь собственную финансово-кредитную систему, собственные внутренние войска, органы безопасности и МВД, быть самостоятельным субъектом международных

отношений[61]. Специально оговаривались проблемы экологии, в частности на территории республики запрещалось проведение испытаний ядерного оружия. Носителем суверенитета и источником власти объявлялся многонациональный народ Казахстана, причем представителям всех наций и народностей гарантировались правовое равенство и равные возможности во всех сферах общественной жизни.

Декларация провозглашала, что государственная власть в республике осуществляется на основе принципа разделения властей (ст. 7). Законодательная власть осуществляется Верховным Советом, президент обладает высшей исполнительно-распорядительной властью, а высшая судебная власть отдается Верховному суду. (Тем самым в нормах данной декларации была зафиксирована система президентской, а не парламентской республики.)

Текст декларации очень противоречив и отражает как стремление президента к присвоению максимальной власти, так и взгляды и стремления голосовавших за нее депутатов. Так, в ней содержится положение, что право выступать от имени всего народа принадлежит Верховному Совету (ст. 4).

В результате принятия данных деклараций ни Россия, ни Казахстан еще не стали суверенными государствами. Суверенитет был объявлен, но не реализован. И в России, и в Казахстане декларации содержали положение, что этот документ является основой для заключения Союзного договора и разработки новой конституции и законодательства республики. На деле же нормы деклараций делали заключение нового Союзного договора, по крайней мере в форме обновленной федерации, весьма проблематичным.

8

В бурный позднесоветский период конституционное законотворчество приобрело лихорадочный и судорожный характер. Часто новые конституционные институты не успевали даже оформиться, как их уже отменяли и на их месте возникали другие. Прошло менее месяца после рассмотренных нами выше изменений Конституции Казахстана, как 20 ноября 1990 г. был принят новый закон «О совершенствовании структуры государственной власти и управления в Казахской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР»[62].

Данный акт упразднял только что созданный Президентский совет и вместо него учреждал новый консультативно-совещательный орган — Совет Республики (п/п. 9 п. 1). В состав Совета Республики помимо главы государства входили: вице-президент, премьер-министр, председатели областных и столичного городского Совета народных депутатов, а также иные «лица, назначаемые Президентом». Его можно расценить как переходную форму от политбюро к Совету безопасности.

Упразднялись органы народного контроля и Президиум Совета министров (п/п. 4,10 пункта I). Сам Совмин преобразовывался в Кабинет министров, право образовывать этот орган и осуществлять руководство его деятельностью отныне отдавалось главе государства[63]. Учреждалась должность вице-президента, избираемого по представлению президента Верховным Советом. Президент получал право досрочного освобождения от занимаемых должностей председателей областных и столичного Советов народных депутатов. Фактически это означало, что глава государства изъял в свою пользу одну из важных прерогатив советов, и хотя выборность председателей местных легислатур осталась, данный шаг явно шел вразрез с концепцией разделения властей. Эта норма стала предвестником тех мер, которые позднее будет реализовывать Назарбаев в отношении местных представительных органов. Но пока данное полномочие главы государства еще не стало абсолютным: решение президента могло быть отклонено двумя третями голосов депутатов соответствующего совета. Вводились и другие ограничители президентской власти, например Комитет конституционного надзора получал право давать заключения по актам, изданным президентом. Тем не менее увеличение объема президентских полномочий было налицо. Не случайно, что статья 114 Конституции теперь приобретала следующую редакцию: «Главой Казахской Советской Социалистической Республики, ее высшей исполнительной и распорядительной власти является Президент Казахской ССР».

Затем новые малозначимые изменения в Конституцию были внесены в феврале[64] и дважды в июне 1991 г.[65]. Но все более становится очевидным, что ситуацию надо как-то стабилизировать, перестав бесконечно «латать» советскую конституцию и приняв новую.

9

15 декабря 1990 г. в Верховном Совете была сформирована конституционная комиссия. Первый проект новой конституции комиссия обнародует только к октябрю 1991 г., уже после августовских событий в Москве, когда СССР оставалось два месяца жизни[66]. Первоначально (почти год) руководил работой комиссии Председатель Верховного Совета Е.М. Асанбаев. Но после декабря 1991 г. Президент Назарбаев стал сам руководить ходом ее работы, председательствуя на заседаниях.

Как и для большинства союзных республик, для Казахстана августовские события 1991 г. в Москве стали поводом для внесения изменений в законодательство, направленных на упрочение независимых от Центра институтов государственной власти.

25 августа 1991 г. был принят еще один закон — «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР»[67]. В преамбуле данного акта говорилось, что он принимается для укрепления государственного суверенитета и института президентской власти. Из статьи 6 Конституции было изъято упоминание о коммунистической

партии. В этом отношении, как и во многих иных, Казахстан копировал преобразования, которые уже были реализованы на союзном уровне и в Российской Федерации. Однако наряду с этой демократической новацией в тексте данной статьи произошли изменения, далеко не столь однозначные. Конституционный текст в данном случае стал оперировать нормами не о партиях, а об общественных объединениях, которые и могли избирать своих представителей в органы власти. Согласно части 2 новой редакции статьи 6 Конституции отныне не допускалось создание первичных организаций общественных объединений, преследующих политические цели, в органах государственной власти и управления, прокуратуре, органах безопасности, внутренних дел, в юстиции, судах, арбитраже и таможне. Ясно, что новая редакция статьи была направлена не только против компартии. Сосредоточение власти в руках президента сочеталось с намеренным ослаблением партийного компонента в политике, отнюдь не обязательно связанного с коммунистами. Фундаментальное понятие «политическая партия» фактически подменялось расплывчатым понятием «общественное объединение». А норма о запрете деятельности первичных партийных организаций в органах государственной власти могла быть интерпретирована и как запрет на создание фракций в парламенте, что совершенно противоречило базисным ценностям современного конституционализма. Не случайно длительное время в казахстанском парламенте полноценных фракций, имевших четко очерченный юридический статус, так и не было создано.

В ответ на резкое ослабление власти союзного руководства в Казахстане, как и в большинстве союзных республик (за исключением стран Балтии), произошло усиление не парламента, а именно президентуры. Глава государства отныне мог назначать и снимать с должности руководителей организаций союзного подчинения, расположенных на территории республики, приостанавливать решения любых союзных органов власти, осуществлять руководство внутренними войсками, расположенными на территории Казахстана. При президенте учреждался еще один орган – Совет безопасности, среди полномочий которого было и формирование правовой политики[68]. Назначал членов Совета безопасности и возглавлял его работу сам президент; руководитель парламента мог лишь принимать участие в его работе, правда, с правом решающего голоса.

Теперь в Конституции Казахской ССР большинство статей оказались посвящены прерогативам президентской власти, но при этом практически ничего не говорилось об ограничениях этой власти. Четкой процедуры импичмента определено не было. Вместо этого новая редакция статьи 114-8 регулировала лишь общие вопросы отставки президента без уточнения ее причин. В случае отставки главы государства до избрания нового (выборы должны были проводиться в трехмесячный срок) его полномочия (за рядом ограничений) передавались вице-президенту, а если это невозможно – Председателю Верховного Совета.

Одним из важнейших отныне зафиксированных принципов являлся принцип наделения Конституции Казахской ССР высшей юридической силой (ст. 172). Все законы и иные акты государственных органов могли издаваться только в соответствии с данной Конституцией.

Таким образом, мы видим, что задолго до встречи Ельцина, Шушкевича и Кравчука в Вискулях в законодательство Казахской ССР были введены нормы, направленные на обретение такого суверенитета, какой не мог быть у республики, входящей в состав единого государства. Действительно, Назарбаев не поехал на совещание в Беловежской пуще, предпочитая, чтобы работу по ликвидации СССР за него проделали другие, но непосредственно в преддверии этой встречи и явно в связи с подготовкой к ней, 1 декабря 1991 г. сразу в двух крупнейших союзных республиках прошли знаковые мероприятия. В Украине был проведен референдум о независимости, а в Казахстане были проведены безальтернативные всенародные выборы президента, завершившиеся, естественно, победой Назарбаева. Правовой основой данных выборов стали принятые 16 октября 1991 г. закон «О выборах Президента Казахской ССР» и Постановление Верховного Совета Казахской ССР о назначении даты проведения выборов[69].

Руководство Казахской ССР было готово к юридическому прекращению существования Союза ССР. И сразу после того как 8 декабря 1991 г. в Белоруссии было подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств, закрепившее распад СССР[70], но еще до встречи в Алма-Ате, где была принята соответствующая декларация[71], в Казахстане принимаются важные конституционные законы. 10 декабря 1991 г. был принят закон «Об изменении наименования Казахской Советской Социалистической Республики»[72]. Новым названием стало «Республика Казахстан». В срочном порядке, за пять дней до встречи в Алма-Ате глав уже бывших союзных республик, – 16 декабря 1991 г. принимается конституционный закон «О государственной независимости Республики Казахстан»[73].

Формулировки этого закона говорят о том, что его писали в спешке, стремясь как можно скорее заявить о независимости Казахстана миру. Закон состоит из преамбулы, 7 глав и 18 статей. В преамбуле одновременно говорилось и о выражении воли всего народа Казахстана, и о праве казахской нации на самоопределение, а также о признании приоритетности прав человека и стремлении создать правовое государство. А в статье 1 утверждалось, что Казахстан уже является правовым и демократическим государством. Ни о каких рамках суверенитета, определенных Союзным договором (как это было в Декларации о государственном суверенитете), более не упоминалось.

Закон содержит нормы о неприкосновенности территории Казахстана в существующих границах (ст. 5), о собственном гражданстве (ст. 7), экономических основах независимости (ст. ст. 11—12), взаимоотно-

шениях с мировым сообществом (ст. ст. 13—14), охране государственной независимости (ст. ст. 15—16). При чтении этих статей возникает впечатление, что их составители как бы сами не до конца верят в реальность провозглашенной независимости и стремятся всячески утвердить ее и предотвратить покушения на нее. В статье 3 содержалась формула, нехарактерная для внутреннего конституционного права: «Республика Казахстан открыта для признания ее государственной независимости другими государствами».

В законе впервые была ясно зафиксирована линия на юридическое закрепление прав титульной нации. За всеми казахами, вынужденно покинувшими территорию Казахстана, признавалось право иметь гражданство Республики Казахстан наряду с гражданством других государств. Новое государство брало на себя обязательство создавать условия для возвращения на его территорию казахов, проживающих вне республики (ст. 7). Важнейшей обязанностью государства отныне стало укрепление национального достоинства казахской нации, возрождение культуры, традиций и языка (ст. 8).

В главе, посвященной органам государственной власти, не произошло существенных изменений. Новым было лишь то, что в данном тексте в статье 10 впервые в качестве высшего органа судебной защиты Конституции стал фигурировать не Комитет конституционного надзора, который так и не был создан, а Конституционный суд.

Важное значение имела заключительная статья 18. В ней было записано, что данный закон служит основой для разработки новой конституции, а это означало, в частности, что выбор в пользу президентской республики уже был сделан де-юре. Кроме того, данному закону не должны были противоречить все иные законодательные акты Казахстана, включая саму действовавшую на тот момент Конституцию, в противном случае действие их норм прекращалось[74]. Здесь мы сталкиваемся еще с одной особенностью становления конституционного развития современного Казахстана. Власть шла на ускоренное[75] принятие новых правовых актов, которые по своей юридической силе стояли выше текста действовавшего в тот период Основного Закона. Этот прием еще не раз будет пущен в ход в дальнейшем.

Конец 1991 г. и весь 1992 г. были отмечены продолжением работы, связанной с конституционным оформлением институтов суверенной государственности. Несколько раз принимались акты, которые вносили разнообразные изменения в текст Конституции. При этом в текст Основного Закона вносились нормы, которые в мировой практике в тексты такого рода документов никогда не включаются, например о том, кто устанавливает заработную плату и должностные оклады высшим государственным чиновникам[76]. В других случаях обнаруживалось, что принятые ранее в спешке нормы о том, что республика является полноправным субъектом международных отношений, не были подкреплены

должным образом сформулированными прерогативами властных структур. Поэтому приходилось срочно дополнять текст Конституции нормами о том, что Верховный Совет вправе устанавливать дипломатические ранги, а президент — их присваивать[77].

В этот период конституционное развитие Казахстана не было отмечено однозначными попытками усилить власть какой-либо государственной структуры, хотя отдельные элементы реформирования, безусловно, способствовали укреплению позиций главы государства. Так, были приостановлены некоторые нормы Конституции, касающиеся прав местных советов народных депутатов (фактически отменялось руководство со стороны местных советов государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством на их территориях, эти советы также лишались права создавать исполнительные и распорядительные органы)[78], расширены возможности президента в отношении кадровых назначений в органы прокуратуры[79]. С другой стороны, впервые в тексте Основного Закона появилась норма, которая, хотя и косвенным образом, но стала указывать на возможность применения к главе государства процедуры импичмента в случае несоблюдения им Конституции и законов[80].

Важным достижением развития конституционализма в этот период стали новые нормы, посвященные судебной ветви власти. В целом они в отношении судов общей юрисдикции и арбитражных судов воспроизводили подходы, которые уже были приняты в этой сфере в России. Для Казахстана новым институтом стал Конституционный суд, закон о статусе которого, как и закон о конституционном судопроизводстве, были приняты в июне 1992 г.[81]. Сам же Конституционный суд будет сформирован и начнет работать значительно позднее — только в 1993 г., т. е. уже после принятия новой Конституции.

10

Новую Конституцию Казахстан принимает раньше России. Казахстанские власти стремились не допустить той борьбы конституционных проектов, которая шла в России до октябрьского переворота 1993 г.[82], и «сыграть на опережение».

В какой-то мере к принятию новой Конституции толкало и своеобразное соперничество между государствами Центральной Азии[83], которые старались опередить друг друга в проведении каких-либо ярких акций. Между тем ряд соседей Казахстана уже опередили его и приняли собственные новые конституции. Туркменистан сделал это 18 мая 1992 г.[84], Узбекистан — 8 декабря 1992 г.[85]

Первый проект новой Конституции был обсужден в первом чтении на VIII сессии Верховного Совета 1 и 2 июня 1992 г. и затем был опубликован для короткого всенародного обсуждения, которое продолжалось с

11 июля по август 1992 г. Очевидно, что это проведенное в советском стиле общенародное обсуждение не учло настроений населения. В ноябре 1992 г. агентство «Бриф» провело среди столичных жителей социологический опрос. Согласно данным опроса каждый второй житель столицы вообще не читал проект конституции, в официальном обсуждении приняли участие лишь 4% опрошенных, 71% опрошенных выступили за введение конституционной нормы о государственном двуязычии, 34% — за федеративное устройство страны, 33% — за двухпалатный парламент[86].

Обсуждение доработанного проекта во втором чтении проходило на IX сессии с 9 по 11 декабря 1992 г. Затем проект был отправлен на доработку в Конституционную комиссию, состав которой был расширен. Итоговое постатейное обсуждение проекта в парламенте проходило с 25 по 28 января 1993 г.[87].

Оппозиционные политические силы республики в январе 1993 г. направили в адрес парламента обращение с призывом не принимать предложенный проект Конституции. Свою позицию они аргументировали следующим: проект не прошел установленных процедур прохождения законопроектов, не были учтены должным образом оценки независимых, в том числе международных экспертов; при обсуждении отсутствовал механизм учета замечаний и предложений граждан и организаций; проект не содержит гарантий соблюдения прав и свобод человека; народ будет отстранен от участия в управлении государством, поскольку лишается права законодательной инициативы через партии и права на референдум; проект не содержит гарантий против возможной узурпации власти в силу отсутствия механизмов импичмента и роспуска парламента. Кроме этого, критики указывали, что существующий парламент не имеет морального и юридического права принимать новую Конституцию, ибо он избран в другом государстве (Казахской ССР), а часть его депутатов была избрана от уже несуществующих организаций. В самом Верховном Совете в период обсуждения конституционного проекта была создана депутатская группа «Гражданское согласие», в которую вошли 70 депутатов. Эта группа настаивала на придании статуса государственного языка наравне с казахским русскому. Некоторые депутаты предлагали закрепить в тексте Основного Закона федеративное устройство Казахстана.

Первая Конституция независимого Казахстана была принята на IX сессии Верховного Совета двенадцатого созыва 28 января 1993 г. подавляющим большинством голосов (309 из 312). Таким образом, новую Конституцию принимал не народ республики на референдуме, как это будет сделано в России, а избранный еще в советское время представительный орган. Но при этом стоит отметить, что работа над данной Конституцией продолжалась более двух лет (что разительно контрастирует с ситуацией 1995 г.).

Конституция 1993 г.[88] состояла из четырех основных разделов и раздела о переходных положениях, 21 главы, 131 статьи и приложения пе-

речня конституционных законов. По формальным параметрам структура Конституции более соответствовала практике современного конституционализма, чем прежний текст Основного Закона. Разделы последовательно освещали основы конституционного строя, права и свободы граждан, основы устройства общества, государственные институты, гарантии соблюдения Конституции.

Правда, наследие советской эпохи все же ощущалось. Оно проявлялось, например, в формулировках статей о правах и обязанностях граждан, которые не сильно отличались от тех, которые были записаны в тексте Конституции Казахской ССР 1978 г.[89]. Влиянием советских образцов, по всей видимости, объясняется и выделение в отдельный раздел «Общество, основы его устройства» норм, которые в мировой практике конституционализма, как правило, входят в разделы о правах человека и гражданина[90]. В идеологизированных советских конституциях такая структура объяснялась марксистским подходом, который предполагал примат общественного строя над государством (по крайней мере в теории) и личностью. Наконец, Конституция 1993 г. не допускала частную собственность на землю.

В преамбуле появилась формула о незыблемости казахской государственности. Сама Республика Казахстан определялась как форма государственности самоопределившейся казахской нации. Впервые в Конституции государственным языком был назван только казахский, а русский был обозначен как язык межнационального общения. Статья 4 устанавливала, что за всеми казахами, проживающими в других государствах, признается право на гражданство Республики Казахстан.

Казахстан объявлялся демократическим, светским унитарным государством, в котором единственным источником власти является народ. Никакая идеология не могла быть установлена в качестве государственной. Декларировался принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную с использованием системы сдержек и противовесов. Важной новацией стала формула о прямом действии Конституции. Международно-правовые акты о правах и свободах человека, признанные Казахстаном, должны иметь приоритет над внутренним законодательством.

В главе 10, посвященной общественным объединениям, появилась отдельная статья 56, где упоминалось о политических партиях. При этом порядок их образования и прекращения деятельности должен был устанавливаться отдельным законом.

Раздел III, посвященный государственным институтам, в целом отражал изменения в подходах к конституционализму, свойственные большинству постсоветских государств. Демократические элементы конституционализма декларировались даже чрезмерно нарочито. Государство объявлялось официальным представителем народа и выразителем его воли, действующим в рамках законно установленных полномочий (ст.

ст. 59, 60). (Как покажут последующие события, такая декларативность конституционных норм не станет серьезным препятствием для их нарушения.)

Конструкция системы властных органов в Конституции 1993 г. не была выстроена так, чтобы сделать работу государственного механизма слаженной и эффективной. Принцип разделения властей был декларирован, но не подкреплен проработанной системой сдержек и противовесов и процедурами, позволявшими разрешать возможные кризисы в отношениях между ветвями власти. Правительство несло ответственность перед президентом, но в то же время было подконтрольно парламенту. Отсутствовал институт импичмента в отношении главы государства, последний мог лишь подать в отставку. Налицо была и явная путаница в отношении власти на местах: с одной стороны, действовала система советов, с другой — глава государства учреждал параллельную систему исполнительной власти на местах в лице глав администраций. О местном самоуправлении Конституция вообще умалчивала. Что было основной причиной этого — упущения, вызванные новизной конституционного строительства, влияние наследия советской эпохи, когда государственные институты выступали лишь ширмой, скрывающей механизм господства партийной номенклатуры, вынужденный компромисс между новым институтом президентуры и во многом сохранившейся системой советских подходов к парламентаризму, или сознательная линия руководства Казахстана, уже в тот период стремившегося приспособить Основной Закон страны для собственных нужд, — однозначно сказать трудно. Скорее всего, присутствовали одновременно все эти причины.

Сейчас официальные казахстанские правоведы утверждают, что форма правления, установленная Конституцией 1993 г., была «неопределенной»[91]. Между тем, как мы показали выше, в Казахстане система президентской республики была реально закреплена в нормах конституционного законодательства еще до принятия Конституции 1993 г. Последняя не изменила эти нормы таким образом, чтобы мы могли сделать вывод о переходе к парламентской или даже полупрезидентской республике. Большинство принципиальных признаков в Конституции Республики Казахстан 1993 г. однозначно свидетельствует именно о конструкции президентской республики.

Другое дело, что авторитарные черты президентуры не были в Конституции 1993 г. прописаны столь очевидно, как в ныне действующей. Например, на первом месте в перечне органов государственной власти значился Верховный Совет. Статья 62 обозначала его как единственный законодательный и высший представительный орган. (Поэтому с точки зрения данной конституционной нормы невозможна была ситуация, которая произошла в декабре 1993 г., когда законодательные полномочия были переданы другому органу.) Статус Верховного Совета был значительно преобразован: этот орган, в отличие от прежней практики, стал

постоянно действующим. Положительным моментом стала передача Верховному Совету права законодательной инициативы, которую прежде между сессиями реализовывал Президиум Верховного Совета.

Верховный Совет избирался сроком на пять лет. Срок завершения полномочий парламента также был четко определен в части 2 статьи 63: момент начала работы вновь избранного парламента. (И в этом отношении в декабре 1993 г. конституционная норма была нарушена.)

Конституционные полномочия парламента, прописанные в статьях 64—74, были, действительно, более весомы, чем его полномочия по ныне действующей Конституции. Так, только парламент мог принимать конституцию, вносить в нее изменения и дополнения, давать официальные толкования законов, осуществлять контроль за исполнением законодательства, принимать решения о проведении референдума, избирать Конституционный суд, в определенных случаях освобождать от своих обязанностей председателя и судей Конституционного, Верховного и Высшего Арбитражного судов, Генерального прокурора и Председателя Национального банка, принимать решения об изменении административно-территориального устройства государства. (Эти полномочия в результате будущих конституционных реформ в большинстве случаев отойдут президенту.) В соответствии с Конституцией 1993 г. парламент обладал и важными, хотя и далекими от мировых стандартов, контрольными полномочиями.

Но все это — не прерогативы, характерные для парламента в парламентской республике. Парламент не формировал правительство на основе парламентского большинства и не мог самостоятельно распоряжаться судьбой кабинета. Он не избирал и главу государства, а полномочия последнего отнюдь не были номинальными, как в парламентских республиках.

Примечательно также, что в тексте Конституции 1993 г. отсутствовал институт импичмента, хотя, как мы отмечали выше, ранее он уже появился в конституционном законодательстве Казахстана[92]. Таким образом, в этом отношении первая Конституция Казахстана была шагом назад в становлении конституционализма, причем шагом, выгодным не парламенту, а президенту.

Помимо указанных выше критериев президентской формы правления, обычно правоведы обращают внимание и на то, перед кем правительство несет политическую ответственность. Казахстанские правоведы интерпретируют положение Конституции, где говорилось об ответственности правительства перед Верховным Советом по вопросу исполнения законов (ч. 1 ст. 88), как свидетельство, что Конституция 1993 г. создавала механизм парламентской республики[93]. Однако, на наш взгляд, данный подход не выдерживает критики. Во-первых, в статье 88 говорится не о коллективной ответственности Кабинета министров, а лишь об индивидуальной ответственности отдельных министров за нарушения ими

законов. Во-вторых, Верховный Совет не мог своим решением просто отправить министра в отставку. Он мог лишь поставить перед главой государства вопрос о досрочном освобождении его от должности. В-третьих, и это самое главное, критерием, отличающим президентскую и парламентскую республики, выступает не правовая, а именно политическая ответственность правительства. Члены кабинета, в отличие от президента и депутатов парламента, не обладают иммунитетом, поэтому за нарушения законодательства их может привлечь к ответственности не только парламент. А вот политическая ответственность наступает за действия, расходящиеся с линией либо президента (в президентских республиках), либо парламентского большинства (в парламентских).

Между тем статья 85 Конституции гласила: «Кабинет Министров ответственен перед Президентом Республики Казахстан. Кабинет Министров слагает свои полномочия перед вновь избранным Президентом». Право назначения всех членов правительства принадлежало президенту (п. 3 ст. 78), Верховный Совет давал лишь согласие на такие назначения (п. 10 ст. 66). Возможные коллизии с отказом дать такое согласие Конституция никак не прописывала. Именно президент осуществлял общее руководство деятельностью правительства, определял его состав, образовывал и упразднял министерства и иные ведомства, имел право отменять действия актов правительства и отдельных входящих в него ведомств (п. 3 ст. 78). Фундаментальная формулировка статьи 75 Конституции гласила, что президент не только является главой государства, но и возглавляет единую систему исполнительной власти. Роль же премьер-министра как раз не была четко определена в Конституции, ему была посвящена только одна статья, состоящая из одного пункта.

Стадии законодательного процесса в тексте Конституции 1993 г. были прописаны предельно кратко. Полномочия законодательной и исполнительной ветвей власти в данном аспекте были уравновешены. Проекты законов могли выноситься на общенародное обсуждение (ст. 73), сами законы, за исключением конституционных и самой Конституции, принимались большинством голосов от общего числа депутатов парламента (ст. ст. 72, 129). Право законодательной инициативы принадлежало депутатам, президенту, правительству, Верховному суду и Высшему Арбитражному суду. Низовые легислатуры таким правом не обладали (что важно отметить в связи с инициативой местных советов, возникшей осенью 1993 г.). По какой-то причине права законодательной инициативы был лишен Конституционный суд. Президент обладал правом отлагательного вето, т. е. мог в отведенный двухнедельный срок после представления ему законопроекта на подпись возвратить его со своими возражениями в парламент. Верховный Совет мог преодолеть вето, проголосовав двумя третями голосов от общего числа депутатов. В этом случае президент обязан был подписать новый закон. Если же президент пропустил отведенный срок, закон считался подписанным.

Президент избирался на пять лет, при этом одно и то же лицо не могло быть главой государства более двух сроков подряд (ст. 76). Он не вправе был занимать должности в иных государственных органах и общественных объединениях (ст. 77), т. е. не мог быть лидером политической партии. Президент не вправе был делегировать кому бы то ни было свои полномочия. Его личность объявлялась неприкосновенной. Он имел право издавать три вида актов: указы, постановления и распоряжения, но только «на основе и во исполнение Конституции» (ст. 79). (Последняя норма также будет затем нарушена — и не раз.) Конституция сохранила учрежденные ранее Совет безопасности и должность вице-президента. В отсутствие института импичмента отставка главы государства в соответствии с буквой статьи 82 Конституции становилась возможной, только когда сам президент приходил к мнению, что он не может далее исполнять свои обязанности. Таким образом, даже тяжелая болезнь главы государства не позволяла парламенту сменить лицо, занимающее этот пост.

Правда, президент в соответствии с Конституцией 1993 г. не имел права роспуска парламента, что отчасти уравновешивало отсутствие у парламента возможность задействовать институт импичмента. В отличие от классического варианта президентских республик, в Казахстане существовала и должность премьер-министра, а сам кабинет имел право на коллективную отставку по собственной инициативе. Кроме этого, существовало право индивидуальной отставки членов правительства (ч. 3 ст. 85).

Конституция лишь в общих чертах описывала систему органов власти на местах. Хотя термин «советы» и не употреблялся в главе 15 Конституции, на самом деле именно они и фигурировали под понятием «представительные органы населения». Срок их полномочий устанавливался в пять лет (при советской власти местные советы избирались на два с половиной года). Однако главы местных исполнительных органов не выбирались ни населением, ни советами, а назначались президентом (либо главой вышестоящего исполнительного органа) и выступали как непосредственные представители главы государства (ст. 92)[94]. Последнее было одним из свидетельств нелогичности конституционных норм, создававших противоречия в организации местной власти.

Важным элементом властного механизма должен был стать Конституционный суд, его постановления являлись окончательными и не подлежали обжалованию (ст. ст. 130—131).

По замыслу авторов Конституции 1993 г. этот документ был рассчитан на длительную перспективу. В статье 127 значилась следующая формулировка: «Осуществление принципов и положений Конституции Республики Казахстан обеспечивается демократической организацией общества и государства, высшей юридической силой Конституции, верховенством закона».

Раздел о переходных положениях в Конституции был достаточно проработан. В частности, в нем говорилось о том, что парламент должен осуществлять свои полномочия до истечения срока, на который он был избран (ст. 9 переходных положений). Президент также должен был находиться на своей должности до очередных выборов. Причем четко говорилось, что на этот срок распространяется правило об ограничениях на занятие президентской должности одним лицом (ст. 10 переходных положений)[95]. Конституционные законы, перечень которых давался в тексте Конституции, должны были быть приняты в течение одного года, а небольшая часть их — к июлю 1994 г. (ст. 5 переходных положений). (Данное требование Конституции останется невыполненным.)

Перечень этих конституционных законов примечателен тем, что в нем не был назван Кодекс о выборах, как объединенный закон, соединяющий правила проведения выборов и депутатов, и главы государства. Предполагалось, что они будут в разных законах. В списке значился закон «О Президенте Республики Казахстан», который должен был быть принят не позднее января 1994 г. (Это обстоятельство, на наш взгляд, было одним из факторов, повлиявших на то, что Назарбаев предпринял разгон парламента в декабре 1993 г., т. е. в преддверии этой даты.) В перечне конституционных законов значатся также закон о Конституционном суде и закон о референдуме. Ни тот ни другой в установленный срок приняты не были. Нарушение нормы Конституции о принятии этих законов позже облегчит задачу Назарбаева по второму разгону парламента — в 1995 г. Если бы был принят закон о Конституционном суде, этот суд, возможно, просто не имел бы тех прерогатив, которые позволили Назарбаеву, опираясь на судебные вердикты, вторично разогнать парламент. А отсутствие закона о референдуме позволит Назарбаеву в 1995 г. провести всенародные голосования на основе акта, разработанного не парламентом, а его собственным аппаратом.

Хотя в тот период Назарбаев утверждал, что проведено «достаточно четкое распределение функций трех ветвей власти в Основном Законе страны»[96], позднее он будет настаивать на прямо противоположном тезисе. В речи на первой сессии Ассамблеи народов Казахстана 24 марта 1995 г. он заявит: «В Конституции также нет системы сдержек и противовесов»[97]. В современном Казахстане о Конституции 1993 г. принято говорить плохо – «...Конституция 1993 года содержала в себе внутренне противоречивую правовую базу государственной власти»[98]. В целом с этим можно согласиться. Конституция содержала в себе противоречия и, несмотря на декларированный в шестом пункте раздела «Основы конституционного строя» тезис, что государственная власть основывается на принципе разделения властей и системе сдержек и противовесов, такой системы власти, как полноценного работоспособного механизма, не создавала.

Однако не конструктивные дефекты данной Конституции сыграли роковую роль в ее судьбе. Основным фактором стало то, что властная

элита Казахстана лишь формально декларировала стремление к установлению конституционного порядка. На деле же идеи конституционализма не стали внутренним убеждением казахстанского правящего класса. Конституция не рассматривалась как высшая ценность государства. Для казахстанской элиты она скорее была инструментом власти, который можно использовать, можно игнорировать и можно заменить другим.

11

1993 год был годом, когда и в Казахстане, и в России были приняты первые конституции этих ставших суверенными государств. Однако, на наш взгляд, если проводить сравнения, то надо сравнивать не эти конституции, а Конституцию России 1993 г. и Конституцию Казахстана 1995 г. Именно эти два Основных Закона появились на свет в результате схожих действий президентов, сумевших выйти победителями в схватках с законодательными ветвями власти и фактически навязавших обществам России и Казахстана собственные тексты конституций.

1993 год стал знаменательным в конституционном развитии Казахстана не только и не столько с принятием в январе рассмотренной выше Конституции. Гораздо более значимыми для судеб конституционализма Казахстана стали события конца 1993 г.

Казахстанские юристы утверждают, что Конституция 1993 г. действовала два года и семь месяцев. Если подсчитать время между принятием данной Конституции и принятием Конституции 1995 г., то, действительно, мы получим эту цифру. Однако фактически Конституция, принятая в конце января 1993 г., действовала только чуть более 10 месяцев. Дело в том, что конституция действует не в период, пока она не заменяется новым текстом, а пока на практике выполняются нормы, которые в ней зафиксированы.

Так же как и в России, в Казахстане 1993 год был годом борьбы между президентом и парламентом, в которой решалась кардинальная проблема переходного периода – кому владеть властью и собственностью. Курс на достижение единоличной власти, которая позволила бы контролировать приватизацию, был характерен и для Ельцина, и для Назарбаева. Соблюдение принципов конституционализма мешало осуществлению их планов.

Начало рыночных реформ в России и в Казахстане привело к существенному ухудшению социально-экономических показателей, что не могло не отразиться на остроте политической борьбы. Депутаты Верховного Совета Казахстана все чаще стали «показывать зубы». Когда в 1993 г. Назарбаев потребовал, по примеру Ельцина, от парламента наделить его дополнительными полномочиями, народные избранники демонстративно проигнорировали это[99]. Часть депутатов, наоборот, считала, что дополнительные полномочия нужны именно парламенту, чтобы более эффективно контролировать исполнительную власть. В Верхов-

ном Совете Казахстана, как и в российском, активно начали обсуждаться сюжеты, связанные с коррупцией в высших эшелонах власти[100]. Конфликт интересов становился все более острым.

Борис Ельцин нашел выход путем издания знаменитого указа № 1400, приведшего к осаде здания Верховного Совета и силовой ликвидации не устраивавшей Президента России конституционной системы власти. Нурсултан Назарбаев действовал в том же направлении, но более изощренно.

Еще летом 1993 г. обозначились первые признаки того, что Назарбаев взял курс на авторитарное преобразование конституционного устройства: в Конституционном суде была предпринята попытка ликвидировать действующие по закону 1990 г. нормы о депутатской неприкосновенности[101], закончившаяся неудачей. Тем самым власть старалась нанести удар по законодателям как бы в обход, не надеясь на то, что желательные для нее позиции удастся провести в новом конституционном законе «О статусе депутата Верховного Совета», который должен был быть скоро принят.

Что планы перераспределения властных полномочий были разработаны именно в администрации главы Казахстана, говорит и то, что впервые они были публично обозначены в выступлении вице-президента Ерика Асанбаева еще 11 октября 1993 г.[102]. Но роль статистов должны были сыграть местные легислатуры. В ноябре властью была инициирована кампания по досрочному прекращению деятельности местных советов под предлогом борьбы с доставшейся в наследство от советского режима практикой всевластия этих органов. Это был именно предлог, причем довольно циничный. На протяжении практически всего советского периода истории советы выступали как придаток власти компартии. Проведенные же изменения в законодательстве в начале 90-х гг. превратили их в обычные местные легислатуры, никакого всевластия не имеющие.

Выдвинутые предложения по прекращению деятельности советов прямо нарушали нормы Основного Закона. Но это мало беспокоило Назарбаева и его окружение. В стране была развернута кампания дискредитации парламента, который обвиняли в реакционности и бездеятельности. Между тем за неполные четыре года он принял 265 законов, тогда как предыдущий Верховный Совет XI созыва за пять лет принял только 40[103].

Президент применил открытый административный нажим на депутатов с целью принудить их к принятию решения о самороспуске Верховного Совета. В конце концов такое решение, противоречащее нормам недавно принятой Конституции, было принято. Деморализованный парламент без обсуждения проголосовал за принятие ряда новых законов, в частности кодекса «О выборах в Республике Казахстан»[104]. В этом документе содержались нормы, также нарушающие статьи Конституции, в частности в отношении периода пребывания в должности главы государства[105].

В действующем законодательстве Казахстана существует формулировка, что одно и то же лицо не может *быть избрано президентом более двух раз подряд* (п. 5 ст. 42 Конституции Республики Казахстан 1995 г., п. 3 ст. 53 конституционного закона Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан»). Эта формулировка впервые появилась именно в декабре 1993 г. в тексте части 2 статьи 73 Кодекса «О выборах в Республике Казахстан» : «Лицо не может *быть избрано* Президентом Республики Казахстан более *чем два раза подряд*». Между тем часть 4 статьи 76 Конституции 1993 г. гласила: «Лицо не может *быть* Президентом более *двух сроков* подряд».

Замена «быть» на «быть избрано» и «двух сроков» на «два раза» была не случайна. Это был весьма хитрый ход властей. Несмотря на внешнюю схожесть этих формулировок, между ними имеется принципиальная разница. Срок – это определенный временной промежуток между какими-либо двумя событиями, тогда как «раз избрания» — единичный факт, событие. Формула «два раза» регламентирует лишь два избрания, но не сроки, которые при этом могут быть укорочены или продлены посредством каких-то иных процедур. Если бы была использована формулировка о «двух сроках подряд», то в 2000 г., когда Назарбаев снова баллотировался на выборах, возникла бы проблема, ибо два срока к этому времени уже прошли, — его полномочия фактически были продлены в 1995 г. через референдум, что, однако, юридически не являлось вторичным избранием.

Кроме этого, существовал еще один «запасной аргумент», который обеспечивал бы еще большую прочность доводам сторонников избрания Н. Назарбаева в будущем еще раз, а возможно и не один раз, главой государства. Этот аргумент лежал в плоскости правовых рассуждений, вытекающих из факта принятия в 1995 г. новой Конституции Республики Казахстан. Это обстоятельство могло быть истолковано как новый отсчет числа избраний главой государства, и тем самым прежние избрания как бы не подлежали учету. Действующая в настоящее время Конституция Республики Казахстан 1995 г. четкого ответа на этот вопрос не дает. Пункт 1 статьи 94 раздела IX «Заключительные и переходные положения» содержал следующую формулировку: «Президент Республики Казахстан, избранный в соответствии с законодательством Республики Казахстан, действующим на момент вступления Конституции в силу, приобретает установленные ею полномочия Президента Республики Казахстан и осуществляет их в течение срока, установленного решением, принятым на республиканском референдуме 29 апреля 1995 года». Из этой формулировки никак нельзя было сделать однозначный юридический вывод о том, что прежнее избрание президента подлежало учету в количестве избраний по нормам пункта 5 статьи 42 Конституции.

А ведь не следует забывать и о том, что первое избрание Президента Назарбаева состоялось еще тогда, когда не была принята даже Конституция 1993 г. Примечательно, что в 1993 г. в статье 10 подраздела III «О го-

сударстве, его органах и институтах» раздела «Переходные положения» интересующая нас проблема была вполне четко прописана: «Президент и вице-президент Республики Казахстан, избранные в соответствии с законодательством Казахской ССР, действующим на момент вступления настоящей Конституции в силу, сохраняют свои полномочия до очередных президентских выборов. При этом на Президента Республики Казахстан распространяется положение Конституции Республики Казахстан о том, что лицо не может быть Президентом более двух сроков подряд». Таким образом, нормы Кодекса «О выборах в Республике Казахстан» были направлены на создание правовой возможности закрепить авторитарную практику продления пребывания одного лица — конкретно Н. Назарбаева — на посту главы государства[106].

Апофеозом правового произвола стало принятие 10 декабря 1993 г. закона «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий»[107]. Данный закон, состоящий из 6 статей, фактически узаконивал всевластие президента. Он получал возможность своей властью формировать все значимые государственные структуры и практически всю полноту полномочий по принятию законов. Данный закон, который, исходя из текста его норм (ст. ст. 1—4), носил временный характер (формально он должен был действовать до начала работы нового Верховного Совета), сыграет роковую роль в становлении казахстанского конституционализма. Даже в таких странах, как Аргентина, Бразилия, Колумбия, президенты могли издавать указы, имеющие силу законов, только в условиях чрезвычайного положения, с последующим одобрением их парламентом. В Казахстане же и такие условия не были установлены.

13 декабря 1993 г. Верховный Совет Казахстана был распущен. В отсутствие парламента организация новых выборов, назначенных на март 1994 г., была отдана на откуп исполнительной власти. Наспех принятый Кодекс «О выборах в Республике Казахстан» содержал многочисленные логические изъяны[108] и одновременно отчетливо свидетельствовал о том, что глава государства стал подстраивать под собственные нужды важнейшие конституционные механизмы республики[109]. Кодекс предусматривал применение только мажоритарной избирательной системы, выборы президента и депутатов парламента могли быть безальтернативными.

Кодекс по-прежнему содержал формулировки об участии в избирательном процессе не политических партий и избирательных блоков, а общественных объединений. Закон о партиях в тот период намеренно не принимался[110]. Расплывчатые же нормы об общественных организациях позволяли власти мобилизовать в необходимых случаях эти советские по своей сути структуры, одновременно разными путями отстраняя организации, которые действительно создавались для участия в политике. Это и произойдет на выборах марта 1994 г., когда в них примут участие такие общественные организации, как организация ветеранов, союз молоде-

жи, ассоциация юристов, экологический общественный комитет, конфедерация профсоюзов.

Кодекс содержал примечательную норму, что каждый кандидат в Президенты Республики Казахстан при выдвижении вносит на счет Центральной избирательной комиссии в качестве депозита избирательный залог в размере своих десяти месячных зарплат (окладов). При этом внесенный залог возвращался кандидату только в случае его избрания президентом (ч. 9 ст. 74 Кодекса). Мировая конституционная практика в этом отношении чаще всего предусматривает условием возвращения залога не победу на выборах, а определенную поддержку кандидата населением, — если он набирает определенный процент голосов. В этом и состоит смысл избирательного залога — отсечь тех кандидатов, которые не пользуются поддержкой населения и будут использовать выборы лишь в качестве саморекламы. В казахстанском же варианте избирательный залог был призван играть совершенно иную роль — создать дополнительные неудобства потенциальным конкурентам президента. Стоит отметить, что и эти нормы об избирательном залоге в будущем, когда место «избирательного залога» займет «избирательный взнос», будут изменены в сторону еще большего ужесточения.

Авторитарный подход наиболее явно был проведен в регламентации выборов депутатов парламента. Число мест в Верховном Совете опять уменьшалось — с 360 до 177 (ч. 1 ст. 58 Кодекса о выборах)[111]. Вместо выполнившей свою роль на прошлых выборах в парламент системы представительства общественных организаций президент изобрел новый институт — выборы по так называемому государственному, а фактически президентскому списку. Этот список давал главе государства квоту на 42 места в парламенте (ст. ст. 30, 58 Кодекса о выборах), что составляло примерно 24 % от общего числа мест (135 депутатов избирались по одномандатным территориальным избирательным округам). В явном противоречии со статьей 111 Конституции, предусматривавшей, что кандидаты в депутаты участвуют в выборах на равных основаниях, нормы кодекса предусматривали, что кандидаты, выдвигаемые общественными организациями и путем самовыдвижения, обязаны были собрать в свою поддержку 3000 подписей избирателей (ст. 60 Кодекса), а на кандидатов, включенных в государственный список, это не распространялось. (Конституционный суд Казахстана уклонился от оценки законности этого нововведения, хотя обращения по этому поводу в эту судебную инстанцию были.)

12

До самых выборов в марте 1994 г. власти старались затягивать регистрацию политических партий, которые могли составить дееспособную оппозицию. Так, коммунистическая партия была зарегистрирована Министерством юстиции только 28 февраля 1994 г. В период проведения

выборов проходит жесткий отсев неугодных кандидатов, сопровождавшийся значительными нарушениями[112]. Социологические исследования показывали, что 61,8 % опрошенных в марте 1994 г. сочли прошедшие выборы «крайне недемократичными», выставив 1 и 2 балла по 5-балльной оценочной шкале[113]. Опрос жителей столицы, среди которых 35,4% не приняли участия в голосовании, выявил, что основной причиной этого стало недоверие к власти: 70,3% избирателей не верили, что выборы могут что-то изменить, 69,2% ответили, что все равно изберут тех, кого хочет власть (опрос предусматривал гибкую систему вопросов)[114].

1994 год был одним из самых тяжелых в экономическом отношении для Казахстана. Вероятно, во многом поэтому Назарбаев в тот период не смог реализовать свои планы по установлению тотального контроля над политическими процессами. Вновь избранный парламент, несмотря на имевшие место массовые нарушения в ходе выборов, не был полностью подконтролен президенту.

В этом парламенте впервые была сформирована оппозиция в юридическом и политологическом смысле этого понятия. Ранее существовавшие в парламенте группы, такие, например, как «Демократический Казахстан», «Гражданское согласие», представляли собой временные и рыхлые неформальные объединения. Теперь положение изменилось. Относительно устойчивое ядро парламентской оппозиции 1994 г. составляли около 60 депутатов[115]. Оппозиция состояла из депутатов, придерживающихся разных политико-идеологических ориентаций, и ее консолидация происходила не столько на партийно-фракционной основе, сколько на основе неприятия правительственного курса реформ. Одним из основных требований оппозиции стал отказ от рекомендаций Международного валютного фонда, следование которым, по мнению оппозиционных депутатов, вело к социальному обнищанию населения.

Парламент начал свою работу в апреле 1994 г., а уже в мае он принял жесткое заявление о недоверии социально-экономической политике правительства. Как и его предшественник, Верховный Совет вновь стал настаивать на усилении парламентского контроля за исполнительной властью. Осенью 1994 г. Назарбаев под давлением оппозиционных политических сил бы вынужден отправить в отставку правительство С. Терещенко. Новым главой кабинета стал А. Кажегельдин.

Усиление оппозиции и страх перед предстоящими президентскими выборами 1996 г. стали одной из причин курса Назарбаева на роспуск парламента. Собравшись с силами, рассчитав наилучший момент для перехода в очередное наступление на конституционные принципы демократии, Назарбаев нанес удар в марте 1995 г. 6 марта 1995 г., неожиданно для всех, в Казахстане стало известно о постановления Конституционного суда, который, ссылаясь на имевшие место в марте 1994 г. нарушения избирательного законодательства, вынес вердикт, который мог быть интерпретирован как признающий состоявшиеся год назад выборы неза-

конными, а избранный на их основе парламент нелегитимным. При этом сам текст постановления тогда еще не был опубликован, это будет сделано уже после того, как глава государства успешно завершит операцию по разгону парламента[116].

Впервые в практике Конституционного суда сразу ряд судей заявили самоотвод в связи с наличием обстоятельств, которые могут повлиять на их объективность при рассмотрении иска. По-видимому, многие из них отдавали себе отчет в том, что от них требуют вынести неправовое решение, и пытались «умыть руки». Часть таких самоотводов была удовлетворена, и для того чтобы обеспечить кворум на заседании 6 марта, был даже отозван из отпуска заместитель председателя Конституционного суда.

Но Назарбаеву была нужна большая определенность. Поэтому он добьется принятия новых вердиктов Конституционного суда[117]. 11 марта парламент сделает попытку дать отпор планам его роспуска – примет конституционный закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» и постановление о приостановлении деятельности Конституционного суда, но эти документы в силу уже принятого вердикта Конституционного суда не будут иметь юридической силы. Данные акты даже не будут опубликованы.

11 марта Назарбаев обратился в Конституционный суд с запросом о правовых последствиях постановления от 6 марта, в котором прямым текстом ставился вопрос о восстановлении действия упоминавшегося нами выше закона от 10 декабря 1993 г. «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий». В тот же день Конституционный суд вынес определение, которое восстановило действие данного закона. Президент тем самым получал всю полноту как исполнительной, так и законодательной власти, теперь уже без каких-либо ограничений по срокам[118]. И в тот же день он издает указ «О мерах, вытекающих из постановления Конституционного суда Республики Казахстан от 6 марта 1995 г.», в котором речь идет об административных аспектах роспуска парламента. Этот указ будет явно противоречить Конституции, так как глава государства этим актом распускал Верховный Совет, хотя таким правом не был наделен[119]. Одновременно принимается отставка правительства и назначается повторно тот же глава кабинета (А. Кажегельдин).

В основу заключения о допущенных на выборах в марте 1994 г. нарушениях были положены факты, касающиеся ситуации в Абылайхановском избирательном округе № 12 Алма-Аты. Многие избирательные округа в Казахстане исполнительная власть нарезала таким образом, чтобы дать преимущества определенным кандидатам в зависимости от их этнической принадлежности и политических симпатий. К Абылайхановскому округу были приписаны также 13 зарубежных избирательных участков, чем была грубо нарушена норма о равенстве численности избирателей в округах. Кроме того, Центральная избирательная комиссия, кури-

руемая самим Назарбаевым, тогда настояла, чтобы при подсчете голосов в бюллетенях учитывались все не зачеркнутые фамилии кандидатов. В результате в отдельных округах сложилась ситуация, когда количество действительных голосов, поданных за кандидатов, могло превышать количество принявших участие в голосовании избирателей.

Конституционный суд признал несоответствующими Конституции несколько актов Центральной избирательной комиссии в части, касающейся Абылайхановского избирательного округа № 12 Алма-Аты. Никаких проверок относительно нарушений в других избирательных округах не было проведено, это было трудно сделать в силу того, что власти постарались «замести следы» – избирательные бюллетени, вопреки требованию законодательства, к тому времени были уже уничтожены. Между тем вывод Конституционного суда о существенных нарушениях был автоматически распространен на всех 177 депутатов парламента. «Выбитая» из судей главой государства формула определения Конституционного суда от 11 марта 1995 г. о том, что «признанные нарушения Конституции республики имели место на территории всей Республики Казахстан и в равной мере затрагивали конституционные права всех составляющих электорат граждан», несостоятельна и в другом отношении. Суды во всем мире обязаны выносить свои решения на основе буквы закона. А в Казахстане как раз в тот период законодательство о выборах не расценивало в качестве юридически значимых те нарушения, которые будут положены в основу вердиктов Конституционного суда.

Естественно, что в документах Конституционного суда ни единым словом не было упомянуто, что избирательное законодательство было разработано в недрах президентского аппарата, что не кто иной как сам президент в отсутствие парламента курировал весь ход избирательной кампании, а потому и должен был нести ответственность за нарушения. Явным правовым нонсенсом, выдающим конъюнктурность принятого решения, выступает и факт отсутствия в решениях Конституционного суда выводов в отношении депутатов местных легислатур, которые выбирались одновременно с депутатами Верховного Совета и по тем же правилам.

Парламент еще пытался сопротивляться. На чрезвычайном заседании Верховного Совета парламентарии приняли проект поправок в Конституцию, дающий главе государства право отменять постановления Конституционного суда, но Назарбаев отказался подписать этот документ[120]. 14 марта 130 депутатов под председательством О. Сулейменова приняли обращение «К избирателям Казахстана, к парламентам и международным организациям». В этом документе парламентарии справедливо указывали, что в соответствии с действующей Конституцией Казахстана есть только два механизма роспуска Верховного Совета: самороспуск (когда большинство депутатов подают заявления о добровольном сложении своих полномочий) и отзыв депутатов своими избирателями.

Других правовых оснований для роспуска парламента не существует. Поэтому решения Конституционного суда и его толкования являются актами не правового, а политического характера. Депутаты опровергли также заявление, сделанное 12 марта 1995 г. министром иностранных дел Казахстана на встрече с послами иностранных государств о том, что казахстанский парламент принял решение о самороспуске. Они заявили, что такого решения не было. В тот же день 72 депутата парламента объявили о начале голодовки. Часть депутатов отказались покидать здание парламента, некоторые заявляли и о более радикальных акциях[121]. Однако президенту в конце концов удалось, используя силовые и другие меры, сломить сопротивление этой части парламентариев.

13

Еще перед появлением решений Конституционного суда, и явно подготавливаясь к ним, 1 марта 1995 г. Президент Казахстана учреждает весьма характерный для тоталитарной, в том числе советской практики псевдопредставительный совещательный орган — Ассамблею народов Казахстана. Из 260 делегатов Ассамблеи 40 были назначены лично президентом, а остальных выбирали органы местной власти. Данный орган призван был создавать иллюзию «выполнения народной воли» в период, когда президент станет воплощать собственную волю в многочисленных указах, составивших основу нового законодательства Казахстана.

Первым же решением Ассамблеи, принятым ею 24 марта, была резолюция о всенародном референдуме по продлению полномочий президента до декабря 2000 г.[122]. Термин «конституционный переворот» наиболее адекватно отражает смысл произошедшего. Назарбаев стремился радикально изменить суть Основного Закона, создать совершенно новую конституцию, причем не опираясь в этом на нормы и положения действующей Конституции. В известном смысле произошел разрыв правовой преемственности конституционного массива. Период с марта по декабрь 1995 г. можно с полным основанием назвать периодом деконституционализации.

Мы упоминали, что в соответствии с Конституцией 1993 г. в течение года после ее принятия должен был появиться конституционный закон о референдуме. Но закон не был подготовлен. Зато, когда у президента появилась необходимость в подобном акте, он незамедлительно появился на свет, разумеется, в варианте, приемлемом для главы государства. Данный акт, якобы разработанный на основе рекомендаций, принятых в резолюции «О всенародном референдуме» I сессии Ассамблеи народов Казахстана, — указ, имеющий силу конституционного закона, «О республиканском референдуме», — был принят 25 марта 1995 г.[123]. Этот нормативный акт закреплял выгодную для президента процедуру проведения всенародного голосования, при которой его инициатива не могла быть заблокирована или существенно скорректирована усилиями других по-

литических сил и институтов. Именно эта позиция будет усилена в дальнейшем в законодательстве Казахстана, когда референдум превратится преимущественно в факультативный институт, поскольку право его назначения будет принадлежать исключительно главе государства[124].

Назарбаев явно спешил, поэтому референдум о продлении его полномочий был проведен в максимально короткий срок – уже 29 апреля 1995 г. В голосовании приняло участие 91,21 % внесенных в списки избирателей, из них, по официальным данным, за продление полномочий высказалось 95,46 %, против — 3,76 %[125]. Независимые эксперты отметят многочисленные нарушения в ходе проведения референдума; данные обстоятельства и оценки найдут отражение даже в резолюции № 397 палаты представителей второй сессии Конгресса США 106-го созыва[126].

Указ о республиканском референдуме стал одним из первых правовых документов новой эпохи президентского указного законотворчества. Этот массив указного законотворчества фактически выступал в качестве «параллельной Конституции», которую Назарбаев в конце концов и превратил в действующий Основной Закон.

Назарбаев стремился к новой политико-правовой системе власти в республике. И он начал ее создавать сразу же после устранения парламента. 17 марта 1995 г. был издан указ «О порядке организации и проведения мирных собраний, митингов, шествий, пикетов и демонстраций в Республике Казахстан». Все эти акции могли теперь проводиться только с разрешения местных исполнительных властей на основании заявлений их организаторов. Тем самым любые возможные попытки оппонирования со стороны не поддерживающих намерения главы государства политических сил могли пресекаться на корню.

Далее происходит переработка всего каркаса действующего законодательства. Как сказал сам Назарбаев на первой сессии нового парламента 30 января 1996 г., за этот период он издал 134 указа, имеющих силу закона, и более 60 указов о ратификации международных договоров[127]. Фактически Назарбаев определил по своему усмотрению все правовые формы организации государственной власти. Свои указы в данном направлении президент будет издавать и в тот период, когда на референдуме уже будет принята новая Конституция Республики Казахстан, и даже тогда, когда состоятся выборы в сенат и мажилис. Например, принципиальные нормативные акты конституционного характера, указы Президента Республики Казахстан, имеющие силу конституционного закона, были изданы: «О Правительстве Республики Казахстан» — 18 декабря 1995 г., «О судах и статусе судей в Республике Казахстан» – 20 декабря 1995 г., «О Президенте Республики Казахстан» — 26 декабря 1995 г., а указ «О Конституционном Совете Республики Казахстан» даже 29 декабря 1995 г., т. е. за день до начала работы нового парламента[128]. Эти указы предопределили нормы новой Конституции, более того, они сохранили свою силу и после вступления Конституции в действие, став частью

законодательства республики. Фактически конституционное законодательство Казахстана, таким образом, было сформировано в основном актами не первого, а четвертого (по другой классификации – даже пятого) уровня[129].

Именно Назарбаев был «отцом» новой Конституции. Его идеи создания суперсильной президентской власти с ограниченными полномочиями парламента официальные казахстанские юристы лишь воплотили в конституционные нормы[130]. Уже 22 мая 1995 г. глава государства создаст Экспертно-консультационный совет для проведения правовой экспертизы нового проекта Конституции. Президент лично координировал весь ход работы над ее текстом[131].

Сколько-нибудь широкого обсуждения проекта новой Конституции в Казахстане не было. Власть не нуждалась в развязывании дискуссии. Попытки высказывать иное мнение игнорировались. Члены Конституционного суда, решение которых сыграло столь роковую роль в судьбах конституционализма в Казахстане, когда ознакомились с планами конституционной реформы, «опомнились». Шесть судей, включая председателя Конституционного суда, направили главе государства письмо, в котором констатировали: «в проекте Конституции заметно сужен объем прав и свобод человека и гражданина, искажен принцип разделения властей. Все это не дает оснований для признания предложенной конституционной модели Казахской Республики в полной мере демократичным, правовым и социальным государством»[132]. Но было уже поздно[133].

Президентское окружение уверяло население, что проект новой Конституции получил одобрение иностранных экспертов. Позднее выяснилось, что некоторым иностранным экспертам были уплачены суммы, которые существенно превышали обычные размеры гонораров за подобного рода экспертизу[134]. Кроме того, известна история с экспертами из США, которые в 1995 г., ознакомившись с текстом проекта, высказали мнение, что такой вариант Конституции ликвидирует республиканскую форму правления. Посольство США постаралось побыстрее отослать этих экспертов из Казахстана[135].

Была задействована советская традиция декоративных «общенародных обсуждений». За короткий период с 30 июня по 30 июля 1995 г. в «обсуждении» проекта Конституции по официальной статистике приняло участие свыше 3,3 млн. казахстанцев, внесших 32 тыс. предложений и замечаний, приведших, как утверждается, к изменению 55 статей[136].

Референдум по Конституции состоялся 30 августа 1995 г. В голосовании приняло участие 90,58 % избирателей. За новую Конституцию проголосовали 89,14 %, против – 9,90 %[137]. Плебисцитарный авторитаризм сделал свое дело.

Характерно, что ни в Казахстане, ни в России[138] главы государств после принятия на референдумах действующих конституций больше к референдумам не обращались.

14

Конституция 1995 г. состояла из короткой преамбулы, 9 разделов и 98 статей. В этой Конституции впервые отсутствовали нормы о возможности применения законодательства бывшего СССР на территории Казахстана. Конституция 1993 г. это допускала (ст. 7 переходных положений). Назарбаев постарался придать Конституции внешне привлекательные черты. В первой же статье была зафиксирована формула, что Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством.

Конституция еще раз обозначила принципиальный подход казахской элиты, отрицающий возможность федеративного устройства республики. Пункт 1 статьи 2 говорил о том, что Казахстан является унитарным государством с президентской формой правления.

Как это характерно для Казахстана, в Конституции обычно вначале фиксировалась некая внешне безупречная формула, а затем излагались другие правовые нормы, которые говорили о действительной сути вещей. Так, в статье 3 Конституции вначале было записано, что «единственным источником государственной власти является народ» (п. 1), что эту власть народ может осуществлять «непосредственно через референдум и свободные выборы, а также делегирует осуществление своей власти государственным органам» (п. 2). Но уже в пункте 3 данной статьи мы обнаружим, кто же на практике будет осуществлять эту власть. Конституционная норма гласит: «Право выступать от имени народа и государства принадлежит Президенту, а также Парламенту Республики Казахстан в пределах его конституционных полномочий», т. е. представительная власть в полном объеме есть только у главы государства. Ведь из указанной формулы вытекает, что в этом отношении у президента нет никаких ограничений, а у парламента они есть. Народ тем самым выступает здесь как некая масса, служащая фундаментом, на котором возвышается фигура президента. Напомним в этой связи, что в Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР от 25 октября 1990 г. – документе, с которого в Казахстане ведут отсчет современного конституционного развития[139], право выступать от имени народа принадлежало как раз парламенту.

Еще более очевидны противоречия формулы пункта 4 той же статьи. Здесь на первое место выдвинут не встречающийся в практике современных государств в силу его явного расхождения с сутью конституционализма принцип единства государственной власти («Государственная власть в республике едина»). Но одновременно с декларацией данного принципа казахстанский законодатель в этой же норме делает ссылку на принцип разделения властей и систему сдержек и противовесов, на которых якобы также строится система власти в Казахстане[140]. Такая эклектика и декларативная непоследовательность будет встречаться и в других разделах Конституции.

Конституция 1995 г. получила статус акта прямого действия (п. 2 ст. 4), а международные договоры, ратифицированные Казахстаном, провозглашены имеющими приоритет перед внутренними законами государства (п. 3 ст. 4). Но, как мы уже видели на других примерах, казахстанское законодательство очень часто провозглашает какую-то прогрессивную норму, «забывая» создать механизмы ее реализации. Норма о прямом действии Конституции фактически не может быть реализована, так как в Казахстане (аналогичная ситуация существует в России)[141] отсутствует специальный закон и не создан соответствующий государственный и правовой институт.

Приоритет международного права также выглядит красивым лозунгом. Казахстан длительное время не присоединялся даже к тем актам международного права, которые рассматриваются как фундаментальные уже более полувека. Речь, в частности, идет об основных международных пактах ООН о правах человека. Эти документы были подписаны и ратифицированы даже СССР. Но казахстанское государство изо всех сил тянуло с присоединением к ним, ибо брать на себя обязательства перед мировым сообществом власти не желали. В оправдание такой позиции казахстанские правоведы приводили спекулятивные доводы о том, что присоединение к ним якобы будет утопией, так как республика ни экономически, ни политически к этому не готова[142]. Лишь в конце ноября 2003 г., на двенадцатый год независимости, под давлением международного сообщества казахстанская элита «созрела» до того, чтобы начать процесс присоединения к основным актам ООН о правах человека.

Кроме этого, норма о приоритете международных договоров над внутренним законодательством действует в Казахстане отнюдь не императивно, а весьма своеобразно. Так, в постановлении Конституционного совета «Об официальном толковании пункта 3 статьи 4 Конституции Республики Казахстан» от 11 октября 2000 г. № 18/2 говорится, что непосредственное применение международных договоров, имеющих приоритет перед законами республики, не означает отмену ими норм действующих законов. Приоритет и непосредственное применение ратифицированных международных договоров на территории республики только «предполагают ситуативное превосходство норм таких договоров в случае коллизий с нормами законов..., когда возникают условия, подпадающие под действие ратифицированных международных договоров, если из самих договоров не следует требования издать законы для их применения». Что же касается, например, международных договоров, которые не предусматривают их ратификацию, а были заключены до вступления в силу Конституции 1995 г., то их приоритет действует ограниченно — только тогда, когда такой приоритет предусмотрен не Конституцией, а законами Казахстана, регулирующими соответствующие сферы отношений[143]. В России подобной дифференциации подписанных международно-правовых актов в плане их юридической силы по отно-

шению к внутреннему законодательству не существует, и это оправданная с позиции права и здравого смысла ситуация.

За годы независимости Казахстан ратифицировал и таким образом придал приоритетное значение по отношению к нормам национального законодательства более чем 350 международных договоров и еще к полусотне присоединился посредством принятия различных актов. Но главе Казахстана явно не нравится ситуация, когда кто-то со стороны может вмешиваться в его хозяйство. Поэтому в Послании Президента народу Казахстана на 2002 год были поставлены вопросы: «не слишком ли много мы берем на себя международных обязательств; все ли они на сегодняшний день отвечают интересам Казахстана; не мешают ли они нам развивать свое национальное законодательство в соответствии с Конституцией Республики?» Назарбаев тут же определил задачу: провести инвентаризацию этих договоров и принятых обязательств ради сохранения баланса между национальными интересами и целями международно-правовых документов[144]. Трудно однозначно судить, каким правовым путем будет выполняться это поручение; нельзя исключать, что «невыгодные» договора и соглашения не будут пролонгироваться, в ряде случаев, возможно, прибегнут к денонсации[145]. Но скорее всего глава государства воспользуется другой процедурой: после инвентаризации он просто приостановит действие таких договоров, поскольку конституционное законодательство Казахстана с определенными ограничениями предоставляет ему такое право.

Конституция 1995 г. провозглашала идеологическое и политическое многообразие (п.1 ст. 5) и многообразие форм собственности (п. 1 ст. 6). Как и в большинстве конституций постсоветских государств, раздел, посвященный правам и свободам граждан, был прописан достаточно подробно (ст. ст. 10—39 раздела II), с использованием достижений современного конституционализма. Особенностью раздела стал запрет на признание двойного гражданства (п. 3 ст. 10). К числу других примечательных особенностей можно отнести относительно небольшой перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению ни при каких обстоятельствах (п. 3 ст. 39). Тем самым Конституция оставляла лазейки для действий власти в данном направлении. Некоторые нормы данного раздела Конституции можно расценивать как явно декларативные[146]. Например, это касается нормы, сформулированной в пункте 2 статьи 39: «Признаются неконституционными любые действия, способные нарушить межнациональное согласие».

Как и следовало ожидать, центральное место в системе государственных органов Казахстана стало принадлежать президенту, избираемому посредством прямых выборов при тайном голосовании на пятилетний срок. Глава государства получил право единолично определять основные направления внутренней и внешней политики, представлять Казахстан внутри страны и на международной арене. Президент был выве-

ден за рамки системы разделения властей и вознесен над ней: конституционная формулировка обязывала его обеспечивать согласованное функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность всех органов власти перед народом (ст. 40). Президентом отныне мог стать только гражданин Казахстана по рождению, не моложе 35 и не старше 65 лет, свободно владеющий государственным языком и проживающий в Казахстане не менее 15 лет (п. 2 ст. 41). В течение срока своих полномочий он обязан приостановить членство в политической партии (п. 2 ст. 44).

Выведение главы государства за рамки системы разделения властей сопровождалось наделением его огромным перечнем важнейших конституционных полномочий[147]. Президент мог обращаться с ежегодным посланием к народу о положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики; назначать очередные и внеочередные выборы в парламент республики; созывать первую сессию парламента и принимать присягу его депутатов народу Казахстана; созывать внеочередные совместные заседания палат парламента; подписывать представленный сенатом закон в течение 15 рабочих дней, обнародовать либо возвращать закон или отдельные его статьи для повторного обсуждения и голосования в парламент; назначать и освобождать от должности премьер-министра; по представлению премьер-министра определять структуру правительства, назначать и освобождать от должности его членов, а также образовывать, упразднять и реорганизовывать центральные исполнительные органы республики, не входящие в состав правительства; председательствовать на заседаниях правительства при рассмотрении особо важных вопросов; поручать правительству внесение законопроекта в мажилис парламента; отменять либо приостанавливать полностью или частично действие актов правительства и акимов областей, городов республиканского значения и столицы; с согласия парламента назначать на должность председателя Национального банка и освобождать его от должности; с согласия сената назначать Генерального прокурора и председателя Комитета национальной безопасности и освобождать их от должностей; назначать и отзывать глав дипломатических представительств Казахстана; назначать на должность сроком на 5 лет председателя Счетного комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета[148]; утверждать государственные программы республики; утверждать единую систему финансирования и оплаты труда работников для всех органов, содержащихся за счет государственного бюджета; принимать решение о проведении республиканского референдума; вести переговоры и подписывать международные договоры республики; подписывать ратификационные грамоты; принимать верительные и отзывные грамоты дипломатических представителей иностранных государств. Президент также является Верховным главнокомандующим вооруженными силами Казахстана, назначает на должность и освобождает от

должности высшее командование вооруженных сил; награждает государственными наградами, присваивает почетные, высшие воинские и иные звания, классные чины, дипломатические ранги и т.п.; решает вопросы гражданства и предоставления политического убежища; осуществляет помилование; в соответствии с Конституцией и законодательством Казахстана объявляет введение чрезвычайного положения; в соответствии с Конституцией вводит военное положение и объявляет частичную или всеобщую мобилизацию; назначает и освобождает от должности Государственного секретаря Республики Казахстан; формирует администрацию Президента Республики, Совет безопасности, Высший судебный совет и иные консультативно-совещательные органы (ст. 44). (Целесообразность наличия в конституционной системе Казахстана поста Государственного секретаря малоубедительна, а администрация президента, как и в России, превратилась в самостоятельный и важнейший орган государственной власти. Что же касается Высшего судебного совета, то само появление данного органа противоречит принципу независимости судебной власти.)

Даже эти огромные конституционные полномочия оказались недостаточны. Дополнительные полномочия президента, которыми он сам себя наделил, перечислены в указе президента «О Президенте Республики Казахстан» № 2733, принятом 26 декабря 1995 г. (с изменениями от 6 мая 1999 г.) и имеющем силу конституционного закона[149]. Например, в соответствии с этим актом президент получил право принимать решения о приостановлении действия не подлежащих ратификации международных договоров и право вносить в парламент представление о денонсации действующих международных договоров (пп. 5, 6 п. 1 ст. 7).

Принцип разделения властей в Конституции 1995 г. был нарушен формулировками многих норм, в частности исключительно большими полномочиями главы государства в области нормотворчества. Эта практика, берущая свое начало с событий декабря 1993 г., стала одной из характерных черт казахстанского псевдоконституционализма. Формально президент издает указы и распоряжения на основе и во исполнение Конституции и законов Казахстана (п. 1 ст. 45). И это вполне обычная практика современных государств. Однако даже после того как в течение 1995 г. Назарбаев единолично принял множество законодательных актов, составивших основу казахстанского законодательства, он на этом не остановился. Президентское самовластье в данном направлении было закреплено на будущие времена при помощи явно неправовых конституционных установлений. Помимо права издавать обычные указы, глава государства узурпировал часть прерогатив законодательной легислатуры. Конституция устанавливала, что парламент 2/3 голосов от общего числа депутатов каждой из палат по инициативе президента вправе был делегировать ему законодательные полномочия на срок, не превышающий одного года (п. 4 ст. 53 Конституции). Но и этого нарушения систе-

мы разделения властей показалось мало. Поэтому в Конституцию была заложена еще одна авторитарная норма, принципиально меняющая регламентацию законотворческого процесса по сравнению с действовавшей по Конституции 1993 г. В случае нерассмотрения парламентом в месячный срок законопроекта, объявленного президентом срочным, последний вправе издать указ, имеющий силу закона (п. 2 ст. 61)[150]. Важнейшая функция любого парламента – законодательная, таким образом, оказалась деформированной и искаженной[151].

Получив лояльный законодательный орган, Назарбаев после 1995 г. не прибегал к изданию указов, имеющих статус законов. Но попытки проделать это предпринимались. Правда, инициатива исходила от правительства. Уже в ходе работы парламента первого созыва 11 июня 1999 г. правительство, используя свое право законодательной инициативы, внесло на рассмотрение мажилиса проект конституционного закона «О делегировании Президенту Республики Казахстан законодательных полномочий»[152]. После заверений руководства парламента в том, что законодательная работа не будет прервана предстоящими каникулами, этот проект был правительством отозван[153]. В данном случае, на наш взгляд, смысл инициативы правительства состоял не в том, чтобы подыграть президенту, а в другом — правительство пыталось протащить через мажилис изменения в бюджете на 1999 г.[154]. Тем не менее сам факт использования института делегированного законодательства в качестве средства воздействия на парламент весьма показателен. Что же касается права президента объявлять проекты законов срочными или приоритетными, то оно задействовалось на практике десятки раз.

Новый Основной Закон явно был рассчитан на то, чтобы устранить даже малейшую возможность вызова президенту со стороны любых иных субъектов конституционных правоотношений. Теперь президент мог в любой момент парализовать деятельность правительства, отправив его в отставку. Судейский корпус, равно как и должностные лица других ветвей власти были подчинены главе государства через систему назначений и финансово-экономического обеспечения[155].

Современный конституционализм исходит из понимания права как системы, призванной ограничить возможность произвола любых субъектов правоотношений, тем более наделенных публичными, властными функциями. Но, наделив главу государства суперполномочиями, Конституция Казахстана 1995 г. не создавала даже мало-мальски эффективного механизма контроля за этим властным субъектом. И это позволяет нам расценивать ее либо как имитацию конституционализма, либо как незрелый, не создавший даже базовых, фундаментальных компонентов вариант конституционализма, т. е. еще не конституционализм, а только его зачатки.

Реальная ответственность главы государства была сведена к минимуму. В Конституции, разработанной под бдительным руководством пре-

зидента, институт импичмента присутствует, но в такой форме, что его применение на практике вряд ли возможно. Этому институту посвящены пункты 2, 3 статьи 47 Конституции Казахстана. Президент в соответствии с ними фактически гарантирован от возможности отрешения его от власти. В Конституции прямо зафиксировано, что он не несет ответственности за действия, совершенные при исполнении своих обязанностей[156]. Есть единственное исключение из этого правила. Пункт 2 статьи 47 Конституции РК гласит, что «Президент Республики несет ответственность за действия, совершенные при исполнении своих обязанностей, только в случае государственной измены». Признаки государственной измены были определены в пункте 2 статьи 26 указа, имеющего силу конституционного закона, — «О Президенте Республики Казахстан» от 26 декабря 1995 г. В этом акте государственной изменой признавалось умышленное деяние, совершенное с целью подрыва или ослабления внешней безопасности и суверенитета Республики Казахстан, выразившееся в переходе на сторону врага во время войны или вооруженном конфликте и оказании иностранному государству помощи в осуществлении враждебной деятельности против республики. Совершенно очевидно, что человеку, обладающему всей мыслимой и немыслимой полнотой власти в государстве и пользующемуся всеми благами, которые дает подобный статус, вряд ли придет в голову перебежать на сторону врага или открыть ему некие важные государственные секреты. В этом отношении конституционные нормы стали еще менее демократичными и цивилизованными по сравнению с ранее действовавшими[157].

То же самое можно сказать и о процессуальной стороне данной проблемы. Смысл системы разделения властей состоит, в частности, как раз в том, чтобы в государстве ни один властный субъект, ни одна из ветвей власти не могла бы установить свое господство над другими. Никто в государстве не может быть вне правового контроля, все ветви власти должны взаимоуравновешивать друг друга. Поэтому парламент выступает не только как представительный орган, в который население на выборах делегирует своих депутатов, и не только как законодательный орган, но и как структура, обладающая контрольными полномочиями. Система равновесия в демократических государствах поддерживается тем, что парламент, в ответ на явно расходящиеся с законом действия высших должностных лиц, и прежде всего президента, может «поставить их на место», задействовав эти контрольные полномочия, в частности институт импичмента. Даже в президентских республиках, таких, как США, Бразилия, Венесуэла, где всенародно избранный президент, с одной стороны, обладает весьма большими полномочиями, а с другой — лишен права роспуска парламента, сами парламенты обладают правом задействовать импичмент.

Но важны, разумеется, не только сами конституционные формулировки об импичменте. Принципиальным обстоятельством является то,

что импичмент может задействовать только парламент, который «не стоит на коленях перед всесильным владыкой». Если же парламент сформирован путем нечестных выборов из тех, кто лояльность своему патрону и благодетелю (главе государства) ценит больше, чем свой долг перед избирателями, то, понятное дело, такой парламент никогда не захочет контролировать власть. И все же институт импичмента постарались задвинуть на такие задворки государственного строительства, где он никак не может быть задействован в системе разделения властей. А это значит, что и о самой системе разделения властей в Казахстане (как и в других государствах Центральной Азии) говорить не приходится.

Инициатива выдвижения обвинения против президента должна исходить не менее чем от одной трети депутатов нижней палаты парламента Казахстана – мажилиса. Но в пользу решения о выдвижении такого обвинения должно высказаться уже более половины мажилисменов. На самом деле эти избранники народа ничего не решают. Их инициатива поступает в верхнюю палату парламента – сенат, который как раз народом непосредственно и не избирается, а частично к тому же состоит из лиц, назначаемых самим президентом. Сенаторы должны организовать расследование обвинений и, в свою очередь, проголосовать большинством за их поддержку. Но и эта стадия процесса также ничего не дает по существу. Зачем-то Конституция требует организовать затем совместное заседание палат парламента, после того как каждая из них проголосует за обвинение. (Хотя на самом деле понятно зачем – президент получает время на «выкручивание рук» или подкуп взбунтовавшихся парламентариев.) На нем-то и принимается «окончательное» решение по данному вопросу, но теперь при голосовании надо набрать свыше двух третей голосов членов каждой из палат парламента, что, разумеется, архисложно. Но и это еще не все. Совместному голосованию должно предшествовать получение двух обязательных документов: а) заключения Верховного суда о правовой обоснованности обвинения и б) заключения Конституционного совета о соблюдении установленных конституционных процедур[158]. При этом именно президент назначает главу Конституционного совета, голос которого является решающим при голосовании в этом органе.

Но и эти ограничения – еще не все. В Конституции записано, что непринятие окончательного решения (надо понимать — любого, как положительного, так и отрицательного) в течение всего двух месяцев с момента предъявления обвинения обозначает, что обвинение считается отклоненным. То есть даже если Верховный суд подтверждает, что глава государства – изменник, а кто-то заинтересованный в определенном исходе голосования подкупит часть парламентариев и они не придут голосовать, сорвав кворум, президент сохранит свое место.

И даже это еще не все. Власть в Казахстане настолько стремилась воспрепятствовать появлению в головах парламентариев самой мысли о

возможности импичмента, что в Конституции прописала поистине чудовищную с правовой точки зрения норму. Отклонение обвинения против главы государства на любой стадии прохождения импичмента влечет за собой досрочное прекращение полномочий тех депутатов мажилиса, которые дерзнули инициировать рассмотрение данного вопроса. Остается добавить, что парламентарии лишены также возможности инициировать процедуру импичмента в тот период, когда сам президент рассматривает вопрос о роспуске парламента. Становится понятным, почему, в отличие от России, в Казахстане никогда не возникала даже инициатива о начале процедуры импичмента.

В случае досрочного ухода президента со своего поста или его кончины его обязанности переходят к Председателю сената, а в случае невозможности последнего принять их — к премьер-министру. При этом в двухмесячный срок должны состояться внеочередные выборы. Лицо, исполняющее обязанности президента, ограничено в осуществлении ряда прерогатив: оно не может распустить парламент, прекратить полномочия правительства, назначить референдум, вносить предложения об изменении Конституции (ст. 48).

Парламент по новой Конституции стал двухпалатным[159]. Две его палаты именуются сенат и мажилис. Срок полномочий парламента определялся в 4 года.

Была продолжена уже ставшая традиционной линия на уменьшение состава высшего представительного органа. В верхней палате парламента — сенате насчитывалось 47 сенаторов, причем семь из них должны были назначаться лично президентом. Сенаторы должны были избираться на основе не прямого, а косвенного голосования — депутатами собраний областей, столицы и городов республиканского значения (п. 2 ст. 50, п. 2 ст. 51). Половина избираемых сенаторов подлежали переизбранию каждые два года (п. 2 ст. 51). Косвенный принцип выборов сенаторов в сочетании с закреплением права назначения президентом глав администраций областей создавал новую опору авторитарной власти в виде местной элиты, допущенной с ведома главы государства к осуществлению властных полномочий (традиционная модель «суверен — вассалы»).

Именно Казахстан на постсоветском пространстве стал родоначальником закрепления в текстах Основного Закона явно недемократичной, свойственной монархическим государствам практики назначения главой государства части сенаторов. Через год этот опыт будет подхвачен в Белоруссии А.Г. Лукашенко, затем в Таджикистане Э. Ш. Рахмоновым и в Узбекистане И.А. Каримовым. В России, при всей спорности правового порядка формирования Совета Федерации, он является все же несколько более цивилизованным по сравнению с казахстанским[160].

Нижняя палата парламента Казахстана — мажилис включала 67 депутатов, избираемых по мажоритарной системе на четыре года, т. е. в очередной раз произошло значительное укрупнение избирательных ок-

ругов. Пропорциональная избирательная система опять осталась за бортом конституционного строительства. (В этом – еще одно важное отличие конституций Казахстана и России[161].) Нормы, посвященные выборам, были прописаны в указе Президента Республики Казахстан, имеющем силу конституционного закона, — «О выборах в Республике Казахстан» от 28 сентября 1995 г.[162]. Подробный анализ этих явно недемократических правовых регламентаций содержится в одной из наших работ[163]. Здесь же мы приведем только один характерный штрих: вместо выборов по государственному списку Назарбаев придумал и реализовал очередную новеллу, направленную на все то же недопущение проведения подлинно свободных, равных и честных выборов.

Таким новшеством стал модифицированный имущественный ценз и финансовый барьер, введенный под внешне благовидной формой избирательного взноса. Кандидат в президенты должен был внести тысячекратный размер установленной минимальной заработной платы, кандидат в депутаты мажилиса — стократный (п. 2 ст. 73, ст. 84 указа «О выборах в Республике Казахстан»). Это были достаточно внушительные суммы: для кандидатов в президенты — где-то порядка 30 тыс. долл., а для кандидатов в депутаты — 3—3,5 тыс. долл.[164]. Подсчеты показывали, что если во всех избирательных округах какая-либо политическая партия выдвинет хотя бы по одному кандидату, то для этого необходимо изыскать более 200 тыс. долл.[165].

Имущественные цензы устанавливались лишь на раннем этапе формирования современного конституционного строя. Уже в начале XX в. эта практика была фактически повсеместно отменена. Безусловно, современная практика конституционного законодательства знает примеры, когда закон предусматривает внесение кандидатами избирательного залога. Но при этом никогда сумма такого залога не является чрезвычайно большой для соискателей мандатов. Кроме того, это именно залог, и он возвращается кандидату, если тот наберет некоторое число голосов в свою поддержку. В таком виде этот институт конституционного права существует, например, в России с 1999 г. Но в России, помимо этого, избирательный залог имеет не императивный, а диспозитивный характер, т. е. в большинстве ситуаций кандидат может выбирать между внесением залога и иным вариантом действий (сбором подписей в свою поддержку). В Казахстане же установление высокого невозвратного взноса стало очевидным свидетельством нарушения принципа всеобщих и равных выборов применительно к пассивному избирательному праву.

Стремление создать полностью подконтрольный главе государства законодательный орган выразилось не только в принятии соответствующих норм о выборах и праве президента распускать парламент, но и в умалении прерогатив легислатуры.

По новой Конституции на совместном заседании палат парламент по предложению президента (а не депутатов!) мог вносить изменения и до-

полнения в Конституцию. Парламент принимает конституционные законы, изменяет и дополняет их; утверждает республиканский бюджет, отчеты правительства и Счетного комитета по контролю за исполнением государственного бюджета, а также вносит изменения и дополнения в бюджет; проводит повторное обсуждение и голосование по законам или отдельным пунктам закона, вызвавшим возражения президента; дает согласие на назначение президентом премьер-министра[166] и председателя Национального банка; заслушивает доклад премьер-министра о программе правительства, одобряя или отклоняя ее; большинством в 2/3 голосов от общего числа депутатов каждой из палат выражает вотум недоверия правительству; решает вопросы войны и мира; принимает предложения президента по использованию вооруженных сил Казахстана для выполнения международных обязательств по поддержанию мира и безопасности; заслушивает ежегодные послания Конституционного совета о состоянии конституционной законности; формирует совместные комиссии палат и заслушивает отчеты о деятельности комиссий (ст. 53 Конституции). (С нашей точки зрения, в Конституции 1995 г. слишком расширена компетенция совместных заседаний палат. В мировой практике такие заседания являются редкими исключениями, и именно такой порядок позволяет выявлять специфическую волю членов каждой из палат.)

На раздельных заседаниях каждая из палат рассматривает вопросы о принятии законов; обсуждает бюджет и отчеты о его исполнении; устанавливает и отменяет государственные налоги и сборы; устанавливает порядок решения вопросов административно-территориального устройства Казахстана; учреждает государственные награды, устанавливает почетные, воинские и иные звания, классные чины, дипломатические ранги, определяет государственные символы; решает вопросы государственных займов и предоставления экономической и иной помощи; издает акты об амнистии; ратифицирует и денонсирует международные договоры Казахстана (ст. 54).

Ряд вопросов отнесен к исключительному ведению сената: избрание и освобождение от должности, по представлению президента, председателя, председателей коллегий и судей Верховного суда; дача согласия на назначение президентом Генерального прокурора и председателя Комитета национальной безопасности; лишение неприкосновенности Генерального прокурора, председателя и судей Верховного суда; досрочное прекращение полномочий местных представительных органов; делегирование двух депутатов в состав Высшего судебного совета Казахстана; рассмотрение поднятого мажилисом вопроса об отрешении президента от должности (ст. 55).

В исключительном ведении мажилиса находятся вопросы принятия к рассмотрению и рассмотрение проектов законов; подготовка предложений по возражениям президента на законы, принятые парламентом; избрание и освобождение от должности председателя, заместителя пред-

седателя, секретаря и членов Центральной избирательной комиссии; объявление очередных выборов Президента Казахстана; делегирование двух депутатов в состав Квалификационной коллегии юстиции; выдвижение против президента обвинения в государственной измене (ст. 56).

По сравнению с моделью Конституции 1993 г. законодательный процесс претерпел принципиальные изменения: уменьшилось число субъектов законодательной инициативы, процедура усложнилась, причем это произошло не столько в связи с возникновением двухпалатного парламента, сколько из-за стремления поставить и эту важнейшую прерогативу парламента (законодательную функцию) под контроль главы государства. Право законодательной инициативы принадлежит депутатам парламента и правительству, но реализуется исключительно в мажилисе. Однако, как мы отметили выше, именно президент получил возможность разными способами узурпировать законодательную функцию. В частности, Президент Казахстана определяет очередность рассмотрения законопроектов и обладает правом объявлять какой-либо законопроект срочным, что означает обязанность парламента рассмотреть его в пределах месяца со дня внесения.

Парламент вправе издавать законы, которые устанавливают основные принципы и нормы, затрагивающие: правосубъектность физических и юридических лиц, гражданские права и свободы, обязательства и ответственность физических и юридических лиц; режим собственности и иные вещные права; основы организации и деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, государственной и воинской службы; налогообложение, установление сборов и других обязательных платежей; республиканский бюджет; вопросы судоустройства и судопроизводства; образование, здравоохранение и социальное обеспечение; приватизацию предприятий и их имущества; охрану окружающей среды; административно-территориальное устройство Казахстана; обеспечение обороны и безопасности государства. Все другие отношения регулируются подзаконными нормативными актами[167].

Законопроект, рассмотренный и одобренный большинством голосов от общего числа депутатов мажилиса, передается в сенат, где рассматривается не более 60 дней. Принятый большинством голосов от общего числа депутатов сената проект становится законом и в течение 10 дней представляется президенту на подпись. Отклоненный в целом большинством голосов от общего числа депутатов сената проект возвращается в мажилис. Если мажилис большинством в 2/3 голосов от общего числа депутатов вновь одобрит проект, он передается в сенат для повторного обсуждения и голосования. Повторно отклоненный проект не может быть вновь внесен в течение той же сессии. Внесенные большинством голосов от общего числа депутатов сената изменения и дополнения в законопроект направляются в мажилис. Если он большинством голосов от общего числа депутатов согласится с предложенными коррективами, закон считается

принятым. Конституционные законы принимаются большинством не менее 2/3 голосов от общего числа депутатов каждой из палат (ст. 61).

Получив от сената закон, президент в течение 15 рабочих дней обнародует его либо возвращает закон или отдельные его статьи для повторного обсуждения и голосования. Если парламент большинством в 2/3 голосов от общего числа депутатов каждой из палат подтвердит ранее принятое решение, президент в 7-дневный срок подписывает закон. Если возражения президента не преодолены, закон считается не принятым или принятым в редакции, предложенной президентом.

Анализируя проблему законодательной функции парламента, необходимо отметить, что Конституция 1995 г., в отличие от Конституции 1993 г., содержит еще один очевидный дефект: в ней не урегулирован вопрос о том, какой орган дает официальные толкования законов. Конституция говорит лишь о субъектах толкования самой Конституции и подзаконных актов. Наличие этого пробела в конституционном праве отмечают и казахстанские правоведы[168].

В Конституции 1995 г. президент уже не был указан как глава исполнительной власти, но фактически он сохранил над ней полный контроль. Некоторые казахстанские правоведы справедливо указывают, что правительство по Конституции 1995 г. выступает по сути дела «президентской командой» и фактически именно в руках у президента находятся все важнейшие рычаги государственного управления[169]. Правительство осуществляет исполнительную власть, возглавляет систему исполнительных органов и руководит их деятельностью. Оно формируется президентом и несет перед ним ответственность. Лишь в редчайших ситуациях оно может быть подотчетно парламенту (ст. ст. 64, 65).

Правительство разрабатывает и осуществляет основные направления социально-экономической политики государства, вопросы его обороноспособности, безопасности, обеспечения общественного порядка; представляет парламенту республиканский бюджет и отчет о его исполнении, вносит в мажилис проекты законов и обеспечивает исполнение законов; организует управление государственной собственностью; вырабатывает меры по проведению внешней политики Казахстана; руководит деятельностью министерств, государственных комитетов, иных центральных и местных исполнительных органов; отменяет или приостанавливает (полностью или в части) действие актов министерств, государственных комитетов, иных центральных и местных исполнительных органов; назначает на должность и освобождает от должности руководителей центральных исполнительных органов, не входящих в состав правительства (ст. 66). Принцип разделения властей оказался нарушен и в данной статье Конституции (п. 9) тем, в частности, что правительство назначало четырех членов Счетного комитета, хотя последний орган призван проверять бюджетную деятельность органов исполнительной власти.

Премьер-министр персонально отвечает за работу правительства, подписывает его постановления и докладывает президенту об основных направлениях его деятельности и наиболее важных его решениях.

Члены кабинета несут коллегиальную ответственность за решения правительства, даже если они не голосовали за их принятие, но не заявили немедленно о своем несогласии. Именно президент владел конституционными рычагами воздействия на правительство. Свои полномочия правительство складывало перед вновь избранным главой государства; президенту адресовались заявления об индивидуальной отставке членов кабинета или об отставке всего правительства. Президент мог и по собственной инициативе отправить в отставку либо конкретного члена кабинета, либо правительство в целом (ст. 70). В этом смысле характеристика правительства, как самостоятельного конституционного института, способного нести полную ответственность за принимаемые решения, на чем настаивают некоторые казахстанские авторы[170], не выглядит убедительной.

Учитывая это, а также ряд других обстоятельств, связанных с формированием сверхсильной президентской власти, вряд ли можно говорить о том, что Конституция 1995 г. проводила разделение властей не только в отношении парламента, но и правительства. Тем не менее премьер-министр мог на совместном заседании палат парламента поставить вопрос о доверии правительству в связи с непринятием[171] внесенного им законопроекта (п. 7 ст. 61). Если парламент после голосования не ранее чем через 48 часов объявлял вотум недоверия правительству, то президент мог отправить его в отставку (п. 3 и п. 4 ст. 70) либо распустить сам парламент (п. 1 ст. 63). Однако если вотум недоверия правительству не состоялся, то закон по Конституции «считается принятым без голосования».

В результате конституционной реформы 1995 г. Конституционный суд, сыгравший столь примечательную роль в генерировании политического кризиса, перестал существовать. При этом только часть функций данного властного органа перешла к вновь созданному институту — Конституционному совету Республики Казахстан. Президент Назарбаев постарался найти в мировой практике пример особого государственного органа, который он мог бы адаптировать под свои нужды. В результате из Конституции V Французской Республики на казахстанскую почву в «кастрированной» редакции и был перенесен Конституционный совет. Помимо Конституции, правовая регламентация данного органа содержится также в указе президента, имеющем силу конституционного закона, — «О Конституционном Совете Республики Казахстан»[172].

Несмотря на внешне внушительные прерогативы, зафиксированные в Конституции 1995 г.[173], в отличие от Франции, в Казахстане данный орган не стал оплотом законности и авторитетным властным институтом. Дело в том, что Назарбаев постарался и здесь сконструировать систему под себя, введя важнейшие рычаги влияния на конституционное правосудие[174].

Конституционный совет Республики Казахстан состоит из семи назначаемых членов, а также в нем состоят пожизненно все экс-президенты Казахстана (п.1 ст. 71 Конституции).

Президент, председатель сената и председатель мажилиса каждый назначает по два члена Конституционного совета, но президент назначает дополнительно еще и председателя этого органа, голос которого будет являться решающим в случае разделения голосов поровну (п.п. 2, 3 Конституции Республики Казахстан, ст. 3 указа «О Конституционном Совете Республики Казахстан»). Тем самым в Казахстане был сделан шаг назад по сравнению с прежним законодательством о Конституционном суде. Конституционный суд формировался на основе выборности, а Конституционный совет — на основе назначаемости. Полномочия членов Конституционного совета длятся шесть лет, при этом каждые три года половина членов (но не председатель!) этого органа обновляется (п. 3 Конституции). Не удивительно, что он и не стал силой, способной противостоять произволу президентуры.

Другой примечательной чертой Конституционного совета является то, что он стоит на страже не конституционализма и конституционной законности вообще, а именно Конституции 1995 г. Постановления Конституционного совета могут основываться только на Конституции, все же прочие правовые акты, включая даже конституционные законы Казахстана и международные договоры, могут не приниматься во внимание[175]. Еще одной чертой, подтверждающей тот же вывод, служит положение пункта 4 статьи 73 Конституции 1995 г., аналога которому нет ни в одной другой стране мира. Только президент может вносить свои возражения на решения Конституционного совета. Преодолены же они могут быть 2/3 голосов от общего числа членов этого органа. При непреодолении возражений президента решение Конституционного совета считается непринятым.

В сравнении с Конституционным судом России Конституционный совет Казахстана работает откровенно слабо: за время функционирования данного органа на его рассмотрение поступило немногим более 100 обращений, среди которых не было ни одного обращения о проверке правильности проведения выборов[176].

15

Конституция 1995 г., таким образом, сформировала механизм авторитарной власти главы государства, возвысив его над всеми государственными институтами и сосредоточив в его руках огромные полномочия. Тем не менее даже эта Конституция «тесна» для президента, и вскоре он инициирует ее изменения, причем осуществленные с нарушением установленных в Конституции норм. Внешне эти изменения были представлены как направленные на «дальнейшую демократизацию» казах-

станского общества, но реальной их целью было дать президенту возможность еще дальше продлить свою власть.

30 сентября 1998 г. Назарбаев на совместном заседании палат парламента обратился с посланием к народу Казахстана «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики: демократизация общества, экономическая и политическая реформа в новом столетии»[177].

Никакого реального обсуждения не последовало[178]. Не были задействованы парламентские комитеты, не проводилась никакая сколько-нибудь серьезная экспертиза президентских предложений, не обсуждались никакие альтернативы. Но было высказано предложение о проведении досрочных выборов президента (все было организовано так, что предложение исходило не от президента, а от депутатов). Народные избранники сразу же поставили вопрос на голосование и практически единогласно проголосовали за принятие проекта закона сразу в двух чтениях[179]. В итоге законом Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан»[180] было внесено 19 поправок в 13 статей Конституции.

Значительная часть новелл была посвящена еще большему упрочению президентуры, причем новые нормы были явно ориентированы на фигуру Назарбаева. Именно для него устранялся верхний возрастной предел для занятия должности президента; нижний предел при этом повышался с 35 до 40 лет (п. 2 ст. 41). Срок полномочий президента был увеличен с пяти до семи лет (п. 1 ст. 41).

Весьма характерно был изменен порядок преемственности власти в случае досрочного освобождения президента от должности или смерти. Теперь из конституционной системы Казахстана было устранено понятие «внеочередные выборы президента». Статья 48 Конституции отныне предусматривала, что в случае досрочного освобождения или отрешения от должности президента, а также его смерти полномочия президента на оставшийся срок переходят к председателю сената; при невозможности последнего принять на себя полномочия они переходят к председателю мажилиса; при невозможности и его принять на себя означенные полномочия они переходят к премьер-министру. При этом если ранее по Конституции и.о. президента был не вправе распускать парламент, прекращать полномочия правительства, назначать республиканский референдум, а также вносить предложения об изменениях и дополнениях Конституции Республики, то теперь преемник на посту президента был не вправе лишь инициировать изменения и дополнения в Конституцию. Тем самым естественные для современной демократии ограничения полномочий лица, занявшего высший пост в государстве не путем всеобщих демократических выборов, фактически ликвидировались. Очевидно, что данное изменение было призвано облегчить консолидацию власти в руках того, кто будет выбран в качестве преемника самим Назарбаевым.

Реально на интересы Назарбаева работало также и снятие требования участия в голосовании более 50% избирателей, внесенных в избирательные списки. По мнению главы государства, прежняя конституционная норма нарушала якобы права тех, кто решил участвовать в голосовании, со стороны тех граждан, которые решали не голосовать. Теперь получалось, что достаточно даже одного человека, пришедшего к урнам в день голосования, чтобы государство обрело своего президента (этим нормы Казахстана стали существенно отличаться от российских аналогов). Примечательно, что изъятие из текста требования об участии в голосовании более 50% избирателей для признания выборов состоявшимися было проведено только в отношении президентских выборов (п. 5 ст. 41). Измененный же вариант пункта 5 статьи 51 Конституции среди прочих имел норму о том, что выборы в сенат по-прежнему считаются состоявшимися, если в голосовании приняло участие больше 50% выборщиков. Что же касается выборов депутатов мажилиса, то тот же пункт Конституции отныне ничего не говорил об условии признания их выборов состоявшимися.

Парламент был затронут изменениями в гораздо меньшей степени. Прежде единый для двух палат срок их полномочий теперь становился разным и удлинялся. Для депутатов сената он стал шесть лет, а для депутатов мажилиса — пять лет (п.п. 2, 5 ст. 50). Заявленное в президентском послании намерение повысить роль парламента как самостоятельной ветви власти, в частности через обеспечение ответственности правительства перед последним, на практике обернулось весьма незначительным дополнением в текст Конституции. Формально возможность депутатов оказывать влияние на отдельных членов правительства была установлена уже в 1995 г. текстом подпункта 6 статьи 57 Конституции, которым допускалось, что народные избранники вправе по инициативе не менее одной трети от общего числа депутатов палат заслушивать отчеты членов правительства. При этом депутаты могли большинством в две трети голосов об общего их числа в палате принять обращение к главе государства с предложением об освобождении того или иного члена правительства от должности «в случае неисполнения им законов Республики». Эта норма осталась без изменений, лишь была уточнена следующим дополнением: если президент отклонял такое обращение депутатов, то они теми же двумя третями голосов от общего числа депутатов палаты по истечении шести месяцев со дня первого обращения были вправе повторно поставить этот вопрос перед главой государства. В этом случае президент был уже обязан освободить члена правительства от должности. Реально данное конституционное дополнение не играло сколько-нибудь существенной роли.

Заявленное главой государства стремление развивать партийную демократию на деле привело лишь к тому, что политическим партиям была предоставлена возможность конкурировать по партийным спискам за

10 дополнительно выделенных депутатских мандатов в нижней палате, состав которой был соответственно увеличен до 77 мест (п. 3 ст. 50 Конституции Республики Казахстан). При этом был установлен самый высокий на тот период в странах СНГ заградительный барьер для депутатов от партий — 7 % (п. 5 ст. 51 Конституции Республики Казахстан)[181].

Определенное значение имели перемены, связанные с регламентацией отношений внутри правительства. Если ранее пункт 1 статьи 68 Конституции предусматривал коллегиальную ответственность членов правительства за принимаемые этим органом решения, даже если они не голосовали за их принятие, но не заявили незамедлительно о своем несогласии, то теперь было установлено, что члены правительства несут персональную ответственность перед премьер-министром, при этом член правительства, не согласный с проводимой правительством политикой или не проводящий ее, обязан был подать в отставку либо подлежал освобождению от занимаемой должности. Отметим, что в случае персональной ответственности членов правительства перед парламентом речь могла идти только о нарушениях ими законов Казахстана, тогда как в случае такой же ответственности перед премьер-министром (и президентом, так как именно президент освобождал и назначал членов правительства на их должности) была использована растяжимая формулировка о «несогласии с проводимой политикой».

Парламентом было принято и предложение Назарбаева о том, что президент не должен возглавлять занимающийся прежде всего кадровыми вопросами Высший судебный совет (ст. 50 указа Президента Республики Казахстан, имеющего силу конституционного закона, — «О судах и статусе судей в Республике Казахстан»)[182]. Теперь этот орган стал возглавляться председателем, которого назначал президент (п. 4 ст. 82 Конституции). Значение этих изменений минимально, и состав совета, как и раньше, определялся прежде всего президентом[183].

Не произошло принципиальных изменений и в вопросах местного государственного управления и самоуправления. Было установлено, что акимы низовых административно-территориальных единиц (ниже областей и городов республиканского подчинения) могут не только назначаться, но и избираться на должность «в порядке, определяемом Президентом Республики Казахстан» (п. 4 ст. 87 Конституции).

Была изменена и редакция пункта 1 статьи 91 Конституции, регламентирующего вопрос об изменении и дополнении Конституции и об использовании для этого республиканского референдума. Статья была дополнена нормой о том, что если президент отклоняет предложение парламента о вынесении на республиканский референдум изменений и дополнений в Конституцию, то парламент вправе большинством не менее четырех пятых голосов от общего числа депутатов каждой из палат парламента принять закон о внесении этих изменений и дополнений в

Конституцию. В этом случае президент обязан либо подписать такой закон, либо вынести его на республиканский референдум.

Но самым важным, для чего, собственно, и была затеяна конституционная реформа, было другое. Теперь в Конституции появилась норма о том, что с согласия президента срок полномочий президента может быть сокращен постановлением парламента. Цель внесения этой нормы заключалась в том, чтобы дать возможность Назарбаеву, не дожидаясь 2000 г., пойти на новые выборы и вновь продлить свою власть.

По Конституции 1995 г. внеочередные выборы главы государства могли состояться только «в случае досрочного освобождения или отрешения Президента Республики Казахстан, а также его кончины» (п. 1 ст. 48). Те же нормы содержались также в статьях 51, 52, 53 указа Президента Республики Казахстан, имеющего силу конституционного закона, — «О выборах в Республике Казахстан». Но такой ситуации в Казахстане в тот период явно не было. Поэтому для того чтобы обеспечить видимость законности проведения задуманных выборов, изменения в Конституцию были внесены в пункт 1 статьи 94, хотя он регламентировал переходные положения, т. е. те, которые принимаются один раз — вместе с самой Конституцией. Между тем нормы статьи 92 из раздела Заключительных и переходных положений Конституции Республики Казахстан предусматривали, что все принципиальные изменения в законодательство уже должны были быть приняты как минимум год назад – до августа 1997 г. Пункт 1 статьи 92 гласил, что в течение года со дня вступления Конституции в силу должны быть приняты все конституционные законы, а пункт 2 статьи 92 предусматривал, что в течение двух лет должны быть приняты все иные названные в Конституции законы.

Другим более чем сомнительным аспектом сокращения парламентом президентского срока было то, что решение парламента таким образом отменяло решение референдума.

Таким образом, были нарушены не только принципы конституционализма, но и нормы той Конституции, которая была фактически создана Назарбаевым и вроде бы идеально соответствовала его потребностям. Авторитарной власти трудно соблюдать даже те законы, которые она сама устанавливает.

Изменения в Конституции были приняты из чисто конъюнктурных причин – Назарбаев имел основания опасаться выборов 2000 г. и стремился, как он это уже часто делал, «сыграть на опережение». 10 января 1999 г. выборы состоялись и, естественно, завершились полной победой президента.

16

Реформа 1998 г. в основных чертах завершила процесс формирования новой казахстанской государственности. После этого продолжилась шлифовка отдельных элементов конституционной регламентации.

20 июля 2000 г. был принят очень примечательный закон «О первом Президенте Республики Казахстан»[184]. Данный акт имел статус конституционного закона, хотя в Конституции 1995 г. не содержалось никаких прямых указаний на то, что подобный закон должен быть принят. То есть в очередной раз в Казахстане в силу возникшей необходимости Конституцию «подкорректировали». Появление данного акта было вызвано обоснованными опасениями президента о будущем — в этот период стал набирать силу так называемый «Казахгейт», и закон появился как превентивная мера защиты.

Закон закреплял неприкосновенность первого Президента Казахстана и устанавливал многочисленные льготы и преференции, которые должен был получить Назарбаев после ухода с занимаемой им должности. Этот акт позволял также экс-президенту оказывать существенное влияние на развитие политического процесса в Казахстане. Он получал право пожизненно обращаться к народу Казахстана, государственным институтам и должностным лицам с разного рода инициативами по широкому кругу вопросов, и эти обращения подлежали обязательному рассмотрению. Он мог выступать перед парламентом и его отдельными палатами, а также на заседаниях правительства. Помимо закрепленного ранее за экс-президентом права быть членом Конституционного совета, он получил возможность входить в состав Совета безопасности и возглавить Ассамблею народов Казахстана (ст. 1). Но, бесспорно, самое важное — Назарбаев получал фактически ничем не ограниченный иммунитет от любого судебного преследования, его не могли привлечь даже в качестве свидетеля по гражданским делам. Формулировка статьи 3 специально оговаривала, что экс-президент не может нести ответственности за свои действия на посту президента (за единственным исключением – обвинением в государственной измене).

Летом 2002 г. был принят закон Республики Казахстан «О политических партиях»[185]. В данном акте вполне нормальные с точки зрения правовой регламентации правила сочетались с нормами, специально сконструированными так, чтобы затруднить возникновение и деятельность нелояльных властям партий. Так, пункт 6 статьи 10 закона предусматривал, что условием государственной регистрации политической партии выступает наличие в ее составе не менее 50 тыс. членов, представляющих структурные подразделения партии во всех областях, городе республиканского подчинения[186] и столице, численностью не менее семисот членов партии в каждом. Для небольшого по численности государства, каковым является Казахстан, эта установленная норма численности очень высока. Она в десятки раз превышает норматив, принятый в России, и в сотни превышает нормы, характерные для стран Западной Европы.

Даже будучи зарегистрированной, политическая партия в Казахстане находится под постоянной угрозой ликвидации под многочисленными предлогами, лишь часть которых перечислена в тексте закона. Один

из таких предлогов весьма примечателен: партия может быть ликвидирована в случае двукратного подряд неучастия в выборах депутатов мажилиса (пп. 6 п. 5 ст. 14). (В первоначальном варианте проекта данного закона содержались вообще «драконовские» нормы, предусматривающие, что партия, дважды не прошедшая на выборах в парламент и не набравшая хотя бы трех процентов голосов, обязательно подлежала роспуску.)

Изменения, не направленные или лишь внешне направленные на демократизацию, претерпевают и некоторые другие законы, связанные с конкретизацией конституционных норм. Так, в новом варианте конституционного закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан[187]» не устранены явные недостатки, на которые неоднократно казахстанским властям указывали международные организации. То же самое происходит с новым законом о средствах массовой информации[188].

17

Казахстанский президент – истинный создатель казахстанской Конституции. Серией антиконституционных действий, нарушениями и старой, советской Конституции, и Конституции 1993 г., и даже созданной им Конституции 1995 г., в конце концов он создал конструкцию Конституции, которая практически ни в чем его не ограничивает.

И естественно, что если раньше власть относилась к конституционным текстам с поразительной легкостью, то затем она все более стремится придать Конституции характер «неприкасаемого», «квази-сакрального» документа. Утверждается, что путь к правовому государству может быть обеспечен лишь при соблюдении незыблемости Конституции, если в ее текст не будет вноситься никаких изменений[189]. В 2003 г. Назарбаев прямо говорил, что «любые попытки изменения Конституции – это от дьявола»[190]. Юристы из аппарата президента любят подчеркивать, что в Казахстане «незыблемость Конституции обеспечивается Президентом... Право конституционной инициативы о внесении изменений и дополнений в Конституцию принадлежит только Президенту»[191]. (Такой переход от полного произвола в отношении конституций к стремлению стабилизировать созданную в результате такого произвола Конституцию, сделать ее «неприкасаемой», характерен не только для Казахстана. Если Назарбаев в 2003 г. заявлял: «Мы еще не использовали все, что заложено в нашей Конституции»[192], то теперешний российский президент в том же году предупреждал: «Ресурсы Конституции далеко не исчерпаны. И об этом должны хорошо помнить те, кто пытается спекулировать на теме возможных поправок к Основному Закону»[193].)

Но преувеличивать значение этой тенденции не следует. В Казахстане не Конституция установила правила политической борьбы, в которой могут побеждать разные политические силы, а изначальный «победи-

тель» установил удобную ему Конституцию. Нынешняя Конституция его устраивает, отсюда стремление придать ей стабильность. Но совершенно ясно, что если Конституция в чем-либо станет ему помехой, он имеет возможность ее изменить, как поступал и раньше. В реально конституционной системе нормы Конституции стабильны, а власть нестабильна, она переходит от одних к другим в соответствии с народным волеизъявлением. В системе казахстанского псевдоконституционализма, наоборот, «стабильна» лишь личность президента, который правил при трех конституциях.

В Казахстане есть Конституция, но пока еще нет полноценного конституционализма. Реальные механизмы власти в Казахстане не основаны на Конституции, как они не были основаны на Конституции в СССР. Но Конституция в какой-то мере фиксирует эти реальные механизмы. Законодатель старался создать такой текст, который одновременно внешне был бы максимально приближен и к текстам «нормальных» европейских конституций, и к реальности персоналистской и авторитарной власти. Отсюда и особенности текста Конституции, которые мы рассматривали выше. Это не «огрехи» и «недостатки», это неизбежные противоречия, возникающие при одновременном решении этих двух противоположных задач.

Но само это стремление соблюдать конституционный фасад, скрыть реальное авторитарное содержание под конституционной формой имеет большое значение. В какой-то мере «на новом, высшем этапе» повторяется процесс, который шел в советский период. Создатели советских конституций меньше всего видели в них силу, способную ограничить авторитарную власть партии. Тем не менее через эти конституции, через государственную демагогию о конституции какие-то нормы и идеи конституционализма укоренялись и в сознании общества, и даже в практике. И к концу советской эпохи стало ясно, что когда-то всемогущая официальная идеология умерла, а эти нормы играют реальную роль. Процесс демонтажа власти КПСС и разрушения СССР шел в формах, которые были даны советскими конституциями, формы эти в некотором роде оказались прочнее и важнее содержания.

Нечто подобное происходит сейчас в Казахстане. Казахстанский конституционализм – камуфляж персоналистской власти, но в абсолютной невозможности власти обойтись без этого камуфляжа, необходимости для нее постоянно говорить о соблюдении конституционных норм, о демократии, разделении властей и т.д. проявляется реальная и все возрастающая сила конституционализма. Если лицемерие – дань, которую порок платит добродетели, то псевдоконституционализм – дань, которую авторитарная власть платит конституционализму, признавая тем самым его приоритет. Если оппозиция требует демократизации и правового государства, а власть делает вид, что идет на демократизацию[194], или говорит, что для построения совершенной демократии нужно время, это

значит, что идеи демократии и права приобретают значение непреложных ценностей. Через псевдоконституционализм пробивается реальный конституционализм.

В начале данной статьи мы говорили, что конституционализм возникает и укрепляется в борьбе западных обществ с произволом правителей. И хотя конституционные формы общество может заимствовать, конституционализм просто заимствовать нельзя. Общество должно его выстрадать, в новых условиях и формах повторив тот же процесс, который привел к его победе в странах Западной Европы, – снова борясь с произволом правителей. Только таким путем общество Казахстана придет к конституционализму. Реально этот процесс в Казахстане идет, независимо от того, хочет этого власть или нет. Элементы конституционализма укореняются на казахстанской почве, право как особая система ценностей и институтов мало-помалу отвоевывает свое место под солнцем[195].

В течение XX в. казахский народ прошел трудный путь и пережил много тяжких испытаний. И все же это был громадный путь — путь от колонии, населенной кочевым народом, жившим племенами и родами, к современному государству, путь постепенного укоренения конституционализма. Путь этот еще не завершен, и казахстанское государство нельзя назвать демократическим. Но тот отрезок пути, который предстоит пройти уже в новом веке, во всяком случае значительно меньше уже пройденного.

Примечания

[1] Первой писанной конституцией является Конституция США, разработанная в 1787 г. и принятая в 1789 г. Первая писанная конституция Европы — Конституция Польши, принятая 3 мая 1791 г.

[2] См.: История буржуазного конституционализма XVII—XVIII вв. М., 1983. С. 4; *Дик Ховард А. Е.* Конституционализм // Верховенство права. М., 1992. С. 53—79; Конституционное право. Энциклопедический словарь. М., 2000. С. 304; *Егоров С.А.* Конституционализм в США: политико-правовые аспекты. М., 1993. С. 5—13; *Кравец И.А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX века. М., 2000. С. 10—11; *Кравец И. А.* Российская Конституция и проблемы эффективности ее реализации // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение, 2003, № 4. С. 66; *Власихин В.А.* Американский конституционализм // США. Канада – Экономика. Политика. Идеология, 1999, № 10. С. 74; *Ким Лейн Шеппели.* Российская Конституция в конституционной истории Европы // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение, 2003, № 4. С. 7.

[3]Среди таких актов можно назвать манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. (3 ПСЗ. Т. XXV, № 26803), закон «Учреждение Государственной думы» от 20 февраля 1906 г. (Собрание узаконе-

ний, 1906, № 38. Ст. 197) и новую редакцию Основных законов от 23 апреля 1906 г. (3 ПСЗ. Т. XXVI, № 27808)

[4] *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. III. М., 1960.

[5] В это время блистают имена выдающихся юристов: А.С. Алексеева, П.Г. Виноградова, В.М. Гессена, Б.А. Кистяковского, М.М. Ковалевского, Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Котляревского, Н.И. Лазаревского, С.А. Муромцева, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, Е.Н. Трубецкого.

[6] *Кривенький В.В.* Новые данные сравнительно-количественного анализа политических партий России // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 129.

[7] См. об этом: *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, 1983.

[8] См. об этом: *Озганбай О.* Государственная Дума России и Казахстан (1905—1917 гг.). Алматы, 2000; *Озганбаев О.* Казахи-депутаты Государственной Думы России // Вестник межпарламентской ассамблеи, 1966, № 2. С. 30—31.

[9] Так, за 72-дневный период существования первой Государственной думы самодержец утвердил 222 законодательных акта, из которых лишь один прошел обсуждение в Думе и Государственном совете. В течение 102 дней деятельности второй Думы Николаем II были утверждены 390 законов, и только два из них рассматривались в Думе и в Государственном совете. См: *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 263, 266.

[10] Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. СПб., 1907. С. 27—33.

[11] Мы не упоминаем при этом депутатов русских, которые принадлежали к разным партиям, в основном левой социалистической направленности.

[12] Собрание узаконений, 1907, № 94. Ст. 845.

[13] *Котюкова Т.В.* Туркестан и Государственная Дума Российской империи: аспекты взаимодействия. Ташкент, 2003. С. 14.

[14] 20 марта 1917 г. был опубликован декрет Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». См.: Вестник Временного правительства, 1917, 22 марта.

[15] См. об этом: *Куртов А.А.* Учредительное собрание и развитие института выборов в России // 1917 год в исторических судьбах России. М., 1993.

Уже тогда велись жаркие споры между сторонниками пропорциональной и мажоритарной систем. Сторонники мажоритарной системы указывали, что в России население малокультурно, политически безграмотно, партийная система слабо развита и что мажоритарная система выгодна технической простотой и дешевизной проведения выборов. Кроме этого, в тот период эта система была почти тотально господствующей, пропорциональная система применялась только в нескольких небольших государствах, имеющих к тому же большой опыт парламентаризма (например, в Бельгии и Швейцарии). И все-таки победила точка зрения сторонников пропорциональной избирательной системы. Я думаю, это была одна из важнейших «развилок» российской истории, значение которой не оценено должным образом.

[16] Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М., 1994. С. 136—184.

[17] Их границы охватывали не только территорию, которая принадлежит современному Казахстану, но и часть территории современной России. Так, например, Степной избирательный округ своим центром имел город Омск, а Тургайский – город Оренбург. С другой стороны, отдельные уезды, расположенные на территориях, которые сегодня входят в Казахстан, хотя большинство избирателей здесь были казахами, входили в состав избирательных округов, охватывавших и территорию других современных центральноазиатских государств.

[18] Результаты выборов по избирательным округам, располагавшимся на территории современного Казахстана, см.: *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997; *Спирин Л.М.* Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987.

[19] *Озганбай О.* Государственная Дума России и Казахстан (1905—1917 гг.). Алматы, 2000. С. 119.

[20] Приведем мнение казахстанского академика Манаша Козыбаева: «Основатели партии Алаш являлись носителями двух культур, маргинальными личностями, которые сочетали мораль и мировоззрения оппозиционной либеральной русской интеллигенции, доктрину ее партии кадетов и идеи антиколониального движения третьего мира». – *Козыбаев М.К.* Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. Книга первая. Алматы, 2000. С. 7—8.

[21] Букейханов возглавлял правительство Алаш-Орды с декабря 1917 г. В 1937 г. был приговорен к расстрелу, реабилитирован в 1989 г.

[22] См., например: Конституционное право Республики Казахстан. Алматы, 2001. С. 94. См. также: *Кул-Мухаммед М.* Программа «Алаш»: фальсификация и действительность. Алматы, 2000.

[23] Алаш-Орда. Сборник документов / Сост. Н. Мартыненко. Алма-Ата, 1929, переизд. 1992; Программа партии Алаш // Казахстан: этапы государственности. Алматы, 1997; *Кул-Мухаммед М.* Программа «Алаш»: фальсификация и действительность. Алматы, 2000.

[24] «Россия должна стать демократической федеративной республикой (демократия – народная власть, федерация – союз мелких государств). Каждое отдельное государство в федеративной республике автономно и управляет собой на одинаковых правах. Во главе правительства стоит Учредительное собрание, в промежутках – президент, избираемый Учредительным собранием и Государственной Думой на известный срок лет. Президент управляет через Совет министров, ответственен перед Учредительным собранием и Государственной Думой. Законодательная власть сосредоточена в руках только Государственной Думы, которой принадлежит право контроля над правительством. Правом выборов пользуются все без различия происхождения, вероисповедания и пола. Выборы депутатов производятся прямым, равным и тайным голосованием».

Текст данного раздела приведен в переводе Мартыненко. В переводе Кул-Мухаммеда он выглядит несколько иначе: «Россия будет демократической, федеративной республикой. (Значение демократии – управление государством со стороны народа. Значение федерации – объединение равных государств. В федеративной республике каждое государство будет самостоятельным, но они будут совместно сотрудничать. Каждое из них самоуправляется.) Во главе правительства будет президент, избираемый по желанию Учредительного собрания и Госу-

дарственной Думы на определенный срок. Президент будет управлять народом с помощью министров, эти министры будут ответственными перед Учредительным собранием и Государственной Думой. Депутаты будут избираться на всеобщих равных, прямых и тайных выборах. В отношении выборов не будут иметь значение происхождение, религия, пол. Только Государственная Дума будет принимать закон. Государственная Дума будет надзирать над правительством, расследовать дела, и право запроса также будет у Государственной Думы. Государственным налогом не будут облагаться без Государственной Думы».

Необходимо пояснить, что воззрения на сущность Учредительного собрания в тот период еще не полностью оформились с правовой точки зрения. Одни считали, что Учредительное собрание призвано лишь оформить конституционный переход к новой власти, другие рассматривали этот институт как представительный орган, который будет действовать в качестве самостоятельного института власти в новой России.

[25] При этом есть существенная разница в текстах переводов. В переводе Мартыненко этот абзац звучит так: «Автономия киргиз слагается из областей и входит в Российскую Федерацию наравне с другими народностями. Все существующие земства сохраняются в прежнем виде». В переводе же Кул-Мухаммеда он выглядит следующим образом: «Области, населенные казахами, объединяются в целое, будут самоуправляться и станут одним из членов Федерации Российской Республики. Казахская автономия, если удастся, будет пока вместе с дружественными народами. Как бы то ни было, принять современное земство».

[26] Например, одна из формулировок в переводе Мартыненко: «Бедных партия называет и считает товарищами; мироедов – врагами».

[27] Цит. по кн.: *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994. С. 117.

[28] *Абусеитова М.Х., Абылжохин Ж.Б., Кляшторный С.Г. и др.* История Казахстана и Центральной Азии. Алматы, 2001. С. 519—520.

[29] Создание этой автономии – важнейший этап истории Казахстана, который сейчас практически не изучается. Забвению предана деятельность в этом направлении Киргизского отдела Наркомнаца, образованного 11 мая 1918 г., Киргизского комиссариата, события, связанные с борьбой вокруг съезда советов Семипалатинской области в марте 1919 г., проведение Учредительного Всекиргизского съезда в Оренбурге, проходившего с 4 по 13 октября 1920 г.

[30] В этом акте, помимо учреждения органа власти в регионе – ревкома, определялась и территория края (казахские районы Астраханской губернии, Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области), с оговоркой, что она может быть уточнена в будущем, при провозглашении автономии.

[31] Известия ВЦИК, 1920, 1 сент., № 192.

[32] Текст декларации представлен в изданиях: Собрание законодательства Казахской автономной Советской Социалистической Республики (1920—1936 г.). Алма-Ата, 1969; Казахстан: этапы государственности. Алматы, 1997.

[33] Текст Конституции представлен в изданиях: Собрание законодательства Казахской автономной Советской Социалистической Республики (1920—1936 г.). Алма-Ата, 1969; Казахстан: этапы государственности. Алматы, 1997.

[34] Исследователи обычно обходят стороной этот вопрос. А в последнее время

в Казахстане вообще слово «проект» применительно к тексту Конституции 1926 г. опускают. См.: Конституционное право Республики Казахстан. Алматы, 2001. С. 97.

[35] Текст Конституции представлен в издании: Казахстан: этапы государственности. Алматы, 1997.

[36] Последнее обстоятельство, кстати, можно расценить по-разному. С одной стороны, произошло конституционное закрепление одного из ярких признаков тоталитарности советской системы. Но, с другой стороны, введение в Конституцию данной нормы говорит, что возникла потребность приблизить текст Конституции к реальности государственного устройства.

[37] Некоторые исследователи, однако, указывают на формальную разницу между фиксацией в Конституции 1937 г. положения об ограниченном суверенитете союзной республики и подходом Конституции 1978 г., где суверенитет СССР и союзной республики рассматривался как единое целое. (*Котов А.К.* Суверенный Казахстан: гражданин, нация, народ. Алматы, 1997. С. 55.) На наш взгляд, такой подход к проблеме является спорным, так как на самом деле часть 2 статьи 76 Конституции СССР 1977 г. так определяла характер суверенитета союзной республики: «Вне пределов, указанных в статье 73 Конституции СССР, союзная республика самостоятельно осуществляет государственную власть на своей территории». То есть конституционная модель состояла в сочетании суверенитета Союза ССР и союзной республики, когда каждое из этих государств было самостоятельно и независимо в определенной сфере.

[38] Они касались увеличения числа заместителей председателя Верховного Совета с трех до четырех и унификации нормы о количестве ежегодных сессий местных советов разного уровня: вместо ранее действовавших разных нормативов «не реже» 4 и 6 раз в год отныне сессии созывались не реже 4 раз в год. См.: Закон Казахской Советской Социалистической Республики «О внесении изменений в статью 99 Конституции (Основного Закона) Казахской Советской Социалистической Республики» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1980, № 15. Ст. 51; Закон Казахской Советской Социалистической Республики «О внесении изменений в статью 129 Конституции (Основного Закона) Казахской Советской Социалистической Республики» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1986, № 49. Ст. 520.

[39] Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1989, № 40—41. Ст. 336.

[40] Конституция (Основной Закон) СССР. М., 1988.

[41] См. подробнее об этом: *Куртов А.А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. М., 2001. С. 18—23.

[42] Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. 1989, № 40—41 (приложение). Ст. 339, 1990.

[43] Там же. Ст. 340, 1990

[44] В соответствии с Законом о выборах народных депутатов СССР, принятым в декабре 1988 г., на союзном уровне были установлены следующие нормы представительства от общественных организаций: от КПСС – 100 депутатов; от кооперативных организаций – 100 депутатов; от ВЛКСМ – 75 депутатов; от Комитета советских женщин – 75 депутатов; от ветеранских организаций – 75 депутатов; от научных академических учреждений – 75 депутатов; от творческих союзов –

75 депутатов; от других общественных организаций, имевших общесоюзные органы, — 75 депутатов.

[45] *Лукашук А.* Беларусь // Конституционное право: восточноевропейское обозрение, 1995, № 2. С. 48.

[46] *Зинченко В.В.* Правовое положение общественных объединений, политических партий: их роль в реформировании политического строя Казахстана // Государство и политические партии: история и современность. Алматы, 1998. С. 84.

[47] Постановление Президиума Верховного Совета Казахской ССР «О предварительных итогах выборов народных депутатов Казахской ССР» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1990, № 14. Ст. 140.

[48] *Исмагамбетов Т.Т.* Влияние избирательной системы на формирование многопартийности в Казахстане // Государство и политические партии: история и современность. Алматы, 1998. С. 90.

[49] См.: Закон СССР «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1990, № 12. Ст. 189.

[50] См.: Закон РФСР «О Президенте РФСР» от 24 апреля 1990 г. // Сборник законодательных актов, принятых третьей сессией Верховного Совета РСФСР. М., 1991. С. 5—9.

[51] Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1990, № 18. Ст. 190.

[52] Новая редакция статьи 6 Конституции Казахской ССР приобрела следующий вид: «Коммунистическая партия Казахстана, профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения в Казахской ССР через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвуют в выработке политики республики, в управлении государственными и общественными делами».

[53] Статья 49 Конституции Казахской ССР стала содержать следующую норму: «Граждане Казахской ССР имеют право объединяться в политические и общественные организации, участвовать в массовых движениях, которые способствуют развитию политической активности и самодеятельности, удовлетворению их многообразных интересов. Им гарантируются условия для успешного выполнения своих уставных задач».

[54] Эти ограничения содержались в части 2 статьи 7 Конституции Казахской ССР: «Не допускаются создание и деятельность партий, организаций и движений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя и целостности республики, как суверенного социалистического государства, подрыв ее безопасности, разжигание социальной, национальной и религиозной розни».

[55] Конституционное право Республики Казахстан. Алматы, 2001. С. 166; *Котов А.К.* Суверенный Казахстан: гражданин, нация, народ. Алматы, 1997. С. 67; *Нысанбаев А., Машан М., Мурзалин Ж., Тулегулов А.* Эволюция политической системы Казахстана. Т. 2. Алматы, 2001. С. 157; *Малиновский В.* Президентская или парламентская республика. Какая форма правления предопределена суверенному Казахстану? // Мысль, 1993, № 9. С. 11.

[56] В этом аспекте характер взаимоотношений между президентом и Верхов-

ным Советом не был обозначен должным образом. Оставалось неясным, имел ли право Верховный Совет упорствовать в отказе от утверждения президентских кандидатур и каковы могли быть последствия этого.

[57] Верховный Совет не вправе был отменять указы президента. Решение об их несоответствии Конституции или законам мог принять только Комитет конституционного надзора, который так и не был создан, и даже появление подобного решения комитета лишь приостанавливало бы действие такого акта. Да и само решение комитета могло быть отвергнуто голосованием в Верховном Совете.

[58] Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1990, № 2. Ст. 22.

[59] Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1990, № 44. Ст. 408.

[60] Надо отметить, что при этом формулировка свидетельствовала, что имелся в виду не Договор об образовании СССР 1922 г., а обновленный Союзный договор, которого в тот период еще не было (он и не появится).

[61] Во многих отношениях нормы, зафиксированные в данном акте, были более радикальными по сравнению с Декларацией о государственном суверенитете РСФСР. В российской декларации нет, например, упоминания о собственных военных формированиях. В ней гораздо больше говорится о Союзе ССР.

[62] Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1990, № 47. Ст. 431

[63] Президент получал право назначения премьер-министра (с последующим утверждением Верховным Советом) и освобождения от должности министров. Тем не менее закон содержал переходную и неконкретную формулу о том, что Кабинет министров ответствен и подотчетен сразу и Верховному Совету, и президенту (ч.1 ст. 117).

[64] Закон Казахской ССР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1991, № 9. Ст. 120.

[65] Закон Казахской ССР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. 1991. № 26. Ст. 340; Закон Казахской ССР «О внесении изменений в Закон Казахской ССР «О совершенствовании структуры государственной власти и управления в Казахской ССР» и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1991, № 27. Ст. 357.

[66] *Зиманов С.* Конституция Республики Казахстан. Проблемы и предложения // Мысль, 1992, № 5.

[67] Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1991, № 33—35. Ст. 428.

[68] Новый пункт 9-1 статьи 114-3 Конституции фиксировал, что Совет безопасности призван вырабатывать рекомендации по обеспечению соблюдения прав и свобод граждан, Конституции и законов республики; охране суверенитета, территориальной целостности, государственной, экономической и экологической безопасности; формированию правовой политики и координации правоохранительной деятельности; реализации политики в области обороны; организации деятельности государственных органов в случаях чрезвычайных ситуаций.

[69] Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1991, № 39. Ст. 475.

[70] В этом акте был найден правовой ход, позволявший осуществить задуманную руководством республик акцию во внешне легитимных формах. Им стала формулировка, содержащаяся в преамбуле Соглашения: «Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина, как государства – учредители Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 года, далее именуемые высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

По сути дела, в правовом закреплении распада СССР и состоял основной политический смысл данного документа. Не случайно статья 11 Соглашения фиксировала, что с момента его подписания на территории присоединившихся к нему государств не допускается применение норм бывшего Союза ССР, а в статье 14 говорилось, что прекращается деятельность органов бывшего Союза ССР. Вместе с тем ради наиболее безболезненного проведения в жизнь процесса суверенизации в сложных условиях, чреватых возникновением социальных, политических и национальных катаклизмов, руководители республик прибегли к созданию на месте распущенного Советского Союза нового объединения. При этом авторы Соглашения специально не стали уточнять ряд принципиальных позиций, например о правовой сущности объединения. Формулировки статей Соглашения были намеренно выполнены в форме, характерной для международно-правовых актов, что должно было подчеркивать суверенность и независимость новых государств. Этими же соображениями были, очевидно, вызваны и ссылки на Устав ООН, Хельсинкский заключительный акт и другие документы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

[71] Лидеры других бывших союзных республик в тот период были озабочены прежде всего тем, чтобы определиться со своим участием в уже развернувшемся без них процессе. 13 декабря 1991 г. главы пяти центральноазиатских республик на встрече в Ашхабаде приняли Заявление, в котором не было неприятия самого факта денонсации Союзного договора 1922 г. и создания СНГ (наоборот, это было оценено положительно), но выражалась озабоченность тем, что они не были участниками данного процесса. Главы азиатских республик настаивали на праве всех республик бывшего СССР принимать участие в выработке документов СНГ и на признании их в качестве учредителей этой организации. Для решения этих задач была выдвинута идея проведения нового совещания глав государств, которое и состоялось в Алма-Ате 21 декабря 1991 г. На нем присутствовали руководители 11 из 15 бывших союзных республик (государства Балтии уже ранее заняли позицию абсолютно независимых от союзных процессов субъектов, а в Грузии как раз в это время происходило свержение первого президента Звиада Гамсахурдии). В принятом в Алма-Ате Протоколе к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанному 8 декабря 1991 г. в Минске, специально подчеркивалось, что 11 государств образуют Содружество Независимых Государств «на равноправных началах».

[72] Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1991, № 48—50. Ст. 585.

[73] Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1991, № 51. Ст. 622.

[74] Эта норма была продублирована в несколько ином варианте и в Постановлении Верховного Совета Республики Казахстан «О порядке введения в действие

Конституционного Закона Республики Казахстан «О государственной независимости Республики Казахстан», принятом одновременно с данным законом.

[75] Даже так называемого «общенародного обсуждения» текста этого акта не было проведено. По многим признакам видно, что текст был написан и принят без сколько-нибудь серьезного обсуждения в весьма сжатые сроки.

[76] См.: Закон Республики Казахстан «О внесении дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1992, № 1. Ст. 19.

[77] См.: Закон Республики Казахстан «О внесении дополнений в статьи 97 и 114 Конституции (Основного Закона) Казахской ССР» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1992, № 6. Ст. 129.

[78] Закон Республики Казахстан «О приостановлении действия отдельных норм Конституции (Основного Закона) Казахской ССР в переходный период» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1992, № 4. Ст. 72.

[79] См. изменения в пункте 8 статьи 114 Конституции Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан «О внесении дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР, 1992, № 15. Ст. 366.

[80] См. изменения в части 1 статьи 114 Конституции Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан «О внесении дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР», 1992, № 15. Ст. 366.

[81] Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан, 1992, № 10. Ст. 266, 267.

[82] В России Съезд народных депутатов 16 июня 1990 г. избрал Конституционную комиссию, которая в ноябре 1990 г. опубликовала для обсуждения подготовленный ею проект Конституции. (Советская Россия, 1990, 24 ноября). Был опубликован и альтернативный проект группы депутатов «Коммунисты России». (Советская Россия, 1990, 24 ноября).

После августа 1991 г. коммунисты были деморализованы, а официальный проект стал стремительно набирать число сторонников. Он получил одобрение Верховного Совета и Съезда народных депутатов (апрель 1992 г.). Вместе с тем в России в тот период еще сохранялись условия для демократического обсуждения разных концепций конституционного развития. Поэтому стали появляться и другие проекты. Это — проекты, разработанные группами под руководством А. Собчака (Федерация, 1992, № 14—15) и С. Шахрая (Федерация, 1992, № 16), и проекты депутатов-коммунистов, публиковавшиеся не только в их партийной печати (Правда, 1993, 5 июня), но и в парламентской газете (Российская газета, 1993, 24 июня).

Альтернативным по сути дела был и появившийся в апреле проект Президента РФ. (Известия, 1993, 30 апреля). Инициативу выхода с собственным проектом Ельцин обосновал в указе от 12 мая 1993 г. «О мерах по завершению подготовки новой Конституции Российской Федерации» необходимостью скорейшего преодоления конституционного кризиса. В тот же день Ельцин подписал и второй указ – «О созыве Конституционного совещания и завершении подготовки проекта Конституции Российской Федерации». При этом Ельцин имел в ви-

ду свой проект, а не текст Конституционной комиссии. В составе рабочей группы Конституционной комиссии произошел раскол, часть депутатов и экспертов встали на сторону Ельцина и приняли участие в работе Конституционного совещания. См.: *Шаблинский И.Г.* Пределы власти: Борьба за российскую конституционную реформу (1989—1995 гг.). М., 1997.

Первое заседание Совещания прошло 5 июня 1993 г., после чего состязательный момент стремительно пошел на убыль. 12 июля 1993 г. проект, разработанный Совещанием, был одобрен президентом. 8 сентября 1993 г. Ельцин принял решение вернуться к согласованию проектов и подписал соответствующее распоряжение. Однако компромисса не получилось. 21 сентября он издал указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», который прерывал осуществление полномочий Съезда и Верховного Совета.

Верховный Совет в постановлении от 23 сентября 1993 г. оценил действия Ельцина как государственный переворот. 4 октября парламент был захвачен войсками, а 15 октября Ельцин издал Указ «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации». В референдуме 12 декабря приняло участие 54,8% избирателей. За принятие Конституции проголосовало 58,4% (т. е. 32% избирателей), против – 41,6%. (Конституция России: история принятия // Законодательство и экономика, 2003, № 12. С. 8).

Таким образом, процесс составления Конституции в России вначале развивался в относительно открытой и состязательной форме, но затем попытки выработать согласованный вариант были прерваны, и теперешняя Конституция принята в результате государственного переворота.

[83] В 1993 г. на встрече глав государств в Ташкенте было принято решение отказаться от дефиниции «Средняя Азия и Казахстан» и именовать регион «Центральной Азией», хотя в трудах географов под этим термином подразумевался регион, пространственные пределы которого были иными, чем границы пяти бывших союзных республик. Тем самым стремились, с одной стороны, «подвести черту» под советским прошлым, а с другой – заявить о себе как о новой геополитической единице.

[84] Конституция Туркменистана // Ведомости Меджлиса Туркменистана, 1992, № 5. Ст. 30.

[85] Конституция Республики Узбекистан // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан, 1993, № 1. Ст. 4.

[86] *Шеретов С.Г.* Новейшая история Казахстана (1985—2002 гг.). Алматы, 2003. С. 45.

[87] *Сартаев С., Назаркулова Л.* Становление Конституции Республики Казахстан (проблемы и перспективы). Алматы, 2002. С. 71.

[88] Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан, 1993, № 3. Ст. 54.

[89] Например, ст. 22: «Гражданин Республики имеет право на жилище. Государство содействует осуществлению права на жилище поощрением жилищного строительства, предоставлением в пользование и продажей жилья из государственного жилищного фонда».

[90] Речь идет о нормах, посвященных правам собственности и свободы предпринимательства, браку и семье, а также таким политическим правам, как право на объединение и свобода совести.

[91] См.: Конституционное право Республики Казахстан. Алматы, 2001. С. 106; эта же позиция изложена в работе: *Баишев Ж.* Становление и развитие парламентаризма в Республике Казахстан // Правовое развитие Казахстана за 10 лет государственной независимости. Астана, 2002. С. 112—113.

Однако ряд казахстанских правоведов, на наш взгляд, справедливо утверждают, что Конституция 1993 г. учреждала президентскую форму правления. См.: *Сартаев С., Назаркулова Л.* Становление Конституции Республики Казахстан (проблемы и перспективы). Алматы, 2002. С. 88.

[92] В действовавшей в тот период российской Конституции президент мог быть отрешен от своей должности «в случае нарушения Конституции Российской Федерации, законов Российской Федерации, а также данной им присяги». Таким образом, Казахстан раньше России минимизировал возможность парламента контролировать главу государства при помощи института импичмента.

[93] Конституционное право Республики Казахстан. Алматы, 2001. С. 107.

[94] В России в этом отношении принятый порядок был значительно более демократичным. И в органах государственной власти субъектов Федерации, и в органах местного самоуправления руководители исполнительных ветвей не назначались из Москвы, а избирались населением.

[95] См.: *Куртов А.А.* Особенности президентских выборов в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, 2002, № 6.

[96] *Назарбаев Н.* Идейная консолидация общества — как условие прогресса Казахстана. Алматы, 1993. С. 14.

[97] *Назарбаев Н.А.* За мир и согласие в нашем доме // Казахстан и мировое сообщество, 1995, № 1. С. 21.

[98] Развитие парламентаризма в Казахстане // http://www.parlam.kz/DepCase.asp?Palata=Istor&In=

[99] Казахстанская правда, 1993, 4 декабря.

[100] Аргументы и факты. Казахстан, 1998, сентябрь.

[101] Интерфакс, 1993, 12 сентября.

[102] Независимая газета, 1993, 12 октября.

[103] *Майлыбаев Б.А.* Современный политический процесс в Казахстане и России: сравнительный анализ. М., 1998. С. 95.

[104] Советы Казахстана, 1993, 11 декабря.

[105] См. об этом: *Куртов А.А.* Конституционное правосудие в Республике Казахстан и институт выборов // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение, 2003, № 2.

[106] Именно такой выгодный для Назарбаева подход будет позднее зафиксирован в постановлении Конституционного совета Республики Казахстан от 20 июня 2000 г., в котором говорилось: «норму... следует понимать так, что одно и то же лицо не может быть избрано Президентом Республики Казахстан более двух раз подряд на основе действующей Конституции... Данное конституционное положение не распространяется на лицо, осуществлявшее полномочия Президента Казахской ССР и Республики Казахстан до избрания его на должность 10 января 1999 года в соответствии с Конституцией республики 1995 года».

[107] Советы Казахстана, 1993, 16 декабря.

[108] Например, в статье 2 Кодекса содержалась ссылка на «конституционные

принципы избирательного процесса». В Конституции же 1993 г. такие принципы отсутствовали, а были лишь предельно кратко сформулированы «принципы избирательного права» (ст. ст. 109—118). С точки зрения юриспруденции «избирательное право» и «избирательный процесс» — понятия, которые не являются синонимами. Избирательное право — это вся система правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с выборами. А понятие «избирательный процесс» гораздо уже — это деятельность определенных субъектов (индивидов, органов, организаций и групп) по подготовке и проведению выборов. Избирательный процесс делится на определенные стадии: от назначения выборов до окончательного определения и опубликования их результатов. Соответственно принципы избирательного права шире, чем принципы избирательного процесса. Смешение этих двух понятий недопустимо. В результате Кодекс о выборах стал, во-первых, противоречить Конституции Республики Казахстан, а во-вторых, весьма вольно конструировать конкретные правовые нормы, регламентирующие выборы.

Другим примером выступает формулировка Кодекса о том, что кандидат в президенты обязан в совершенстве владеть государственным языком. Помимо очевидной «этнократической» подоплеки этого требования обращает на себя внимание термин «в совершенстве», который не является строго юридическим. В Кодексе никак не регламентировалось, что именно входит в понятие «в совершенстве» и кто и как это будет проверять на практике.

[109] См. об этом подробнее: *Куртов А.А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. М., 2001. С. 54—84.

[110] Подавляющее большинство современных конституционных государств не признает за неполитическими общественными объединениями права выступать в качестве субъектов избирательного процесса. Допущение такой практики характерно для тоталитарных и авторитарных режимов.

[111] Напомним, что действовавшая в тот период Конституция 1993 г. требовала принятия закона о Верховном Совете, в котором и должна была присутствовать регламентация численности парламента, но этого сделано не было.

[112] *Чеботарев А.* Проблемы обеспечения законности конституционных преобразований в Республике Казахстан // Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технологии разрешения. № 13. Региональная конфликтология: Казахстан. М., 1997. С. 100—101.

[113] Казахстанская правда, 1995, 15 ноября.

[114] Вестник Казахстана, 1994, 27 апреля.

[115] Одной из консолидирующих сил оппозиции стала депутатская группа «Прогресс», куда вошли большинство депутатов от Социалистической партии, Народного конгресса Казахстана, федерации профсоюзов.

[116] Казахстанская правда, 1995, 16 марта.

В строго юридическом смысле постановление Конституционного суда Республики Казахстан от 6 марта 1995 г. не содержало вывода о нелегитимности самого парламента. В тексте вердикта Конституционного суда была сложная формулировка, отменяющая «действие нормативных и иных актов, основанных на актах, признанных неконституционными». На языке юристов это могло означать, что все акты избранного год назад Верховного Совета теряют силу. Однако

на самом деле этого и не произошло — многие акты парламента, не противоречащие интересам главы государства, например об утверждении республиканского бюджета, ратификации ряда международных договоров, сохранили юридическую силу.

[117] 8 марта 1995 г. Назарбаев направил в Конституционный суд свои возражения на постановление от 6 марта. 9 марта свои возражения в Конституционный суд внесет А. Кекельбаев – председатель Верховного Совета. Эти возражения будут отклонены Конституционным судом 10 марта 1995 г. в определении, за которое проголосуют две трети судей и которое будет содержать следующую формулу: «... отклонить возражения Президента и Председателя Верховного Совета Республики Казахстан и подтвердить постановление Конституционного суда от 6 марта 1995 года. Определение обжалованию не подлежит».

[118] Казахстанская правда, 1995, 16 марта.

[119] Подробный анализ данной ситуации приведен в наших работах: *Куртов А.А.* Партии Казахстана и особенности политического процесса в республике // Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М., 1995; *Куртов А.А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. М., 2001; *Куртов А.А.* Конституционное правосудие в Республике Казахстан и институт выборов // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение, 2003, № 2.

[120] *Сартаев С., Назаркулова Л.* Становление Конституции Республики Казахстан (Проблемы и перспективы). Алматы, 2002. С. 114.

[121] Например, депутат В. Чернышев пообещал сжечь себя перед зданием американского посольства.

[122] Казахстанская правда, 1995, 1 апреля.

[123] Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан, 1995, № 1—2. Ст. 21.

[124] См.: Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу конституционного закона, — «О республиканском референдуме» от 2 ноября 1995 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан, 1995, № 21. Ст. 131.

[125] Сообщение об итогах голосования на республиканском референдуме 29 апреля 1995 года // Казахстанская правда, 1995, 4 мая.

[126] Из резолюции № 397 Палаты представителей второй сессии Конгресса США 106 созыва // Кажегельдин А. Оппозиция средневековью. Лондон — Москва, 2000, С. 462.

[127] Казахстанская правда, 1996, 31 января.

[128] Казахстанская правда, 1995, 21, 22, 28 декабря; 1996, 9 января.

[129] В правовой науке существует классификация, согласно которой актом первого уровня является Конституция, актами второго – конституционные законы, третьего – обычные законы, четвертого – указы главы государства. Иногда актами второго уровня правоведы называют законы о внесении изменений и дополнений в текст Конституции, тогда указы соответственно становятся актами пятого уровня.

[130] *Зиманов С.З.* Конституционная реформа и ее проблемы // Егемен Казахстан, 1995, 30 июля.

[131] Казахстанская правда, 1997, 28 августа.

[132] Правовое развитие Казахстана. Информационно-аналитический бюллетень № 2. Алматы, 1995, июль.

[133] Был проигнорирован и альтернативный проект Конституции одной из правозащитных организаций Казахстана, опубликованный в газете «Панорама» в июле 1995 г.

[134] Panorama, 1995, № 30.

[135] Джон Барнабас, один из юристов, рецензировавший проект казахстанской Конституции, возмущенный действиями своих соотечественников, писал: «Мы были посланы сюда, чтобы поддерживать дискуссию о демократии, быть проводниками демократии в этой стране, а не нянчиться с узурпаторами конституционного правления. Мы никогда бы не согласились рисковать своей жизнью и репутацией ради абсурдного спектакля. Если именно за этим американское правительство послало нас сюда, тогда мы, как граждане и налогоплательщики Америки, должны были бы быть информированы об этом и иметь право возразить». См.: *Дуванов С.* Убей дракона // http://eurasia.org.ru/library/duvanov/index.html

[136] *Котов А.К.* Конституционализм в Казахстане: опыт становления и эффективность механизма власти. Алматы, 2000. С. 45.

[137] Сообщение Центральной избирательной комиссии референдума Республики Казахстан об итогах голосования по принятию Конституции Республики Казахстан на республиканском референдуме, состоявшемся 30 августа 1995 г. // Вести Казахстана, 1995, 5 сентября.

[138] В России по Конституции 1993 г. президент получил важную прерогативу назначать проведение референдумов (п. «в» ст. 84). Однако принятый парламентом в октябре 1995 г. федеральный конституционный закон «О референдуме в Российской Федерации» не усилил, как в Казахстане, а, наоборот, ограничил возможности главы государства в отношении всенародных голосований. В частности, на референдум не могут выноситься вопросы об изменении сроков выборов парламента и президента, досрочного прекращения или продления полномочий президента и палат парламента.

[139] См.: *Хитрин Ю.* Правовая основа самостоятельности // Казахстанская правда, 2003, 25 октября.

[140] Близкие к власти казахстанские правоведы пытаются теоретически оправдать включение в Конституцию 1995 г. нормы-принципа о единстве государственной власти. Например, видный казахстанский юрист, член Конституционного совета, а ранее сенатор А. Котов придумал даже специальный термин – «единораздельность власти». Но истинные цели такой правовой защиты становятся очевидными, когда Котов пишет: «Разделение властей, считаем, имеет смысл в той связи, в какой оно ведет к эффективному целому для общего блага. Целое — совокупность взаимодействующих противоположностей, сводимых к единству в Главе государства и Конституции, принятой народом Казахстана. Общее благо — мир и развитие страны. Поэтому «контрольный пакет» государственной власти должен всегда согласно Конституции находиться у Президента Республики, олицетворяющего единство самого государства». *Котов А. К.* Единораздельность власти и прецедентное конституционное право. Выступление на шестом Международном форуме конституционного правосудия. Москва, 24—25 октября 2003 г. http://www.constcouncil.kz/rus/04/publication/index.html.

Еще один высокопоставленный казахстанский юрист Ю. Хитрин, председа-

тель Конституционного совета (до июня 2004 г.) и в прошлом Генеральный прокурор, также преувеличивает достоинства отмеченной конституционной нормы. Он пишет: «Конституция Республики Казахстан сплотила органы государственной власти в единое целое. Государственная власть Республики, состоящая из трех ветвей, едина не только по тексту Конституции, но и в жизни. За восемь лет со дня принятия Конституции ни разу не возникали проблемы, связанные с их взаимодействиями. Все вопросы между ними разрешаются в рамках системы, утвержденной Конституцией». — *Хитрин Ю.* Надежная гарантия правовой защищенности // Казахстанская правда, 2003, 30 августа.

См. также: *Хитрин Ю.А.* Конституция прогресса и согласия. Выступление на торжественном собрании в г. Астане, посвященном дню Конституции Республики Казахстан // http://www.constcouncil.kz/rus/04/publication/index.html.

При сталинской Конституции также не возникало особых проблем взаимодействия между структурами власти, тоталитарное единство власти всегда выглядело в этом отношении вполне конструктивным.

[141] Это наглядно проявилось в ситуации с правом на альтернативную гражданскую службу.

[142] *Абайдельдинов Е.М.* Соотношение международного и национального права Республики Казахстан (проблемы становления приоритетности). Алматы, 2002. С. 140—141.

[143] Вестник Конституционного совета Республики Казахстан. Выпуск 4. Алматы, 2001. С. 148—151. Казахстанские юристы оправдывают фактическое отсутствие приоритетности норм международного права над национальным законодательством молодостью суверенного государства. См.: *Абайдельдинов Е.М.* Верховенство национальной Конституции над нормами ратифицированных международных договоров // Проблемы развития конституционализма в Казахстане. Алматы, 2002. С. 149.

[144] См. об этом: *Котов А.К.* Конституционное верховенство и международные договоры // Правовая реформа в Казахстане, 2003, № 1.

[145] Отдельные казахстанские юристы говорят именно об этом. См.: *Лаврентьев А.И.* Законотворческий процесс: состояние и перспективы взаимодействия Парламента и Правительства Республики Казахстан // Правовое развитие Казахстана за 10 лет государственной независимости. Астана, 2002. С. 158.

[146] Интересно в этом отношении привести данные социологического опроса, проведенного среди казахстанских правоведов (!) в 1997—1998 гг. Респондентам был поставлен вопрос: «В какой мере Конституция может служить основой защиты прав человека»? Оказалось, что доля экспертов, считающих, что Конституция 1995 г. может служить основой прав человека в «незначительной мере» и «вовсе не служит», составляет 39,8%, тогда как аналогичное мнение о Конституции 1978 г. выбрало 32,2%, а о Конституции 1993 г. – 24,7%. См. об этом: Становление правового государства и конституционный процесс в Республике Казахстан. Алматы, 2001. С. 210—211.

[147] Парадокс казахстанской системы состоит в том, что одновременно с этим была создана система, в которой функции президента как главы государства фактически неотделимы от его функций главы исполнительной власти, хотя формально таким статусом он и не обладает. На это обстоятельство обращают вни-

мание и казахстанские правоведы. См.: Становление правового государства и конституционный процесс в Республике Казахстан. Алматы, 2001. С. 36—37.

[148] На данную прерогативу стоит обратить особое внимание. Право президента назначать председателя Счетного комитета говорит об отсутствии разделения властей в Казахстане. Ведь современный конституционализм как раз исходит из понимания Счетного комитета как органа, который обязан в силу возложенных на него задач, поскольку он контролирует расход средств бюджета и кабинетом, и главой государства, быть подотчетен исключительно парламенту.

[149] Конституционные законы Республики Казахстан о Президенте, о Парламенте, о Правительстве, о референдуме, о выборах. Алматы, 2001.

[150] Эти нормы Конституции Казахстана до сих пор не получили должного осмысления в правовой науке республики. Оно и понятно, так как их оценка неизбежно поставит юристов в неудобное положение, требующее либо говорить правду об авторитарном характере института делегированного законодательства, либо изворачиваться и врать. Некоторые казахстанские юристы вообще отрицают правомерность применения термина «делегированное законодательство», приводя схоластический аргумент, что раз источником власти по Конституции является народ, то наделенные им властными полномочиями высшие органы государства могут свободно делегировать свои полномочия как по вертикали, так и по горизонтали. — *Сафинов К.Б.* Правительство Республики Казахстан на переходном этапе. Алматы, 2002. С. 39—40, 133.

Если следовать подобной логике, то государственные институты потеряют какие-либо очертания и превратятся в бесформенную массу. Другие казахстанские юристы, признавая правомерность термина «делегированное законодательство» и даже отмечая невнятную правовую проработку данного института в конституционном законодательстве, тем не менее отрицают какое-либо нарушение принципа разделения властей. — *Сапаргалиев Г., Мухамеджанов Б., Жанузаков Л., Сакиева Р.* Правовые проблемы унитаризма в Республике Казахстан. Алматы, 2000. С. 113—119.

Тем не менее есть и такие правоведы, которые правильно указывают на противоречие этого «делегирования» разделению властей. См.: *Бейсенова А.* Новая Конституция Республики Казахстан // Казахстанская правда, 1995, 15 июля.

[151] В российской конституционной системе также имеет место «указное право», но оно представляет собой более демократический вариант, чем казахстанский. Это именно «указное право», а не указное законодательство. Президент России может издавать указы, регламентирующие те правоотношения, которые не урегулированы законами. Фактически и здесь нет должных ограничений и пределов президентского нормотворчества. Президент Ельцин пользовался этим, в частности, для издания указов о земле. Эта ситуации также ненормальна и является продолжением монархической традиции. И все же в России законы издает парламент, и данное право не может быть делегировано главе государства.

[152] Хабар, 1999, 11 июня.

[153] Хабар, 1999, 22 июня.

[154] Эта ситуация была примечательна и в другом отношении. Второй раз после принятия Конституции 1995 г. правительство поставит вопрос о доверии и через подобный демарш достигнет искомого результата. По Конституции отказ в

доверии кабинету возможен, если за это решение проголосует 2/3 депутатов от общего числа каждой из палат. Такого числа голосов набрать не удалось (хотя правительство поддержали только 18 из 52 участвовавших в голосовании мажилисменов и 11 из 34 участвовавших в голосовании сенаторов). В итоге секвестированный бюджет был утвержден в парламенте без голосования.

[155] В России по Конституции глава государства также не относится ни к одной из ветвей власти, но реально он является носителем важнейших полномочий исполнительной власти. Президент переподчинил себе Министерство иностранных дел, все силовые ведомства, фактически выведя их из подчинения Председателя Правительства РФ, хотя по статье 110 Конституции России именно правительство осуществляет исполнительную власть. Политическая же ответственность правительства перед парламентом хотя и закреплена в Конституции, но носит призрачный характер. Реально правительство отвечает только перед президентом. В этом отношении российский и казахстанский варианты во многом схожи. Поэтому в обиходе граждане, и в том числе автор этих строк, говоря «власть», чаще всего подразумевают под этим президента.

[156] Данная конституционная норма явно расходится с общеправовым подходом, рассматривающим права в их взаимосвязи с обязанностями.

[157] В России наблюдалась схожая ситуация. При формулировании статьи 93 Конституции РФ 1993 г. ее авторы, по-видимому, прямо заимствовали некоторые позиции из Конституции США, в частности формулировку о государственной измене. Это было правовым нонсенсом хотя бы по той причине, что такого состава преступления – «государственная измена» —уголовное законодательство России в тот период просто не знало. В действовавшем в тот период УК РСФСР была статья 64 «Измена Родине», норма же о государственной измене появится только в новом УК, который вступит в силу с января 1997 г. Необходимо отметить, что в России ранее действовавшая конституционная формулировка об импичменте была существенно более емкой. Она предусматривала, что отрешение президента от должности может состояться «в случае нарушения Конституции РФ, законов РФ, а также данной им присяги». Но в России все же действующая ныне формулировка более емкая, чем в Казахстане, так как предусматривает возможность отрешения президента не только за государственную измену, но и за совершение «иного тяжкого преступления». И в процессуальном смысле в России институт импичмента более реален, чем в Казахстане, так как никакой угрозы роспуска палаты парламента в случае отклонения обвинения не предусмотрено. См. об этой проблеме: *Куртов А.А.* Импичмент: горькое лекарство или инструмент политиканов? // Обозреватель, 1998, № 11.

[158] В этом отношении процедурные нормы Казахстана и России во многом идентичны.

[159] Целесообразность перехода к двухпалатности (бикамерализму) нельзя оценивать абстрактно. В одних странах бикамерализм помогает учитывать сложную политическую конъюнктуру и увязывать интересы различных носителей власти. В других практика бикамерализма показала неэффективность и экономическую затратность этой конструкции. Но в целом есть тенденция роста количества двухпалатных парламентов. За последнюю треть XX в. их число выросло с 45 до 67, а с 2000 по 2003 г. до 76. — *Конюхова И.А.* Двухпалатность как принцип

организации национальных парламентов: опыт России и мировая практика // Журнал российского права, 2004, № 1. С. 110.

[160] В России тенденция к двухпалатности прослеживается исторически. Фактически уже при императоре Николае II была создана двухпалатная система высших законодательных органов. Государственная дума выступала как бы в роли нижней палаты, а верхней палатой был Государственный совет. Но Государственный совет не был полноценным представительным органом власти. Половина его состава была выборной, а другая, включая председателя и вице-председателя, назначалась императором. В советский период Верховный Совет СССР также был двухпалатным, но его палаты – Совет Союза и Совет Национальностей были равноправны и располагались горизонтально по отношению друг к другу, а не вертикально, как это принято в мировой практике.

В Конституции России 1993 г. также был применен принцип бикамерализма. Половина состава нижней палаты выбирается по партийным спискам, а половина – по мажоритарным округам. Что же касается верхней палаты — Совета Федерации, то Конституция России не фиксировала принцип его формирования, отдав это на усмотрение федерального законодателя. При этом в разделе «Заключительные и переходные положения» Конституции 1993 г. устанавливалось, что Совет Федерации первого созыва будет избираться населением на два года. Положение о выборах тогда издал президент Ельцин. См.: Положение о выборах депутатов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 11 октября 1993 г. // САПП РФ, 1993, № 42. Ст. 3994.

5 декабря 1995 г. вступил в силу Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ, 1995, № 50. Ст. 4869), который установил, что представителями субъектов Российской Федерации в Совете Федерации являются по должности главы законодательного (представительного) и исполнительного органов власти субъектов. В результате, помимо очевидного умаления демократичности представительства в верхней палате российского парламента, Совет Федерации также стал органом, работавшим на непостоянной основе. Кроме того, происходило смешение властей: в законодательном органе заседали действующие представители исполнительной ветви власти. —См.: об этом: *Авакьян С.А.* Федеральное Собрание – парламент России. М., 1999; *Гранкин И.В.* Парламент России. М., 1999.

Последняя коллизия была устранена по инициативе нового президента В. Путина, который добился принятия совершенно иного Федерального закона от 5 августа 2000 г. «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ, 2000, № 32. Ст. 3336.) Отныне член Совета Федерации – представитель законодательной ветви власти субъекта Федерации избирался данным законодательным органом, а представитель исполнительного органа власти субъекта Федерации назначался высшим должностным лицом исполнительного органа власти субъекта Федерации на срок их полномочий. Тем самым решилась и другая проблема: Совет Федерации как палата не имеет срока полномочий, но такой срок есть у ее членов. В то же время закон не содержит необходимых гарантий стабильности пребывания конкретного лица в Совете Федерации, его полномочия могут быть прекра-

щены путем отзыва в любое время. Кроме этого, в законе нет указаний на ценз оседлости для таких представителей. В результате нынешний состав Совета Федерации России весьма далек от того, что в современном конституционализме понимается под представительством в верхней палате парламента. На практике значительная часть российских сенаторов – это откровенные представители частных интересов, а не интересов субъектов Федерации, причем зачастую в унизительном качестве «шестерок» – мальчиков на посылках у губернаторов. В политическом плане принятый вариант привел к понижению статуса представителей субъектов Федерации.

[161] Федеральный закон об основных гарантиях избирательных прав в редакции от 12 июня 2002 г. расширил правило о замещении половины мандатов по пропорциональной системе на легислатуры субъектов Федерации.

[162] Казахстанская правда, 1995, 30 сентября.

[163] *Куртов А.А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. М., 2001.

[164] Казахстанская правда, 1998, 29 сентября.

[165] *Исаков Т.А.* Финансирование политических партий в Республике Казахстан // Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной академии наук Республики Казахстан, 1999, № 4. С. 72.

[166] Другие члены правительства назначаются президентом без участия парламента. По Конституции 1993 г. глава государства должен был испрашивать согласия Верховного Совета еще и на назначение ряда ключевых министров: иностранных дел, обороны, финансов, внутренних дел, председателя КНБ, а также глав дипломатических ведомств.

[167] Конституция Казахстана имела в этом отношении очевидный изъян, так как норма пункта 1 статьи 62 говорила, что в форме законодательных актов парламент мог принимать не только законы, но и постановления, что никак не соответствовало пониманию правовой системы в конституционализме.

[168] *Туякбай Ж.* Правовое развитие Казахстана за 10 лет государственной независимости // Правовое развитие Казахстана за 10 лет государственной независимости. Астана, 2002. С. 9—10.

[169] Становление правового государства и конституционного процесса в Республике Казахстан. Алматы, 2001. С. 36—37.

[170] *Сафинов К.Б.* Правительство Республики Казахстан на переходном этапе. Алматы, 2002. С. 13.

[171] При этом Постановлением Конституционного совета Республики Казахстан от 13 мая 2003 г. было установлено, что «под «непринятием внесенного Правительством проекта закона», предусмотренным пунктом 7 статьи 61 Конституции Республики Казахстан, следует понимать возникновение на любой стадии законодательного процесса таких обстоятельств, которые впоследствии повлекут невозможность принятия законов с соблюдением всех процедур, предусмотренных Конституцией и законами Республики Казахстан, регламентами Парламента и его палат». То есть под этот круг обстоятельств реально подпадают даже ситуации, когда происходит отзыв проекта закона самим правительством, если оно не согласно с поправками, внесенными в него депутатами.

[172] Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан, 1995, № 24. Ст. 173.

[173] Например, в соответствии с Конституцией Казахстана решения Конституционного совета включаются в состав действующего права республики.

[174] См. об этом: *Куртов А.А.* Конституционное правосудие в Республике Казахстан и институт выборов // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение, 2003, № 2.

[175] *Котов А.К.* Интерпретация Конституции и формирование прецедентного конституционного права // Проблемы развития конституционализма в Казахстане. Алматы, 2002. С. 36.

[176] *Хитрин Ю.А.* Конституционная законность в независимом Казахстане // Правовое развитие Казахстана за 10 лет государственной независимости. Астана, 2002. С. 25.

[177] Назарбаев сформулировал семь основных элементов политической реформы. Он предложил: упростить законодательство о выборах, чтобы облегчить гражданам возможность принимать участие в политической борьбе; усилить роль партий в политической системе Казахстана; изменить конституционный порядок преемственности исполнения властных полномочий главы государства; усилить роль парламента; укрепить роль неправительственных организаций в строительстве гражданского общества; обеспечить высокопрофессиональный уровень работы и автономность судебной системы; поднять роль СМИ; улучшить отношение общества к женщине. См.: Казахстанская правда, 1998, 1 октября.

[178] Строго говоря, были нарушены и нормы самой Конституции 1995 г., предусматривавшей при этом проведение определенных процедур.

[179] Казахстанская правда, 1998, 8 октября.

[180] Там же.

[181] Сам Назарбаев вначале предлагал депутатам еще узаконить более высокий заградительный барьер — в 10 %, парламентарии предлагали 5 %. — Казахстанская правда, 1998, 8 октября.

[182] Казахстанская правда, 1995, 22 декабря.

[183] Помимо председателя Высшего судебного совета в этот орган входили: председатель Конституционного совета (лицо, назначаемое на эту должность президентом в соответствии с п. 2 ст. 71 Конституции Республики Казахстан и п. 1 ст.3 указа «О Конституционном Совете Республики Казахстан», подпунктом 1 ст. 11 указа «О Президенте Республики Казахстан»), председатель Верховного суда (лицо, избираемое сенатом, но по представлению президента в соответствии с п.1 ст. 82 Конституции Республики Казахстан, подпунктом 1 ст. 12 указа «О Президенте Республики Казахстан»), Генеральный прокурор (лицо, назначаемое президентом с согласия сената в соответствии с п. 5 ст. 44 Конституции Республики Казахстан, подпунктом 1 ст. 13 указа «О Президенте Республики Казахстан», кроме этого, в Казахстане прокуратура подотчетна лишь президенту в соответствии с п.2 ст. 83 Конституции Республики Казахстан), министр юстиции (лицо, назначаемое президентом в соответствии с п. 3 ст. 44 Конституции Республики Казахстан, подпунктом 2 ст. 10 указа «О Президенте Республики Казахстан»), 2 депутата, делегированных сенатом, 6 судей, избранных пленумом Верховного суда, и 2 лица, назначаемые в этот орган президентом (п. 4 ст. 82 Конституции Республики Казахстан, подпункты 5, 6, 7 п. 3 ст. 50 указа «О судах и статусе судей в Республике Казахстан»).

[184] Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2000, № 10. Ст. 232.

[185] Казахстанская правда, 2002, 19 июля.

[186] Такой статус города республиканского подчинения после переноса столицы Казахстана в Астану стала иметь Алматы.

[187] См.: http://www.election.kz/legislation/proekt.asp

[188] *Новиков П.* СМИ РК: еще один откат в истории // Gazeta.kz. 2003, 26 ноября.

[189] *Нурмагамбетов А.М.* Незыблемость Конституции – путь к правовому государству // Проблемы развития конституционализма в Казахстане. Алматы, 2002. С. 45—50. См. также: Интервью заведующего отделом аппарата Конституционного Совета Республики Казахстан Н.И. Акуева // Вечерняя Астана, 2003, 30 августа; *Котов А.К.* Конституционализм в Казахстане: опыт становления и эффективность механизма власти. Алматы, 2000. С. 48.

[190] Панорама, 2003, 29 августа.

[191] *Абишев Т.* О роли института президентства в защите прав человека и гражданина в Республике Казахстан // Правовое развитие Казахстана за 10 лет государственной независимости. Астана, 2002. С. 190.

В последнее время, однако, все чаще казахстанские правоведы стали высказываться о возможности внесения отдельных изменений в Основной Закон и даже предлагают создать для этого Конституционную комиссию (разумеется, во главе с Назарбаевым). См.: *Туякбай Ж.* Правовое развитие Казахстана за 10 лет государственной независимости // Правовое развитие Казахстана за 10 лет государственной независимости. Астана, 2002. С. 11.

[192] Интерфакс-Казахстан, 2003, 27 августа.

[193] *Путин В.В.* Наш долг – бережно относиться к Конституции. Выступление на торжественном приеме, посвященном 10-летию принятия Конституции РФ // сайт: president.kremlin.ru

[194] Совсем недавно под давлением оппозиции президент снова выступил с заявлением о необходимости новых демократических реформ. В выступлении на VII внеочередном съезде ведущей пропрезидентской партии «Отан» Назарбаев предложил план политико-правовых преобразований, включавших позиции, которые отвергались им еще в начале того же 2004 г. Он заявил о необходимости расширения числа депутатов мажилиса, избираемых по партийным спискам, увеличения возможностей парламента влиять на формирование правительства, усиления контрольных полномочий парламента, необходимости введения выборности местных исполнительных органов власти. См.: Казахстанская правда, 2004, 16 июня. Это очень похоже на ситуацию 1998 г., и нет никаких сомнений, что это уступки в частностях, делающиеся для того, чтобы удержать главное – власть и возможность передать ее определенному президентом преемнику. Но это не означает, что уступки эти не имеют реального демократического значения.

[195] Казахстанские правоведы также обычно подчеркивают, что в республике идет процесс укоренения институтов конституционализма, но они при этом по понятным причинам не говорят о том, что этот процесс неотделим от борьбы с авторитарным характером власти. — См.: Становление правового государства и конституционный процесс в Республике Казахстан. Алматы, 2001; Утверждение Республики Казахстан правовым государством (некоторые актуальные вопросы). Алматы, 2004.

Бажытжамал Бектурганова, Дмитрий Фурман

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И РЕЛИГИЯ В КАЗАХСТАНЕ И РОССИИ

Цель данной статьи – показать общее и особенное в роли религии в массовом сознании современных Казахстана и России[1].

Постсоветское развитие наших стран определяется двумя основными группами факторов. Во-первых, это общие факторы, связанные с тождеством или почти тождеством стартовых условий (принадлежностью обеих стран к единому тоталитарному коммунистическому государству), декларированных целей постсоветского развития (демократия и рынок) и возникавших в ходе этого развития проблем. Во-вторых, это факторы, специфические для каждой из наших стран и способствовавшие модификации путей развития и различию его результатов. Среди них важнейшими, несомненно, являются факторы, связанные со спецификой культуры наших стран.

Воздействие этих двух групп факторов приводит к тому, что теперешние итоги нашего развития, какую бы сферу общественной жизни мы ни взяли, схожи, но не тождественны. (При этом, если оценивать итоги нашего развития, исходя из степени приближения к декларированным в 1991 г. целям – построения демократического и рыночного общества, в каких-то аспектах впереди окажется Россия, в каких-то – Казахстан.)

Такое сходство и различие есть и в эволюции отношения наших обществ к религии. Как мы увидим дальше, в массовом сознании наших обществ действуют общие закономерности. Но при этом роль религии в массовом сознании России и Казахстана схожа, но отнюдь не тождественна.

1

И в России, и в Казахстане падение советского строя и переход к общественному устройству, основанному на рыночной экономике и демократической (на деле квази-демократической) политической системе, сопровождались радикальным изменением отношения наших обществ к религии – «коллапсом» официального атеизма, бывшего интегральным элементом коммунистической идеологии, и резким возрастанием роли религии. К обращению к религии вели оба идеологических компонента революционных процессов конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века: и стремление вернуться к досоветскому прошлому, развитию, прерванному большевистской революцией, и стремление к воспроизведению цен-

ностей и институтов западного типа общества, в котором религия играет, естественно, не определяющую, но значительную и почетную роль. Кроме этой идеологической мотивации, к обращению к религии вели и психологические мотивы: в ставшем «зыбким», неустойчивом постсоветском мире, в котором исчезли старые социальные координаты и еще не сложились новые, религия выступает как символ стабильности, вечных ценностей.

Тяга к религии проявляется прежде всего в резком увеличении значения и распространенности религиозных самоидентификаций.

В России, по данным 2002 г., респонденты, отвечая на вопрос «Считаете ли вы себя православным, католиком... атеистом», в подавляющем большинстве (88%) идентифицировали себя с какой-либо конфессией. В Казахстане цифры несколько иные. В опросе 2003 г. при ответе на схожий вопрос («Соотносите ли вы себя с...») определенную конфессию выбрали 72,7%, в опросе 2004 г. – 79,1%.

Это первое и сходство, и отличие казахстанского и российского сознаний, которое мы можем констатировать. Сходство – в том, что в обеих странах большинство населения сейчас отождествляет себя с какой-либо религией. Отличие – в том, что в Казахстане это большинство несколько меньше.

При этом и в Казахстане, и в России большинство отождествляют себя с конфессией, традиционной для своего этноса, – конфессией предков. Обращение к религии в обеих странах – это, прежде всего, обращение к прошлому, к вековым традициям наших народов. Но и здесь есть заметные различия.

В России в 2002 г. среди русских по национальности как православные определили себя 86%, а как приверженцы каких-то иных, не традиционных для русских религий – только 1% (остальные – атеисты или не знающие, как ответить). В Казахстане по данным 2004 г. среди казахов мусульманами считали себя 79,2%, православными – 2%, католиками – 0,2%, протестантами – 0,5%, буддистами – 0,2% и иудаистами – 0,1%. Среди русских считали себя православными 70,6%, мусульманами – 7,1%, католиками – 1,6%, протестантами – 1,1% и буддистами – 0,2%.

Мы уже констатировали первое отличие Казахстана и России: распространенность конфессиональных самоидентификаций в Казахстане несколько меньше, чем в России. Теперь можем констатировать и второе отличие. Традиционно-национальный характер этих идентификаций в Казахстане также выражен меньше, чем в России. Связь религии и национальности в Казахстане менее жесткая. Большинство православных среди русских в России – более «подавляющее», чем и большинство мусульман среди казахов, и большинство православных среди русских в Казахстане. И наоборот, в Казахстане в обеих главных национальных общинах значительно больший удельный вес имеют иноконфессиональные меньшинства[2].

Сходство между казахстанскими и российскими данными вопросов не вызывает – общие для обеих стран процессы ведут и к общим следствиям. Но чем объяснить выявившиеся различия? Мы полагаем, что здесь действуют исторические и культурные факторы, различные для России и Казахстана.

Прежде всего, Казахстан – и в составе Российской империи, и особенно в СССР, и сейчас, в постсоветскую эпоху – неизмеримо более культурно и этнически плюралистическое общество, чем Россия. В результате и добровольных, и вынужденных миграций в Казахстан представителей самых разных (в диапазоне от немцев до корейцев и от ингушей до поляков) народов степень этнического плюрализма в Казахстане – одна из самых высоких в мире[3]. Только сейчас, после возвращения множества представителей других народов на свои исторические родины и приезда в Казахстан многих казахов из-за границы, удельный вес титульного этноса перевалил за 50%, а по данным переписи 1989 г. он составлял 38%.

Сам по себе этнический и религиозный плюрализм может вести к разным следствиям – как к взаимной аккультурации, взаимодействию и взаимопроникновению культур, так и, наоборот, к «замыканию в себе», изоляции этнических групп друг от друга. В Казахстане в целом взаимодействие культур преобладало над их самоизоляцией, что связано и с влиянием советской идеологии и образа жизни, и в еще большей степени с особенностями культуры основного, титульного казахского этноса, относительно слабо исламизированного и сохраняющего «архаическую» и характерную для многих кочевнических обществ терпимость и открытость (ту терпимость и открытость, которая поражает у монголов эпохи Чингиз-хана)[4].

У жителей Казахстана, таким образом, больше привычки к «чужим» и меньший психологический барьер по отношению к «чужому», чем у россиян. Тесное и, в основном, мирное общение казахов и русских в Казахстане ведет к тому, что какая-то часть и тех и других принимают религию своих родственников, соседей и друзей. 2% казахов-православных и 7,1 % русских-мусульман (опрос 2003 г. дает цифры 2,8 и 4,2%) – это, на наш взгляд, довольно большие цифры, говорящие о значительном культурно-религиозном «взаимопроникновении» двух основных этнических общин[5]. При этом в Казахстане – не только русские и казахи. Здесь живут представители самых разных культур и религий и Запада, и Востока[6]. И «взаимопроникновение» характерно не только для двух главных этнических общин. Здесь мы видим 0,2% казахов и 1,1% русских – католиков, 0,5% и 1,1% – протестантов, 0,2% и казахов, и русских – буддистов и даже 0,1% казахов – иудаистов.

Открытость к чужому, новому для своих этнических культур (ислам, православие, буддизм и иудаизм – древние религии, но вне этнических групп, в которых они – традиционные религии, они выступают как «новое») ведет и к общей открытости к новому. Это проявляется в обращении к нетрадиционным религиям, новым не только для данной этничес-

кой группы, но и для казахстанского общества в целом (разные протестантские, прежде всего пятидесятнические секты, иеговисты, различные неоиндуистские образования).

По данным опроса 2003 г. 2,9% казахов и 2,1% русских в Казахстане определили себя как приверженцев «нетрадиционных религий», – цифра значительно большая, чем в России, где только 1% всех русских – не православные. Казахстан – более плодородное поле для миссионерской активности, чем Россия.

2

Большая открытость и терпимость казахстанского сознания видна не только в относительно большей распространенности в Казахстане нетрадиционных для данных этнических групп религий. Она видна и непосредственно в ответах казахстанцев на различные, раскрывающие уровень терпимости вопросы (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Отношение к разным религиям в России и Казахстане (%)

Религии	Годы опроса	Очень хорошее	Хорошее	Плохое	Очень плохое
Православие	Россия (2002)	52	44	1	0
Казахстан, казахи (2004)	18,6		51,5	7,3	2,8
	Казахстан, русские (2004)	51,1	42,1	3,1	1,3
Ислам	Россия (2002)	10	51	20	7
	Казахстан, казахи (2004)	57,9	38,8	3	0,8
	Казахстан, русские (2004)	25,2	47,8	7,6	3
Католицизм	Россия (2002)	5	50	14	8
	Казахстан, казахи (2004)	11,3	45,2	14,4	3,7
	Казахстан, русские (2004)	18,6	43,5	9,4	4
Баптизм	Россия (2002)	2	25	30	19
	Казахстан, казахи (2004)	7,8	32,6	23,9	10,3
	Казахстан, русские (2004)	9,4	26,9	24,2	14,1
Иудаизм	Россия (2002)	3	27	21	15
	Казахстан, казахи (2004)	8,6	33,8	21,4	11,1
	Казахстан, русские (2004)	10,1	31,5	20,4	12,4

Мы видим, что и казахи, и русские в Казахстане систематически высказывают более благожелательное отношение к нетрадиционным для своей этнической общности религиям, чем россияне.

Еще более отчетливо это видно при ответах на вопросы, говорящие о поддержке религиозной свободы или, наоборот, привилегий для национальной религии (таблица 2).

Таблица 2

Отношение к равным правам религий (%)

	Полностью согласны	Согласны	Не согласны	Полностью не согласны
РПЦ должна иметь привилегии в России (Россия, 2002)	27	34	21	4
Все религии должны иметь равные права (Россия, 2002)	24	33	22	8
Все религии должны иметь равные права (Казахстан, 2004)	61,9	23,7	8,9	4,2
Традиционные для Казахстана религии должны иметь привилегии (Казахстан, 2004)	16,9	22,6	36	22,3
Ислам должен иметь привилегии (казахи, Казахстан, 2004)	19,6	21,4	37,8	20

Поддержка привилегий для национальной религии в Казахстане значительно меньше, а религиозного равноправия – значительно больше, чем в России.

Мы говорили об «архаических» корнях казахской религиозной терпимости, что это – не терпимость народа, уже миновавшего этап монопольного господства догматической религиозной системы, а скорее терпимость народа, задержавшегося в своем развитии на предшествовавшем, «додогматическом» этапе. Но эта «задержка» в современных условиях может быть преимуществом. Народу, еще не утратившему архаической терпимости, легче усвоить терпимость, требуемую современным обществом, терпимость нового типа. Поэтому, как это ни странно звучит, в этом аспекте казахское сознание – более «современное» и «европейское», чем российское.

3

С большей «открытостью» казахстанского религиозного сознания по сравнению с российским связаны и некоторые другие их различия.

В обоих обществах в конфессиональной самоидентификации религия выступает в первую очередь как этнический и культурный символ и идентификатор. И в России, и в Казахстане высказывания «я – православный» или «я – мусульманин» означают, прежде всего, культурную и национальную идентификацию и идеологическое признание ценности традиции и совершенно не обязательно – религиозную веру. И в Казахстане, и в России лиц, идентифицирующих себя как принадлежащих к определенной религии, больше, чем лиц, идентифицирующих себя как верующих или отвечающих «да» на вопрос «Верите ли вы в Бога?». Однако верующих в Казахстане и среди русских, и среди казахов больше, чем в России (таблица 3).

Таблица 3

Самоидентификация по отношению к религии %

	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие и атеисты
Россия (2002)	44	29	25
Казахстан (2004), всего	51,3	26,2	21,4
Казахстан (2004), казахи	57,8	21,5	19,2
Казахстан (2004), русские	45,8	32,4	20,9

На вопрос «Верите ли вы в Бога» ответили «Да»[7] в 2002 г. 59% россиян и в 2004 г. 67,5% казахстанцев (казахов – 71%, русских – 66,7%). Верят в бессмертие души 27% россиян и 32% казахстанцев (казахов – 29%, русских – 32%).Таким образом, мы видим несколько более высокий удельный вес верующих в Казахстане, чем в России.

Кроме того, мы видим и несколько меньший разрыв между конфессиональной идентификацией и верой. В России идентифицируют себя с какой-либо религией (в основном с православием) 88%, а объявляют себя верующими 44%, то есть ровно половина от их числа, в Казахстане первых – 79,1%, вторых – 51,3% (64,9% от числа идентифицирующих себя с религией).

Аналогичные различия между нашими странами – в посещении церквей и мечетей (таблица 4).

Мы говорили о менее жесткой связке религии и этноса в Казахстане и о большей открытости казахстанского религиозного сознания. Теперь мы видим, что при этом религиозность в казахстанском обществе – выше, причем посещаемость мечетей и церквей (то есть не чисто словесная и декларативная религиозность) значительно выше, чем в России. Есть ли какая-то связь между этими различиями, образуют ли они определенную систему?

Таблица 4

Посещение церквей и мечетей %

	Не реже раза в месяц	Реже чем раз в месяц	Никогда
Россия, 2002, церкви, мечети, синагоги	7	50	42
Казахстан, 2004, казахи – мечети	18,7	51,6	25,1
Казахстан, 2004, русские – церкви	12,2	53,3	26,4

На наш взгляд – да. В более плюралистическом казахстанском обществе в религиозной идентификации и в религиозности больше присутствует элемент индивидуального выбора. Но естественно, что чем больше этот элемент выбора, чем осознаннее обращение к религии, тем «серьезнее» и отношение к ней. Русский, отождествляющий себя с православием просто потому, что он знает, что русские – православные, может вообще не верить в Бога. Такое самоотождествление может практически ничего, кроме конформизма к господствующей идеологической ориентации, не значить. Но русский, решивший принять, например, ислам, скорее всего, не может относиться к своей новой религии «не серьезно» (вспомним известный фильм «Мусульманин», в котором основанная на сознательном выборе и сильная религия русского парня, принявшего ислам, противопоставляется традиционалистски-конформистскому православию его окружения). То же самое относится, разумеется, и к казахам, принимающим православие или какую-то другую не мусульманскую веру. Неофит обычно – лучший верующий, чем верующий по традиции. А неофитов всякого рода, как мы видели, в Казахстане больше, чем в России.

Но дело, очевидно, не просто в числе неофитов. В ситуации, когда религиозный выбор возможен, когда он не является чем-то совершенно исключительным, принадлежность к традиционной этнической вере также приобретает черты выбора. Если кто-то может решить уйти, то тот, кто остается, тоже как бы делает выбор – остаться. Наличие нетрадиционной религиозности повышает «качество» традиционной.

Сравнение находящихся на одном уровне культурного и социального развития стран, например, США и Франции или Британии, показывает, что в стране громадного религиозного плюрализма, США, уровень религиозности значительно выше, чем в странах с господством одной традиционной конфессии.

Отличия Казахстана и России, на наш взгляд, в какой-то мере сходны с отличиями США и европейских моноконфессиональных стран.

4

Некоторые сходства и различия можно заметить и в социальных параметрах российской и казахстанской религиозности (таблица 5).

Таблица 5

Социальные параметры религиозности %

		Верующие	Все опрошенные
Женщины	Россия, 2002	70	56
	Казахстан, 2004	59,6	54,2
60 лет и старше	Россия, 2002	29	24
	Казахстан, 2004	14,9	13
Образование[8] – высшее	Россия, 2002	15	17
	Казахстан, 2004	34,4	36
Образование – меньше чем средняя школа	Россия, 2002	16	11
	Казахстан, 2004	3,5	4,5
Пенсионеры	Россия, 2002	33	26
	Казахстан, 2004	13,8	11,7

И в России, и в Казахстане социально-демографические характеристики верующих по сравнению со средними по выборкам несколько сдвинуты в направлении социальной маргинальности. В обеих странах пожилая женщина пенсионерка с начальным образованием имеет значительно больше шансов оказаться верующей, чем молодой или средних лет работающий мужчина с высшим образованием.

Но опять-таки наряду со сходством мы видим и различия. Сдвиг социально-демографических характеристик верующих в сторону социальной маргинальности по всем параметрам в России несколько больше. Не только удельный вес верующих в населении в Казахстане больше, но сравнительно с российской казахстанская группа верующих несколько менее «женская»[9], «старая» и «необразованная». На наш взгляд, эти различия согласуются с различиями, рассмотренными выше, и также являются частью структурных различий казахстанского и российского сознания.

Мы уже видели, что в российской религиозности больше, чем в казахстанской, отождествления с традицией и меньше религиозных поисков, устремления к новому. Но если чисто идеологическое отождествление с традицией, идеологическое признание ее важности может быть всеобщим, то традиционалистская вера – удел социальных групп со специфически традиционалистским сознанием. Сдвиг в сторону социальной маргинальности – это и есть сдвиг в сторону традиционализма. Различия сознания старой необразованной женщины и молодого образованного мужчины – это прежде всего различия в степени традиционализма и, наоборот, открытости сознания.

Идеологическое отождествление российских русских с православием – всеобщее, значительно большее, чем в Казахстане отождествление казахов с исламом и русских с православием. Но это отождествление не переходит в веру. Вера в России, особенно на уровне не словесном, на уровне поведения, больше, чем в Казахстане, – удел социально-маргинальных групп населения.

5

Религия – важный элемент общественной структуры. В ней отражаются черты, характерные для данного общества, и она сама влияет на общество. Для переходных обществ, какими являются Казахстан и Россия, религия может служить как фактором ускоряющим, облегчающим развитие, переход к рынку и демократии, так и фактором тормозящим.

От чего же зависит разная роль религии? На наш взгляд, прежде всего от того, насколько религия препятствует или, наоборот, способствует становлению психологической базы современного общества – «открытого», не догматического сознания. Оценивая роль религии, мы можем применить модель рынка. Рынок – это прежде всего возможность свободного выбора потребителями благ, предлагаемых им их конкурирующими между собой производителями. В этом отношении рынок – более широкое явление, чем рынок покупаемых за деньги товаров и услуг. Демократия, например, это – аспект свободного, открытого общества, подчиненный той же логике, что и рынок товаров. Политики тоже предлагают свои услуги избирателю – «покупателю», только характер этих услуг специфический и соответственно механизм их приобретения – тоже специфический (голосование). Между различными сферами жизни общества должна быть согласованность, функциональная связь. Монополизация сферы «политических услуг» (авторитаризм и тоталитаризм) обязательно будет мешать свободному рынку и в чисто экономической сфере, способствовать монополизации экономики, а политическая демократия не может не вести и к экономической демократии (рынку в узком смысле слова). И наоборот, монополизированная экономика будет требовать ограничения политической демократии, а устанавливающаяся в экономической сфере свободная конкуренция в конце концов потребует и свободной конкуренции, демонополизации в сфере политики.

Какое отношение эти рассуждения имеют к предмету данной статьи – к религиозной сфере? Самое непосредственное. Религиозная и, шире, идейная сфера в целом, как и любая другая, может быть монополизирована и демонополизирована, причем стремление религиозных профессионалов разных конфессий монополизировать эту сферу – также естественно, как стремление компаний монополизировать рынки предлагаемых ими товаров и услуг, а политических партий – политическую сферу[10]. И ясно, что хотя полной согласованности монополизации или демонополизации религиозной и других сфер может и не быть, тен-

денция к такой согласованности – естественна и неизбежна. Как не может быть устойчивого сочетания свободного рынка и политического монополизма, так не может быть и устойчивого сочетания свободного рынка и религиозного, духовного монополизма. Такие же соотношения существуют и между религиозной и политической сферой. Совершенно не случайно, что страна с самой развитой и устойчивой демократией США – это и страна с самой свободной, изначально демонополизированной религиозной сферой.

Религиозная сфера в России значительно более монополизирована, чем в Казахстане. Это сложилось исторически, и победа коммунистической идеологии означала не только смену одной духовной монополии (православно-самодержавной) другой (коммунистической), но и закрепление религиозной монополии в том узком сегменте общества, который коммунистическая власть «оставила» религии. Традиционная вера допускалась, но нетрадиционная, новая – не допускалась.

Падение коммунистической системы означало не только падение духовной монополии коммунистической идеологии, но и освобождение, «открытие» религиозной сферы. В Россию приезжают иностранные миссионеры, и по телевидению можно видеть их проповеди и благожелательные передачи о религиозных меньшинствах. Однако этот уровень свободы не соответствовал народным «привычкам», и очень скоро обозначилась тенденция к возвращению к традиционным для России формам общественной жизни. Православие начинает играть роль «эрзаца» государственной идеологии, и степень религиозной свободы резко сокращается.

В Казахстане такая тенденция тоже есть, но значительно слабее. Как в казахстанском сознании нет той жесткой связки этнического и конфессионального, какая есть в России, так и казахстанский правитель Н. Назарбаев значительно менее отождествляет себя с исламом, чем В. Путин – с православием. Его отношение к религии значительно непосредственнее, свободнее и более личное. Вот его ответ на вопрос журналиста, верующий ли он: «Я не перечеркиваю своего коммунистического прошлого, поэтому мне трудно ответить на этот вопрос... На Пасху я посещаю православную церковь, на Рамазан – мусульманскую мечеть... Придерживаюсь мысли, что Бог – один, а идут люди к нему разными путями»[11]. В одном интервью 1999 г. он сказал, что мечтает о едином храме, в котором будут отдельные входы для представителей разных религий, но общий выход[12]. Выступая недавно на открытии новой синагоги в Павлодаре, Н.Назарбаев сказал: «Я уверен, что в мире не будет никаких столкновений цивилизаций, если все люди научатся жить по принципу: Бог один, и все мы к нему придем»[13].

Более того, жена президента Казахстана испытывает большой личный интерес к некоторым нетрадиционным религиозным учениям – учению Порфирия Иванова и Саи Бабы Аватары, причем не только совершенно не скрывает этот интерес, но даже активно способствует их

распространению[14]. В России подобное абсолютно невозможно. Если бы у жены российского президента и возникло такое увлечение, оно или было бы пресечено, или тщательно скрывалось бы (как, возможно, скрываются астрологические интересы российских президентов, слухи о которых, однако, проникали в печать).

Правители – люди своего времени и своих обществ, и их психология и идеология не могут слишком отличаться от массовых. Но, кроме того, они еще и стремятся усвоить для себя модель поведения, которая соответствует психологии общества, нравится людям или, во всяком случае, не вызывает отторжения (особенно в таких сферах, как религия, не затрагивающих непосредственно их материальных или властных интересов). Почти стопроцентному идеологическому отождествлению русских в России с православием соответствуют выполнение религиозных обрядов В. Путиным как важной государственной и национальной обрядности, государственного долга, и восприятие им внутрицерковных дел как государственных (активное участие в объединении РПЦ и зарубежной церкви). И наоборот, несколько более свободное, личное и, может быть, «агностическое» отношение Назарбаева к вере, постоянное подчеркивание им ценности многоконфессиональности и религиозной терпимости, организация им разного рода многочисленных межрелигиозных конференций и диалогов[15] и спокойное отношение к нетрадиционным религиозным увлечениям членов своей семьи – не только его «личное дело». Они соответствует иной общественной психологии, иному отношению к религии в обществе.

Но высокая степень монополизации религиозной сферы в России – фактор, влияющий и на монополизацию других сфер. Изначальный монополизм в религиозной сфере, присущая русскому сознанию высокая степень отождествления русского и православного были факторами, способствовавшими монополизации в сфере политической, тенденции к возвращению той же «симфонической» согласованности и монополизма в обеих сферах, которык были в царской России (самодержавие, православие, народность). Движение России ко все более «управляемой» демократии и движение ко все большей монополизации в сфере религии – разные стороны одного процесса[16]. И это движение вступает в противоречие и со стремлением к построению рыночного общества. Ограничения в деятельности иностранных миссионеров, ограничения в регистрации новых религиозных объединений и государственное покровительство национальной религии – это религиозный аналог протекционистским барьерам на пути товаров и капиталов и аналог покровительства привилегированным монополиям.

Движение к «управляемой демократии» в Казахстане также сопровождалось тенденцией к монополизации религиозной сферы, к созданию «протекционистских» барьеров на пути распространения новых религий (обязательная регистрация миссионеров в акиматах, меры, направленные

на подчинение мечетей Духовному управлению мусульман Казахстана, и др.)[17]. Но и объективно существующий в Казахстане религиозно-этнический плюрализм и большая «открытость» казахстанского религиозного сознания не дают этой тенденции зайти слишком далеко. «Протекционистские» барьеры в Казахстане слабее, чем в России (и тем более – чем в Узбекистане и Туркмении), и в последнее время они, пожалуй, уже не растут, а уменьшаются. А контроль ДУМК над мусульманской общиной значительно слабее контроля РПЦ над православными верующими.

Разумеется, склонность к монополизации религиозной сферы и степень этой монополизации – только один из факторов, влияющих на движение страны к демократии и рынку и, очевидно, не самый важный. Уровень демократичности в Казахстане и России сейчас примерно одинаков (хотя во второй половине 90-х гг. Россия была впереди Казахстана). Но в сфере экономической эксперты оценивают казахстанский рынок как более свободный, чем российский. Во всяком случае Казахстан с самого начала реформ был значительно более открыт иностранному капиталу. Но большая открытость Казахстана иностранному капиталу и его большая открытость иностранным миссионерам – явления не просто аналогичные, но и взаимосвязанные на глубоком психологическом уровне.

Религия – часть общества, и, как любая общественная сфера, она стремится к согласованности с другими сферами. Существующая в русском сознании тесная связь русского и православного и проистекающая от этого легкость монополизации религиозной сферы – фактор, способствующий авторитарным тенденциям и негативно влияющий на перспективы построения «открытого общества» в России. Соответственно большая открытость казахстанского религиозного сознания и проистекающая из нее демонополизированность религиозной сферы в Казахстане – фактор, препятствующий авторитаризму и способствующий демократизации. Это – преимущество Казахстана, часть того культурного капитала, который может быть положен в создание будущего открытого казахстанского общества.

Примечания

[1] Авторы опираются на данные социологических исследований, проведенных в России и Казахстане.

Российские данные получены в результате всероссийских опросов, проводившихся совместно Российской академией наук и Академией наук Финляндии в 1991, 1993, 1996, 1999 и 2002 гг. Опрос 2002 г. охватывал 1541 человек. Результаты данных опросов неоднократно публиковались в российской и зарубежной печати. На основе этих опросов вышла книга: Старые церкви, новые верующие (Религия в массовом сознании постсоветской России) / Под ред. К. Каариайнена и Д. Фурмана. М.: «Летний сад», 2000. Последняя публикация, основывающаяся на

данных 2002 г.: *Фурман Д., Каариайнен К.* Религиозная стабилизация (Отношение к религии в современной России) // Свободная мысль – XXI, № 7, 2003.

Сравнение данных о массовом сознании в России и Казахстане наталкивается на проблему сопоставимости. Несколько иные формулировки вопросов могут породить другие ответы. Мы постарались решить эту проблему, включив в опрос, проведенный Ассоциацией социологов и политологов (АСИП) Казахстана в июне 2004 г. в 17 городах Казахстана (опрошено 2037 человек), вопросы, которые задавались в упомянутых выше российских опросах. Кроме того, мы использовали данные всеказахстанского (включающего и жителей сельской местности) исследования «Жизнь регионов Казахстана в оценках и мнениях населения», проведенного АСИП в июне 2003 г. В ходе исследования было опрошено 2537 человек.

[2] О том, что это не случайные отличия данных опросов, а именно устойчивые отличия массового сознания наших стран, говорит сравнение данных казахстанских опросов 2003 и 2004 гг. При иной выборке и несколько иной формулировке вопросов цифры, полученные в этих опросах, несколько разные. Но эти цифры отличаются от российских в том же направлении.

По данным 2003 г. 63,2% казахов отождествляют себя с исламом и 6% – с другими религиями, в том числе 2,8% – с православием, 0,3% – с буддизмом, 2,9% – с одной из нетрадиционных религий. Среди казахстанских русских 60,2% считают себя православными и 7,1% идентифицируют себя с другими религиями, в том числе 4,2% – с исламом, 0,3% – с иудаизмом,0,3% – с буддизмом и 2,1% – с нетрадиционными религиями.

Мы видим и другие сходства данных 2003 и 2004 гг. Оба опроса показывают, что идентификация русских с православием в Казахстане ниже, чем идентификация казахов с исламом, и что меньшинство русских-мусульман – больше, чем меньшинство казахов-православных.

[3] Этнический плюрализм в Казахстане отличается от российского не только степенью, значительно меньшим удельным весом титульной нации, но и «качественно». Большинство нерусских народов в России живут на своих исторических землях, некогда покоренных русскими. В Казахстане все народы, кроме казахов, – мигранты.

[4] Эта терпимость, разумеется, по своим глубинным основаниям отлична от европейской терпимости нового времени. Это – не терпимость, возникающая при эрозии и отступлении догматических религиозных систем, а терпимость, предшествующая их распространению и победе. Это – сходство этапов развития на разных витках исторической «спирали», и было бы нелепо видеть в Чингизхане или традиционном казахе аналог европейского агностика нового времени. Но так же неверно было бы и отрицать это сходство.

В этом отношении Казахстан и Кыргызстан заметно отличаются от других, значительно более исламизированных центрально-азиатских республик.

[5] То, что русских-мусульман, по данным обоих казахстанских опросов, больше, чем казахов-православных, естественно, ибо казахи – доминирующий этнос, и у части русских, решивших связать свою судьбу с Казахстаном, стремление к аккультурации, полному вхождению в казахстанское общество может принимать форму тяготения к исламу. Но есть и обратный процесс, хотя и в меньших размерах.

[6] См. описание существующих в Казахстане религий в книге: *Иванов В.А., Трофимов Я.Ф.* Религии в Казахстане. Алматы, 2003.

[7] Ответ «да» на вопрос «Верите ли вы в Бога?» имеет несколько иное психологическое значение, чем определение себя как верующего. Положительный ответ на этот вопрос всегда дают чаще, чем идентифицируют себя как верующих.

[8] Значительно большая средняя образованность казахстанских респондентов, очевидно, связана с тем, что в Казахстане опрос проводился только в крупных городах.

[9] Опрос, предпринятый Институтом развития Казахстана в 1996 г., показал, что женщин в группе верующих было 61,5%, что близко к приведенной выше цифре, и также меньше удельного веса женщин среди российских верующих. – См.: Во что мы веруем // Казахстанская Правда, 15.01.1997. С. 3.

[10] О применении экономических моделей рынка к религиозной сфере см. работы Л. Ианнакконе (L. Iannaccone) – http://gunston.doit.gmu.edu/liannacc/Downloads/ iannaccone.html.

[11] Казахстанская Правда. 24.10. 1995. С. 2. В этом же интервью Назарбаев рассказывает, что бабушка учила его, когда он попадает в трудные ситуации, помолиться – не Аллаху, а духу его предка в восьмом колене Карасай батыра, что он и делает и это ему даже помогает.

[12] Казахстанская Правда, 10.09.1999. С. 4.

[13] *Чарный С.* Нурсултан Назарбаев открыл самую большую синагогу Центральной Азии // НГ религии, 15.09.2004. С. 2.

[14] См.: Мы счастливы, когда свободны. (Интервью С.А.Назарбаевой) // Жума – Пятница. Газета для женщин, 30.12.1994. С. 2; Дышите спокойствием и любовью. (Интервью С.А.Назарбаевой) // Жума – Пятница. Газета для женщин, 20.10.1995. С. 2. В первом интервью С. Назарбаева говорит, что учение П. Иванова – «не религия, а Учение... Что же касается веры... ну кто из нас может похвалиться своей ортодоксальностью – мусульманской ли, христианской?». Во втором: «...Природа-мать и Бог у всех одни и те же». Под влиянием С.Назарбаевой оздоровительные процедуры-ритуалы, принятые у последователей П. Иванова, и его учение стали активно распространяться в казахстанской армии. См.: А он сам к нам на землю пришел. (Интервью В.Тулекеева) // Казахстанская Правда, 13.02. 1998. С. 14; см. также: *Трофимов Я.* Государство, общество и религия в современном Казахстане // Центральная Азия и Кавказ, 2001, № 2(14).

[15] В 2003 г. в Казахстане под руководством Назарбаева проходит Съезд мировых и традиционных религий. Особо большую роль играет руководимый Назарбаевым Казахстан в организации диалога между иудаизмом и православием.

[16] См.: *Фурман Д., Каариайнен К.* Религиозная стабилизация в России // Свободная мысль – XXI, 2003, № 7; *Фурман Д., Каариайнен К.* Я доверяю президенту... // Свободная мысль – XXI, 2003, № 5.

[17] При том эти меры были направлены не столько против иноконфессиональных миссионеров, сколько против иностранных мусульманских миссионеров, активных на более исламизированном казахстанском юге, часть которых могла распространять политически активистские формы ислама. См.: *Ли В.* Зачем к нам приходят миссионеры // Казахстанская Правда, 22.09.1998. С. 3.

Александра Докучаева

РУССКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАЗАХСТАНА

Казахстан — государство, в котором вопрос о судьбе русского и русскоязычного населения является одним из важнейших факторов внутренней и внешней политики. Особая роль русских объясняется не только их высоким удельным весом в населении, но и длительным русским присутствием в истории Казахстана. Огромная территория республики, особенности расселения русского населения, наличие регионов, где русские и по сей день составляют большинство, заставляют считаться с «русским фактором» и учитывать его в политической жизни.

1

Первые русские поселения в северо-западной части современного Казахстана возникли в конце XVI в. Это были небольшие города-крепости, создававшиеся вдоль крупных рек, служивших границами между владениями кочевых казахских племен и территорией Российской империи. К середине XVIII в. почти все нынешние областные центры северного Казахстана: Гурьев (ныне – Атырау), Уральск, Петропавловск, Павлодар, Семипалатинск, Усть-Каменогорск – входили в единую цепь пограничных укреплений от Каспийского моря до Китая.

Присоединение к России отдельных казахских племен началось с 1730-х гг. Тяготение казахов к мощному в военном и экономическом отношении северному соседу было связано тогда главным образом с опустошительными набегами со стороны Джунгарского ханства[1]. В 50-е и 60-е гг. XIX в. присоединение казахских земель к России в результате военных действий русской армии в Семиречье и в Средней Азии завершилось. В 1854 г. русские войска основывают форт Верный (ныне – г. Алма-Ата). В 1863–1864 гг. к России присоединены территории современных Джамбульской и Южно-Казахстанской областей.

С 70-х гг. XIX в. происходит массовое заселение новых территорий империи. По переписи 1897 г. русские составляли 10,9% населения на территории современного Казахстана (454 тыс. чел.), другие выходцы из России – около 4,4% (180 тыс. чел.). В постсоветской казахстанской историографии обычно подчеркивается, что российская крестьянская колонизация пагубно сказалась на кочевом укладе казахов, вела к массовым падежам скота в суровые зимы и зачастую обрекала кочевников на

голодную смерть. Но последствия русской колонизации были далеко не столь однозначны. Безусловный факт, что темпы роста коренного населения в Казахстане, как и вообще в русском Туркестане, с 70-х гг. XIX в. существенно возросли – при сохранении высокого уровня рождаемости вследствие прекращения войн, в том числе междоусобных, и некотором упорядочении образа жизни снизилась смертность. Сокращение численности казахов отмечалось только после подавления восстания 1916 г. и откочевки некоторых племен в Китай.

В советское время административная карта бывшей империи претерпела значительные изменения. Национальный вопрос решался путем создания формально самостоятельных государств с их последующим объединением в «добровольный» союз. Киргизская (Казахская) автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР была создана в 1920 г. на территории южносибирских губерний. Проблемы территориального размежевания российских губерний и Киргизской автономии решались вплоть до 1925 г.[2] . После проведения национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 г. к Казахстану отошли части Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей, закрепленные ранее за Туркестанской республикой. С 1936 г. Казахстан стал союзной республикой.

В начале 30-х гг. были проведены коллективизация и перевод кочевников на оседлость. В результате обобществления скота у кочевников-казахов за считанные годы поголовье сократилось почти в 15 раз. Кочевое население охватил страшный голод, сопровождавшийся эпидемиями. Если по данным переписи 1926 г. в Казахстане было 3 627 000 казахов, то по переписи 1939 г. – 2 317 000[3]. Общая численность казахов в Казахстане 1926 г. была восстановлена только в 60-е гг.

В соответствии с доктриной об ускоренной индустриализации региона в Казахстан направлялись многочисленные российские специалисты и рабочие, а в пустынных районах образовались поселения ссыльных: раскулаченных крестьян, а затем и представителей «неблагонадежных» народов – корейцев, немцев, турок, калмыков, крымских татар и народов Северного Кавказа. В результате этих событий и возросшего потока мигрантов из России казахи стали заметно уступать по численности славянской общине. По данным переписи 1939 г. казахи составляли 36,4% населения Казахстана, русские – 36,4%, украинцы – 10, 6%.

За годы Великой Отечественной войны в Казахстан было эвакуировано еще свыше 1 млн. человек. В последующие годы мощные миграционные потоки из России были обусловлены кампанией по освоению целины. Самой низкой доля казахов в составе населения была по переписи 1959 г. – 30%[4]. Но дальнейшее прекращение массовых переселений и демографический взрыв у казахов позволили им к концу 60-х гг. восстановить свою прежнюю численность, а к 1989 г. стать наиболее многочисленной группой в составе населения Казахстана.

В 1989 г., накануне распада СССР, они составляли 37,8% от всего населения Казахстана (37.8%). Кроме казахов и русских, в Казахстане проживали представители еще 100 этнических групп. Среди них наиболее крупные: немцы (954,68 тыс.чел. – 5,8%), украинцы (888,84 тыс.чел. – 5,4%), узбеки (329,2 тыс. – 2,0%), татары (329,2 тыс. – 2,0%), белорусы (181,06 тыс. – 1,1%).

Казахстан – страна с достаточно четким разделением отдельных территорий по этническому составу населения и хозяйственной специализации. Казахи составляли большинство населения в 7 областях из 19 – это западные и южные регионы. Еще в 5 областях казахи - численно преобладающая группа, их доля несколько менее половины населения. В 7 северных и северо-восточных областях (Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Кокчетавская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Акмолинская) значительное большинство составляли славянские народы (от 54 до 69%, доля казахов там по переписи 1989 г. – от 17 до 30%); кроме того, русское население компактно проживает по реке Урал и в крупных городах.

Социальный состав русского и казахского населения заметно различался. Среди всего занятого населения в 1989 г. доля казахов – 35,6, а русских – 40,1%, в промышленности соответственно – 22,4 и 52,6%, в сельском хозяйстве – 56,9 и 18,7%[5]. Доля русских, проживающих в городах и поселках городского типа, составляла 80%, а среди казахов было только 30% горожан.

На протяжении многих десятилетий в бывшем СССР русские обладали достаточно комфортным статусом доминирующего во всех основных общественных сферах народа. Русский язык и культура являлись основой всей общесоюзной культуры, которая мощно транслировалась из центра на периферию через систему образования, средства массовой информации, через партийные и государственные структуры, через обучение управленческой и интеллектуальной элиты и армейскую службу. Помимо сравнительно благоприятной для местного русского населения социально-политической и языковой ситуации, в Казахстане, как и в других республиках Средней Азии, существовали достаточно хорошие возможности для удовлетворения культурных потребностей русских. На родном для них языке можно было получить образование на всех ступенях обучениях, существовала и даже доминировала русскоязычная система средств массовой информации и культурно-массовых учреждений (кино, театры, библиотеки и т.п.). На русском же языке велось делопроизводство, функционировала система общественных служб. В этих условиях для русских, проживавших в бывших союзных республиках, не было значительных стимулов к изучению языков титульных национальностей и к более глубокой интеграции в нерусскую этнокультурную среду. Среди русских центрально-азиатского региона была очень низка доля владевших языком титульной национальности (свободно владеющих –

от 4,5% в Узбекистане до 0,9% – в Казахстане). Для сравнения: в Литве этот показатель для русских составлял 38% , в Армении – 34%.

В итоге, несмотря на то что более половины казахстанских русских – переселенцы не в первом поколении и несмотря на интенсивные межэтнические контакты и высокий уровень языковой русификации казахов, русское и титульное население сохраняли между собой значительную культурную дистанцию и в целом представляли достаточно изолированные друг от друга общины с собственными социальными нишами и кругом повседневного общения. Смешанные браки между русскими и представителями местного населения были и до сих пор остаются редким явлениям. Гораздо чаще встречаются браки между русскими и украинцами, немцами, татарами, корейцами.

Но из всего русского населения Казахстана выделяются старожилы – потомки дореволюционных и довоенных переселенцев. Их отличают лучшее знание казахского языка, более тесные отношения с коренным населением, знание многих черт традиционной казахской культуры. Среди старожилов многие по-прежнему живут в сельской местности (всего среди русских около 10% сельских жителей). Своей «малой родиной» старожилы считают тот регион Казахстана, где родились они и их предки. Они, как и остальные люди европейских национальностей, чувствуют дискомфорт из-за роста национализма среди казахов (в том числе среди официальных лиц), отрицательно воспринимают изменения в законодательстве, сопровождающие суверенизацию, проявляют обеспокоенность по поводу ухудшения социальных перспектив для себя и детей. Но в то же время статистика фиксирует большее количество смешанных казахско-русских браков у русского старожильного населения, чем у более поздних переселенцев (и в целом в Казахстане смешанные русско-казахские браки встречаются чаще, чем у русских и титульных народов других среднеазиатских республик). В народном сознании не исчезла память о русско-казахских побратимах – тамырах.

Некоторые нормы и ценности местного населения оказывали влияние на русских. Так, например, специалистами еще в 70-е гг. был отмечен более низкий уровень брачного возраста среди среднеазиатских русских по сравнению с другими регионами, особенно с Прибалтикой. В этом, несомненно, сказывалось влияние модели брачного поведения, которая была характерна для местных национальностей[6]. Позже, когда после распада Советского Союза среднеазиатские русские стали возвращаться в Россию, стало очевидно, что русские из Азии имеют специфические психологические и культурные черты, отличные от старожильческого российского населения. У них более здоровый уклад жизни, большая толерантность, выработанная жизнью в многонациональной среде.

Долгие годы относительно высокая урбанизированность и лучшая профессиональная подготовка обеспечивали русскому населению в среднем более высокий уровень жизни. Социальные «ножницы» между

городом и селом, существовавшие в СССР, в Казахстане приобрели этническую окраску. Русские (и шире – «европейцы») в городах занимали более высокие социальные ниши, чем вытесняемая из переселенных сельских районов казахская молодежь. С другой стороны, казахи занимали большинство ключевых постов в системе политического управления – в центре и в местных административных органах, в сфере культуры, образования. «Европейцы» же составляли большинство в хозяйственном управлении. Так что общий паритет 50% казахов на 50% неказахов в руководящих партийно-советско-хозяйственных структурах был соблюден и принимался как должное. Но, в отличие от казахской номенклатуры, глубоко укорененной в жузово-родовой структуре, русские руководители в своем большинстве составляли атомизированное сообщество, за каждым членом которого ничего кроме приказов о назначении не стояло. Они представляли собой государственных чиновников, не имеющих никакой иной поддержки и не несущих ответственности ни перед кем иным, кроме государства. Это «свойство» позволяло многим русским продвигаться достаточно высоко по служебной лестнице, а в настоящее время русские чиновники и специалисты часто используются там, где их «независимость» обеспечивает полную подконтрольность президенту. Не случайно пост главы Национального банка занимает неказах и администрацию южной столицы – Алма-Аты более 10 лет возглавляет русский мэр.

Таким образом, еще в советское время этнический фактор в Казахстане имел многофакторный и часто конфликтогенный характер и «проблема русских» существовала, хотя и в скрытой форме.

2

Первым звонком о неблагополучии в межэтнических отношениях стали события декабря 1986 г. в Алма-Ате и других городах Казахстана, связанные с назначением на пост первого секретаря ЦК компартии Казахстана Г. Колбина, бывшего до того руководителем Ульяновской области. Демонстранции казахского национализма, о котором ранее русские в массе своей и не подозревали, вызвали шок, за которым последовало увеличение эмиграции русских из республики. Нарастание напряжения в обществе усилилось с принятием в сентябре 1989 г. Закона о языках, который разделил всех казахстанцев на «государственную» часть (казахов) и всех остальных – «иных», «пришлых», русскоязычных.

По заданию февральского пленума 1989 г. ЦК компартии Казахстана готовился свой закон о языке. Но, в отличие от других республик, в Казахстане предполагалось объявить государственными два языка – казахский и русский. К этому решению пришли, учитывая опыт Молдавии и демографические, географические, исторические особенности Казахстана. После Первого съезда народных депутатов СССР Г.Колбин остал-

ся в Москве, а место первого секретаря ЦК КПК занял Н. Назарбаев. После этого в недрах ЦК компартии Казахстана буквально за месяц был спешно разработан другой проект закона, который объявлял государственным языком один – казахский, а русский признавался в нем языком межнационального общения. Такая постановка языкового вопроса поляризовала общество. Во время недолгого обсуждения проекта обозначилось резкое противостояние казахов и «русскоязычных». Анализ почты того времени, поступившей в Верховный Совет и «Казахстанскую Правду», показал, что 98% обращений интернациональных и русских коллективов было за два государственных языка, но столько же – 98% писем от казахов – за один, казахский язык.

В Казахстане на то время проживало почти равное количество русских и казахов – примерно по 40%. Более 2/3 населения было русскоязычным. Сюда следует добавить еще по крайней мере 1/3 казахов, которые в повседневной жизни предпочитали пользоваться русским языком. Таким образом, исключение русского языка из числа государственных ущемляло почти 80% населения, и в целом в обществе на тот момент преобладало понимание преимущества двух государственных языков. С многочисленными наказами об этом собрались в Алма-Ате в средине сентября 1989 г. депутаты Верховного Совета. Их переубедил первый секретарь ЦК компартии Казахстана Н.А.Назарбаев обещанием, что в 1990 г. будет принят Закон о языках в СССР, в котором русский язык будет закреплен как государственный на всей территории Союза. Надо отдать должное Н.Назарбаеву как политику, который чутко улавливал настроения депутатов: чтобы снять напряжение в зале Верховного Совета и в обществе, он предложил отсрочить на 9 месяцев введение закона в действие. И ему поверили. При принятии Закона о языках только 25 из 500 депутатов Верховного Совета Каз.ССР проголосовали против предложенной редакции. Чутье не подвело будущего первого президента суверенного Казахстана. Избранная тактика позволила избежать как протестов казахских националистов, так и развития «приднестровского варианта» в северных областях республики.

Известно, что обещаниям Н. Назарбаева о государственном языке СССР не суждено было сбыться. В декабре 1991 г. первый и последний президент СССР сложил свои полномочия, а Верховные Советы союзных республик своими решениями закрепили итоги беловежских соглашений. И «братские» республики, превратившиеся в суверенные государства, чуть ли не главным щитом на защите своей государственности поставили государственность национальных языков. Казахстан не стал исключением.

В Казахстане, так же как и в других национальных республиках, произошли большие изменения в кадровой политике. Но и по этой линии Н. Назарбаев не дал повода для возникновения «бунта на корабле». Хотя общий рост государственного аппарата, связанный со строительством

суверенного государства, происходил, за редким исключением, за счет притока казахов, русская номенклатура в первые пять лет суверенитета практически не была затронута. Таким образом, хотя к 1994 г. казахи составили уже 75% управленческого аппарата против 50% в 1985 г.[7], но и старые «русские кадры» оставались на местах и верно служили новому казахскому государству, при этом с успехом решая для себя вопросы первоначального накопления капитала. Заводить «дела» на русских глав администраций, государственных чиновников различного ранга за нарушения финансовой и государственной дисциплины (и под предлогами таких «нарушений») начали позже, когда развернулись процессы передела собственности. Под угрозой оказаться на скамье подсудимых многие из них тогда бежали на «запасные аэродромы» в Россию.

Но проблемы чиновников коснулись нескольких тысяч человек. Основная же многомиллионная масса русских оказалась в условиях куда более прозаических и безысходных. Большинство русского и так называемого «русскоязычного» населения, к которому отнесены практически все неказахи, болезненно переживали крушение единой страны и резкое падение своего социального статуса. Вызывали тревогу вспышки межнациональных конфликтов в сопредельных республиках, активизация казахских националистических движений.

Кадровая политика[8], особенно «на местах»[9], не позволяла питать иллюзий о перспективах для русских и русскоязычных специалистов. Наличие некоторого числа русских высокопоставленных чиновников и работников администрации разных уровней не могло заметно влиять на ситуацию большинства.

Хотя экономическое положение большинства этнороссиян в суверенном Казахстане не отличается от положения других групп населения, их общее самочувствие осложнено ощущением бесперспективности жизни в государстве, которое объявило себя «государством самоопределившейся казахской нации», как гласила Конституция Казахстана, принятая в 1993 г. (Во второй Конституции 1995 г. под натиском «русской» критики заменили эту формулу на более «тонкую», по которой созидается «государственность на исконной казахской земле».)

Резко ухудшилось положение в образовании. В Министерстве образования Республики Казахстан уже в 1992 г. оставалось только 20% сотрудников неказахов. С начала 90-х гг. началась цепь перепрофилирования русских школ в казахские. Было сокращено количество часов на изучение русского языка и литературы в школах. Российская история стала небольшим разделом мировой истории. А в учебниках казахстанской истории Россия выглядела империалистическим монстром, который губил и целенаправленно истреблял свободолюбивый казахский народ. Директоров в русских школах заменяли на казахов, из вузов вытесняли русских профессоров и преподавателей. Например, на все вузы Алма-Аты к 1994 г. остался всего один неказах – завкафедрой по обществоведческим дисциплинам.

3

Русской номенклатуре, обладающей финансовым и организационным ресурсом, был оставлен шанс встроиться в новую «элиту», поэтому она «не понимала» тревог и возмущения, которые выражали возникшие русские и славянские общественные организации и движения. Русская общественность в Казахстане была и остается предоставленной сама себе. Поэтому развитие русского общественно-политического движения является неотъемлемой частью общего демократического процесса в Казахстане.

Русские организации, ставя специфически «русские» вопросы, среди которых центральным является вопрос о государственном статусе русского языка, тем не менее не замыкаются от других демократических течений, в том числе и казахских. Им присущ интернациональный характер.

Еще в 1990 г. для того, чтобы создать общественную поддержку идее национального казахского государства, было инициировано создание национального казахского движения «Азат», которое по сути оглашало вынашиваемые в недрах руководства республики планы. В 1990–1991 гг., пока существовал СССР, казахские руководители не смели открыто заявлять о суверенитете. Азия – не Прибалтика, и историческая и демографическая ситуации совсем иные. Идеи в массы запускали через разрешенные к тому времени демократические механизмы – через общественные объединения. «Азат» на некоторое время стал главным противником русского движения.

Имея по сути дела решающий вес в экономике Казахстана и численно преобладая в семи наиболее развитых в промышленном отношении областях, русское население потенциально являлось достаточно мощным противовесом казахским националистическим силам. Его политическая пассивность в большой степени восполнялась активностью казачьего движения. Идеи последнего хотя и рассматривались многими представителями русской диаспоры как амбициозные и провокационные, тем не менее не могли не вызывать сочувствия среди казахстанских русских, обеспечивая людям значительную психологическую устойчивость. По политическим воззрениям к казачеству отчасти примыкали различные организации с этнической окраской – славянские движения и культурные общества.

В 1990–1991 гг. были созданы казачьи организации в северных и западных областях Казахстана, на территории бывших Уральского и Сибирского казачьего войска. В 1992 г. началось движение семиреченских казаков.

Казачество быстро превращалось в масштабную политическую силу, чему способствовало движение по возрождению этого сословия по всему СНГ. В 1994 г. казачьи организации действовали во многих областях Казахстана, причем эти структуры были тесно связаны между собой и с подобными организациями России. Североказахстанские казаки из Петро-

павловска, Акмолинска, Павлодара, Щучинска на сходе вместе с сибирскими казаками в том же году создали Сибирское казачье войско, которое планировали сделать частью Сибирского военного округа. В Восточно-Казахстанской области действовала организация казаков Верхне-Иртышской линии. Когда казаки проводили акцию протеста в Усть-Каменогорске, связанную с похищением председателя Совета атаманов Линии, их поддержали южносибирские казаки России, некоторые их части в сопредельных районах были приведены в походное положение. На юге Казахстана (на базе Алма-Атинской и Талды-Курганской областей) оформился Союз казаков Семиречья, которые привлекли к себе внимание рядом выступлений и митингов в 1994–1995 гг.

Одним из первых в 1990 г. лозунг о пересмотре границ подняло уральское казачество. Далее встал вопрос о русской автономии на правобережье Иртыша. Мысль о необоснованности отсечения Северного Казахстана от России поднималась на страницах омской прессы в 1994 г. лидером «Русской общины» Северо-Казахстанской области Б. Супруном. Арест этого деятеля стал поводом для различных акций протеста по всему Казахстану активистов «Русской общины», движения «Лад», казачества и других организаций. На митинге семиреченских казаков в Алма-Ате осенью 1994 г. помимо других звучали требования о присоединении Казахстана к России «на основе свободного волеизъявления всех граждан республики», под лозунгом «Казачьи земли – казакам». Сепаратистские настроения витали в воздухе Усть-Каменогорска.

Казачество выступало как активная и радикальная сила, с которой взаимодействовали неказаческие русские и славянские организации. Так, достаточно осторожные «ладовцы», победившие, несмотря на инертность русскоязычного электората, на выборах в городское собрание Усть-Каменогорска в 1994 г., выступили за расширение региональной самостоятельности, самоуправление и создание свободной экономической зоны с Россией.

Первые русские культурные организации были созданы в 1989–1990 гг.: в Алма-Ате – Русский культурный центр, в Павлодаре – славянское общество «Славия», в Целинограде – областное Общество славянской культуры «Лад», в Усть-Каменогорске – Общество русской культуры, русские культурные центры еще в десятке городов Казахстана. Они не ставили политических задач и имели исключительно «культурологические» цели.

В августе 1990 г. возникло первое общественно-политическое русскоязычное объединение – Межнациональное движение «Единство». Его появлению способствовали, с одной стороны, страхи русскоязычной номенклатуры за свое положение, а с другой – попытки сделать государственно-управляемым общественное выражение интересов русской части населения, с которой тесно смыкались и другие неказахские группы граждан. Но социальная потребность в таком движении была столь вели-

ка, что «Единство» сразу же вырвалось из-под контроля и активно заявило о себе. Оно выступило за введение второго государственного языка, против национальной дискриминации в любых формах, заявило о намерении участвовать в выборах в органы власти всех уровней.

С обретением суверенитета русское движение в Казахстане стало заметно расширяться. «Единство» дало начало нескольким русскоязычным, а по существу русским и славянским организациям. В 1991 г. при непосредственном участии Русского культурного центра г. Алма-Аты была создана Русская община Казахстана, которую возглавил один из сопредседателей движения «Единство». Русская община, зарегистрированная в 1992 г., на первом этапе своего существования исключала какую бы то ни было политическую деятельность.

В ноябре 1991 г. провела свою учредительную конференцию политическая Партия демократического прогресса Казахстана (ПДПК), ядро оргкомитета которой составили два других сопредседателя "Единства". ПДПК выступала за два государственных языка, за тесные союзнические отношения с Россией. Она стремилась стать партией всего многонационального народа Казахстана, но фактически также приобрела характер русской организации. Отделения партии были созданы в 10 из 19 областей республики. После регистрации республиканского славянского движения «Лад», которое создавалось при активном участии лидеров «Единства» и ПДПК и включило в свою программу основные положения партии, деятельность ПДПК постепенно сошла на нет.

Движение «Лад» провело свою учредительную конференцию в сентябре 1992 г. «Лад» сразу же создавался как общественно-политическая организация на базе существовавших к тому времени областных славянских и русских общественных объединений, а также региональных ячеек движения «Единство» и ПДПК. Страх номенклатуры перед славянским политическим объединением был столь велик, что в день проведения в Павлодаре учредительной конференции движения «Лад» перед его участниками закрылись все здания областного центра. Конференция прошла буквально «на диком бреге Иртыша», за городом, куда выехали ее участники. Затем были 8 месяцев борьбы с придирками Министерства юстиции Республики Казахстан, который не хотел регистрировать движение. Только общественное и международное давление (в том числе со стороны Посольства России в Республике Казахстан) сдвинуло дело с мертвой точки. 23 мая 1993 г. «Лад» получил свидетельство о регистрации.

В период обсуждения проекта первой Конституции суверенного Казахстана, принятой в 1993 г., общество бурлило. На собраниях в трудовых коллективах, в общественных организациях принимались обращения о придании русскому языку статуса государственного наравне с казахским. Но такие предложения встретили со стороны властей резкое неприятие. Межнациональное движение «Единство» поплатилось за требование двух государственных языков своим существованием. Оно было

обвинено в разжигании межнациональной розни, и ему отказали в перерегистрации. Причина отказа связана с тем, что «Единство» сумело объединить 10 других общественных организаций, которые подписали общее заявление о необходимости придания русскому языку статуса государственного наряду с казахским. За это высказались немецкий, китайский, уйгурский, украинский, белорусский, русский культурные центры. «Единство» прошло все судебные ступени, отстаивая право на свое легальное существование. Но все государственные инстанции, вплоть до Верховного суда и Генеральной прокуратуры, остались тверды в том, что государственный статус для русского языка наряду с казахским, как гласило заключение суда, «утверждает исключительность русского народа и устанавливает приоритеты одной, русской нации над другими, что запрещено законами Казахстана».

Тем не менее движение «Лад» не снимало тезис о необходимости государственного двуязычия в Казахстане. В избирательной кампании в Верховный Совет и местные органы власти республики, прошедшей в начале 1994 г., «Лад» вышел с самостоятельной программой и выставил своих кандидатов. Среди них были люди разных национальностей, в том числе и казахи. Четверо из них, а также 11 кандидатов, поддержанных «Ладом», стали депутатами Верховного Совета Казахстана XIII созыва. Победу на выборах в маслихаты – местные собрания депутатов ладовцы одержали также в 14 городах и двух районах северных и центральных областей. На совещании в сентябре 1994 г. в Павлодаре между ними было заключено Соглашение о совместной деятельности в местных представительных органах власти Республики Казахстан. Главной целью своей деятельности депутаты назвали «восстановление единого жизненного пространства на всей территории бывшего СССР»[10]. Депутаты призывали к приведению Конституции РК в соответствие с нормами международного права, к немедленному принятию законов о местном самоуправлении и о референдуме, придании русскому языку статуса второго государственного.

Активно работала группа депутатов-«ладовцев» в Верховном Совете. Представляя русские интересы, они также отстаивали общедемократические цели, блокируясь с депутатами от других общественно-политических структур. «Ладовцы» стали инициаторами создания депутатской группы «Евразия», выступающей за создание Евразийского союза на постсоветском пространстве. Но попытка депутатов поставить в Верховном Совете в декабре 1994 г. вопрос о государственности русского языка, о признании этнического характера казахстанской государственности показала неослабевающую с 1989 г. межнациональную напряженность. Среди депутатов-неказахов за два государственных языка высказались 92%, но среди казахов – только 10%.

Значение русских, славянских и казачьих общественных объединений в политической жизни Казахстана росло, и к весне 1994 г. некоторые

комментаторы снова стали говорить о возможности появления «нового Приднестровья». И действительно, было несколько попыток казачьих радикалов перейти к силовым действиям. Летом 1995 г. бывший атаман Семиреченского казачьего войска Н. Гунькин пытался набрать добровольцев в России для поддержки планировавшегося выступления казаков. В 1996 г. лидеры Кокчетавского отдела Сибирского казачьего войска братья Юрий и Виктор Антошко пытались организовать восстание в Кокчетавской области. Но радикальные настроения не стали основой для формирования массовых движений казахстанских русских. Мощная эмиграция из Казахстана стала тем клапаном, который сбросил напряжение. А казахстанская власть, укрепляясь, приобретала все более авторитарный характер. Глушились любые несанкционированные проявления политической активности. Инициатива русских региональных депутатов, заявленная на павлодарском совещании, была задушена вскоре после ее объявления. Второго совещания местных депутатов уже не допустили. Верховному Совету XIII созыва не довелось проработать и года – он был распущен. «Ладовцы» были среди тех, кто голодал в знак протеста вместе с депутатами от умеренных демократов и казахских радикалов.

Верховный Совет распустили, зато создали Ассамблею народов Казахстана, собрав в ней по спискам, утвержденным в аппарате президента, руководителей национально-культурных центров. Русским в первом составе руководства Ассамблеи места вообще не нашлось. Но и без них приняли решение о продлении срока правления президента до 2000 г. и о проведении референдума для утверждения новой конституции. В новой редакции Основного закона учли критику русскоязычных. Русский язык из «средства межнационального общения» стал «официально употребляемым наравне с государственным» в государственных организациях и органах местного самоуправления. Но программа перевода делопроизводства на государственный казахский язык от этого не изменилась.

Русские понимают, что решение их вопросов возможно только в условиях подлинного народовластия. Поэтому они оказались в рядах оппозиции к власти, концентрирующейся вокруг одной фигуры – президента. На выборах 1995 г. в мажилис (нижнюю палату) парламента Казахстана «Лад» выступал вместе с партией «Народный конгресс Казахстана», возглавляемой О. Сулейменовым, и Федерацией профсоюзов республики Казахстан. На выборах 1999 г. Ассоциация русских, славянских и казачьих организаций АРСК, созданная годом раньше, шла в едином блоке оппозиционных организаций «Республика», объединившем коммунистов и партии национальных демократов – «Азамат» (Гражданин») и Республиканскую народную партию.

Предполагалось, что АРСК консолидирует русское движение. Но борьба личных амбиций лидеров движения и целенаправленная работа властей парализовали деятельность АРСК. Единственной крупной акци-

ей АРСК должна была стать серия митингов по всему Казахстану под лозунгом «Процветание Казахстана — в союзе Белоруссии и России», планировавшаяся на февраль 2000 г. Массовый митинг удалось провести лишь в Астане. Сразу же после митинга были организованы судебные преследования, осуществляемые «неизвестными» физические расправы над руководством «Лада».

В 2001 г. в недрах руководства АРСК родилась идея создания Русской партии. Инициаторам этой идеи власти дали надежду на реализацию, потребовав за это публичного обличения ими новой казахской оппозиции, возглавляемой Жакияновым и Аблязовым. Председатель оргкомитета Русской партии условие выполнил, но обещанной награды не получил. Регистрацию Русской партии в Минюсте «заморочили» бесконечными придирками.

В 2003 г. была предпринята попытка полностью поставить под президентский контроль все русские организации, преобразовав АРСК в подобие пропрезидентской партии «Отан», созданной опытным придворным политиком из рядов советской партноменклатуры, урожденным казахстанцем С. Терещенко. Терещенко уже находился на посту заместителя президента по Ассамблее народов Казахстана. Его и сделали новым председателем АРСК за три месяца до выборов. Это понадобилось для того, чтобы нейтрализовать русский актив и сорвать его блокирование с оппозиционерами из ДВК на предстоящих в сентябре 2004 г. парламентских выборах, что отчасти и удалось сделать. Только «Лад» – единственная организация республиканского уровня – отказался от участия в преобразованной АРСК. Он поддерживает на выборах ДВК, коммунистов, известных независимых кандидатов. Своих членов в кандидаты «Лад» не выдвигал, за неимением финансовых и организационных ресурсов.

Русские, которые составляют внушительную треть всего электората, являются объектом внимания всех политических сил в Казахстане. Функционеры русской национальности есть во всех организациях, кроме, может быть, самых радикальных казахских организаций. Но обостренная чувствительность к этническим проблемам, точнее – невозможность их решения в оковах моноэтнической авторитарной государственности, не позволяет открыто заявить об их наличии и предложить пути преодоления. В Казахстане, который гордится тем, что является общежитием для почти 100 этнических групп, не существует ясно артикулированной политики в области межнациональных отношений. Подобного раздела нет в программах ни одной пропрезидентской партии. Единственным исключением среди оппозиционных организаций является Демократический выбор Казахстана, который в своих программных документах признал наличие «русской» проблемы и осторожно, чтобы не вызвать раскола в собственных рядах, провозглашает необходимость ее решения в рамках конституции и на основе пропорционального кадрового представительства в органах власти.

За русский электорат идет борьба. Русскую молодежь «соблазняют», приглашая дорогостоящих звезд российской эстрады для агитационных концертов. Русских стариков «покупают» мелкими прибавками к пенсии и благотворительными подарками накануне выборов. Но апатия и пессимизм русского населения нарастают год от года. Опрос 2004 г.[11] показал, что 59 % русскоязычных казахстанцев убеждены, что нет способа эффективной защиты их прав. Только один из десяти надеется, что власти вспомнят свои предвыборные обещания. 56% русских не верят в возможность сплочения русской общины, надежду на это питают всего 16% оптимистов.

4

Политическая активность основной массы русского населения падала вместе с ростом миграционных установок. Оказавшись в ситуации второсортных граждан, русские предпочитают «голосовать ногами». Поток миграции за пределы суверенной республики год от года нарастал. В 1994 г. эмиграция достигла своего пика: за этот год Казахстан покинули 811 312 человек, в том числе 357 666 русских[12]. Уезжали из городов уже не семьями, а целыми подъездами. Летом 1994 г. движение «Лад» выступило с обращением «Братья славяне, не уезжайте!»[13]. Понимая причины исхода, «Лад» тем не менее призывал оставаться и бороться за достойную жизнь в Казахстане.

В то же время у тех, кто оставался в Казахстане, не иссякало желание сохранить связь с большой Родиной, с государством, в котором родились и выросли, в первую очередь с Россией, которая стала правопреемницей СССР. Стремление получить гарантию защиты своих прав, которую не давало казахское государство, вылилось в движение за заключение межгосударственных договоров о двойном гражданстве. В 1994 г. «Лад» инициирует сбор подписей за двойное гражданство для всех без исключения граждан Казахстана. (По действовавшей тогда Конституции двойное гражданство допускалось практически только для казахов.) Эту акцию поддержали все русские и казачьи организации. Решение вопроса о двойном гражданстве сняло бы «чемоданные настроения» у большинства людей. Под обращением к главам государств СНГ с призывом заключить договоры о двойном гражданстве в Казахстане было собрано более полумиллиона подписей. За двойное гражданство высказались представители всех этнических групп республики, в том числе и казахи, чьи подписи составили около 3%. Но казахстанское руководство не пошло на заключение необходимых соглашений, хотя российская сторона делала соответствующие предложения. В Казахстане опасались, что с разрешением двойного гражданства будет подорвана сама основа суверенной казахской государственности, поскольку (судя по настроениям) большая часть граждан Казахстана хотела и при возможности приняла бы второе, российское гражданство.

Чтобы снять напряжение, вылившееся в ожидание двойного гражданства, казахстанская сторона инициировала в январе 1995 г. заключение с Россией соглашения «Об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами РК, прибывающими для постоянного проживания в РФ, и гражданами РФ, прибывающими для постоянного проживания в РК». Казахстанский Верховный Совет ратифицировал его немедленно, зимой 1995 г. Соглашение во многом сыграло роль выталкивающего поршня для русских.

Какие же ветры гонят русских из Казахстана? Известный казахстанский политолог, доктор исторических наук Н. Масанов, отвечая в 1995 г. на данный вопрос, сказал: «Прежде всего это политические проблемы. Дело в том, что в системе межэтнических отношений Казахстан является государством этнического апартеида, где объявлена приоритетная этническая группа. Это заложено в Конституции Казахстана, в многочисленных конституционных актах. Это дискриминация в языковой сфере, возможности получить образование, сделать карьеру»[14]. Это было на пике, когда за 1994 г. сальдо миграции из Казахстана составило около полумиллиона человек.

Но изменилась ли ситуация за прошедшие годы? Увы! «Нынешняя государственная политика реально ориентирована на выдавливание неказахского населения из Казахстана – независимо от того, что провозглашается официально. Огромная миграция вызвана не погоней за сладкой жизнью, а бегством от жизни горькой. Давайте спросим себя: мы, казахи, самые решительные и достойные из нас, – мы остались бы в другой стране, если бы в ней по отношению к нам велась такая же политика, как в нынешнем Казахстане в отношении русских и других неказахов? Посмотрите в телефонный справочник администрации президента, правительства, правоохранительных ведомств, других властных органов. Подсчитайте процент неказахов в бизнес-элите. Оцените с их точки зрения наш закон о языке, их возможности обеспечить доступ своим детям к образованию... Могут сказать, что мы в вагоны никого насильно не сажаем. Но мы и не делаем практически ничего, чтобы эти люди остались. В результате уезжают наиболее способные и деятельные, активные и образованные». Это сказано в декабре 1998 г. экс-премьером Казахстана А. Кажегельдиным.

Кому и чем выгоден исход русских из Казахстана? Процитируем еще раз Н. Масанова, но уже 1999 г.: «Миграция русских из Казахстана стала поистине фундаментом зыбкой стабильности в этой стране. Правящий режим извлекает немалые дивиденды из эмиграции. В самом деле, ежегодно высвобождаются десятки тысяч рабочих мест, что позволяет снимать остроту экономического кризиса и безработицы; оставляются десятки тысяч квартир, суммарная жилая площадь которых многократно превосходит объемы жилищного строительства в лучшие советские годы. Вдобавок государство экономит миллионы на невыплатах

пенсий, пособий, причитающихся мигрантам, что снижает его бюджетные затраты».

Русские «в большом количестве» не нужны суверенному Казахстану. Так считают те, кто формирует и формулирует демографическую политику. И риторика национал-патриотов мало изменилась за прошедшие годы. В 1990 г. один из лидеров казахской партии «Азат» С.Акатаев «успокаивал» русских и иных неказахов, сообщая, что Казахстану нужны толковые работники: «Нужны те, кто стоит у мартенов и станков, кто пашет землю». Ведущий демограф Республики Казахстан, ученый со многими регалиями М.Б. Татимов в 1998 г. также проявлял заботу: «Русские могут и должны жить в Казахстане, но ... не оказывать при этом демографическое давление, вытеснять язык, подавлять культуру, как это было раньше. Речь веду об оптимальном варианте приблизительно в один миллион русской диаспоры».

Надо признать, что прогнозы главного демографа относительно численности русских близки к результатам прошедшей в 1999 г. переписи населения Казахстана. Он ожидал, что к 2000 г. в республике останется 4 300 000 русских. Так и получилась. Общее число русских в Казахстане с 1989 по 1999 г. уменьшилось с 6 227 549 человек до 4 479 618, а их удельный вес в населении – с 37,82 до 29,95 %. Удельный вес казахов, наоборот, возрос с 39,68 до 53,4%. Заветная цель «больше половины жителей Казахстана – казахи» была достигнута![15] Правда, одновременно общая численность населения Казахстана уменьшилась с 16 464 000 до 14 953 000, на 7,7%[16].

Уменьшение численности населения произошло за счет сокращения не только славянского населения, но и немцев, татар и представителей других национальностей[17]. При этом городское население уменьшалось более высокими темпами. Наибольшие сокращения дали области с преобладающим русским (и европейским в целом) населением – Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская.

Интенсивный исход русских из республики, кажется, уже начал беспокоить власть. Об этом свидетельствуют все чаще появляющиеся публикации в СМИ о «возвращенцах» – тех, кто попытал счастья в России, да нахлебавшись приехал назад. Действительно, русских в России никто с распростертыми объятиями не встречает. Переселенцы сталкиваются с массой проблем. Уже проведены серьезные исследования нелегких процессов адаптации русских, приехавших из «нового» зарубежья[18]. Опросы, проведенные в 1994 г. среди переселенцев из городов центральноазиатских республик, осевших в селах Орловской области, показали, что переселение принесло «только разочарование» для 32–45% опрошенных. И это объяснимо – Россия не оказывает существенной поддержки мигрантам. Многие, если не большинство, при переезде вынуждены идти на изменение социального статуса (городские жители – осваивают россий-

скую сельскую глубинку). У переселенцев заметно отличается трудовая этика (пьянствующее село – и привыкшие к систематическому труду переселенцы), возникают социокультурные проблемы, зависть, опасения «старожильческого» населения из-за дележа незначительных финансовых и материальных ресурсов «на местах».

Новые версии законов о гражданстве Российской Федерации и о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации, принятые в 2002 г., создают новые барьеры на пути русских из Казахстана в Россию. Только те, кто родился в России или имеет здесь близких родственников, могут сейчас воспользоваться облегченной процедурой, предусмотренной соглашением между Россией и Казахстаном об упрощенном предоставлении гражданства.

5

Но русские все равно уезжают из Казахстана или надеются на отъезд. Хотя пик эмиграции русских был пройден в 1994 г., миграционные настроения, как показывает сравнение результатов опросов 1994 и 2004 гг., несмотря на стабилизацию и даже явное улучшение экономической ситуации в республике, не ослабели, а возросли, что опровергает официальный тезис об исключительно экономических причинах исхода русских. Опрос казахстанцев нетитульной национальности в 1994 г.[19] показал, что были намерены жить в республике 40,1% респондентов, твердо решили уехать – 14%, а 33,5% хотели бы уехать, но не в состоянии. Таким образом, в 1994 г. 47,5% проявляли миграционные настроения. Опрос, проведенный через 10 лет, в 2004 г.[20], в условиях экономического бума в Казахстане, показал, что только 20% намерены оставаться в Казахстане, а 70% опрошенных хотели бы перебраться в Россию. В первую очередь уезжает молодежь. Люди в возрасте 20–29 лет составляют 41% эмигрантов, 19 лет – 22%, 30–39 лет – 19%[21].

Причины непрекращающегося исхода русских и представителей других нетитульных национальностей (украинцев, белорусов, татар, корейцев), как показали исследования 2001 и 2002 гг.[22], кроются в их неуверенности в своем будущем. Страх перед будущим у них преобладает над оптимизмом и спокойствием, характерным для более 90% казахов. Опрос 2004 г.[23] подтвердил, что русскоязычные казахстанцы дают самый высокий процент тех, кто фиксирует те или иные нарушения прав по этническому признаку. Они чаще даже, чем в Прибалтике, сталкиваются с нарушением прав при трудоустройстве и в быту. Они самым пессимистическим образом (по сравнению с другими постсоветскими государствами) оценивают межнациональные отношения и острее ощущают угрозы личной безопасности. Это, в свою очередь, приводит к углубляющейся межэтнической разобщенности казахстанского общества. Так, в 2004 г. 81% опрошенных казахстанцев не согласились бы на смешанный брак

детей или предпочли их брак с соплеменниками. (Для сравнения: такие ответы дали 18% – на Украине, 40% – в Прибалтике, 64% – в Киргизии, 69% – в Таджикистане.) Правда, пока 84% опрошенных русскоязычных казахстанцев считают, что ситуацию еще можно терпеть.

Примечания

[1] Казахские племена, пришедшие под покровительство России, получили не только мир, но и расширение земельных владений. Так, присягнувшим родам Восточного Казахстана в 1771 г. было разрешено перейти для кочевания на правый русский берег Иртыша. В 1801 г. хану Букею российская власть позволила переселиться с частью западных казахских племен на земли между Уралом и Волгой (по Уралу также уже расселилось уральское казачество).

[2] См.: Алтайская губерния – Казахстан. 1917–1925. История административно-территориального разграничения. (Сборник материалов и документов). Барнаул, 2001.

[3] История Казахстана. Народы и культуры. Алматы, 2001. С. 380.

[4] Указ. соч. С. 397.

[5] Занятость русскоязычного населения в отдельных отраслях народного хозяйства в бывших союзных республиках // Информационно-аналитический бюллетень Фонда Сороса «Открытое общество», № 2 (11), 2001.

[6] См.: *Тишков В.А.* Русские в Центральной Азии и Казахстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 51. М., 1993.

[7] См.: «Лад» в Казахстане. Сборник документов и материалов о деятельности Республиканского славянского движения «Лад» за 10 лет с 1992 по 2002 г. Ч. 1. Алматы, 2003. С. 258.

[8] 21 января 1992 г. Кабинет министров в своем постановлении «О ходе реализации Государственной программы...» осудил послабления, сделанные в постановлении от 27.09.90 г. и обязал «обеспечить во всех органах управления, учреждениях и на предприятиях республики функционирование казахского языка как государственного: пересмотреть мероприятия и сроки по введению делопроизводства на государственном языке, кадровому и материально-техническому обеспечению их с тем, чтобы завершить эту работу в 1995 году».

Во исполнение этого постановления министерства и ведомства приняли соответствующие меры. Например, в МВД РК на оперативном совещании 26.08.92 г. решили: «При выдвижении кадров и присвоении сотрудникам квалификационных званий учитывать отношение к изучению казахского языка». На местах это вылилось в приказы, такие, как, например, по Акмолинскому УВД за № 377 от 21.11.92: «Уровень профессиональной подготовки сотрудников и знание казахского языка учитывать при аттестировании: присвоении званий и перемещении в должности, а также при установлении должностных окладов». – Указ. соч. С. 257.

[9] Вот характерный пример из письма В.В. Галаевой, проживающей в поселке Родина Кустанайской области: «Меня всячески главный врач Амрин Азис Ка-

римович стал выживать. Прямо вызывает в кабинет и говорит: «Когда уедешь в Россию? Надо место освобождать казахам». Издал приказ без всякого закона, уволил всех русских. Я пыталась сходить в облздравотдел к заму – тоже казах, все бесполезно. Просто в глаза смеется, говорит, что надо ехать в Россию, там искать работу. Походила по больницам, нигде не берут. Все руководители казахи. Берут по блату и только казашек. ... Никаких прав нигде мы не имеем, и защиты нет. Это только по телевизору говорят, что в Казахстане спокойно...»

[10] Указ. соч. Ч. 2. С. 146.

[11] Аналитический центр Московского отделения государственно-общественного фонда по поддержке соотечественников за рубежом «Россияне» // Итоговый доклад по результатам мониторинга «Положение российских соотечественников в странах СНГ и Балтии». М., 2004 (в печати).

[12] См.: История Казахстана. Народы и культуры. Алматы, 2001. С. 411.

[13] *Белоусов Я.П.* О времени нашем и судьбах народа русского в Казахстане. Алма-Ата, 2003.

[14] Какие ветры гонят людей из Казахстана. Беседа с политологом Н. Масановым // Правда, 31.05.1995.

[15] Правда, некоторые казахстанские эксперты убеждены (и не без оснований), что многие цифры переписи искажены, что численность казахского этноса завышена и, как следствие, завышена и общая численность населения страны. Они считают, что статистика выполнила социальный заказ власти привести удельный вес коренной нации к определенным параметрам.

[16] *Алексеенко А.Н.* Первая перепись населения в суверенном Казахстане: некоторые итоги и оценки // Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству. Материалы конференции (8–9 сентября 2000 г., Санкт-Петербург) // «АдамантЪ», 2001. С. 82–97.

[17] На 1 января 2004 г. (по оценкам) на территории Казахстана проживало около 15 млн. человек: 8 550 000 казахов (57% от всего населения), 4 720 000 русских (31,5%), 469 000 украинцев (3,1%), 409 000 узбеков (2,7%), 237 000 немцев (1,6%), 232 000 татар (1,5%), 223 000 уйгур (1,5%), 96 000 белорусов (0,6%). – Аналитический центр Московского отделения государственно-общественного фонда по поддержке соотечественников за рубежом «Россияне» // Итоговый доклад по результатам мониторинга «Положение российских соотечественников в странах СНГ и Балтии». М., 2004 (в печати).

[18] *Космарская Н.П.* // В книге: В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии / Под ред. А.Р. Вяткина, Н.П. Космарской, С.А. Панарина. М.:Наталис, 1999.

[19] *Курганская В.Д., Дунаев В.Ю., Айтхожин К.К.* Мониторинг прав этнических меньшинств в Казахстане // Научно-исследовательский отчет. Алма-Ата: Центр гуманитарных исследований, 2003.

[20] Аналитический центр Московского отделения государственно-общественного фонда по поддержке соотечественников за рубежом «Россияне» // Итоговый доклад по результатам мониторинга «Положение российских соотечественников в странах СНГ и Балтии». М., 2004 (в печати).

[21] *Митина Д.А.* Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане (Этнический фактор в современном социально-политичес-

ком развитии Казахстана) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 94. М.: ИЭА РАН,1996.

[22] *Курганская В.Д., Дунаев В.Ю., Айтхожин К.К.* Мониторинг прав этнических меньшинств в Казахстане // Научно-исследовательский отчет. Алма-Ата: Центр гуманитарных исследований, 2003.

[23] Аналитический центр Московского отделения государственно-общественного фонда по поддержке соотечественников за рубежом «Россияне» //Итоговый доклад по результатам мониторинга «Положение российских соотечественников в странах СНГ и Балтии». М., 2004 (в печати).

Ока Нацуко

ГОСУДАРСТВО – ЭТНИЧЕСКОЕ МЕНЬШИНСТВО – ЭТНИЧЕСКАЯ РОДИНА ЭТОГО МЕНЬШИНСТВА (Русские, уйгуры и корейцы в постсоветском Казахстане)

На громадной территории Казахстана живут люди, принадлежащие к более чем сотне разных этнических групп (см. таблицу).

Этот многонациональный состав населения возник как в результате миграций – и добровольных (хотя чаще всего поощряемых государством), и принудительных (депортаций), так и в результате того, что часто менявшиеся границы Казахстана, которые приобрели значение государственных только после распада СССР, пересекают территории расселения этнических групп. При этом сами казахи, титульная нация Казахстана, также живут и за пределами территории своей республики[1].

Этнические группы, чьи территории разделены государственными границами, часто рассматриваются как источники потенциальных угроз безопасности государств, особенно если этническое меньшинство какой-то страны обращается за помощью к другой стране, в которой данный этнос является доминирующим[2]. Но на деле в треугольнике «меньшинство – государство, где оно живет, – этническая родина этого меньшинства» могут быть очень разные варианты отношений[3]. Наивно предполагать, что внешняя политика этнической родины всегда определяется эмоциональными связями с ее соотечественниками. Как пишут Ч. Кинг и Н. Мелвин, «несмотря на страстные призывы строителей национальных государств и тех, кто мечтает об их расширении, есть очень большие силы, удерживающие государство от того, чтобы ориентировать внешнюю политику на меньшинства своей титульной нации за границей»[4]. Даже самоопределению государства как «дома» для титульной этнической общности и соответствующей ориентации внешней политики совершенно не обязательно сопутствует территориальный экспансионизм. А причиной территориальных споров не обязательно является заселение представителями титульного этноса государства прилегающих к нему земель, принадлежащих другому государству. Например, Узбекистан, занимая очень жесткую позицию по отношению к соседям по во-

просам делимитации границы и пограничного контроля, стремится прежде всего к государственной безопасности, а не к защите узбекской диаспоры или к присоединению территорий, на которых живут узбеки[5].

В данной статье рассматриваются отношения между Казахстаном, живущими в нем меньшинствами и их «историческими родинами». В общих рамках этого «треугольника» я буду сравнивать три казахстанские этнические группы: русских – самое большое казахстанское меньшинство, уйгуров и корейцев.

В пределах бывшего СССР в Казахстане третье по численности русское население (после России и Украины), тоже третье по численности корейское (после Узбекистана и России) и самое большое – уйгурское[6]. (Национальный состав населения Республики Казахзстана см. в таблице.)

Таблица

Национальный состав населения Казахстана, 1979, 1989, 1999 гг.

	1979		1989		1999		1989, в %	1999, в %
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	к 1979	к 1989
Казахи	5293377	36,0	6496858	40,1	7985039	53,4	+22,7	+22,9
Русские	5991205	40,8	6062019	37,4	4479620	30,0	+1,2	-26,1
Украинцы	897964	6,1	875691	5,4	547054	3,7	-2,5	-37,5
Немцы	900207	6,1	946855	5,8	353441	2,4	+5,2	-62,7
Узбеки	263295	1,8	331042	2,0	370663	2,5	+25,7	+12,0
Татары	312626	2,1	320747	2,0	248954	1,7	+2,6	-22,4
Уйгуры	147943	1,0	181526	1,1	210365	1,4	+22,7	+15,9
Белорусы	181491	1,2	177938	1,1	111927	0,7	-2,0	-37,1
Корейцы	91984	0,6	100739	0,6	99665	0,7	+9,5	-1,1
Другие	608219	4,1	705739	4,4	546398	3,7	+16,0	-22,6
Всего	14688311	100,0	16199154	100,0	14953126	100,0	+10,3	-7,7

Источник: Статистическое агентство Республики Казахстан, 2000 г. Цифры результатов всесоюзной переписи, опубликованные в 1992 г. Госкомстатом Республики Казахстан, отличаются от цифр, приведенных данным источником. По данным, опубликованным в 1992 г., население Казахстан в 1989 г. составляло 16 464 464 человек, казахов – 39,7, русских – 37,8 %. Никакого объяснения этому различию не дано.

В отличие от русских, чья численность в Казахстане после переписи 1989 г. уменьшилась более чем на четверть, у уйгуров и корейцев не было сколь-либо значительной эмиграции. Эти три меньшинства отличаются друг от друга также тем, что у русских есть свое государство, граничащее с Казахстаном, у корейцев есть даже два государства, но с Казахстаном не граничащих, а у уйгуров вообще нет своего этнического государства,

их граничащая с Казахстаном историческая территория находится в составе другого государства – Китая.

В том, что Казахстан постепенно становится национальным казахским государством, сходятся разные исследователи казахстанской политики, как бы ни различались их оценки этого процесса[7]. Однако эта политика «национализации» не привела к протестной политической активизации меньшинств. Вряд ли можно указать на какую-то одну причину слабости этнической мобилизации меньшинств в Казахстане. Но несомненно, что один из факторов, обусловливающих эту слабость, – политика казахстанского государства. Как мы увидим из дальнейшего рассмотрения политики казахстанских властей в отношении отдельных меньшинств, они умело ставят этнические движения под свой контроль посредством сочетания принуждения и кооптации в общеказахстанскую элиту части этнических элит. Как пишет Б. О'Лири[8], контроль, сочетающий использование принуждения с кооптацией элиты меньшинств, – одна из возможных стратегий государства в отношении этнического многообразия. При этом власть не стремится уничтожить различия между этническими общинами и ассимилировать их в титульную нацию. Она стремится лишь подавить их активность до такой степени, чтобы гегемония титульной нации, *Staatsvolk*, оставалась неоспоримой. В Казахстане эта политика применяется по отношению ко всем меньшинствам, но разные меньшинства по-разному реагируют на нее и сами вырабатывают различные стратегии выживания.

Ниже мы увидим, как на эти стратегии меньшинств влияют их отношения с этнической родиной а также отношения между их этнической родиной и Казахстаном.

Русские: неохотная адаптация к казахстанскому государству или эмиграция на историческую родину

После того как Казахстан стал независимым государством, было очень много разговоров о возможности серьезного конфликта между казахами и русскими. Большинство писавших на эти темы утверждали, что казахстанские русские из-за своей многочисленности и своей концентрации в северных областях страны будут стремиться к автономии или даже к отделению. Некоторые авторы предполагали, что русские в конце концов будут стремиться к объединению областей с русским большинством с Российской Федерацией. Роберт Кайзер, например, писал, что Казахстан находится «на грани кризиса в отношениях между русскими и казахами, и этот кризис вполне может перерасти в конфликт между Казахстаном и Россией»[9]. Он полагал, что хотя темпы эмиграции русских в 90-е гг. возросли, «сформировавшееся на севере чувство, что русские здесь живут на своей земле, делает ирредентизм весьма вероятной альтернативой эмиграции». У русских, по его мнению, может возникнуть искушение пойти на сецессию, пока они еще являются большинством в

этих областях, и не дожидаясь того времени, когда демографическая ситуация изменится и референдум о независимости уже станет невозможен[10].

Этот прогноз, однако, не сбылся и, похоже, не сбудется. Конечно, русские выдвигали различные этнические требования. Так, в 1992 г., вскоре после провозглашения независимости Казахстана, в Усть-Каменогорске, столице Восточно-Казахстанской области, был 15-тысячный митинг с требованиями предоставления «самоопределения в сферах языка, культуры и использования природных ресурсов» и признания российско-казахстанского двойного гражданства[11]. Но большинство требований отделения и (или) присоединения к России в Казахстане исходили лишь от небольших групп активистов и не поддерживались большинством русского населения[12]. Значительно громче требования присоединения северных областей Казахстана раздавались со стороны российских интеллектуалов и политиков, например нобелевского лауреата Александра Солженицына. Но никаких серьезных территориальных проблем между двумя государствами в постсоветский период так и не возникло[13]. В январе 2004 г. казахстанский министр иностранных дел. К. Токаев заявил, что Казахстан и Россия установили 98% их общей границы[14].

Не оправдались и пророчества о том, что к конфликту Казахстана и России может привести проблема гражданства. Казахстан признал гражданами всех тех, кто являлся постоянным жителем страны на момент принятия закона о гражданстве[15]. Россия требовала от Казахстана, как и от других государств, возникших на территории СССР, признания также и права на двойное гражданство. Русские в Казахстане также выдвигали требования двойного гражданства, но казахстанские власти на это не пошли[16]. Высказывались предположения, что поставленные перед необходимостью выбора русские предпочтут гражданство России. Но в действительности большинство их приняли гражданство Казахстана[17]. Проблема гражданства была окончательно решена, когда Казахстан и Россия заключили 20 января 1995 г. соглашения об упрощении получения гражданства каждой из двух стран гражданами другой страны и о привилегиях, предоставляемых гражданам каждой из стран, постоянно проживающим на территории другой страны. Последнее соглашение облегчает положение постоянных граждан Казахстана, которые приобретут российское гражданство и, таким образом, станут иностранцами. Однако, несмотря на это соглашение, все равно подавляющее большинство русских, которые решили остаться в Казахстане, сохраняют казахстанское гражданство.

Россия предоставила право на получение российского гражданства своим «соотечественникам» (не только этническим русским, но и всем бывшим гражданам СССР)[18]. Но, в силу целого ряда причин[19], поддержка Москвой русского движения в Казахстане была чисто символической. В этой ситуации русским ничего не оставалось, как или перебираться в

Россию, или адаптироваться к своему новому, относительно маргинальному по сравнению с советскими временами, статусу в Казахстане.

Усиливающийся контроль со стороны казахстанского государства и значительная эмиграция постепенно ослабили русское движение. В период принятия первой и второй казахстанских конституций (1993 и 1995 гг.) русские этнические организации активно боролись за русские интересы, в частности по вопросам двойного гражданства и статуса русского языка[20]. В 1994 г. на выборах в Верховный Совет депутатами стали четыре члена Славянского движения «Лад», присоединившиеся к оппозиционному блоку[21]. Однако с середины 90-х гг. некоторые русские движения прекратили свое существование, а другие потеряли былую силу. Председатели «Лада» Александра Докучаева и сменивший ее Виктор Михайлов перебрались в Россию. Юрий Бунаков, лидер «Русской общины», который раньше был в лагере оппозиции, перешел на сторону властей. «Русская община» и Союз казаков Семиречья[22] вошли в Ассамблею народов Казахстана (АНК), консультативный орган при президенте, объединивший прорежимные этнические движения[23]. В 1998 г. русские организации создали Ассоциацию русских, славянских и казачьих организаций – АРСО, но эта зонтичная организация из-за разногласий среди организаций-членов практически не функционировала.

Русская партия Казахстана, основанная Геннадием Беляковым в январе 2001 г., возбудила интерес СМИ своим интригующим названием. Регистрация партии в апереле 2002 г. вызвала озабоченность, выражавшуюся рядом депутатов парламента, и, судя по всему, явилась одной из причин запрета этнических партий в Казахстане. В июле 2002 г. был принят новый Закон о политических партиях, запрещающий создание партий «по признакам профессиональной, расовой, национальной, этнической и религиозной принадлежности граждан» (статья 5, пункт 8)[24]. Кроме того, новый закон значительно ужесточил условия регистрации партий[25]. Еще до принятия закона Русская партия была переименована в политическую партию «Соотечественник», но ей все равно было отказано в регистрации (под предлогом неверно составленных документов)[26], и она была вынуждена самораспуститься.

С 2003 г. власти стали проводить стратегию кооптации в отношении русских движений более интенсивно. Была предпринята попытка создания единой пропрезидентской русской организации во главе с бывшим премьер-министром и заместителем председателя АНК (председатель – сам Назарбаев) Сергеем Терещенко. Сначала С. Терещенко пытался переманить руководителей русских организаций разного рода обещаниями на свою сторону, добиться своего избрания новым председателем АРСО и изменить его устав[27]. Однако он смог заручиться поддержкой лишь немногих. Тогда в июне 2004 г. лоялистские силы в русской общине все же созвали от имени АРСО свою конференцию и избрали С. Терещенко своим председателем[28].

Все это происходило при активном участии Алма-Атинского епархиального управления Русской православной церкви, а посол России в Казахстане заявил, что Россия не будет поддерживать русские организации, стоящие в оппозиции к власти Казахстана[29]. Россия, заинтересованная в казахстанском режиме и в стабильности отношений с Казахстаном, поддерживает установление контроля казахстанского государства над русскими организациями.

Уйгуры: растущее отчуждение

Уйгуры не имеют своего государства. Их историческая родина Синьцзян[30] – Уйгурский автономный район (СУАР) – является одной из административных единиц Китайской Народной Республики. Пекин не только не допускает никакого движения за независимость уйгуров, но вообще с большим подозрением следит за любой активностью уйгуров. Китай следит и за уйгурскими общинами за границей и оказывает давление на иностранные правительства, чтобы они не допускали антикитайских кампаний уйгурских националистов на своей территории. Казахстан же стремится угодить своему великому соседу. Поэтому Астана запрещает деятельность сторонников уйгурской независимости и сотрудничает с Пекином, репатриируя в Китай уйгурских беженцев. Таким образом, уйгуры в Казахстане не только не имеют поддержки со стороны своего государства, но испытывают все большее отчуждение и от государства, которое контролирует их историческую родину, и от Казахстана, в котором они живут.

После распада СССР Казахстан и КНР установили тесные отношения. В апреле 1996 г. в Шанхае состоялся саммит Китая, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, посвященный мерам доверия в пограничных районах. В июне 2001 г. эти государства, к которым присоединился и Узбекистан, создали Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Сейчас основные заявленные цели ШОС – борьба с «сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом». И хотя каждое из государств, входящих в ШОС, стремится подавить прежде всего своих собственных врагов (как они считают, как-то связанных друг с другом) – чеченских сепаратистов, Исламское движение Узбекистана и т.д., многие уйгурские лидеры считают, что реально основной целью ШОС является подавление попыток уйгуров объединиться на международном уровне.

В последние годы на уйгурских активистов в Казахстане (и в Центральной Азии в целом) все чаще навешивается ярлык «экстремистов» и «террористов», которые якобы замышляют вооруженную борьбу за создание уйгурского государства или даже Исламского халифата. В сентябре 2000 г. произошел инцидент, усиливший подозрительность в отношении уйгуров. Сотрудники казахстанского МВД застрелили в центре Алматы четырех человек (о том, кто были эти люди, разные источники говорят по-разному, но по крайней мере один из них был китайским

гражданином, уйгуром по национальности), которые вроде бы убили двух работников МВД. После этого полиция стала обыскивать дома в районах компактного проживания уйгуров, и множество не имеющих никакого отношения к инциденту людей были доставлены в полицейские участки и допрошены. СМИ сообщали обо всем этом как об эпизоде борьбы с «уйгурским экстремизмом»[31]. Дилбирим Самсакова, глава Фонда *Назгум*, взявшая себе детей одного из убитых, сама была в июне 2001 г. найдена мертвой; убийц до сих пор не нашли.

На уйгуров в Казахстане смотрят с подозрением не только из-за Китая и из-за страха перед «исламским экстремизмом», но и из опасения, что у уйгуров могут возникнуть территориальные притязания к Казахстану. В течение последних двух столетий уйгуры жили по обе стороны границы, отделяющей сейчас казахстанское Семиречье от китайского Синьцзяна. Было много миграций уйгуров из Семиречья в Синьцзян и обратно. Сейчас уйгуры в Казахстане делятся на две группы: «ерликляр» («местные»), жившие в Казахстане в течение ряда поколений, и приехавшие в Казахстан относительно недавно, в 1950–1960-е гг. У «ерликляр» («местных») есть сильная привязанность к Семиречью, и они видят в себе уже коренных жителей, а не переселенцев[32]. Уйгурские активисты в настоящее время подчеркивают, что они не требуют создания уйгурской автономии в Казахстане и что будущее уйгурское государство не будет выдвигать каких-либо территориальных претензий к Казахстану. Но некоторые наблюдатели полагают, что появление у уйгуров ирредентистских и сепаратистских требований все равно вполне возможно[33].

Ни эмиграции, ни иммиграции уйгуров в сколь-либо больших масштабах в течение 90-х гг. не было. Отдельные уйгуры искали политического убежища в Европе и в Северной Америке, но на свою историческую родину они не переезжали[34]. Можно указать три причины этого. Во-первых, многие уйгуры «ерликляр» рассматривают себя как коренных казахстанцев. Во-вторых, китайская политика по отношению к уйгурам значительно более жесткая, чем политика казахстанских властей. В-третьих, уйгуры также, хотя и в значительно меньшей степени, чем другие этнические общины Казахстана, подверглись языковой русификации.

Что предпринимают уйгуры в теперешней ситуации, когда лояльность всей их этнической группы к Казахстану оказалась под подозрением? Современные уйгурские организации можно разделить на три группы.

Первая группа – это подпольные группы, действительно выражающие готовность к вооруженной борьбе за национальную независимость. Это, прежде всего, Объединенный национальный революционный фронт Восточного Туркестана во главе с Юсупбеком Мухлиси (скончался в августе 2004 г.). У Фронта нет ни больших средств, ни большого числа сторонников, и его возможность вести вооруженную борьбу более чем сомнительна. Но громкие и воинственные заявления его лидера, публиковавшиеся в казахстанской прессе и его собственной газете «Голос Вос-

точного Туркестана», способствовали созданию негативного образа уйгурской общины и служили оправданием репрессивных мер казахстанских и китайских властей.

Вторая группа – это организации, которые борются за независимость СУАРа, но отрицают насильственные методы. Это Народная партия «Уйгурстан» (НПУ), основанная в сентябре 2002 г. Кахарманом Хожамберди. В программе партии говорится: «Главная цель партии заключается во внесении своего вклада в политическую борьбу нашей нации за восстановление на своей исторической родине (в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР) суверенного, гражданского, демократического государства». В то же время в программе подчеркивается, что партия «в своей деятельности будет использовать только политические методы» и «будет решительно отвергать и разоблачать терроризм, экстремизм и религиозный фанатизм в любых их проявлениях»[35]. Но, несмотря на эти декларируемые умеренность и ответственность, по современному казахстанскому закону о партиях, запрещающему партии, созданные на этнической основе, НПУ не может быть зарегистрирована.

Третья и основная группа ориентирована прежде всего на защиту прав уйгуров и развитие уйгурской культуры и языка в Казахстане. В нее входят культурные центры, организованные в разных областях республики, «Уйгурский Дом» во главе с Махаметом Жамбакиевым, созданный в ноябре 1999 г., и Национальная ассоциация уйгуров (НАУ) во главе с Шарипжаном Надыровым, созданная в феврале 2002 г. Как говорит Ш. Надыров, НАУ рассматривает проблему уйгуров в СУАР как проблему соблюдения прав человека в Китае[36].

В сентябре 2003 г. была создана зонтичная организация Республиканский культурный центр уйгуров Казахстана. (Некоторые организации, включая «Уйгурский Дом» и НАУ, в него не вошли.) Главной фигурой в этой организации, хотя он и не баллотировался в председатели центра, является Дилмурат Кузиев, президент Республиканской уйгурской ассоциации промышленников, предпринимателей и сельхозработников (РУАППС). Он – успешный предприниматель и оказывает финансовую помощь уйгурским организациям, включая уйгурский театр, школы и мечети, а также финансирует перевод Корана на уйгурский язык[37]. Д. Кузиев безоговорочно поддерживает президента Н. Назарбаева. На следующих выборах, как говорят уйгурские активисты, он намерен баллотироваться в верхнюю палату парламента.

Таким образом, среди уйгуров Казахстана существуют разные позиции по отношению к проблеме СУАР. Те, кто выступает за независимость Уйгуристана, включая и отрицающих насильственные методы, часто критикуются за то, что их деятельность только раздражает казахстанские власти и создает предубеждения против уйгуров. В то же время мало уйгуров не мечтает о своем государстве. Я много раз слышала от уйгуров, которые сами не собираются покидать Казахстан, что уйгурам нуж-

но иметь какое-то убежище на случай, если уезжать все-таки придется. Подавляющее большинство казахстанских уйгуров не хотят, чтобы их отождествляли с радикалами, ведущими вооруженную борьбу за независимость, но все же чувствуют симпатию к синьцзянским уйгурам, притесняемым китайским правительством.

Корейцы и две Кореи

Корейцы в Казахстане имеют разное происхождение, но большинство из них – потомки переселенцев из северной части Кореи, со второй половины XIX в. перебиравшихся на российский Дальний Восток[38]. В результате их депортации в Центральную Азию в 1937 г. Казахстан стал республикой со значительным корейским населением[39]. Несмотря на свое скорее северокорейское происхождение, большинство казахстанских корейцев «выбрали своим государством» Южную Корею. Этот выбор имеет вполне рациональный характер.

До конца 80-х гг. СССР и Республика Корея не имели дипломатических отношений. Контакты между советскими корейцами и КНДР тоже были очень ограниченными[40]. Изоляция советских корейцев от их исторической родины прекратилась в эпоху горбачевской перестройки. Благодаря быстрому сближению Москвы и Сеула, установивших в сентябре 1990 г. дипломатические отношения, начались интенсивные контакты советских корейцев с Южной Кореей. Интерес друг к другу корейцев в СССР и их соотечественников на Корейском полуострове, которые раньше практически не имели возможностей установить контакты, был громадным.

В мае 1990 г. большинство корейских культурных центров, созданных в конце 80-х гг., включая Республиканскую ассоциацию корейских культурных центров Казахстана, объединились во Всесоюзную ассоциацию советских корейцев (ВАСК). В то время как ВАСК устанавливала тесные отношения с Сеулом, Пхеньян тоже нашел группу своих сторонников, объединившихся в Ассоциацию по содействию объединению Кореи (АСОК). Были попытки объединить ВАСК и АСОК, но раньше, чем из них могло что-то получиться, СССР распался.

В соперничестве за влияние на советских корейцев победила Южная Корея. Она могла выделить на поддержку соотечественников значительно большие финансовые средства и, кроме того, обладала более позитивным имиджем. Олимпийские игры в Сеуле в 1988 г. продемонстрировали советским корейцам замечательные экономические достижения Южной Кореи. Кроме того, пропаганда христианства корейскими миссионерами из Южной Кореи, а также из США и других стран привлекла многих советских корейцев, которые не только стремились к установлению контактов с корейцами в других странах, но и испытывали в быстро меняющейся социальной среде кризис идентичности. Напротив, кимирсеновская идеология «чучхе» («опоры на собственные силы»), которую

Пхеньян пытался распространить среди корейцев за рубежом, не могла привлечь советских корейцев.

В постсоветском Казахстане в корейской общине полностью доминирует Южная Корея. Ассоциация корейцев Казахстана (АКК)[41], объединяющая всех корейцев республики, занимает сейчас здание, принадлежащее Алма-Атинскому образовательному центру Республики Корея, организующему различные культурные и образовательные программы, включая обучение корейскому языку. Этот факт сам по себе символизирует тесные связи АКК с Сеулом. Южная Корея оказывает казахстанским корейским организациям, в том числе местным СМИ на корейском языке, многообразную помощь. Растут деловые связи, и некоторые молодые казахстанские корейцы становятся стажерами в Южной Корее. Наоборот, Котонриен, единственная просеверокорейская организация, наследница АСОК, фактически перестала существовать[42]. Отчасти такому практически полному сворачиванию связей с Пхеньяном способствовала и политика Сеула, который ставил разрыв связей с Пхеньяном условием предоставления своей помощи корейским организациям. С началом диалога Севера и Юга и некоторым смягчением отношений между двумя Кореями такое давление уменьшилось. Тем не менее связи с Северной Кореей у казахстанских корейцев сейчас практически отсутствуют.

При тесных связях корейцев Казахстана с корейцами из Южной Кореи между ними нет полной близости. За полтора десятка лет постоянных контактов казахстанские корейцы убедились, что у них – иная культура и иной менталитет. Большинство казахстанских корейцев практически не владеют корейским языком[43]. Естественно, что южные корейцы рассматривают таких русскоязычных корейцев как «не совсем» корейцев. Кроме того, корейцам из Южной Кореи не всегда удается скрыть чувство экономического превосходства.

В отличие от русских и уйгуров, корейцы были привезены в Казахстан насильно и никогда не претендовали на статус коренного населения. Это, а также громадное расстояние от Казахстана до Кореи делает невозможной какую-либо угрозу со стороны корейцев территориальной целостности Казахстана. Но корейцы еще и сознательно постоянно подчеркивают свою благодарность казахам за то, что они приняли депортированных, и свое согласие со статусом не коренного населения. Это было ярко продемонстрировано на праздновании десятой годовщины создания АКК. Президент АКК Юрий Цхай, богатый предприниматель и спонсор празднования, призвал корейцев Казахстана «всегда помнить, кто в тяжелое время протянул руку помощи нашим отцам и дедам». Вице-президент Гурий Хан сказал, что корейцы достигли больших успехов потому, что «оказались на древней казахской земле среди гостеприимного казахского народа». От лица всех корейцев Хан даже совершил «настоящий корейский низкий поклон» казахскому народу, то есть встал на сцене на колени и положил обе руки перед собой на пол.

Корейская верхушка очень успешно кооптируется в казахстанскую элиту. Лидеры общины преследуют свои и общинные интересы не в борьбе с властями, а добиваясь их благосклонности. АКК под твердым руководством Цхая активно поддерживает президента Назарбаева. Например, в январе 1999 г. АКК организовала кампанию культурных мероприятий под лозунгом: «Назарбаев – наш президент»[44]. В октябре 1999 г. Цхай выставил свою кандидатуру в мажилис (нижнюю палату парламента) от основной проназарбаевской партии «Отан» («Отечество»). Хотя никаких шансов пройти в парламент у него не было[45], этот факт продемонстрировал его тесные связи с партией и с президентом. АКК успешно лоббировала назначение корейца главой администрации в Уштобе, центре Каратальского района Алма-Атинской области – пункте прибытия первого состава с депортированными с российского Дальнего Востока корейцами в 1937 г.[46]. АКК смогла добиться поддержки акима области и самого Назарбаева, и главой администрации района стал Роман Ким[47]. АКК также активно участвует в Ассамблее народов Казахстана.

В корейской общине Казахстана эмиграция превосходит по своим размерам иммиграцию, но число и удельный вес отъезжающих корейцев значительно меньше, чем славян или немцев. Число корейцев, уезжающих за пределы СНГ, очень невелико[48]. Мало кто выражает желание переехать не только в Северную Корею, но даже и в Южную, несмотря на высокий уровень жизни в этой стране. Одна из причин – те языковые, культурные и психологические различия, о которых мы говорили. Но такие различия есть и между казахстанскими немцами и немцами в Германии, однако эмиграция немцев в Германию очень велика. Возможно, если бы Южная Корея, подобно Германии, проводила иммиграционную политику, основанную на этничности (что в настоящее время мало вероятно), ситуация изменилась бы. В последние годы существования СССР среди лидеров советских корейцев были разговоры о возможности возвращения на российский Дальний Восток и даже создания там автономии. Но экономические и социальные условия в этом регионе не делают его особенно привлекательным[49].

В целом корейцы в Казахстане – «идеальное» меньшинство, полностью признающее статус титульной нации как единственной коренной нации Казахстана и лояльное политическому режиму. Очевидно, это самая разумная стратегия для корейцев, которые не могут рассчитывать на политическую поддержку своей исторической родины. Их предпочтение Сеулу также вполне устраивает Казахстан, рассчитывающий на торговлю с Южной Кореей и на южнокорейские инвестиции.

Однако у некоторых рядовых корейцев стратегия АКК вызывает критику. Корейцы, особенно старые, действительно благодарны казахам и хотят, чтобы их дети помнили о том, что казахи приняли их на своей земле. Они понимают также, что выражение такой благодарности титульной нации в независимом Казахстане политически необходимо. Но

им кажется, что руководство АКК в выражении этих чувств переходит границы приличия. Кроме того, руководителей АКК критикуют за использование контактов с Сеулом в личных интересах.

Заключение

Возникший в результате распада СССР независимый Казахстан – страна с множеством разных этнических меньшинств. Для каждого из меньшинств его отношения со своей этнической родиной имеют особое значение, и у каждого из них эти отношения обладают своей спецификой. Русские, уйгуры и корейцы демонстрируют три разных типа отношений между меньшинствами, молодым государством, в котором они живут, и их этническими родинами.

В первой половине 90-х гг. многие наблюдатели предупреждали, что Россия может использовать русскую диаспору как предлог для вмешательства в дела Казахстана. В действительности, однако, Россия не стала рисковать ухудшением отношений со своим соседом для защиты интересов своих соотечественников. За время, прошедшее после создания независимого казахстанского государства, русская диаспора в Казахстане потеряла более четверти своей численности, а те, кто остался, пассивно приняли статус кво и не ведут борьбы за свои этнические требования.

Совершенно иная ситуация у уйгурского меньшинства. Тесные отношения между Казахстаном, в котором они живут, и Китаем – государством, которое владеет их исторической родиной, работают против их интересов. Оба эти государства рассматривают уйгурскую общину как потенциальную угрозу своей безопасности, и между ними есть согласие не позволять уйгурам по разные стороны границы устанавливать тесные связи друг с другом. Хотя уйгуры, несомненно, хотят иметь свое государство, большинство уйгурской общины открыто не поддерживает идею независимого Уйгуристана, боясь, что выдвижение такого требования вызовет реакцию со стороны казахстанского государства.

Корейское меньшинство не рассматривается как потенциальная угроза целостности Казахстана. Лидеры казахстанских корейцев сами подчеркивают, что корейцы – не коренное население. Из двух корейских государств у казахстанских корейцев значительно более тесные связи с Южной Кореей, оказывающей им разнообразную поддержку. В то же время казахстанские корейцы не идентифицируют себя с корейцами из Южной Кореи. Скорее, у них начинает возникать особая русскоязычная казахстанская корейская идентичность.

Несмотря на эти различия, мы можем выявить из этих трех случаев некоторые общие принципы взаимоотношений в треугольнике, образуемом меньшинством, его исторической родиной и государством, в котором оно живет .

Во-первых, мы видим, что меньшинство само по себе не является источником этнотерриториального конфликта. Русский случай убеждает

нас, что если государства договариваются между собой, возможность возникновения ирредентизма резко уменьшается. Политизация проблемы уйгурской общины также вызвана не столько самим уйгурским меньшинством, сколько Китаем и Казахстаном.

Во-вторых, отношения между меньшинством и его «родным» государством определяются не столько изначальными и глубокими эмоциональными связями, сколько конкретными интересами. Россия прежде всего заинтересована в хороших отношениях с Казахстаном, и это значительно важнее для нее эмоциональных связей с русскими в Казахстане. Корейцы в Казахстане не «кореизируются» по южнокорейскому образцу и не идентифицируют себя с корейцами из Южной Кореи. Но они «выбрали» своим «родным» государством Южную Корею прежде всего из практических соображений.

В-третьих, выбор меньшинством стратегии в отношении страны, в которой оно живет, не сводится к альтернативе: интеграция или протест и борьба. Так, уйгуры в значительной мере ощущают свою отчужденность. Но это ощущение не ведет к сепаратизму и ирредентизму. Стратегия контроля и кооптации этнических элит, принятая казахстанскими властями, предотвращает этническую мобилизацию. Яркое выражение этой стратегии – «избрание-назначение» ближайшего соратника президента главой новой русской организации, которая по идее должна объединить все русские движения в Казахстане. У уйгуров и корейцев центральную роль в этнических движениях также играют богатые предприниматели, стремящиеся установить тесные отношения с властями.

Примечания

[1] О казахской диаспоре см.: *Мендикулова Г. М.* Исторические судьбы казахской диаспоры: происхождение и развитие. Алматы: Гылым, 1997.

О казахстанской политике репатриации этнических казахов см.: *Cummings Sally N.* The Kazakhs: Demographics, Diasporas, and «Return» // King Charles and Melvin Neil J. (eds.). Nations Abroad: Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union. Boulder, Colo. & Oxford: Westview Press, 1998.

[2] См., например: *Brown Michael E.* (ed.). Ethnic Conflict and International Security. Princeton: Princeton University Press, 1993.

[3] См.: *Brubaker Rogers.* Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

[4] *King Charles & Melvin Neil J.*. Diaspora Politics: Ethnic Linkages, Foreign Policy, and Security in Eurasia // International Security, 1999, Vol. 24, No. 3. P. 116.

[5] См.: *Megoran Nick.* The Borders of Eternal Friendship?: The Politics and Pain of Nationalism and Identity along the Uzbekistan – Kyrgyzstan Ferghana Valley Boundary, 1999–2000. Ph.D. dissertation, Cambridge University, 2002.

[6] В советское время в Казахстане было также самое большое в СССР немецкое население, но в 90-е гг. число немцев значительно уменьшилось в результате прежде всего эмиграции в Германию. В будущем я хочу включить в свое исследование и узбекскую диаспору в Казахстане. Узбеки, как и русские, сосредоточены в основном в районах, пограничных с их этнической родиной. Но, в отличие от русских, узбеки практически не уезжают из Казахстана.

[7] Исследование и различные оценки этого процесса см. в работах : *Masanov Nurbulat, Karin Erlan, Chebotarev Andrei, and Oka Natsuko.* The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan. Chiba, Japan: Institute of Developing Economies, 2002 (available at http://www.ide.go.jp/English/Publish/Mes/51.html); *Olcott Martha Brill.* Kazakhstan: Unfulfilled Promise. Washington, D. C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. P. 52–53); *Schatz Edward.* The Politics of Multiple Identities: Lineage and Ethnicity in Kazakhstan // Europe -Asia Studies, 2000, Vol. 52, No. 3, Pp. 489–506; *Bohr Annette* . The Central Asian States and Nationalising Regimes // Smith Graham et al. Nation-building in the Post-Soviet Borderlands: The Politics of National Identities. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. 139–164; *Akiner Shirin.* The Formation of Kazakh Identity: From Tribe to Nation-State. London: The Royal Institute of International Affairs, 1995. Pp. 69–71; *Kolstoe Paul.* Russians in the Former Soviet Republics. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press,. 1995. Pp. 244–258.

[8] *O'Leary Brendan.* The Elements of Right-Sizing and Right-Peopling the State // Brendan O'Leary, Ian S. Lustick, and Thomas Callaghy (eds.). Right-sizing the State: The Politics of Moving Borders. New York: Oxford University Press, 2001. Pp. 15–73.

[9] *Chinn Jeff and Kaiser Robert.* Russians as the New Minority: Ethnicity and Nationalism in the Soviet Successor States. Boulder, Colo. фnd Oxford: Westview Press, 1996. P. 185. Глава о Казахстане написана Р. Кайзером.

[10] Ibid. Pp. 191, 200.

[11] *Alexandrov Mikhail.* Uneasy Alliance: Relations Between Russia and Kazakhstan in the Post-Soviet Era, 1992–1997. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1999. P. 117.

[12] В ноябре 1999 г. казахстанские власти арестовали по обвинению в сепаратистской деятельности 22 человека, из них 11 – граждане России, один – гражданин Молдовы, а остальные 10 – русские граждане Казахстана. Главным обвиняемым был россиянин, лидер националистической группы. Были предположения, что дело было спровоцировано казахстанскими спецслужбами. Подробнее см.: *Commercio Michele E.* The «Pugachev Rebellion» in the Context of Post-Soviet Kazakh Nationalization // Nationalities Papers, 2004. Vol. 32, No. 1, Pp. 87–113.

[13] До распада СССР российский президент Борис Ельцин говорил о возможности пересмотра российско-казахстанских границ, что вызвало резкий протест со стороны Н. Назарбаева. Отношения нормализовались после того, как два президента выступили с заявлением о нерушимости границ. См.: *Uyama Tomohiko.* Interethnic Relations in Kazakhstan, 1986-93 // International Politics (Kokusai seiji), 1993. No. 104, P. 124 [на японском].

[14] RFE/RL Central Asia Report, Vol. 4, No. 3, 19 January 2004.

[15] Статья 3 Закона о гражданстве, принятого 20 декабря 1991 г. и вступившего в силу 1 марта 1992 г.

[16] В настоящее время из постсоветских республик двойное гражданство с

Россией признает только Таджикистан. Соглашение о двойном гражданстве между Россией и Туркменистаном было расторгнуто в апреле 2003 г.

[17] В марте 2004 г. во время российских президентских выборов в российском консульстве зарегистрировались всего тридцать с лишним тысяч человек. ИТАР-ТАСС, 12.03.2004.

[18] Новый Закон о гражданстве, вступивший в силу в июле 2002 г., предъявляет более жесткие требования: знание русского языка, наличие законного источника средств к существованию, отказ от других паспортов и проживание на территории России в течении пяти лет непрерывно (статья 13, пункт 1). Однако для некоторых категорий бывших граждан СССР, например для тех, кто родился на территории РСФСР, лиц без гражданства, проживающих на территориях бывших советских республик, и др. требование постоянного проживания смягчено.

[19] Ч. Кинг и Н. Мельвин (King Ch., Melvin N. Ibidem) указывают на следующие факторы, мешающие России активно использовать проблему русских меньшинств в межгосударственных отношениях: слабость этнической идентичности и солидарности среди русских, относительно небольшое и не растущее значение проблемы русских меньшинств за границей во внутрироссийской политике, препятствующие поддержке меньшинств внешнеполитические приоритеты и недостаточные для поддержки русской диаспоры экономические ресурсы.

[20] По конституции 1995 г. государственным языком является только казахский, но «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык» (статья 7). О языковом законодательстве и последних тенденциях в языковой сфере см.: *Dave Bhavna.* A Shrinking Reach of the State? Language Policy and Implementation in Kazakhstan and Kyrgyzstan // Pauline Jones Luong (ed.). The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence. Ithaca and London: Cornell University Press, 2004. Pp. 120–155.

[21] См.: *Bremmer Ian and Welt Cory.* The Trouble with Democracy in Kazakhstan // Central Asian Survey. Vol. 15, No. 2, 1996. P. 189.

[22] О казаках и их организациях в Казахстане см.: *Long Shawn K.* Ethnic Boundaries and Communities in Transition: The Cossack Revival in Kazakhstan. Ph.D. dissertation, The University of Leeds, 2002.

[23] АНК была создана для «укрепления общественной стабильности и межнационального согласия». – Указ Президента Республики Казахстан от 1 марта 1995 г. об образовании Ассамблеи народов Казахстана.

[24] Раньше были запрещены лишь общественные объединения, чья деятельность направлена на «разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни» (Конституция 1995 г., статья 5, пункт 3).

[25] Чтобы зарегистрироваться, партия должна иметь не менее 50 000 членов и местные организации с не менее чем 700 членами во всех 14 областях, Астане и Алма-Ате (статья 10, пункт 6). Закон о партиях 1996 г. требовал не менее 3000 членов, представляющих не менее половины всех областей (статья 10, пункт 4).

[26] Официальной причиной отказа не было нарушение Закона о политических партиях. Партия «Соотечественник» имела многонациональный характер. Вице-председателем был казах Ж. Базилбаев, среди членов партии 12–15% составляли казахи. – Интервью автора с Г. Беляковым, 10.09.2002 и 24.09.2003.

[27] Первоначально в АРСК сопредседательствовали руководители «Лада», «Русской общины» и Союза казаков степного края. На конференции в июне 2003 г. институт сопредседателей был ликвидирован и введен новый пост – председателя-координатора, которым был избран Г. Беляков. – См.: Информационно-аналитический обзор о положении русских соотечественников в Казахстане – 2003 год. – www.rusedina.org.

[28] «Появление еще одного политического мутанта (ПРЕСС-РЕЛИЗ)» от 2 июня 2004 г. (дата, очевидно, ошибочная, поскольку конференция состоялась 26 июня) // Дискуссионный клуб «POLYTON» www.club.kz.

[29] *Кузеванов Анатолий.* Политическое заявление «Лада» от 2 апреля 2004 г. Я благодарю А. Кузеванова за предоставленную мне возможность ознакомиться с этим документом.

[30] Синьцзян по-китайски значит «новое владение». Среди уйгуров есть разные точки зрения относительно того, как надо называть эти земли – Уйгуристан или Восточный Туркестан. Те, кто являются сторонниками названия «Восточный Туркестан», мотивируют это тем, что население Синьцзяна многоэтнично и название «Уйгуристан» будет отчуждать от уйгурского движения представителей других народов. Эти противоречия отразились и в наименовании уйгурских организаций. – См.: Мы не хотим ничьей крови // Континент, 2003, № 14. С. 19.

[31] Реальная картина этого инцидента осталась неясной. Есть сведения, что подозреваемые занимались контрабандой оружия и убийство сотрудников МВД произошло не по каким-либо политическим мотивам, а вследствие спора о размерах взятки. Подробнее об этом инциденте см.: *Бектурганова Бахытжамал.* «Уйгурский экстремизм» в Центральной Азии: миф или реальность? (Социологический анализ проблемы). Алматы: «Комплекс», 2002. С. 3–6; *Сыроежкин К. Л.* Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: «Дайк-Пресс», 2003. С. 584. (Сноска 83).

[32] См.: *Roberts Sean R.* The Uighurs of the Kazakhstan Borderlands: Migration and the Nation // Nationalities Papers. Vol. 26, No. 3, 1998. P. 511–513.

[33] См., например: *Сыроежкин К.* Указ. соч. С. 441.

[34] Так, в 1994 г. 284 уйгуров переехали в Казахстан (из них 261 человек из других стран СНГ). В этом же году из Казахстана уехали 351 уйгур (307 – в страны СНГ). В 1999 г . приехали 94 (из стран СНГ – 91) и уехали тоже 94 (75 – в страны СНГ). См.: *Бектурганова Б.* Указ. соч. С. 82, 156.

[35] Народная партия «Уйгурстан». Сборник документов. Алматы, 2003 (на русском и уйгурском). Я благодарю К. Хожамберди за предоставление этого документа.

[36] Интервью автора с Ш.Надыровым 9 сентября 2003 г.

[37] Интервью автора с работниками РУАППС 22 сентября 2003 г.

[38] Кроме того, есть еще две группы корейцев: те, кто был переселен японцами на южную (тогда – японскую) часть Сахалина во время Второй мировой войны и был оставлен там после окончания войны, и небольшое число лиц, приехавших на работу или учебу в СССР из Корейской Народно-Демократической Республики и не вернувшихся на родину.

[39] Другой республикой, куда в 1937 г. депортировались корейцы, был Узбекистан. О депортации см.: *Kim German N.* The Deportation of 1937 as a Logical

Continuation of Tsarist and Soviet Nationality Policy in the Russian Far East // German N. Kim and Ross King (eds.). Koryo Saram: Koreans in the Former USSR (Korean and Korean American Studies Bulletin, Vol.12, No.2/3). New Haven: East Rock Institute, 2001. Pp. 19–44; *Oka Natsuko.* Deportation of Koreans from the Russian Far East to Central Asia // Komatsu Hisao, Chika Obiya and Schoeberlein John S (eds.). Migration in Central Asia: Its History and Current Problems. Osaka: The Japan Center for Area Studies, National Museum of Ethnology, 2000. Pp. 127–145; *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. Алматы: «Гылым», 1995.

Отдельные корейские семьи перебирались в Казахстан с Дальнего Востока еще в 20-е гг. и занимались здесь выращиванием риса. Но их было не более нескольких десятков. См.: *Кан Г.В.* Указ. соч. С. 30–39.

[40] После 1946 г. сотни советских корейцев были посланы в Северную Корею в качестве разного рода советников (см.: *Кан Г.В.* Указ. соч. С. 137–147). Большинство из них в 50-е гг. вернулись в СССР, но судьба многих до сих пор неизвестна. По сообщению Радмира Кана, главы Котонриена, между Москвой и Пхеньяном было «секретное соглашение» о том, что Северная Корея не будет интересоваться делами советских корейцев. (Интервью с автором, 29 августа 2000 г.)

[41] Ассоциация создана в октябре 1995 г. на основе Республиканской ассоциации корейских культурных центров Казахстана, образованной в марте 1990 г.

[42] Интервью автора с Радмиром Каном 25 сентября 2003 г. Предшественница Котонриена, Казахстанская корейская ассоциация «Единство», была создана в начале 1994 г. Подробнее см.: Ока Нацуко. Корейцы в современном Казахстане: стратегия выживания в роли этнического меньшинства // Диаспоры, 2001, № 2–3. С. 212–214

[43] Там же. Pp. 99–100.

[44] Коре ильбо, 1 июня 2000 г.

[45] Цхай занимал двенадцатое место в списке кандидатов «Отан» на десять мест, предоставленных депутатам, избираемым по единому общенациональному многомандатному округу на основе пропорциональной системы. Всего в списке было 18 имен. Восемь кандидатов, таким образом, никак не могли попасть в парламент. Для чего «Отану» понадобился список с большим числом имен, чем число мест, которые партия может получить в многомандатном округе, мне не известно.

[46] Согласно переписи 1999 г. корейцы составляют 10,4% населения Каратальского района.

[47] См.: *Цхай Ю.А, Хан Г.Б. и др.* Ассоциация корейцев Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. С. 160.

[48] Так, по данным Статистического агентства Республики Казахстан, в 1998 г. в Казахстан приехали 555 корейцев (из них 540 – из других стран СНГ), а уехали 1025 (из них 929 – в другие страны СНГ). В 2001 г. приехали 785 (719 – из стран СНГ) и уехали 880 (780 – в страны СНГ).

[49] Тем не менее с 1990 по 1998 г. более восьми тысяч корейцев переехали в Приморский край. См.: *Ващук Ангелина.* Миграция как фактор развития корейской диаспоры в Приморье (90-е гг. XX в.) // Диаспоры, 2001, № 2–3. С. 170–180.

Петр Своик, Александр Либман

ЭКОНОМИКА КАЗАХСТАНА: ДОСТИЖЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ПРОБЛЕМЫ (в сравнении с Россией)

Цель настоящей статьи – сравнить результаты экономического развития России и Казахстана за двенадцать лет, прошедшие после распада СССР.

Работа состоит из шести разделов. В первом разделе мы попытаемся выделить несколько общих черт российской и казахстанской экономики, во многом определивших динамику их развития, а также понять, в чем коренятся различия в экономическом порядке, существующем в обоих государствах. Во втором разделе рассматриваются результаты развития экономик России и Казахстана, а также перспективы их развития, как они видятся с официальной точки зрения. В третьем разделе исследуются экономические эффекты экспортно-сырьевого роста в России и в Казахстане. Четвертый и пятый разделы посвящены, соответственно, банковской системе обеих стран и ее месту в экономике и социально-экономическим «хвостам» сырьевого экономического роста. В шестом, заключительном разделе мы попытаемся сделать некоторые общие выводы.

1. Экономика России и Казахстана: общее и особенное

Сравнение экономики России и Казахстана вызывает особенный интерес потому, что экономическая система обеих стран обладает немалым числом общих черт.

1. Россия и Казахстан являются **постсоциалистическими** странами. В начале 1990-х гг. обе страны вступили на путь экономических преобразований с целью создания рыночного экономического порядка. Как и все остальные постсоциалистические страны, Россия и Казахстан пережили глубокий кризис, вызванный системной трансформацией. Как и в других странах с переходной экономикой СНГ и Центральной и Восточной Европы, в конце 1990-х гг. спад сменился экономическим ростом.

2. «Материалом» для формирования экономической системы обеих стран была **экономика СССР**, характеризовавшаяся «меньшей» (почти нулевой) ролью рыночных механизмов по сравнению с экономиками Центральной и Восточной Европы, а также практическим отсутствием

традиций рыночного хозяйствования, сохранившихся с «досоветского» периода. Это не могло не привести к углублению «трансформационного спада». Кризис оказался более острым и из-за разрыва хозяйственных связей в результате распада СССР.

3. И Россия, и Казахстан являются **крупными государствами** со значительной территориальной дифференциацией экономики и высокими транспортными издержками. Конечно, в России «проблемы большой страны» выражены более ярко, чем в Казахстане, но для обеих стран они играют важную роль[1].

4. В экономике обеих стран ведущую роль играет **сырьевой сектор**. Богатые природными ресурсами страны на первый взгляд обладали определенным преимуществом при интеграции в мировую экономику: экспорт нефти и газа и металлов оказался «востребован» мировым хозяйством, что позволило добывающим отраслям оказаться более устойчивыми к трансформационному спаду. Но наличие доходных экспортно-ориентированных отраслей в социально-политических условиях обеих стран имело и негативные последствия, о которых мы будем говорить ниже, и привело к значительной «примитивизации» экономики.

5. Наконец, на схожесть траектории экономического развития влияет и тот факт, что в обеих странах существует однотипная «мягко авторитарная» **политическая система**, при которой государственная власть активно вмешивается во взаимодействие хозяйствующих субъектов, а не довольствуется ролью «ночного сторожа». Соответственно в обеих странах в ходе реформ разрыва между бизнесом и политикой не произошло, – напротив, сформировался своеобразный симбиоз политической и экономической элиты, определяющий дальнейшее развитие экономики[2].

Конечно, стартовые условия обеих экономик не были полностью идентичными. Прежде всего, Россия являлась сравнительно более индустриализированной страной, чем Казахстан. ВВП на душу населения в России в 1991 г. был в 1,8 раз выше, чем в Казахстане, объем промышленного производства на душу населения – в 1,4 раза, зато показатель объема продукции сельского хозяйства на душу населения в Казахстане в 1,2 раза превосходил аналогичную величину для России[3]. Доля занятых в сельском хозяйстве в Казахстане в 1991 г. была в два раза выше, чем в России, зато доля занятых в промышленности – на 10% ниже (41,8% и 30% соответственно)[4]. Однако в основе своей экономическая и политическая системы Казахстана и России схожи.

Тем не менее есть и немало качественных различий. Наиболее часто упоминаемой и «бросающейся в глаза» особенностью Казахстана является его лидерство среди государств СНГ в области **глубоких рыночных реформ**. При этом в перечень реформ, по которым Казахстан обогнал Россию и другие страны Содружества, обычно включают жилищно-коммунальную, пенсионную, энергетическую, государственной службы, образования и здравоохранения, а также создание Национального (нефтяно-

го) фонда как инструмента аккумуляции валютной выручки для стабилизации экономики и развития страны.

Этот впечатляющий перечень достижений следует дополнить еще одной важнейшей особенностью экономики Казахстана, во многом определяющей ее современное лицо. Речь идет о масштабе и глубине **проникновения иностранного капитала**. По этому показателю Казахстан, безусловно, является непревзойденным лидером среди всех постсоветских государств. Причем речь идет не только о «псевдоиностранных» инвесторах в виде оффшорных компаний, контролируемых национальными предпринимателями[5], но и о реальных транснациональных корпорациях (ТНК). После завершения в 1995—1997 гг. активного приватизационного периода в широком смысле этого слова (как перевода в частную собственность главных производственных объектов, ископаемых ресурсов, финансов и власти) в ключевых и наиболее доходных экспортно-сырьевых отраслях новыми собственниками стали иностранные (и действительно иностранные, и «псевдоиностранные») инвесторы. По разным данным, от 73 до 84 % нефтяных ресурсов Казахстана сейчас находятся в иностранной собственности. Некоторую часть собственности в горнодобывающих отраслях, в транспортных и энергетических системах государство пока сохраняет за собой. Банковская система практически полностью контролируется национальным капиталом.

В России роль иностранного капитала вплоть до начала 2003 г. оставалась незначительной. Для сравнения: если в Казахстане ежегодный приток иностранных инвестиций за вторую половину 1990-х гг. составил больше 6% ВВП (больше, чем даже в ведущих странах Центральной и Восточной Европы!), то в России – меньше 1%[6]. По итогам 2001 г. накопленные прямые иностранные инвестиции в Казахстане составили 12 млрд. долл. (больше 50% ВВП), а в России – 22 млрд. (т. е. меньше 8%)[7].

Иностранные инвесторы «приходили» в российскую экономику дважды: в 1996—1997 гг. (до кризиса 1998 г., который привел к значительному оттоку иностранного капитала из России) и в 2003 г., вслед за слиянием Тюменской нефтяной компании и British Petroleum – сделкой, объем которой сопоставим с совокупными иностранными инвестициями в российскую экономику за все 90-е гг.[8]. В настоящее время в российской экономике роль иностранного капитала невелика, и в ней доминирует небольшое число интегрированных бизнес-групп, контролируемых преимущественно национальным капиталом. Как и в Казахстане, роль иностранных инвестиций в банковской сфере невелика, и, по прогнозам «Boston Consulting Group», в ближайшее время едва ли можно ожидать ее увеличения[9].

Причины подобных различий во многом коренятся в избранной **стратегии приватизации**. В России формирование национальных бизнес-групп началось в процессе ваучерной приватизации (сами структурные

элементы которой – введение приватизационных чеков как ценных бумаг на предъявителя, свободный оборот чеков, отсутствие должного контроля за чековыми инвестиционными фондами и банками – способствовали концентрации ваучеров в руках небольшой группы инвесторов). Окончательное закрепление складывающейся структуры собственности произошло в ходе «залоговых аукционов» 1995—1997 гг., как правило, характеризовавшихся практически полным исключением конкурентной борьбы между инвесторами. Другим важным фактором в формировании «крупного национального бизнеса» стала реформа естественных монополий: иностранные инвестиции в такие корпорации, как ОАО «Газпром» или РАО «ЕЭС», были априори жестко ограничены.

В Казахстане широкомасштабная приватизация началась несколько позже, чем в России. Купонная приватизация завершилась в 1996 г., но из нее были исключены крупнейшие предприятия страны. Напротив, приватизация крупнейших и наиболее привлекательных объектов собственности (в основном нефтегазовых месторождений) с самого начала происходила по индивидуальным проектам, ориентированным на создание международных консорциумов с участием крупнейших транснациональных корпораций (ТНК). Переговоры о создании первого консорциума «Тенгизшевронойл» были начаты еще в 1989 г.[10]. К декабрю 1994 г. были заключены первые договоры о передаче стратегически важных предприятий в трастовое управление иностранным компаниям. Практика индивидуальных инвестиционных проектов сохранялась вплоть до конца массовой приватизации. Все значимые предприятия нефтегазового комплекса приватизировались по особым проектам. Реформы естественных монополий также были связаны с привлечением иностранных инвестиций. Наиболее ярким примером является реорганизация электроэнергетики страны. В рамках последней были выделены «конкурентная» (генерирующие компании) и «монопольная» (магистральные сети АО «KEGOG») составляющие. Многие из электростанций были проданы иностранным инвесторам[11].

Таким образом, если в России приватизация и реформа естественных монополий с самого начала строились так, чтобы поддержать формирование национального крупного бизнеса, то в Казахстане те же реформы проводились с ориентацией на иностранного инвестора. На наш взгляд, можно выделить несколько взаимосвязанных причин подобной дифференциации экономической политики:

1. Политический режим в Казахстане с самого начала характеризовался **большей стабильностью**, чем в России. Соответственно, если в России приватизация во многом должна была создать «опору» новой политической системы в лице группы сверхкрупных корпораций, заинтересованных (в том числе и в силу сомнений в легальности приобретения ими прав собственности на активы) в сохранении существующего политического режима, то в Казахстане эта проблема стояла менее остро.

2. В России оппозиция (да и население в целом) в силу психологических и культурных факторов с самого начала **негативно относились к массовой передаче активов в руки иностранных инвесторов**. Ельцин, над которым тяготело обвинение в разрушении СССР и в том, что благодаря ему Россия утратила статус супердержавы, имел основания бояться еще и обвинения в «распродаже Родины». В Казахстане мощная левая оппозиция отсутствовала, и в массовом сознании не было комплексов, связанных с утратой великодержавного статуса. Если в России приход иностранных инвесторов мог восприниматься как свидетельство утраты ее самостоятельности, понижения ее международного статуса, то в Казахстане, напротив, это было как бы свидетельством его новой самостоятельности, повышения статуса.

3. Политический режим Казахстана, как и в большинстве формирующихся государств, нуждался в **международной легитимации**, способом достижения которой был и приход иностранных инвесторов. В России эта проблема не стояла.

Важную роль сыграла и **«зависимость от избранного пути развития»** (path dependence). Принятые на первом этапе реформ (возможно, и в силу субъективных факторов) политические решения «диктовали» всю логику дальнейшего развития событий как в политике, так и в экономике. В России национальному бизнесу было дано время на формирование мощных групп интересов, способных эффективно воздействовать на решения государственных органов власти. Не случайно даже в 2002 г., когда политическое влияние крупного капитала в России уже заметно ослабло, приватизационные проекты («Славнефть») реализовывались со значительным участием групп интересов. Иностранный капитал пришел в Россию тогда, когда этого захотели национальные бизнес-группы (эмиссия ADR[12] на международных рынках, слияние BP—ТНК). В Казахстане, напротив, «пришедшие» в экономику уже на раннем этапе иностранные ТНК смогли создать центр власти и влияния, воздействующий на национальную политику.

Определенной «бифуркационной точкой развития» стал и кризис 1998 г., также породивший собственные эффекты «path dependence», выразившиеся в оттоке иностранных инвестиций и слабости банковской системы России. Казахстан, как будет показано ниже, избежал кризиса и связанных с ним негативных последствий[13].

Что же дала Казахстану политика последовательных либеральных реформ и «открытых дверей» для иностранных инвесторов? Вопрос этот весьма важен и для Казахстана – при определении дальнейшей стратегии экономического развития, и для России, в которой все чаще звучат призывы учитывать «казахстанский опыт», например при реформировании электроэнергетики или банковской системы.

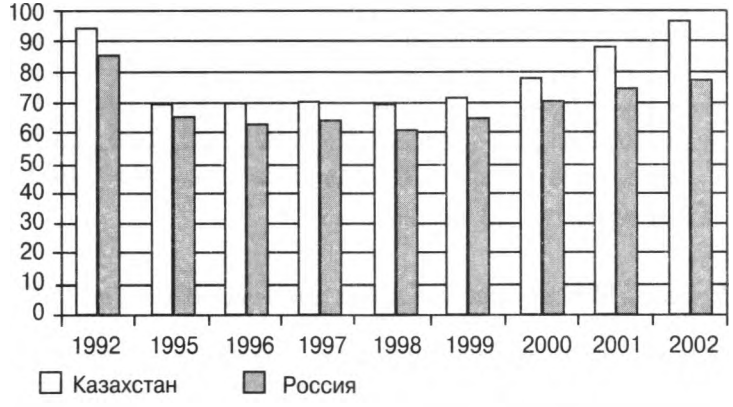
2. Итоги развития экономики Казахстана и России в 1990-х гг.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось в России и в Казахстане резким спадом объемов производства, особенно в обрабатывающей промышленности и в сельском хозяйстве. Данное явление получило название **«трансформационного спада»**. К концу трансформационного спада Казахстан потерял более 60 % экономического потенциала[14]. При этом в структуре промышленности произошли серьезные изменения. В дореформенный период в обеих странах (прежде всего в России) ведущую роль играла обрабатывающая промышленность (в России доля машиностроения в промышленном производстве составляла более 25%, т. е. больше, чем металлургии, топливной промышленности и электроэнергетики вместе взятых[15]; в Казахстане на машиностроение также приходилось более 15%, в то время как на металлургию и нефтегазовую промышленность – всего около 20%). В Казахстане несколько более высокой была роль сельского хозяйства и добывающей промышленности, чем в России.

Результатом реформ стала примитивизация экономики – резко упала доля обрабатывающих и выросла доля добывающих отраслей[16]. В России спад ВВП оказался еще большим, чем в Казахстане, однако примитивизация экономики была менее выраженной – спад в промышленности был более медленным, чем в Казахстане (см. рис. 1 и 2).

Спад ВВП на душу населения в 1988—1993 гг. в России составил 27%, в Казахстане – 26%[17].

Рис. 1. ВВП России и Казахстана в % к 1991 г.

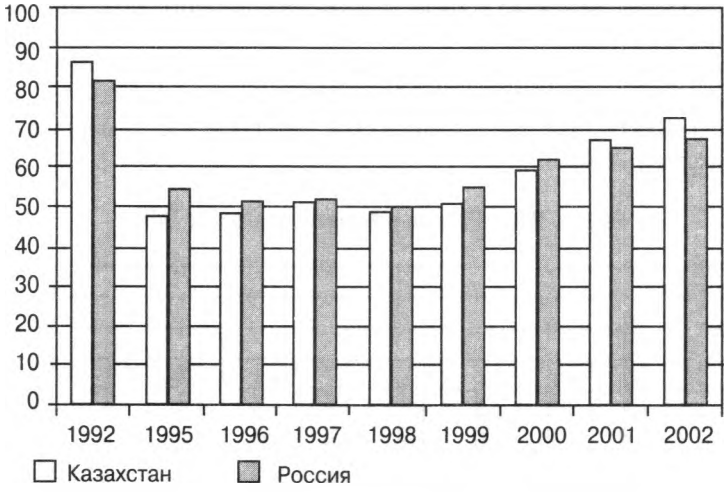


Источник: Межгосударственный статистический комитет СНГ.

В середине 90-х гг. большой урон экономике обеих стран нанесла инфляция. В 1993 г. она составила в Казахстане 3200% за год. В России за тот же период она достигала, по некоторым оценкам, 1008% за год[18]. Поэтому основным содержанием экономической политики обеих стран

1995—1997 гг. стала, прежде всего, монетарная макростабилизация за счет всемерного сокращения бюджетных затрат и денежной массы. Важную роль в бюджетной стабилизации в обеих странах сыграла эмиссия государственных ценных бумаг[19]. В России эмиссия государственных облигаций (ГКО) осуществлялась крайне высокими темпами, в том числе и для покрытия расходов по обслуживанию ранее выпущенных траншей. Результатом стали рост доходности ГКО до нереалистично высокого уровня и формирование «долговой пирамиды». В Казахстане эмиссия государственных ценных бумаг была более «сдержанной» – спрос на ГККО[20] систематически превышал предложение, что привело к снижению их доходности[21]. Частично это объясняется тем, что значительные прямые иностранные инвестиции делали ненужным наращивание долговой пирамиды.

Рис. 2. Промышленное производство в России и в Казахстане в % к 1991 г.



Источник: Межгосударственный статистический комитет СНГ.

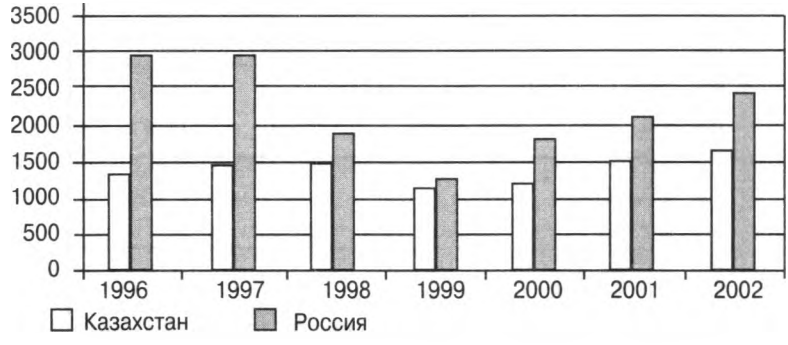
В Казахстане политика стабилизации дополнялась восстановлением производства за счет льготного привлечения иностранных инвесторов. В России, как уже было отмечено выше, иностранные инвесторы практически не были допущены к приватизации. Зато на валютном рынке и рынке государственных облигаций в России иностранные инвесторы (возможно, именно из-за отсутствия возможностей для прямого инвестирования) играли более важную роль, чем в Казахстане. По некоторым данным, до 30% рынка государственных облигаций России к 1998 г. кон-

тролировалось иностранными игроками[22]. Казахстанский фондовый рынок оставался внутренне замкнутым в силу ограничительного законодательства и более краткой истории, чем в России, а валютный был в недостаточной степени развит.

Последнее обстоятельство сыграло немаловажную роль во время мирового финансового кризиса 1997—1999 гг. И в России, и в Казахстане он пришелся на конец периода глубоких преобразований и стабилизационной политики. Открытость фондовых и валютных рынков России для внешних шоков, неизбежный крах «долговой пирамиды» ГКО, а также решение государственных властей об одновременном объявлении дефолта и девальвации привели к коллапсу банковской системы и резкому экономическому спаду[23]. Казахстан мировой кризис затронул не слишком сильно и серьезно сказался только через падение цен на нефть, с запаздыванием почти на год. Хотя тенге тоже был девальвирован, массовый банковский кризис и всплеск инфляции, оказавшие столь негативное воздействие на российскую экономику, в Казахстане не наблюдались. Самым трудным оказался 1999 год, но уже в следующем году рост сырьевого экспорта задал высокие темпы общего экономического подъема. Впрочем, и в России обесценение рубля позволило вытеснить с внутренних рынков иностранные товары и повысить рентабельность экспорта, что привело к быстрому преодолению кризиса[24].

В 1997 г. Казахстан, а в 1999 г. и Россия вступили в период **экономического подъема**. Причем темпы роста в Казахстане существенно выше, чем в России. На протяжении трех последних лет Казахстан стабильно сохраняет темпы роста ВВП на уровне 10—11%, а Россия – лишь около 5%. В результате за период с 1999 г. общий рост в Казахстане составил 45%, в России – более 20%. Начался рост ВВП на душу населения (см. рис. 3).

Рис. 3. ВВП на душу населения в России и Казахстане, долл.

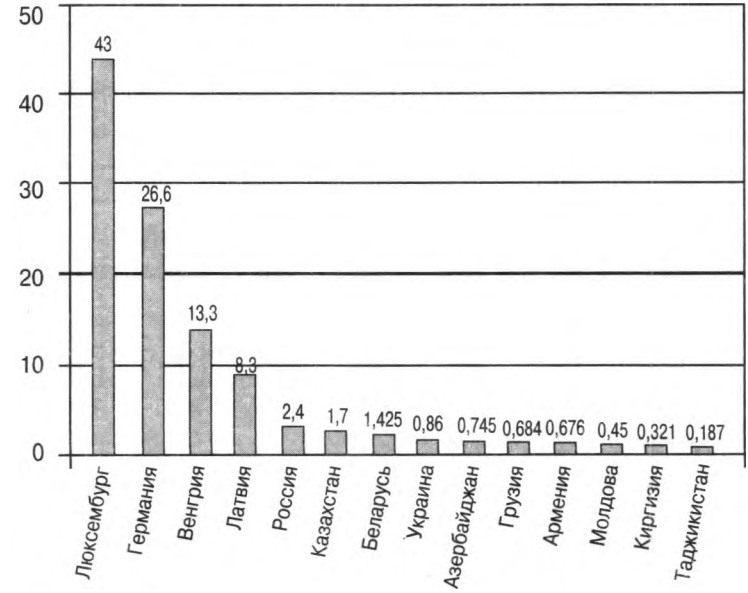


Источники: Экономические тенденции Казахстана (www.sana.kz); Брилл Олкотт *М.* Казахстан: Непройденный путь. М.: Фонд Карнеги, 2003. С. 288; данные Госкомстата РФ.

Рис. 4. Объем ВВП России, Казахстана и других стран СНГ

В 2002 г. объем ВВП Казахстана вышел на уровень 3747,2 млрд. тенге – порядка 24,5 млрд. долл., или около 1700 долл. на человека (уровень таких латиноамериканских стран, как Эквадор и Гватемала). Сейчас ВВП Казахстана намного больше, чем совокупный ВВП всех остальных стран Центральной Азии. ВВП Российской Федерации достиг уровня 346,5 млрд. долл. (см. рис. 4), ВВП на душу населения составляет 2397 долл., т. е. на 40% больше, чем в Казахстане (рис. 5).

Рис. 5. ВВП на душу населения в странах СНГ и некоторых европейских странах

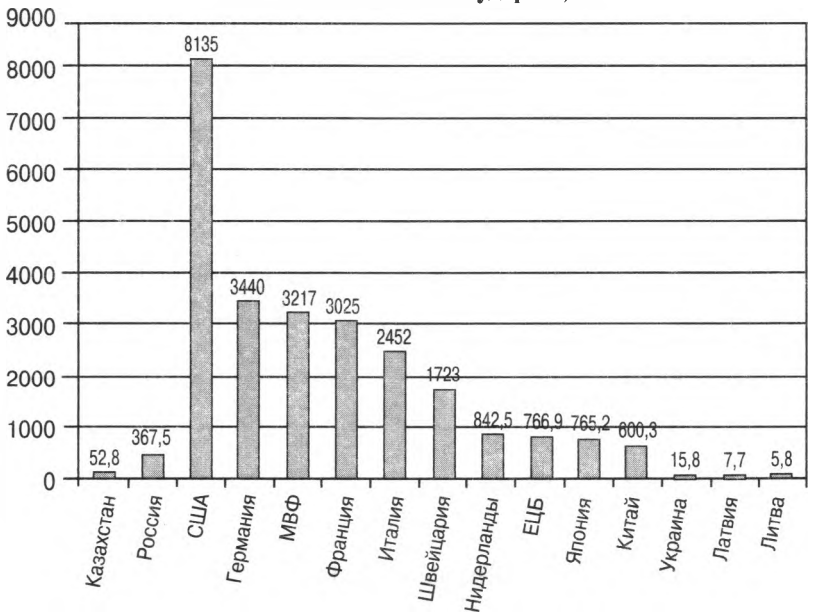


Продолжает усиливаться внешнеторговая позиция обоих государств. За 2002 г. экспорт товаров из Казахстана вырос на 13,5% и составил более 10,2 млрд. долл. США, а импорт снизился еще на 4,5% – до 7,5 млрд. долл. Дефицит текущего счета не превышает 2,5% ВВП. Объем российского экспорта товаров за 2002 г. также вырос – на 5,6%. Импорт увеличился на 13% (около 60 млрд. долл.), однако составил лишь 56% от величины экспорта[25]. На протяжении всех 1990-х гг. внешнеторговый баланс России неизменно оставался положительным.

Рост экспорта способствует притоку в страну валюты и увеличению золотовалютных резервов. В Казахстане они рассредоточены между Национальным фондом (около 3,8 млрд. долл.), куда поступает значительная часть выручки от продажи нефти, и Национальным банком (более 6,2 млрд. долл.). Еще более 3,5 млрд. в долларовом эквиваленте сосредоточено в накопительной пенсионной системе. В целом размер золотовалютных резервов страны превысил 10 млрд. долл., что обеспечивает покрытие более полугода импорта товаров и услуг и позволит Казахстану, в случае падения цен на нефть ниже 10 долл. за баррель, продержаться без бюджетного кризиса в течение двух лет и более. Золотовалютные резервы РФ к октябрю 2003 г. достигли 62 млрд. долл.

Казахстан занимает 40-е место в мире по объему золота, находящегося в государственном резерве, имея 52,8 тонны (14,1% в структуре золотовалютных резервов). В России доля золота в резервах составляет около 6%, т.е. 287,5 тонн (см. рис. 6).

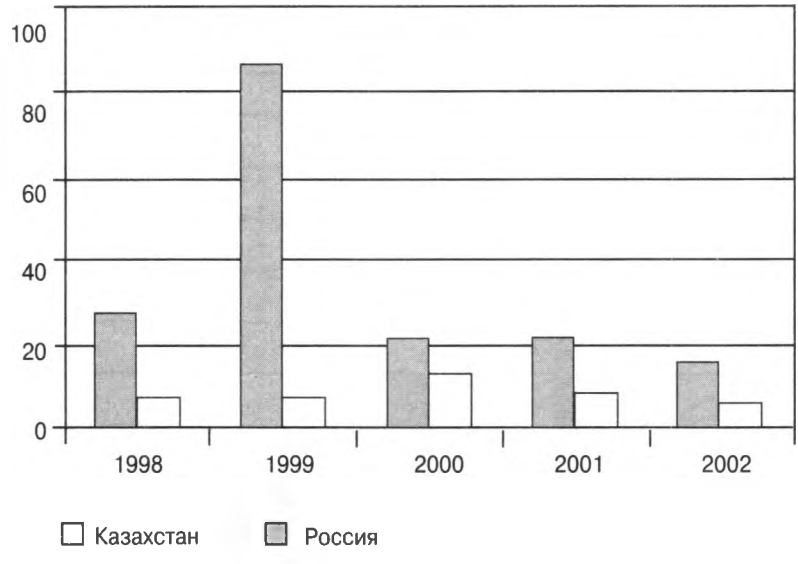
Рис. 6. Золотой запас государств, тонн



Оба государства в условиях экономического роста активно проводили политику снижения внешней задолженности. В 2000 г. Казахстан досрочно вернул долг Международному валютному фонду в объеме 400 млн. долл. На первое января 2004 г. общий государственный (внутренний и внешний) долг правительства Казахстана составлял около 4227 млн. долл. (примерно 13% от ВВП), тогда как Европейский союз требует от своих партнеров, чтобы этот показатель не превышал 60%. Россия также с 2000 г. исправно осуществляет платежи по внешнему долгу, доля которого в ВВП неуклонно снижается (2000 г. – 62%, 2001 г. – 50%, 2002 г. – 48 %)[26].

По некоторым макроэкономическим показателям результаты функционирования экономики Казахстана выглядят куда лучше, чем России. Казахстан смог добиться высоких темпов роста при сравнительно невысокой инфляции. За 2002 г. среднегодовая инфляция снизилась с 8,4 до 5,9%. В 2003 г. инфляция в Казахстане планируется ниже 6%. В течение трех лет планируется выйти на стабильный уровень годовой инфляции в пределах 3%. Среднегодовой уровень инфляции в России почти в два раза превысил казахстанский (см. рис. 7). В 2003 г., по оценкам Центра макроэкономических исследований и краткосрочного прогнозирования, уровень инфляции должен составить около 13%[27].

Рис. 7. Инфляция в России и Казахстане, %



Источник: ЦБ РФ, Национальный банк Казахстана.

Замедление темпов инфляции стало основной причиной поэтапного снижения ставки рефинансирования к концу 2002 г. до самого низкого уровня со дня приобретения Казахстаном независимости – 7,5%. Аналогичный процесс шел и в России, но ставка рефинансирования на конец 2002 г. составляла 25%, а в июне 2003 г. была снижена до 16%. Стоимость кредита Центрального банка в Казахстане также ниже, чем в России.

Таким образом, макроэкономическая динамика, казалось бы, подтверждает гипотезу о лидерстве казахстанской экономики. Оценка меняется, если учесть **качественные** аспекты роста. Они в обеих странах совпадают. И в Казахстане, и в России рост происходит в основном за счет экспорта природных ресурсов на фоне благоприятной для нефтедобывающих стран ценовой конъюнктуры на рынке энергоносителей. Определяющую роль играет нефтегазовый сектор[28]. В России в 2002 г. на него пришлось почти 20% ВВП, 55% экспортной выручки и 40% всех налогов. За последние 5 лет в России показатели добычи нефти стабильно росли. Сейчас показатель ежесуточной добычи очень близок к отметке 1992 г. – 8 млн. баррелей (около 1 млн. тонн). Но ей далеко до Казахстана, где абсолютный рекорд всех времен был перекрыт еще в 1999 г. показателем 30 млн. тонн[29]. Доля нефтегазового комплекса в ВВП Казахстана также почти в 3 раза выше, чем в России. Если в России в прошлом году на душу населения было добыто немногим более 2 тонн нефти, то в Казахстане аналогичный показатель превысил отметку в 3 тонны. К 2005 г. ожидается, что он составит уже все 4 тонны. Локомотивом роста является шельф Каспийского моря[30].

Сырьевая ориентация экономики ясно видна при анализе структуры экспорта. Удельный вес минерального сырья в общем объеме казахстанского экспорта составляет порядка двух третей, металлургической продукции – около четверти, почти все остальное – зерно и другое сельхозсырье. Продукции с добавленной высокой технологической стоимостью практически нет. В России в 2002 г. почти 57% экспорта в страны «дальнего зарубежья» приходилось на минеральное сырье; еще 15% составляла продукция черной и цветной металлургии. Как и в Казахстане, экспорт характеризуется низкой долей продукции с высокой степенью обработки.

Итак, можно говорить о господстве экспортно-сырьевой модели роста, характеризующейся высокой неустойчивостью и зависимостью от внешних, не контролируемых самими странами факторов.

Несмотря на это, правительства обеих стран строят **амбициозные планы** на будущее. Правительство Казахстана ставит перед собой задачу обеспечить в ближайшие три года среднегодовой реальный прирост ВВП на уровне 7—7,5%. Прирост промышленного производства планируется в 2003—2006 гг. на уровне 9—9,5% ежегодно при среднем уровне инфляции в пределах 4,5—5,5%. При этом к 2006 г. показатель ВВП на душу населения планируется довести до 2,6 тыс.долл., что в 1,5 раза выше сего-

дняшнего уровня. За этот период планируется сократить долю населения, имеющего доходы ниже прожиточного уровня, до 20%.

Стратегия индустриально-инновационного развития на период до 2015 г. предусматривает обеспечение темпов роста экономики не менее чем на 8,8—9,2% в год, увеличение объема ВВП примерно в 3,5—3,8 раза, доведение среднегодовых темпов роста в обрабатывающей промышленности до 8—8,4%, повышение производительности труда не менее чем в 3 раза и снижение энергоемкости ВВП в 2 раза[31].

Для реализации этой программы созданы такие базовые институты, как Банк развития, инвестиционный и инновационный фонды и корпорация по страхованию экспорта. Основные импульсы для роста должны исходить из нефтегазового сектора, быстрое развитие которого является основой всех официальных планов.

Планы российского правительства не менее амбициозны. Российским президентом в послании Федеральному Собранию в 2003 г. была предложена стратегическая цель удвоения ВВП за десятилетие (что можно было понять двояко – как удвоение ВВП к 2010 г. или же удвоение ВВП через десять лет, к 2013 г.). Текущие прогнозы Министерства экономического развития и торговли более скромны: на 2003—2004 гг. прогнозируется рост в среднем на 4,7% в год[32]. Начиная с 2006 г. темпы роста вырастут до 6%. К 2010 г. ожидается рост на уровне 10%. Уровень инфляции должен снизиться уже к 2004 г. до 8—10%; такое же плавное снижение темпов инфляции ожидается и в дальнейшем.

Реальны ли эти планы (как в Казахстане, так и в России)? На наш взгляд, в принципе реализация их возможна в обеих странах, поскольку налаженный экспорт сырья за границу является серьезнейшим преимуществом обеих стран. Проблема лишь в способности политических институтов страны обеспечить использование сырьевой ренты на цели национального развития. И эта проблема, как мы увидим, остро стоит как перед Казахстаном, так и перед Россией.

Теоретически Казахстан и Россия имеют все возможности для вхождения в число технологически развитых стран с высоким жизненным уровнем населения за счет эффективного использования экспортной валютной выручки. На наш взгляд, об этом ясно свидетельствует огромный ресурсный потенциал обеих стран[33].

Экспорт Казахстана за 2002 г. составлял более 10,2 млрд. долл., т. е. при населении в 14,8 млн. человек на одного жителя приходилось около 750 долл. валютной выручки. За 2003 г. он вырос еще на 33% и превысил 12,9 млрд. долл. При этом есть хорошие перспективы его дальнейшего роста[34]. В России за 2002 г. экспорт в ценах ФОБ составил 107,6 млрд. долл., т. е. примерно в 10 раз больше, чем в Казахстане[35]. Население России также в 10 раз больше, чем в Казахстане, – примерно 145 млн. человек.

Таким образом, потенциал двух стран представляется сопоставимым.

В обеих странах не требуется расходовать иностранную валюту на финансирование собственно добычи сырья, поскольку внутри этих стран имеется весь тот производственный, кадровый и научный потенциал, который необходим для изготовления потребного для нефтедобывающих, горнообогатительных и металлургических производств оборудования, комплектующих и материалов. Имеется и достаточный производственный потенциал для возможности «очистить» валютный импорт от затрат на завоз основных продуктов питания, «базовых» видов одежды и обуви и других товаров массового спроса. Сырьевой экспорт дает возможность массированно завозить в страну «прорывные» технологии, оборудование и ноу-хау XXI в., финансировать масштабные социальные и образовательные программы населения, в России – развивать собственный, созданный в советское время огромный и пока еще частично сохранившийся научный потенциал.

Конечно, как уже указывалось выше, потенциал экстенсивного сырьевого роста не безграничен, и в любом случае рано или поздно следует ожидать ухудшения конъюнктуры мировых рынков энергоносителей. Поэтому тем более важно использовать имеющиеся на сегодняшний день возможности. Определить, каким образом экспортный потенциал используется в сложившейся политико-экономической системе, мы попытаемся в следующем разделе.

3. Экономические эффекты сырьевого экспорта

Что же в действительности инвестирует «валютный экспорт» в России и в Казахстане?

Прежде всего, в обеих странах значительная часть сырьевой ренты **безвозвратно утрачивается** для национальной экономики в результате **недовозврата выручки или «бегства капитала»**.

В России нетто-отток капитала продолжается уже на протяжении 10 лет, в отдельные периоды достигая 0,5 млрд. долл. в неделю[36]. Частично «бегство капитала» находит выражение в официальной статистике платежного баланса. В 2002 г. нетто-отток капитала несколько снизился, что было связано с чисто статистическими явлениями, а не с реальным притоком средств[37]. В начале 2003 г. впервые наблюдался нетто-приток инвестиций, вновь сменившийся оттоком после «дела Юкоса» (в первом полугодии нетто-ввоз капитала частным сектором составил 3,6 млрд. долл., зато за третий квартал отток, нетто-вывоз достиг 7,7 млрд. долл.)[38].

Однако значительная часть «бегства капитала» происходит в виде различных нелегальных и полулегальных схем[39]. Например, рассмотрим статью платежного баланса «Чистые ошибки и пропуски». Эта статья вводится для «балансировки» платежного баланса и дает представление о масштабах неучтенных официальной статистикой трансграничных операций[40]. Ее размер по итогам первого полугодия 2003 г. составил 1,9 млрд. долл.[41]. Таким образом, сумма, эквивалентная 10% экспортной выручки,

«исчезает» из страны. Еще одним показателем значительного оттока капитала является дифференциация между долей сбережений в ВВП (31%) и долей инвестиций в ВВП (21%)[42].

В Казахстане проблема недовозврата валютной выручки приобретает несколько отличную статистическую форму[43], что может быть связано со спецификой статистики, методами «вывоза» капитала или невозвращения выручки, правовыми особенностями, однако суть проблемы не меняется. Все последние годы стабильный рост экспорта здесь сопровождается таким же снижением импорта. Так, за тот же 2002 г. импорт снизился еще на 4,5% – до 7,5 млрд. долл. В итоге внешнеторговое сальдо составило плюс 2,7 млрд. долл. За первые пять месяцев 2003 г. плюсовое сальдо составило 1,628 млрд. долл. Но при этом (по данным Национального банка) по итогам того же 2002 г. получено отрицательное сальдо счета текущих операций в размере 600 млн. долл.[44]. И далее Нацбанк добавляет, что приток 2 млрд. долл. иностранных инвестиций с избытком финансировал дефицит по счету текущих операций и обеспечил прирост международных резервов Национального банка. Причем Нацбанк объявляет большой удачей, что отрицательное сальдо текущего счета составило «всего» 600 млн., указывая, что в 2001 г. оно было в 1,8 раза больше.

Таким образом, во внешнем торговом балансе оказались «свободными» 2,7 млрд. долл., внутри же страны практически тот же валютный баланс был сведен с дефицитом 600 млн. долл., т. е. где-то «потерялись» 2,7+0,6=3,3 млрд. долл. Можно утверждать, что эти средства и представляют собой недовозврат валютной выручки (а также, как будет показано ниже, – средства, обращающиеся в виде долларового «кеша»). При этом в виде «иностранных инвестиций» в Казахстан поступило только 2 млрд. долл. Следовательно, за границей за один только прошлый год «осело» 3,3 – 2 = 1,3 млрд. долл. (разница между притоком и оттоком средств)[45].

Определенный таким образом дисбаланс в 3,3 млрд. долл., по всей видимости, занижен еще на 2 – 3 млрд. долл. Это связано с использованием различного рода посреднических схем и трансфертного ценообразования. По данным Центра экономической информации правительства, потери бюджета по трансфертному ценообразованию ежегодно превышают 500 млн. долл. Реально же, на наш взгляд, объем экспорта занижен, очевидно, не менее чем на 1 – 1,5 млрд. долл.[46].

При этом в отношении обеих стран можно, как минимум, выразить сомнение в **эффективности структуры импорта**. Структура импорта Казахстана представлена на рисунке 8.

Заметим, что большая часть машин, оборудования, транспортных средств, химической и металлургической продукции идет в ту же горнодобывающую отрасль, т. е. просто на воспроизводство того же сырьевого экспорта потрачено до трех четвертей валютного импорта. Большая же часть оставшегося – затраты на то элементарное потребление, которое можно было бы обеспечить и за счет внутреннего потенциала[47].

В импорте России доминируют машины и оборудование (около 40%), продовольствие (24%) и продукция химической промышленности (около 17%). Поскольку наиболее быстрыми темпами в России растут именно нефтегазовая и металлургическая промышленность, можно предположить, что они же и являются основными потребителями импортируемого оборудования.

Рис. 8. Струтура импорта Казахстана

Таким образом, в России, как и в Казахстане, выручка от экспортно-ориентированных отраслей не становится источником для роста экономики в целом. Более того, в условиях благоприятной конъюнктуры на мировых рынках доминирование «сырьевой ориентации» роста экономики лишь закрепилось. Рост в сырьевых отраслях лишь в ограниченных масштабах «передается» обрабатывающей промышленности[48].

В Казахстане, за вычетом реальных затрат, в распоряжении продавцов сырья (на данном уровне экспорта) остается всего порядка 4–6 млрд. долл. в год. Из них 2 – 3 млрд., по всей видимости, полностью теряются для страны. Порядка 2 млрд. долл. легально возвращаются в Казахстан, однако в виде так называемых «иностранных инвестиций». Эти средства используются для дальнейшего закрепления присутствия «инвесторов» и расширения экспорта сырья. Какая-то часть «избыточных» нефтедолларов попадает в коммерческие банки, чем и объясняется их удивительно бурный рост, несмотря на высокую стоимость коммерческих кредитов (как будет показано в следующем разделе). Еще одна существенная часть экспортной выручки также остается в стране – в виде выводимого из-под учета «кеша», без которого не может работать такой бизнес. Этот долларовый «нал» материализуется внутри страны в виде закупок очень дорогих автомобилей, строительства элитного жилья, супер-офисов, сверхдо-

рогих салонов, ресторанов, магазинов, казино и других «злачных» заведений, а также активного загрантуризма. Судя по объемам долларовых затрат, сосредоточенных в двух «чиновных» столицах – Алма-Ате и Астане и еще в трех-четырех «сырьевых» областных центрах, на «смазку» оффшорного и других видов «непрозрачного» экспорта в год расходуется до миллиарда долларов или еще больше.

В экономике России, очевидно, наблюдаются сходные с Казахстаном явления: выручка от экспорта сырья или вывозится из страны, или используется для развития нефтегазового комплекса, или функционирует в виде полулегального наличного долларового оборота, также концентрирующегося в нескольких центрах (прежде всего в Москве).

Итак, как ни странно, несущественным оказывается, доминируют ли в экономике национальные или иностранные корпорации, – вопрос в том, какие цели они преследуют. И в России, и в Казахстане ведущие бизнес-структуры заинтересованы прежде всего в развитии сырьевых отраслей и возможности «репатриации» (для ТНК) или «вывоза» (для национальных корпораций) прибыли. В обеих странах в силу тесной связи крупнейших бизнес-структур и власти они могут оказывать существенное воздействие на государственную политику. В Казахстане речь идет прежде всего о трех группах корпораций с мощным потенциалом влияния:

а) реальные транснациональные компании, воздействующие на руководство Казахстана в основном методами «большой дипломатии» («Шеврон-Тексако», «Мобил», «Аджип», «ЭНИ», «Лукойл» и т. п.);
б) полуиностранные, псевдоиностранные и оффшорные компании, играющие роль «мостиков» между реально транснациональным и «семейным» бизнесом самих госруководителей («Евразийская группа», «Самсунг», «Испат-Кармет», «Харрикейн» и т.п.);
в) национальные компании, возглавляемые родственниками и доверенными людьми руководителей государства.

Сходная ситуация существует и в России. Во-первых, крупнейшая экспортно-ориентированная сырьевая корпорация «Газпром» контролируется государством, что в условиях российской политической системы означает – правящей группой. Таким образом, интересы (например) «Газпрома» становятся фактором, играющим важную роль при определении экономической политики. Во-вторых, на протяжении 1990-х гг. власть и бизнес неоднократно «обменивались» высшими руководящими кадрами[49]. Более того, слияние бизнес-элиты и чиновничества произошло еще до появления частных нефтяных корпораций: можно сказать, что приватизация проводилась уже в пользу «своих». В российской политической элите, таким образом, также всегда было немало людей, непосредственно заинтересованных в сохранении «статус кво», в том числе и потому, что они сами участвовали в «присвоении ренты»[50].

Таким образом, политическая элита в силу самого факта участия в собственности и возможности присвоения ренты заинтересована в сохранении существующей структуры экономики[51].

4. Валютный рынок, банковская сфера и инфляция

Одним из распространенных аргументов в пользу казахстанской стратегии развития национальной экономики являются успехи банковской системы страны (по сравнению с Россией и другими государствами СНГ). Об этом свидетельствует быстрый рост собственного капитала, активов, кредитов и депозитов, увеличение объемов кредитования промышленности[52]. Средний размер вкладов на душу населения за год вырос с 84 до 115 долл. США, что является самым высоким показателем среди стран СНГ после России. По объему капитала на один банк Казахстан лидирует в Содружестве, опережая Россию (в силу более высокой концентрации банковской системы). Это свидетельствует о большем потенциале банков в предоставлении крупных кредитов промышленности, финансировании крупных проектов.

Темы прироста основных показателей банковской сферы в Казахстане превышают российские (см. рис. 9). Российский банковский сектор, конечно, получил импульс в своем развитии от общего роста экономики. Тем не менее в 2002 г. темпы прироста многих показателей замедлились[53].

Рис. 9: Прирост показателей банковской системы, 2002 г. по сравнению с 2001 г.

Источник: Национальный банк Казахстана, Центральный банк РФ, Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования.

Причины относительной слабости российской банковской системы частично коренятся в специфике **структуры собственности**. В отличие от Казахстана, где в наиболее прибыльных отраслях господствуют иностранные инвесторы, в России существует множество альтернатив инвестированию в банковской сфере, тем более что норма прибыли в банковском секторе в России невелика (16% против 24% в среднем по промышленности за 2002 г.)[54]. Поэтому замедление роста банковской сферы в России оказалось в какой-то степени следствием улучшающейся ситуации в реальном секторе российской экономики: промышленные корпорации сократили вложения в банковский сектор, сосредоточившись на финансировании новых инвестиционных программ. В Казахстане, как было указано выше, большая часть наиболее прибыльных активов контролируется иностранными инвесторами. Поэтому для национального бизнеса в Казахстане инвестиции в уставные фонды банков представляют больший интерес, чем в России, тем более что доходность банковской системы постоянно растет – только за 2002 г. чистая прибыль банков второго уровня после уплаты налогов выросла почти в 3 раза[55]. (О причинах этого роста будет сказано ниже.)

Сходные факторы оказывают воздействие и на сферу кредитования. В России в 2002 г. банки столкнулись с проблемой постоянного роста риска кредитного портфеля, в то время как наиболее надежные предприятия предпочитали привлекать более дешевое финансирование на мировых рынках и у банков-нерезидентов (это явление в экономической науке получило название «**credit crunch**»)[56]. В Казахстане выход национальных корпораций на мировые финансовые рынки происходит более медленными темпами, да и национальный рынок негосударственных ценных бумаг менее развит, поэтому проблема «credit crunch» не стоит или, как минимум, является менее острой.

Не следует забывать и о «наследии» кризиса августа 1998 г., наиболее остро проявившегося в России именно в банковской сфере. **Доверие** к российскому банковскому бизнесу (в том числе и как к возможному объекту для инвестиций, дающих устойчивый доход) было потеряно как внутри страны, так и за рубежом. Казахстан же смог не только пережить кризис, но и создать репутацию страны с устойчивыми финансовыми институтами.

Свой вклад внесли и более жесткий банковский надзор в Казахстане, и сравнительно ранний переход на **международные стандарты финансовой отчетности** (МСФО): в Казахстане этот процесс для крупных банков уже завершен, а в России переход к МСФО лишь запланирован на 2004 г. (что, очевидно, связано с позицией ТНК, для которых МСФО являются единственным понятным языком отчетности). В отличие от России (где подобные проекты только обсуждались) Казахстан проводил гораздо более **жесткую политику** в отношении малых банков, результатом чего ста-

ла большая, чем в России, консолидация банковской системы. Это не могло не отразиться на макропоказателях (стала ли от этого банковская система «лучше» выполнять свои экономические функции – отдельный вопрос, особенно если учесть, что число банков и банковских филиалов на душу населения и в России, и в Казахстане существенно ниже аналогичных показателей для промышленно развитых стран)[57].

Однако главный источник «силы» казахстанской банковской системы, на наш взгляд, коренится в особенностях государственной политики на **валютном рынке**. Рассмотрим ее более подробно.

Общей проблемой всех ориентированных на экспорт природных ресурсов экономик является «голландская болезнь»[58]. Связанные с ней проблемы представлены на схеме 1.

Схема 1. «Голландская» болезнь

Проблема «голландской болезни» является острой и для России, и для Казахстана. Все последние годы, с момента стабильного наращива-

ния сырьевого экспорта, Национальному банку Казахстана и Центральному банку России приходится со все большим и большим напряжением сил отражать одну и ту же опасность для устойчивого курса национальной валюты – «избыточное» предложение долларов. В обеих странах именно Центральный банк фактически является основным «игроком» на внутреннем валютном рынке, скупающим все большее и большее количество «лишней» валюты. Так, только за первые четыре месяца 2003 г. Нацбанк Казахстана скупил **один миллиард** «избыточной» валюты. В мае был поставлен очередной рекорд: за счет покупки долларов золото-валютные запасы пополнились еще на **332,3 млн. долл.**, в июне – еще больше, а общий объем валютного закупа за полугодие составил 1,6 млрд. долл. В России наблюдаются аналогичные процессы роста золото-валютных резервов (с 28 млрд. долл. в январе 2001 г. до 62 млрд. долл. в сентябре 2003 г.), который подстегивают и «воспоминания» августа 1998 г.[59].

Однако все усилия центральных банков не могут предотвратить постепенного «укрепления» национальной валюты. Если в прошлые годы Нацбанк еще мог (в помощь сырьевым экспортерам) «плавно опускать» биржевой курс тенге, то в последнее время тенге все более становится «неуправляемым».

В бюджет 2002 г. было заложено снижение курса тенге примерно на 4%, фактически же национальная валюта почти не упала в стоимости, хотя Нацбанк скупил (и омертвил в своих резервах) около миллиарда «избыточных» долларов. Закон о бюджете на 2003 г. также был утвержден из расчета ослабления тенге, причем уже на 7,5%, но, несмотря на скупку Нацбанком более 2,5 млрд. долл., национальная валюта, наоборот, укрепилась на 13%. (Соответственно даже официальный рост цен в стране составил не объявленные правительством 6,8%, а, как минимум, 20%. С учетом же теневого денежного обращения цены подскочили на 40—50%.)

Закон о бюджете на 2004 г. также был принят в надежде «переломить» укрепление нацвалюты и был рассчитан на ослабление ее уже на целых 14%. Однако уже в январе Нацбанк, не в силах справиться с наплывом «избыточной» валюты, смирился со «свободным» плаванием курса тенге, а в мае произошел «великий перелом»: правительство официально изменило заложенный в бюджет среднегодовой курс с 153/$1 на 138,3/$1 и объявило, что ожидает в 2005 г. 132,8/$1, в 2006 г. – 131,2/$1.

В России курс рубля к доллару также неуклонно повышается. В начале 2004 г. уровень доллара снизился ниже «психологического барьера» 29 рублей за доллар[60]. Результатом является не только ухудшение макроэкономических показателей, но и снижение эффективности экспортных отраслей[61].

Отсюда следует на первый взгляд парадоксальный вывод, что вышеотмеченное «растворение» нескольких миллиардов долларов экспортной выручки буквально спасительно для правительств и центральных банков. Этот вывод проиллюстрирован схемой 2.

Особенно ярко это проявляется для Казахстана, где, по нашим оценкам, возможно «стерилизовать» (без опасности для сырьевых экспортеров) не более 2 – 2, 5 млрд. долл. Если представить себе, что правительство Казахстана сможет реализовать собственные планы импортозамещения, или вместо оффшоров казахстанская нефть станет открыто продаваться на международных биржах, – в таком случае уже сейчас страна столкнулась бы с «проблемой» принятия во внутреннюю экономику как минимум 3—4 млрд. валютных инвестиций ежегодно. А уже через несколько лет через «зеленый коридор» необходимо было бы пропускать миллиардов по 7—10... Конечно, речь не идет о том, что Нацбанк и Правительство Казахстана специально организуют гигантские валютные «стоки» из страны. Однако можно констатировать, что возврат хотя бы половины реальной экспортной выручки превратил бы в руины все макроэкономические балансы Казахстана.

Схема 2. «Голландская» болезнь и непоступление выручки

Более того, массированная скупка Национальным банком «излишков» валюты является одним из барьеров инвестиций во внутреннюю экономику[62]. На внутреннем валютном рынке экспортеры предлагают на продажу лишь то количество долларов, которое обеспечивает им необходимый минимум платежей в национальной валюте: восполнение оборотных средств, зарплата, транспортные и подрядные услуги, налоги, инвестиции в расширение добычи, собственное потребление. Спрос же на валюту, приобретаемую импортерами, определяется платежеспособностью внутреннего потребительского рынка в национальной валюте. В условиях невысокого спроса на валюту со стороны домохозяйств (из-за низкого уровня доходов) и промышленности (также не обладающей ресурсами для модернизации) спрос и предложение несбалансированы. Макроэкономический баланс между спросом и предложением может обеспечивать правительство, например путем «снятия» части сверхвыручки экспортеров через трубопроводные, железнодорожные и энергетические тарифы с направлением этих средств на повышение платежеспособности внутренних покупателей. Важно заметить, что эффективность перераспределения напрямую зависит от качества политических институтов и демократического контроля за властью. В таком случае Нацбанку достаточно было бы лишь кратковременных малообъемных вмешательств для сглаживания «оперативных» колебаний биржевого курса.

По существу «избыточное» предложение валюты говорит об усугубляющемся отставании всей несырьевой экономики и потребительского рынка от быстро наращивающего объемы экспортно-сырьевого сектора, которое может быть ликвидировано лишь одним способом – повышением платежеспособности и инвестиционной емкости внутреннего рынка. Между тем своим участием в валютных торгах, с целью поддержания стабильного курса национальной валюты, Национальный банк на самом деле провоцирует развитие того самого процесса, с которым как бы борется. Скупка «избыточной» валюты с эквивалентным вбрасыванием «дополнительных» тенге создает «инфляционную воронку» в сырьевом секторе, в которую втягиваются (и выносятся за границу) ресурсы внутренней экономики. Экспортеры получают от Нацбанка фактически государственную дотацию – в виде «лишних» тенге, которых они бы не имели при отсутствии Нацбанка на торгах. Соответственно, производители сырья приобретают завышенную платежеспособность, благодаря которой стягивают на себя услуги всех смежных отраслей, лишая несырьевые регионы и отрасли финансовых ресурсов.

Итак, экономика оказывается в «замкнутом круге» постоянно растущего давления поступающей валюты и роста курса тенге. Национальный банк может своими операциями на валютном рынке лишь снять остроту проблемы, но не решить ее полностью. Отказ от вмешательств

сделал бы экспорт невыгодным, что серьезно ударило бы по национальной экономике. Качественно изменить ситуацию мог бы рост спроса на валюту для целей развития и модернизации экономики. Для этого часть валютной выручки должна оказаться в распоряжении обрабатывающих отраслей. А в условиях политических режимов рассматриваемого типа отсутствуют как стимулы у власти к перераспределению выручки, так и гарантия отсутствия злоупотреблений при перераспределении.

В России ситуация несколько иная, поскольку «предложение» валюты обеспечивается не только реальными потребностями экспортеров, но и нормативами продажи валютной выручки. Это создает дополнительное давление на валютный курс. «Избыточное» предложение валюты создается, таким образом, требованиями законодательства. Однако отказ от нормативов мог бы привести к еще большему оттоку средств из России и утрате ресурсов для роста.

Россия обладает сравнительно более развитой обрабатывающей промышленностью, занимающей к тому же уже сегодня существенные позиции на внутреннем рынке. О ее сравнительно большей значимости свидетельствует хотя бы тот факт, что доля сырьевых отраслей в ВВП России (как уже было упомянуто выше) в 3 раза ниже, чем в Казахстане. В сравнительно большей стране сравнительно большая доля внутреннего спроса удовлетворяется национальной промышленностью, а не импортом. Поэтому спрос на валюту при прочих равных факторах ниже. Поэтому и перераспределение выручки в пользу внутреннего рынка не привело бы к полному решению проблемы стерилизации: растущие ресурсы внутреннего рынка в большей степени удовлетворялись бы «внутри страны».

Между тем казахстанские банки второго уровня используют политику Национального банка с целью укрепления собственных позиций за счет спекулятивных операций. Например, валюта, полученная в качестве займов на рынках Европы и США (с ведома руководства Национального банка), продается самому Нацбанку[63]! Почву для таких спекуляций готовит сам Нацбанк не только участием в валютных торгах, но и политикой процентных ставок[64]. В России слабость российских банков и (в особенности) репутационные проблемы после кризиса 1998 г. препятствуют использованию российскими банками еврооблигаций и других инструментов привлечения средств на международных рынках. Поэтому кредитная система не может использовать спекулятивные сделки, подобные казахстанским.

По версии председателя Нацбанка Казахстана, внутренние ставки по кредитам начнут снижаться только «в результате банковской конкуренции» и лишь к началу 2006 г., когда объемы банковских активов вырастут до 50% к ВВП. Таким образом, в настоящее время кредитные ресурсы коммерческих банков по-прежнему крайне дороги для большин-

ства предприятий. На самом деле практически все **системообразующие** коммерческие банки Казахстана составляют аффилированный «треугольник», две другие стороны которого можно обозначить как «высокие госруководители – владельцы (покровители) оффшорно-сырьевого экспорта». Поэтому пополнять свои активы и получать высокие прибыли такие коммерческие банки могут и без заемщиков[65]. Владельцы главных банков Казахстана имеют более чем достаточно экспортно-сырьевой выручки, чтобы всерьез думать о привлечении новых заемщиков. В результате эти банки уже начали вывозить свои капиталы в ближнее зарубежье (Россия, Кыргызстан...), что руководством правительства и Нацбанка презентуется как дополнительное свидетельство лидерства банковской системы Казахстана в ЕврАзЭС. Фактически же этот процесс можно рассматривать как беспроцентное инвестирование конкурирующих экономик за счет изъятия средств из национального производства.

Аналогичный процесс концентрации валютной выручки в немногочисленных банках, связанных с крупными сырьевыми корпорациями, идет и в России. Однако сегодня ситуация меняется. Ведущие сырьевые корпорации России начали подготовку к продаже или продали свои непрофильные активы, стремясь к созданию более благоприятного облика для инвесторов на международных финансовых рынках. Поэтому бывшие «домашние банки» вынуждены развивать собственно банковский бизнес, сталкиваясь при этом с уже описанными выше проблемами «credit crunch» и недостаточного обеспечения капиталом.

Поддержание казахстанскими коммерческими банками завышенных ставок кредитования, заведомо превышающих как средние темпы роста, так и реальные уровни рентабельности внутренней экономики, обладает, однако, важным макроэкономическим эффектом. Мы уже отмечали, что уровень инфляции в Казахстане заметно ниже, чем в России. Это особенно странно, поскольку активная политика валютных интервенций и поддержания устойчивого курса национальной валюты обычно препятствует сдерживанию инфляции (иначе говоря, приходится выбирать между инфляцией внутри страны и девальвацией валютного курса), как это показано на схеме 1. В Казахстане, по всей видимости, сложились инструменты вне «традиционной денежно-кредитной политики», позволяющие добиться как низких темпов инфляции, так и стабильности обменного курса[66]. Несколько своего рода «*насосов*» уменьшают денежную массу в обращении и поддерживают низкий уровень инфляции национальной валюты (см. схему 3).

Схема 3. Роль «насосов» в экономике Казахстана

«Отсасывание» тенге из внутренней экономики необходимо Нацбанку и правительству для компенсации политики сдерживания укрепления тенге (т. е., по сути дела, поддержки сырьевого и связанного с ним банковского бизнеса) и поддержания «парадных» показателей инфляции и непроизводительного банковского накопительства. Нацбанк и правительство «подогревают» искусственно удешевляемой национальной валютой экспортеров и коммерческие банки, а поддержание заданного процента инфляции (как средней температуры по больнице) обеспечивают столь же искусственным «замораживанием» всей прочей производственно-потребительской активности. Своего рода «косвенные дотации» экспортерам за счет политики на валютном рынке частично уходят из страны с «облегченной» природной рентой, частично – «сливаются» в коммерческие банки, а та их часть, которая все же второй-третьей волнами доходит от сырьевого сектора до остальной экономики, «стерилизуется» правительством и Нацбанком.

Можно выделить пять «насосов», используемых в экономике Казахстана.

1. **Высокая стоимость кредита.** В самом деле, брать столь дорогие кредиты могут позволить себе либо потребители, собирающиеся «заморозить» деньги в приобретении какой-либо дорогой недвижимости, либо владельцы особо оборотистых видов внутреннего бизнеса (алкоголь, товары массового спроса)[67].

2. Еще одним «насосом», играющим очень важную роль, но уже не в сфере производственных безналичных расчетов, а на рынке потребительских услуг, обеспечиваемых оборотом наличных денег, является вышеупомянутый **оборот долларовой наличности («кеш»),** он же – теневая «смазка» оффшорно-экспортного бизнеса[68]. Поскольку первичными получателями долларовой «смазки» являются государственные чиновники, высокопоставленные менеджеры и те же банкиры, они выполняют в сфере наличного обращения ту же роль, что и производители-экспортеры: стягивают на себя основной потребительский спрос, лишая платежеспособности остальную массу покупателей. Соответственно потребительское изобилие концентрируется в тех же Алма-Ате, Астане и нескольких «сырьевых» городах и резко заканчивается уже на их окраинах. Происходит вытеснение наиболее дорогой и качественной части потребительского рынка из области легального обслуживания национальной валютой в сферу теневого обращения долларовой наличности.

3. Однако к числу самых мощных «насосов» относится, прежде всего, **Национальный (нефтяной) фонд**, в который направляются (в национальной валюте!) доходы сырьевых экспортеров сверх установленного уровня. Откачанная таким образом масса тенге (более 3,8 млрд. долл.) конвертируется в ценные бумаги других государств, т. е. выводится не только из внутреннего, но и из валютного оборота национальной экономики (своего рода «омертвение» денежной массы в валютных ценных бумагах). Весь доход от Национального фонда в 2002 г. составил только 2,5% от объема активов, что намного меньше инфляции доллара и говорит о фактической убыточности.

За 2003 г. общая доходность валютного портфеля Нацфонда составила 8,69%, в результате чего был получен инвестиционный доход в размере 222,8 млн. долл. Однако общая сумма расходов из республиканского бюджета для обслуживания Нацфонда в том же году составила 400 млн. долл. Эти средства были направлены для оплаты услуг внешних аудиторов и доверительных управляющих, осуществляющих работу по управлению активами Нацфонда.

4. Второй по мощности «насос» – это **Накопительная пенсионная система**, существующая за счет прокрутки «финансовых инструментов» Минфина и Нацбанка. А именно – на пенсионные накопления из сферы реального потребления ежемесячно «выкачивается» 10% всей официальной заработной платы в стране (в «живых» тенге) плюс туда же закачива-

ется так называемый инвестиционный доход (фактически – дополнительный сбор с налогоплательщиков), тоже в национальной валюте. Эти деньги (тоже значительно более 3,5 млрд. долл.) выводятся из производственного оборота и принудительно закачиваются в государственные «ценные бумаги» с доведенной до минимума (5,9–5,7%) доходностью[69].

5. Важную «подтормаживающую» функцию играет также регулярное **перевыполнение** правительством **плана по доходам госбюджета** и традиционное **недовыполнение плана по расходам**.

Имеются и другие меры «стерилизации» денежной массы во внутренней экономике.

В российской экономике многие «насосы», подобные казахстанским, отсутствуют. Накопительная пенсионная система только формируется, какой бы то ни было аналог нефтяного фонда не сформирован. В известной степени как механизм «отсоса» может рассматриваться активное использование профицита бюджета на погашение государственного внешнего долга. Россия последние 3 года регулярно осуществляет выплаты по основной сумме долга и процентам, в некоторых случаях даже досрочно, – достаточно вспомнить 2002 г., когда Россия досрочно погасила часть своей задолженности перед Германией в связи со значительными потерями немецкой экономики в результате августовского наводнения. Аналогичной казахстанской является и система оборота наличной иностранной валюты. Соответственно ЦБ РФ вынужден (как это и следует из классической теории денежно-кредитной политики) выбирать между поддержанием стабильного курса и сдерживанием инфляции. В настоящее время в центре внимания Центробанка находится обменный курс. Возможно, в этом и кроется объяснение столь высоких по сравнению с Казахстаном темпов инфляции в России.

Казахстан, казалось бы, выигрывает у России по показателям макростабильности. Однако в долгосрочной перспективе стратегия Казахстана функционировать не может. Те методы, которыми Нацбанк и правительство поддерживают стабильный курс национальной валюты и низкий уровень инфляции, и несут риск финальной дестабилизации. Чем более активно Нацбанк скупает «избыточную» валюту, тем большую вилку между экспортно-сырьевым и потребительским рынком сам же и создает и тем большие объемы «избыточности» вынужден скупать при следующих оборотах. Соответственно Нацбанк и правительство создают себе же все больше проблем со стерилизацией выбрасываемой в обращение национальной валюты[70]. Продолжать такую политику правительство и Нацбанк, в принципе, способны, но только при условии сохранения высоких мировых цен на экспортируемое сырье и только ценой дальнейшего усугубления внутренних социально-экономических перекосов в сторону сырьевого сектора. Рано или поздно денежные власти и «насосы» уже физически не смогут стерилизовать все эквивалентные «избыточные» массы тенге и инфляция начнет расти. Укрепление курса нацио-

нальной валюты, как уже было указано выше, ударит по экспортерам, что также приведет к дестабилизации экономики и уменьшению поступлений в бюджет.

Подобная постановка вопроса заставляет усомниться в том, можно ли оценивать более низкие темпы инфляции как реальное преимущество казахстанской экономики. С другой стороны, альтернативой (в существующей институциональной среде) является российский сценарий высокой инфляции, которая негативно сказывается и на жизни граждан. В целом вопрос об оптимальной валютной и денежно-кредитной политике выходит за рамки настоящей работы.

Однозначно можно утверждать, что существует целый ряд негативных экономических и социальных эффектов сырьевой экономики, которые подробнее будут рассмотрены ниже.

5. «Хвосты» экспортной-сырьевой экономики

Возникновение экспортно-сырьевой экономики ведет к концентрации **инвестиций** в сырьевом секторе. Поскольку уровень рентабельности обрабатывающих отраслей определяется прежде всего внутренними ценами и конкуренцией с импортом, а рентабельность экспортно-ориентированных отраслей – мировыми ценами, очевидно, что обрабатывающий сектор является менее привлекательным для инвестиций[71]. Создается «замкнутый круг», когда доходы, получаемые в сырьевом секторе, если не вывозятся за границу, то вкладываются в этот же сектор, что ведет к деградации других отраслей экономики. В Казахстане более 80% инвестиций идут лишь в нефтяной сектор, а всего в экспортно-сырьевую экономику вкладывается более 90% всех инвестиций. Инвестиций в развитие села-аула, в жилищно-коммунальное хозяйство, науку, образование и социальное развитие практически нет.

В России инвестиции также сосредоточены преимущественно в сырьевом комплексе (см. рис. 10). В 2003 г. вялотекущий рост инвестиционной активности, сменивший «инвестиционный бум» 2000—2002 гг., в основном обеспечивается отраслями естественных монополий и нефтяной промышленностью[72].

Выход из создавшегося порочного круга крайне труден.

Результатом распада структуры экономики на (растущие) экспортные отрасли и (отстающие) обрабатывающие отрасли, а также отсутствия механизма перераспределения ренты становится **рост экономических диспропорций**. Можно сказать, возникают «две России» и «два Казахстана». Диспропорции носят как территориальный (доходы нефтедобывающих и столичных регионов значительно выше среднего уровня), так и межотраслевой характер[73]. Размеры и природное разнообразие России делают территориальную дифференциацию еще большей, чем в Казахстане. Разрыв в уровне валового регионального продукта на душу населения в России достигает 18 раз (в Казахстане – 11 раз)[74].

Рис. 10. Структура инвестиций в российской экономике, первое полугодие 2003 г.

Источник: Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования.

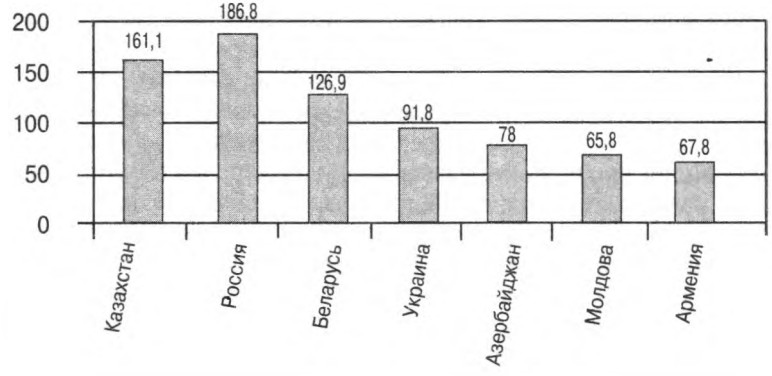
Социальные результаты экспортно-ориентированной сырьевой экономики всегда напрямую зависят от того, как распределяется природная рента. И здесь главную роль играют политические факторы – то, как организована система власти, насколько власть и элита зависимы от большинства населения, насколько они вынуждены учитывать интересы этого большинства при принятии решений. И в России, и в Казахстане системы не предполагают постоянного контроля общества над властью. В результате вся социальная и экономическая политика постсоветского периода определялась прежде всего интересами тех, кто ее проводил, рента присваивалась небольшой группой элиты, что привело к вполне предсказуемым социальным следствиям. Очень большой является дифференциация доходов различных слоев населения[75]. В России, по оценкам Института проблем народонаселения РАН, также произошел своего рода «разлом» на две социальные группы. 5% населения составляют сверхбогатые со среднедушевым месячным доходом более 2 тыс. долл., 10% составляют слои населения с доходами 1—2 тыс. долл. в месяц. С другой стороны, 30% имеет доходы от 60 до 120 долл., еще 35% – менее 60 долл. в месяц. В Казахстане, по некоторым оценкам, около 5% населения контролирует до 80% богатства страны, от 40 до 75% населения Казахстана находятся ниже черты бедности; по некоторым оценкам, разница в доходах 5% самых богатых и 5% самых бедных достигает 80 раз[76].

Коэффициент Джини[77] за 1990-е гг. вырос в России с 0,27 до 0,46, а в Казахстане – с 0,30 до 0,35. В России, таким образом, коэффициент

Джини больше, чем в какой бы то ни было стране ЦВЕ и СНГ (кроме Украины, Киргизии и Таджикистана). В Казахстане показатель формально является одним из самых низких в СНГ (ниже только в Беларуси) и даже ниже, чем в некоторых странах ЦВЕ (Эстония)[78]. Более того, в промышленно развитых странах данный показатель составляет обычно 0,25–0,35[79]. Как представляется, причина столь низкого показателя неравенства – в огромных масштабах теневой экономики и сокрытия доходов сверхбогатыми слоями населения[80]. Заметим, что, по данным специального исследования UNICEF, проведенного в 2003 г., коэффициент Джини в России и Казахстане превышает 0,5, что почти в два раза выше уровня промышленно развитых стран.

По рейтингу качества жизни ООН Казахстан занимает 79-е место в списке из 173 государств (Россия – 60-е место). Порог бедности в Казахстане – чуть меньше 2 долл. в день на человека, т. е. чуть меньше предложенного Мировым банком критерия «глобального порога бедности». В России этот показатель равен 4 долл., в США – 11 долл.[81]. Невысоким остается уровень заработной платы (хотя он и выше, чем в других странах СНГ) (см. рис. 11).

Рис. 11. Средняя заработная плата в июле 2003 г.



Негативные явления наблюдаются в области занятости. Общая численность безработных, рассчитанная по методологии Международной организации труда, включая численность ищущих работу самостоятельно, без обращения в службы занятости, по данным выборочных обследований составила в Казахстане 0,6 млн. человек (8,3% экономически активного населения)[82]. В России по методологии МОТ уровень безработицы составляет 8,0% (т.е. немного ниже, чем в Казахстане)[83].

При этом нельзя забывать, что официальная статистика занятости не всегда корректно отражает ситуацию в обществе. Ее благополучие в Казахстане зиждется на включении в учет так называемых «самозанятых»,

численность которых указывается в количестве 2,9 млн. человек (40,5%). Что же на самом деле представляют из себя эти «самозанятые», составляющие без малого половину всего трудоспособного населения Казахстана? Какая-то их часть является фактически безработными, другие заняты на временных, нелегальных и т. п. работах. В любом случае эта часть населения находится за рамками накопительной пенсионной системы, хотя бы номинальной профсоюзной защиты и планируемого медицинского страхования[84]. В России термин «самозанятые» не используется, однако в чем-то аналогичным фактором, «завышающим» статистику занятости, является скрытая безработица. Оценить ее реальные масштабы крайне сложно. Только в Москве она, по некоторым оценкам, может составить 200—400 тыс. человек, т.е. до 5% общей численности населения.

Существуют и другие показатели, свидетельствующие о наличии острых социальных проблем[85].

Инвестиционный дефицит негативно сказывается на развитии **сельского хозяйства** обеих стран (см. рис. 12)[86]. Отсутствие эффективных организационных структур, неопределенность прав собственности и жесткая конкуренция с импортным продовольствием сыграли важную роль в кризисе отрасли.

Рис. 12. Продукция сельского хозяйства в России и в Казахстане, в % к 1991 г.

Источник: Межгосударственный статистический комитет СНГ.

В последние годы хотя в сельском хозяйстве и начался рост, его темпы ниже, чем в целом в экономике[87]. Результатом становится рост ввоза продовольствия[88] – фактор, который и в России, и в Казахстане оценивается негативно с точки зрения экономической безопасности[89].

Негативные явления в аграрной сфере усиливаются за счет сравнительно более низкого уровня жизни на селе и безработицы[90]. Результатом

становится значительная миграция населения из села в город. В Казахстане за последние 7 лет по официальным данным во внутренней миграции между городом и селом приняли участие около 900 тыс. человек, в том числе около 270 тыс. человек переехали из города в село, а более 600 тыс. человек – из села в город. Свои дома покинули более 700 тыс. сельских жителей. В целом по республике имеется 136 сельских населенных пунктов, откуда выехало все население и в настоящее время там никто не проживает.

Для России не в меньшей степени, чем для Казахстана, свойственны проблемы высокой безработицы на селе и миграции из села в город. Однако в последние годы ситуация улучшилась: если в 1992—1999 гг. число занятых в сельской местности сократилось на 3,1 млн. человек, то начиная с 1999 г. оно выросло на 1,5 млн. человек. В 2001 г. по сравнению с 1991 г. отток мигрантов из села снизился в 2 раза (справедливости ради отметим, что большая их часть (45%) приходится на молодежь в возрасте до 30 лет)[91].

6. Выводы

Анализ свидетельствует о **принципиальном сходстве экономики России и Казахстана.** Несмотря на различия в стратегии реформ, и Россия, и Казахстан по-прежнему развиваются в рамках экспортно-сырьевой парадигмы. Как и во многих странах с «нарождающейся» рыночной экономикой, наличие сырьевых ресурсов в России и в Казахстане не стало фактором, способствовавшим успешной трансформации. Наличие «выгодных» сырьевых проектов препятствует активизации вложений в инновационные отрасли, в которых инвестиции сопряжены с более высоким риском. Можно констатировать, что в Казахстане и в России возникло «неэффективное рыночное равновесие», закрепляющее сырьевую ориентацию экономики.

Сложившись однажды, это неэффективное равновесие поддерживается структурой власти в экономике и в обществе[92]. При этом опыт Казахстана и России свидетельствует о том, что **однородность политических систем сопровождается сходной организацией экономики.** Доминирование небольшого числа бизнес-групп, заинтересованных в сохранении существующей структуры, а также непосредственная заинтересованность политической элиты в «участии» в сырьевой ренте закрепляют неэффективную организацию экономической системы. А эта экономическая система, в свою очередь, способствует закреплению не демократической политической системы, способствуя заинтересованности в ней присваивающих ренту групп населения и, отчасти, предоставляя власти ресурсы для социального маневрирования.

Анализ экономики Казахстана свидетельствует, что **масштабы формальных либеральных преобразований** в условиях политических режимов, подобных российскому или казахстанскому, **не являются определяющей**

характеристикой. Точно так же само по себе **привлечение иностранных инвесторов не является панацеей от экономических проблем** – в сходной ситуации и национальные корпорации, и нефтегазовые ТНК преследуют одинаковые цели, дифференцируя лишь инструменты влияния.

Существуют как экономические, так и социальные негативные последствия подобной структуры экономики. Обе страны «страдают» от «голландской болезни». Интервенции Центрального банка на валютном рынке с целью противодействия росту курса национальной валюты способствуют укреплению экспортных отраслей и, за счет этого, консервации сырьевой ориентации экономики. Помимо этого, сырьевая экономика всегда зависима от конъюнктуры на мировых рынках. В обеих странах экспортно-сырьевая ориентация экономики ведет к значительной территориальной, отраслевой и социальной дифференциации, негативные последствия которой для экономики связаны с ограниченным ростом внутреннего платежеспособного спроса.

Имеются, однако, и определенные отличия. **Для экономики Казахстана сырьевая ориентация проявляется более ярко, чем для России**. Выше, соответственно, и все связанные с этим риски. Не в последнюю очередь подобная ситуация связана с созданием системы «насосов», которая позволяет, однако, обеспечить большую текущую стабильность экономики, добиться более низкого уровня инфляции. В России отсутствуют многие из инструментов «отсасывания» излишней ликвидности. Соответственно сегодня высокая инфляция сочетается с плавным укреплением курса рубля[93]. В результате возникают проблемы для экспортеров, а также для обрабатывающей промышленности, сталкивающейся с более острой конкуренцией со стороны импортной продукции. Однако можно усомниться в том, что «краткосрочная стабильность», подобная казахстанской, оправдывает долгосрочное закрепление сырьевой ориентации.

И в России, и в Казахстане[94] беспрецедентный период экономического роста до сих пор позволял игнорировать необходимость реформ, ведущих к трансформации самой структуры «сырьевой экономики»[95]. В долгосрочном плане, однако, макроэкономическая стабильность достижима только при реализации структурной и институциональной трансформации.

Использованные в статье численные данные по Казахстану собраны, в основном, из еженедельных «Бизнес-обозрений Казахстана» агентства «Интерфакс-Казахстан». Кроме того, использованы данные агентства «Казинформ». Некоторая часть сведений, относящихся к банковской и финансовой системе, приведена по данным опубликованных в казахстанских СМИ докладов Национального банка Казахстана. Данные по российской экономике основаны на информации Госкомстата РФ, Центрального банка РФ, Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, Центра экономической конъюнктуры при Правительстве РФ.

Примечания

[1] В последнее время немалое внимание в экономической науке уделяется поиску «оптимального» размера экономики страны. И большие, и малые страны имеют свои преимущества. Можно предполагать, что существует определенный «оптимум» размера страны с экономической точки зрения. В условиях возрастающей открытости экономики этот «оптимум» смещается в сторону сравнительно меньших стран. Соответственно и Россия, и Казахстан в ходе реформ должны были столкнуться (и столкнулись, как будет показано ниже) с проблемами, связанными прежде всего с их размером. См.: *Alesina A., Spolaore E.* The Size of Nations. Cambridge, Mass., 2003.

[2] Однако говорить о полной идентичности политических режимов России и Казахстана, конечно, нельзя. Более того, как будет показано ниже, «непринципиальные» различия политической системы сыграли немаловажную роль в формировании особенностей национальной экономики.

[3] См.: http://www.nbuv.gov.ua/texts/polit/02sng.htm.

[4] *Фридман Л.* Структурные сдвиги в экономике Центральной Азии // Россия XXI, 2001, № 5.

[5] Оффшорные компании играют важную роль в структуре собственности и в других странах СНГ. Не случайно давно «освоенные» российским бизнесом оффшоры Кипр и Нормандские и Антильские острова входят в число ведущих инвесторов в российскую экономику. См.: *Чернявский С.П.* Международный оффшорный бизнес и банки. М.: Финансы и статистика, 2002. С. 22.

[6] *Домбровски М., Гортат Р.* Политические детерминанты экономических реформ в бывших коммунистических странах // Эковест, 2002, т.2, № 4. С. 564.

[7] Country Fact Sheet: Kazakhstan. UNCTAD, 2003.

[8] Причем в первом случае речь в основном идет о спекулятивных вложениях на рынке ценных бумаг.

[9] Иллюзорная экспансия: Почему иностранным банкам не удастся захватить Россию? // Boston Consulting Group, www.bcg.ru

[10] Нефтегазовые ресурсы Казахстана в системе мировых и региональных отношений. Алматы: КИСИ, 2002. С. 56.

[11] Имеется немало общего между реформой, проведенной в Казахстане, и планом реструктуризации российской энерегетики, предложенным А.Чубайсом. См., например: *Силуянова П., Петросян К.* Казахский пионер – всем Чубайсам пример // Русский фокус, 10.06.2002.

[12] ADR – американские депозитарные расписки – представляют собой своеобразный «заменитель» национальных акций, которые в силу жестких требований американского рынка не могут котироваться на нем непосредственно.

[13] Сразу заметим, что, по оценке государственного департамента США, процедуры выбора иностранных партнеров в Казахстане остаются непрозрачными. Не случайно Heritage Foundation оценивает Казахстан как страну с высокими (даже выше, чем в России) барьерами на пути иностранных инвесторов. См.: 2003 Index of Economic Freedom. P. 255, 345.

[14] Так, в 1997 г. – первом году с положительной динамикой ВВП в Казахстане доля промышленного производства по сравнению с 1990 г. составила 48,7 %,

в том числе в нефтедобывающей промышленности 101,8 %, нефтеперерабатывающей – 50,7, в цветной металлургии – 73,2, в машиностроении – 17,0, химической и нефтехимической – 10,6, в легкой – 15,4 %.

[15] *Ордин О.* Неравенство и экономический рост. М.: Институт финансовых исследований, 25.06.2001.

[16] Если в 1990 г. доля нефтегазового сектора в экономике Казахстана составляла 4,1%, то к 1997 г. она выросла до 17,7 %. Доля черной металлургии выросла с 6,1 до 12 %, цветной промышленности – с 9,5 до 13,7 %, пищевой (за счет спирто-водочной) – с 15,9 до 17,4 %. И, напротив, удельный вес химической промышленности снизился с 6,3 до 2,1 %, машиностроения – с 15,9 до 5, легкой промышленности – с 15,6 до 2,1%.

[17] *Ослунд А.* Строительство капитализма. М.: Логос, 2003. С. 451.

[18] См.: *Илларионов А.* Природа российской инфляции // Вопросы экономики, 1995, № 3.

[19] Государственное регулирование рынка ценных бумаг в Казахстане // Вестник Банка России, 1997, № 41.

[20] Государственные краткосрочные казначейские обязательства, аналог российских ГКО.

[21] Экономические новости России и Содружества, 2000, №10.

[22] *Buch C.H.* Auslandskapital und Transformation – sind Wahrungskrisen vermeidbar? // Die Weltwirtschaft, 1999, Heft 1. S. 104.

[23] *Монтес М.Ф., Попов В.В.* «Азиатский вирус» или «голландская болезнь»? Теория и история валютных кризисов в России и других странах / Пер. с англ. М.: Дело, 1999. С. 62.

[24] Наверное, впервые за новейшую историю российская экономика продемонстрировала способности к «самоисцелению» после глубоких потрясений.

[25] Цены экспорта и импорта в ФОБ.

[26] research.debt.ru

[27] См.: www.forecast.ru

[28] Во всяком случае этот вывод следует из анализа статистических данных (см., например, обзоры, опубликованные на сайте www.forecast.ru). Проблема частично состоит в сложности оценки реальных темпов роста в потребительском секторе из-за всеобщей практики сокрытия производственных и финансовых показателей. Для России в исследовании известной маркетинговой компании Interactive Research Group, в рамках которого сопоставлялись данные официальной статистики и различного рода «экспертных оценок» российского рынка, делается вывод о том, что реальные показатели потребительского рынка за 2002 г. были занижены на 80—100%!

[29] Несмотря на все успехи нефтегазовой отрасли, ни одна из российских корпораций не вышла на начало 2003 г. на уровень добычи нефти, превышающий дореформенный (1990 г.). См.: *Лукашов Д., Аринин С. Кочешкова Н., Исханян М.* От частной собственности к рынку // Finam Research, февраль 2003 г.

[30] Извлекаемые запасы нефти и газа казахстанского сектора Каспийского моря на сегодня оцениваются в 8 млрд. тонн условного топлива. Запасы в российском секторе оцениваются в 2,1 млрд. тонн, Туркменистана – 2,2 млрд. тонн, Азербайджана – 3,7 млрд. тонн, Ирана – 1 млрд. тонн. Однако переоценивать по-

тенциал каспийского шельфа тоже не следует. Для сравнения: запасы Ирака (второе место в мире после Саудовской Аравии) составляют 112 млрд. баррелей, в том числе 35 млрд. – готовых к добыче. К этому следует добавить запасы вдоль границ с Саудовской Аравией и Иорданией, которые могут содержать от 60 до 200 млрд. баррелей. Причем нефть – качественная, а себестоимость добычи – низкая.

[31] См.: Данные сайта Министерства экономического развития и торговли, www.economy.gov.ru

[32] По сообщенным на момент подготовки статьи предварительным данным рост в 2003 г. составил 7%, т. е. значительно превосходил прогнозы.

[33] В Казахстане большие надежды на развитие связываются с шельфом Каспийского моря. Государственная программа освоения казахстанского шельфа Каспия рассчитана до 2015 г. Первый этап охватывает период с 2003 по 2005 г., в течение которого будут созданы условия для начала морской добычи, на втором этапе – с 2006 по 2010 г. – предполагается ускоренное освоение ресурсов шельфа с тем, чтобы в течение третьего этапа – 2011—2015 гг. – выйти на планируемый уровень добычи – не менее 100 млн. тонн нефти и 63 млрд. кубометров газа. При этом в 2005 г. на шельфе планируется добыть около 500 тыс. тонн нефти и до 300 млн. кубометров газа. Обещано, что контракты по освоению нефтегазовых месторождений в казахстанской части шельфа Каспия будут открыты и транспарентны. Контракты предполагается заключать на основе создания совместных предприятий: с одной стороны, национальная нефтегазовая компания «КазМунайГаз», с другой стороны – иностранный инвестор. Вместе с тем нововведения не будут затрагивать интересов инвесторов в рамках ранее заключенных контрактов на освоение месторождений. Особое значение отводится недавно открытому месторождению Кашаган. На бурение первых шести разведочных скважин уже ушло 3 млрд. долл. По оценкам, инвестирование в ближайшие 15 лет превысит 20 млрд. долл. Консорциум нефтяных компаний, работающих на Кашаганском месторождении, включает в себя группу «Аджип» как оператора проекта; компании «ЭкссонМобил», «Тотал» и «Шелл», каждая из которых имеет по 20 %, а также «КонокоФилипс» и японскую компанию «Инпекс», поделивших между собой остальное. Предполагается, что на месторождении, которое, по различным оценкам, содержит 1/5 мировых запасов нефти, на полной проектной мощности будет добываться более 1 млрд. баррелей (136 млн. тонн), что превратит Казахстан в одного из пяти крупнейших мировых экспортеров нефти.

[34] Если представить себе, что на модернизацию в Казахстане тратилась хотя бы половина уже достигнутой экспортной выручки, т. е. «всего» по 5 млрд. долл. в год, этого достаточно было бы, например, для немедленной компьютеризации всех сельских школ, подключения их к Интернету и для внедрения по всей стране добротного начального образования сразу на трех языках: русском, казахском и английском. И при этом остается достаточно инвестиционных ресурсов для создания вполне современных производств, например одежды и обуви повседневного спроса из получаемого в самой республике хлопкового, шерстяного и кожевенного сырья. Российский потенциал является не меньшим.

[35] Данные ЦБ РФ (www.cbr.ru).

[36] Обзор исследований проблемы «бегства капитала» из России приводится в

кн.: *Лопашенко Н.А.* Проблемы бегства капитала из России и пути его возвращения. Саратов, 2002.

[37] Речь идет о росте зарубежных активов российских корпораций. – См.: Тенденции и факторы оттока капитала в 2002 г. М.: Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, 2003.

[38] Данные ЦБ РФ (www.cbr.ru).

[39]См.: *Катасонов В.Ю.* Бегство капитала из России. М.: Анкил, 2002.

[40] Платежный баланс всегда должен «сходиться», т. е. приток денежных средств должен соответствовать оттоку. Обычно из-за несовершенства статистики и теневых трансакций баланс «не сходится». Это означает, что требуется ввести (чисто формально) какую-то балансирующую статью, обеспечивающую равенство притока и оттока. Данная статья именуется «Чистые ошибки и пропуски» и на практике обладает важным экономическим смыслом.

[41] Данные ЦБ РФ (www.cbr.ru).

[42] www.cbr.ru.

[43] В платежном балансе Казахстана доля статьи «Чистые ошибки и пропуски» (минус185 млн. долл.) значительно ниже (данные Национального банка Казахстана (www.nationalbank.kz)).

[44] Счет текущих операций – это часть платежного баланса, характеризующая чистый экспорт страны, т. е. включающая в себя то же самое сальдо экспорта-импорта, чистые денежные переводы и чистые доходы от инвестиций.

[45] Для сравнения: как уже отмечалось выше, на протяжении всех 1990-х гг. внешнеторговый баланс России имел положительное сальдо. Счет текущих операций также является положительным (на первое полугодие 2003 г. он составлял 20,3 млрд. долл.). В основном подобный результат достигается за счет экспорта товаров.

[46] Подавляющий объем сырьевых поставок Казахстана приходится на долю Бермудских островов (22,5%), России (13,6%) и Швейцарии (11%). Далее идут Китай (10,8%), Италия (7,6%), Польша (4,6%), ОАЭ (3,7%), Иран (3,1%), Украина (2,1%), Германия (1,5%) и Великобритания (1,1%). Как видим, в первой тройке два покупателя полностью, а Россия – в значительной мере являются всего лишь перепродавцами. Кроме того, в первой десятке покупателей присутствуют еще две-три страны – «перевалочные пункты». К тому же сильно «грешит», судя по всему, и вышеприведенный официальный учет. Например, не так давно телеканал КТК ознакомил аудиторию с таким «пикантным» фактом со встречи официальных делегаций казахстанских и китайских таможенников: оказывается, разница в учете казахстанского грузопотока «с той стороны» отличается от казахстанской статистики на «каких-то» ... 700 млн. долл. В отличие от Казахстана, мы не можем утверждать, что ведущую роль среди внешнеторговых партнеров России играют «страны-перепродавцы». Около 10% внешнеторгового оборота приходится на Германию, еще 26% – на другие страны ЕС, 17% – на страны СНГ, 6% – на Китай, 4% – на США. Тем не менее памятен опыт середины 1990-х гг., когда некоторые прибалтийские страны вышли в число лидеров по экспорту цветных металлов, не имея собственной металлургической промышленности, за счет перепродажи российской продукции. Оффшорные схемы также активно используются при экспорте нефти (см., например: *Выгон Г.* Оценка налоговой на-

грузки на российские ВИНК в 2000—2001 году. М.: Институт финансовых исследований, октябрь 2002).

[47] Импорт из России составляет до 40%, тогда как идущая на втором месте Германия поставляет меньше 10% (подержанные иномарки!), далее по 4 % идут Китай и США.

[48] Заметим, что такой точки зрения придерживаются не все аналитики. Уже упомянутая выше «Interactive Research Group» на основе учета «серого сектора» российской экономики (функционирующего преимущественно в режиме «нала») предполагает, что сегодня уже потребительский рынок стал основным мотором развития экономики страны – хотя это и не отражает официальная статистика. Так, по оценке IRG, данные Госкомстата по потребительским расходам на табачные изделия в 2002 г. занижены в 3,8 раза, на алкогольные напитки – в 4,8 раза, на фармацевтические изделия, косметику и парфюмерию – в 1,4 раза, на транспортные средства – в 2,4 раза, на бытовую технику и электронику – в 1,8 раза, на услуги связи – в 2,3 раза, наконец, на потребительские услуги (кроме ЖКХ) – в 4,3 раза! При этом предполагается, что со временем «теневая» часть экономического роста начнет переходить в «легальный» сектор. На наш взгляд, проблема при оценке «серой экономики» состоит в ненадежности полученных данных. Поэтому неясно, насколько производство потребительских товаров уже приобрело собственную динамику, а насколько его рост «отражает» рост экспортных отраслей. Убедительным «доказательством» могла бы стать лишь стабильная динамика внутренних отраслей в условиях снижения цен на нефть. См.: Экономический обзор Interactive Research Group, декабрь 2002 г.

[49] См.: *Паппэ Я.Ш.* «Олигархи»: Экономическая хроника. 1992—2000. М.: ВШЭ, 2000. С.225.

[50] См.: http://oligarhi.da.ru.

[51] В настоящее время (особенно после выборов в Думу 2003 г.) дискуссия о «перераспределении ренты» в России вновь привлекает внимание. Однако, как представляется, проблема не может быть решена простым «перераспределением». В существующей недемократической политической системе оно обернется не инвестициями в развитие национальной экономики, а простой передачей доходов другим группам влияния. С этой точки зрения малоэффективной оказалась бы даже национализация нефтяной промышленности, – важны не формальные права собственности, а реальный контроль и цели контролирующих групп. В недемократической системе контроль за государственной собственностью осуществляют узкие группы чиновников и политиков, действия которых практически непрозрачны для избирателей. Как и нынешние владельцы нефтяных корпораций («олигархи»), чиновники и политики будут заинтересованы в основном в присвоении ренты и смогут добиваться своей цели не менее эффективно, чем сейчас собственники компаний.

[52] В 2002 г. совокупный собственный капитал казахстанских банков увеличился на 32% и достиг 161 млрд. тенге (1,07 млрд.долл.). Совокупные активы банков выросли за 2002 г. на 40,2% и превысили 1,1 трлн. тенге (7,4 млрд.долл.), или 31% к ВВП. Сейчас активы банков превысили 8 млрд.долл. Депозиты резидентов в банковской системе выросли за год на 35,6% и к середине 2003 г. достигли 679,1 млрд. тенге, что эквивалентно более 4,5 млрд. долл. Вклады населения вы-

росли более чем на 40% и к середине 2003 г. превысили в эквиваленте 2 млрд.долл. Объем кредитов банков экономике с начала 2000 г. по 1 апреля 2003 г. увеличился в 5 раз. В том числе за 2002 г. он вырос на 37,3% – до 672,5 млрд. тенге, или 17,9% к ВВП. Наблюдается рост доли кредитов, направляемых в промышленность, – с 23,2% на 1 января 2000 г. до 33,6% на 1 апреля 2003 г. В торговлю идет 30% кредитов, сельское хозяйство – 10,8%, строительство – 6,2%, в транспорт и связь – 4,5%, прочие – 14,9%. Основная масса кредитов (65%) используется для пополнения оборотных средств. Удельный вес кредитов, направляемых на приобретение основных фондов и новое строительство, в последние годы остается практически неизменным, примерно на уровне 13—14%. В то же время наблюдается увеличение доли расходов полученных кредитов на потребительские цели.

[53] Темп прироста собственного капитала банковской системы снизился более чем в 2 раза, составив 28%. Отношение капитала к рискованным активам снизилось за 2002 г. почти на 2 процентных пункта, составив 22,7%. Как следствие, вырос уровень рисков в банковской системе. Если за 2000—2002 гг. объем выданных кредитов вырос почти в два раза, достигнув к концу 2002 г. примерно 750 млрд. руб. без учета Сбербанка (около 25 млрд. долл.,), то в 2002 г. темпы прироста реального объема банковских кредитов упали почти в 2 раза. Причем снижение произошло, прежде всего, за счет кредитования промышленности.

[54] См.: Тенденции развития банковской системы в 2002 г. Обзор № 3. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, апрель 2003 г. В этом ситуация отличается от начала 1990-х гг., когда гиперинфляция и низкий контроль за бюджетными средствами давали банкам возможность обеспечить высочайшую прибыльность.

[55] См.: Отчет Национального банка Казахстана за 2002 г.

[56] В результате за 2002 г. прирост кредитов и займов, выданных иностранными банками нефинансовым предприятиям, составил 40% (по сравнению с 10% в 2001 г.), в то время как для банков-резидентов этот показатель составил лишь 29% (43%). Потребительское кредитование, напротив, оставалось растущим направлением деятельности банковской системы.

[57] См.: *Мовсесян А.Г., Либман А.М.* Эволюция, реформа и конкурентный порядок в банковской системе России // Аналитический банковский журнал, 2002, №2.

[58] «Голландская болезнь» возникает, когда высокие цены экспортируемых благ (например, нефти) позволяют национальным компаниям получать значительную выручку, которая затем обменивается ими на национальную валюту. За счет этого валютный курс падает. Чтобы поддержать его, Центральный банк вынужден скупать приходящие в страну доллары, эмитируя национальную валюту. Поэтому денежная масса в обращении увеличивается, что ведет к инфляции. Для борьбы с этими явлениями Центральный банк проводит стерилизацию поступающей валютной выручки. В мировой практике используется, например, такой инструмент стерилизации, как эмиссия ценных бумаг Центрального банка, в которые вкладывается часть «избыточной денежной массы».

[59] См.: Бюллетень банковской статистики, октябрь 2003, www.cbr.ru.

[60] Частично остроту проблемы снимает динамика курсов доллара и евро. Российские внешнеторговые контакты в основном номинированы в долларах, а

оплата по ним поступает в евро. Поэтому подорожание евро по отношению к доллару ведет к снижению поступления валютной выручки.

[61] В России уже сегодня можно говорить о резком снижении рентабельности топливной промышленности – с 17,1% в четвертом квартале 2002 г. до 14,7% в первом квартале 2003 г. См.: Экономическая конъюнктура в апреле-мае 2003 г. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, 2003.

[62] Характерно, что участие Нацбанка в валютных торгах подается как некая «общемировая практика», целесообразность которой не ставится под сомнение ни правительством, ни парламентом. Но на деле мировой опыт разнороден, и существуют различные варианты регулирования валютного курса в экспортно-ориентированных странах.

[63] Так, акционеры Народного банка установили новый лимит иностранного заимствования в размере 450 млн. долл., а «Казкоммерцбанк» и банк «ТуранАлем» уже разместили еврооблигации на общую сумму 775 млн. долл.

[64] Получившие уже международные рейтинги коммерческие банки могут занимать валюту под 8,5% годовых, тогда как внутри страны Нацбанк считает большим своим достижением понижение процентных ставок до уровня «всего» 14,1% в тенге и 12,3% – в инвалюте (наименьшего за последние годы). Фактически же коммерческие кредиты, с учетом банковской маржи, составляют 18—20% и более. Заметим, что в России уровень средневзвешенных процентных ставок несколько ниже, чем в Казахстане (для юридических лиц 11,9% в рублях и 9,2% в валюте) (см.: Бюллетень банковской статистики ЦБ РФ, октябрь 2003).

[65] Чистая прибыль «ТуранАлема» в прошлом году составила почти 5 млрд. тенге, увеличившись в сравнении с 2001 г. более чем в 3 раза. Собственный капитал банка вырос сразу на 45,7%, активы – на 43,2%. У Народного банка объем чистой прибыли за 2002 г. вырос в 11(!) раз и составил 2,561 млрд. тенге. Не менее «впечатляющие» показатели и у лидирующего в таких операциях «Казкоммерцбанка».

[66] Иллюстрация: за 2002 г. денежная масса выросла на 32,8%, уровень монетизации экономики увеличился тоже существенно – до 20,4 %. Такие показатели значительно превышают темпы роста даже сырьевого производства. Почему же в стране нет соответствующей инфляции?

[67] За 2002 г. кредиты на строительство и приобретение жилья выросли на 93,4%, на потребительские цели – более чем в 2 раза, тогда как объем кредитов малому предпринимательству составил всего 21,8%.

[68] Всего, по экспертным оценкам, наличная долларовая масса обеспечивает не менее половины внутреннего потребительского рынка Казахстана, причем самую услугоемкую и дорогостоящую половину (рынок жилья, элитного строительства, автомобилей и автоуслуг, дорогих покупок, развлечений и т.п.).

[69] В то же время около трети (37%) пенсионных накоплений Нацбанк позволяет вкладывать в более доходные частные корпоративные облигации и банковские депозиты, причем не трудно догадаться, какие именно структуры добиваются такого эксклюзива, особенно с учетом лидирования в пенсионном накопительстве уже упомянутых «любимых» банков.

[70] В частности, реальная доходность «финансовых инструментов» для хранения сумм, собранных в Накопительной пенсионной системе, уже сейчас близка к нулевой, дальнейшее же «укрепление» тенге приведет к их убыточности.

[71] *Белоусов А.* Рецепт: Выход из сырьевого тупика. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, 08.07.2003.

[72] В России некоторые «неэкспортные» отрасли промышленности (такие, как пищевая или телекоммуникации) сегодня также привлекают пристальное внимание иностранных инвесторов. Не случайно в числе российских компаний, эмитировавших ADR 3-го уровня (т. е. сумевших привлечь капитал на американском фондовом рынке), – телекоммуникационные («Вымпелком», «МТС») и пищевые («Вимм-Билль-Данн») компании. Однако, как показывает статистика, экспортно-ориентированные сырьевые отрасли все равно занимают доминирующее положение в российской экономике.

[73] В Казахстане (не затрагивая здесь опаснейших политических и этносоциальных «разломов») мы имеем буквально раскалывающие страну финансовые диспропорции между сырьедобывающими и прочими регионами. Так, месячный доход жителя Атырауской области превышает 21 тыс. тенге (140 долл.), в АлмаАтинской же области – всего 5500. В Мангистауской области он более 18 тыс., в Жамбыльской – меньше 5000 тенге. В Западно-Казахстанской – 11250, в Южно-Казахстанской – меньше 4500 тенге... Такие же диспропорции в оплате труда по отраслям экономики: финансовая деятельность – более 73 тыс. тенге, сельское хозяйство – менее 8 тыс., промышленность, связь и транспорт – более 30 тыс., образование и здравоохранение – менее 15 тыс. Аналитики отмечают, что без своего Прикаспийского региона, где живет не более 2 млн. людей от почти 15-миллионного населения, Казахстан стоит совсем немногого. То есть реальный экономический потенциал остальной или, иными словами, центрально-азиатской части Казахстана – это в лучшем *(аналогичном кыргызстанскому)* случае ВВП в 3,25 млрд. долл., в худшем *(аналогичном таджикистанскому)* случае – лишь до 2 млрд. долл. И только то, что у Казахстана есть богатый углеводородами Прикаспийский регион, этот показатель поднимается почти до 25 млрд. долл. Из 14 областей Казахстана 12 – дотационные, и, например, в проекте республиканского бюджета на 2004 г. запланированы субвенции от 1,5 млрд. тенге (10 млн. долл.) (Павлодарская область) до 28 млрд. тенге (около 190 млн. долл.) (Южно-Казахстанская область).

[74] См.: *Курганбаева Г.А.* Сравнительный анализ макроэкономических показателей в Польше, Венгрии, России, Узбекистане и Казахстане. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований, 2001. С.21. Важно заметить, что особенностью России является концентрация сырьевых ресурсов в регионах со сравнительно тяжелыми условиями жизни, поэтому прямое сравнение не всегда дает верные результаты.

[75] В Казахстане также быстро растет сверхпотребление немногочисленной богатой части общества и госаппарата. Так, по словам самого президента, в 2002 г. административные расходы по сравнению с 1999 г. выросли на 40%.

[76] *Матаев Г.М.* К вопросу о поляризации населения в Казахстане. http://www.kisi.kz/Parts/IntPol/Mataev.html.

[77] Интегральный показатель социального неравенства, коэффициент Джини, равен 0, если доходы всех граждан равны, и 1 при полной концентрации дохода в руках богатейшего индивида.

[78] *Домбровски М., Гортат Р.* Политические детерминанты экономических реформ в бывших коммунистических странах // Эковест, 2002, т.2., № 4. С. 566.

[79] Об исследовании ЮНИСФЕ «Социальный мониторинг 2003 года» См. www.press-sevice.uz.

[80] *Матаев Г.М.* К вопросу о поляризации населения в Казахстане. http://www.kisi.kz/Parts/IntPol/Mataev.html.

[81] Кстати, максимальная пенсия по старости в Казахстане, с учетом повышения ее размеров с 1 июня 2003 г., составляет 9810 тенге, что всего на 800 тенге превышает указанный порог бедности. Реальные же пенсии значительно ниже этого порога. Так, по г. Алма-Ате (где уровень обеспеченности пенсионеров существенно выше общеказахстанского) из 144,4 тыс. пенсионеров получают: менее 5500 тенге – 1%, минимум 5500 – 5,3%, от 5500 до 9000 – 37,4%, свыше 9810 тенге – 8,9%. Средняя же пенсия в «южной столице», уже после существенного повышения в июне 2003 г., составляет всего 8729 тенге, т. е. менее 2 долл. в день.Официальный прожиточный минимум, от которого отсчитываются уровни пенсий и зарплат, утвержден в сумме 5246 тенге (35 долл.). Исходя из этого, черта бедности на второй квартал 2003 г. была определена в сумме 2077 тенге, или 40% от прожиточного минимума. По официальным же данным сейчас 27% населения имеют доходы ниже этого минимума. Из них примерно 10% (1,5 млн. человек) находятся ниже «порога бедности» – двух пятых от прожиточного минимума, т. е. имеют месячный доход не более 2 тыс. тенге (13 долл.).

[82] По статданным, в экономике Казахстана сейчас занято 7,1 млн. человек. Из них в городской местности – 4 млн. человек (уровень занятости – 90,1%), сельской – 2,9 млн. (93%). Среди занятых численность наемных работников превысила 4 млн. человек (59,5% от их общего числа). Из работающих по найму более 81% трудились в государственных и негосударственных организациях, 12% – у физических лиц, 6% – в фермерских хозяйствах.

[83] В июле 2003 г. экономически активное население России составило 71,7% от общего населения страны, из них численность занятых – 66% от общего населения страны. Уровень регистрируемой безработицы в России составлял 2,1% экономически активного населения. Безработица в России постоянно снижается. В 2000 г. только 1,5% безработных зарегистрировано в службе занятости. Наибольший рост занятости до сих пор обеспечивается финансово-банковской сферой. К сентябрю 2003 г. по сравнению с сентябрем 2002 г. число занятых выросло также в газовой промышленности, отраслях связи, в образовании, в сфере культуры и ЖКХ. Большая часть отраслей обрабатывающей промышленности характеризуется снижением уровня занятости.

[84] Между тем высшее политическое руководство Казахстана, вместо того чтобы квалифицировать феномен «самозанятости» как серьезнейшую социальную и экономическую проблему, пытается приписать эти 2,9 млн. человек к *«крепнущему среднему классу»*. Вот цитата из выступления президента Назарбаева: «У нас образовалась прослойка самозанятых, т. е. людей, которые сами обеспечивают себя и свою семью. Это почти 3 млн. человек. Сформировался и плотный социальный слой современных менеджеров, высококвалифицированных специалистов, работающих в национальных компаниях, в банковской сфере, в предпринимательских структурах, на предприятиях и фирмах с иностранным участием. Эти социальные группы и составляют сегодня основу крепнущего казахстанского среднего класса. Для них экономический прогресс неотделим от

вопросов стабильного развития страны. Их устремлениям отвечает дальнейшая либерализация общества, демократизация политической системы».

[85] Согласно данным официальной статистики Казахстана, значительно снизилось потребление важнейших продуктов питания. За 10 лет (1991—2000 гг.) потребление мяса в расчете на душу населения уменьшилось на 27 кг, молочных продуктов – на 94 кг, яиц – на 117 шт. Ухудшилась структура: в рационе питания возросла доля хлебопродуктов и картофеля, снизилась – мяса, молока, фруктов. И по калорийности рацион питания среднестатистического казахстанца отстает от большинства стран с развитой рыночной экономикой. Почти трети молодых людей призывного возраста выносится диагноз – дистрофия. Официально на учете стоит 51 тыс. больных туберкулезом, реально, по оценкам специалистов, их в несколько раз больше. 220 младенцев из 1000 рождаются с патологиями, ведущими к инвалидности.

[86] В селах-аулах Казахстана остается проживать 43% всего населения, однако доля аграрного сектора в объеме ВВП не превышает 8,5%, тогда как в начале 90-х гг. она составляла 25%.

[87] В Казахстане – примерно в 2 раза.

[88] В настоящее время больше половины потребностей населения Казахстана в продовольствии удовлетворяется за счет ввоза из других стран. В 1999 г. по сравнению с 1995 г. потребление импортного мяса возросло в 3,4 раза, молочных продуктов – в 2,2 раза, яиц – в 6,1 раза, картофеля – в 8,5 раза. По признанию министра сельского хозяйства Ахметжана Есимова, в целом 80% мясопродуктов завозится из-за границы.

[89] См., например: *Сердюк Э.* Продовольственная безопасность РФ: О роли внешнеторговой политики // Российский экономический журнал, 1999, № 4.

[90] В перерасчете на одного сельского жителя в месяц приходится 7 тыс. тенге (47 долл.), из них 57% приходится на долю личного потребления, что почти в два раза меньше среднереспубликанского душевого дохода. Треть сельчан, согласно официальным данным, имеет доходы ниже прожиточного минимума. По заявлению спикера мажилиса, производство сельхозпродукции не обеспечивает даже минимальных потребностей сельских жителей. В 5,5 тыс. сельских населенных пунктов отсутствует централизованное водоснабжение, более 500 – не имеют надежного автомобильного сообщения, оставаясь отрезанными от районных центров в зимнее время. Около 300 сел лишены энергоснабжения, большинство не имеют возможности пользоваться природным газом, 1370 – лишены элементарных медицинских учреждений.

[91] Концепция действий на рынке труда на 2003—2005 гг. // Информационная система «Гарант».

[92] Подобное явление в «старом» институционализме принято называть «церемониальной инкапсуляцией» (ceremonial encapsulation) сложившихся неэффективных структур.

[93] В 2004 г. в соответствии с «Основными положениями денежно-кредитной политики» ЦБ РФ следует ожидать дальнейшего укрепления курса рубля.

[94] Справедливости ради необходимо отметить, что в последние месяцы правительство Казахстана предпринимает ряд мер по изменению ситуации. Так, в этом году достаточно резко сокращается отрицательное сальдо по счету текущих

операций, и одновременно Нацбанк продекларировал намерение обеспечить к 2006 г. свободную конвертацию нацвалюты по текущим счетам. Наконец, Нацбанк хотя и осторожно, но достаточно целеустремленно ведет дело к расширению вложений пенсионных накоплений в корпоративные бумаги реального сектора экономики.

[95] Прогноз Deutsche Bank для России, в регрессии которого учитывался и институциональный фактор, предполагает поэтому рост ВВП к 2010 г. лишь на 48% (при сохранении существующих внутренних и внешних тенденций).

Александр Либман

ВЗАИМОДЕЙСТВУИЕ ГОСУДАРСТВА С НАЦИОНАЛЬНЫМИ И ИНОСТРАННЫМИ КОРПОРАЦИЯМИ В РОССИИ И В КАЗАХСТАНЕ

В данной работе рассматриваются особенности взаимодействия бизнеса и власти в России и в Казахстане. Мы рассмотрим основные модели взаимоотношений государства и бизнеса, сравним модели отношений государства и бизнеса в России и в Казахстане и попытаемся сделать некоторые предположения относительно перспектив их развития.

1. Административный рынок и взаимоотношения государства и бизнеса

С экономической точки зрения взаимоотношения между государством и бизнесом могут быть представлены как «административный рынок»[1]. На этом рынке различные коалиции чиновников и политиков («сторона предложения») «предлагают» различные «блага»[2] бизнесу («стороне спроса»). За них взимается «плата», которая может как носить официальный характер (налоги, сборы, платежи), так и представлять собой неформальные услуги, в том числе и нелегальные (взятки, поддержка политических партий, предоставление членам политических коалиций мест в крупных корпорациях и др.).

Взаимоотношения государства и бизнеса определяются структурой этого «административного рынка». На наш взгляд, можно выделить три характеристики, отражающие специфику административных рынков страны.

1. Доступ к административному рынку ограничен «барьерами входа». Их особенности определяют, кто именно может участвовать в перераспределении ресурсов через административный рынок, т. е. состав **основных игроков** на «стороне спроса» и «стороне предложения». Во многом именно «барьерами входа» определяются последующая концентрация рынка и возникновение «переговорной власти».

2. Сделки на административном рынке редко бывают равноправными, т. е. отдельные игроки «стороны спроса» или стороны предложения» могут обладать большей **«переговорной властью»**. Так, можно упрощенно выделить два канала влияния бизнеса на власть: «голос» (voice) (воздей-

ствие на коалицию с целью изменения ситуации в свою пользу с помощью легальных и нелегальных методов) и «выход» (exit) (переход к другой коалиции и «уход» из сферы контроля прежней[3]).

Крайними вариантами являются «захват государства»[4] (определяющее влияние нескольких бизнес-структур на государственную политику) или, наоборот, «захват бизнеса»[5] (установление определенными чиновниками и политиками контроля за бизнесом с целью присвоения части прибыли). В обоих случаях государство реализует политику, дающую преимущества «подконтрольным» предприятиям (или предприятиям-«захватчикам»). Однако если при «захвате бизнеса» государство может «вынудить» корпорацию следовать своим целям (например, в виде «избыточной занятости» с социально-политическими целями[6], обязательств бизнеса по поддержанию социальной инфраструктуры или соответствия инвестиций бизнеса государственной внешней политике), то при «захвате государства» подобных явлений ожидать не следует.

Важным фактором, влияющим на переговорную власть сторон административного рынка, является их концентрация. «Государство» может быть представлено как множеством конкурирующих групп и коалиций, так и одной или несколькими группами, монополизировавшими власть. Со стороны бизнеса на административный рынок может иметь доступ широкий спектр предприятий, или же несколько крупнейших (или наиболее «привилегированных») корпораций. Частично степень концентрации обусловливается барьерами входа, однако мы хотели бы при анализе данного параметра сделать акцент на способности бизнеса (и коалиций чиновников и политиков) к *координации* усилий, выражающейся, например, в создании предпринимательских лоббистских объединений, и способности выступать «единым фронтом» при принятии принципиальных политических решений.

3. Важным фактором являются также **устоявшиеся процедуры в отношениях бизнеса и государственной власти,** своего рода «институты обмена», регулирующие «сделки» на административном рынке. Эти процедуры формируются как в результате осознанного диалога бизнеса и государственной власти, так и случайно, как непреднамеренный результат действий крупных корпораций и государственной власти, обладающий тем не менее значительной инерцией (path dependence).

«Административный рынок» России и Казахстана начал формироваться на основе «административного рынка», существовавшего и игравшего значительную роль в экономике «реального социализма». В СССР роль этого рынка была абсолютной, поскольку все блага контролировались государством и могли приобретаться и перераспределяться только в рамках государственного механизма. Стороны на рынке не были достаточно четко обособлены, поскольку все предприятия были встроены в единый государственный механизм управления экономикой. Трансфор-

мация экономики означала «сокращение» сферы административного рынка до необходимого минимума (тех благ, которые не могут производиться без участия государства), а также четкое разделение «бизнеса» и «государства» на административном рынке. Можно констатировать, что ни в России, ни в Казахстане, в отличие от стран ЦВЕ и некоторых постсоветских республик (например, прибалтийских), ни одна из этих целей не была реализована в полной мере.

Административный рынок по-прежнему играет ведущую роль в экономике обеих стран. Статистические показатели, казалось бы, не подтверждают этот вывод: доля государства в перераспределении ВВП для Казахстана составляет 11%, для России – 16%[7] (для сравнения: в Германии этот показатель составляет, в зависимости от метода расчета, до 50%). Тем не менее отсутствие демократического контроля за действиями чиновничества и непрозрачное и запутанное законодательство делают возможное государственное вмешательство ключевым элементом успеха бизнес-стратегии[8]. Предприятия в своей деятельности стремятся не столько добиться успеха на рынках товаров и услуг, сколько получить доступ к административному рынку. Естественно, в подобной ситуации странно было бы ожидать жесткого разделения власти и бизнеса; напротив, и предприниматели (для защиты и усиления своих конкурентных позиций), и чиновники (для извлечения ренты) заинтересованы в тесном взаимодействии и формировании своего рода структур «власти-собственности», которые и доминируют в экономике[9].

2. Взаимодействие государства и бизнеса в России и в Казахстане

Для анализа административных рынков России и Казахстана обратимся к приведенным выше характеристикам («барьеры входа», переговорная власть и институты обмена). При этом сосредоточим основное внимание на «стороне спроса»[10].

Основные игроки. Распад СССР и начало реформ привели к деформации существовавшего административного рынка, своего рода девальвации «административных валют», использовавшихся ранее. Началось формирование нового административного рынка, связанное, прежде всего, с процессами *приватизации*. Последние, как уже отмечалось выше, также могут трактоваться как сделки на административном рынке. Поэтому необходимо ответить на вопрос, чем определялся отбор инвесторов, «допущенных» к участию в приватизации и составивших большей частью «основу» новой группы ведущих игроков на административном рынке. Можно выделить два фактора, во многом определивших этот отбор.

Во-первых, в обеих странах в сфере экономической политики исполнительная власть с самого начала обладала очень высокой «степенью

свободы» – большей и раньше, чем в других областях государственной политики. В России, например, Верховный Совет практически полностью самоустранился от формирования приватизационного законодательства[11]; в Казахстане полномочия в сфере экономической политики также оказались сосредоточены в руках президента. Контроль за действиями исполнительной власти был минимальным. В результате политика приватизации в обеих странах предоставила власти и чиновникам значительные возможности для преследования собственных целей. Поэтому доступ на административный рынок с самого начала был ограничен для небольшой группы «привилегированных» инвесторов. По мере концентрации политической власти «степень свободы» политических игроков увеличивалась.

Во-вторых, как в России, так и в Казахстане правительство сталкивалось с проблемами легитимности, хотя они носили различный характер. В России достаточно быстро возникла серьезная «левая» оппозиция, которая смогла эффективно противодействовать действиям власти. Поэтому важнейшей задачей экономической политики была задача политическая, «противодействие угрозе реставрации»[12]. С этой точки зрения главной задачей «отбора» должно было стать формирование лояльной коалиции собственников, и этим прежде всего и определялся порядок доступа на административный рынок. В Казахстане оппозиция власти была слабее, зато существовала проблема легитимности другого рода – поиска международной легитимизации «молодой страны». Сказанное не означает, что руководство Казахстана не пыталось сформировать коалицию «лояльных собственников» и что российская власть не была заинтересована в международном признании новой России как «демократической страны» (при сохранении собственных властных позиций). Речь идет, скорее, о различных приоритетах для руководства России и Казахстана.

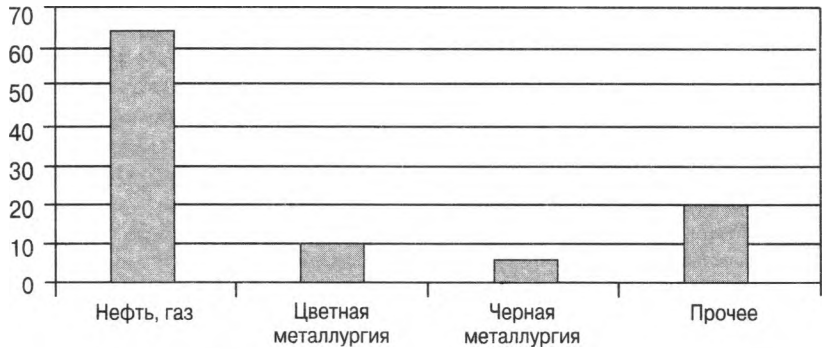
Для решения стоявших перед властью задач укрепления легитимности в России и в Казахстане использовались различные инструменты. Российское руководство сделало ставку на вовлечение в процесс приватизации директорского корпуса и чиновничества и создание нового крупного бизнеса, заинтересованного, в силу сомнений в правомерности приватизации, в сохранении статус кво и в противодействии усилиям оппозиции. Руководство Казахстана также поддержало (хотя и в меньшей степени) «директорскую» и «чиновничью» приватизацию, однако главный акцент был сделан на привлечение иностранных инвесторов – крупных транснациональных корпораций (ТНК)[13]. Последние обеспечивали Казахстану международное признание, а также частично становились залогом внутриполитической стабильности, поскольку были заинтересованы в защите существующих прав собственности и договоренностей, а также стабильности в стране[14].

С точки зрения подобной логики понятно и стремление к «диверсификации» присутствия в Казахстане иностранных инвесторов. «Пред-

ставительство» различных стран базирования крупных ТНК в экономике Казахстана необычно широко (по меркам стран с переходной экономикой)[15]. В республике действуют, прежде всего, ТНК США (около 36% совокупных прямых иностранных инвестиций), но также и ТНК Западной Европы – в основном Великобритании (17%) и Италии (5%), корпорации Канады (5%), Индонезии, Китая, Аргентины, Норвегии, Индии, Малайзии, Японии, России[16].

Большая часть инвестиций была сосредоточена в нефтегазовой отрасли (см. рис. 1)[17], что было связано как с объективной привлекательностью нефтегазового комплекса в экономической структуре Казахстана, так и с сознательной политикой властей, предоставивших иностранным инвесторам именно в нефтегазовой отрасли беспрецедентные возможности. Например, Казахстан стал одной из первых стран СНГ, «запустивших» механизм «соглашений о разделе продукции», обеспечивающий иностранным инвесторам достаточно низкий уровень рисков[18]. До определенного периода государство практически не вмешивалось во взаимоотношения местных и иностранных партнеров по совместным предприятиям, что позволяло иностранным инвесторам реализовать свою рыночную власть (и что достаточно сильно отличает Казахстан от других стран с переходной экономикой)[19].

Рис. 1. Отраслевая структура иностранных инвестиций в Казахстане, 1992—2002 гг.



Источник: Ахметова Г.Р. Коррупция в нефтедобывающих странах. Алматы, 2002. С.61.

Сравнительная характеристика приватизации в обеих странах представлена в таблице 1. (Конечно, периодизация приватизации и разделение отдельных этапов по годам носят условный характер – первые нефтегазовые консорциумы в Казахстане с участием иностранных инвесторов были созданы уже в начале 1990-х гг.)

Таблица 1.

Приватизация в России и в Казахстане

Год	Россия	Казахстан
1989	«Спонтанная» приватизация в СССР в интересах наиболее сильных представителей партийной и директорской элиты.	
1990		
1991	Продолжение «спонтанной» приватизации. Чековая («ваучерная») приватизация как результат «консенсуса» между различными группами интересов, значительное влияние директорского корпуса. Формирование основы для будущих крупных финансово-промышленных групп (ФПГ).	«Инициативная» приватизация (по заявке трудовых коллективов) со значительным влиянием директорского корпуса. Приватизация до апреля 1992 г. определялась личными договоренностями руководства предприятий и Госкомимущества. Приватизация не коснулась крупных промышленных комплексов.
1992		
1993	«Залоговые аукционы» – передача крупнейших объектов собственности, в том числе в нефтяной отрасли и металлургии, формально в залог под кредиты бюджету, а на практике – в собственность (поскольку средства на возвращение кредитов в бюджете заложены не были) небольшой группе привилегированных банков («Менатеп» «ОНЭКСИМ»).	Сочетание трех механизмов приватизации: 1) массовая приватизация включенных в список предприятий с помощью приватизационно-инвестиционных купонов (ПИК), размещавшихся в инвестиционных приватизационных фондах (ИПФ); 2) малая приватизация на основе аукционов за денежные средства и купоны; 3) приватизация крупнейших объектов собственности по индивидуальным проектам – первоначально продажа иностранным инвесторам, затем передача предприятий в стратегическое управление с правом последующего выкупа. Большие возможности для оффшорного бизнеса (гарантия конфиденциальности инвесторов при наличии банковских гарантий).
1994		
1995		
1996	«Точечная» приватизация отдельных объектов собственности в рамках инвестиционных конкурсов и аукционов (прежде всего, отрасли связи и пакеты акций нефтегазовых компаний). Допуск к приватизации иностранных инвесторов, однако сохранение доминирующего положения бизнес-групп.	Продажа в соответствии с «секторными» программами приватизации по индивидуальным проектам крупнейших объектов собственности ТНК и оффшорным компаниям (в том числе нефтегазового комплекса, электроэнергетики, связи). Использование для приватизации фондового рынка.
1997		
1998		
1999		
2000		Продажа отдельных крупных объектов собственности за деньги после «очистки» от долговых обязательств (в основном в электроэнергетике).
2001		
2002		
2003		

Источник: составлено автором на основе: Приватизация в России и других странах НГ. М.: ИНИОН РАН, 2003.

В русле той же логики осуществлялись реформы естественных монополий. В России они использовались для создания крупных корпораций («Газпром», РАО «ЕЭС», «Транснефть»), контролируемых государством. В Казахстане реструктуризация естественных монополий стала еще одним инструментом привлечения иностранных инвестиций. Наиболее ярко это проявляется для электроэнергетики[20]. Государственная вертикально интегрированная компания «Казахстанэнерго», аналогичная РАО «ЕЭС», была разделена на три составляющие:

Производственные компании – электростанции. Из 54 тепловых электростанций республики 53 были приватизированы и во многих случаях переданы иностранным инвесторам (крупнейшим из которых является компания «AES») или крупным промышленным концернам («Казцинк»). 5 гидроэлектростанций Казахстана также были переданы в концессию инвестиционным консорциумам.

Магистральные электросети остались собственностью республики и были переданы компании «KEGOG». Однако компания не является участником договорных отношений на рынке, лишь взимая четко определенные тарифы за пользование сетями.

Распределительные электросетевые компании (РЭК). Из 21 компании 11 передано в собственность частных инвесторов. Три из оставшихся 10 компаний на 5 лет переданы в управление под инвестиционные обязательства, 2 – в управление компании «AES», 5 – за долги переданы частным структурам. Задачей РЭК является транспортировка электроэнергии от «KEGOG» до малых и средних потребителей[21].

Исключение составляют 3 вертикально интегрированные объединения, созданные еще до начала реформ и переданные опять-таки частным инвесторам. Они по сути дела исключены из энергетического рынка и объединяют всю производственную цепочку – от генерации энергии до поставки ее конечным потребителям. Это группы «AES» (Восточно-Казахстанская область), «Access Industries» (Северо-Казахстанская область) и «Алматы Пауэр Консолидэйтет» (регион Алматы).

Аналогичные реформы были реализованы в сфере телекоммуникаций (продажа 40% акций «Казтелекома» иностранным инвесторам)[22]. Для сравнения – в приватизации российского «Связьинвеста» иностранные партнеры участвовали лишь в консорциумах с российскими банками («МФК»-«Ренессанс-Капитал» – «Deutsche Bank», «Альфа-банк» – Telefonica).

В реформе естественных монополий достаточно ярко проявился еще один фактор, определявший взаимодействие государства и бизнеса в ходе процесса приватизации, – стремление «компенсировать» потери «проигравшим». Речь идет об определенных группах экономической элиты, позиции которых оказались серьезно ослабленными в условиях новых рыночных отношений. Часто эти «проигравшие» (например, «старый» директорский корпус несырьевых предприятий) обладали боль-

шим политическим влиянием, чем «победители». Соответственно, государство вынуждено было предпринимать определенные шаги с целью «компенсировать» утраты, например, при ценообразовании на рынках энергоносителей[23].

Таким образом, приватизация и реформы естественных монополий привели к формированию на «стороне спроса» административного рынка ограниченной группы игроков, представляющих преимущественно крупные финансово-промышленные группы и (в Казахстане) международные ТНК[24]. Значительные активы были сосредоточены (прямо или косвенно) в руках политической элиты[25]. Формирование ФПГ в обеих странах также происходило в результате схожих процессов. В их основе первоначально лежали банковский капитал[26] и инвестиционные фонды, активно действовавшие в ходе чековой приватизации[27]. Банки осуществляли экспансию в доступные для них отрасли промышленности (в России они получили доступ к большинству отраслей, в Казахстане же такие сегменты экономики, как нефтегазовый комплекс, контролировались исключительно иностранными инвесторами). Однако в результате кризиса 1998 г. в России большая часть банковских ФПГ (кроме группы «Альфа-банка») распалась и влияние банков в промышленности резко ослабло. Многие банковские группы, однако, смогли трансформироваться в промышленные[28], которые и играют в России на сегодняшний момент ведущую роль. Казахстанская банковская система не пострадала от кризиса, поэтому банковские группы до сих пор доминируют в экономике (например, группы «Евразийского банка» и «Казкоммерцбанка»)[29].

Несмотря на это, и в России, и в Казахстане роль банков на административном рынке является ведущей. Это подтверждают рейтинги ведущих лоббистов. Среди национальных лоббистов в Казахстане важную роль играют представители банковского бизнеса («Казкоммерцбанк», «Евразийский банк», «ТуранАлем»)[30]. В России в число ведущих лоббистов входят руководители «Альфа-банка», «Межпромбанка», Банка Москвы, АКБ «Еврофинанс», Сбербанка, «Внешторгбанка»[31]. В обеих странах в число ведущих лоббистов входят также представители нефтегазовых компаний – «КазМунайГаз» (Казахстан)[32], «Газпром», «Лукойл» и (до недавнего времени) «Юкос» (Россия). В Казахстане, однако, лобби иностранных корпораций оценивается экспертами как важнейшее (уступающее только «правительственному» лобби), влияние которого больше, чем влияние лобби национальных бизнес-групп[33].

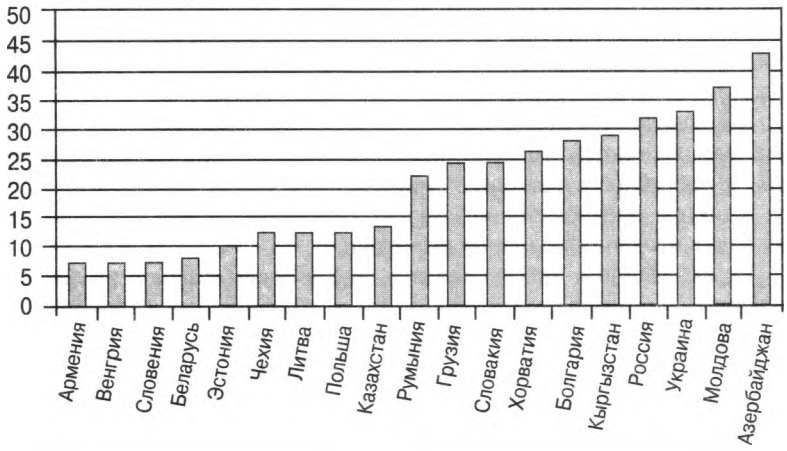
К концу 1990-х гг. приватизация и в России, и в Казахстане закончилась. Поэтому можно сказать, что структура «стороны спроса» на административном рынке сложилась окончательно. При этом, поскольку приватизация была основана на непрозрачных механизмах и неформальных связях, эти же инструменты господствуют и во взаимодействии государства и бизнеса. Таким образом, доступ на административный рынок со «стороны спроса» ограничен жесткими барьерами входа. По большо-

му счету, новый крупный игрок может появиться на рынке лишь в результате изменений в политической элите.

«Переговорная власть». Особенности приватизации наложили свой отпечаток и на отношения власти на административном рынке. С одной стороны, возникновение крупных корпораций и монополизация экономики, т. е. создание центров экономической власти, не могут не привести к росту влияния крупнейших бизнес-структур на принимаемые государством решения. С другой – тот факт, что поддержка государства при недостаточной защите прав собственности является необходимым условием не только конкурентных преимуществ, но и самого существования бизнеса, свидетельствует о значительном влиянии чиновников на деятельность крупных корпораций. Таким образом, и в России, и в Казахстане административный рынок характеризуется значительной асимметрией в отношениях бизнеса и власти. Вопрос в том, «в чью сторону» направлена эта асимметрия, – иначе говоря, наблюдаются ли процессы «захвата бизнеса» или «захвата государства»?

Как свидетельствует проведенное в 1999 г. исследование Мирового банка, Россия относится к странам с переходной экономикой с высоким показателем «захвата государства». Для Казахстана этот индекс заметно ниже (см. рис. 2). В сочетании с более консолидированной политической элитой и сравнительно более авторитарной властью, обзор позволяет сделать вывод, что если Россия характеризуется «захватом государства», то для Казахстана в большей степени характерен «захват бизнеса».

Рис. 2. Индекс «захвата государства»



Источник: Hellmann J.S., Jones G., Kaufmann D., Schankerman M. Measuring Governance, Corruption and State Capture // The World Bank Policy Research Working Paper, April 2000. P.24.

Важно учесть, что опрос был проведен в 1999 г., т. е. до прихода к власти в России Путина, – в период, когда политическое влияние бизнеса казалось особенно значительным. Между тем анализ более долгосрочных явлений позволяет несколько изменить оценку результатов опроса.

Прежде всего заметим, что особенностью как российского, так и казахстанского бизнес-сообщества являлась низкая степень консолидированности в отношениях с властью (и, следовательно, ограниченный масштаб «голоса»). Ведущие корпорации и политики предпочитали устанавливать контакт с властью «напрямую», минуя различного рода предпринимательские ассоциации[34]. Часто речь идет о тесных контактах той или иной предпринимательской структуры с определенными политиками[35]. Это, в частности, означает, что *частные структуры, хотя и могут выходить победителями в конфликтах с отдельными чиновниками и их группами (пользуясь конфликтами внутри самой политической сферы), однако не способны составить сколько-нибудь серьезную оппозицию государственной власти в целом при решении принципиально важных вопросов.* Это подтверждает как российский (Березовский, Гусинский, Ходорковский), так и казахстанский опыт[36]. Консолидированная позиция бизнеса в отношении политических событий проявляется крайне редко (например, поддержка бизнесом Ельцина на президентских выборах 1996 г. в России)[37].

Еще одним подтверждением данного вывода может быть тот факт, что и в России, и в Казахстане финансовый ресурс крупных корпораций является менее важным ресурсом достижения целей во взаимодействиях с государственной властью, чем личные связи[38]. Нередко динамика развития крупнейших бизнес-групп «отражала» изменение политического влияния их представителя во властных структурах[39]. Между тем финансовый ресурс является одним из важнейших инструментов «голоса» бизнеса по отношению к государственным структурам.

В определенной степени аргументом в пользу слабости позиции бизнеса может служить уже описанная политика «компенсации проигравших» в реформах естественных монополий и приватизации – тот факт, что «сторона предложения» обладала достаточным потенциалом влияния для проведения подобной политики.

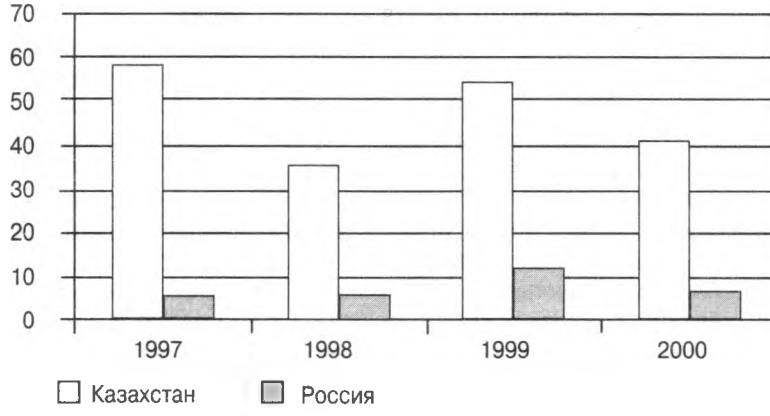
Таким образом, можно сказать, что в обеих странах имеет место «*тактический захват государства*» при «*стратегическом захвате бизнеса*»[40]. Однако этот «тактический захват государства» в России охватывает несколько большую сферу государственных решений, чем в Казахстане (или, точнее говоря, охватывал в определенные периоды эволюции административного рынка)[41]. В Казахстане, напротив, зависимость даже крупнейших «олигархов» от государства (а точнее – от лидирующей коалиции, «Семьи») больше, чем в России[42]. Причины этих различий, на наш взгляд, связаны с уже упомянутой более жесткой концентрацией политической власти в Казахстане и были заложены еще в ходе приватиза-

ции. В Казахстане распределение собственности прежде всего между близкими «Семье» структурами происходило более последовательно, чем в России.

Инструмент «выхода» для воздействия бизнеса на государство используется достаточно неохотно. Необходимо учесть, что успех ведущих компаний в Казахстане и в России связан преимущественно с государственной поддержкой, а «выход» означал бы и уход от этой поддержки. Наверное, наиболее распространенной формой «выхода» в обеих странах является уход в «теневую экономику». 2003 год стал примером попытки «выхода» и за рубеж из России – речь идет о попытке переноса штаб-квартиры «Юкоса» за рубеж, а также о продаже Р. Абрамовичем значительной части своего бизнеса в стране. Однако этот «выход» носил достаточно ограниченный характер. Едва ли есть примеры реального воздействия «выхода» (или даже «угрозы выхода») на государственную политику.

Однако «выход» всегда легче осуществить иностранным инвесторам, чем национальным корпорациям[43]. С этой точки зрения ситуация в Казахстане несколько отличается от российской. Уход ТНК стал бы значительной угрозой для экономического благосостояния Казахстана, о чем свидетельствует доля иностранных инвестиций в формировании основного капитала (см. рис. 3).

Рис. 3. Доля иностранных инвестиций в формировании основного капитала, %



Источник: Kazakhstan Country Fact Sheet, UNCTAD, 2002.

В новейшей истории Казахстана имеется несколько примеров, когда иностранные корпорации пытались воспользоваться стратегией «выхода». Так, в 2001 г. после принятия закона о противодействии трансфертным ценам некоторые корпорации заявили о продаже своих долей в ка-

питале казахстанских консорциумов. В начале 2003 г. ведущие нефтегазовые компании заявили о прекращении инвестиций в экономику республики и предупредили правительство о необходимости соблюдения контрактных обязательств. Поэтому во взаимодействии с иностранными корпорациями позиции государственных структур слабее, чем по отношению к национальным инвесторам[44]. Экономическая политика Казахстана действительно во многом ориентирована на интересы иностранных корпораций, что проявляется во множестве различных сфер, в том числе в денежно-кредитной и налоговой политике. Тем не менее и здесь нельзя говорить о полном подчинении государства интересам ТНК. На протяжении всей второй половины 1990-х гг. в Казахстане практиковались попытки государства «переиграть» достигнутые ранее договоренности с инвесторами[45]; в качестве инструмента давления использовались, например, социальные обязательства бизнеса[46] или цены на транспортировку энергоресурсов[47]. Нельзя забывать и о том, что иностранные корпорации, даже если они обладают значительным потенциалом для воздействия на государственную политику, более редко используют этот инструментарий, чем национальные корпорации[48].

«Институты обмена». Во многом институты, определяющие каналы взаимодействия государства и бизнеса в России и в Казахстане, схожи. Можно выделить несколько основных особенностей. Прежде всего, господствующими являются неформальные каналы взаимодействия чиновников и предпринимателей, нередко основанные на коррупции. По рейтингу «Transparency International 2003», Россия занимает 86-е место по степени коррумпированности, Казахстан – 100-е место[49].

Можно утверждать, что приход «цивилизованных» западных инвесторов в экономику Казахстана не стал фактором снижения коррупции. Во взаимодействиях ТНК и правительства республики роль взяточничества остается значительной, хотя подтвердить это статистически сложно. Косвенным показателем может служить сопоставление двух рейтингов «Transparency International» – рейтинга по индексу взяткодательства (склонность ТНК к даче взяток чиновникам принимающих стран) и рейтинга по индексу восприятия коррупции (т.е. готовности дать взятки). В Казахстане преимущественно представлены ТНК стран, расположенных в конце рейтинга по индексу взяткодательства (21—13 место), а сам Казахстан занял одно из наиболее высоких мест по индексу восприятия коррупции. В известном смысле «вероятность коррупции» подтверждает и сама отраслевая структура иностранных инвестиций: нефтегазовая отрасль, телекоммуникации и энергетика вошли в число отраслей, компании которых в наибольшей степени склонны к взяткодательству[50]. Более того, по оценкам Мирового банка, иностранные ТНК в странах с переходной экономикой сравнительно более склонны к уплате взяток, чем другие группы фирм[51]. Многочисленными коррупционными скандалами сопровождалась уже приватизация, связанная с передачей активов иностранным группам.

Более разнообразны формальные каналы взаимодействия (другой вопрос, насколько они действенны). В Казахстане, в отличие от России, практикующей преимущественно разовые (в основном, по инициативе государственной власти) консультации с иностранными инвесторами, еще в 1998 г. был создан Совет иностранных инвесторов при президенте республики. Заседания Совета проводятся раз в год. Постоянно функционируют рабочие группы Совета, в том числе по налогам и правовым вопросам. В 2002 г. в работе Совета принимали участие такие компании, как «Ernst&Young», «BG», «LNM Group», «TotalFinaElf», «Backer McKinsey», «Shevron Texaco», «ABN Amro», «Deutsche Bank», «Mitsubishi», «Samsung», «Евразийская промышленная ассоциация». По всей видимости, в ряде случаев Совет оказывался достаточно эффективным инструментом лоббирования интересов иностранных корпораций[52]. В России созданы механизмы консультаций с национальными корпорациями, например Совет по предпринимательству, однако большая переговорная власть государства по отношению к национальному бизнесу, чем к иностранному, проявилась в сравнительно меньшей значимости этих институтов как представительства бизнеса[53].

3. Эволюция «административного рынка» в России и в Казахстане

Таким образом, в настоящее время и в России, и в Казахстане сложилась структура административного рынка с жесткими ограничениями на «вход», доминированием небольшой группы корпораций и преимущественно неформальным характером взаимодействия государственных и частных структур. При этом экономика обеих стран характеризуется присутствием мощных центров экономической власти с олигополитической структурой рынков. И политические, и экономические центры власти заинтересованы в сохранении данной структуры: бизнесу гарантирована защита от конкуренции и возможного «пересмотра итогов приватизации», а чиновники имеют доступ к «распределению ренты». За счет этого возникающая структура власти является устойчивой и может просуществовать достаточно долго, где обе части – экономическая и политическая – поддерживают друг друга. Возник «тупик» экономической эволюции: трансформация экономической и политической систем привела к новому устойчивому равновесию.

Это равновесие в определенной степени «взрывается» конкуренцией двух форм «захвата» – «захвата бизнеса» и «захвата государства». В настоящее время в обеих странах бизнес оказывает существенное влияние на государство при принятии тактических вопросов, а также в ситуации конфликтов внутри политической элиты; однако в существенных вопросах речь может идти о «захвате бизнеса», связанном, прежде всего, с неустойчивостью рыночных преимуществ и прав собственности крупных корпораций. Для Казахстана до недавнего времени более ярко был выра-

жен «захват бизнеса», для России – «захват государства», однако речь идет, на наш взгляд, скорее об определенных отклонениях от «устойчивого равновесия», чем о качественно различных состояниях.

Дальнейшие изменения на административном рынке зависят от развития политической системы, а также экономической ситуации в странах. И в данном случае различия между Россией и Казахстаном могут оказаться существенными. Российский политический режим в настоящее время характеризуется более высокой стабильностью и большей консолидацией, чем в 90-е гг. Соответственно более жестким является государственный контроль за бизнесом. Подобная ситуация закрепляет существующую структуру экономики с мощными центрами власти[54].

В то же время рост экономики приводит к усилению рыночных позиций российских нефтегазовых корпораций, которые тем самым становятся более независимыми от государства. Во многом этот процесс поддерживается растущей прозрачностью крупного российского бизнеса[55]. Политический режим Казахстана уже не характеризуется столь высокой стабильностью. Однако доступ национального бизнеса к наиболее быстро растущей нефтяной отрасли (за исключением ТНК и компаний, связанных непосредственно с «Семьей» президента) жестко ограничен. Поэтому процессы политической трансформации во многом «компенсируются» развитием экономической системы. Тем не менее *и в России, и в Казахстане последние годы были отмечены конфликтами государственной власти и крупных предпринимателей-«олигархов»*[56].

Изменения затрагивают предпринимательские объединения в обеих странах. Можно заметить, что в последнее время происходит как процесс их консолидации, так и рост влияния на формирование политики (как минимум, в решении чисто экономических вопросов). Примером являются Форум предпринимателей Казахстана, объединивший в 1998 г. ряд существовавших ранее предпринимательских ассоциаций и участвовавший в 2001 г. в обсуждении нового Налогового кодекса[57], и Российский союз промышленников и предпринимателей, резко повысивший свой политический вес в результате превращения в «профсоюз олигархов» и сосредоточившийся в основном на лоббистских функциях[58]. На основе этого некоторыми авторами делается вывод о переходе от неорганизованного лоббизма, основанного на индивидуальных связях, к организованным формам взаимодействия и даже к «согласованию» и «партнерству»[59]. Возможно, эти изменения и способствуют изменению структуры административного рынка, однако, на наш взгляд, до настоящего времени речь идет скорее о тенденциях, чем о процессах, оказавших реальное воздействие на административный рынок, что подтверждается не в последнюю очередь упомянутыми конфликтами.

По оценке Г. Сатарова и С. Пархоменко, эволюция отношений между государством и бизнесом в переходной экономике строится в соответ-

ствии со следующей схемой: на первом этапе «захват бизнеса» превалирует, поскольку сами предприниматели заинтересованы в защите и еще недостаточно сильны; на втором – параллельно усилению частных структур усиливается и «захват государства»; на третьем – государственные структуры «отвечают» на «захват государства» «захватом бизнеса». Далее динамика становится неопределенной, и возможны различные сценарии развития – в зависимости от того, «захват бизнеса» или «захват государства» сможет реализоваться в долгосрочной перспективе[60]. Россия в определенной степени соответствует этой схеме, хотя даже в пик «захвата государства» в 1997—1999 гг. «переговорную власть» «стороны спроса» не следовало переоценивать. Схожие процессы имели место в Казахстане, хотя отличия политической системы и несколько более позднее начало трансформации «сдвинули во времени» и ослабили фазу «захвата государства». На наш взгляд, в дальнейшем процессе эволюции возможно смещение равновесия в ту или иную сторону, однако не глубокая трансформация, противоречащая интересам обеих сторон.

Особо необходимо рассмотреть роль крупных ТНК в Казахстане, являющихся, как было показано выше, важными игроками на административном рынке. Очевидно, что иностранные инвесторы все же в меньшей степени заинтересованы в сохранении существующей власти, чем национальные корпорации, для которых приход к власти оппозиции (и даже радикальные перемены внутри элиты) означает неизбежное перераспределение собственности. Эмпирические исследования свидетельствуют, что инвестиции ТНК даже возрастают при демократизации в развивающихся странах[61]. В то же время ТНК, вовлеченные в коррупционные сети в экономике Казахстана, проявляют большую заинтересованность в существовании структуры административного рынка, а особое положение ТНК в экономике Казахстана, их концентрация в ограниченном числе экспортных отраслей в принципе снижает их интерес к внутриполитическим и внутриэкономическим процессам, не влияющим непосредственно на их деятельность. ТНК являются игроками административного рынка с сильной «переговорной властью», которая, однако, сконцентрирована на крайне узком круге проблем, связанных со стабильностью их отрасли[62].

Сложившаяся структура административного рынка препятствует политической трансформации в обеих странах; изменения политической системы возможны лишь при радикальных изменениях на административном рынке (или при изменении роли административного рынка в экономике) – и наоборот. Как представляется, подобные изменения можно будет сравнить со «второй трансформацией» экономики и общества рассматриваемых государств[63]. Однако само существование административного рынка в его сегодняшней форме может эффективно блокировать процессы трансформации на протяжении длительного времени.

Примечания

[1] Термин введен С. Кордонским (см.: *Кордонский С.* Рынки власти: административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000). Исходно административный рынок связывается прежде всего с неформальными отношениями в плановой экономике. В рыночной экономике сфера административного рынка всегда ограничена «плановым» сектором, т. е. деятельностью государства и благами, производимыми исключительно в государственном секторе.

[2] От таких фундаментально важных благ, как «безопасность» и «защита прав собственности», до вполне конкретных активов, например при приватизации или распределении бюджетных средств.

[3] «Выход» может включать в себя, например, вывод активов и капиталов из страны, контролируемой коалицией, или уход из подвластной коалиции легальной экономики в теневой сектор.

[4] State capture.

[5] Business capture.

[6] См.: *Shleifer A., Vishny R.W.* Politicians and Firms // Quarterly Journal of Economics, 1994, Vol. CIX.

[7] The Heritage Foundation Index of Economic Freedom 2003. P. 256, 346.

[8] В этом недостаток показателя доли государства в распределении ВВП, не способного учесть фактор влияния государства на формирование бизнес-среды через институты. Не случайно Heritage Foundation оценивает показатель «Государственные интервенции в экономику» в России на «среднем», а в Казахстане – на «низком» уровне (этот показатель основан как раз на доле государства в распределении ВВП); в то же время показатель «[Государственное] регулирование» в обеих странах характеризуется «высоким уровнем административных барьеров». См.: The Heritage Foundation Index of Economic Freedom 2003. О значимости государственной поддержки для успеха бизнеса см.: Выживание бизнеса в России. – www.minchenko.ru.

[9] Для России этот вопрос рассматривается в статье: *Колганов А.* К вопросу о власти кланово-корпоративных структур в России // Вопросы экономики, 2000, №6; *Нуреев Р.М.* Социальные субъекты постсоветской России: История и современность. – www.ie.boom.ru; Будущее центрально-азиатских политических режимов. – www.club.kz.

[10] «Сторона предложения», или политическая система Казахстана и России, рассматривается в других работах, опубликованных в данном сборнике.

[11] *Лапина Н.Ю.* Российская приватизация: История, динамика, результаты. // Приватизация в России и других странах СНГ. М.: ИНИОН РАН, 2003. С.22.

[12] *Мау В.* Российские экономические реформы в представлении их западных критиков // Институт экономики переходного периода. – www.iet.ru; *Васильев А., Кукушкин В., Ткаченко А.* Приватизация: Сравнительный анализ. М.: Восточная литература, 2002. С. 23.

[13] Тем самым Казахстан стал единственной страной на постсоветском пространстве, в полной мере реализовавшей «венгерскую» модель экономического развития, при которой транснациональные корпорации (ТНК) получают контроль над наиболее высокодоходными отраслями промышленности.

[14] Тем более, что имелся опыт Молдовы, в которой сходная с Казахстаном этническая ситуация привела к гражданской войне и сепаратизму. См.: *Брилл Олкотт М.* Казахстан: Непройденный путь. М.: Фонд Карнеги за международный мир, 2003. С. 44.

[15] *Колчин С.* Нефть и газ Каспия: Стратегические интересы России // Мировая экономика и международные отношения, 1998, №3. С. 99.

[16] В определенной степени столь широкое представительство иностранного бизнеса связано и с дополнительными возможностями для присвоения ренты. Не случайно в числе ведущих иностранных инвесторов в экономике республики часто оказывались малоизвестные фирмы или компании с сомнительной репутацией (Ispat, Trans-World). См.: *Брилл Олкотт М.* Казахстан: Непройденный путь. М.: Фонд Карнеги за международный мир, 2003. С. 164—165.

[17] По некоторым оценкам, ТНК контролируют до 40% промышленного производства и около 50% внешней торговли Казахстана. См.: *Ахметова Г.Р.* Коррупция в нефтедобывающих странах. Алматы, 2002. С. 61.

[18] См.: Экономические стратегии стран СНГ и Россия. М.: РУДН, 2003. С. 116. Образно ситуацию с иностранными инвестициями в Казахстане характеризует следующая фраза: «В глазах иностранных инвесторов Казахстан – это степь с нефтяными вышками и рудниками» (см.: *Новиков П.* Вышки в степи // Российская бизнес-газета, 03.12.2002).

[19] См.: *Чарман К.* Объяснение характеристик международных совместных предприятий в Казахстане: Эклектический подход // Квартальный бюллетень клуба экономистов. Выпуск №4. Минск: Европейский гуманитарный университет, 2000. С. 45.

[20] *Dodsworth J.R., Mathieu P.H., Shiells C.R.* Cross-Border Issues in the Energy Trade in the CIS Countries. IMF Policy Discussion Paper PDP/02/13. P. 20.

[21] См.: *Смирнов С.* Электроэнергетика Казахстана: Что день грядущий нам готовит? // Континент, 2001, №12.

[22] *Зарецкая С.Л.* Приватизация в Казахстане: Основные направления и итоги // Приватизация в России и других странах СНГ. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 165.

[23] *Luong P.J.* «Winners» and «Losers» in Energy-Sector Privatization in Kazakhstan. Post-Communist Workshop. Harvard University, March 2000.

[24] По некоторым оценкам, в 2002 г. 85% крупнейших приватизированных российских предприятий принадлежали 8 группам акционеров. См.: *Boone P., Rodionov D.* Rent seeking in Russia and in CIS. Moscow, 2002. Сказанное, конечно, не означает, что ведущие игроки на административном рынке не менялись на протяжении всего периода реформ. Естественно, происходила смена лидеров, в том числе и в результате политических процессов.

[25] Например, значительные активы семьи Назарбаева, перечень которых приводится в кн.: *Брилл Олкотт М.* Казахстан: Непройденный путь. М.: Фонд Карнеги за международный мир, 2003. С. 301.

[26] В формировании его участвовали различные инструменты – дешевые кредиты центральных банков, «прокрутка» инфляционных средств и др.

[27] В Казахстане, например, свыше 75% всех ваучеров было вложено в 25% фондов, а один фонд, «Бутя-Капитал» сконцентрировал 10% ваучеров, обращав-

шихся в республике. См.: *Брилл Олкотт М.* Казахстан: Непройденный путь. М.: Фонд Карнеги за международный мир, 2003. С. 162.

[28] Например, «Юкос» («Менатеп»), «Интеррос» («ОНЭКСИМ»). См.: *Калин А.А.* Разные судьбы, или Состояние и перспективы развития крупных корпораций в России // Корпоративное строительство и роль ФПГ в подъеме экономики России. (Сборник докладов и выступлений участников «Круглого стола» 16 ноября 1998 г.). В 2 ч. Ч.1. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 1999. С. 36.

[29] См.: *Чеботарев А.* Банковское лобби в Республике Казахстан. – http://www.caapr.kz/show.php?kza100602-01.htm.

[30] Оценки Центрально-Азиатского агентства политических исследований. См.: www.kub.kz.

[31] Рейтинги ведущих лоббистов России публикуются «Независимой газетой» (www.ng.ru).

[32] Вполне объяснимой становится в этом случае и структура целей лоббистов: как показывают некоторые исследования, почти треть опрошенных экспертов полагает, что лоббистская деятельность в Казахстане осуществляется прежде всего с целью обеспечения льгот для экспортеров. См.: *Саптаев Д.* Специфика политической системы и механизма лоббирования в Казахстане, 2000. Опубликовано на сайте Казахстанского института стратегических исследований www.kisi.kz.

[33] Там же.

[34] Сказанное, конечно, не означает полного отсутствия объединений предпринимателей, более того, с начала реформ и в России, и в Казахстане их было создано немало. Однако сам факт обилия подчас конкурирующих предпринимательских лоббистских объединений – признак их слабости. Крупный бизнес до последнего времени также весьма неохотно участвовал в работе таких структур.

[35] Для Казахстана структура подобных связей рассматривается в: *Чеботарев А.* Банковское лобби в Республике Казахстан. – http://www.caapr.kz/show.php?kza100602-01.htm; для России – в работах: *Паппэ Я.Ш.* «Олигархи»: Экономическая хроника 1992 – 2000. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 225—230; *Нуреев Р.М.* Социальные субъекты постсоветской России: История и современность. – www.ie.boom.ru.

В обеих странах были даже случаи, когда корпорации в результате изменения ситуации в политической сфере вынуждены были «добровольно» продавать свои активы конкурентам.

[36] Специфика Казахстана заключается, как было отмечено выше, в более тесном переплетении власти-собственности, поэтому такие фигуры, как М. Аблязов, могут рассматриваться и как представители государства, и как представители бизнеса.

[37] Да и в этом случае, по всей видимости, позиция бизнеса была сформирована во многом под воздействием определенных политических групп. См.: *Зудин А.* Бизнес и политика в президентской кампании 1996 года // Pro et Contra, т. 1, № 1.

[38] См.: Почему полиция не может бороться со взяточниками? // Навигатор, www.navi.kz, 14.08.2002 (данные для Казахстана).

[39] *Чеботарев А.* Банковское лобби в Республике Казахстан. – http://www.caapr.kz/show.php?kza100602-01.htm. В России одним из наиболее ярких свидетельств в пользу приведенного утверждения является «дело ЮКОСа».

[40] Многие мероприятия, проводившиеся, казалось бы, в интересах бизнеса, на самом деле соответствовали скорее интересам крупного чиновничества, например известная амнистия капиталов в Казахстане. Представители бизнеса резко критиковали акцию, полагая, что куда более важными были бы благоприятные изменения в налоговом законодательстве. Напротив, чиновники в большинстве случаев смогли эффективно использовать открывшийся канал легализации средств. См.: *Злотников С., Чеботарев А.* Легализация капиталов в Республике Казахстан. – www.transparencykazakhstan.org .

[41] Любопытно, что, по некоторым оценкам, национальные ТНК (типа российских нефтегазовых концернов) чаще являются субъектами «захвата государства», чем какая бы то ни было другая группа компаний. См.: *Hellmann J., Jones G., Kaufmann D.* Are Foreign Investors and Multinationals Engaged in Corrupt Practices in Transition Economies? // Transition, May-June-July 2000. P. 4.

[42] *Подоплекина М.* Национальные олигархи в Казахстане: Свершившийся факт // Навигатор, www.navi.kz.

[43] Возникает своего рода «власть выхода» ТНК. См.: *Beck U.* Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter. Frankfurt a.M.: Surkampf Verlag, 2002. S. 215.

[44] Власть ТНК связана не только с «возможностью выхода». Нельзя было исключить и возможности конфликта между властью и бизнесом, когда «призвать к порядку» «олигархов» российского типа будет легче, чем ТНК (см.: *Фурман Д.Е.* Политическая система современной России и ее жизненный цикл // Свободная мысль, 2003, №11). Национализация вызвала бы негативную реакцию с точки зрения цели «международной легитимизации».

[45] Экономические стратегии стран СНГ и Россия. М.: РУДН, 2003. С. 121.

[46] Например, во взаимодействиях с Китайской национальной нефтяной компанией (CNPC), в отдельные периоды предпринимавшей массовые увольнения работников. Аналогичным образом «жертвой» старых обязательств оказалась и американская Hurricane Hydrocarbones. Случаи, подобные этим, заставляют предположить, что и в отношении ТНК иногда проявляется эффект «захвата бизнеса». См.: *Бриил Олкотт М.* Казахстан: Непройденный путь. М.: Фонд Карнеги за международный мир, 2003. С. 181, 183

[47] *Апостолоу А.* Новая нефтяная политика накладывает новое бремя на плечи иностранных фирм. – www.nefte.ru.

[48] *Hellmann J., Jones G., Kaufmann D.* Are Foreign Investors and Multinationals Engaged in Corrupt Practices in Transition Economies? // Transition, May-June-July 2000. P. 6.

[49] Чем выше показатель, тем выше степень коррумпированности. См.: Индекс восприятия коррупции 2003. Пресс-релиз Transparency International, 7 октября 2003 г. По данным World Democracy Audit, Казахстан занимает 92-е место в рейтинге коррупции, Россия – 78-е место.

[50] *Ахметова Г.Р.* Коррупция в нефтедобывающих странах. Алматы: Кульжахан, 2002. С. 62.

[51] *Hellmann J., Jones G., Kaufmann D.* Are Foreign Investors and Multinationals

Engaged in Corrupt Practices in Transition Economies? // Transition, May-June-July 2000. P. 5.

[52] *Меньшикова Е.* Инвесторам вновь дан зеленый свет // Континент, 8–21.12.1999.

[53] См.: *Зудин А.* Неокорпоративизм в России // Pro et Contra, 2001, т. 6, №4. С. 172.

[54] Речь идет именно о структуре, а не о конкретных игроках.

[55] Имеются в виду переход на международные стандарты финансовой отчетности, реструктуризация холдинговых структур с целью создания более прозрачных отношений собственности, большая готовность предоставлять информацию инвесторам и общественности.

[56] Достаточно вспомнить такие конфликты, как «дело ЮКОСа».

[57] При этом следует заметить, что в Казахстане имеется несколько конкурентов, таких, как Общественный совет движений предпринимателей Казахстана и Независимая ассоциация предпринимателей. См.: *Умаров А.* Когда в товарищах согласья нет? // Московские новости, 22.10.2003.

[58] См.: *Зудин А.* Неокорпоративизм в России // Pro et Contra, 2001, т. 6, №4.

[59] Подробно для России этот вопрос рассматривается в кн.: *Перегудов С.П.* Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. М.: Наука, 2003. Вывод относительно приемлемости данного вывода для стран СНГ делается в статье: Современные тенденции в технологии лоббизма. – www.minchenko.ru.

[60] *Сатаров Г., Пархоменко С.* Разнообразие стран и разнообразие коррупции. М.: Индем, 2001. С. 70.

[61] См.: *Schulze G., Ursprung H.* Globalisierung und die Wirtschaftspolitik der Nationalstaaten // Die Volkswirtschaft, 2002, Heft 1.

[62] Безусловно, действия ТНК могут определяться также и политикой их стран базирования. Однако в случае Казахстана этот фактор проявляется достаточно слабо. См.: *Либман А.М.* Роль транснациональных корпораций в процессах региональной экономической интеграции (на примере стран Каспийско-Причерноморского региона) // Процессы интеграции на постсоветском пространстве: Тенденции и противоречия. Проблемы постсоветских стран. Выпуск №3. М.: ИМЭПИ РАН, 2001

[63] Первая заключалась в переходе от плановой экономики к клановой структуре вертикальных сетей как к специфическому способу организации взаимодействия хозяйствующих субъектов. См.: *Динелло Н.* От плана к клану: социальные сети и гражданское общество. – http://www.kennan.yar.ru/materials/profi3/part1/sect23.htm; *Розмаринский И.В.* Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий. По информации интернет-сайта www.ie.boom.ru.

Станислав Жуков

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАЗАХСТАНА: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

В последние годы Казахстан по темпам экономического роста опережает большинство стран СНГ, а экономическую политику казахстанских властей международные финансовые организации рекомендуют другим государствам в качестве образца для подражания. Не удивительно поэтому, что Казахстан, наряду с Чили и Китаем, вписался в мифологический модельный ряд российских реформаторов, которые уже несколько лет пытаются примерить на Россию одежды государств «авторитарной модернизации», выхватывая из богатейшего мирового опыта примеры, отвечающие их интересам и предпочтениям. Не является неожиданным и то обстоятельство, что опыт Казахстана привлек внимание тех идеологов и практиков рыночного транзита, которых принято относить к либералам[1].

Парадоксально, что при этом последние два-три года Казахстан пытается, хотя и безуспешно, заимствовать ключевые элементы экономической и социальной политики пост-ельцинской России, а именно – добиться централизации части природной ренты и экспортных доходов и обеспечить их перераспределение в пользу других секторов и отраслей, поддержать социально незащищенные слои и группы населения и т.д. Однако особенности политико-экономической эволюции Казахстана за последние 10–15 лет исключают саму возможность воспроизведения в казахских условиях российского опыта, пусть даже в ослабленном варианте. В сравнении с Россией Казахстан практически полностью утратил (или оказался не в состоянии установить) контроль за своим национальным экономическим пространством, а потому и не может претендовать на роль модели для проведения авторитарной модернизации.

Настоящая работа состоит из трех разделов. В первом рассмотрены динамика, факторы и качество роста казахской экономики за последнее десятилетие. Причем особое внимание уделяется социальным аспектам роста, которые во многом продолжают оставаться terra incognita даже для специалистов. Во втором разделе показано, как жестко направление и содержание экономической политики казахских властей заданы сложившейся в стране политико-экономической конструкцией власти и собственности. Эта тема продолжена в третьем разделе, посвященном прове-

денным в Казахстане важнейшим структурным реформам. В заключении ставится вопрос о релевантности казахского опыта для России.

Динамика, факторы и качество экономического роста

Динамика роста

В 1996—2003 гг., после глубокого обвала первой половины 90-х гг., Казахстан демонстрирует впечатляющие темпы экономического роста. ВВП страны в обозначенный период увеличивался среднегодовым темпом в 5,5%. В 2000—2003 гг. среднегодовые темпы роста валового внутреннего продукта составили почти 11%. Для сравнения укажем, что российский ВВП в 1996—2002 гг. увеличивался среднегодовым темпом в 2,5%, а в 2000—2003 гг. – 6,6%.

При том, что население Казахстана вплоть до 2002 г. сокращалось, темпы роста среднедушевого ВВП здесь в 1996—2003 гг. составляли около 7%, что, если абстрагироваться от низкой стартовой базы, вывело страну в группу мировых лидеров роста. В ближайшее десятилетие, если судить по динамике ВВП, Казахстан будет так же иметь одну из наиболее быстро растущих экономик мира.

Структура и факторы роста

Столь высокие темпы роста стали возможными благодаря ускоренному наращиванию добычи и экспорта нефти. Как это отчетливо видно из рисунка, в 1995 г. падение нефтедобычи в Казахстане прекратилось, а в период 1996—2003 гг. добыча нефти выросла в 2,2 раза. Массированный выход казахстанской нефти на мировые рынки совпал с повышательным трендом мировых энергетических цен. Экспорт нефти в 1998—2002 гг. вырос в 1,9 раза, а поступления от экспорта сырой нефти – более чем в 3 раза. Если в 1998 г. доходы от экспорта нефти составляли 7,5% ВВП, то в 2002 г. этот показатель увеличился до 20,5%.

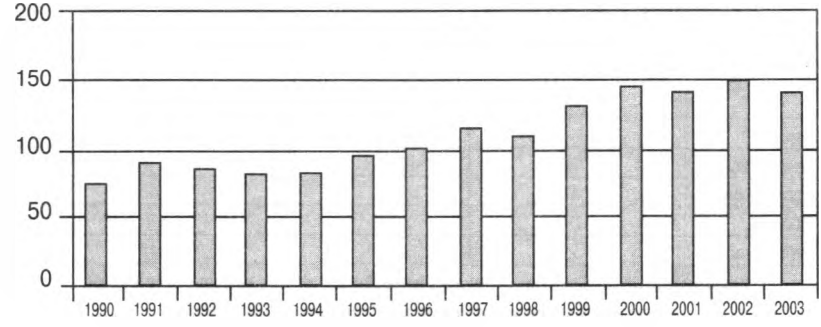
С учетом этих обстоятельств быстрое увеличение казахстанского ВВП не вызывает удивления. Валовой внутренний продукт тянут вверх не только растущий экспорт нефти, но и поставки на мировой рынок металлов, включая сталь, цинк, медь. Несмотря на заметные колебания, цены на черные и цветные металлы в последние годы также демонстрируют тенденцию к росту.

Очевидно, что чем далее, тем в большей степени динамика казахстанской экономики будет определяться добычей и экспортом нефти, аналогично тому, как это происходит в России, динамика ВВП которой практически следует за движением нефтедобычи (см. рисунок).

Казахстан: динамика добычи нефти и ВВП

Россия: динамика добычи нефти и ВВП

Россия: динамика добычи нефти и ВВП



Источники: база данных В. Истерли и С. Фишера, модифицированная М. де Броеком и В. Коэном; *Пономаренко А.Н.* Ретроспективные национальные счета России: 1961—1990. М.: Финансы и статистика, 2002. С. 227; база данных МВФ и национальная статистика Казахстана и России.

Как это хорошо видно на рисунке, с 1996 г. в расчете на единицу ВВП по паритету покупательной способности национальной валюты Казахстан добывает больше нефти в сравнении с Россией. К 2000 г. это соотношение достигло 1,5 и с тех пор держится примерно на этом уровне, что объясняется тем, что Россия помимо нефти добывает и экспортирует значительные объемы природного газа. Казахстан же в ближайшие 10—15 лет закрепится в мировом разделении труда преимущественно как именно нефтеэкспортер.

Ускоренное наращивание нефтедобычи, а не качество проводимой экономической политики полностью объясняет успехи Казахстана последних лет. В стране наблюдается экстенсивный рост, базирующийся на богатых природных ресурсах. Россия в составе СССР, нефтедобывающие страны Персидского залива и многие другие государства проходили через аналогичные этапы развития в 50—70-е гг. XX в., демонстрируя при этом высочайшие темпы роста ВВП. В настоящее время из-за высокого исходного уровня добычи углеводородного сырья в России растет медленнее в сравнении с Казахстаном, соответственно и российский ВВП по темпам отстает от казахстанского.

Прямые иностранные инвестиции

Рост добычи казахстанской нефти был обеспечен массированным притоком прямых иностранных инвестиций (ПИИ). За 1991—2002 гг. Казахстан абсорбировал около 13,4 млрд. долл. прямых иностранных инвестиций. На Казахстан приходится 59% всего притока прямых инвестиций, поступивших в экономики постсоветского Юга за десятилетие независимого развития, и 24% ПИИ, пришедших в экономики СНГ в целом. Уступая России по населению почти в 10 раз, Казахстан привлек всего в два раза меньше прямых иностранных инвестиций.

Таблица 1.

Экономическая значимость прямых иностранных инвестиций в постсоветских нефте и газоэкспортерах

Чистый приток прямых иностранных инвестиций в % от ВВП (средние невзвешенные показатели)			
Годы	1991—1994	1995—1998	1999—2002
Азербайджан	3,2	21,6	7,9
Казахстан	4,6	5,6	9,45
Россия	0,9	0,8	1,1
Туркменистан	1,8	3,4	3,45
Чистый приток прямых иностранных инвестиций в % от валовых вложений в основной капитал (средние невзвешенные показатели)			
	1989—1994	1995—1998	1999—2001
Азербайджан	2,5	75,3	24,9
Казахстан	13,3	31,6	49,1
Россия	2,2	4,3	6,7

Подсчитано по: UN Economic Commission for Europe // Economic Survey

of Europe, 2003, No.1; UNCTAD World Investment Report 2002 и 2003; Содружество независимых государств. Статистический ежегодник СНГ за разные годы.

ПИИ превратились в важнейший макроэкономический фактор в современной казахской экономике. В 1991—1998 гг. их приток достигал 5% ВВП, в 1999—2002 гг. этот показатель вырос до 9,5% (см. табл. 1). В 1989—1994 гг. за счет прямых иностранных инвестиций обеспечивалось 13% валовых вложений в основной капитал, в 1995—1998 гг. – около одной трети, а в 1999—2002 гг. – фактически половина. Учитывая то, что не менее 4/5 поступающих в Казахстан ПИИ эксклюзивно нацелены на нефтедобычу, не будет преувеличением сказать, что приток ПИИ в нефтяной сектор полностью объясняет текущие экономические успехи страны.

Социальная отдача роста

Особо высокую оценку у некоторых российских комментаторов Казахстан получает за то, что здесь «экономические процессы почти полностью освобождены от политики и популизма»[2]. Между тем тщательный анализ социальной изнанки «казахстанского экономического чуда» обнаруживает поразительные вещи. Современные экономические процессы в Казахстане не просто свободны от популизма, но и, фигурально выражаясь, «свободны от местного населения». Последнее в подавляющей своей массе вряд ли даже догадывается, что его страна входит в мировую лигу чемпионов экономического роста. Рассмотрим вначале официальную социальную статистику, фиксирующую уровень доходов и жизни населения. До финансово-экономической катастрофы 1998 г. средняя заработная плата в России, несмотря на большую глубину трансформа-

Таблица 2.

Динамика среднемесячной заработной платы, пенсии и минимального прожиточного уровня в долларах, по текущему обменному курсу национальных валют

годы	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Заработная плата									
Казахстан	79	101	112	119	91	101	118	133	156
Россия	117	154	164	108	62	79	111	141	180
Россия в % от Казахстана	148	152	146	91	68	78	94	106	115
Пенсия (на конец года)									
Казахстан	29	45	47	45	28	28	28	28	
Россия	52	58	61,5	19,5	19	29	38	45	

Россия в % от Казахстана	179	129	131	43	68	104	136	161	
Пенсия в % от заработной платы									
Казахстан	37	45	42	38	31	28	24	21	
Россия	44	38	38	18	31	37	34	32	
Прожиточный минимум в долл.									
Казахстан	27				26	30	31	31	
Россия	58				36	46	52	58	

Подсчитано по: Статистика СНГ, №6, 2003. С. 199; №5, 2002. С. 113; Содружество независимых государств в 2002 году. С. 56; Экономика стран Содружества независимых государств в 2003 году. Экспресс-доклад. С. 51, 53.

ционного спада, была в 1,5 раза выше, чем в Казахстане (см. табл. 2). Показательнее, однако, другое. В 2000—2003 гг. по темпам увеличения заработной платы Казахстан существенно уступал России, при том что экономика последней росла почти в два раза медленнее.

Поистине удручающая ситуация складывается в Казахстане с пенсиями, которые после почти двукратного снижения в 1999 г. были почти на пятилетие заморожены на уровне 28 долл. в месяц. Между тем пенсии – это главный, а в большинстве случаев и единственный источник дохода для одной шестой населения страны. И в России пенсионеры относятся к слабо защищенным социальным группам, которые несут на себе основные издержки проводимой экономической политики. Вместе с тем, в отличие от Казахстана, в последние три года размер средней российской пенсии рос опережающими темпами, хотя так и не достиг уровня, предшествовавшего обвалу 1998 г. Словно спохватившись, с 2003 г. казахстанское статагентство начало публиковать ряды по пенсиям с учетом выплат, получаемых работниками силовых структур. Этот нехитрый прием позволяет приподнять среднюю пенсию в 2002 г. до 38 долл., но даже в этом случае она остается ниже, чем в России.

При том, что официальный прожиточный минимум в Казахстане установлен на почти вдвое меньшем, чем в России, уровне – в 35 долл. в месяц[3], 27% населения имеют доходы ниже этого минимума. При этом примерно 1,5 млн. человек, или 10% населения, имеют месячный доход не более 13 долл. Понятно, что при увеличении планки прожиточного минимума хотя бы до более чем скромного российского уровня бедными в Казахстане окажутся 50—60% населения.

Парадоксально, что бедность в таких масштабах сохраняется в стране, которая в течение девяти лет подряд демонстрирует очень высокие темпы экономического роста. В целом ситуация с бедностью в Казахстане напоминает российскую картину. Если исключить занятых в добывающей промышленности, металлургии, финансовых услугах, чиновничество и криминально-мафиозные круги, то оказывается, что доходы ос-

тальных групп в лучшем случае незначительно превосходят прожиточный минимум. Столичные города Алматы и Астана, районы добычи нефти, металлических руд и выплавки металлов представляют собой островки благополучия в окружающем мире бедности и нищеты.

В качестве наглядного подтверждения тезиса о том, что большая часть населения Казахстана имеет крайне слабое отношение к статистически регистрируемому экономическому росту, может послужить официальная статистика занятости. Если сопоставить данные переписи и ежегодных оценок занятости, приводимых в статистических ежегодниках, то окажется, что переписью «недосчитывается» примерно 2 млн. занятых (см. табл. 3)[4]. Столь разительное несоответствие – перепись «потеряла» почти треть рабочей силы – допускает две интерпретации.

С одной стороны, весьма вероятно, что действительное население Казахстана существенно меньше официального. Не исключено, что масштабы оттока населения из страны в 90-е гг. были намного выше опубликованных оценок. Косвенно в пользу такого предположения свидетельствует то, что, по предварительным данным переписи 2002 г., население России оказалось примерно на 2 млн. человек больше, чем расчетные показатели[5]. Значительная часть этих «лишних» двух миллионов может быть представлена неучтенными мигрантами из Казахстана. С другой стороны, казахская перепись, по-видимому, не полностью учла занятых в торговле и прочих услугах, а также безработных и спорадически занятых.

Таблица 3.

Казахстан: динамика структуры занятости (тыс. человек)

	По данным		По данным национальных периодических переписей публикаций				
	1989	1999	1998	1999	2000	2001	2002
Экономика в целом	7735	4177	6128	6105	6201	6699	6709
Аграрный сектор	1730	1115	1354	1335	1941	2366	2367
Промышленность	1591	695	903	904	855	830	824
– добывающая		175	124	129	137	166	167
– обрабатывающая		370	627	628	573	514	504
– электроэнергетика, газ, вода		150	152	148	146	150	153
Строительство	824	142	223	211	226	264	268
Торговля	612	450	1405	1398	971	1006	1007
Транспорт и связь	802	362	560	576	550	506	504
Прочие услуги	2129	1463	1677	1674	1651	1714	1739
– госуправление	327	324	186		314	281	280

Составлено по: Итоги всесоюзной переписи населения 1989 г. Том 3. Государственный комитет Республики Казахстан по статистике и анализу. Алма-Ата, Республиканский информационно-издательский центр, 1992. С. 4; Со-

дружество независимых государств в 2002 году. Статистический ежегодник. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2003. С. 363; Занятое население Республики Казахстан. Том 2. Алматы, 2002. С. 21, 26, 66–67.

Обе гипотезы взаимодополняемы. При любом варианте очевидно, что 1,5—2 млн. человек либо не имеют устойчивого источника дохода, либо заняты в неформальном, статистически нерегистрируемом секторе.

Начиная с 2000 г. национальные статистические службы Казахстана внесли кардинальные изменения в учет занятости, что, однако, не прояснило, а еще больше запутало ситуацию. В 2001 г. официальная занятость оказалась на 0,5 млн. человек, или почти на 10%, выше по сравнению с предыдущим годом (см. табл. 3). Практически все новые занятые оказались приписаны к сельскому хозяйству. К тому же в сельское хозяйство было переброшено примерно 300 тыс. занятых, прежде учитываемых по статье «торговля».

Такие несоответствия и труднообъяснимые корректировки делают казахстанскую демографическую и социальную статистику столь же мало достоверной, как и туркменская[6]. Как бы то ни было, статистика занятости позволяет утверждать, что сколько-нибудь надежные данные о сферах приложения рабочих рук и источниках доходов 1—2 млн. человек в Казахстане отсутствуют. Помимо всего прочего, это не позволяет составить объективное представление о подлинных масштабах бедности и нищеты.

«Природопожирающий» тип роста

Хорошо известно, что в советский период экономический рост в Казахстане сопровождался резким усилением нагрузки на природную среду. Гигантские проекты в сфере гидроэнергетики и ирригации, распашка целинных земель, добыча и переработка урановой руды, ядерные взрывы для создания подземных газо- и нефтехранилищ – лишь самые яркие примеры из истории становления здесь «природопожирающего» типа экономического роста.

Глубочайший производственный спад первой половины 90-х гг. несколько ослабил общую нагрузку на природную среду. Сжатие производственного и личного потребления способствовало сокращению выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. Однако возобновление экономического роста, ведомого преимущественно двумя секторами – нефтегазовым и металлургическим, сопровождается новым циклом увеличения нагрузки на экологию.

По понятным причинам экологические последствия экстенсивного экономического роста находятся в Казахстане на периферии общественного внимания. Зарубежные и местные сырьевые и металлургические компании заинтересованы в минимизации экологических издержек. Для коррумпированного чиновничества экология – это не более чем удоб-

ный предлог для извлечения взяток. К тому же, как и практически во всех постсоветских странах, казахстанская номенклатура сама же и является собственником крупнейших местных предприятий. Гражданское общество повсюду слишком слабо для того, чтобы реально вмешиваться в решение экологических проблем. Для международных организаций, продвигающих в СНГ идеологию свободного неограниченного рынка, экологические проблемы также не относятся к разряду приоритетных. К тому же любое вмешательство в экологические вопросы грозит обернуться столкновением с могущественными сырьевыми ТНК, что вряд ли входит в планы доноров.

В Казахстане ежегодно на душу населения добывается около 50 тонн природного вещества, что на порядок больше, чем в европейских экономиках. При этом 93—95% этого вещества выбрасывается обратно в окружающую среду в качестве отходов производства и потребления[7]. Основной вклад в экологическое загрязнение вносят две ведущие отрасли казахстанской экономики – нефтедобыча и металлургия.

Быстрое наращивание нефтедобычи на Тенгизском месторождении сопровождается столь же быстрым накоплением побочного продукта – серы. В открытом хранении накоплено уже около 10 млн. тонн серы, пирамиды которой занимают территорию площадью, равной площади около 200 футбольных полей. Учитывая то обстоятельство, что характеристики углеводородных месторождений на Каспийском шельфе близки Тенгизу, скорость накопления серных «хвостов» в ближайшие годы будет нарастать. Только на начальных этапах освоение Кашагана даст в качестве побочного продукта примерно 1 млн. тонн серы в год[8].

Другой экологической проблемой нефтегазового сектора Казахстана является сжигание попутного газа в факелах в объемах до 4 млрд. кубометров в год[9]. Менее широко известно о том, что добываемая нефть радиоактивна. По данным Института ядерной физики объем накопленных радиоактивных отходов при разработке нефти достигает 1,3 млн. кубометров. Только на Узеньском месторождении за 20 лет его эксплуатации количество извлеченных вместе с нефтью альфа-излучающих радионуклидов почти равно количеству радионуклидов плутония, рассеянных на Семипалатинском полигоне в ходе испытаний ядерного оружия[10].

Горно-металлургический комплекс Казахстана ежегодно перерабатывает более 1 млрд. руд различных пород, причем 95% этого объема скапливается в качестве отходов. В результате в так называемых «хвостах» скопилось более 20 млрд. тонн твердого вещества[11].

При столь интенсивной и растущей нагрузке на природную среду в стране фактически отсутствуют экологические издержки производства. В 2000 г. текущие и капитальные расходы на природоохранные мероприятия составили 48 млн. долл, в 2001 г. – 153 млн. долл., причем сами недропользователи оплатили чуть более 10% этой суммы[12]. В 2002 г. все экологические платежи и штрафы в бюджет составили всего 52 млн.

долл., или 0,2% ВВП, а в 2003 г. – соответственно 85 млн. долл и 0,3%. В абсолютном выражении это как минимум на порядок меньше, чем в других транзитных экономиках, в большинстве которых практически отсутствует добывающая промышленность. Причем из этих мизерных сумм непосредственно на экологические мероприятия в 2002 г. пошло лишь 10 млн. долл. (или 0,04% ВВП), а в 2003 г. – только 7 млн. долл. (или 0,02% ВВП)[13].

Обобщающим показателем низкого экологического качества роста в Казахстане (как и в большинстве постсоветских экономик) может служить удельное потребление энергоресурсов. В 2000 г. на единицу ВВП по паритету покупательной способности Казахстан потреблял в 2,23 раза больше первичных энергоресурсов в сравнении с развитыми странами, в 2,17 раза больше в сравнении с развивающимися странами-экспортерами промышленных изделий и в 1,73 раза больше в сравнении с транзитными экономики Центральной и Восточной Европы и Балтии (см. табл. 4). Показательно, что ускоренный экономический рост в Казахстане сопровождается ростом относительной энергоемкости валового внутреннего продукта.

Таблица 4.

Относительное потребление энергоресурсов в рассчете на единицу ВВП*

Годы	1980	1990	1999	2000
Развитые рыночные экономики=1				
Казахстан	3,02	3,84	2,19	2,23
Россия	2,08	2,23	2,84	2,69
Транзитные экономики Центральной и Восточной Европы и Балтии=1				
Казахстан	1,96	2,39	1,64	1,73
Россия	1,35	1,39	2,13	2,09
Развивающиеся страны-экспортеры промышленных изделий=1				
Казахстан	3,80	4,01	2,17	2,17
Россия	2,62	2,33	2,82	2,82

* ВВП по паритетам покупательной способности национальных валют.
Подсчитано по: IMF. World Economic Outlook Data Base, September 2003; World Bank. World Development Indicators 2003, CD-ROM.

Использование ренты в малой дуальной экономике сырьевого экспортера

По объективным причинам Казахстан сталкивается с серьезными препятствиями для запуска устойчивого роста на рыночной основе. Малочисленность и низкий уровень доходов населения исключают возможность ориентации на внутренний рынок. В результате внутренней и внешней либерализации унаследованная экономическая структура расслоилась на два сектора: экспортный, который объединяет два-три де-

сятка предприятий в нефтедобыче и металлургии, и практически все остальное производство, которое в изменившейся конфигурации спроса и цен оказалось в основной своей массе неконкурентоспособным даже на внутреннем рынке. В таких условиях использование природной ренты естественно превращается в главный нервный узел экономической политики.

Не так давно нобелевский лауреат в области экономики Р. Солоу, внесший, пожалуй, самый значительный вклад в неоклассическую интерпретацию и квантификацию процесса экономического роста, сформулировал короткий список самых актуальных на его взгляд вопросов, анализ которых критически важен для понимания развития в периферийной зоне глобализированного мира. Среди этих вопросов два имеют прямое отношение к использованию природных ресурсов. Во-первых, каким должен быть оптимальный (или хотя бы хороший) временной график для развития, эксплуатации и консервирования возобновляемых и невозобновляемых ресурсов в развивающейся стране? Во-вторых, какая часть ресурсной ренты должна быть реинвестирована и каким образом эти реинвестиции должны распределяться между ресурсными и другими отраслями экономики?[14]

На поверхностный взгляд эта академическая постановка вопроса близка обострившимся в последние годы на постсоветском пространстве эмоциональным дискуссиям об использовании природной ренты. Но близость эта лишь кажущаяся. И дело не только и даже не столько в том, что участники накаленных периферийных дискуссий в зависимости от своего положения озабочены почти исключительно переделом или защитой прав на ренту. Солоу (и, конечно, не только он) смотрит на проблему использования природной ренты с точки зрения максимизации здорового экономического роста в долгосрочной перспективе. С экономической точки зрения потребление невозобновляемых природных ресурсов в качестве промежуточной продукции в процессе производства должно рассматриваться как вычет из национального богатства. При потреблении эта невозобновляемая часть богатства должна быть трансформирована в физический и человеческий капитал таким образом, чтобы сделать возможным поддержание устойчивого экономического роста к тому моменту, когда природные ресурсы окажутся исчерпаны.

К сожалению, в постсоветском пространстве отсутствуют экономические и политические агенты или акторы, которые обладают хотя бы видением стратегических перспектив роста, не говоря уже о практических механизмах воплощения этого стратегического видения в жизнь. Более того, для современного Казахстана сама постановка вопроса об оптимизации использования природных ресурсов в целях развития в значительной мере иррелевантна. В первые годы независимости и в период лихорадочной приватизации 1995—1997 гг. правящие и господствующие казахстанские группировки[15] активно эксплуатировали тезис о скором

превращении Казахстана в «нефтяное эльдорадо». Лихорадочная приватизация привела к тому, что значительная, если не большая часть местных нефтяных месторождений и десяток-другой предприятий металлургической промышленности перешли под контроль иностранного и оффшорного капитала.

На деле оффшорные компании контролируются казахстанской номенклатурой, которая таким способом устанавливает права собственности на экономические активы, страхуясь от системных рисков. Подобная практика широко распространена на всем постсоветском пространстве и, по-видимому, является неизбежным этапом в длительном историческом процессе становления здесь института частной собственности[16]. Один из исследователей политико-экономической структуры современного Казахстана Н. Амрекулов охарактеризовал его как марионеточное государство-оффшор, которое не контролирует свои экономические активы[17]. Это не совсем точно, так как бывшая номенклатура сумела не только сохранить политическую власть, но и конституировалась в качестве собственника, опираясь не на местную социально-экономическую почву, а на глобальную среду. Генезис постсоветской власти и собственности здесь органично встроен в глобальную экономическую матрицу.

В то же время значительную часть местных экономических активов пришлось уступить иностранному капиталу, так как собственных ресурсов и технологий для их разработки в Казахстане не было. Основной формой долгосрочных контрактов по развитию и эксплуатации углеводородных месторождений Казахстана стали соглашения о разделе продукции или близкие им формы контрактов. Де-юре национальные правительства сохраняют суверенитет над недрами, однако де-факто контроль над ресурсными (и в значительной степени финансовыми) потоками перешел в руки транснациональных корпораций.

Сложившаяся на середину 2003 г. структура контроля над важнейшими нефтяными месторождениями Казахстана (и для сравнения – Азербайджана) представлена в таблице 5. Первый столбец таблицы отражает структуру контроля над 12 крупнейшими нефтегазовыми месторождениями Казахстана на суше. Во втором к этим 12 месторождениям добавлено месторождение Кашаган на казахстанском каспийском шельфе, а в третьем – и Кашаган, и азербайджанское месторождение Азери-Чираг-Гюнешли. Принимая во внимание доли различных участников, очевидно, что разработка каспийских углеводородных ресурсов будет подчинена корпоративным стратегиям американских, европейских и японских корпораций, а в конечном счете определяться ситуацией на мировом нефтяном рынке. Самому Казахстану достанется меньшая часть поступлений, которые будут получены в результате разработки его природных недр.

Об условиях соглашений по разделу прибыли с нефтяными компаниями и оффшорными владельцами металлургических предприятий ма-

ло что известно. Однако о доле Казахстана можно судить по некоторым косвенным показателям. Так, в 1999 г. поступления в бюджет от нефтяного сектора составили всего 7,3% от стоимости нефтяного экспорта. В 2000 г. этот показатель вырос до 13,6%, а в 2001 г. – до 33,6%. В 2002 г. поступления в бюджет от нефтяного сектора вкупе с приростом активов национального фонда также составили чуть более трети от доходов от экспорта сырой нефти. Это примерно соответствует доле казахстанских компаний в соглашениях и консорциумах по разработке 12 крупнейших нефтяных месторождений на суше Казахстана (см. табл. 5).

Таблица 5.

Доли стран-инвесторов в нефтяных месторождениях Казахстана и Азербайджана, в %*

12 крупнейших месторождений Казахстана на суше, %	12 крупнейших месторождений Казахстана на суше + Кашаган, %	12 крупнейших месторождений Казахстана на суше + Кашаган + Азери-Чираг-Гюнешли, %
США – 35	США – 30	США – 31
Казахстан – 30	Казахстан – 18	Казахстан – 15
Великобритания – 4	Великобритания – 9	Великобритания – 13
Италия – 4	Италия – 9	Италия – 7
Канада – 4	Нидерланды/ Великобритания – 7	Нидерланды/ Великобритания – 5
Россия – 4	Франция – 7	Франция – 5
КНР – 4	Япония – 3	Япония – 5
Прочие – 15	Канада – 3	Канада – 2
	КНР – 3	Норвегия – 2
	Россия – 2	КНР – 2
	Прочие – 9	Азербайджан – 2
		Россия – 2
		Турция – 1
		Прочие – 8

* Доли рассчитаны, исходя из страновой аффилиации энергетических компаний .

Источник: Резникова О. Перспективы притока прямых иностранных инвестиций в экономику государств Центральной Азии и Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. Насущные проблемы. 2003 // Под редакцией Б. Румера. Алматы: ТОО «East Point», 2003. стр. 120.

Другим красноречивым индикатором служит налоговая нагрузка. В 2000 г. налоговые отчисления металлургических предприятий составляли 9,8% их совокупной реализации, в 2002 г. этот показатель повысился до 11,4%. Налоги нефтедобывающих предприятий в 2001 г. составляли 18,4% от совокупной реализации продукции, в 2002 г. эта планка бы-

ла неожиданно снижена до 14,4%[18]. Особенно показательно то обстоятельство, что налоговая нагрузка на добывающий примерно четверть всей казахстанской нефти Тенгизшевройл составляла 11,2% от реализованной продукции в 2000 г., 19,6% в 2001 г. и 13,9% в 2002 г.[19].

Условия соглашений о добыче нефти по-прежнему остаются недоступными для анализа. В то же время в профессиональной экономической среде сложилось устойчивое мнение, что Казахстан произвел определенный разворот в мировой нефтяной промышленности, подписав международные контракты, которые предусматривают существенно меньшие платежи для нефтяных компаний по сравнению с общепринятыми на тот момент[20]. По данным бывшего министра финансов З. Какимжанова налоговые отчисления нефтяных компаний составляют всего 15—18 центов с одного доллара[21]. При том, что налоговую нагрузку на нефтедобывающие и металлургические компании нельзя считать высокой, для минимизации налоговых выплат сырьевики активно используют механизм трансфертного образования. Даже по данным МВФ и Центра экономической информации правительства Казахстана ежегодные потери бюджета от использования трансфертных схем ценообразования в нефтяной промышленности достигают 500 млн. долл.[22].

С учетом этих и других обстоятельств очевидно, что Казахстан практически не обладает контролем над движением природной ренты. По этой причине введенная с 1 января 2004 г. гибкая шкала налога на экспорт нефти (аналогичная, по сути, российской) носит скорее виртуальный характер, так как будет применяться исключительно в отношении **новых нефтяных контрактов**. Попытки задним числом улучшить условия однажды заключенных контрактов изначально обречены на неудачу. Как справедливо отмечает А. Есентугелов, «нам остается уповать только на то, что у Казахстана есть еще немало неразведанных запасов и неразработанных месторождений, и на то, что в отношении их не будут допускаться ошибки и просчеты прошлых лет»[23]. В такой ситуации властям ничего не оставалось делать, как отодвинуть наступление нефтяного благополучия на 5—7 лет вперед, приход же «нефтяного рая» предусмотрительно сдвинут на период 2020—2035 гг.[24].

Структурные и институциональные реформы

В ортодоксию неолиберальных преобразований, предлагаемых международными финансовыми организациями странам глобальной периферии, органично входят структурные и институциональные реформы. За успехи в проведении последних Казахстан удостоился высшей оценки МВФ, а казахстанский опыт рекомендуется не только государствам СНГ, но и развивающимся странам. Между тем реальная информация о результатах, а главное, макроэкономических импликациях казахстанских структурных реформ неподобающе скудна.

Национальный (нефтяной) фонд

В 2000 г. в Казахстане был образован Национальный фонд. Фонд призван решать две задачи – стабилизационную и сберегательную. В случае падения мировых энергетических и сырьевых цен средства фонда должны компенсировать выпадающие доходы государственного и местных бюджетов. В долговременном же плане фонд должен аккумулировать средства от предприятий сырьевого сектора и инвестировать эти средства в зарубежные финансовые активы высокой степени надежности с целью получения инвестиционного дохода[25].

К концу 2002 г. средства фонда составили 1,9 млрд. долл. или 7,8% ВВП. Ожидается, что к концу 2003 г. фонд аккумулирует около 3 млрд. долл.[26]. При том, что ежегодные бюджетные расходы всех уровней едва превышают 5 млрд. долл., накопленных ресурсов вполне достаточно для компенсации возможных потерь из-за ухудшения глобальной ценовой конъюнктуры в течение ряда лет.

Макроэкономические импликации вывода из слаборазвитой экономики с очень бедным населением столь значительных ресурсов будут подробнее рассмотрены ниже. Здесь лишь подчеркнем, что и в 2001 г., и в 2002 г. текущая доходность инвестиций Национального фонда оказалась ниже уровня внутренней инфляции. Более того, при доходности активов фонда около 4—4,5% в 2001 г. и 3,5—4% в 2002 г.[27] Казахстан параллельно привлекал зарубежные кредиты и инвестиции под намного более высокие проценты и норму прибыли. Показательно, что на момент завершения настоящей работы (конец февраля 2004 г.) какие-либо данные о работе фонда за 2003 г. еще отсутствовали, что, по-видимому, свидетельствует о том, что в финансовом смысле через Национальный фонд Казахстан продолжал кредитовать внешнюю экономику. Уже одно это обстоятельство должно было бы насторожить сторонников расширения стабилизационного фонда в России[28]. Оказывается, ресурсы могут быть разбазарены не только через развитие заведомо неконкурентоспособного реального сектора, но и через якобы выверенные финансовые схемы.

Тарифы на электроэнергию

Упорно продвигаемая идея российских либерал-реформаторов – добиться того, чтобы население платило за электроэнергию больше предприятий. Предполагается, что перераспределение платежей от реального сектора на домохозяйства на фоне постоянного повышения энерготарифов должно мощно стимулировать экономический рост, что в далекой перспективе приведет к повышению уровня жизни. Эти реформаторы ссылаются на то, что Казахстан, где, как и в ведущих странах ОЭСР, население платит за потребляемую электроэнергию в 1,5 раза больше в сравнении с промышленностью (см.

табл. 6), является в этом плане образцом для подражания. При этом, правда, забывают о том, что доходы значительной части населения России близки к минимальному прожиточному уровню, а структура национального дохода сравнительно деформирована в ущерб заработной плате, в пользу прибыли. К тому же, согласно предварительным данным на 2003 г. российские тарифы на электроэнергию для населения (2,75 долл. за 100 киловатт) практически сравнялись с казахстанскими (2,77 долл.)[29].

Таблица 6.

Динамика цен на электроэнергию

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Стоимость 1 квт/ч электроэнергии для всех потребителей, долл.								
Казахстан	0,032	0,03	0,038	0,047	0,032	0,027	0,026	0,027
Россия	0,023	0,03	0,032	0,027	0,011	0,009		0,024
Стоимость 1 квт/ч электроэнергии для промышленности, долл.								
Казахстан		0,021	0,023	0,033	0,020	0,017	0,018	0,019
ОЭСР*	0,079	0,074	0,068	0,063				
Стоимость 1 квт/ч электроэнергии для населения, долл.								
Казахстан	0,032	0,03	0,038	0,047	0,031			
ОЭСР*	0,127	0,121	0,114	0,11				

* В среднем по ведущим странам ОЭСР.

Составлено и подсчитано по: EBRD Transition Report 2003. Pp.158,186; http://www.eia.doe.gov/emeu/international/electrii.html.

Следует учитывать и то обстоятельство, что за счет населения относительно низкие энерготарифы в Казахстане поддерживаются для нефтедобывающего и металлургического секторов, которые фиксируют прибыль на счетах в западных банках и оффшорных мировых центрах, иначе говоря, выводят ресурсы из национальной экономики. Это означает, что ожидаемого повышения уровня жизни население может так никогда и не дождаться.

Пенсионная реформа

В 1997 г. Казахстан первым среди всех стран СНГ внедрил институт накопительной пенсионной системы. С 1998 г. 10% заработной платы каждого работника автоматически перечисляется в государственный или негосударственный пенсионный фонд. При том, что средняя ожидаемая продолжительность жизни составляла в 1997 г. 70,2 года для женщин и всего 59 лет для мужчин[30], пенсионный возраст был поднят для мужчин с 60 до 63 лет и для женщин с 55 до 58 лет. Вместе с тем государство подтвердило свои обязательства по выплате пенсий, заработанных в рамках солидарной пенсионной системы.

Радикализм казахстанской пенсионной реформы удивил даже экспертов МВФ[31]. В отличие от многих развитых и развивающихся стран с быстро стареющим населением, что подтачивает основу солидарных пенсионных систем, в Казахстане преобладают молодые демографические страты. В 2001 г. группы в возрасте 65 лет и старше составляли всего 7,5% населения страны (для сравнения в США – 12,6%), а в возрасте до 14 лет – 26,3% (в США – 21,1%)[32]. Эксперты Мирового банка признают, что возрастная структура населения в принципе позволяла стране продолжать поддерживать солидарную систему[33].

Если судить по валовым показателям, то пенсионная реформа, безусловно, удалась. На начало 2004 г. пенсионные фонды аккумулировали 2,56 млрд. долл. Относительно ВВП активы пенсионных фондов выросли с 4,3% в 2000 г. до 7,2% в 2002 и 8,3% в 2003 г.[34]. Однако что находится внутри этого «черного ящика», называемого пенсионной реформой?

Интересная черта казахстанской пенсионной реформы – отсутствие должного контроля над финансовыми потоками. Так, в конце 2001 г., на четвертый год с начала реформы, пятая часть (!) или около 200 млн. долл., в абсолютном выражении пенсионных активов на тот момент, т. е. средства, удержанные из заработной платы работников, но не дошедшие до расчетного счета последних в пенсионном фонде, по выражению одного из казахстанских пенсионных аналитиков, «бродила неизвестно где»[35]. К концу 2002 г. «потерянные» средства уменьшились, но все еще составляли 120 млн. долл.[36]. Понятно, что «потерянные» средства усиленно работают на личные и групповые интересы тех, кто занят в организационной инфраструктуре, созданной для обслуживания накопительной пенсионной системы.

Принципиально важно, однако, другое. Решил ли переход к смешанной солидарно-накопительной пенсионной системе кардинальную двуединую задачу: с одной стороны, снизить в перспективе расходы государства на пенсионные выплаты, с другой – создать достаточный задел для поддержания достойного уровня жизни будущего пенсионера?

После шести лет функционирования новой пенсионной системы ответ остается отрицательным. Ввиду того что государству пришлось и, с высокой вероятностью, не раз придется и впредь индексировать минимальную пенсию, будущие расходы бюджета на поддержание солидарной пенсионной системы окажутся существенно выше, чем это полагалось в 1997/1998 г. В 2002—2003 гг. регулирование пенсионной системы было серьезно пересмотрено. Главное – государство ввело гарантии на пенсионные сбережения, размещенные в частных фондах. Ранее такие гарантии действовали только в отношении государственного накопительного пенсионного фонда. В случае банкротства государство обязалось компенсировать внесенные взносы, индексирован-

ные с учетом уровня инфляции[37]. Это обязательство, несомненно, дополнительно увеличит нагрузку на будущие бюджеты. Правда, в таком случае во многом обессмысливается сам процесс приватизации пенсионных сбережений.

Еще значимее тот факт, что отчисление десятой части текущей заработной платы не позволяет рассчитывать на достойное пенсионное содержание. Согласно расчетам, даже при самых благоприятных условиях, т. е. реальном (с учетом инфляции) доходе на отчисления в пенсионные фонды в 5% в год, за 30 лет работы при выходе на пенсию мужчина будет получать пенсионные выплаты в размере всего 33% от средней заработной платы на тот момент, а женщина – всего 20%. К моменту ожидаемой смерти это соотношение упадет до 17% для мужчин и до 8% для женщин[38].

Помимо социально-экономического у этой проблемы имеется и гендерный аспект. Средняя продолжительность жизни мужчин в Казахстане к 2001 г. сократилась до 57,8 лет, женщин – до 68,3 года[39]. При выходе на пенсию в 58 лет это означат, что примерно 10 лет оставшейся статистически расчетной жизни женщинам-пенсионеркам придется жить в одиночку. В бывшем СССР пенсионное обеспечение женщин поддерживалось по действовавшим меркам на достаточно высоком уровне: они выходили на пенсию в 55 лет, и им гарантировались пенсионные выплаты в размере 55—85% от их заработной платы[40]. В настоящее время, в силу низкой оплаты женского труда, накопительная система позволяет женщинам сформировать на протяжении своей рабочей жизни крайне ограниченные пенсионные сбережения. Понятно, что специалисты Мирового банка видят выход в увеличении потолка пенсионного возраста и в повышении планки принудительных отчислений в накопительную пенсионную систему.

Показательно, что сторонники накопительной пенсионной системы старательно обходят вопросы, связанные с макроэкономическими аспектами ее функционирования.

Некоторые исследования показывают, что в Чили, послужившей моделью для реформирования пенсионной системы в Казахстане, переход к накопительной системе способствовал не росту, а снижению национальных сбережений[41]. Это девальвирует постулат ортодоксии о том, что приватизация пенсионной системы благотворно сказывается на долговременном экономическом росте. Но дело не только в этом.

Средства, аккумулированные сберегательной пенсионной системой, как и национальным фондом, представляют собой часть национальных сбережений, причем в случае с пенсионными активами – принудительных сбережений низкодоходных групп населения. Даже если абстрагироваться от морально-этических соображений, при наблюдаемом ухудшении состояния человеческого капитала в Казахстане, очевидно, что

формирование фонда сбережений идет за счет недопотребления образовательных и медицинских услуг, а в случае низкодоходных страт населения – и потребления продовольствия. Не очевидно, что сбережения в ущерб потреблению образования, медицины и социальных услуг в долговременной перспективе окажутся эффективным механизмом стимулирования устойчивого экономического роста. Не исключено, что недопотребление скажется на экономическом росте самым угнетающим образом.

Эвентуально выбор в пользу иных форм использования заработанных средств в массовом порядке делает и население Казахстана. В 2002 г., на пятый год введения накопительной системы, из 8 млн. трудоспособных граждан Казахстана в ней были зарегистрированы 5,4 млн. человек. Из них регулярные платежи в пенсионные фонды производили только 2 млн. человек[42]. Большинство работающего население абсолютно справедливо полагает, что вложения в собственное потребление, здоровье, образование детей, возможно, развитие мелкого бизнеса в экономическом плане намного более эффективно, чем поддержание текущих финансовых расходов власти, обслуживающей интересы номенклатуры и оффшорной буржуазии.

Потребление является не вычетом из экономического роста, а его важнейшим стимулом. Примитивные представления о том, что первоначально следует сосредоточиться на обеспечении роста и только на более поздних стадиях задумываться о социальной сфере, несостоятельны теоретически, а главное, давно опровергнуты опытом многих успешно развивающихся стран.

При том, что абсолютная и относительная стоимость пенсионных активов продолжает быстро увеличиваться, со всей остротой встает проблема управлениями этими активами. Главными инструментами, в которых размещаются пенсионные деньги, остаются государственные ценные бумаги (см. табл. 7). В частном секторе привлекать пенсионные деньги могут лишь те казахстанские компании, которые вошли в листинг «А» на казахстанской фондовой бирже (т. е. перешли на международные стандарты бухучета, провели аудит по международным стандартам и т.п.). На середину 2003 г. таких компаний и банков в Казахстане было всего 14[43].

Несмотря на немногочисленность, корпорациям и банкам удалось оттянуть на себя примерно треть всех ресурсов накопительной системы. Учитывая то обстоятельство, что, как и казахстанская экономика в целом, большинство этих корпораций критически зависит от динамики мировых цен на энергоресурсы и сырье, такая диверсификация портфелей пенсионных фондов не способствует повышению устойчивости накопительной системы.

Таблица 7

Структура инвестиционных портфелей пенсионных фондов в Казахстане, %

Годы	2000	2001	2002
Государственные облигации, включая евробонды и ноты Национального банка	74,55	60,17	47,73
Корпоративные облигации, включая евробонды	13,49	20,17	24,33
Банковские депозиты	2,62	8,66	8,85
Зарубежные инвестиции (акции, корпоративные облигации, ценные бумаги международных финансовых организаций)	6,68	6,71	14,8
Акции (equities)	2,44	3,64	3,85
Внутренние муниципальные облигации	0,22	0,65	0,44
Всего	100	100	100

Источник: Pension Reform and Domestic Debt Market in Kazakhstan. Demand Side Issues. ABN-AMRO, Paper Presented at Budapest, 13—14 May 2003.

На начало 2003 г. портфели негосударственных пенсионных фондов на 65—80% состояли из долларовых инструментов, и даже в ноябре того же года доля последних составляла около 50%[44]. Все же пенсионные фонды, государственные и негосударственные, на начало 2003 г. разместили в валютных инструментах 57% своего совокупного портфеля. К 1 октября того же года, отражая глобальную неустойчивость доллара и его обесценение по отношению к тенге, эта доля снизилась до 38,6%. Параллельно в структуре портфеля резко возрос удельный вес государственных ценных бумаг, главным образом краткосрочных нот Национального банка[45]. При том, что доходность по краткосрочным нотам не превышает 5—7%, прирост пенсионных активов в реальном выражении с учетом инфляции оказывается заметно ниже тех уровней, которые заложены в основу актуарных расчетов международных экспертов.

По итогам 2003 г. средневзвешенная реальная доходность негосударственных пенсионных фондов оказалась отрицательной и составила минус 1,06%, причем отрицательную доходность продемонстрировали 13 фондов из 16[46]. Это означает, что Казахстану вряд ли удастся уложиться в те параметры увеличения пенсионных накоплений, о которых речь шла выше, и выплаты будущим пенсионерам окажутся даже ниже более чем скромных ожидаемых величин.

За короткий срок функционирования накопительной системы по крайней мере уже дважды денежные власти бросали пенсионным фондам спасательный круг. В апреле 1999 г. сразу же вслед за девальвацией тенге пенсионным фондам было разрешено конвертировать кратко-

срочные государственные облигации в правительственные евробонды **по обменному курсу на момент, предшествующий девальвации национальной валюты.** Государственный пенсионный фонд перевел в евробонды практически все свои краткосрочные облигации. Этот искусственный ход предотвратил коллапс пенсионных накоплений и одновременно позволил государству профинансировать свои расходы за счет пенсионных денег[47]. Второй раз летом-осенью 2003 г. пенсионные фонды массированно перевели активы из долларовых инструментов в краткосрочные низкодоходные ноты Национального банка. В обоих случаях пожарные методы применялись в ситуации изменения реального курса тенге относительно доллара. Понятно, что эту увлекательную игру по перебрасыванию ресурсов из одних активов в другие, приносящую немалые дивиденды немногим участвующим в этой игре игрокам, невозможно продолжать до бесконечности. Трудно даже представить масштабы того потрясения, которое придется пережить столь хрупкой системе в случае одновременных или сжатых на протяжении короткого временного отрезка шоков снижения нефтяных цен, девальвации национальной валюты и/или снижения курса доллара в глобальном масштабе.

Но дело не только в том, что при текущих уровнях доходности аккумулируемые пенсионные активы, как и средства, централизуемые в национальном фонде, подвергаются постоянной угрозе инфляционного обесценения и глобальным валютным рискам, которые Казахстан абсолютно не контролирует. Отношение к ресурсам национального и пенсионных фондов как к финансовым активам определенно мешает трансформации сбережений в инвестиции в физический и человеческий капитал. Между тем, хотя эти факторы и не являются достаточными условиями, все известные примеры успешного развития показывают, что оно невозможно без активизации инвестиционного процесса и массированных вложений в человека.

Согласившись поддерживать конвертируемость тенге, денежные власти Казахстана и без того вынуждены резервировать значительные относительно скромных размеров национальной экономики средства в золотовалютных резервах. Эти резервы позволяют технически конвертировать национальную валюту в свободно конвертируемую по официально установленному обменному курсу. При ныне действующей системе средства Национального фонда и до известной степени средства пенсионных фондов также превращаются в страховочные резервы, которые не могут быть использованы для поддержки текущих и инвестиционных расходов. По большому счету такова плата за то, что казахстанская экономика изначально подключилась к глобальной через финансовый, а не реальный сектор.

Амнистия капиталов и собственности

Летом 2002 г. Казахстан первым среди государств СНГ пошел на амнистию капиталов. Всего было легализовано 480 млн. долл., причем 82% всей суммы поступило в наличных долларах, 11,4% – путем переводов со счетов в иностранных банках и 6,5% – в наличных тенге[48]. Иначе говоря, учитывая абсолютные масштабы «бегства капитала» в первой половине 90-х гг. в размере 0,5—1 млрд. долл. в год, результаты амнистии оказались более чем скромными.

По мнению российских комментаторов, в Казахстане при амнистии капиталов «власть четко знала и объявила, чего и как хочет добиться: процветания страны, экономического подъема»[49]. Несколько иного взгляда придерживаются как активные участники этого процесса, так и некоторые аналитики. Как отмечает Н. Нурсеит, проведший эконометрическое исследование влияния амнистии на поведение важнейших макроэкономических индикаторов, результаты последней оказались обратны ожидаемым. Амнистия способствовала «отмывке теневых денег и их последующему оттоку за рубеж... Если раньше эти теневые деньги крутились в экономике страны и от них была хоть какая-то польза, то теперь они начали крутиться за рубежом исключительно в интересах узаконенных владельцев»[50].

Хотя с макроэкономической точки зрения проведенная легализация имела мало смысла, это не означает, что это мероприятие не несло глубинной социально-политической нагрузки. Акция по легализации сопровождалась параллельным уничтожением всех деклараций о личных доходах и собственности за период с 1995 по 2000 г. Так как, согласно казахскому законодательству, декларации в обязательном порядке подают только три категории налогоплательщиков – предприниматели, госслужащие и лица, приобретшие дорогостоящее имущество, нетрудно сообразить, что основным заинтересованным субъектом легализации было коррумпированное чиновничество[51]. Через амнистию режим зависимого сырьевого олигархата укрепил свою социальную базу.

В настоящее время Казахстан готовится ко второму этапу легализации – на этот раз легализации собственности. Как и ранее, основной заинтересованный субъект новой кампании – чиновники. Контролируя в свое время механизмы и инструменты приватизации, чиновничество, особенно высших эшелонов, фактически установило контроль над собственностью и немногими эффективными экономическими активами в обход формальных процедур, используя властные рычаги и инсайдеровскую информацию.

Официальные и близкие правительству эксперты полагают, что легализация собственности может иметь положительный макроэкономический эффект, так как приведет к росту налоговых поступлений и прекращению оттока капитала за границу[52]. Однако результаты и второго этапа легализации могут не привести к декларируемым целям в силу сохраняющихся политических и экономических рисков. Периодические обострения борь-

бы за власть между отдельными группировками казахстанской «элиты» и регулярные ее чистки президентом отнюдь не стимулируют процесс перевода личного богатства в пределы национального экономического пространства и легализацию прав собственности. Личные состояния по-прежнему менее рискованно аккумулировать в западных банках, а собственность контролировать через сложные схемы с использованием оффшорных схем. Судя по всему, немало сюрпризов таит в себе и состав истинных собственников казахстанских экономических активов. Обнародование этой информации может спровоцировать непредсказуемые последствия.

К тому же однобокая сырьевая специализация казахстанской экономики, чрезвычайная хрупкость достигнутой макроэкономической стабилизации, которая в одночасье может быть взорвана падением мировых цен на нефть, также многократно умножают риски транспарентной работы в Казахстане. Все это вместе взятое повышает вероятность такого варианта развития событий, при котором легализация собственности произойдет, но прибыль и личное богатство полуанонимных чиновников и оффшорной буржуазии будут по-прежнему аккумулироваться в мировой финансовой системе, вне национального экономического пространства.

Качество государственного вмешательства в экономику

Сокрушительный провал идеологии и практики неолиберальной ортодоксии на постсоветском пространстве, признанный в том числе и международными финансовыми организациями, стимулировал поиск причин этого провала. Вторая волна неолиберальной ортодоксии увидела эти причины в специфике местных институтов. Искаженная с точки зрения идеального рынка институциональная среда, особенно коррупция и непотизм местных правящих элит не позволили реформируемым странам воспользоваться плодами рыночного транзита.

Однако Казахстан не укладывается в эту стандартную неоклассическую интерпретацию. Институциональные искажения здесь нарастали параллельно ускорению экономического роста. Если в 1999—2001 гг. международные эксперты полагали, что казахстанская экономика сравнительно менее поражена коррупцией в сравнении с российской, то в 2002—2003 гг. оценки изменились. В то время как Казахстан постепенно скатывался в ряды наиболее коррумпированных стран мира, Россия, напротив, заметно улучшила свой имидж[53]. К 2002 г. Россия практически была на уровне Казахстана по индексу качественного состояния бизнес-среды, который с определенной регулярностью оценивается экспертами Европейского банка реконструкции и развития и Мирового банка. Примечательно, что в 1999—2002 гг. во всей группе транзитных экономик Центральной и Восточной Европы и СНГ только Казахстан, наряду с Украиной, воспринимался специалистами как страна с ухудшающимися характеристиками для ведения бизнеса.

Если буквально принимать на веру корпус идей обновленной ортодоксии, опыт Казахстана показывает, что для ускорения экономического рос-

та стране всячески необходимо наращивать коррупцию и ухудшать бизнес-климат. Кстати, о том же свидетельствует и опыт действительного лидера экономического роста на постсоветском пространстве – Туркменистана. В 1996–2003 гг. последний продемонстрировал более высокие в сравнении с Казахстаном темпы роста валового внутреннего продукта в 5,75% в год[54]. Как и в других нефте- и газоэкспортерах постсоветского пространства, наблюдаемый экономический взлет опирается здесь на наращивание добычи углеводородного сырья и слабо связан с экономической политикой правительства. Серьезно же говоря, Казахстан не может предложить достойных для воспроизведения технологий административной реформы.

Управляемая демократия как императивный проект для глобальной периферии

Казахстан может рассматриваться в качестве удачной экономической и политической модели для России лишь в том случае, если претензии немногочисленных правящих и господствующих российских группировок ограничиваются стремлением окончательно выдавить население из процесса верхушечной дележки природной ренты и доходов от сырьевого экспорта и навсегда закрепить положение страны в глобальной системе в качестве стабильного поставщика сырья.

Если оценивать казахстанскую экономическую модель в предельно упрощенном схематичном виде, то можно утверждать, что здесь создана дуальная экономика эпохи глобализации. Глобализированный нефтедобывающий и металлургический секторы, обеспечивающие занятостью 1–2% местной рабочей силы, ускоренно наращивают поставки на экспортные рынки. Экономическая политика властей сводится к тому, чтобы свести к минимуму налоговую нагрузку на эти секторы, а также минимизировать их издержки на рабочую силу, энергоресурсы и экологию. В последнее же время финансировать (а возможно, и субсидировать) глобализированный сектор, экспортные и финансовые потоки которого оседают вне пределов казахской экономики, стала и накопительная пенсионная система.

Подавляющая масса населения никак не связана с глобализированным сектором, в который стянуты все сколько-нибудь прибыльные экономические активы страны. Правящие и господствующие группировки вспоминают о населении лишь в преддверии очередных выборов, осуществляя минимальную закачку ресурсов в социальную сферу. В самое последнее время на вопиющую рассогласованность в Казахстане бурного экономического роста и продолжающейся социальной деградации обратили внимание и международные финансовые организации.

Глобализация ставит пределы возможностям слаборазвитых государств влиять на экономические и социальные процессы внутри национального пространства. Они лишаются возможности проводить политику в традиционном ее понимании: монетарная, фискальная, бюджетная, инвестиционная и социальная политика в открытой сырьевой экономи-

ке с либерализованными текущим и капитальным счетами платежного баланса должна соответствовать жестким требованиям, налагаемым на национальную экономику глобализацией. Правящие периферийные режимы вынуждены обращать свою энергию на приспособление своих стран к этим глобальным императивам. Как замечает П. Кэммэк, утратив способность управлять социальными и экономическими процессами, режимы периферии находят выход в управлении политической сферой[55], т. е. в реструктурировании политического пространства.

Как показывает опыт Казахстана, некоторое время такое управление может идти через создание виртуальной картинки успешного рыночного транзита в относительно свободной информационной и политической среде. Однако возможности поддерживать массовые иллюзии относительно надвигающегося рыночного благополучия, которому поочередно мешают тяжелое советское наследие, глобальный финансовый кризис 1997 г., финансово-экономический обвал 1998 г. в России и прочие привходящие факторы, не беспредельны. Повальная бедность и нищета, осознание подавляющей массой населения того факта, что у нее отсутствуют какие-либо перспективы улучшения своего экономического и социального положения, начинают все заметнее сказываться на политической ситуации, что заставляет правящий режим переходить к иной программе управления.

Новая фаза отличается появлением одной или нескольких «государственных партий», установлением полного контроля со стороны исполнительной власти над парламентом и «оппозицией», зачисткой информационной и политической среды. По иронии судьбы задачи всех фаз постсоветского транзита реализует находящаяся в процессе непрерывной социальной мимикрии бывшая советская номенклатура, так как иной активный социальный агент на постсоветском пространстве попросту отсутствует.

В Казахстане целью режима «управляемой демократии» является защита периферийного оффшорного варианта капитализма. Эта «управляемая демократия» не предоставляет стране шансов покинуть ряды глобальной периферии. Преодолеть сырьевую периферийность можно лишь на пути радикализации буржуазно-демократических рыночных преобразований внутри страны, с опорой на национальный (прото)капитал, при мощной поддержке незащищенных социальных слоев и групп со стороны государства. И если Россия стремится выбраться из зоны «глобальной периферии», она должна ориентироваться не на Казахстан, а на успешные транзитные страны Центральной и Восточной Европы и новые индустриальные страны Азии, творчески перерабатывая их опыт для российских условий. Правда, к счастью для них, эти страны не отмечены «ресурсным проклятием» большой нефти и газа.

Примечания

[1] Казахские реформы получили самую высокую оценку практически всех ведущих представителей «либерального крыла» российского реформаторства.

Весьма показательную оценку российских представлений в самом Казахстане см.: *Смагулов Е.* Российская сказка о казахском экономическом чуде. – http://www.navi.kz/articles/?artid=5607

[2] Что мешает амнистировать капитал? // Ведомости (Москва), 2 декабря 2003. С. 4.

[3] Примерно с середины 2003г. официальный прожиточный минимум в Казахстане установлен на уровне 5246 тенге или около 35 долл. в месяц.

[4] Насколько мне известно, первым обратил внимание на разительное несовпадение данных переписи и текущих обследований рынка труда Л.А.Фридман. См.: *Фридман Л.А.* Очерки экономического и социального развития стран Центральной Азии после распада СССР. МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки. М.: «Гуманитарий», 2001. С. 47—48.

[5] Основные итоги всероссийской переписи населения 2002 г. – http://www.perepis2002.ru/content/221/2219-article.asp.

[6] Парадоксы демографической статистики независимого Туркменистана подробно проанализированы в: *Жуков С.В., Резникова О.Б.* Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М.: Общественный научный фонд, 2001. Т. 2. Следует заметить, что реальная картина в Туркменистане может быть установлена с достаточной надежностью путем пересчета имеющихся статистических рядов. Оценить демографическую и социальную ситуацию в Казахстане много сложнее.

[7] *Tarnetskaya O., Medvedeva N.* Thoughts Regarding Improvement of the Investment Climate // The Energy of Kazakhstan, N4, 1999 (Almaty). P. 33.

[8] Вырастут на шельфе острова // Казахстанская правда, 7 декабря 2001 (цит. по http://www.caspian.ru).

[9] *Кожантаева У.* Кочегары поднебесья // Деловая неделя (Алматы). — http://www.caspian.ru/cgi/article.cgi/id=1018.

[10] Проблемы обеспечения радиационной безопасности отходов нефтегазопромыслов. – http://www.kazaag.kz/showarticle2.php/articleD=33952

[11] *Шалинский А.М.* Загрязнение окружающей среды и экологическая политика Казахстана. Центр региональных и трансграничных исследований ВолГУб, 2002. – http://www.transbound.narod.ru/annual1/shalinsky.html.

[12] Казахстан: 1991—2002 годы. Агентство Республики Казахстан по статистике. Алматы, 2002. С. 39.

[13] Подсчитано по: *Какшеева Ж.* Техногенная катастрофа не за горами? – http://www.respublika.kz/index.php/art=2003112124; *Воротной И.* Страна отходов? // Известия-Казахстан, 28 января 2004. С. 7; Казахстан: 1991—2002 годы. С. 39. Данные за 2003 г. предварительные.

[14] См.: *Solow R.M.* Candidate Issues in Development Economics // Frontiers of Development economics. The Future in Perspective. Ed. Meier G.M. and Stiglitz J.E. New York; Oxford University Press, 2001. P. 514.

[15] Понятие «правящие и господствующие группировки», крайне удачно подходящее для анализа особенностей социальной структуры в развивающихся странах, введено в оборот М.А. Чешковым. Подробно см.: *Чешков М.А.* Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М.: Наука, 1979.

[16] Подробно этот вопрос на примере Казахстана рассмотрен: *Жуков С.В., Рез-*

никова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. С. 134—137.

[17] *Амрекулов Н.* Размышления о главном. Пути к устойчивому развитию. Алматы, 1998. С.146.

[18] *Адилов М.* Кто моет «money» в нефтяном кране? – http://www.respublika.kz/index.php/art=2003090517

[19] *Адилов М.* «Коммерческие тайны» Тенгизского двора – http://www.respublika.kz/index.php/art=2003102401

[20] См., например, широко аргументированную дискуссию в: Мониторинг формирования и использования доходов от сырьевых секторов Казахстана: обсуждение проекта Бюджетного кодекса. Материалы круглого стола. Центр анализа общественных проблем. Астана, 18 сентября 2003.

[21] Мониторинг формирования и использования доходов от сырьевых секторов Казахстана. Материалы круглого стола. Центр анализа общественных проблем. Алматы, 2 июня 2003. С. 25—26.

[22] *Своик П.* Григорий Марченко такой же гарант стабильности национальной валюты, как Загипа Балиева – честных выборов – http://www.navi.kz/articles//artid=4173; Republic of Kazakhstan: Selected Issues and Statistical Appendix. IMF Country report No.01/20, January 2001. P. 12.

[23] *Есентугелов А.* Дуализм в развитии экономики Казахстана: структурно-инвестиционные аспекты ее модернизации // Центральная Азия и Кавказ. Насущные проблемы. 2003// Под ред. Б. Румера. Алматы: ТОО «East Point», 2003. С. 184.

[24] *Разумов Я.* Глава Нацбанка предал остракизму пессимистично настроенных аналитиков // Панорама (Алматы), №13, апрель 2003.

[25] Подробнее о механизме функционирования Национального фонда Казахстана см.: *Оспанов М.* К вопросу о Национальном фонде в бюджете развития Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. Насущные проблемы 2003. С. 218–230.

[26] Там же. С. 221.

[27] См.: Отчет о поступлениях и использовании Национального фонда Республики Казахстан за 2001 и 2002 годы. – http://www.nationalfund.kz.

[28] Официально стабилизационный фонд в России начал действовать с 1 января 2004 г., хотя ранее он фактически существовал в качестве «финансового резерва». Российские дискуссии о механизме функционирования стабилизационного фонда показывают, что, как и в Казахстане, он мыслится прежде всего как элемент монетарной политики. См.: *Нетреба П.* В Стабфонде появились первые деньги // Коммерсантъ, 12 января 2004. С. 15.

[29] Экономика стран Содружества независимых государств в 2003 году. Экспресс-доклад, январь 2004. С. 79.

[30]World Bank World Development Indicators 2003, CD-ROM.

[31] См.: *De Castello Branco M.* Pension Reform in the Baltics, Russia, and the Countries of the Former Soviet Union // IMF Working Paper, February 1998.

[32] World Bank World Development Indicators 2003, CD-ROM.

[33] *Andrews E.S.* Kazakhstan: An Ambitious Pension Reform // ECSHD, World Bank, January 3, 2001. P. 6.

[34] Republic of Kazakhstan; Selected Issues and Statistical Appendix // IMF Country Report No.03/211, July 2003. P. 60; Социально-экономическое развитие

Республики Казахстан в январе 2004 года (оперативные данные). Агентство РК по статистике, январь 2004 – http://www.stat.kz; *Джалилов А.* Финвласти обещают решить проблему защиты инвестиций пенсионных фондов от валютных рисков // Панорама (Алматы), №6, февраль 2004.

[35] Где искать пенсионные накопления (материал представлен в электронном журнале «К обществу без коррупции», №1, 2001. – http://www.transparencykazakhstan.org).

[36] http://www.gazeta.kz/art.asp/aid=36860.

[37] *Полевой И.* Пенсионные фонды: свершилась «бархатная революция». – http://www.gazeta.kz/art.asp/aid=28460.

[38] Republic of Kazakhstan; Selected Issues and Statistical Appendix // IMF Country Report No.03/211, July 2003. P. 68.

[39] World Bank World Development Indicators 2003, CD-ROM.

[40] *Castel P., Fox L.* Gender Dimensions of Pension Reform in the Former Soviet Union // World Bank. P. 1.

[41] См.: *Mesa-Lago C.* Pension System Reforms in Latin America: The Position of the International Organizations // CEPAL Review, N60, 1996. Pp. 73–98.

[42] http://www.gazeta.kz/art.asp/aid=24420.

[43] *Марченко Г.* Недоверие преодолевать очень тяжело // Известия (Москва), 16 июня 2003. С. 8.

[44] *Хе О.* По оценке Национального банка эффективность инвестиционного управления пенсионными фондами неуклонно растет // Панорама (Алматы), №42, октябрь 2003.

[45] *Рамазанов Н.* В отсутствие альтернативы // Деловая неделя (Алматы), №44, ноябрь 2003.

[46] *Джалилов А.* Финвласти обещают... // Панорама (Алматы), №6, февраль 2004.

[47] Подробнее см.: *Andrews E.S.* Kazakhstan: An Ambitious Pension Reform... Pp. 43–44.

[48] К обществу без коррупции, №1, 2002.– http://www.transparencykazakhstan.org.

[49] Что мешает амнистировать капитал // Ведомости (Москва), 2 декабря 2003. С. А4.

[50] *Нурсеит Н.* Исследование уровня долларизации экономики Казахстана // АльПари (Алматы), №4–5, 2002.

[51] Амнистия капиталов работает на интересы госчиновников // Континент (Алматы), №13, 4–17 июля 2001 (материал представлен в электронном журнале «К обществу без коррупции» №1, 2001.– http://www.transparencykazakhstan.org)

[52] *Галкина И.* Игра в Лего – http://www.transparencykazakhstan.org/info/review/2003/0703/lego.htm.

[53] См. международные рейтинги восприятия коррупции за 1999–2003 г. на сайте http://www.transparency.org.

[54] Подсчитано по: EBRD. Transition Report 2003. P. 207. Если ориентироваться на официальные данные, то темпы роста ВВП Туркменистана окажутся еще выше.

[55] *Cammack P.* Globalization and the Death of Liberal Democracy, 1998 (mimeo). P. 21.

Екатерина Борисова

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ

Роль транснациональных корпораций (ТНК) в современном мире чрезвычайно велика, а отношение к ним чрезвычайно противоречиво. Часть исследователей считают ТНК субъектом эксплуатации в мировом масштабе, обрекающим целые народы на отсталость и нищету; другие, наоборот, отводят им роль главного орудия мирового прогресса, ускоряющего вхождение слаборазвитых стран в цивилизованный мир. Вторая точка зрения превалирует, по крайней мере, с начала 1980-х гг. Тем не менее даже многие исследователи, которые, в общем, соглашаются с положительной оценкой роли ТНК, отмечают большие издержки в их деятельности: чрезмерное политическое влияние, коррупцию, применение трансфертных цен[1] и ограниченной деловой практики[2], вывоз прибылей из принимающей страны, пренебрежение ее экономическими интересами, усиление ее экономической уязвимости и зависимости[3].

1

Приход транснациональных корпораций в Казахстан (РК) был прогнозируемым и неизбежным явлением. Распад Советского Союза и разрыв ранее существовавших экономических связей привели к экономическому кризису во всех возникших на постсоветском пространстве новых независимых государствах. Став частью мировой экономической системы, Казахстан мог поставлять на мировой рынок только продукцию своей добывающей промышленности – алюминий, хром, цинк, никель, олово, медь, нефть, газ и др. Однако даже такие приоритетные для Казахстана отрасли производства имели низкую производительность[4], поскольку их промышленная база сплошь и рядом оказывалась морально и материально устаревшей. Для поддержания конкурентоспособности казахстанского сырья на мировом рынке требовались грамотное управление и массированные инвестиции. Ни того ни другого в стране на первоначальном этапе независимого развития не было. Как пишет Л. Масанова, проработавшая несколько лет в структуре Министерства финансов РК, «глубокий экономический кризис (в котором страна находилась до 1999 г. – *Е.Б.*) был вызван не только разрывом хозяйственных связей между предприятиями, составлявшими некогда единый промышленный комплекс, но, прежде всего, деструктивной по-

литикой правительства в финансово-денежной и кредитной сферах»[5]. Далее автор уточняет: «Совершенно хаотичная и в значительной мере спровоцированная неумелым или сознательно деструктивным госуправлением структурная перестройка экономики привела к вытеснению перерабатывающих отраслей, уничтожению передовых технологий и абсолютно несимметричному росту добывающих сырьевых сфер»[6]. Мы не будем утверждать вслед за автором этих строк о «сознательно деструктивном» госуправлении, но то, что оно было неумелым, очевидно и подтверждается глубоким экономическим кризисом первых лет независимости Казахстана.

Столь глубокий кризис объясняется, в частности, тем, что в Советском Союзе внешнеэкономические связи являлись монополией Москвы. Союзные министерства и их представители в республиках контролировали все ключевые отрасли промышленности, а также природные ресурсы, независимо от того, в какой части страны они располагались. Республиканские министерства могли распоряжаться только теми секторами экономики, которые с точки зрения союзного государства не считались стратегическими[7]. И в аппарате ЦК компартии Казахстана, и в республиканском Совете министров ответственные должности по управлению промышленным производством занимали в основном русские или русскоязычные. После провозглашения независимости многие из них вернулись в Россию. Нехватка квалифицированных кадров в высшем эшелоне управленцев в течение первых лет суверенного развития Казахстана была очень ощутима. Вдобавок надо было не только в срочном порядке решать кадровый вопрос, но и искать инвестиции.

В связи с этим от иностранного капитала, пришедшего в страну, прежде всего ждали массированных инвестиций, модернизации производства и современного грамотного управления. Это управление за время независимости правительство во главе с А. Кажегельдиным поставило своей основной целью привлечение массированных иностранных капиталовложений, а чтобы сделать Казахстан привлекательным для зарубежных инвесторов, решено было осуществить широкомасштабную приватизацию. Этот курс был позитивно встречен МВФ и другими международными финансовыми организациями и финансово-промышленными группами.

В 1994–1997 гг. в республике активно проводилась передача крупных промышленных предприятий и объединений в иностранное управление. В общей сложности в такое управление перешло 45 крупнейших предприятий. В частной собственности ныне находится более 70% энергетических мощностей, из них большая часть – в руках иностранных инвесторов. Основные производители нефти в Казахстане сегодня – тоже иностранные компании. Таким образом, пришедший в страну капитал оказал значительное влияние на экономику страны.

2

В первые годы независимости в страну пришли не только известные компании – такие, как «Шеврон» или «Trans World Group» (TWG); в ней стали действовать и ранее неизвестные, но быстро развернувшиеся на казахстанской почве предприниматели вроде А. Машкевича, П. Шодиева и А. Ибрагимова – так называемая группа «Евразийского банка».

Сразу встает вопрос: как иностранный капитал, который стал играть огромную роль в экономическом развитии страны, вписался в современную структуру казахстанского общества и внес ли он какие-либо изменения в клановую и патронатно-клиентельную систему отношений, перенесенную и на бизнес?

В Казахстане ожидали, что «новые частные собственники принесут не только новый капитал для расширения производства, но и навыки по маркетингу и управлению и, в особенности, новые рыночные идеи на предприятия»[8]. Эти ожидания в какой-то степени оправдались: иностранные компании взялись за обучение местного персонала современным правилам развития бизнеса, но, помимо ожидаемых достижений, иностранные частные собственники привнесли также новые методы участия в политической и экономической жизни общества. В этот период в Казахстане начинает формироваться «иностранное лобби», и наряду с традиционными для Казахстана способами решения проблем, возникающих на уровне властных структур, местные политические и экономические элиты начинают активно использовать способы, принятые на Западе. Так, если в первые годы независимости властные группировки в основном формировались по принципу родоплеменной и территориальной принадлежности[9], то теперь, под влиянием иностранного капитала, стали вновь, как и в советское время, появляться ведомственные и отраслевые группы давления, теперь уже на местном (республиканском) уровне. Правда, основой этих отраслевых групп все равно в той или иной степени остаются кланы[10].

Местные клановые группы постарались подчинить своему влиянию целые отрасли промышленности. Одним из ярких примеров тому были события в металлургической отрасли Казахстана в начале 90-х гг. По мнению сотрудников Института развития Казахстана Л. Музапаровой и Е. Карина, именно раздел сфер влияния в металлургической отрасли привел к отстранению А. Кажегельдина от поста премьер-министра и к его переходу в открытую политическую оппозицию: «За отставкой Кажегельдина последовала широкомасштабная кампания по вытеснению его ставленников из казахстанских предприятий. Первой жертвой стала компания TWG, поддерживаемая группой Сосковца и Кажегельдина. Правящая элита в своей борьбе против контрэлиты опиралась на группу Машкевича, которая представляла интересы «Евразийского банка». Длительное противостояние в конце концов завершилось окончательным вытеснением британцев (TWG. – *Е.Б.*)»[11]. Здесь суть проблемы заключалась в том, что группа «Евразийского банка» претендовала на

крупные металлургические заводы Казахстана, которые, с помощью А. Кажегельдина, уже прибрала к рукам «Trans World Group». Используя влияние местных клановых групп, мировые корпорации вели между собой борьбу за собственность и влияние. На стороне TWG был Кажегельдин, группу же Машкевича поддерживал сам Н. Назарбаев. С уходом с поста премьер-министра А. Кажегельдина и потерей им влияния пришлось уйти и TWG. Власти Казахстана пытались преподнести это как борьбу отечественных производителей с засильем иностранцев; однако, как указывают Музапарова и Карин, «группа Евразийского банка тоже представляла интересы иностранного капитала»[12]. Таким образом, транснациональные корпорации стали врастать в традиционную структуру общества, предлагая местным властным группировкам собственную (прежде всего финансовую) поддержку. Взамен ТНК получали существенный властный ресурс для продвижения собственных интересов.

И в казахстанской, и в российской прессе отставку Кажегельдина чаще всего связывают с сугубо внутренними раздорами внутри казахстанской элиты. В действительности она свидетельствует о взаимодействии и переплетении в жизни казахстанского общества традиционных местных особенностей политического управления и привнесенных западных по происхождению приемов политического лоббирования, свойственных транснациональным корпорациям.

Внеся в политическую жизнь страны некоторые новые приемы продвижения собственных интересов, ТНК тем не менее кардинально не изменили сложившуюся в стране систему отношений. Скорее, они постарались в нее удачно вписаться.

На казахстанский рынок, помимо вышеперечисленных корпораций с сомнительной репутацией, пришли, как мы уже упоминали, и хорошо известные и уважаемые в мире корпорации: «Гленкор», «ЭксонМобил», «ШевронТексако», «ТотальФинаЭльф», «Амоко», «Бритиш Петролеум», «Филипс Петролеум» и др. Они прочно закрепились в Казахстане и не менее быстро освоили местные неофициальные законы развития бизнеса. Несмотря на то, что роль транснациональных корпораций в Казахстане существенна, по своему влиянию они все же уступают местным клановым группировкам, а потому также постарались заручиться поддержкой некоторых крупных фигур в казахстанском истэблишменте. Последним обстоятельством и вызваны многие скандалы вокруг ТНК, муссируемые в местной и зарубежной прессе и доставляющие немало работы американской и швейцарской прокуратуре. О них будет сказано ниже.

3

В чем же заключается традиционная система отношений в Казахстане?

Несмотря на появление совершенно новой для республики страты собственников и менеджеров и связанных с нею новых принципов управления, традиционные особенности казахстанского общества продол-

жают играть важную роль в современном Казахстане. Причем, если в советское время (при Кунаеве) использовалась негласная договоренность о распределении должностей в соответствии с традиционной системой жузов, то при Назарбаеве стали использоваться и другие, более архаичные формы управления: на первый план в системе власти вышли «Семья» и элементы родового протекционизма. Характерно, что сам президент Казахстана признает: «Различные формы родового протекционизма, родовых и территориальных лобби порой проявляются во властных структурах, в финансовой и коммерческой сферах»[13]. Согласен президент и с тем, что «региональная принадлежность изначально играла существенную роль в политическом устройстве» республики[14]. Стоит отметить, что обретение независимости позволило чуть ли не формализовать некоторые скрытые в советский период традиционные механизмы рекрутирования кадров[15]. Если раньше традиционные механизмы рекрутирования кадров как-то скрывались, то сейчас о них говорят открыто, практически не стесняясь. Своим нынешним положением современные казахстанские политики и администраторы во многом обязаны не только «региональной принадлежности», но и тому положению, которое занимали их отцы и деды во времена СССР. Ибо многие сегодняшние руководители-казахи, представляющие различные уровни административного управления в РК, – это «сыновья и внуки "больших родителей"»[16]. Ведущие позиции в управленческом аппарате достались им в большинстве случаев благодаря **двум унаследованным** преимуществам – происхождению из рядов советской номенклатуры и принадлежности к Старшему жузу, выходцем из которого является Нурсултан Назарбаев[17].

Тем не менее традиционные институты рекрутирования элиты часто используются и для легализации фактически новых для Казахстана институтов ее консолидации.

В Казахстане сегодня насчитывается четыре-пять наиболее крупных хозяйственных группировок. Это группы Рахата Алиева (старший зять президента РК), «Евразийского банка», Нурлана Балгимбаева и две дружественные и во многом связанные между собой группы «Казкоммерцбанка» и Тимура Кулибаева (среднего зятя президента РК). Все эти группы в большей или меньшей степени восприняли западные принципы политического участия и лоббирования собственных интересов. Каждая из них контролирует определенные отрасли промышленности, а с целью дискредитации своих соперников использует подчиненные ей средства массовой информации.

Транснациональные корпорации стараются использовать местные неформальные законы организации общества и бизнеса для продвижения своих интересов, финансово подпитывая представителей наиболее влиятельных групп и лиц.

В частности, по некоторым данным группа Рахата Алиева оказывает поддержку таким иностранным инвесторам, как «British Petroleum»,

«Central Asia Petroleum», и сама опирается на их финансовую поддержку[18].

Бывший руководитель ННК «Казахойл» – компании, влившейся впоследствии в новообразованную ННК «КазМунайГаз», а бывший премьер-министр Нурлан Балгимбаев пользовался поддержкой американской корпорации «Шеврон» и защищал ее интересы в нефтяной сфере. В 1999 г., в бытность премьером, он предложил продать принадлежащие Казахстану 40% акций компании «Тенгизшевройл» (ТШО). Потенциальным покупателем была «Шеврон», и без того являющаяся обладательницей самого большого пакета акций ТШО. Цены на нефть тогда росли, и продавать акции, приносящие значительную прибыль, совершенно не имело смысла. Но Балгимбаев отметал все возражения против продажи, объясняя свою настойчивость угрозой дефолта. Большинство членов кабинета выступили против его предложения, акции ТШО не были проданы. Дефолта тоже не случилось.

По некоторым данным, с группой «Казкоммерцбанка» аффилирована малоизвестная компания «Central Asian Industrial Holdings» (CAIH)[19]. С группой Тимура Кулибаева, по появившимся сообщениям, стали активно взаимодействовать ослабившая свои связи с группой старшего зятя президента корпорация «Mobil» и канадская корпорация «Nelson». Правда, эта группа чрезвычайно сильна и без поддержки иностранных корпораций. Под ее контролем находится крупнейшая национальная нефтегазовая компания Казахстана «КазМунайГаз» (КМГ). Поэтому все разрабатываемые иностранными инвесторами совместно с КМГ проекты в любом случае проходят через Тимура Кулибаева.

Корейская корпорация «Samsung», владеющая флагманом казахстанской металлургии – предприятием «Казахмыс», тесно взаимодействует с местными корейцами и, по некоторым данным, находится также под защитой «серого кардинала Казахстана», как его иногда называют в местной прессе, Нуртая Абыкаева.

Бывший до недавнего времени премьер-министром Казахстана Касымжомарт Токаев демонстративно отстранялся от участия в каких-либо клановых группировках. Однако, по некоторым сообщениям в казахстанской оппозиционной прессе[20], и у него имеются свои предпочтения в среде иностранных инвесторов. Эти предпочтения действительно не связаны с какой-либо местной группой и имеют отношение к некоторым иностранным компаниям. Например, за время его пребывания на посту премьер-министра американская компания «Access Industries» получила налоговые льготы, нанесшие значительный ущерб бюджету Павлодарской области. Токаеву также приписываются особые отношения с РАО «ЕЭС России».

Сменивший Токаева на посту премьер-министра Имангали Тасмагамбетов, так же как и Н. Балгимбаев, является выходцем из Западного Казахстана (он несколько лет проработал акимом Атырауской области),

где традиционно сильны разрабатывающие ресурсы Каспия транснациональные корпорации, в том числе «Шеврон».

За последние несколько лет представители Западного Казахстана, не без поддержки нефтяных корпораций, значительно укрепили свои позиции. Впрочем, их вотчиной традиционно была нефтегазовая отрасль Казахстана. После образования ведущей национальной нефтегазовой компании Казахстана «КазМунайГаз» ее возглавил Ляззат Киинов, ранее занимавший должность акима Мангистауской области (Западный Казахстан). В марте 2003 г. его сменил другой уроженец Западного Казахстана Узакбай Карабалин[21].

Многие исследователи обращают внимание на то, что региональные лидеры Западного Казахстана, опирающиеся на западный капитал, способны требовать большей самостоятельности от центра. Как регионы-доноры, территории казахстанского Прикаспия недовольны существующим перераспределением бюджетных средств и выступают за большую самостоятельность в решении финансовых вопросов (нефтяные доходы составляют треть бюджета Казахстана и половину его экспорта). Более того, они самодостаточны и в случае неблагоприятного развития ситуации в стране могли бы претендовать на роль «казахстанской Эритреи». Для западных инвесторов в этом тоже есть определенный смысл: им легче договариваться с региональными властями, чем с центром, из-за разницы аппетитов властных уровней.

В то же время в Казахстане есть группа иностранных инвесторов, которая напрямую пользуется поддержкой Нурсултана Назарбаева. Ей не нужна поддержка иных клановых групп, так как она сама, с определенной степенью условности, имеет право называться местной элитной группировкой, хотя ее лидеры не являются уроженцами Казахстана. Такое особое место в раскладе элитных группировок страны занимает группа «Евразийского банка». Ее лидеры не вписываются в традиционную структуру казахстанского общества. Тем не менее их следует отнести к местным группам влияния, поскольку эта группа осуществляет предпринимательскую деятельность в основном в Казахстане и обладает огромным влиянием здесь. Во главе ее стоят Александр Машкевич, Алиджан Ибрагимов и Патох Шодиев. Никакие родственные узы не соединяют группу с семьей президента, и своим пребыванием в Казахстане она обязана постоянным финансовым вливаниям в бюджет президентской семьи (Машкевича в казахстанской прессе часто называют «личным кассиром» Назарбаева). Нельзя ее назвать и кланом: только Алмаз Ибрагимов, руководитель ОАО «Алюминий Казахстана», приходится двоюродным братом Алиджану Ибрагимову; Машкевич родился в Кыргызстане, сохраняет кыргызстанское гражданство и имеет израильское гражданство. Уже само наличие такой группы, не скрепляемой родством ни с президентом, ни ее членов друг с другом, не пользующейся поддержкой какого-либо жуза или рода и при этом удерживающей сильные позиции в на-

циональной экономике, свидетельствует о способности иностранного капитала, действуя через неформальные институты, вписываться в структуру обществ принимающих стран и воспринимать, не меняя кардинально, местные правила поведения.

Группа Машкевича контролирует металлургию Казахстана[22]. Сейчас ей принадлежат такие флагманы казахстанской промышленности, как «Казхром» (Актюбинский завод ферросплавов, Донской ГОК), «Алюминий Казахстана» и Аксуский завод ферросплавов. Группа финансирует пропрезидентскую «Гражданскую партию». Помимо этого, Машкевич создал и возглавляет Еврейский конгресс Казахстана, поддерживающий тесные связи с еврейской диаспорой в США и Всемирным еврейским конгрессом.

4

Работа транснациональных корпораций в развивающихся странах постоянно сопровождается коррупционными скандалами. Деятельность ТНК в Казахстане не стала исключением из общего правила. В Казахстане упорно ходят слухи, что любые отчисления ТНК на те или иные мероприятия, предпринимаемые для продвижения собственного бизнеса, частично оседают в карманах президентской семьи.

Одна из немногих крупных компаний, пока не замешанная в коррупционных скандалах, – это «Гленкор», владеющая контрольным пакетом акций металлургического гиганта «Казцинк». Тем не менее «Гленкор» пользуется поддержкой доверенного лица казахстанского президента, его помощника по внешнеполитическим и внешнеэкономическим вопросам Булата Утемуратова. Финансовое обслуживание компании в Казахстане осуществляется через «Казпромбанк», сначала принадлежавший ей, а в апреле 2001 г. купленный «Алматинским торгово-финансовым банком», который, в свою очередь, частично подконтролен тому же Утемуратову (сама «Гленкор» имеет 11,4% акций АТФБ).

Другие известные корпорации не столь аккуратны – или не столь осторожны – в ведении своих дел на казахстанском рынке. Во взяточничестве были обвинены «Амоко Казахстан Петролеум», «Амоко Казахстан», «Мобил Ойл», «Шеврон» и «Филипс Петролеум Казахстан»[23]. Особенно скандальной оказалась деятельность компании «Мобил», и во всех скандалах непременно фигурирует имя американского гражданина Джеймса Гиффена. Официально он занимал должность юридического консультанта президента Казахстана, реально же исполнял роль посредника между рядом нефтяных компаний и руководством Казахстана. Значение этой фигуры становится более понятным, если учесть, что он был организатором первого визита Н. Назарбаева в США и активным участником последующих официальных визитов в эту страну, брал на себя организацию ряда публичных мероприятий с участием Назарбаева. Особо тесные контакты Гиффен имеет с бывшим руководителем национальной компа-

нии «Казахойл» Нурланом Балгимбаевым. О том, что Гиффен – влиятельная в Казахстане фигура, очень близкая к главе государства, говорит и тот факт, что в октябре 1997 г. именно он лоббировал назначение Балгимбаева премьер-министром.

В марте 2003 г. Гиффен был арестован в аэропорту Нью-Йорка по обвинению Департамента юстиции США и ФБР в даче взяток в сумме не менее 78 млн. долл. президенту Казахстана и Нурлану Балгимбаеву по шести отдельным нефтяным сделкам, в результате которых американские нефтяные компании «Мобил Ойл», «Амоко», «Тексако» и «Филипс Петролеум» приобрели существенные права на разработку нефти и газа в Казахстане. Обвинения также были предъявлены бывшему руководителю по торговым операциям компании «Мобил Ойл» Дж. Брайану Уильямсу. В прессе это дело известно как «Казахгейт»[24]. Оно длится уже более трех лет. Встает вопрос, почему обвинения по делу были предъявлены только сейчас. Ответ на это дает американка Марта Брилл Олкотт в книге «Казахстан: невыполненные обещания», работающая на протяжении 25 лет в этой стране. Она пишет: «В период деятельности Гиффена США не хотели оказывать слишком сильного давления, чтобы проводились политические и экономические реформы, опасаясь, что американские фирмы не получат доступа к ценнейшим природным ресурсам страны»[25]. Сейчас же все основные месторождения Казахстана уже поделены между различными нефтяными корпорациями.

Стоит заметить, что в развивающихся странах и в новых независимых государствах транснациональные корпорации, как и отдельные крупные иностранные предприниматели, нередко выступают посредниками между местными властями и правительствами государств, в которых они «прописаны», попутно лоббируя свои проекты.

В июле 2001 г. в прессе США появилась очередная статья, рассказывающая о незаконных сделках ТНК в Казахстане[26]. На этот раз упор был сделан на участии «Мобил» в торговле Казахстана нефтью с Ираном, что является нарушением американского торгового эмбарго в отношении этой страны. «Мобил» обвиняется американской юстицией в поставках каспийской нефти в Иран по так называемым сделкам SWAP (казахстанская нефть поставляется танкерами на иранский берег Каспия в обмен на эквивалентный объем иранской нефти, которая отгружается на юге страны, в Персидском заливе, откуда ее легче транспортировать на мировые рынки). Руководство «Мобил» давно лоббировало нефтяные сделки с Ираном и высказывалось за отмену ряда экономических санкций против него. Особенно активная позиция в этом вопросе была занята компанией после того, как «Мобил» стал участвовать в казахстанских проектах, а его руководители установили тесные контакты с Гиффеном и президентом Назарбаевым.

Деятельность «Мобил» в Казахстане – один из примеров того, как иностранные компании могут влиять на внешнеполитическую ориента-

цию молодого государства, выступать посредниками между ним и другими странами. Приведенный пример говорит также о том, что ТНК стараются вписаться в неформальную структуру общества, используя местные неформальные правила игры. В то же время, как мы уже говорили, транснациональные корпорации вносят и свои методы участия в политическую и экономическую жизнь общества, не меняя кардинально сложившейся системы отношений.

При сильной включенности во внутриполитическую жизнь страны, являющейся объектом их экспансии, ТНК могут даже способствовать созданию в ней общественно-политических движений, которые вольно или невольно становятся выразителями интересов международного капитала и развитых стран. В Казахстане такую роль играют даже некоторые из представителей российского бизнеса. По информации российской газеты «Известия»[27], одним из организаторов форума казахстанской оппозиции в Париже в 1999 г. был доверенный человек Бориса Березовского во Франции Фабьен Боссар. Он содействовал организации встречи гостей из Алматы с французскими политиками и журналистами. Хотя Березовский и действовал исключительно в свою пользу, а не в пользу какой-то конкретной страны, масштаб его фигуры заставляет нас учитывать силу его влияния на международные дела, сравнимого с влиянием транснациональных корпораций. Березовский всегда поддерживал тесные деловые контакты с семьей президента Казахстана. Согласно некоторым источникам, опальный ныне российский олигарх и политик имеет совместный бизнес с Даригой Назарбаевой: на долевой основе они владеют предприятием, которое размещает казахстанскую рекламу на телеканале ОРТ-1 в Казахстане. Однако в конце 1999 г. отношения между Березовским и семьей Назарбаева разладились, что, по мнению некоторых исследователей, повлияло и на российско-казахстанские взаимоотношения[28].

Влияние российского капитала сказывалось и на внутриполитическом раскладе сил в Казахстане. Казахстанские экономисты отмечают, что описанное выше вытеснение TWG с казахстанских предприятий «неразрывно связано с событиями лета 1996 года в России, когда А. Чубайс инициировал кампанию по дискредитации группы О. Сосковца и братьев Черных. Группа контролировала через TWG алюминиевые рынки России, Украины и Казахстана. Падение группы Сосковца и послужило сигналом для казахстанских кланов»[29].

5

Сегодня местные элитные группировки пытаются уменьшить влияние транснациональных корпораций в стране. Объясняется это тем, что на данном этапе развития местные кланы обрели достаточную силу, чтобы самим активнее участвовать в экономической жизни республики. В связи с этим последнее время происходит ужесточение инвестиционного законодательства, а неформальные связи транснациональных кор-

пораций с кланами и «Семьей» перестают играть решающую роль после ослабления интереса к такому роду сотрудничества второй стороны. Сегодня Казахстан проводит целенаправленную политику, чтобы сократить влияние иностранных инвесторов, прежде всего в нефтегазовом секторе – основном поставщике доходной части бюджета.

Самым ярким примером ужесточения инвестиционного законодательства здесь было его недавнее изменение. В декабре 2003 г. инвесторам, разрабатывающим нефтегазовые месторождения, были предложены две модели налогообложения. По первой модели основным концептуальным нововведением казахстанского законодательства стало то, что с начала 2004 г. был установлен рентный налог на экспорт нефти. Его плательщики – это юридические и физические лица, реализующие сырую нефть на экспорт, за исключением недропользователей, заключивших контракты о разделе продукции. Этот налог подразумевает, что государство, оставляя 15% рентабельности инвестору, начинает делить с инвестором ту сверхприбыль, которая возникает в результате повышения цен на нефть. Помимо введения рентного налога закон предусматривает определение общих ставок роялти (плата за право разработки и добычи природных ресурсов) на нефть, которые до настоящего времени устанавливались в каждом отдельном контракте путем переговоров с недропользователями в зависимости от экономических показателей того или иного инвестиционного проекта. В числе других вводимых налоговых «новшеств» – упрощение механизма исчисления налога на сверхприбыль, обязательство по уплате которого теперь возникает сразу же после образования сверхдоходов.

Вместе с этим принятый закон внес изменения и в механизм распределения прибыльной продукции между Казахстаном и недропользователями в ходе деятельности в рамках новых соглашений о разделе продукции (СРП). Для СРП предусмотрена вторая модель налогообложения. В соответствии с документом, доля недропользователя в прибыльной продукции определяется как наименьшее процентное значение из трех соответствующих условий: показателя доходности, внутренней нормы прибыли и ценового коэффициента. При этом стоимость прибыльной продукции устанавливается на основании рыночной цены, понятие о которой дано в законе. Согласно еще одной поправке, с 30 до 20% снижена доля Казахстана по разделу продукции (углеводородов) в общем объеме добытой продукции с момента начала добычи до момента возврата вложенных инвестиций, после чего эта доля начинает постепенно увеличиваться до 60%.

Как отмечают эксперты, новый закон закрепил четкое разграничение между двумя моделями налогообложения нефтяных операций. Первая модель применяется и будет применяться в отношении подрядчиков, действующих на основании выданной лицензии на недропользование (при этом налоговый режим регулируется действующим казахстанским

законодательством). В рамках второй модели, предусматривающей режим СРП, официальная Астана, как и раньше, гарантирует инвесторам незыблемость положений контракта после его подписания. При освоении казахстанского углеводородного потенциала предполагается использовать все модели налогового режима. Однако право выбора наиболее приемлемого из них для каждого отдельного проекта в любом случае будет оставаться за правительством Республики Казахстан.

Кроме того, теперь правительство будет увязывать предоставление инвесторам углеводородных месторождений на шельфе Каспия с созданием в республике промышленных объектов.

Большинство иностранных компаний выступили против таких нововведений, просчитав в них значительное уменьшение собственных прибылей. На все возражения инвесторов по изменению налогового кодекса правительство РК традиционно отвечает, что Казахстан просто привел свое налогообложение в соответствие с практикой, которая существует во всех крупных странах, осуществляющих нефтедобычу.

На законодательном уровне времена дикого капитализма проходят. Отношения инвесторов и местной власти переходят в сферу формальных институтов и все жестче регламентируются законодательством, но эти законодательные изменения происходят не в пользу иностранных инвесторов. Для защиты своих интересов и большей уверенности в справедливости принимаемых местным правительством решений иностранные компании уже не первый год требуют принятия закона о международном коммерческом арбитраже. Стоит отметить, что с момента обретения Казахстаном независимости к исполнению были приведены всего два арбитражных решения. Чаще всего решения Международного арбитражного суда в Казахстане просто игнорируются. Лишь в апреле 2004 г. правительство внесло на рассмотрение в парламент проект закона «О международном коммерческом арбитраже». По замыслу авторов проекта, он призван регулировать деятельность арбитража в республике, а также порядок, условия признания и исполнения на ее территории арбитражных решений, вынесенных в иностранных государствах. Ранее Министерство юстиции Казахстана считало нецелесообразным разработку отдельного законопроекта о международном коммерческом арбитраже, предлагая взамен законопроект о третейских судах.

Единственный на данный момент возможный способ у иностранных инвесторов в Казахстане добиться справедливости в рамках государственных институтов власти – попытаться решить спорные вопросы напрямую с президентом страны через созданный специально для этого консультативно-совещательный орган при Президенте РК. Для обсуждения постоянных трений между иностранными инвесторами и местной властью и оперативного решения проблемных вопросов, связанных с инвестиционной деятельностью, был образован Совет иностранных инвесторов (СИИ)[30].

Однако добиться положительных результатов в рамках СИИ инвесторам удается редко. Данный Совет выполняет лишь функцию места, где можно вслух озвучить взаимные претензии друг к другу. А у Казахстана тоже накопилось немало обоснованных претензий к иностранным компаниям. Наиболее емко они были сформулированы Нурланом Балгимбаевым, который отмечает сложившуюся тенденцию: как только казахстанское правительство поднимает вопросы, связанные с инвестиционной деятельностью иностранцев, инвесторы начинают представлять мировой общественности действия правительства как давление и ухудшение инвестиционного климата в стране. При этом у правительства есть реальные основания быть недовольным действиями некоторых ТНК и срывами сроков, указанных в контрактах. По мнению Н.Балгимбаева, «суммы, которые теряет государство из-за несоблюдения инвесторами подписанных ими положений контрактов, астрономические»[31].

Приведем свежий пример. Международный нефтяной консорциум «Agip KCO», разрабатывающий Кашаганское месторождение в Северном Каспии, согласно СРП должен был получить первую нефть в 2005 г. Однако в 2003 г. он заявил о намерении перенести это событие на более позднее время – 2007—2008 гг. Взамен консорциум предложил казахстанскому правительству выплатить компенсацию в размере 150 млн. долл. Согласно оценкам казахстанских специалистов, год простоя месторождения, на котором планируется добывать по 300 тыс. баррелей в день, обойдется Казахстану в 2 млрд. долл.

В феврале 2004 г. вопрос о переносе сроков тем не менее был решен и согласие по сумме компенсации было достигнуто. Однако конкретная сумма, на которой сошлись стороны, так и не была озвучена. Министр энергетики и минеральных ресурсов Казахстана Владимир Школьник лишь сообщил, что компенсация за перенос сроков коммерческой добычи нефти на Кашагане представляет собой «прямые деньги, выплачиваемые в республиканский бюджет и растянутые по времени до начала коммерческой добычи»[32].

В январе 2004 г. были озвучены и другие спорные вопросы между правительством и «Agip KCO». Они связаны с результатами бурения скважины на участке Юго-Западный Кашаган, обнародованными в ноябре 2003 г. итальянской «Eni» (оператор Северо-Каспийского проекта) и одним из участников проекта – американской «ExonMobil». Консорциум «Agip KCO» по итогам дальнейшего исследования скважины на Юго-Западном Кашагане счел наличие углеводородов на этом участке минимальным и высказался о нецелесообразности его разработки, что вызвало недовольство казахстанского правительства. Консорциуму невыгодно вложение огромных средств, которые в итоге не будут возвращены, а правительство заинтересовано в разработке участка хотя бы из расчета занятости местного персонала, получения дополнительных налогов и т. д. Более того, сейчас некоторые эксперты говорят, что, несмотря на то,

что «Agip KCO» проводит разведочные исследования на нескольких участках казахстанского шельфа в рамках Северо-Каспийского проекта, реальный интерес представляет лишь Кашаганское месторождение.

6

Сегодня наблюдается тенденция уменьшения степени влияния транснациональных корпораций в Казахстане. Внеся определенные изменения в структуру казахстанского общества, корпорации не поменяли систему неформальных отношений внутри этого общества. ТНК вписались в него, вооружившись принятыми здесь неформальными правилами ведения бизнеса. Для большей устойчивости они заручились поддержкой местных хозяйственных групп. Когда же местная бизнес-элита обрела достаточную силу и накопила собственный капитал, ее связи с ТНК стали ослабевать. Позиции иностранных инвесторов пошатнулись. Для вновь приходящих в страну компаний будет уже не так просто закрепиться в этой стране, и их прибыли будут не столь масштабными, как в первые годы казахстанской независимости.

Примечания

[1] Трансфертная цена – цена, используемая внутри компании при расчетах между собственными подразделениями. Использование внутрифирменных трансфертных цен обусловливается коммерческими принципами взаимоотношения дочерних предприятий, филиалов, отделений фирм, особенно при поставках деталей, узлов, агрегатов, комплектующих изделий. Как правило, данные об этих ценах ограниченны, составляют коммерческую тайну, а их уровень и соотношения значительно отличаются от цен при поставках такой продукции в качестве запчастей. Последние, по оценкам, в 3—4 раза выше.

[2] Ограничения деловой практики – применение методов вытеснения конкурентов компаниями или предпринимателями с целью ограничения конкуренции, захвата рынка.

[3] Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М., 1993. С. 375—376.

[4] Подробную статистику по ведущим отраслям Казахстана см.: *Масанова Л.* Ресурсно-сырьевой профиль Республики Казахстан и проблемы становления частной собственности и государственного суверенитета // Центральная Азия и Кавказ, 1999, №1 (2). С. 81—83.

[5] Там же. С. 83.

[6] Там же. С. 88.

[7] *Olcott M. B.* Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy and Regional Security. Washington, 1996. P. 11—12.

[8] *Калмурзаев С.* Передача в управление как один из путей подъема экономики // Азия – экономика и жизнь, 1996, апрель.

[9] *Масанов Н.* Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии, 1996, № 1 (2). С. 55—60.

[10] В работе *клан* понимается в одном значении – как неформальный институт группировки и рекрутирования элит, в котором связующим началом выступают отношения родства, кумовства, землячества и т.д.

[11] *Музапарова Л., Карин Е.* Транснациональные корпорации в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ, 2000, №1(7). С. 104.

[12] Там же.

[13] *Назарбаев Н.А.* Идейная консолидация общества как условие прогресса Казахстана // Кзыл-Ординские вести, 1993, 21 октября.

[14] Там же.

[15] По словам Нурлана Амрекулова, «в условиях суверенизации республик и всегда непрозрачной приватизации государственной собственности... клан (в отличие от партий, профессиональных общностей и т.д.) вновь стал господствующей формой группирования элит центральноазиатских республик – как прочная, тысячелетиями господствовавшая форма выживания и кровно-родственной солидарности (идентификации) индивидов, выросших из внешне модернизированного коммунистами традиционного общества». См.: *Амрекулов Н.* Размышления о главном. Пути к устойчивому развитию. Алматы, 1998. С. 71.

[16] Подробно см.: *Хлюпин В.* Элиты Казахстана. Национальные качества или национальные количества? – www.navigator.kz, 2001, 30 января.

[17] С 1925 г. лидирующее положение среди казахстанской номенклатуры составляли выходцы именно из Старшего жуза. Этому весьма способствовал перенос в 1925 г. столицы республики из Оренбурга в Кзыл-Орду, на территорию Старшего жуза. Именно тогда начался активный «процесс насыщения аппарата обкома/крайкома, наркоматов и ЦИК представителями «кзыл-ординской», «сырдарьинской» партсовноменклатур» // Там же.

[18] По данным сайта www.asiopa.org.ru.

[19] Верховный суд втрое увеличил сумму штрафа для PetroKazakhstan // Panorama, 2004, №11, март.

[20] *Шелгунов В.* Токаев бросает перчатку Субханбердину // Центральноазиатский бюллетень, 2000, 29 февраля; *Шелгунов В.* Касым и Леонардо // Центральноазиатский бюллетень, 2001, 19 октября – на сайте www.eurasia.org.ru.

[21] Первый вице-президент ЗАО ННК «Казахойл» (ноября 1997 г. – февраль 2000 г.); президент ЗАО «КазТрансГаз» (февраль 2000 г. – январь 2001 г.); с января 2001 г. – вице-министр энергетики и минеральных ресурсов РК. С февраля 2001 г. – председатель совета директоров ЗАО «КазТрансОйл»; председатель совета директоров ЗАО НК «Транспорт нефти и газа» (май 2001 г. – февраль 2002 г.); с февраля 2002 г. – председатель совета директоров ЗАО НК «КазМунайГаз».

[22] В 1994 г. совместно с компанией «Landal C.A.», принадлежащей скандально известной «Trans World Group» (впоследствии менеджеры TWG были устранены со всех предприятий группы), группа Машкевича зарегистрировала на Виргинских островах компании «Ivedon International», «Japan Chrome Corporation», «Whiteswan Ltd.», получившие сначала в управление, а потом и в собственность все ведущие предприятия отрасли.

[23] *Поуп Х., Клауд Д.С.* Казахгейт. Не заплатишь – не получишь // Ведомости, 2000, 3 июля; *Бессон С.* Сенсационное досье – www.eurasia.org.ru, 2001, 8 октября; *Уиттел Д.* Президент обвиняется в присвоении 25 млн. фунтов стерлингов // Дайджест материалов международной прессы о коррупции в Казахстане / Сост. МакКей Э. Комитет «Права человека и свобода прессы в Центральной Азии». Канада: Монреаль, 2001. С. 106–108.

[24] «Казахгейт» возник более трех лет назад, когда следственные органы Швейцарии начали искать по запросу из Астаны зарубежные счета политического оппонента Назарбаева – экс-премьера Акежана Кажегельдина. Для официальной Астаны это расследование обернулось скандалом, так как вместо счетов Кажегельдина в швейцарских банках обнаружились секретные счета, принадлежавшие членам высшего руководства Казахстана.

[25] *Olcott M.B.* Kazakhstan: Unfulfilled Promise. Washington, 2002.

[26] *Seymour Hersh.* The oil price // New-Yorker, 2001, July 2.

[27] Известия, 1999, 15 декабря.

[28] *Фомин Н.* Березовский отмстил Назарбаеву // Центральноазиатский бюллетень, 2000, 27 января – на сайте www.eurasia.org.ru.

[29] *Музапарова Л., Карин Е.* Транснациональные корпорации в Казахстане... С. 104.

[30] Возглавляет СИИ глава государства, который осуществляет руководство его деятельностью, в том числе утверждает повестку и председательствует на заседаниях Совета. В рамках СИИ действуют четыре совместные рабочие группы – по вопросам налогообложения, законодательства, текущей деятельности иностранных инвесторов, повышения инвестиционного имиджа РК.

[31] Советы непостороннего. Нурлан Балгимбаев: «Организация управления государством должна носить системный характер» // Панорама, 08.02.2003.

[32] Kazakhstan today, 29.02.2004.

ОБ АВТОРАХ

Ардаев Владимир, журналист, в 1987—1998 гг. корреспондент газеты «Известия» в Казахстане, Москва.

Бектурганова Бажытжамал, доктор философских наук, президент Ассоциации социологов и политологов Казахстана, Алматы, Казахстан.

Борисова Екатерина, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва.

Докучаева Александра Викторовна, кандидат физико-математических наук, депутат Верховного Совета Казахской ССР XI созыва, одна из основателей и председателей (1994—1995 гг.) Республиканского движения «Лад» в Казахстане, в настоящее время заведующая отделом диаспоры и миграции Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ), Москва.

Жуков Станислав, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, Москва.

Косач Григорий, доктор исторических наук, профессор, Институт Стран Азии и Африки, Москва.

Куртов Аждар, президент Московского центра публичного права, Москва.

Либман Александр, научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований, Москва.

Ока Нацуко, научный сотрудник Института развивающихся экономик, Токио, Япония.

Пьянчола Никколо, докторант Университета Суор Орсола Бенинказа, Неаполь, Италия.

Своик Петр, директор учреждения «Демократическая экспертиза. Аналитическая служба Петра Своика», Алматы, Казахстан.

Фурман Дмитрий, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН, Москва.

Шац Эдвард, доцент кафедры политических наук Университета Южного Иллинойса, США.

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Фурман.
Сходства и отличия Казахстана и России.
(Введение) 3

Григорий Косач.
Казахский «образованный класс» в Российской империи 12

Никколо Пьянчола.
Казахские пастухи между коллективизацией и голодом.
1928–1934 79

Эдвард Шац.
Роль государства в устойчивости родовых связей в Казахстане 114

Владимир Ардаев.
Камень на распутье (декабрьские события 1986 г. в Алма-Ате) 133

Дмитрий Фурман.
Постсоветский политический режим Казахстана 178

Аждар Куртов.
Развитие конституционализма в Казахстане 272

Бахытжамал Бектурганова, Дмитрий Фурман.
Массовое сознание и религия в Казахстане и России 355

Александра Докучаева.
Русский фактор в политической жизни Казахстана 368

Нацуко Ока.
Государство – этническое меньшинство –
родина этого меньшинства (Русские, уйгуры и корейцы
в постсоветском Казахстане и к своей родине) 389

Петр Своик, Александр Либман.
Экономика Казахстана: достижения, перспективы, проблемы
(в сравнении с Россией) 406

Александр Либман.
Взаимодействие государства с национальными и иностранными
корпорациями в России и в Казахстане 451

Станислав Жуков.
Экономический опыт Казахстана: уроки для России 471

Екатерина Борисова.
Транснациональные корпорации в Казахстане 499